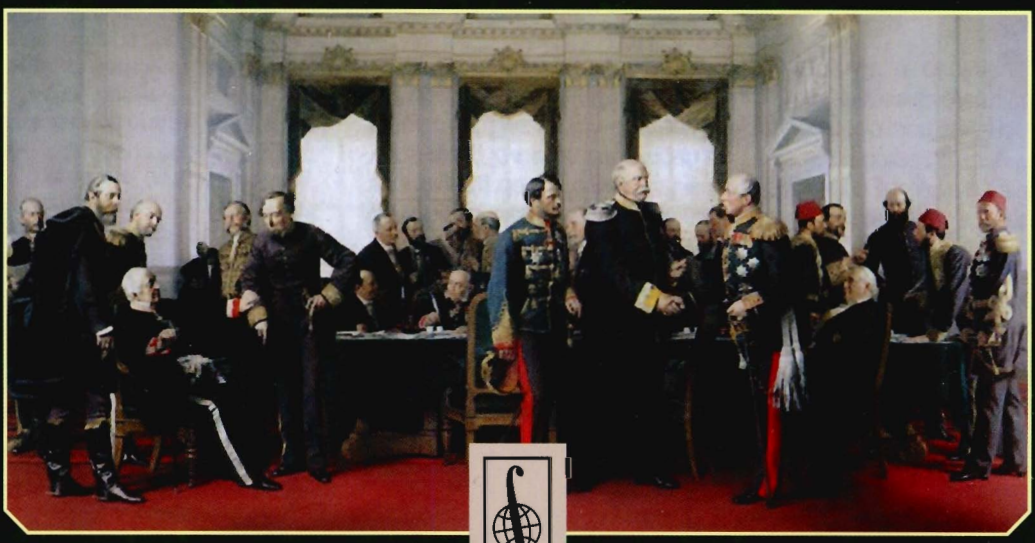
ИСТОРИЯ БАЛКАН

Судьбоносное двадцатилетие

1856–1878 гг.



URSS

inslav

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ИСТОРИЯ БАЛКАН

Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. Н. Виноградов

URSS
МОСКВА

ББК 63.3(0)5

Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (проект № 12–01–16021д)

Руководитель проекта: *И. Ф. Макарова*

История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / Отв. ред. В. Н. Виноградов. — М.: КРАСАНД, 2012. — 336 с.

Третья книга из серии «История Балкан» не случайно имеет подзаголовок «Судьбоносное двадцатилетие». Навязанные России после Крымской войны 1853–1856 гг. условия Парижского мира (1856) не выдержали испытания временем. В 1870 г. Россия отвергла запрет на содержание флота в Черном море, предусмотренный условиями этого документа. С этим была вынуждена согласиться Лондонская конференция держав (1871). Западные миротворцы стремились укрепить Османскую империю с помощью модернизации, которую они сводили к европеизации, не считаясь с традициями и реалиями исламского общества. Попытка реформ провалилась, Высокая Порта двигалась к упадку. Христианские государства на Балканах крепли. Восточный кризис 70-х гг. XIX в., закончившийся русско-турецкой войной 1877–1878 гг., привел к полному изменению сил в регионе. На Балканах начиналась новая эпоха.

Книга предназначена для историков, политологов, а также всех интересующихся историей Балкан.

В оформлении обложки использованы картины А. фон Вернера «Берлинский конгресс 1878 года» (первая сторона) и Э. Хильдебрандта «Храм Св. Софии в Константинополе» (обратная сторона)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07–01–00191а)

Издательство «КРАСАНД». 117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 70×100/16. Печ. л. 21. Уч.-изд. л. 27. Подписано в печать 02.11.2012. Зак. №

Отпечатано в ГУП Чувашской Республики «ИПК „Чувашия“» Мининформполитики Чувашии.
428019, г. Чебоксары, пр-т И. Яковлева, 13.

ISBN 978–5–396–00474–0

© Коллектив авторов, 2012
© Институт славяноведения РАН, 2012
© КРАСАНД, 2012

11017 ID 167001

9 785396 004740

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА
E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете:
http://URSS.ru
Тел./факс (многоканальный):
+ 7 (499) 724 25 45
URSS

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.

Содержание

Предисловие
(*В. Н. Виноградов*) 5

Трактат с печатью смерти на челе
(*В. Н. Виноградов*) 7

Порта и Танзимат
(*И. Ф. Макарова*) 16

Россия сосредотачивается,
неприятельская коалиция распадается
(*В. Н. Виноградов*) 43

Румыния при правлении А. Кузы
и под властью «чудовищной коалиции»
(*В. Н. Виноградов*) 49

Греция после Крымской войны. Революция 1862 года
(*Г. Л. Арш*) 64

Критское восстание. Социально-экономические
и политические сдвиги в Греции в 60—70 годы XIX века:
начало индустриализации
(*Г. Л. Арш*) 74

Болгары: возрождение
(*И. Ф. Макарова*) 84

Сербия в 60—70-е годы XIX века
(*А. В. Карасев, П. А. Искендеров*) 116

Черногория в 50—70-е годы XIX века
(*А. В. Карасев, П. А. Искендеров*) 130

Албания в 60—70-е годы XIX века:
реформы Танзимата, новые освободительные акции
(*Г. Л. Арш*) 139

Россия в борьбе за освобождение балканских народов
(*В. Н. Виноградов*) 149

Дипломатия великих держав в тупике Восточного кризиса
(*В. Н. Виноградов*) 163

Босния и Герцеговина в 60—70-е годы XIX века
(*Е. К. Вяземская, П. А. Искендеров, А. В. Карасев*) 177

Болгары: освобождение
(*И. Ф. Макарова*) 192

Сербия и Черногория на волне Восточного кризиса
(*А. В. Карасев, П. А. Искендеров*) 211

Греция в Восточном кризисе 70-х годов XIX века.
Освобождение греческих земель продолжается:
воссоединение Фессалии
(*Г. Л. Арш*) 235

Албанская (Призренская) лига
(*Г. Л. Арш*) 256

Румыния: от «индивидуальности» к союзу с Россией
(*В. Н. Виноградов*) 282

Румыния в войне за независимость
(*В. Н. Виноградов*) 288

Последняя русско-турецкая война 1877—1878 годов
(*В. Н. Виноградов*) 299

Заключение
(*В. Н. Виноградов*) 328

Предисловие

Данная книга является третьей в издаваемой Институтом славяноведения РАН серии трудов, посвященных истории Балкан XVIII–XIX вв. Два предыдущих тома — «История Балкан. Век восемнадцатый» (М., 2004) и «История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)» (М., 2012). Двадцать два года, последовавшие за Крымской войной (1853–1856), коим посвящена настоящая монография, — историческая веха, воистину судьбоносная в истории полуострова.

В англоязычной литературе Крымская война, со стороны воевавшей против России коалиции, наделяется самыми нелестными эпитетами: ненужная, бесславная, бессмысленная и даже глупая. Ее результаты для союза Великобритании, Франции, Турции, Сардинского королевства и примкнувшей к нему по дипломатической линии Австрии оказались совсем не теми, что ожидались. Предполагалось нанести удар сокрушительной силы по позициям России на Балканах и в Османской империи и тем самым подорвать ее положение в Европе и упрочить державу султана путем проведения в ней реформ. Для этой цели самодержавию по Парижскому договору 1856 г. навязали запрет на содержание военного флота в Черном море, чтобы воспрепятствовать возможным его прорывам в Средиземное, на морские пути Британской империи. На самом деле нужды в подобном запрете не существовало, берега Босфора и Дарданелл были оснащены турецкими тяжелыми орудиями, и прорыв даже мощного британского флота (подобным которому Россия не обладала, броненосная эскадра в Севастополе появилась лишь в середине девяностых годов) был обречен на неудачу. На самом деле Россию с помощью так называемой нейтрализации Черного моря собирались лишить возможности защищать свои южные морские рубежи.

Отечественная дипломатия во главе с однокашником Пушкина по Царскосельскому лицею князем А. М. Горчаковым решительно отбросила основанный на традициях Священного союза николаевский курс на поддержание монархических режимов на охранительных началах, считая своей важнейшей задачей отстаивание интересов страны и обеспечение внешних условий для преобразований, осуществлявшихся в период царствования Александра II.

Османскую империю западные державы собирались укреплять под знаком доктрины статус-кво — сохранения ее власти и влияния на Балканах и введения некоторых европейских правовых норм, включая равноправие жителей, независимо от религиозной принадлежности. Модернизацию они мыслили только на путях европеизации. Об этом говорилось в султанском Хатт-и хумайуне 1856 г. и упоминалось в Парижском мирном договоре, т. е. фиксировалось в акте международного значения. В то время на Западе понимание того, что цивилизация развивается разными путями, включая исламский, еще не вошло в обиход общественного сознания. Турецкие власти и духовенство враждебно восприняли преобразования, мусульманская масса населения не считала «неверных» христиан ровней себе в правах и игнорировала гяурские увлечения султана. Немногочисленные турецкие реформаторы оказались не в состоянии преодолеть инерционный менталитет соотечественников. Вместо укрепления Высокой Порты наступила пора ускоренного ее ослабления. Напротив, несмотря на все препоны, христианские государственные формирования крепли и наращивали силы. Дунайские

княжества, Молдавия и Валахия объединились, образовав Румынию. Быстро обретала самостоятельность Сербия. В 1866 г. она бросила вызов всей системе османского господства, инициировав создание Балканского союза. Первый блин вышел комом, союз потерпел неудачу. Но ведь следовало ожидать новых попыток. Независимое Греческое королевство пополнилось островами Ионического архипелага. Болгария обрела национальную церковную организацию.

Давно прошли те времена, когда христианские представители, даже будучи в высоком ранге, смиренно отвешивали в султанских и великовизирских покоях земные поклоны. Теперь князья Румынии и Сербии удостаивались в Стамбуле высоких орденов и принимали в подарок украшенные драгоценными камнями сабли. Но не в подачках султанского двора нуждались славяне, а в свободе. Все горше и одиознее становилась зависимость от одряхлевшей и захиревшей державы, отягощенной фантастическим по размеру государственным долгом, утратившей контроль над собственными финансами.

Антироссийская коалиция держав «расползлась» по швам еще на Парижском конгрессе в спорах вокруг объединения Молдавии и Валахии и образования Румынского государства. Оформились две группировки держав — вовсе не по признаку их роли в войне. В одну входили Франция, Россия, Пруссия и Италия, в другую — Великобритания, Турция и Австрия. В 1859 г. Франция и Италия воевали с Австрией и сократили ее балканские аппетиты.

Россия не оказалась в международной изоляции, подтвердились слова Екатерины Великой: Европа больше нуждается в России, чем Россия в Европе. Первым соискателем дружбы с ней выступил император французов Наполеон III, балканские претензии которого уступали австрийским и не столь тревожили Петербург. Россия лишилась права на покровительство над православными подданными султана, все христиане ставились под коллективную гарантию держав. Но она оставалась в глазах православных единственной противницей доктрины статус-кво и их опорой в борьбе за национальное освобождение. Крепло сознание, что лишь новая русско-турецкая война позволит христианам добиться цели. Поэтому расчеты Запада на падение ее влияния были шиты белыми нитками. В 1871 г. Горчакову удалось добиться отмены запрета на содержание военного флота в Черном море. С полной очевидностью обозначился провал затеянных в Турции реформ на европейский манер.

Российская дипломатия столкнулась со сложностью и запутанностью территориальных противоречий в регионе, вскоре превративших его в «пороховой погреб Европы». В ходе последней русско-турецкой войны 1877—1878 гг. России реально угрожало столкновение с коалицией Великобритании, Турции, Австро-Венгрии и Румынии.

На Берлинском конгрессе 1878 г. Россия встала одна против всех. Но было стерто все, что еще оставалось от Парижского трактата 1856 г.: возвращена Южная Бессарабия, присоединены Карс, Батум и Ардаган в Закавказье, поставлен крест на пресловутой доктрине статус-кво, удалось достичь международного признания государственной независимости Румынии, Сербии и Черногории, решить в пользу России вопрос о развитии христианских областей Юго-Восточной Европы, восстановить после почти полутысячелетнего небытия государственность болгарского народа. Османской империи был нанесен удар, от которого она оправиться уже не могла.

Обо всем этом, а также о триумфе и драме победителя в войне 1877—1878 гг. повествует наша книга.

Трактат с печатью смерти на челе

Участник Парижского мирного конгресса француз Ф. Буркне с некоторым удивлением заметил, что для всякого пришедшего со стороны было бы трудно решить, кто же здесь победитель, а кто побежденный. Смиренный лик никак не подходил к первому российскому уполномоченному князю Алексею Федоровичу Орлову. Огромного роста, импозантный, он излучал уверенность в себе. А за плечами — подписание двух славных победоносных договоров, Адрианопольского (1829) и Ункяр-Искелесийского (1833). Его «доверительные беседы» за чашкой кофе с императором французов Наполеоном III вызывали у британцев тревогу. И было от чего.

Англия — исконный враг России. Соперничество между ними начиналось с Балкан и шло по порубежью до Афганистана. Центр столкновения интересов — проливы Босфор и Дарданеллы. Важно предотвратить прорыв Черноморского флота на просторы моря Средиземного и его появление на морских артериях Британской империи, а там недалеко и до Индии. Отсюда особое внимание владычицы морей к турецкому султану, служившему сторожем оных путей, и оказываемое ему покровительство, запечатленное в доктрине статус-кво о неприкосновенности территории и власти Османской державы в Юго-Восточной Европе. У России — огромная сухопутная армия, у Англии таковая по большому счету отсутствовала, да притом значительная часть ограниченных сил была прикована к Ирландии и Индии по причине возможных там волнений. Нанести решающий удар северному гиганту нечем, на парусных кораблях в Москву не поплывешь. Но и Англия на своих островах для армии противника недостижима. «В своем соперничестве друг с другом Британия и Россия представляли вошедшую в поговорку схватку между слоном и китом» [1] В ином варианте — между волком и акулой.

В середине тридцатых годов Британия перешла в наступление по всем направлениям, кроме военного — по экономическому, политическому, идеологическому. Она располагала неисчерпаемыми кредитными возможностями, обладала набором нужных Турции промышленных изделий и лакомым рынком для поступавшего сельскохозяйственного сырья из Османской империи. Турецкие реформаторы с вожделением присматривались к английской конституционной системе. Россия в ответ не могла предложить ничего. Пустая казна, отсталая промышленность, одиозный самодержавный политический строй. В 1838 г. по торговому договору Англия получила свободу рук на турецком внутреннем рынке благодаря низким таможенным ставкам на ее товары. Позиции России в Османской империи трещали по всем швам. Известна унылая констатация Николая I насчет «состояния ничтожества, в которое приведена Османская империя англо-французским всемогуществом» [2]. В Лондоне, однако, достигнутые результаты

---

[1] *Jelavich B.* British Means of Offence against Russia in the Nineteenth Century. Russian History. 1977. 1, 2. P. 120.

[2] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1292. № 6. Л. 68.

представлялись зыбкими и преходящими. Здесь хорошо помнили русско-турецкую войну 1828—1829 гг., основательно расшатавшую систему османского господства на Балканах. Решающий успех в соперничестве с Россией, ее вытеснение из региона могли быть достигнуты только на поле брани. Нужен был союзник с большой армией, который мог прямо угрожать России, а в случае нужды «и жертвовать своими людьми во имя того, что могло быть прежде всего британскими интересами» [3]. Долгое время, целые десятилетия, подобного охотника не находилось. Самодержавие не предъявляло территориальных претензий ни к одному из соседей, из-за чего же было с ним драться? Пруссия Гогенцоллернов находилась в тесном союзе с Романовыми. А австрийским Габсбургам Николай I помог в 1849 г. подавить венгерскую революцию, и они должны были, по человеческим представлениям, испытывать к царю благодарность.

Князь К. Меттерних, 40 лет управлявший Австрийской монархией, сознавал важность сотрудничества с царем в делах охранительных, без союза с ним, глядишь, и «антикварный комод», как Наполеон III называл Австрию, развалится [4]. Зону Нижнего Дуная он считал жизненно важной для Вены, но задачу вытеснения оттуда русских возлагал на британцев, а сам, гласно, пребывал в друзьях у самодержца.

Преемники пустили по ветру его наследство. Князю Ф. Шварценбергу принадлежат слова: «Дни принципов миновали», — и еще более определенные: «Вена удивит мир своей неблагодарностью» [5].

Действительно удивила — мало кто ожидал, что в канун войны она открыто перебежит на сторону неприятелей России. Молодой кайзер Франц Иосиф до войны делился со своей матерью, эрцгерцогиней Софией, мыслями относительно выгод, которые можно извлечь из назревшей «восточной заварухи»: «Наше будущее — на востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере. Медленно, желательно незаметно для царя Николая, но верно мы доведем российскую политику до краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе, и наш естественный противник на Востоке — Россия» [6] Одинокому рыцарю монархической солидарности Николаю Павловичу оставалось лишь проклинать австрийского канцлера К. Ф. Буоля, перебежку осуществившего («он что, рехнулся?», «мерзавец», «каналья!»). Но вовлечение Дунайской монархии в лагерь противников России не решало главной задачи — дополнения британской морской мощи мощью сухопутной. Многонациональная, расшатанная революцией махина с перессорившимися этносами и пустой казной не могла поставить необходимые штыки. Существовали сомнения — наскребет ли она денег хотя бы на мобилизацию. Наконец, венская дипломатия пользовалась дурной репутацией (гнездо интриг и козней) и отличалась способностью уклоняться от принятых на себя обязательств (она обманула и союзников по Крымской войне, не двинув в места, не поставив солдат на поле боя).

Приход к власти во Франции Луи Наполеона Бонапарта вроде бы не сулил Уайт-холлу ничего доброго. Многие годы он провел в эмиграции в Англии и заслужил репутацию транжиры, ловеласа и интригана. Череда любовниц

---

[3] *Jelavich B.* Op. cit. P. 121.

[4] *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 95.

[5] Там же. С. 92.

[6] *Шиндлинг А., Циглер М.* Кайзеры. Ростов-на-Дону. 1997. С. 433.

шокировала двор королевы Виктории. Учиненные им дважды, в Ниме и Булони, попытки государственного переворота во Франции отдавали чем-то опереточным, его не поддержали даже местные гарнизоны. Но имя являлось его козырем, он добился избрания президентом Франции, а затем провозглашения его императором. Склонный к самодеятельности глава Форин-офиса Г. Д. Пальмерстон поспешил признать свершившееся, чем так разгневал королеву, что ему пришлось отказаться от печатей ведомства. Принц-супруг Альберт был возмущен допущенным после переворота присвоением имущества Орлеанской династии («это преступление вопиет к небесам!»). И, главное, сама фамилия Бонапарт рождала мысли о реванше за Ватерлоо.

Но первые же шаги парижского выскочки заставили британский истеблишмент задуматься. Луи Наполеон считал союз с Англией краеугольным камнем своей внешней политики. Честолюбивые замыслы насчет перекройки карты Европы и колониальные предприятия были мыслимы, по его мнению, лишь с санкции владычицы морей. Он предписал послу в Лондоне А. Валевскому участвовать в церемонии похорон фельдмаршала А. Веллингтона, злейшего врага своего дяди. На Даунинг-стрит это сочли добрым знаком — на штурм договоров 1814 и 1815 гг. новый обитатель Тюильрийского дворца идти не собирается. К реваншу он подбирался с другой стороны. Не существовало для этого лучшего варианта, нежели отмщение России за 1812 г.; и развязать войну надлежало с толком, не в центре Европы, посягать на Венскую систему договоров маленькому Наполеону не позволили бы. Иное дело — ближневосточный вариант. Здесь Россия останется в одиночестве. Французы извлекли из архива забытый султанский фирман 1740 г., поручавший заботу о Святых местах в Палестине католическому духовенству[7]. Сие означало изъятие храмов в Иерусалиме и Вифлееме из ведения православной церкви. Царь оказался в затруднительном положении, влияние самодержавия в Османской империи стремительно шло на убыль, единственным законным рычагом для его поддержки являлось зафиксированное в Кючук-Кайнарджийском (1774) и последующих договорах право петербургского двора на покровительство православным подданным султана. Но хорош покровитель, неспособный обеспечить зафиксированное в международных актах право даже в почитаемых храмах!

Англичане сперва довольно спокойно следили за завязавшимся спором о Святых местах и признавали, что агрессивной стороной в нем выступает французская. Потом наступило прозрение. Конфликт явно имел земное притяжение, Париж вел дело к военному столкновению, А. Валевский вполне прозрачно намекал на то в Лондоне: «Мы заключим союз как для переговоров, так и для действий, переходя и предвидя возможность войны»[8]. Британия уже 20 лет вела успешный, но медленный подкоп под позиции самодержавия в Османской империи. Теперь ей предлагали заменить длительную осаду стремительным штурмом с участием прославленной французской пехоты и с перспективой быстрого вытеснения царизма с Балкан. В первый и последний раз в XIX столетии на арене появлялась та сухопутная армия, которой прежде так не доставало Британии в ее соперничестве с самодержавием. Английская мощь на морях объединялась с французской сухопутной. И делом техники являлось претворение возможности в действительность. Николай I, витая в облаках монархической

[7] См.: История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 50, 81.

[8] *Mange A.* The Near Eastern Policy of Emperor Napoleon III. Urbana, 1940. P. 140, 139.

солидарности, твердо верил в лояльность облагодетельствованного им юного Франца Иосифа; еще более опасным было его убеждение в том, что Англия оружия против него не поднимет. В недобрый час вздумал он добиваться права покровительства над православным подданным султана. Ответом явилась война, вошедшая в историю под именем Крымской[9].

* * *

Война ознаменовалась 349-дневной обороной Севастополя. Мир был потрясен стойкостью и мужеством солдат, матросов и офицеров, защищавших его бастионы. Дань глубокого уважения им отдавали враги: «История засвидетельствует непреходящую предприимчивость русских, их неизменную отвагу, их терпеливую стойкость, искусство их инженеров, храбрость и мастерство генералов». И это говорилось в британском парламенте[10].

Но война продемонстрировала и другое — системную отсталость России, коснувшуюся и армии. Она сражалась устаревшим оружием. Несмотря на солдатскую отвагу, не удалось одержать верх ни в одном полевом сражении. Неравенство морских сил было потрясающим. У неприятеля — 130 линейных кораблей, 138 паровых и парусных фрегатов, 281 пароход против 43, 48 и 24 судов подобного класса у России[11]. Владычица морей нападала на российские берега в Черном, Балтийском и Белом морях и на Тихом океане. Повсеместно нападающие получали отпор, но оборона оттягивала от Крыма громадные силы. В 1855 г. по берегам Финского залива и в Прибалтике была сконцентрирована армия в 300 тысяч штыков.

Война 1853—1856 гг. занимает особое место в истории военного искусства. Поражение обычно наступает после разгрома армии и даже занятия столицы проигравшей стороны. Здесь не было ни того, ни другого. Союзники заняли половину небольшого города Севастополя (40 тысяч жителей в мирное время) и остановились, вглубь России они броситься не решились, военного истощения страны не произошло. Но ряды защитников Севастополя таяли. Потери во время бомбардировки в августе 1855 г. достигали двух тысяч человек в день. Переломить ход военных операций не удавалось. Молодой государь Александр Николаевич мучительно переживал драму защитников крепости и, желая «положить конец сей ужасной бойне», высказался за решительное сражение. Главнокомандующий, князь М. Д. Горчаков, в успех его не верил и был полон самых мрачных предчувствий: у противника — 40 тысяч солдат и офицеров на укрепленных позициях и еще 28 тысяч в ближайшем резерве, у него самого — 49 тысяч[12]. Горчаков в письме военному министру предвидел потерю 10—15 тысяч человек и утрату Севастополя. 4 (16) августа Горчаков дал бой у Черной речки. Атакующие были повсеместно отбиты соединенными силами французов, англичан, сардинцев и турок. Погибли 11 генералов, 250 офицеров, 8 тысяч «нижних чинов». Потери неприятеля составляли 1800 человек [13]. 27 августа (6 сентября) после шестой бомбардировки Севастополя последовал общий штурм. Французам

---

[9] Подробно см.: *Виноградов В. Н.* Николай I в «крымской ловушке», а союзная коалиция на пути в никуда // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны.). М., 2012.

[10] Parliamentary Debates. 3-rd Ser. V. 144. P. 1963.

[11] *Горев Л.* Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955. С. 49.

[12] *Добровин Н. О.* 349-дневная защита Севастополя. СПб., 2005. С. 238, 239.

[13] Там же. С. 249.

удалось захватить Малахов курган — высоту, господствующую над городом. Британцы трижды атаковали Большой редан (3-й бастион). Но всякий раз отступали под убийственным огнем его защитников, устилая поле трупами. Той же ночью Горчаков переправил войска на северную сторону города. Южная пылала — сохранившиеся после прежних обстрелов дома были взорваны и подожжены, последние суда Черноморского флота затоплены в бухте.

Наступила своего рода патовая ситуация. Союзные командующие, генералы Ж. Ж. Пелисье и Д. Симпсон, заняв половину небольшого города, считали попытку прорыва на просторы России безнадежной авантюрой. Кабинетные стратеги, в изобилии водившиеся в Лондоне, упрекали «старую лису» (Симпсона) в пассивности и бездеятельности. Тот, действительно, звезд с неба не хватал, скромно оценивал свои полководческие способности и даже пытался отказаться от командования, но передавать его было решительно некому. Пелисье критике не подвергался, а в Петербурге стали все с большим вниманием ловить вести о ширившейся трещине во взаимоотношениях двух главных неприятелей. Премьер-министр Г. Д. Пальмерстон был готов продолжать войну до последнего французского солдата (а потери в Крыму составляли у французов 70 тыс., а у англичан — 22,7 тыс., у турок — 30 тыс. человек). Он писал брату, занимавшему пост посланника в Неаполе: «На нас надвигается подлинная опасность, опасность мира» [14].

Наполеон полагал, что навоевался достаточно. Пресса представила занятие половины Севастополя как достойный реванш за 1812 г. Парижский парвеню превратился в первого государя Европы. Существовали основания надеяться на обретение прочных позиций в Дунайских княжествах, где сторонники их объединения, унионисты, были его пламенными поклонниками. Лить дальше кровь во имя прочного утверждения Британии в Османской империи не имело смысла. Бонапарт счел нужным выразить свои соболезнования в связи с кончиной царя Николая, которого он, как обнаружилось, высоко ценил. В октябре 1855 г. англичане узнали пренеприятнейшую новость: министр финансов доложил Наполеону, что денег на войну едва хватит до следующей весны. Император не желал раздражать общественность, прибегая к новым займам или повышая налоги, а потому предложил британцам вдвое сократить силы в Крыму и перейти там к обороне. Это могло означать одно — Наполеон стремился к миру. Навестивший Париж глава Форин-офиса Д. Кларендон привез оттуда неутешительные вести. Он писал жене: французы, включая императора, «рехнулись на почве страха и жульничества» и желают покончить с войной как можно скорее. «Все, кроме Джона Буля, жаждут мира». Склонный к фанфаронству премьер-министр Г. Д. Пальмерстон объявил было, что Британия и в одиночку продолжит схватку с русским медведем [15]. Никто не обратил внимания на его декларацию. В глубокой тайне завязался обмен мнениями между близким к императору графом Ш. О. Морни и послом в Вене А. М. Горчаковым.

В Петербурге пришли к мнению: шансов на победу никаких. Участие в боевых действиях Сардинии, союз Швеции с Францией и Англией, угрожающая позиция Австрии, пессимистические донесения генерала М. Д. Горчакова из Крыма, тяжелые потери армии, финансовое истощение страны — все это

---

[14] *Seton-Watson R. W.* Britain in Europe. Cambridge, 1939. P. 359.

[15] *Maxwell H.* The Life and Letters of G. Clarendon. V. 2. L., 1913. P. 102–104; *Conacher J. B.* Britain and the Crimea 1855–1856. L. etc 1987. P. 29, 124–125.

заставляло искать мирного решения. Государственный долг достиг 800 миллионов рублей, на его погашение в дальнейшем ушло 15 лет. И что тревожило царя и его окружение больше всего — это необходимость обновления России, и в первую очередь — отмены крепостного права. Продолжение войны грозило стагнацией всей экономической и социальной жизни. Военное лихолетье — самое неподходящее время для осуществления реформ.

* * *

Мирный конгресс открылся в Париже 25 февраля 1856 г. Отечественная историография, начиная с первого издания «Истории дипломатии» (1941) склонна была придавать особое значение той поддержке, которую Наполеон оказывал российской делегации. А. Ф. Орлов достигал договоренности в беседах за чашкой кофе с Луи-Наполеоном, опытный карьерный дипломат Ф. И. Бруннов закреплял его на тяжелых официальных заседаниях, на которых свирепствовал руководитель британского ведомства иностранных дел граф Д. Кларендон: «Собеседник Орлова склонен был всецело пойти ему навстречу», и отсюда — «сравнительно сносные условия мира» [16].

С последним согласиться трудно. Действительно, Наполеон и ставший министром иностранных дел А. Валевский выглядели голубями на фоне «ястреба» Д. Кларендона. С их помощью удалось отбиться от некоторых притязаний экстремистов: от нейтрализации не только Черного, но и Азовского моря, от срытия укреплений Николаева, разрушения фортов вдоль Кавказского побережья. Британцам и австрийцам не удалось наложить запрет на постройку на Черном море больших пароходов, могущих быть переоборудованными в крейсера, и осуществить программу-максимум в отношении отторгаемых земель в Бессарабии, о чем особенно настойчиво хлопотали венцы. Тихо скончалась совсем уж блажная идея — отодвинуть российскую границу до реки Кубань и учредить на Кавказе государство Черкессию (причем, основные ходатаи, британцы, смутно представляли, кто населяет этот край и кого следует «освободить» от невыносимого московского ига) [17]. Разгоревшиеся австро-британские аппетиты явно не соответствовали скромным результатам военных действий коалиции, которой удалось зацепиться за крошечный участок земли на российской окраине. В одной из бесед с Кларендоном Наполеон воскликнул: «Я, право, не знаю, где вы остановитесь (в своих притязаниях. — *В. В.*)». Да, кое в чем Наполеон помог россиянам, но он мог позволить себе лишь легкое фрондирование в отношении британцев, союз с Англией ценился превыше всего. Инструкция Валевскому гласила: «Я хочу мира, но хочу, чтобы мир обошелся русским дорого. Я хочу далее, чтобы союз пережил мир» [18]. Вся деловая Франция считала, что ссора с соседкой за Ламаншем приведет страну к разрухе.

И Россия, действительно, дорого оплатила мир. Самодержавие лишилось права покровительства над Молдавией, Валахией и Сербией, а также особых прав в отношении православного населения Османской империи, которое было поставлено под коллективную гарантию держав. Россия потеряла три южных уезда Бессарабии и вместе с этим доступ к водному пути Дуная. Об этом откровенно говорилось во время прений в британской палате общин: разграничение

[16] История дипломатии. Т. 1. М., 1941. С. 458, 460.

[17] Parliamentary Debates (PD) 3-rd Ser. V. 141. P. 2047.

[18] *Conacher J. B.* Op. cit. P. 166, 191, 199, 51; *Mange A.* Op. cit. P. 45; PD. V. 141. P. 2047.

в Бессарабии «полностью освобождает Россию от всяких забот в устье Дуная и значительной части реки Прут». Трактат подтверждал установленный лондонскими конвенциями о проливах 1840 и 1841 гг. запрет на прохождение Босфора и Дарданелл военными кораблями.

Самым тяжелым для России условием являлся наложенный трактатом запрет на содержание в Черном море военного флота. Формально нейтрализация бассейна, как это именовалось, касалась и Турции. Но сие являлось чистейшим лицемерием, ибо та в случае нужды могла за пару суток перебросить суда из Средиземного моря в Черное.

Существовала в Парижском трактате и 9-я статья, с которой Орлов не только соглашался, но и пытался дать ей расширительное толкование [19]. В ней державы приветствовали изданный султаном Хатт-и хумайун (августейшее начертание от 18 февраля 1856 г.), в котором провозглашалось гражданское равноправие его христианских подданных с мусульманами.

Несколько слов о появлении на свет этого документа. Османская империя находилась в жесточайшем кризисе, и ее покровители полагали, что спасти ее можно лишь на путях модернизации государственного и общественного строя с помощью реформ по европейскому образцу, которые тогда признавались единственно возможным путем к прогрессу. Послы Англии и Франции оказали сильнейшее давление на султана Абдул Меджида и побудили-таки его издать Хатт-и хумайун. На самом конгрессе великий визирь Али-паша тщетно пытался воспрепятствовать упоминанию указа в тексте трактата, что превращало хатт в международное обязательство и означало открытое вмешательство во внутренние дела Высокой Порты. Поскольку Россия всегда выступала за расширение прав христиан, Орлов не только поддержал статью, но и пытался сделать ее (без успеха) более обязательной для турецкой стороны, имея в виду, что претворение реформ в жизнь ослабит власть Высокой Порты на Балканах.

Навязав России тяжелый мир, союзники на том не остановились. 15 апреля, по инициативе Лондона и Вены они заключили англо-австро-французскую конвенцию, которая гласила: «Высокие договаривающиеся стороны гарантируют, совместно и порознь, независимость и целостность Оттоманской империи, зафиксированные в Парижском договоре. Любое нарушение положений указанного договора державы будут рассматривать как казус белли» [20]. Это был бессрочный антироссийский союз во имя безнадежной цели — сохранения разваливавшейся державы султана. Даже в «матери всех парламентов» раздался недоуменный и возмущенный голос графа Грея по поводу «бесстыдства», с коим Великобритания обязывалась «безгранично во времени и независимо от каких-либо обстоятельств поддерживать рушащуюся и обреченную империю». А. Е. Мэнж уверяет, будто Наполеон «неохотно подписал конвенцию». Но ведь подписал же, вопреки собственным интересам и в угоду Англии [21].

История зло посмеялась над западными миротворцами, пытавшимися соорудить подпорки вокруг разваливавшейся султанской храмины. В трактате обнаружились две ахиллесовы пяты, обрекшие его на быстрое, в историческом

---

[19] Текст Парижского мирного договора см: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 333–340.

[20] *Шеремет В. И.* Османская империя и Западная Европа. Вторая половина XIX века. М., 1986. С. 258–259.

[21] PD. 3-rd Str. V. 130. P. 1264; *Mange A.* Op. cit. P. 47.

плане, исчезновение. М. П. Погодин еще в мае 1856 г. задавал вопрос: «Чем же вы прикажете России защищать свои берега без флота, без крепостей, без арсеналов?». И давал ответ: «...Пьеса еще не вся; опустился занавес по окончании одного действия. Игра не прекратилась, а игроки после партии обменялись между собой местами и расселись иначе, ожидая новой задачи. Вопрос восточный не решен...». «Настоящий мир есть во всяком случае временный, перемирие вследствие истощения средств у воюющих сторон, по обороту общественного мнения или по другим внутренним обстоятельствам, коих мы, посторонние наблюдатели, ни оценить, ни заметить не можем» [22].

Великую державу лишили возможности защищать свои берега, обеспечивать свою безопасность. Ни одна страна, обладающая чувством самоуважения и собственного достоинства, с подобным попранием своего суверенитета смириться не может. Много лет спустя О. Бисмарк писал: «Стомиллионному народу нельзя навсегда запретить осуществлять естественные права суверенитета над принадлежащим ему побережьем» и подвергать его «невиданным унижениям» [23]. Навязанная России нейтрализация Черного моря прекратила существование в 1871 г. усилиями отечественной дипломатии во главе с князем А. М. Горчаковым.

Химерой обернулась попытка западных миротворцев укрепить Османскую империю с помощью реформ по европейскому образцу. Сама мысль представлялась им заманчивой, они не понимали тогда, что мировая цивилизация развивается разными потоками, включая христианско-европейский и исламский. Не только западные идеологи, но и турецкие реформаторы процесс модернизации сводили к европеизации. Появилась идея единой османской нации из подданных разной веры и языка. Февральский Хатт-и хумайун 1856 г., провозгласивший гражданское равноправие христиан и мусульман, должен был стать базой нового османского социума. При этом игнорировалась несопоставимость менталитета у двух его составляющих. 400 лет христиане состояли на положении райи (стада по-арабски), но жили своим миллетом (общиной) по заветам Евангелия и своему обычному праву. Духовно они никогда не подчинялись чужеземному владычеству, никогда не забывали о существовании в Средние века королевства Неманичей у сербов, двух болгарских царств, княжества Штефана Великого у молдаван и Михая Храброго у валахов, и великой греческой Византийской империи. Османская держава была для них не матерью-родиной, а злой мачехой, и никакие росчерки пера падишаха не могли загнать их под крышу османизма.

В штыки встретили идею реформ на гяурский лад не только муллы, кади, муфтии, ученики медресе, старая турецкая знать, но и миллионная масса мусульман, не желавшая стать ровней неверным кяфирам. Жившая по законам Корана и шариата, не имевшим ничего общего с европейскими понятиями разделения властей, гражданского равноправия, выборности аппарата управления, свободы совести, она отвергала Хатт-и хумайун. Отсюда его печальная судьба [24]. Реформы удалось провести лишь в Стамбуле и ближайших к нему вилайетах. В той небольшой степени, в которой их удалось осуществить, ими воспользовались христиане — но не для слияния с мусульманами в османской нации, а для рас-

---

[22] *Погодин М. П.* Комментарий к Парижскому трактату // *Добровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 343, 342.

[23] *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940. С. 97.

[24] Подробнее см. главу И. Ф. Макаровой «Порта и Танзимат».

шатывания власти султаната, укрепления своей самостоятельности, ослабления уз, связывавших их с Высокой Портой. И при самом появлении пресловутого акта, граф Грей говорил в палате лордов: «Хатт не явился добровольным актом со стороны султана. Это была мера, исторгнутая послами Англии и Франции», и, «если претворение в жизнь фирмана оставить за Турцией, он не стоит той бумаги, на которой написан». Что же касается христиан, то они ждут не дождутся времени, когда произойдет свержение власти Высокой Порты[25].

[25] PD. V. 141. P. 225–226.

Порта и Танзимат*

9 января 1856 г. в доме великого визиря Али-паши состоялась встреча министра иностранных дел Османской империи Фуад-паши и хозяина дома с дипломатическими представителями западноевропейских держав — Англии, Франции и Австрии. Речь шла о необходимости издания указа, который подтвердил бы приверженность Порты политике реформ в целом и защите интересов турецких христиан в частности. Обнародование этого документа должно было, по замыслу западных дипломатов, явиться эффективным средством против соответствующих инициатив России в ходе предстоящего обсуждения текста мирного договора. Итогом этой встречи и стало появление на свет 18 февраля 1856 г., т. е. за неделю до открытия в Париже международного конгресса, знаменитого султанского указа, вошедшего в историю как Хатт-и хумайун.

Формально авторство этого хатта принадлежало османскому органу — Высшему совету по реформам, но, судя по дипломатической переписке тех лет и признаниям самого Али-паши, его вдохновителем и истинным создателем был британский посланник Стрэтфорд Каннинг (он же лорд Рэдклиф) [1]. Причины столь высокой степени заинтересованности Запада (и прежде всего Англии) в появлении данного документа обуславливались не только стремлением ослабить позиции России в восточной части Средиземноморья, но и необходимостью обеспечить защиту собственных стратегических и экономических интересов. Поскольку гарантом сохранения политической стабильности в регионе объективно продолжала оставаться Османская империя, на повестку дня естественным образом вставала проблема дальнейшего сохранения ее территориальной целостности. Основная ставка была сделана на кардинальную модернизацию и европеизацию страны. Конкретным воплощением представлений европейцев о мерах, необходимых для вступления Османской империи на путь прогресса, и стал обнародованный в феврале 1856 г. хатт.

По информации русского посланника в Константинополе князя А. Б. Лобанова-Ростовского, в основе Хатт-и хумайуна лежала «утопическая мысль» лорда Рэдклифа о возможности внутренней гомогенизации империи посредством слияния всех этносов в единое целое на принципах единого гражданства и государственного патриотизма [2]. В практической плоскости эта идея была призвана способствовать созданию социальных, политических и экономических условий, благоприятных для формирования новой исторической общности — полиэтнической и поликонфессиональной по своему составу османской нации.

В современной историографии роль концепции «османизма» в реформировании оттоманского общества оценивается чрезвычайно высоко. Как показало

---

* В главах И. Ф. Макаровой использован материал из ее монографии «Болгары и Танзимат» (М., 2010).

[1] Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 273; Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 155.

[2] Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 2. С. 154–155.

специальное исследование И. Л. Фадеевой, идеи подобного рода не были чужды правящей верхушке империи и до появления на свет Хатт-и хумайуна[3]. Элементы их можно обнаружить уже в период правления султана Махмуда II (1808—1839). В 40-е гг. XIX в. последовательным приверженцем идеи «слияния наций» был великий визирь Решид-паша. После Крымской войны (1853—1856) эту эстафету подхватили его бывшие протеже — Али-паша (1815—1871) и Фуад-паша (1815—1869), неоднократно занимавшие пост великого визиря и министра иностранных дел. Оба они не разочаровались в этой концепции до конца своих дней. О преданности Али-паши идеалам концепции османизма свидетельствуют, в частности, принадлежащие его перу документы — докладная записка султану Абдул Азизу I (1867) и так называемое политическое завещание (1871)[4]. В докладной записке, написанной в 1867 г. в дни Критского восстания, он особо подчеркивал, что только «слияние всех подданных (за исключением чисто религиозных дел) является единственным средством для устранения существующей между различными нациями ревности и для отвода угрожающих нам опасностей»[5], т. е. от распада страны на мелкие национальные образования.

Что касается 1856 г., опасность этой угрозы была не менее актуальна, чем в 1867 г. В результате Крымской войны положение Османской империи можно с полным основанием назвать плачевным. Держава-победительница практически полностью потеряла громадную, с огромным трудом реформированную армию, а иностранные займы, которые Порта была вынуждена брать на военные нужды (3 млн фунтов стерлингов в 1854 г. и 5 млн в 1855 г.)[6], поставили ее под фактический финансовый контроль стран-кредиторов — Англии и Франции. Реально контролируемая территория продолжала стремительно сокращаться. В Египте, Тунисе, Ливане, Сербии, Черногории, Дунайских княжествах и на Аравийском полуострове права султана были почти символическими. В Боснии и Герцеговине с 1853 г. не прекращалось мощное повстанческое движение, получавшее к тому же вооруженную поддержку со стороны черногорцев. На этом фоне видимость дружеского участия западноевропейских дипломатов обнадеживала. И хотя Али-паша, как свидетельствуют его документы, не питал на этот счет особых иллюзий[7], подчеркнуто декларативный и не обязательный для исполнения характер нового хатта смог притупить его бдительность.

Хатт-и хумайун (так же как в 1839 г. Гюльханейский хатт) торжественно декларировал свободу вероисповедания, личные права граждан и неприкосновенность имущества. Однако в остальных обещаниях шел гораздо дальше. Вопрос ставился о полном правовом равенстве всех категорий подданных в сфере налогообложения, исполнения воинской повинности, получения образования, при назначении на административные и судебные должности. В документе подчеркивалась необходимость учреждения смешанных судов, призванных рассматривать гражданские, уголовные и коммерческие дела между мусульманами и иноверцами. В целях создания основ светского общества объявлялся курс

---

[3] *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи /Османизм-панисламизм/. XIX — начало XX в. М., 1985.

[4] Опубликованы И. Л. Фадеевой в приложении к ее монографии «Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи /Османизм-панисламизм/. XIX—начало XX в.» М., 1985. С. 238—242; 243—254. Далее: *Али-паша.* Докладная записка; *Али-паша.* Политическое завещание.

[5] *Али-паша.* Докладная записка. С. 242.

[6] *Новичев А. Д.* История Турции. Т. IV. Новое время. Ч. 3 (1853—1875). Л., 1978. С. 79.

[7] *Али-паша.* Политическое завещание. С. 245; *Али-паша.* Докладная записка. С. 238—239.

на ограничение правовых прерогатив духовенства и реформирование миллетов (системы конфессионально-юридической и церковно-административной автономии для иноверцев). В сфере экономики предусматривалось создание банковской сети и переход к прямому взиманию налогов, т. е. отмена ильтизама (откупов). Не были забыты и экономические интересы иностранцев: им хатт обещал аннулировать все запреты на право владения недвижимостью.

В качестве необязательного для исполнения документа Хатт-и хумайуну суждена была на редкость короткая жизнь. Прямая ссылка на него вскоре была зафиксирована в тексте международного документа — подписанного 30 марта 1856 г. в Париже мирного договора. Предположения западных дипломатов подтвердились: в ходе переговоров российский уполномоченный А. Ф. Орлов предложил включить в текст особую статью о религиозных и гражданских правах турецких христиан, гарантом соблюдения которых должны были стать державы-участницы переговорного процесса. Однако представителям западных держав удалось отклонить это предложение ссылкой именно на факт недавнего издания Хатт-и хумайуна. Все протесты великого визиря Али-паши против увязывания этих двух документов оказались тщетны. В IX статье мирного договора факт признания Хатт-и хумайуна всеми участниками переговорного процесса подчеркивался особо, превращая их тем самым в гарантов его выполнения. И хотя в договоре оговаривалось, что данное обстоятельство никому не дает права ни совместного, ни индивидуального вмешательства в отношения султана с подданными, фактически произошло обратное.

Упоминание хатта в тексте международного документа ознаменовало собой начало принципиально нового этапа в истории Танзимата[8]. Начиная с этого момента участие иностранных дипломатов в процессе реформирования османского общества приняло не только откровенный, но подчас и демонстративный характер. При этом соотносили они свои программы реформ чаще всего не столько с реальными потребностями местного социума, сколько с европейскими представлениями о прогрессе и собственными интересами в регионе. Что же касается османского правительства, то оно на многие годы превратилось в фактического пленника своего собственного, столь неосмотрительно изданного хатта.

Подобный ход развития событий оказался для Али-паши и Фуад-паши в значительной степени неожиданным. Хотя их бывший наставник Решид-паша в специальном послании султану и предупреждал о возможных негативных последствиях Хатт-и хумайуна, особенно опасаясь вмешательства иностранцев во внутренние дела государства[9], истинных масштабов бедствия предположить не мог никто. В дипломатической переписке тех лет встречаются упоминания о растерянности Порты в связи с требованиями стран-гарантов буквального претворения в жизнь всех обещаний Хатт-и хумайуна. С точки зрения Али-паши, в отличие от европейцев хорошо разбиравшегося в местных реалиях, превращение этой «декларации о намерениях» в программу конкретных действий выглядело абсурдом[10]. Великий визирь пытался объяснить представителям стран-гарантов, что хатт абсолютно «не пригоден ни к местным условиям,

---

[8] Подробно о первом этапе Танзимата см. *Макарова И. Ф.* Время перемен. Болгарские земли и начало Танзимата // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012.

[9] *Дулина Н. А.* Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984. С. 141—142.

[10] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 1. Ч. 1. С. 478.

ни к степени цивилизованности» османского общества[11], но услышан не был. Порте оставалось лишь уповать на здравый смысл послов и надеяться, что те «не станут требовать невозможного», т. е. «точного исполнения» всех статей этого документа[12].

Неожиданная помощь в этом отношении пришла со стороны нового английского посланника сэра Г. Булвера, вступившего в должность в 1857 г. В отличие от своего чрезмерно увлекающегося и бесцеремонного предшественника лорда Рэдклифа (и невзирая на возмущение русской дипломатической миссии) сэр Г. Булвер не считал нужным излишне торопить события и отрицал продуктивность тактики мелочного контроля. Он полагал, что постоянное вмешательство извне «делает османское правительство слабым и приучает к беззаботности», а потому старался избегать чрезмерного давления[13]. В значительной степени благодаря именно его покровительству Порте удалось затянуть с началом реализации наиболее радикальных обещаний хатта, ограничившись демонстративными жестами, вроде назначения христиан на некоторые государственные должности. Основное же внимание в конце 1850-х гг. правительство сосредоточило на мероприятиях, действительно жизненно важных для страны: завершении аграрной реформы и подготовке базовых документов для начала реализации идеи «слияния наций».

Прежде всего, была доведена до конца работа по кодификации основных положений земельных актов 1830-х—первой половины 1850-х гг., регулирующих вопросы, связанные с ликвидацией спахилыка (системы военно-ленного землевладения). Ее итогом стало обнародование в 1858 г. Закона о земле, а в 1859 г. — Закона о тапу (документа, подтверждающего владельческие права на землю). Издание этих документов позволило поставить юридическую точку под длительным процессом реформирования военно-феодальной формы землевладения[14].

В том же 1858 г. был принят новый Уголовный закон. За его основу разработчиками был взят французский уголовный кодекс 1810 г. В отличие от принятого ранее Закона 1840 г. он представлял собой систематизированное изложение действующих на его основе норм уголовного права. Османский кодекс воспроизводил несколько основных принципов своего европейского прототипа: принцип законности (наказание только в соответствии с законом), равенство всех подданных перед законом, охрана частной собственности. Из французского кодекса были также заимствованы статьи, касающиеся укрепления абсолютистской власти. Однако, несмотря на очевидные европейские параллели, османский вариант имел ярко выраженную местную специфику. Его разработчики (во главе с авторитетным исламским историком и законоведом Джевдет-пашой) пошли по пути принципиального объединения в рамках единого документа норм европейского и мусульманского права. Такой подход не только учитывал местные реалии, но и позволял заложить правовую базу для формирования будущего единого поликонфессионального общества.

---

[11] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 1. Ч. 1. С. 273.

[12] Там же.

[13] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 1. Ч. 2. С. 155—156.

[14] Подробно о земельной реформе 1830—1850-х гг., ее результатах и итоговых документах 1858—1859 гг. см.: *Макарова И. Ф.* Время перемен. Болгарские земли и начало Танзимата // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012.

Аналогичным образом правительство подошло и к разработке нового Гражданского кодекса. В его основу также был положен французский прототип, дополненный нормами мусульманского права. И хотя работа над документом растянулась на многие годы (первая книга так называемого Кодекса Меджелле увидела свет лишь в 1869 г.), специальная комиссия во главе с Джевдет-пашой приступила к ней уже вскоре после окончания войны.

Относительно спокойное начало нового этапа Танзимата было прервано уже весной 1860 г., когда в стране разразился полномасштабный политический кризис. Началом ему послужили межконфессиональные столкновения в Ливане между двумя арабскими общинами — друзами (шиитами) и маронитами (католиками). К началу лета этот конфликт перерос в открытую гражданскую войну. Ситуацию усугубляло вмешательство в него западноевропейских стран. Франция имела опору в лице маронитов, выступая защитником их интересов перед Портой, а Англия поддерживала друзских феодалов. Конфликт удалось пригасить лишь после прибытия в регион османского экспедиционного корпуса, имевшего в своем составе иностранный воинский контингент.

Вслед за Ливаном обострилась ситуация на Балканах. В 1861 г. вспыхнуло новое восстание в Боснии и Герцеговине, которое поддержали черногорцы. Подавление восстания сопровождалось вторжением пятидесятитысячного османского войска в саму Черногорию, которую от полного разгрома спасло лишь дипломатическое вмешательство России и Франции. Серьезно пошатнулись позиции Порты и в Дунайских княжествах. После фактического объединения княжеств Молдавии и Валахии (1859), в декабре 1861 г. особая прокламация А. Кузы официально провозгласила создание единого румынского княжества (хотя и с сохранением элементов вассальной зависимости от султана).

Политический кризис 1860—1861 гг. вновь обострил проблему сохранения территориальной целостности Османской империи. Инициативу Великобритании о своевременности созыва международной конференции по данному вопросу [15] энергично поддержала Россия. На этот раз вопрос стоял о выработке странами-гарантами конкретной программы турецких реформ: реорганизации системы правосудия, полиции, меджлисов и административно-управленческого аппарата. Однако против идеи конференции категорически выступила Порта. Объясняя позицию своего правительства, Али-паша, в частности, заявил в ноябре 1860 г. русскому посланнику в Стамбуле, что «Порта не может признать совещание, которое желало бы занять место османского правительства», поскольку претензии «начать конкретные реформы, радикальные изменения... законодательства» являются посягательством «на саму основу государственного устройства» [16].

Идею конференции Порте удалось похоронить благодаря тонкой игре на противоречиях между великими державами, а также обещаниям немедленно приступить к реализации основных положений Хатт-и хумайуна. Однако начиная с 1860 г. степень внимания иностранных посольств к судьбе турецких реформ резко возросла. Не в последнюю очередь это было связано с событиями, происходившими в 1860—1861 гг. во дворце. Страна находилась в стадии передачи власти: от туберкулеза умирал султан Абдул Меджид I. В июне 1861 г. в возрасте 38 лет он скончался и на трон взошел его младший брат Абдул Азиз I (1861—1876).

---

[15] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 1. Ч. 2. С. 38.

[16] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 1. Ч. 1. С. 480.

Хотя новый султан, так же как и Абдул Меджид, благосклонно относился к достижениям западной цивилизации, однако, в отличие от брата, он не был обременен по отношению к ней какими-либо конкретными обязательствами. Впрочем, вскоре выяснилось, что, несмотря на неизбежные в подобных случаях перестановки в составе правительственного кабинета, смены курса не произошло. Под пристальным вниманием иностранных дипломатов страна продолжила свое движение по пути Танзимата.

Годы кризиса (1860–1861) были отмечены особой активностью Порты. Уже летом 1860 г. по настоянию стран-гарантов была проведена так называемая «анкета» — инспекционная поездка великого визиря Киприсли-паши по провинциям. Основной целью анкеты была проверка выполняемости актов Танзимата, вскрытие недостатков и выработка дальнейшей программы действий. Инспекция выявила, что большинство правительственных указов продолжало оставаться на местах «мертвой буквой» [17]. Недостатков удалось вскрыть огромное множество. Христианское население Восточной Румелии (в частности, в районе Видина, Ловеча, Лом-Паланки, Пирота) дружно сетовало на продолжавшееся неравенство христиан в меджлисе и суде, многочисленные злоупотребления чиновников, полиции и т. д. [18]. Жалобы населения Киприсли-паша благосклонно выслушивал, провинившихся чиновников безжалостно карал, но реально повлиять на ситуацию мог далеко не всегда.

Счастливым исключением можно назвать инициативы кабинета, последовавшие после выявления в ходе «анкеты» конфликтной ситуации в аграрном секторе северо-западных провинций. В данном случае речь идет о проблемах крестьян при оформлении документов-тапу на свои участки в тех районах, где ранее господствовала особая форма землевладения — господарлык [19]. В частности, выяснилось, что, несмотря на принятые в 1851–1853 гг. меры, крестьяне целого ряда сел в окрестностях Видина, Лома, Белоградчика и Кула, фактически владея обрабатываемой землей, так и не смогли оформить на нее официальные документы. Их недовольство усугублялось ситуацией, сложившейся в этом регионе в связи с началом массового переселения на земли Османской империи российских мусульман — крымских татар и черкесов (в соответствии с межправительственной конвенцией 1857 г.). На выделенных землях переселенцы получали землю бесплатно с незамедлительным оформлением тапу. Кроме того, власти обязывали местных жителей безвозмездно обеспечивать вновь прибывших продуктами питания и участвовать в постройке для них жилья.

Недовольство христиан быстро стало приобретать крайне неприятную для турецкой администрации форму. Уже в 1859 г. крестьяне Видинского края начали обращаться в русское консульство с просьбой о выдаче разрешения на выезд. Российский консул в Видине М. А. Байков сообщал, например, что только в 1861 г. в Россию выехало 10 990 человек (или 1560 семей) [20]. Сохранились также сведения, что за период 1860–1862 гг. эмигрировали крестьяне более чем 100 местных сел [21].

---

[17] Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 2. С. 155.

[18] Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 1. С. 432–438.

[19] Подробно о господарлыке и особенностях проведения аграрной реформы в северо-западных провинциях Османской империи см.: *Макарова И. Ф.* Время перемен. Болгарские земли и начало Танзимата // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012.

[20] Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 2. С. 168.

[21] *Дамянов С.* Ломският край през Възраждането. Икономически живот и политически борби. София, 1967. С. 190–205.

Знакомство великого визиря Киприсли-паши с ситуацией на местах позволило принять меры действительно эффективные. После обсуждения нескольких вариантов разрешения конфликта постановлением Верховного совета от мая 1863 г. спорная земля из состава бывших господарлыков начала бесплатно и с оформлением тапу передаваться фактическим владельцам. Так же, как и в начале 1850-х гг., в качестве основного условия была оговорена лишь постепенная выплата крестьянами некой фиксированной суммы в форме ежегодного увеличения поземельного налога. Параллельно были предприняты шаги и по наведению порядка в общей системе землепользования. С целью выявления случаев самовольного захвата общественных и резервных территорий власти инициировали работу по составлению детальных земельных реестров и соотнесению их с имеющейся на руках у населения документацией.

По мнению многих историков, для болгарских земель решение проблемы господарлыков имело исключительно большое значение, позволив унифицировать условия для развития сельского хозяйства. После того как на северо-западе средний размер крестьянских хозяйств составил 80—150 дюнюмов (1 дюнюм — 919,3 м^2.), он стал соответствовать общим показателям по региону[22]. Массовое распространение более мелких хозяйств осталось в основном прерогативой горных и предгорных районов (40—80 дюнюмов), а крупных (свыше 150 дюнюмов) — слабо заселенных просторов Добруджи[23].

Социальные последствия установившейся структуры землевладения переоценить трудно. Отныне именно лично свободные зажиточные крестьяне, наделенные к тому же юридическими правами на обрабатываемую землю, начали повсеместно составлять основной костяк сельского населения болгарских провинций. Например, в 1870-е гг. в центральном и далеко не самом богатом районе (Тырново—Рущук—Шумла—Провадия) на долю зажиточных крестьян приходилось более 56 % от общего числа сельских жителей, владевших к тому же 58 % всей зарегистрированной земли[24]. Данное обстоятельство серьезно повлияло на политический климат, обернувшись плохо преодолимым препятствием для распространения революционной идеологии. Как признавали современники, болгарские крестьяне (составлявшие до 80 % этноса) были «совершенно апатичны к любой политической агитации и очень недоверчивы к политическим агитаторам»[25]. На относительно высокую степень благополучия болгарского села в пореформенный период указывает и то обстоятельство, что болгарские революционеры были вынуждены фактически отказаться от специальной аграрной программы, подчинив аграрный вопрос решению общей национальной задачи — ликвидации османского господства[26].

---

[22] *Дамянов С.* Към въпроса за премахването на господарцъците в северозападна България през 50-те и 60-те години на XIX в. // Сборник в чест на проф. Христо Гандев. София, 1985. С. 190—191; *Димитров Стр.* За класовото расслоение сред селяните в североизточна България през 70-те години на XIX в. // Известия на Института за История. Т. 8. София, 1960. С. 225—272.

[23] *Христов Хр.* Икономическо развитие на българските земи. Селско стопанство // История на България. Т. 6. Българско Възраждане. 1856—1878. София, 1987. С. 44—48; *Димитров Стр.* За класовото расслоение... С. 269.

[24] *Димитров Стр.* За класовото расслоение... С. 269.

[25] *Дамянов С.* Към въпроса за премахването... С. 192—193.

[26] Едва ли не единственным автором, настаивавшим на наличии у болгарских революционеров специальной аграрной программы, был советский историк В. Д. Конобеев (*Конобеев В. Д.* Българското националноосвободително движение. Идеология, программа, развитие. София, 1972. С. 368—437).

Однако далеко не все инициативы начала 1860-х гг. имели столь благоприятные последствия. К числу неудачных экспериментов следует отнести, в первую очередь, новую попытку отмены столь раздражавшей иностранцев откупной системы ильтизам. В 1861 г. было издано постановление о замене натуральной формы взимания налогов денежным эквивалентом. Последствия этого шага для экономики (так же как и двадцать лет назад) оказались плачевны. Повторный эксперимент привел к резкому увеличению реальной суммы платежей для непосредственных производителей (почти в два раза), крестьянским волнениям (восстание в Боснии и Герцеговине), бюджетному дефициту, обвалу курса национальной валюты (цены на товары подскочили вдвое), дефициту продуктов питания и панике на рынках (в Стамбул в этой связи пришлось даже вводить войска). К концу 1861 г. ситуация сложилась настолько серьезная, что правительство решилось на проведение принудительного внутреннего займа (конфискацию у населения золотых и серебряных монет). Сумму изъятых ценностей казна обещала учесть при последующем сборе налогов. Однако в 1862 г. было объявлено, что срок погашения отодвигается на неопределенное время.

Эксперимент пришлось срочно отменять и возвращаться к традиционной схеме сбора налогов. Только в 1871 г. Порта вновь решилась вернуться к теме ильтизама, и то лишь отчасти. Постановление о новом порядке сдачи ашара (сельскохозяйственного налога) с торгов было посвящено регламенту этой процедуры. Роль государственных структур осталась невелика. Местная администрация была ответственна лишь за организацию самих торгов. Кроме того, в качестве новшества на особых чиновников возлагалась обязанность взимать не сданную на откуп часть сельскохозяйственного налога. На этом эксперименты с реформированием откупной системы, строго говоря, закончились.

Политический кризис 1860—1861 гг., предоставив странам-гарантам удобную возможность для давления на Порту, позволил направить часть преобразований в русло, выгодное непосредственно иностранцам. Касаясь в своих донесениях в Петербург данной темы, князь А. Б. Лобанов-Ростовский подчеркивал в сентябре 1861 г. ее особую актуальность для западных дипломатических миссий. В частности, он сообщал, что английский посланник Г. Булвер откровенно признавался, что его задача — «сделать из Турции нейтральную территорию, которую вся Европа эксплуатировала бы с торговой целью» [27]. Сходную позицию занимал и французский посланник маркиз Лавалет. С его точки зрения, основное внимание Порте следовало бы сосредоточить на «ревизии торговых договоров и на концессии, которая признавала бы за иностранцами право на владение землями в Турции» [28].

Прямым следствием подобной заинтересованности стран-гарантов стали последовавшие вскоре изменения в структуре османского коммерческого законодательства. Уже в 1860 г. увидел свет новый закон, открывший путь для функционирования в Стамбуле и наиболее крупных торговых портах империи системы коммерческих судов. Контроль и управление этими судами передавались непосредственно Министерству торговли, а сами они не подпадали под юрисдикцию исламского законодательства. В 1861 г. был введен в действие первый в истории страны коммерческий процессуальный кодекс.

---

[27] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 1. Ч. 2. С. 155—156.

[28] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 1. Ч. 1. С. 480.

В течение 1861—1862 гг. состоялась и ревизия заключенных в 1838—1841 гг. международных торговых договоров. Али-паша считал этот шаг выдающимся достижением османской дипломатии[29], поскольку он позволял аннулировать прежние, крайне невыгодные для развития местного производства таможенные тарифы[30]. Однако в условиях новой торговой конъюнктуры, сложившейся на мировых сельскохозяйственных рынках после неурожайных для Европы 1846—1847 гг., их изменение соответствовало едва ли не в первую очередь интересам иностранцев.

Внутренний рынок Османской империи европейскими товарами был к тому времени полностью завоеван. Вывозу же дешевой продукции местного сельского хозяйства (прежде всего хлеба), а также сырья и даров природы мешали запретительные тарифы, заложенные в условия фритрейдерских договоров 1838—1841 гг. Особый интерес к изменению таможенных ставок проявляла Франция, сосредоточившая к тому времени в своих руках около 40 % всего объема турецкого экспорта[31]. Изменения во французском торговом обороте за период с середины 1850-х до середины 1860-х гг. были весьма впечатляющими. Так, например, если в 1856 г. сумма ее экспорта лишь незначительно превышала импорт (74,1 млн фр. против 53,2 млн фр.), то в 1865 г. разница выросла более чем вдвое (135,6 млн фр. против 62,9 млн фр.)[32]. Соответственно, усилия французских дипломатов в деле пересмотра торговых договоров также были максимальны. Согласно достигнутым в 1861 г. новым договоренностям, таможенный сбор на экспортируемый и импортируемый из Турции товар выравнивался (8 % от заявленной стоимости). При этом предусматривалось ежегодное снижение экспортной пошлины до отметки в 1 % от стоимости товаров (к 1869 г.). Транзитный сбор также понижался — с 3 % до 2 % от стоимости товаров.

Слабо разбираясь в специфике функционирования местного социума, иностранные дипломаты не могли учесть всех последствий предлагаемых ими нововведений. Между тем столь выгодный европейцам закон 1860 г., предусматривавший создание подведомственных Министерству торговли коммерческих судов, внес принципиальные изменения в положение османских ремесленно-торговых корпораций (эснафов), являвшихся своеобразным аналогом средневековых европейских цехов. Новый закон автоматически ликвидировал их основную правовую функцию: отныне они лишались права принятия судебных решений по отношению к своим членам, а также по вопросам, связанным с ценообразованием, регламентацией производства и реализацией продукции. Из официально признанной властями социально-производственной и правовой структуры они в одночасье превратились в неформальные профильные объединения. Сами же ремесленники теряли в их лице ту единственную структуру, которая в условиях кризиса ремесленного производства пыталась брать на себя протекционистские функции. И хотя в 1863 г. правительством была создана специальная комиссия, в задачу которой входила выработка мер по стабилизации ситуации посредством создания товариществ и обеспечения их капиталом за счет казны,

[29] *Али-паша.* Политическое завещание. С. 246—247.

[30] Подробно о международных торговых договорах 1838—1841 гг. и их последствиях для экономики Балкан см.: *Макарова И. Ф.* Время перемен. Болгарские земли и начало Танзимата // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012.

[31] *Паскалева В.* За търговските връзки между Франция и българските земи от началото на XIX в. до Освобождението // Исторически преглед. 1960. № 5. С. 83.

[32] *Шеремет В. И.* Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. М., 1986. С. 53.

ее усилия существенных результатов не принесли. По мнению специалистов, вновь создаваемые в 1860—1870-е гг. акционерные общества (уставы которых к тому же подозрительно напоминали эснафские) приживались на османской почве с большим трудом[33].

Изменение правового статуса эснафов повлекло за собой дальнейшее углубление кризиса местного ремесленного производства. Например, в болгарских провинциях серьезные потери понесло абаджийство (производство грубошерстного сукна), относительно слабо пострадавшее после заключения фритрейдерских соглашений 1838—1841 гг. и представляющее собой основную отрасль болгарского ремесла. По сообщениям прессы, именно после 1860 г. тысячи мастеров-абаджиев, подмастерий и членов их семей, занятых в домашнем производстве, остались без работы[34]. По мнению Ст. Цонева, изучавшего историю болгарских эснафов, 1860—1870-е гг. стали временем их полного упадка и окончательного разложения[35]. Такая форма местного производства, как рассеянная мануфактура с использованием надомного труда крестьян, в условиях ликвидации последних элементов протекционизма окончательно потеряла свою конкурентоспособность. Что же касается собственно мануфактур, казенных предприятий и оснащенных современным оборудованием фабрик, то их число продолжало оставаться слишком незначительным, чтобы оказывать существенное влияние на ситуацию. По имеющимся данным, количество относительно крупных мануфактур (10—20 человек) составляло в 1860—1870-х гг. в болгарских провинциях порядка 24 заведений, а казенных предприятий и частных фабрик (включая иностранную собственность) всего 11[36].

Не способствовала выходу промышленности из кризиса и специфика формирования местного капитала. В Османской империи происхождение крупных состояний традиционно было связано с откупами и ростовщичеством. В условиях экономической нестабильности, высоких коммерческих рисков и незащищенности местного производителя этот капитал старательно избегал привязки к одной сфере деятельности. Тем более не могло быть и речи об отказе от столь выгодного бизнеса, как ильтизам. Во второй половине XIX в. им в большей или меньшей степени продолжали заниматься почти все крупные фирмы, связанные с организацией мануфактурного производства, — Гюмюшгерданы, Арие и др. Так, например, богатая фирма болгарина Хр. Тыпчилештова (чьи конторы можно было найти в России, Австрии, Франции и Англии), будучи собственником небольшой рассеянной мануфактуры и одновременно специализируясь на продаже зерна, кож, сукна и продуктов животноводства, продолжала, тем не менее, активно вкладывать деньги в откупа[37]. По мнению В. Паскалевой, изучавшей проблему движения местного капитала, торговцы в своем подавляющем большинстве не стремились становиться организаторами производства, а выполняли лишь роль торговых посредников. Что же касается полученной прибыли, то ее

---

[33] *Бобчев Ст.* Акционерното дело в странство и у нас. София, 1925. С. 263.

[34] *Натан Ж.* Стопанска история на България. София, 1957. С. 192.

[35] *Цонев Ст.* Към въпроса за разложението на еснафските организации у нас през периода на Възраждането // Трудове на Висшия икономически институт за народното стопанство в г. Варна. Т. 1. София, 1956. С. 20—43.

[36] *Косев К.* За капиталистическото развитие на българските земи през 60—70-те години на XIX в. София, 1968. С. 137, 127—128.

[37] Там же. С. 37—39.

предпочитали оставлять за границей или вкладывать в недвижимость и ростовщические операции[38].

Изменения в сфере коммерческого законодательства, повлекшие за собой окончательное разложение эснафов, стали важным этапом на пути намеченной Хатт-и хумайуном программы демонтажа традиционной структуры османского общества. Однако серьезные преобразования в этой сфере были невозможны без реформирования системы миллетов, которые представляли собой краеугольный камень построения теократической модели османского общества и были основным препятствием на пути реализации идеи «слияния наций». Поэтому задача изоляция духовенства от сферы светского управления Хатт-и хумайуном подчеркивалась особо.

В 1862—1863 гг. Портой был обнародован Органический статут, ограничивший властные полномочия православного и армяно-григорианского духовенства (аналогичный документ в отношении иудеев появился на свет в 1865 г.). В соответствии с ним и рядом других актов заново регулировался статус основных иноверческих общин, их руководства, порядок избрания высших органов. Контроль над мирскими делами передавался в гражданские советы при главах религиозных общин. На эти советы возлагались не только административные функции, связанные с курированием школ, больниц и т. д., но и судебные, находившиеся ранее исключительно в компетенции духовенства. Все эти шаги должны были, по замыслу разработчиков, способствовать постепенной секуляризации общества и благоприятствовать процессу «слияния наций».

Параллельно начала набирать обороты и судебная реформа, призванная заполнить образовавшийся после начала реформирования миллетов правовой вакуум. Закон 1864 г. (дополненный впоследствии другими актами) предусматривал отделение судебной власти от церковно-административной и создание иерархической системы светских судов для всех османских подданных вне зависимости от вероисповедания. В каждой административной единице предусматривалось создание двух отдельных судов — по уголовным и гражданским делам (с присвоением кассационных функций в отношении судов более низкой инстанции). И хотя судебные органы по-прежнему возглавлялись назначаемыми властями кади, закон предусматривал выборность суда особыми комиссиями и равное число избранных от мусульман и иноверцев членов.

Судебная система привязывалась к новой структуре административно-территориального деления провинций. Первым шагом в ее создании стал Закон о вилайетах (1864), предусматривавший введение новой системы управления. Первоначально эта система была опробована в локальных масштабах (в рамках вновь созданного Дунайского вилайета), и лишь после того, как опыт признали успешным, она была распространена на другие регионы (1867). В стране устанавливалось новое (по образцу Франции) административное деление. Вся территория членилась на вилайеты (области) во главе с вали (генерал-губернатором), а те, в свою очередь, — на санджаки (округа), каза (уезды) и нахийе (волости). Новая система должна была обеспечить иерархическую и строго централизованную вертикаль власти, контролируемую правительством. И хотя вали лишался судебных полномочий и возможности распоряжаться налоговыми поступлениями (ими ведал назначаемый Портой казначей — дефтердар), его права

[38] *Паскалева В.* Икономическото проникване на Австрия в българските земи от Кримската война до Освобождението // Известия на Института за българската история. София, 1957. С. 156.

в качестве главы исполнительной власти существенно расширялись. Он руководил работой чиновничьего аппарата, занимался вопросами образования, благоустройства, был ответствен за правопорядок, деятельность полиции (начальник полиции подчинялся непосредственно ему) и сбор налогов. В пределах своей компетенции он был также уполномочен приводить в исполнение приговоры судов, а в случае необходимости привлекать армию. При вали предусматривалось создание профильных управлений: финансового, торгового, по делам просвещения, сельского хозяйства, вакфов и т. д. Однако их начальники назначались не самим губернатором, а по представлению соответствующих министерств.

Новая система предусматривала создание на каждой из административных ступеней консультативных органов — меджлисов. Часть их членов назначалась администрацией, а часть делегировалась местным населением, причем мусульмане и иноверцы должны были быть представлены в равных пропорциях. Кроме того, в меджлисы обязательно входили духовные главы немусульманских общин. К компетенции данного органа власти относилось обсуждение всего круга административно-хозяйственных вопросов: местный бюджет, общественные работы, благоустройство и т. д.

В 1867 г. административная реформа дополнилась еще одним новшеством — учреждением в городах выборных муниципалитетов (беледийе). На их создании особенно настаивали французские и австрийские дипломаты, рассчитывая, что со временем те смогут стать основой органов местного самоуправления. За счет отчислений из местного бюджета муниципалитеты были призваны заниматься вопросами благоустройства и санитарного состояния городов. В качестве эксперимента беледийе впервые были созданы в том же Дунайском вилайете и зарекомендовали себя положительно.

Говоря о реформаторских инициативах начала – середины 1860-х гг., необходимо иметь в виду, что принятие новых законов еще не означало реальных изменений в положении турецких христиан. Все иностранные наблюдатели того времени единодушно отмечали существование непроходимой пропасти между фактом издания хороших законов и их исполнением. Вот как, например, описывал ситуацию во Фракии — обширном регионе с преобладающим христианским населением — русский консул в Адрианополе М. И. Золотарев[39]. Согласно его наблюдениям, действительного равенства между христианами и мусульманами здесь так и не наступило. Христиане в административных советах были явлением редким. Например, в центральном меджлисе Адрианополя их представлял один грек и один армянин, но и те ставили свои печати под документами автоматически, поскольку не умели читать по-турецки. В местных меджлисах ситуация была аналогичная. Свидетельство христиан против мусульман допускалось лишь в исключительных случаях (в основном, когда речь шла об иностранцах). В решении большинства коммерческих дел по-прежнему царил произвол губернатора и его окружения. Коммерческий суд существовал лишь в Адрианополе и Родосто, причем в Родосто (из-за произвола чиновников) формально. Порядок взимания налогов регламентировался плохо, а сам процесс сопровождался многочисленными нарушениями. Отсутствие банковской ипотеки способствовало расцвету ростовщичества. Единственный положительный сдвиг — постепенное улучшение формы обращения властей с христианами. Однако причиной этого

[39] Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 2. София, 1990. С. 87–94.

дипломат считал не реформы, а присутствие иностранных консулов. В заключение М. И. Золотарев делал неутешительный вывод: хотя «нельзя отрицать желания центрального правительства направить усилия на улучшение положения османских подданных, но этому мало способствуют... второстепенные чиновники, для которых слово „прогресс" лишено всякого смысла» [40].

К редкому исключению в плане практической реализации нововведений середины 1860-х гг. можно отнести земли к северу от Балканского хребта. Здесь в 1864 г. во главе вновь созданного Дунайского вилайета (охватившего территорию от Силистры до Ниша) встал один из авторов закона о вилайетах — Мидхат-паша (1822—1884). На этой территории, заселенной преимущественно болгарами, в годы его пребывания в должности генерал-губернатора (1864—1868) развернулась бурная, в значительной степени экспериментаторская деятельность, направленная на претворение в жизнь не только объявленных, но и лишь планируемых инноваций. Поскольку мероприятия Мидхат-паши имели в значительной степени программный характер, а достигнутые результаты были весомы, представляется целесообразным остановиться на них подробно.

Исследователи жизни и деятельности Мидхат-паши придерживаются мнения, что успехи, достигнутые Дунайским вилайетом в 1864—1868 гг., следует считать исключительно его личной заслугой [41]. Благодаря энергии нового губернатора в этом вилайете удалось реализовать многие начинания Танзимата. И это несмотря на то, что практически все инициативы Мидхат-паши встречали сопротивление чиновников, сопровождались непониманием со стороны населения, а также бесконечными скандалами.

Известно, например, что попытка реорганизации судебной системы сразу же вызвала резкий отпор местной администрации. В частности, громкий конфликт произошел по этому поводу в столице вилайета Рущуке. Против реформы публично выступили наиб и судебный инспектор, запугивавшие население угрозой закрытия шариатских судов. В итоге Мидхат-паше пришлось даже выписывать из столицы новых судебных чиновников. Что касается населения (как христианского, так и мусульманского вероисповедания), то оно было особенно недовольно деятельностью нового вали по модернизации инфраструктуры вилайета. Стараниями Мидхат-паши всего за 4 года на вверенной ему территории было построено около 3 тыс. км. дорог, 1420 мостов, 48 телеграфных станций [42]. Однако, по наблюдениям русского консула в Рущуке А. Е. Сученкова, у жителей инициативы подобного рода вызывали резкий протест [43]. Связано это было с необходимостью личного участия в строительных мероприятиях, которые обычно совпадали с сезоном сельскохозяйственных работ. Хотя, как сообщал А. Е. Сученков, освобождение от работ предусматривалось, оно требовало издержек: 6 курушей в день для найма работника или же предоставление замены. По сообщениям того же А. Е. Сученкова, аналогичной была реакция и на благоустройство городов [44]. Однако Мидхат-паша все же смог привести в порядок

---

[40] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Документи и материали. Т. 2. София, 1990. С. 92.

[41] *Léouzon le Duc.* Midhat Pacha. Paris, 1877; *Фадеева И. Л.* Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977.

[42] *Фадеева И. Л.* Мидхат-паша... С. 25.

[43] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Документи и материали. Т. 3. София, 2002. С. 111—112.

[44] Там же. С. 113.

мостовые и места общественного пользования наиболее крупных вилайетских центров. Например, в Пазарджике за короткий срок был разбит городской парк, построена больница, вымощены и освещены центральные улицы.

Деятельность Мидхат-паши не находила одобрения и со стороны аккредитованных в Дунайском вилайете российских консулов. По их мнению, эксперимент по проведению административно-судебной реформы здесь полностью провалился. Вот, что, например, писал по этому поводу в 1867 г. из Рущука В. Ф. Кожевников: «Новая административная система оказалась неисполнимой вследствие отсутствия способных и добросовестных исполнителей; прежние злоупотребления не только остались во всей своей силе, но даже значительно увеличились новыми; ...права общин стеснены, и даже дела, относящиеся до церковного управления и устройства народных училищ, подчинились более строгому надзору местных властей; чрезмерное увеличение числа турецких чиновников, содержание которых потребовало новых... расходов, стало причиной введения множества косвенных налогов и податей»[45]. Справедливости ради стоит, впрочем, отметить, что европейские наблюдатели чаще всего с подобной оценкой согласны не были. Например, на австрийского путешественника Ф. Канитца деятельность Мидхат-паши и результаты преобразований произвели самое благоприятное впечатление. Особо он отмечал позитивные изменения в положении местных христиан, в том числе поощряемый генерал-губернатором допуск их к административным должностям[46].

В своих реформаторских начинаниях Мидхат-паша был исключительно многогранен. Стремясь, например, к пропаганде современных методов ведения сельского хозяйства, он позаботился о создании в окрестностях столицы вилайета Рущука образцово-показательного хозяйства, где активно использовались выписанные из Европы машины. А с целью содействия внедрению в массовый обиход современного сельскохозяйственного оборудования его администрация даже объявила о выдаче специальных кредитов. Однако наиболее ощутимые практические результаты принес его эксперимент с организацией сельскохозяйственных кредитных касс.

Открытие кредитных учреждений предложенного Мидхат-пашой типа стало в Османской империи принципиальным новшеством. Предлагаемые условия кредитования оказались чрезвычайно выгодны для непосредственных производителей. Против ссудного процента, достигающего у ростовщиков 20 %, а порой и 40 % годовых, кассы предлагали всего лишь 12 %[47]. Механизм формирования ссудного капитала осуществлялся двумя способами. Первоначально в некоторых санджаках (София, Тулча) для этой цели было решено выделять 5 % от собранных в виде сельскохозяйственного налога зерновых. Однако затем повсеместное распространение получил способ, предусматривавший обработку крестьянами участка земли (размером в 1/2 дюнюма), урожай с которого предоставлялся фонду касс. Собранное зерно доставляли в районные центры, где под контролем местных административных советов продавали с торгов. Крестьянам, имевшим удостоверение об участии в составлении капитала касс, выдавались ссуды до 1000 курушей на срок от 3 месяцев до года. Причем, согласно уставу, до 1/3 суммы

[45] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 2. С. 429.

[46] *Канитц Ф.* Дунайская Болгария и Балканский полуостров. Исторические, географические и этнографические путевые наблюдения. 1860—1875. СПб., 1876. С. 134.

[47] *Фадеева И. Л.* Мидхат-паша... С. 26—27.

получаемых кассами процентов должно было расходоваться на строительство в деревнях дорог, школ и колодцев. Успех данного начинания был весьма значителен. К 1868 г. капитал сельскохозяйственных касс Дунайского вилайета составил около 300 тыс. лир[48].

Мидхат-пашой были предприняты определенные шаги и для развития в вилайете предпринимательской деятельности. В частности, предоставлено несколько концессий англо-франко-бельгийской компании на строительство железных дорог. Для перевозки пассажиров по Дунаю была основана судоходная компания, что, в свою очередь, предопределило необходимость создания мастерских по производству и ремонту транспортных средств. В столице вилайета был реконструирован речной порт и основана оснащенная новейшим европейским оборудованием казенная суконная фабрика. Эта фабрика выполняла заказы по обеспечению обмундированием расквартированных в Дунайском вилайете турецких войск. Кадры для работы на ней готовило специальное ремесленное училище. Подобные училища, принимавшие для обучения за казенный счет детей-сирот (мусульман и христиан), были открыты и в других городах.

В целях расширения налогооблагаемой базы и упорядочивания финансовой системы в 1865 г. губернатором была инициирована перепись населения и комплексная оценка имущества налогоплательщиков. Впоследствии данный опыт был признан правительством успешным и распространен на другие регионы. Самому же Мидхат-паше это начинание позволило укрепить структуру местных силовых ведомств. За счет увеличения собираемости налогов в вилайете были созданы сверхштатные отряды жандармерии и тайной полиции, на которые ежегодно тратилось до 54 тыс. курушей[49]. Эти меры оказались исключительно своевременными, учитывая резко обострившуюся в 1867—1868 гг. ситуацию на границе с Румынией и Сербским княжеством и наплыв с сопредельных территорий отрядов четников[50].

Энергичная борьба Мидхат-паши с четниками получила громкий общественный резонанс, обеспечив главе Дунайского вилайета недобрую славу. Немногим уступал ей по масштабам и резонанс, вызванный его экспериментом в области реформы местной системы образования. Реакция болгар на инициативу генерал-губернатора последовала столь бурная, что, вылившись на страницы столичной прессы, привела к скандалу. Между тем, начинания Мидхат-паши являли собой всего лишь попытку реализации благополучно забытого всеми указа Порты от 1860 г. Этот документ, нацеленный на практическое претворение в жизнь идеи «слияния наций», предусматривал открытие в больших городах школ для совместного обучения детей мусульман и иноверцев. Воспитанные в духе единения, эти дети должны были составить впоследствии костяк нового поколения государственных служащих. Однако из-за отсутствия кадров, средств и заинтересованности сторон инициатива правительства так и осталась на бумаге. Благодаря отчетам российских консулов А. Е. Сученкова и В. Ф. Кожевникова сохранилась подробная информация о попытке Мидхат-паши реанимировать и усовершенствовать данную затею[51].

---

[48] *Фадеева И. Л.* Мидхат-паша... С. 28.

[49] Там же. С. 29—30.

[50] Подробно см. главу И. Ф. Макаровой «Болгары: возрождение».

[51] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 2. С. 253—255; Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 3 С. 127—131.

Конкретным поводом для инициатив Мидхат-паши стала неразбериха, возникшая в финансировании системы образования христиан после начала реформирования миллетов. Рост благосостояния болгарских общин вел к тому, что количество патронируемых ими школ неуклонно росло. В селах их число увеличилось за период 1835—1865 гг. с 175 до 917, а в городах соответственно с 33 до 69 заведений[52]. Однако сбой в выделении необходимых на их содержание средств поставил учителей в трудное материальное положение. Ссылаясь на ситуацию, в которой летом 1865 г. оказалось болгарское училище в Тырново (отсутствие денег на зарплату преподавателям), Мидхат-паша предложил кардинальное решение проблемы. Был поставлен вопрос об изъятии всех школ (за исключением начальных) из ведения общин и создании училищ смешанного типа для совместного обучения детей мусульман и христиан. Деньги, собираемые ранее общинами на содержание школ, должны были поступать отныне в специально созданный фонд, а недостающие средства добираться за счет дополнительного налогообложения. Однако и христиане, и мусульмане воспротивились этому нововведению столь решительно, что губернатор был вынужден уступить. Тем более что благодаря вмешательству эснафов ситуация вокруг тырновской школы была благополучно урегулирована.

Осенью 1867 г. Мидхат-паша вновь попытался вернуться к идее совместного обучения. На этот раз импульсом послужила записка министра иностранных дел Франции, направленная Порте в феврале 1867 г., содержащая ряд рекомендаций по реформированию османской системы образования. Вернувшись из поездки в столицу, Мидхат-паша попытался реализовать некоторые из этих рекомендаций в своем вилайете. Новая версия реформы предполагала создание училищ трех видов, находящихся в ведении единой дирекции (председатель — мусульманин, советники и инспекторы — мусульмане и христиане в равных пропорциях). Эта дирекция должна была подчиняться непосредственно Министерству просвещения. В начальных и подготовительных школах, содержавшихся по-прежнему на доходы общин, смешанный конфессиональный состав учащихся не предусматривался. Совместное обучение планировалось лишь в лицеях.

Однако и эта инициатива генерал-губернатора была встречена населением в штыки. Христиане усмотрели в ней прямое нарушение своих традиционных прав и привилегий в сфере образования. Кроме того, в их среде распространялись смутные, но поразительно точные слухи, что «правительство под видом благодеяния стремится уничтожить самостоятельность христианских общин и ослабить у молодежи религиозные и народные чувства»[53]. Мусульмане выступили против идеи совместного обучения принципиально. Трудно прогнозировать, чем в конечном итоге обернулось бы противостояние, если бы не внезапный отъезд Мидхат-паши в Стамбул. В Дунайский вилайет он больше не вернулся. Вскоре последовало его формальное отстранение от должности и назначение на пост председателя в новом органе власти — Государственном совете. Страна вступала в новый виток реформ.

Однако прежде чем приступить к изложению дальнейшего хода модернизации Османской империи, необходимо кратко остановиться на одном из важнейших политических итогов первого послевоенного десятилетия Танзимата.

---

[52] *Димитров А.* Подъм на новобългарското образование // История на България. Т. 6. Българско възраждане. 1856—1878. София. 1987. С. 92.

[53] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 2. С. 255.

К таковому с полным основанием можно отнести появление принципиально нового для страны явления — публичной турецкой оппозиции. В исторической литературе ее представителей обычно называют «новыми османами» (в более поздний период «младотурками»). Хотя зарождение этой оппозиции принято соотносить, в первую очередь, с процессом становления буржуазных отношений, специфика проведения курса реформ также оказывала серьезное влияние на процесс ее становления.

Торгово-промышленная и политическая экспансия европейцев, неспособность турецкого правительства противостоять давлению великих держав и продолжающемуся развалу страны вызывали резкое возмущение нарождающейся турецкой интеллигенции. Растущий вал критики постоянно выплескивался на страницы периодических изданий. Широкие возможности для этого предоставляла сама Порта, вернее ее принципиальная позиция в отношении прессы. Суть ее незадолго перед смертью исчерпывающе сформулировал Али-паша: «Свобода печати представляет опасность только для правительства, которое не желает исправлять свои ошибки» [54]. На практике эта установка, базирующаяся на отказе от предварительной цензуры периодических изданий, стала основой всей информационной политики второго этапа Танзимата.

Хотя Закон о типографиях 1857 г. существование цензуры предусматривал, касалось это лишь книжной продукции. Поэтому чиновники (в лице учрежденной в 1862 г. Дирекции по делам печати) фактически не имели механизма контроля в отношении газет и журналов, которые продолжали издаваться по старинке — на основе султанских фирманов. Разработанный в 1864 г. Закон о прессе предварительную цензуру также не ввел. Он лишь обязывал получать особое разрешение на издательскую деятельность и вводил карательные санкции (вплоть до закрытия) за публикацию материалов, оскорбляющих религиозные чувства верующих или содержащих угрозу безопасности государства. Новый закон 1865 г., прописавший механизм санкций более детально, проблему предварительной цензуры также проигнорировал. Прямым следствием практического применения этого закона стало увеличение количества новых оппозиционных изданий. Началось бесконечное закрытие и последующее открытие одних и тех же газет и журналов, выходивших каждый раз под новым названием. В одном только Стамбуле в 1868—1870 гг. их появилось более двадцати [55]. Именно возможность подобного рода метаморфоз обусловила, в частности, появление большого количества болгарских периодических изданий, зарегистрированных за период 1856—1876 гг., — около 90 наименований (вместе с относительно немногочисленными изданиями на территории Румынии и Сербии) [56].

Начало организационного оформления оппозиционно настроенных турецких журналистов и литераторов не заставило себя долго ждать. В 1865 г. ими была создана тайная организация («Общество новых османов»), ставившая целью свержение правительства Али-паши. В 1865—1867 гг. заговорщики развернули в столице широкую публицистическую деятельность. В этот период наибольшей популярностью пользовались резко оппозиционные статьи И. Шинаси и Н. Кемаля, проникнутые духом патриотизма и призывами к борьбе за освобождение

[54] *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины... С. 252.

[55] *Желтяков Д.* Печать в общественно-политической жизни Турции. 1729—1908. М., 1972. С. 143.

[56] *Трайков В., Боршуков Г.* Възход на българския периодичен печат // История на България. Т. 6. Българското възраждане. 1856—1878. София, 1987. С. 515.

отечества от диктата иностранцев. Центральное место в их творчестве занимала критика абсолютистского султанского режима, деятельности Порты и лично Али-паши. Правительству вменялись в вину политические уступки, сделанные под нажимом Запада в пользу расширения прав Молдавии, Валахии и Сербии, а также недостаточная эффективность в борьбе с национально-освободительными движениями.

В 1867 г. заговор был раскрыт, а лидеры движения бежали в Европу. Свою публицистическую деятельность (осуществляемую в основном на средства брата правителя Египта, конфликтовавшего в тот период со Стамбулом) они продолжили в Лондоне, Париже и Женеве. В Европе воззрения новых османов основательно обогатились идеями французских просветителей и такими достижениями европейской цивилизации, как мысль о национальном и даже расовом превосходстве одних народов над другими. Так, например, один из идеологов движения Али Суави провозглашал, что турки — самая древняя и высшая раса с особой политической и культурной ролью в истории человечества[57]. Что касается политического кредо новых османов, то на долгие годы им стала идея борьбы против абсолютизма за введение в стране конституционной формы правления. Причем идеи парламентаризма воспринимались ими исключительно в контексте исламских традиций, как возвращение к истокам и восстановление архаичного органа — совета мусульманской общины.

Планируемая новыми османами дата свержения правительства Али-паши — 1867 г. — случайной не была. В 1866 г. территориальная целостность Османской империи вновь оказалась под ударом. Предтечей политического кризиса стало официальное признание султаном полунезависимого статуса Египта (май — июнь 1866 г.). В ответ на обещание Исмаил-паши вдвое увеличить размер дани, в Египте вводился новый порядок престолонаследия (от отца к сыну), а его правителю даровался наследственный титул хедива (владыки). Вслед за ослаблением позиций Порты в Африке начались проблемы в Европе. Уже в августе того же года произошли первые вооруженные столкновения христиан с турецкими войсками на о. Крит. 2 сентября избранная повстанцами Критская национальная палата провозгласила независимость острова от Османской империи и присоединение к Греческому королевству. Ситуацией, сложившейся вокруг Критского восстания (1866—1869), не преминула воспользоваться Сербия. При поддержке великих держав сербскому правительству удалось добиться от Порты издания в марте 1867 г. фирмана о полном выводе со своей территории остатков турецких гарнизонов. На этом фоне осложнилась ситуация и в соседних болгарских землях. Весной 1867 г. сюда с территории Сербии и из-за Дуная устремились отряды четников.

Кризис спровоцировал возобновление дипломатических дебатов по вопросу о будущем Османской империи. В преддверии подготовки международной конференции вновь встал вопрос о различных вариантах реформирования страны. Русский план, выдвинутый министром иностранных дел А. М. Горчаковым в апреле 1867 г., основывался на идее «параллельного», но «раздельного» развития христианских и мусульманских народов[58]. Он предусматривал создание в рамках единой империи целого ряда национально ориентированных провинций (например, Болгарии), управляемых сверху донизу местными кадрами. Однако

[57] *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины... С. 119.

[58] *Виноградов В. Н.* Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. М., 2005. С. 148.

Порта сочла это предложение «комбинацией, еще более опасной для Турции, чем уступка Крита Греции, а также эквивалентом полного распада Османской империи»[59]. Западными державами план А. М. Горчакова также поддержан не был. Правительства европейских стран, прежде всего Франции и Англии, все еще продолжали оставаться сторонниками идеи «слияния наций». А. М. Горчаков следующим образом охарактеризовал принципиальную сущность возникших разногласий: «Все проекты, основанные на Хатт-и хумайуне, нацелены способствовать мнимому слиянию рас, что является целью западной политики. Принцип их разделения, который мы предлагаем, ведет к противоположному результату. Вот почему он встречает такое сильное сопротивление»[60].

Европейский подход к проблеме возобладал. Порте была вручена нота, в которой великие державы подводили итоги одиннадцатилетней деятельности османского правительства по реализации Хатт-и хумайуна. Результат был признан неудовлетворительным. Правительству суверенного государства фактически ставился ультиматум. Для исправления положения Порту обязывали сосредоточиться на решении следующих задач: обеспечить повсеместный допуск христиан к государственной и воинской службе; осуществить реорганизацию системы образования (в пользу совместного обучения мусульман и иноверцев); реформировать судопроизводство (в соответствии с общепринятыми европейскими нормами); снять все ограничения для развития частной земельной собственности; ликвидировать ильтизам и вакуфное землевладение; устранить препоны для проникновения европейского капитала в экономику страны[61].

Порта была вынуждена принять эти рекомендации к исполнению. Ситуация была угрожающей и продолжала оставаться таковой вплоть до урегулирования критского вопроса в феврале 1869 г. Не удивительно, что период, предшествовавший проведению в Лондоне международной конференции по этой проблеме, стал для османского правительства особенно продуктивным в плане реформаторского законотворчества.

Одним из первых актов, свидетельствующих о готовности Порты исправить указанные недоработки, стала уступка, которой давно и безуспешно добивался Запад, — законодательная отмена запрета на право владения иностранцами недвижимостью. С формальной точки зрения иностранные и султанские подданные получали отныне равные права в сфере землепользования. Однако на практике (из-за продолжавшей действовать системы капитуляций) европейцы оказались по сравнению с местным населением в привилегированном положении: их жилище, имущество и личность остались под надежной охраной прежних трактатов. Например, османские власти по-прежнему не имели права проникнуть в дом европейца без присутствия консула или его поверенного. Европейцы также не подпадали под действие многочисленных внутренних таможенных пошлин, действовавших на территории страны вплоть до 1874 г.

Сложившаяся правовая коллизия оказалась настолько удобной и выгодной для иностранных подданных, что Порте пришлось принимать срочные меры против собственных коммерсантов, стремящихся обзавестись вторым граждан-

---

[59] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 3. С. 95.

[60] Там же. С. 195.

[61] *Schopoff A.* Les réformes et la protection des chrétiens en Turquie. 1673—1904. Firmans, bérats, protocols, traits, capitulations, conventions, arrangements, notes, circulaires, réglements, lois, memorandums etc. Paris, 1904. P. 88—89.

ством. В этой связи в 1869 г. был принят особый закон, согласно которому лица, переменившие свое подданство с разрешения османских властей, автоматически лишались прежнего гражданства. Те же, кто за разрешением не обращался, продолжали (по умолчанию) считаться подданными султана, и привилегии на них не распространялись.

Прямой допуск иностранцев в аграрный сектор экономики повлек за собой оперативную модернизацию османского земельного законодательства. В 1867—1869 гг. в него был внесен ряд поправок, нацеленных на защиту прав землевладельцев и кредиторов, а также способствовавших более активному вовлечению земли в систему товарооборота. Изменения касались трех основных направлений: существенно расширялся список наследников; разрешалась продажа мирийских (государственных) и вакуфных земель за долги без согласия должника; допускалась передача земель кредиторам в качестве залога с правом ее продажи в случае несостоятельности должника.

Что касается пункта ноты о необходимости упразднения статуса вакуфных земель, то, ясно понимая социальные последствия данного шага, Порта сделала все возможное, чтобы отложить его выполнение на неопределенное время. В 1867 г. по предложению Фуад-паши была создана комиссия, в задачу которой входила подготовка реформы вакуфного землевладения. Чтобы предупредить взрыв народного негодования, главой комиссии был назначен Рюштю-паша, пользовавшийся большим авторитетом в среде улемов как знаток религиозных уложений. Комиссия оперативно начала кропотливую работу, которая конкретных результатов так и не принесла. Новое требование отмены ильтизама правительству также удалось фактически заблокировать. Как уже упоминалось, постановление 1871 г. о новом порядке сдачи ашара с торгов лишь симулировало видимость реформ.

Против поставленной иностранцами задачи относительно необходимости привлечения христиан к воинской службе Порта не возражала. Проблема комплектования османской армии в 1850—1870-х гг. стояла чрезвычайно остро. Прежний ресурс — оседлое мусульманское население центральных районов империи — в ходе Крымской войны был практически полностью исчерпан. Основные надежды приходилось возлагать на мусульман-переселенцев из России и Венгрии, а также на кочевые племена отдаленных имперских окраин (арабов, курдов и т. д.). Однако в практической плоскости призыв кочевников в армию был трудновыполним, а ресурс переселенцев оказался недостаточен. Поэтому к варианту создания добровольческих отрядов из христиан (особенно на период ведения боевых действий) в правительстве относились благосклонно. Идею активно поддерживали Фуад-паша и Али-паша. Примером ее успешной реализации служил славянский полк Садык-паши (М. Чайковского), продолживший нести боевое дежурство на Балканах и после окончания Крымской войны. Однако данный пример так и остался исключением. Подавляющая масса христиан служить в армии категорически не желала, предпочитая платить взамен традиционный дополнительный налог. Мусульмане же, привыкшие воспринимать воинскую обязанность как почетную привилегию, считали подобную постановку вопроса просто оскорбительной. Поэтому в принятом в 1869 г. законе о воинской службе прописывался прежний принцип призыва — служба в армии оставалась прерогативой мусульманской части населения. В 1870—1871 гг. Али-паша высказывал мысль о возможности комплектования смешанных батальонов из мусульман и христиан, но это предложение натолкнулось на еще

более резкое неприятие обеих общин. В целом приемлемый вариант решения проблемы найти так и не удалось.

Преобразования в гуманитарной сфере, на первый взгляд, особого отторжения в обществе не вызывали. В сентябре 1869 г. произошло давно ожидаемое событие в рамках реализации проекта «слияния наций» — обнародование обширного Органического закона о всеобщем образовании. В основу этого документа разработчиками была положена уже упоминавшаяся записка министра иностранных дел Франции. Важно, однако, отметить, что принятие Органического закона нельзя расценивать исключительно с позиций механического насаждения на османскую почву французского образца. С точки зрения Али-паши, прописанная в законе реформа образования полностью соответствовала потребностям местного социума. Свою позицию по данному вопросу Али-паша исчерпывающе обосновал султану еще в конце 1867 г. «Основная причина, — писал он, — почему управление нашими немусульманскими подданными день ото дня становится труднее и почему в их душах все сильнее разгорается огонь враждебности и ненависти, состоит в том, что у нас нет современных школ, поэтому греческие дети посылаются в Грецию, а болгарские дети — в Россию, так что воспитание всех наших христианских подданных принимает враждебное принципам Османской империи направление. А потому крайне важно для устранения столь большой опасности, чтобы мы как можно быстрее создали и усовершенствовали школы, где дети мусульман и христиан будут обучаться совместно» [62].

Принятый закон детально регламентировал новую структуру системы образования. Устанавливалось деление всех школ на две категории: публичные (управляемые и контролируемые государством) и частные (управляемые общинами, организациями или частными лицами, но также контролируемые государством). В стенах этих школ предусматривалось введение многоступенчатой системы обучения: начальное для детей, затем для подростков (рюшдийе), подготовительное — для поступления в лицей (идадийе), сам лицей и, наконец, специальное или высшее образование. Обязательные для посещения начальные школы с четырехгодичным курсом обучения (отдельные для мусульман и иноверцев) по-прежнему содержались за счет местных общин. Однако внимание в них отныне должно было уделяться не только религиозному воспитанию, но и основам светского образования. Содержание школ для подростков (также конфессионально ориентированных) возлагалось на местные органы власти, но их посещение уже не носило обязательного характера. Светские школы для поступления в лицей, сам лицей и высшие учебные заведения должны были стать общими для мусульман и иноверцев. Обучение в них предполагалось платное.

По замыслу разработчиков, Органический закон 1869 г. должен был стать долговременной основой для деятельности Порты в области просвещения. И действительно, он позволил добиться некоторых количественных результатов. Например, число школ для подростков возросло с 87 в 1868 г. до 386 в 1874 г. (причем, 160 из них на территории Румелии) [63]. В болгарских землях общее количество школ в сельской местности выросло с 1142 в 1870 г. до 1435 в 1877 г. [64]. Благотворным следствием реформы стало значительное увеличение количества издаваемых книг. Сохранились сведения, что если в 1864—1865 гг. главная

---

[62] *Али-паша.* Докладная записка. С. 241—242.

[63] *Новичев А. Д.* История Турции. Т. IV. Новое время. Ч. 3. С. 189.

[64] *Димитров А.* Подъм на новобългарското образование... С. 92.

государственная типография Стамбула печатала около 92 тыс. экземпляров, то в 1870—1871 гг. ее тиражи возросли до 122 тыс.[65]

Однако масштабных гуманитарных задач реформа решить не могла. Совместное обучение успехом у населения категорически не пользовалось. Так, например, в подготовительных школах в начале 1870-х гг. насчитывался всего 261 ученик[66], а стамбульский лицей Галатасарай так и остался единственным государственным учреждением подобного рода. Христиане, армяне и иудеи совместных школ решительно избегали, предпочитая отдавать детей в частные, желательно патронируемые иностранцами, учебные заведения. В качестве таковых обычно выступали католические и протестантские училища. В частности, сохранились данные, что благодаря усилиям католических миссионеров в 1860 г. на территории европейской Турции функционировало 29 униатских школ, из которых 19 были специально открыты для обучения болгарской молодежи[67]. Протестантских школ было относительно немного. Среди них наибольшим успехом и известностью пользовался Роберт-колледж, основанный американскими миссионерами в 1863 г.

С университетским образованием дела обстояли еще хуже. Формально университет в столице был открыт в 1870 г., однако из-за отсутствия преподавательского состава, учебников и студентов был закрыт уже на следующий год (в символическом объеме возобновил свою деятельность в 1874 г.). Также лишь формально в столице считалась действующей и созданная по французскому образцу Академия наук. Успешнее складывалась ситуация в системе специального образования, непосредственного отношения к новой реформе не имевшего. Кроме ранее действовавших в стране военных, медицинских и педагогических училищ, в 1860—1870-е гг. были открыты новые школы: для подготовки государственных служащих (1862), переводчиков (1864), фармацевтов (1867), судовых капитанов и механиков (1870), гражданских инженеров (1874).

Практически одновременно с реформой образования в Стамбуле стартовал еще один французский проект. В марте 1868 г. началась реформа государственного управления. Вместо распущенного Высшего юридического совета султанским указом были созданы два новых государственных органа — Государственный совет и Совет юстиции. По замыслу разработчиков, реформа государственного управления была призвана подготовить страну к постепенному вступлению на путь парламентаризма. Исходным образцом для османского Госсовета стал учрежденный императором Наполеоном III Государственный совет Франции. В компетенцию нового органа должны были входить подготовка проектов новых законодательных актов, экспертиза инициатив провинциальных меджлисов и некоторые другие вопросы административного характера. Регламент Госсовета предусматривал наличие председателя, главного секретаря и 41 назначаемого члена (28 мусульман и 13 иноверцев от представителей основных миллетов — православных, армян-григориан, армян-католиков и иудеев). Для эффективности работы в его составе планировалось создание нескольких профильных секций: финансов, внутренних и военных дел, просвещения и др. Решения как общих собраний, так и секций должны были приниматься большинством голосов.

---

[65] *Новичев А. Д.* История Турции. Т. IV. Новое время. Ч. 3. С. 189.

[66] Там же.

[67] *Генчев Н.* Франция и българското духовно възраждане. София, 1979. С. 101—137.

Факт учреждения нового органа власти трактовался современниками как выдающееся событие, свидетельствующее об успешном продвижении страны по пути прогресса. С торжественной речью на его открытии выступил сам султан Абдул Азиз I. Напутствуя членов Госсовета, он особо подчеркнул, что в своей работе они должны руководствоваться мыслью о единстве всех подданных. «Что же касается религиозных верований, — отметил он, — то каждый пусть следует своим убеждениям... Какой бы веры ни придерживались наши подданные, поскольку они являются детьми одной родины, они не должны относиться друг к другу с неприязнью и презрением из-за различий их веры»[68].

Хотя поначалу Госсовет активно влиял на деятельность центральной и провинциальной исполнительной власти, подобием парламента (в европейском смысле) или национального собрания его назвать трудно. Этот назначаемый, а не избираемый орган не был наделен законодательной инициативой, а его основная функция была довольно скромной — совещательный орган при великом визире. Кроме того, по мнению специалистов, на практике он исключительно быстро трансформировался в привычную для местной бюрократии форму — традиционный восточный Диван[69]. Важно также отметить, что, как показали дальнейшие события, его истинный статус зависел не столько от буквы закона, сколько от масштаба влияния конкретных личностей — Али-паши, Фуад-паши и первого председателя Госсовета Мидхат-паши. С их уходом значение этого органа в жизни страны резко упало. Первым ушел Мидхат-паша. Он не пробыл на посту председателя и года. Его конфликты с великим визирем, а также иностранными дипломатами, пытавшимися вмешиваться в дела Госсовета, быстро привели к отставке. Последовавшая вскоре смерть Фуад-паши (1869) и Али-паши (1871) окончательно похоронила надежды, первоначально возлагавшиеся на этот орган власти.

После смерти Фуад-паши и Али-паши султан Абдул Азиз попытался взять бразды правления в свои руки. Неудовлетворенность результатами преобразований вызывала у османской элиты вполне понятное желание поиска новых путей выхода из кризиса. Расшатав основы теократической государственности, реформы не принесли ожидаемых результатов, поскольку сводились главным образом к механическому перенесению на османскую почву отдельных институтов и учреждений, являвшихся частью иной цивилизации. В условиях османских реалий европейские учреждения полноценно функционировать не могли, а бесконечные эксперименты над системой управления привели к дезорганизации административного аппарата, хаосу в экономике и ослаблению позиций государства в целом. В контексте международной обстановки начала 70-х гг. XIX в. инициатива султана выглядела вполне логично. Политический кризис, поразивший Европу в связи с франко-прусской войной 1870—1871 гг., временно отвлек внимание Франции и Австрии от событий на Балканах и Ближнем Востоке. Одновременно начали ухудшаться отношения Османской империи с Великобританией, ближневосточные планы которой стали входить в противоречие с интересами Порты[70].

---

[68] *Новичев А. Д.* История Турции. Т. IV. Новое время. Ч. 3. С. 172.

[69] *Heidbord A.* Manuel de droit public et administratiff de l'Empire Ottman. Vienne; Leipzig. V. I. 1908. P. 441.

[70] *Фадеева И. Л.* Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX в. М., 1982. С. 149.

В сентябре 1871 г. султан Абдул Азиз сформировал новое правительство. Во главе его был поставлен Недим-паша. Новый великий визирь — представитель группировки так называемых «старых турок» — являлся противником реформ, осуществляемых под диктовку Запада. Он также считал целесообразной политику сближения с Россией. Время пребывания у власти его кабинета (сентябрь 1871 – июль 1872 г.) ознаменовалось демонстративным отказом от ориентации на мнение западноевропейских посольств. Для тех историков, кто связывает понимание сущности Танзимата с процессом вестернизации империи, данное событие является знаковым. Именно приход к власти правительства Недим-паши они считают концом эпохи Танзимата. Однако существуют и иные точки зрения[71]. Чаще всего 1871–1876 гг. определяются в историографии как время кризиса власти, для которого характерна частая и хаотичная смена курса.

Попытка султана взять ситуацию под личный контроль и начать проводить самостоятельную политику была обречена на провал. Слишком слабо было османское государство и слишком сильны позиции стран-кредиторов. Уже летом 1872 г. стараниями английского посла Г. Элиота Недим-паша был отправлен в отставку, а великим визирем стал сторонник прозападной ориентации — Мидхат-паша. В Стамбуле началась правительственная чехарда. В период 1871–1876 гг. к власти попеременно и на небольшие сроки приходили две антагонистические группировки: ориентирующиеся на Россию «старые турки» и сторонники прозападного курса (Мидхат-паша, Фазыл-паша и др.). Борьба между этими группировками сопровождалась чистками кабинета, отменой распоряжений предшественников и, что особенно важно, хаосом в экономике.

Несмотря на постоянное увеличение налогов, бюджетный дефицит рос, а бесконтрольное распространение обесцененных бумажных облигаций (каимэ) лишь стимулировало инфляцию. Ситуация усугублялась из-за необходимости обслуживания внешнего долга. За период 1863–1874 гг. правительством было взято 10 новых кредитов, в результате чего государственный долг достиг астрономической цифры — 5,3 млрд франков[72]. При необходимости ежегодных выплат по процентам в размере 300 млн фр. и при наличии годового дохода казны в сумме 380 млн фр. на государственные расходы правительству оставалось всего 80 млн фр.[73] Страна стояла на пороге банкротства.

Год 1875 стал для Османской империи критическим. Весной на Малую Азию обрушился массовый падеж скота. В мае вспыхнуло восстание в Герцеговине, распространившееся в июне на Боснию. Империя вступала в новый виток Восточного кризиса с дезорганизацией в системе управления и абсолютно пустой казной. Судорожно пытаясь избежать финансового краха, Порта пошла на беспрецедентные шаги — прекратила выплату жалования армейским чиновникам и попыталась изъять часть доходов с вакуфных земель. Однако исправить положение это не помогло. В октябре, объявив о решении выплачивать внешний долг государства лишь в половинном объеме, Порта фактически объявила себя банкротом. Этот шаг вызвал немедленный обвал курса турецкой валюты, резкий рост цен и, что особенно важно, оппозиционных настроений в обществе. Молва

[71] Подробно о проблеме периодизации верхней границы Танзимата см.: *Дулина Н. А.* Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984. С. 152–156.

[72] *Новичев А. Д.* Очерки экономики Турции до мировой войны. М.; Л., 1937. С. 192, 194.

[73] *Шабанов Ф. Ш.* Государственный строй и правовая система Турции в период Танзимата. Баку, 1967. С. 72.

превратила султана Абдул Азиза в главного виновника всех бед, обвинив его в расточительстве и финансовых злоупотреблениях.

В декабре 1875 г. Мидхат-паша в качестве одного из лидеров оппозиции начал переговоры с английским послом Г. Элиотом по поводу возможности введения в стране конституционной формы правления. Однако, как показало специальное исследование И. Л. Фадеевой, делая ставку на Мидхат-пашу, европейские дипломаты плохо представляли себе мотивы, которыми он руководствовался в своих действиях[74]. Поддерживая отношения с новыми османами и являясь сторонником конституции, Мидхат-паша, тем не менее, к самой организации не принадлежал и занимал самостоятельную позицию. Основу его мировоззрения составляли взгляды религиозного характера. Будучи членом влиятельного исламского ордена мевлеви, проповедовавшего идею равенства представителей различных конфессий, Мидхат-паша органично воспринял идею создания единой османской нации и активно поддерживал те мероприятия эпохи Танзимата, которые способствовали достижению этой цели. Связи по линии ордена обеспечивали ему политическую поддержку со стороны ортодоксального исламского духовенства. Именно поэтому в борьбе за введение в стране конституционной формы правления на его стороне выступили радикально настроенные учащиеся медресе — софты. Они исповедовали архаичный лозунг «шура-и умет» (совет общины), имея в виду учреждение при султане нового, но одновременно патриархального органа — совета мусульманской общины. Слабо разбираясь в политике, они шли за тем лидером, которого им указывали наставники, — за Мидхат-пашой.

Благодаря авторитету Мидхат-паши в ортодоксальных кругах ситуация в столице в конце 1875 – первой половине 1876 г. начала стремительно накаляться. Уже в начале декабря 1875 г. русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев посчитал необходимым предупредить канцлера А. М. Горчакова о возможности государственного переворота, подчеркнув, что если найдется «среди недовольных группа решительных людей, то, вне всякого сомнения, трон Абдул Азиза окажется в опасности»[75].

Детонатором будущего политического взрыва стала попытка великих держав грубо навязать Порте очередной виток реформ. Результатом их давления на правительство явилось опубликование 8 декабря 1875 г. султанского фирмана о принципах гражданского равенства, удовлетворявшего основным требованиям, выдвинутым в ноте представителя Австрии графа Андраши. Неспособность правительства противостоять натиску европейской дипломатии вызвала бурное негодование оппозиции. В марте 1876 г. новые османы распространили свой программный документ — «Манифест мусульман-патриотов», а уже в апреле в Стамбуле начались открытые выступления, инициируемые софтами. Уступая давлению улицы, Абдул Азиз был вынужден ввести в состав правительства Мидхат-пашу, а также пойти на замену великого визиря и шейх-уль ислама. Однако снять напряжение эти меры не смогли. В среде оппозиции полным ходом шла подготовка дворцового переворота. Среди организаторов особой активностью отличались поддерживаемый духовенством Мидхат-паша, а также военный министр Авни-паша и начальник военного гарнизона Стамбула. В ночь на 30 мая 1876 г. султан Абдул Азиз I был низложен, на престол вступил принц Мурад.

---

[74] *Фадеева И. Л.* Мидхат-паша... С. 133–153.

[75] *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины... С. 123.

Став председателем Госсовета, Мидхат-паша попытался инициировать подготовку конституции, однако обсуждение этой темы выявило наличие серьезных разногласий в стане недавних союзников. Назревавшему расколу помешал внешнеполитический кризис. 18 июня 1876 г. войну Османской империи объявила Сербия, на следующий день к ней присоединилась Черногория. Ситуация требовала решительных действий, но внезапная душевная болезнь нового султана парализовала деятельность правительства. Пытаясь спасти положение, Мидхат-паша решился на новый дворцовый переворот. При его непосредственном участии 31 августа 1876 г. на трон был возведен Абдул Хамид II (1876–1908).

Тем временем на Балканах бушевал Восточный кризис. В ходе подготовки международной конференции по его урегулированию великие державы вновь принялись увлеченно обсуждать возможные варианты реформирования разваливающейся империи (причем, без участия турецкой стороны). Порта попыталась сделать ставку на конституцию. Султаном был срочно издан указ, официально признающий необходимость ее введения, и уже 23 декабря (в день открытия Константинопольской конференции) конституция была официально провозглашена.

По мнению английского тюрколога Б. Леви, образцом для первой турецкой конституции стала бельгийская конституция 1831 г.[76] В стране вводилась конституционно-монархическая форма правления. Однако местная специфика разработчиками учитывалась: уже в первых статьях оговаривался теократический характер османской государственности и особая роль султана-халифа (светский правитель и одновременно падишах). Сохраняя за султаном самые широкие полномочия, конституция предусматривала создание двухпалатного парламента, состоящего из сената и палаты депутатов. В тексте торжественно декларировалось равенство всех подданных перед законом вне зависимости от вероисповедания, но одновременно в качестве государственной религии провозглашался ислам. Конституция гарантировала защиту собственности, неприкосновенность жилища, независимость судебной системы, свободу печати, обязательное начальное образование и пропорциональное распределение налогов. Особо подчеркивалось, что все подданные султана (вне зависимости от конфессиональной принадлежности) являются османами, а сама империя представляет собой неделимое целое.

В европейской историографии оценку турецкой конституции 1876 г. слишком высокой назвать нельзя. В целом ее принято рассматривать в качестве своеобразной символической вехи времени, шага внешне эффектного, но не имевшего серьезного практического значения[77]. Отношение к конституции самого султана было крайне скептическим. Он расценивал ее как явление преждевременное, а потому вредное. Спустя несколько лет в беседе с российским послом А. И. Нелидовым он исчерпывающе охарактеризовал свою позицию: «Если реформы предприняты слишком рано, то принесут только зло... Я дал моей империи конституцию. Это не было моей собственной инициативой, я вынужден был поступить так. Но она не могла действовать. Я не нашел ни способных людей, чтобы правильно ее применить, ни расположения населения, необходимого, дабы конституция принесла пользу государству. Она должна была повиснуть

[76] *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey. London, 1961. P. 356.

[77] *Петросян Ю. А.* «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958. С. 144–148.

в воздухе, тогда как, если бы я ввел ее позднее, она, возможно, стала бы подспорьем в управлении моей империей»[78].

Начавшаяся в 1877 г. война с Россией оказалась для судьбы османских реформ фатальной. Вскоре после начала военных действий только что созванная палата депутатов решением султана была распушена (июнь 1877 г.). И хотя спустя некоторое время она вновь возобновила работу, неудачи на фронте и необходимость публичного обсуждения предстоящего мирного договора предопределили разгон парламента. Указом от 14 февраля 1878 г. палата депутатов была досрочно распущена без указания срока нового созыва. Начавшийся после роспуска парламента период правления султана Абдул Хамида II современники назвали эрой Зулюма (тирании), подразумевая под этим термином в первую очередь возврат к абсолютистской форме правления. Этой же вехой большинство историков склонны датировать и конец эпохи Танзимата. После 1878 г., обозначившего политический крах Османской империи и конец ее существования в прежнем виде, Абдул Хамид от реформ решительно отказался. Что же касается османской элиты, то горькое разочарование итогами второго этапа Танзимата надолго подорвало ее веру в спасительную силу курса модернизации по западным лекалам. Между тем Сан-Стефанский мирный договор и Берлинский трактат освободили Порту от прежних международных обязательств. Оковы Хатт-и хумайуна остались в прошлом, но страну ожидали новые испытания: в обществе все большую силу набирали панисламистские и националистические настроения.

[78] *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины... С. 135.

Россия сосредотачивается, неприятельская коалиция распадается

После Крыма наступил горчаковский период внешней политики России. Князь Александр Михайлович Горчаков, назначенный министром иностранных дел, не просто возглавлял департамент, действуя по царским указаниям, как то обычно водилось, а определял внешнеполитический курс страны. Идеологическая ветошь, унаследованная от Священного союза, была выброшена на свалку истории. Циркуляр посольствам и миссиям от 21 августа (2 сентября) 1856 г. содержал ставшую знаменитой фразу: «Россия не сердится, Россия сосредотачивается». Не поддержка шатающихся тронов, а отстаивание национальных интересов страны, создание внешних условий для проведения Александровских реформ объявлялись задачей ведомства: «Обстоятельства вернули нам свободу действий; императорский кабинет решил предпочтительно посвятить свои заботы благополучию своих подданных и сосредоточить свою деятельность на развитии внутренних ресурсов страны» [1].

Конечно, в документе, предназначенном для распространения за рубежом, не следовало заниматься уничтожающей критикой подвигов Николая I на европейской арене. Она содержалась в материалах для внутреннего пользования, и прежде всего в годовых отчетах министерства, своего рода ситуационных анализах той эпохи: «Долгое время императорский кабинет был скован традиционными воспоминаниям и интимными связями, которые лишь для него оставались священными»; «следование им способно скомпрометировать самые насущные интересы страны»; «война вернула дипломатии свободу действий»; силы России «должны быть устремлены исключительно на благо и величие народов, ей доверившихся»; необходимо обеспечить прежде всего спокойствие и безопасность на границах — «сохранение мира является неотъемлемым условием наших внутренних преобразований» [2].

В нелегкой ситуации, используя лишь дипломатические средства, не имея союзников, надлежало освободиться от тяжелых условий Парижского мира, сохранить и укрепить влияние на Балканах, восстановить Россию в правах и прерогативах великой державы. Для сего следовало покончить с изоляцией в международном плане, в котором страна очутилась после Крымской войны. Горчаков пришел к выводу, что удастся найти точки соприкосновения и наладить сотрудничество с Францией, в чем он убедил и императора. Реальная почва для антагонистических противоречий между двумя странами отсутствовала. Они располагались на противоположных концах Европы, и территориальных споров между ними не возникало. Неуемный экспансионизм разных Людовиков и Наполеонов осложнял отношения, но все же в Крымской войне Бонапарт занимал наименее агрессивную позицию и не скрывал своего стремления к миру. Анализ ее результатов приводил к выводу, что французы понесли в ее ходе наибольшие

---

[1] Канцлер А. М. Горчаков. М., 1998. С. 212, 211.

[2] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчеты. 1856. Л. 239, 194.

потери и извлеки наименьшие выгоды, уступив их Великобритании и Австрии. Первая считала мир торжеством доктрины статус-кво — сохранения на Балканах власти опекаемой ею Высокой Порты, вторая во время войны оккупировала своими войсками Молдавию и Валахию, добилась отторжения от России Южной Бессарабии и собиралась прочно утвердиться в низовьях Дуная. «Полное уничтожения плодов нашей вековой деятельности на востоке, абсолютное порабощение христиан и увековечение угнетательского турецкого режима при преобладании Австрии и Англии» — таковы цели двух держав, — говорилось в отчете МИД за 1858 год[3]. Ничего общего с альтруизмом не имели и замыслы Луи Наполеона. Он имел вполне реальные шансы стать прочной ногой в Дунайских княжествах. Однако его планы представлялись российской дипломатии меньшим злом по сравнению с разгулявшимися экспансионистскими аппетитами Австрии. Горчаков полагал, что, натаскав из огня войны немало каштанов для Вены и Лондона, обитатель Тюильрийского дворца считал себя обделенным при разделе добычи. Появилась возможность игры на обозначившихся между бывшими неприятелями противоречиях.

Значение военных успехов было раздуто во Франции до степени совершенно неправдоподобной, их представляли достойным реваншем за 1812 год. В Париже до сих пор существует мост Альма и бульвар Себастополь. Но российскую дипломатию невозможно было ввести в заблуждение мифотворчеством. Дело ограничилось занятием половины небольшого города с населением в мирное время в 40 тысяч человек, ринуться вглубь таинственной и обширной России союзники не решились. Опыт Наполеона Первого, сгубившего в России полумиллионную армию, не вдохновлял. Бонапарт стал первым монархом в Европе, был возрожден «воинственный дух нации», но режим остался внутренне слабым. Партии «укрощены», но не уничтожены, деловой мир тысячами нитей связан с соседкой за Ламаншем, порви их — и начнется дефолт. Материальное процветание Франции, ее «коммерческие, индустриальные интересы прямо связаны с британскими»[4]. Заморские внешнеполитические авантюры, на которые падок был обитатель Тюильри, были невозможны без санкции владычицы морей. Так что он вполне продуманно объявил союз с Англией основой своей внешней политики. Личные качества Бонапарта, мягко говоря, доверия не внушали. Понятие «принцип» было ему неведомо, один лишь интерес, в самом эгоистическом смысле этого слова — там, где оно по значению смыкалось с выгодой, — побуждал его к действию. Но выбор отсутствовал, и самодержавие пошло на сотрудничество с Бонапартом, и прежде всего в делах балканских. На Парижском конгрессе трещины в отношениях между союзниками не замедлили появиться. Существует ходячая фраза: «Не успели высохнуть чернила...». На сей раз все произошло еще раньше, до того, как был подписан мир.

В трудной ситуации, когда всякие эмоции приходилось оставлять на пороге кабинета, в российской внешней политике родился принцип ее деидеологизации: «Следует устанавливать согласие не с той или иной династией, а именно и исключительно с Францией, независимо от режима, который господствует в стране, и от симпатий, которые могут вызывать личности». В этих словах отразилась присущая Горчакову способность к анализу. В высшей степени сдер-

[3] АВПРИ. Ф. Отчеты. 1858. Л. 128—129.

[4] Сборник российского императорского исторического общества (Сб. РИО). Т. 70. СПб., 1890. С. XI.

жанно надлежало вести себя с Наполеоном, чтобы не настраивать его на командный тон в случае излишней уступчивости или побуждать его к поиску иных комбинаций при слишком большой несговорчивости с российской стороны[5].

Но вернемся к конгрессу, на котором антироссийский союз получил первые и, как оказалось, незаживающие раны. Форум стал ареной острых разногласий по вопросу об объединении Дунайских княжеств. А. Валевский, министр иностранных дел, предложил его участникам высказаться в пользу их унии. В годы Крымской войны произошло размежевание национальных движений балканцев; симпатии сербов, черногорцев, болгар, греков оставались на стороне России, Греция подверглась за это даже англо-французской оккупации. Иную позицию заняли сторонники объединения княжеств, унионисты, возлагавшие все надежды на поддержку своего кумира, Луи Наполеона. Они обещали превратить будущую Румынию в точку опоры Франции, в рынок для ее промышленных товаров, в политического клиента и в остров латинской цивилизации в славянском море. По словам одного из их лидеров И. К. Брэтиану, Франция обретет в объединенных княжествах «все преимущества колониальной державы без связанных с этим затрат». В том же духе высказывался Н. Голеску: «Франция обретет в Румынии больше, чем колонию, больше чем крепость»[6]. Новое государство, заверяли унионисты, станет барьером между Россией и славянами и исключит в будущем «нашествия» московитов на Балканы.

В Париже на конгрессе с резкими возражениями против объединения княжеств выступили представители Османской империи, Австрии и, немного позже, Великобритании. Турки понимали — сравнительно крупное румынское государство подало бы соседям пример к подражанию; австрийцы собирались утвердить в княжествах свое единоличное влияние, не посягая на суверенитет султана; британцы уже многие десятилетия придерживались доктрины статус-кво в Юго-Восточной Европе — сохранения здесь власти Высокой Порты. Султан служил им сторожем при Черноморских проливах.

А. Ф. Орлов, глава российской делегации, стал перед трудным выбором. Появление румынского барьера во главе с русофобами-унионистами Петербург не устраивало. Но «после Крыма», ввиду утраты права покровительства над христианами, у него оставалась единственная возможность отстаивать свои интересы в регионе, а именно поддерживать их национальные движения, а не ставить им палки в колеса. Приходилось выбирать наименьшее из зол. Баланс сил сложился так: Франция и Сардиния — за объединение Молдавии и Валахии; Турция, Австрия и Великобритания — против. По сути дела, уже на мирном конгрессе произошел раскол союзников. Орлов оказался в ключевой позиции: присоединись он к большинству — и сама идея объединения откладывалась в долгий ящик. Вырисовывалась перспектива выдворения с Балкан и серьезная компрометация самодержавия в глазах христианского населения. И Орлов высказался за опрос населения по вопросу об унии. Горчаков в своих депешах отмечал, что Россия стоит за то, чтобы жители сами определяли свою судьбу, не больше и не меньше. Но в сложившейся ситуации, при популярности объединения среди жителей, принятое решение зажигало зеленый свет перед унией. О ее поддержке заявила и Пруссия. Проунионистские державы-покровители получили большинство.

---

[5] АВПРИ. Ф. Отчеты. 1856. Д. 51, 244, 248–249.

[6] *Otetea A.* Insemnatatea istorica a unirii. — Studii. 1959.№ 1. P. 30.

Конгресс предусмотрел сложную процедуру консультаций с жителями, увенчавшуюся избранием чрезвычайных собраний (диванов ад хок) с участием всех сословий, нескольких депутатов посылали и барщинные крестьяне.

В княжествах, особенно в Молдавии, развернулась подлинная схватка вокруг выборов в собрания.

Назначенные султаном каймакамы (наместники) и администрация при деятельном, если не сказать руководящем, участии австрийского консула сделали все, чтобы в диванах сепаратисты оказались в большинстве. Сторонников унии запугивали, их имена вычеркивали из списков избирателей, полиция устраивала в их домах обыски, в ходе которых, случалось, исчезали ценные вещи. Особого разгула злоупотребления достигли в Молдавии. Униоисты решили бойкотировать выборы в Яссах и направили протест представителям держав в Стамбул. Послы и посланники Франции, России, Пруссии и Сардинии реагировали решительно, потребовав отмены молдавских выборов и проведения новых без фальсификации их результатов. Не получив ответа, они приготовились к разрыву дипломатических отношений с Высокой Портой. У князя А. М. Горчакова затеплилась надежда — уж не удастся ли на почве румынских дел рассорить Францию с Великобританией?

Не удалось. На встрече с королевой Викторией на острове Уайт (июль — август 1857 г.), в беседах с министрами Г. Д. Пальмерстоном и Д. Кларендоном Луи Наполеон капитулировал по всей линии. Правда, французская пресса, близкая ко двору, твердила что-то об успехе императора. Но, по сведениям российской дипломатии, подтвержденным дешифровками из австрийской корреспонденции, дело обстояло совсем иначе: «Император Наполеон во время своих переговоров в Осборне совершенно отказался от проекта политического объединения Молдавии и Валахии». Решено было оставить в Яссах и Бухаресте отдельных князей, законодательные собрания, правительства и вооруженные силы [7]. Предусматривалась лишь выработка на будущее общих законов для двух государств. Единственное, в чем Форин-офис счел возможным пойти на уступку Франции, — это согласие направить «совет» Высокой Порте отменить фальсифицированные выборы в Молдавии. Стамбул, как и следовало ожидать, немедленно внял «совету». Новые выборы принесли успех унионистам. Два дивана выработали пожелания, главным из которых являлось объединение княжеств в единое государство под именем Румыния во главе с иностранным принцем.

Собравшаяся в Париже конференция послов руководствовалась не этими пожеланиями, а договоренностью в Осборне. Французы прибегли, правда, к незатейливому маневру: они рекомендовали партнерам осуществить подлинную унию княжеств, но, натолкнувшись на «непреодолимое сопротивление» оппонентов, сдали свои позиции (если, конечно, считать, что они их имели). Подписанная 7 (19) августа 1858 г. конвенция сохранила в Молдавии и Валахии отдельных князей, законодательные собрания, вооруженные силы. Общим становился лишь некий орган, долженствовавший вырабатывать единые законы. Провозглашалась отмена общественных привилегий, что свелось к ликвидации сословия бояр и замене прежней кастовой системы управления на другую, основанную на высоком имущественном цензе избирателей. Знатность у власти сменило (правда, очень постепенно) богатство. Российский представитель

[7] Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 828. Л. 82.

П. Д. Киселев выступил на форуме с меморандумом об автономных правах господарств. Их перечисление вошло в текст конвенции. Сепарация Молдавии и Валахии, по существу, сохранялась, и название «Соединенные княжества» не соответствовало действительности.

А. М. Горчаков был разочарован и сравнил творение держав с оштукатуриванием старого здания. Унионисты, однако, сумели воспользоваться очерченными в конвенции автономными правами Молдавии и Валахии в своих интересах. Произошло нечто, совершенно неожиданное для дипломатии держав: на престолы в Яссах и Бухаресте было избрано одно и то же лицо — полковник Александру Ион Куза (январь 1859 г.). Подобного казуса конвенция не предусматривала и запрета на него не налагала, хотя двойное избрание противоречило сепаратистскому духу творения послов. Они вновь собрались в Париже и заспорили, но вспыхнула война Франции и Сардинии против Австрии (апрель – июль 1859 г.), и совещания пришлось прервать. А консул в Бухаресте Н. К. Гирс, будущий министр иностранных дел, советовал поддержать двойное избрание «уже только потому, что этим разрушаются турко-австрийские козни». Гирс отмечал возросший авторитет России в глазах населения. В день выборов он сообщал: «Нас с французами возвышают до небес, возлагая на нас в особенности все надежды. Возвращаясь вчера вечером из общего собрания после господарского выбора, я едва мог проехать сквозь толпу, которая меня с факелами долго преследовала с криками ура за Россию»[8].

Маленький Бонапарт затевал большую игру по перекройке карты Европы и очень хотел втянуть в нее Россию. В России не стихало негодование в отношении «изменницы Австрии»; казалось, раздави гадину — и дело с концом. Однако дипломатам рекомендуется сохранять хладнокровие и тогда, когда у окружающих кружится голова и чешутся кулаки. Убрать Австрию с политической карты означало безмерно увеличить значение и роль Франции. Наполеон явно метил в наследники своего великого дяди. И Александру II, и Горчакову это было явно не с руки. И все это — в обмен на призрачное обещание, если «представится случай», содействовать изменению (не отмене!) пагубного для России трактата 1856 г. Но и к явному отвержению его авансов не следовало прибегать, это грозило похоронить начавшееся сотрудничество в балканских делах и очутиться в условиях международной изоляции. И Горчаков продолжал переговоры с целью добиться у партнера отказа от гарантии парижского трактата. Следует признать, что шансов на подобную уступку фактически не существовало[9]. Для Наполеона это означало признать, что Крымская война была затеяна вовсе не для защиты европейской цивилизации и не для того, чтобы оборвать обуревавшую московитов страсть к завоеваниям, а во имя отнюдь не столь возвышенных целей, между которыми значилось и укрепление трона. Долгие и тяжкие переговоры между сторонами привели к скромному результату: самодержавие обещало Наполеону соблюдать в надвигающейся войне благожелательный нейтралитет. А с другой стороны на Бонапарта надвигались тучи: Пруссия двинула к Рейну три армейских корпуса, британский премьер Г. Д. Пальмерстон заявил, что правительство Ее Величества не потерпит разрушения системы договоров 1815 г. Наполеону пришлось поскромнеть. После первого же значительного успеха при Сольферино он пошел на мирные переговоры, не известив о них итальянских союзников.

---

[8] АВПРИ. Ф. Консульство в Яссах. 1859. Д. 1529. Л. 125, 263.

[9] Канцлер А. М. Горчаков. С. 259–269.

Ломбардия перешла к Сардинскому королевству, Венецианскую область императору Францу-Иосифу удалось удержать за собой, провинции Ницца и Савойя вошли в состав Франции, проформы ради в них провели референдум.

Война не вышла за локальные рамки, но свидетельствовала о серьезных сдвигах в конфигурации международных сил. Уже рождение Румынии означало удар по системе Парижского пакта, предполагавшей укрепление Османской империи, реформированной по европейскому образцу. Вместо этого — удар по власти и влиянию Высокой Порты в регионе и пример соседям для действий в том же направлении. Война между недавними союзниками свидетельствовала, что альянс лежал уже в руинах.

Румыния при правлении А. Кузы и под властью «чудовищной коалиции»

Правление А. И. Кузы продолжалось всего шесть лет. Господарь лихорадочно проводил реформы на французский лад. В уездах исправников заменили префекты, поручиков в армии — лейтенанты. Чиновничий аппарат разбухал как на дрожжах. Налоги росли, обыватели роптали. Назанимали денег везде, где только можно. Чиновники месяцами сидели без жалованья, офицеры — без содержания, государственные служащие в отставке — без пенсий. Но в социально-экономической сфере происходили серьезные подвижки. Монастырские земли, занимавшие четверть обрабатываемых площадей, были секуляризованы и пополнили государственный фонд. Однако стоило в повестке дня Национального собрания появиться вопросу об аграрной реформе, как разыгралась буря (апрель 1864 г.). Тщетно глава правительства М. Когэлничану говорил об умеренности закона и призывал взять пример с императора Александра II, осуществившего подобное преобразование в России. Помещики вцепились в свои земли, крайняя уступка, на которую шли консерваторы, — это предоставить крестьянам за тяжелый выкуп по 2 гектара земли на хозяйство, что означало лишение их большей части обрабатываемых ими площадей. На правительство посыпались обвинения в социализме. Д. Гика назвал представленный палате депутатов законопроект «поджигательским и развязывающим гражданскую войну». Палата депутатов выразила недоверие М. Когэлничану. Князь, однако, отказался отправить его в отставку и решился на государственный переворот. 2 мая заседание началось в обстановке, предвещавшей кризис. Говорить первому министру не дали. Будучи не в силах перекричать разгоряченных депутатов, Когэлничану ограничился тем, что вручил текст законопроекта председательствовавшему. Подтянутая к дворцу рота солдат заняла зал заседаний и выдворила оттуда членов палаты. Некоторые, опасаясь ареста, выпрыгивали из окон[1].

В тот же день А. Куза опубликовал манифест, обвинив «мятежную олигархию» в стремлении лишить крестьян земли. Он издал «Статут в развитие Парижской конвенции, или Акт, дополняющий конвенцию от 7 (29) августа 1858 года». Князь явно стремился избежать внешних осложнений и скрылся поэтому под сень держав-гарантов, к его акции совершенно не причастных. Статут снижал избирательный ценз и предоставлял право голоса средней и мелкой городской буржуазии, несколько ограничивал права Национального собрания и расширял прерогативы княжеской власти. Поспешно проведенный референдум принес Кузе громадное большинство голосов.

Аграрная реформа, вокруг которой разыгралась драма, по сути своей была очень умеренной и благоприятной для помещиков. В руках у них и у государства осталось 6,2 млн га пахотной земли, лугов и пастбищ, крестьянам за очень

---

[1] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. СПб. Гл. Арх. 1857—1867. Д. 10. Л. 679—686.

тяжелый выкуп причиталось 3,1 млн га[2]. Наделение землей производилось в зависимости от наличия у хозяйства рабочего скота. Крепкие царане, имевшие упряжку из четырех быков и корову, получили по 7,9 га в Молдавии и 5,6 га в Валахии. Таких насчитывалось 72 тысячи семей. Середняки (упряжка в два быка и корова) получили в среднем по 4,4 га, «безлошадные» (134 тысячи) — по 2,8 га. Еще 108 тысяч семей молодоженов, вдов и лиц, занимавшихся сельским хозяйством, приобрели право лишь на приусадебный участок[3].

По представлениям тех лет, семье из 5 человек, для того чтобы свести концы с концами — прокормить себя, содержать скот, платить налоги государству, арендную плату помещику, — требовался надел в 5 гектаров. Большинству селян после реформы приходилось арендовать у помещика землю дополнительно. Такой бич деревни, как малоземелье, после реформы сохранился. К тому же грянула засуха, недоимки росли, с ними боролись полицейскими методами. По словам российского консула в Яссах Н. М. Лекса (октябрь 1865 г.), «экзекуции крестьянского населения Молдавии для уплаты податей и поземельных повинностей продолжаются... Вообще положение царан самое плачевное. Урожай хлебов нынешнего года был весьма плохой, сена вовсе почти нет, скот продается нипочем, а между тем подати страшные...»[4].

А. И. Куза и М. Когэлничану вписали свои имена в историю страны как крупные реформаторы, но современники их подвига не оценили. Пресса протестовала против режима личной власти, установленной князем, — газеты подвергались штрафу или закрывались, оппозиционеры под разными предлогами оказывались за решеткой, радикалы возмущались посягательствами на гражданские права. Нарекания вызывала личная жизнь А. И. Кузы. Он покинул супругу, княгиню Елену, женщину достойную и популярную в стране, но бездетную, и сошелся с молодой вдовушкой Марией Катарджи-Обренович из сербской княжеской семьи и имел от нее двух сыновей, которых признал своими. И что же — престол унаследует неведомо кто? Все это расходилось со взглядами элиты, сторонницы сильной и законной власти.

По стране раскинулись сети заговора, в него вступили консерваторы, либералы, радикалы. В ночь с 10 на 11 февраля 1866 г. в спальню господаря ворвалась группа офицеров и заставила его подписать акт об отречении от престола. Мадам Обренович разрешили одеться и проводили ее домой. Утром бухарестцы обнаружили на столбах объявление, из которого узнали, что ошиблись в избрании главы государства: «Анархия, коррупция, нарушение законов — вот принципы его правления». Самоназначенное наместничество клятвенно обещало положить все силы на алтарь отечества, сохранять общественный порядок и отринуть от себя все личные амбиции.

Современники нарекли свергнувшую Кузу группировку «чудовищной коалицией», столь противоестественным представлялся им союз «людей 48 года» со своими недавними противниками. На самом деле ничего загадочного не произошло. «Люди 48 года», выходцы из боярства и торговой буржуазии, за единичными исключениями, перешли на позиции умеренного реформизма. Революция грозила опасными социальными последствиями, столкновением с крестьянами, требовавшими земли. Они же хотели спокойного и стабильного господства.

---

[2] Istoria Romaniei (IR). V. 4. Bucuresti, 1964. P. 443.

[3] Ibid. P. 445.

[4] АВПРИ. Ф. Гл. Арх. V-А2. Д. 1160. Л. 77.

И они выбрали путь сотрудничества с крупными землевладельцами, а многие из них к ним и принадлежали, и в первые десятилетия в «чудовищной коалиции» доминировало консервативное влияние.

* * *

После изгнания Кузы наместничество очутилось в ситуации, требовавшей не то что быстрых, а стремительных решений. Державы признали объединение Дунайских княжеств только на срок правления Кузы. С его устранением, по букве и духу принятых решений, наступал сепаратизм. Представителям держав оставалось лишь собраться и вынести вердикт. Унионисты зарекомендовали себя верными клиентами Франции, опираться на них самодержавие не могло и по-прежнему ориентировалось на консервативные силы в княжествах. Расклад сил в концерте держав не внушал лидерам коалиции уверенности в поддержке объединения, и они спешили опередить неповоротливую дипломатию, поставить покровителей перед свершившимся фактом рождения Румынии с иностранным принцем во главе.

В самой стране царила тревога. В деревнях распространялся слух — переворот учинен с целью лишить крестьян земли, предоставленной им изгнанным князем. Наместничество в специальной прокламации заверяло: «Никто ни под каким предлогом, ни правительство, ни национальное собрание не могут посягать на вашу собственность, на эти земли»[5]. Заверениям не верили. Жители десятков коммун обвиняли помещиков в том, что те в ходе размежевания выделили им самые неплодородные земли, и требовали вернуть те, которыми они владели и которые обрабатывали их отцы и деды. Споры и конфликты перерастали в стычки со стражниками и представителями властей.

Серьезное недовольство царило в Молдавии. Быстрое возвышение Бухареста сопровождалось явственным упадком Ясс, столица княжества превращалась в провинциальный город. Промышленность и торговля вступили в полосу упадка, материальные интересы многих пострадали. Гордость молдаван была уязвлена выдвижением Валахии на первое место в государстве. Свергнутый князь был молдаванином. Сепаратистские настроения росли. Ясский префект (валах) сообщал: «Антиунионисты здесь в значительном большинстве»[6].

В конце 1865 г. поступили тревожные сведения: Луи Наполеон в очередной раз собрался перекраивать карту Европы. Он предполагал отобрать у Австрии Венецианскую область и вознаградить ее княжествами. Находившийся в Париже И. К. Брэтиану писал жене (январь 1866 г.): «Дела здесь плохи, наши лучшие друзья отдают нас Австрии. Мне пришлось много поработать и еще многое придется сделать, чтобы устранить угрожающую нам опасность»[7].

Впору было устроить гонку с избранием единого князя. Свой выбор коалиция остановила на кандидатуре графа Филиппа Фландрского, второго сына бельгийского короля. Депутаты и сенаторы за него проголосовали. Но затем произошел конфуз. Филипп заявил явившейся в Брюссель румынской делегации, что передумал. Видимо, он предпочел жизнь в спокойной Бельгии вечным балканским тревогам. По слухам, его кандидатура не устраивала Наполеона — по материнской линии он был сродни свергнутой во Франции Орлеанской династии.

---

[5] IR. V. 4. P. 526.

[6] *Iordache A.* Instituirea monarhiei constituţionale in România. Bucureşti, 1993. P. 36.

[7] *Stan A.* Ion C. Brătianu, un promoter al liberalismului în România. Bucureşti, 1993. P. 162.

От послов держав-гарантов в Париже поступила рекомендация — ограничиться делами чисто административными вплоть до решений конференции. Все они выступали тогда за сохранение Османской империи, никто не хотел затевать ссору ради ее наследства. Румыны пропустили поступивший совет мимо ушей. Надо было поставить покровителей перед совершившимся фактом, так, чтобы в их вердикте нужды не возникло[8]. Была подыскана другая кандидатура на престол в лице Карла Людвига Гогенцоллерн-Зигмарингена, отпрыска боковой католической ветви прусского королевского дома. 27-летний офицер прусского гвардейского драгунского полка был не прочь принять румынскую корону, ведь «дома» отдаленному родственнику монарха мало что светило. По материнской линии он был в родстве с Бонапартами, так что существовала надежда, что Наполеон воспримет его кандидатуру благосклонно. Но король Вильгельм, глава фамилии, воспринял возможность, открывшуюся перед молодым человеком, довольно кисло, тому предстояло стать вассалом султана, что смущало старого монарха. Неумолимо назревала война с Австрией, впутываться еще в какие-то балканские дела не хотелось. Министр-президент О. Бисмарк, к которому обратился Карл, советовал пойти на риск (в конце концов, почему не заиметь своего человека в Бухаресте?). Даже в случае неудачи, сказал он драгуну, тот будет вспоминать о предприятии, как о «пикантном приключении, поскольку сам не ставит на карту ничего серьезного»[9]. С таким напутствием Карл вступил в свое царствование, длившееся 48 лет. Официально ни Вильгельм, ни Наполеон поддержки ему не обещали.

«Чудовищная коалиция», не дожидаясь даже согласия принца, стала готовить «операцию по плебисциту», как именовал его избрание российский консул Г. Оффенберг[10]. Под бдительным надзором префектов и полиции жители, по официальным данным, чуть ли не поголовно отдали голоса за неведомого им немца (686 тысяч — за, 224 голоса — против). Эти результаты вызывают сомнение потому, что произошли серьезные волнения среди грэничар, солдат-крестьян, охранявших рубежи по Дунаю. Они выступили под лозунгами: «Да здравствует Куза!», «Куза дал нам ружья и землю!», «Долой Карла!» Командование уговорило их разойтись по домам, обещая освободить от военной службы[11].

В Молдавии возник сепаратистский заговор во главе с представителями местной знати. Они направили петицию Высокой Порте, обосновывая право на избрание самостоятельного князя конвенцией 1858 г. На высокий пост намечалась кандидатура Н. Росетти-Разновану. 15 апреля в Яссах состоялась демонстрация протеста, во главе которой шел митрополит Калинник Миклеску. Батальон пехоты, состоявший из валахов, расстрелял шествие, убив 20 и ранив многих участников, в том числе митрополита[12].

Делегация, направившаяся вручать Карлу акт об избрании, не нашла его ни в Берлине, ни в Дюссельдорфе. Принц плыл на пароходе по Дунаю. Австро-прусская война нависала, он, как офицер неприятельской армии, мог быть интернирован и потому путешествовал с паспортом на имя некоего швейцарца, в штат-

---

[8] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1866. Д. 35. Л. 70; *Iordache A.* Op. cit. P. 24–31.

[9] *Мадиевский С. А.* Политическая система Румынии. М., 1980. С. 106.

[10] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1866. Д. 15. Л. 13.

[11] IR. V. 4. P. 528, 626. Mihordea V. Răscoala grănicerilor de la 1866. Bucureşti, 1957. P. 52–53; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1866. Д. 35. Л. 62.

[12] IR. V. 4. P. 524.

ском костюме, прикрывал лицо большими темными очками и занимал каюту второго класса, чтобы не привлекать внимания к своей персоне. У кухарки Амальхен осталось прекрасное впечатление от интересного молодого человека, подарившего ей цванцигер[13]. Высадившись в Турну-Северине, мнимый швейцарец отправил телеграммы в Бухарест наместничеству и в Стамбул Высокой Порте. В столице его ожидала встреча с колокольным звоном и пушечным салютом. Впечатление от города у него сложилось критическое: «Дома более чем скромные, мостовые в ужасающем состоянии», вместо дворца — одноэтажное строение[14]. Порадовала лишь мебель в резиденции, недавно выписанная Кузой из Парижа.

Первым делом Карл занялся излюбленным занятием монархов — армией. Доставшуюся от предшественника он нашел никуда не годной, начиная с формы: «Солдаты, одетые в красные панталоны и синие, со стальным оттенком куртки, выглядят неопрятно, выправка их оставляет желать лучшего, офицеры также не производят хорошего впечатления». Проинспектированный им второй полк представлялся ему скверной имитацией французской армии. Войско предстояло переодеть, перевооружить и переобучить на прусский манер, к чему Карл и приступил с помощью инструкторов из фатерлянда, отправив французскую военную миссию домой[15].

* * *

Российский МИД долго не мог выработать позиции в отношении новой румынской власти. Куза, конечно, по мидовским меркам, доброго слова не заслуживал, но чем лучше люди, его свергшие? Консулу Г. Оффенбергу повсюду мерещились козни «красных», к которым он причислял и многих либералов, включая И. К. Брэтиану. Радикальная пресса систематически вела агитацию против «славянской империи». Но стала поступать и успокаивающая информация: консервативный элемент поднялся против «анархических тенденций», фракция младоконсерваторов (жунимистов) отмежевалась от «старых демагогов» — Брэтиану, Росетти, Голеску и др. Карл поставил во главе правительства ярого консерватора Л. Катарджи, включив в него, правда, и Брэтиану. Конференция послов в Париже пребывала в бесплодных размышлениях, ее советом избрать на престол местного уроженца румыны пренебрегли. Делегат Турции предложил было воспользоваться ее войсками для «наведения порядка» в Румынии, но отклика не встретил. Российская дипломатия вообще всегда выступала против вооруженной расправы над христианами[16].

* * *

23 мая 1866 г. началась австро-прусская война, совещания в Париже прекратились, как и поступавшие оттуда наставления румынам. Консульский корпус в Бухаресте, включая пруссака, официально новой власти не признавал, но частным образом поддерживал с нею отношения. В начале июня Оффенберга посетил министр внутренних дел и заявил ему по поручению Карла: «Призвав на престол Гогенцоллерна, румыны должны понять, что время политических

[13] Сочинения Г. П. Данилевсого. Т. 23. СПб., 1901. С. 191.

[14] *Iordache A.* Op. cit. P. 45–46.

[15] Ibid. P. 45.

[16] АВПРИ. Ф. Отчеты. 1867. Л. 193, 115, 77, 135; *Iordache A.* Op. cit. P. 96–99.

авантюр и подрывных замыслов миновало». Князь, верный традициям своего дома, вооруженной рукой подавит вылазки последователей «секретных комитетов, будь то польских или румынских». Оффенберг снабдил депешу своими одобрительными комментариями: «Князь Гогенцоллерн, несомненно, одушевлен наилучшими намерениями», его принципы превосходны. Но от опасений он освободиться не мог и сетовал и жаловался на влияние на молодого человека его «ментора Брэтиану и отвратительного окружения» [17].

Когда послы держав вновь собрались за столом заседаний, им оставалось лишь примириться с тем, что учинили румыны. До Бухареста дошло высказывание Н. П. Игнатьева: «Порте следует удовлетворить пожелания Дунайских княжеств и прекратить ребячество и словесную болтовню, она (т. е. Турция) и так не справляется с событиями на Крите» [18]. Действительно, турецкие власти, занятые подавлением восстания на острове, не могли браться вдобавок за расправу над Румынией. В октябре 1866 г. Карл нанес визит в Стамбул для получения там инвеституры от султана. Абдул Азис принял его дважды. Карл в беседах с ним не допустил ни малейшего намека на вассальное положение своей страны и заверил падишаха, что тот «может рассчитывать на дружеские чувства со стороны Румынии» [19]. Но в тексте инвеституры княжество называлось «неотъемлемой частью» Османской империи. Получив в подарок усыпанную драгоценными каменьями саблю, а в награду — орден Османие, Карл со своей свитой отбыл из Стамбула.

В том же 1866 г. вступила в силу конституция Румынии, сработанная по лучшим европейским образцам. В ней говорилось о суверенных правах страны, о разделении властей (законодательной, исполнительной и судебной), о представительном правлении, министерской ответственности перед парламентом, неприкосновенности личности и собственности. Провозглашалось равенство граждан перед законом, свобода совести, печати и собраний, право на образование, неприкосновенность личности и жилища.

Прерогативы князя были обрисованы широко: он обладал правом законодательной инициативы, роспуска парламента, командования армией, формировал правительство по своему усмотрению. Принимаемые законы подлежали его санкции. Еще не знакомый с хитростями румынской жизни, Карл выхлопотал себе право налагать вето на все законодательные акты. За 48 лет своего правления он ни разу не пустил вето в ход, ибо существовало множество способов избавиться от неугодного короне акта, не прибегая к прямому его отклонению. Приземленная действительность далеко не всегда соответствовала духу и букве закона. Видный социолог Е. Ловинеску полагал, что в реальной жизни румыны имели мало соприкосновений с конституцией, но зато ежедневно общались с властями предержащими. Американский исследователь Ф. Келлог писал: «Конституционная модель не отягощала плеч румынам; спустя два года после принятия хартии мало кто из румын понимал ее букву или дух» [20]. Еще бы! Ведь из 10 жителей 9 не умели ни читать, ни писать и о предоставленных им правах имели самое смутное представление. Конституция содержала и важную

[17] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1866. Д. 15. Л. 210—21.

[18] *Iordache A.* Op. cit. P. 119.

[19] Ibid. P. 123.

[20] Istoria parlamenului si a vietii parlamentare din Romania. Bucuresti, 1983. P. 163; *Kellog Fr.* The Road to Romanian Independance. W. Lafayette, 1984. P. 76.

оговорку: гражданские права предоставлялись лишь христианам, их лишались довольно многочисленные иудеи. Да и о каком равноправии могла идти речь, когда высокий имущественный ценз избавлял парламент от появления в нем крестьян, и большинство мест в обеих его палатах занимали представители малочисленной богатой прослойки. По словам А. Иордаке, «конституция исключала из политической жизни крестьянское большинство, составлявшее 4/5 населения страны, прозябавшее в условиях полицейского и административного произвола» [21]. Они жили не по конституции, а по обычаю. Так, закон строжайше запрещал не только пытки, но и рукоприкладство в отношении подданных короны, однако его нарушали на каждом шагу, побоями занимались все, кому не лень, — полицейские, сельские жандармы, примари (мэры), субпрефекты, судебные следователи. Как писал Р. Росетти, только «шкура да кости непокорного румына» знали, о чем с ним «беседовали в примарии». Побои учинялись в судебном ведомстве, прокуроры и следователи предпочитали добираться до «истины» быстро и радикально, не тратя времени на сложные и малорезультативные допросы. Правда, аналитики находили в процедуре избиений некий «прогресс» сравнительно с прошлым: раньше били в открытую, при всем честном народе, с введением конституционных порядков истязания осуществлялись в камерной обстановке: «Бьют зверски, но обычно с глазу на глаз, не публично, и в случае жалобы факт отрицается виновником» [22].

Плохо приживались в стране и высокие конституционные принципы и традиции. Важнейший из них, предусматривающий формирование исполнительной власти в зависимости от результатов выборов, был, можно сказать, вывернут наизнанку — здесь назначенное князем по своей воле или даже произволу правительство проводило выборы и всегда, без единой осечки, обеспечивало себе в парламенте большинство, которое пресса именовала звучным и не требующим перевода словом «здробитоаре». Видный жунимист П. П. Карп говаривал: «Дайте мне правительство, и я вам дам парламент» [23]. А реформистский теоретик социал-демократии К. Доброджану-Геря называл румынские парламентские игры канканом. Глядя со стороны, Румынию можно было бы счесть страной социальных землетрясений — в мгновение ока она из консервативной превращалась в либеральную или наоборот. На самом деле администрация и полиция, используя подкуп, страх человеческий, пускаясь на прямую фальсификацию, всегда добивались нужных правительству и короне результатов. Конституционная оболочка лишь слегка прикрывала господство «чудовищной коалиции». В ее рамках существовали течения. Так, либералы в гораздо большей степени, чем консерваторы, заботились о развитии промышленности. Но, что характерно, консерваторы, придя к власти, не отменяли принятых предшественниками законов, либералы, образовав правительство, отвечали той же любезностью. В конце концов, и те и другие вышли из боярской колыбели. Все высказанные выше замечания относятся не к акту 1866 г., превосходному для своего времени, но к обычаям, нравам и традициям, которые во многом и для многих превращали конституцию в мертвую букву. И наконец, она обладала одним несомненным достоинством, которое не меркло, — она не закрывала дорогу

[21] *Iordache A.* Op. cit. P. 21.

[22] *Rosetti R.* Pentru ce s-au răsculat ţaranii. Bucureşti, 1907. P. 549—550; *Мадиевский С. А.* Румынское общество от буржуазных преобразований 60-х гг. XIX века до 1918 г. Кишинев, 1996. С. 109—110.

[23] *Мадиевский С. А.* Указ. соч. С. 170.

к прогрессу. Ее можно уподобить платью, сшитому не по росту, а на рост. Записанные в ней права, первоначально игнорируемые, постепенно становились реальными. При проведении реформ не ощущалось необходимости в их конституционном оформлении, основной закон отвечал потребностям буржуазного общества, новая конституция появилась лишь в 1923 г.

Либеральные и консервативные группировки превратились в общенациональные партии лишь в середине 1870-х — начале 1880-х гг., когда в них влились молдаване, дотоле державшиеся особняком и сетовавшие на пренебрежение их интересами. Фракционность в партиях не прекращалась. В либеральной уживались умеренные, центристы и радикалы, в консервативной — твердокаменные стародумы, консерваторы-либералы, несколько более восприимчивые к новым веяниям и державшиеся обособленно младоконсерваторы (жунимисты) — группа помещиков, занимавшихся хозяйством на капиталистический лад. Нельзя говорить о либеральной партии как о 100 % буржуазной, в ней существовало и помещичье крыло, и все же интересы поднимавшегося капитализма защищали прежде всего либералы. Отсюда их склонность к протекционизму, стремление отгородиться высокой таможенной стеной, под защитой которой развивать индустрию, а у консерваторов — к свободе торговли для беспрепятственного вывоза зерна.

И те и другие рвались к кормилу власти, что сулило многочисленные блага — назначение в администрацию своих сторонников с соответствующим притоком средств и влияния. При существовавшей системе выборов, смахивавшей на назначение депутатов правительством, последнее редко теряло большинство в палатах; смена кабинета происходила, когда засидевшиеся в оппонентах теряли терпение, на правительство обрушивался град обвинений в безынициативности, пренебрежении национальными интересами, продажности его сторонников. Общественность начинала бурлить, и князь приходил к выводу, что пора менять упряжку, если монарх медлил, он становился мишенью критики.

Можно составить библиотеку из книг и статей, посвященных антимонархическому движению в стране. Но стоило пламенному разоблачителю стать министром, как Карл из «прусского шпиона на румынском престоле» превращался в его глазах в представителя могущественного дома, ведущего Румынию по конституционному пути. Перед выборами обещания лились ушатами, после них победители как бы утрачивали память. Радикал К. А. Росетти вздыхал: «Я открыл истину: входишь в правительство — становишься реакционером» [24]. Известный публицист К. Милле отмечал чудесную метаморфозу, происходившую с отъявленными оппозиционерами при появлении перед их умственным взором видения министерского кресла: «Их династизм доходил до степени прислужничества» [25].

Конечно, приводимые выше сентенции содержат заряд полемического преувеличения, но они дают представление о борении страстей, в котором проходило становление в стране конституционно-монархической системы.

* * *

В 1870 г. наступило время испытаний для монархии. Великое и трагическое в истории часто начинается со случайного. В Испании кортесы подыскивали

[24] *Madievschi S. A.* Elita politica a Romaniei. Chisinau, 1993. P. 107.
[25] Ibidem.

кандидата на вакантный престол. Их выбор пал на принца Леопольда Зигмаринген-Гогенцоллерна, который случайно оказался братом румынского князя Карла. Незадачливый Наполеон счел недопустимым водворение члена прусского правящего дома на южной границе Франции и раздул начавшийся с Берлином конфликт до невероятных размеров. 19 июля 1870 г. началась франко-прусская, а скорее даже франко-северогерманская война, а в Румынии произошел раскол страны на две совершенно неравные части: общественность почти поголовно выступала на стороне латинской сестры. Атмосфера накалилась. Зрел заговор с целью свержения Карла с престола; легкость, с которой удалось изгнать Кузу, толкала умы на повторение переворота. Конспираторы готовились к выступлению в 7 городах; в последний момент офицеры-заговорщики решили подождать вестей с полей сражений. Выступление произошло лишь в Плоешти, где отставной капитан А. Кандяну-Попеску, активный участник свержения Кузы, во главе небольшого отряда повстанцев занял ключевые позиции в городе, объявил о низложении князя, назначил сам себя префектом уезда Прахова, Н. Голеску (временно) — наместником, а И. К. Брэтиану — военным министром. На том все и кончилось. Надежды Кандяну на то, что «страна его поддержит» оказались дутыми, его вместе с группой сторонников арестовали и отдали под суд. Присяжные всех их оправдали, что свидетельствовало о настроениях в стране [26].

Встревоженный принц разослал главам держав-гарантов (кроме разгромленной Франции) обращение с просьбой созвать конференцию на предмет установления в Румынии стабильного и сильного режима. Он жаловался, что зависимость от Турции лишает его свободы действий, а конституция «распахивает двери разгулу антидинастических страстей» [27]. Отклика его призыв не встретил, внимание Европы было приковано к Франции, баланс сил висел на волоске, какие тут еще совещания по балканским делам.

27 января 1871 г. в «Аугсбургер альгемайне Цайтунг» появилось письмо Карла вымышленному другу, составленное в тоне, оскорбительном для самолюбия румын: «Эта несчастная страна, — утверждал принц, — без какой-либо промежуточной ступени перешла от деспотического режима к столь либеральной конституции, что подобной никто не имеет». «Румыны, — продолжал князь, — не обладают гражданскими добродетелями», которые отвечали бы подобным «квазиреспубликанским конституциям». Заканчивалось письмо прозрачным намеком на отречение: «дорогое отечество мощным магнитом» его притягивает. В парламенте разыгрались бурные прения, один из депутатов предложил направить князю пожелание доброго пути. Однако нижняя палата, заслушав маловразумительные разъяснения первого министра И. Гики («письмо написано в состоянии глубокой скорби»), почти единогласно приняла резолюцию, в которой ухитрилась соединить, казалось бы, несовместимое: в ней выражалась «преданность трону и династии», с одной стороны, и с другой — «непреклонная решимость оставаться в рамках конституции», под которую принц вел подкоп [28].

10 (22) марта произошел скандал с немецкой колонией Бухареста, собравшейся во главе с консулом Й. Радовицем праздновать провозглашение Германской империи. Не успели участники банкета поднять бокалы, как в зал ворвалась толпа молодежи с криком «Да здравствует республика!» Немцы сумели дать

---

[26] *Iordache A.* Op. cit. P. 269.

[27] Ibidem. P. 275.

[28] IR. V. 4. P. 556; *Iordache A.* Op. cit. P. 279, 280, 282–283.

отпор нападавшим, выдворив их на улицу. Однако обстрел камнями помещения продолжался, все витрины зала Слэтиняну были разбиты. Вызванная на место происшествия полиция, обычно скорая на расправу, ничего не предпринимала. Лишь глубокой ночью прибывшие на место происшествия войска очистили площадь от толпы.

Утром 11 марта премьер министр явился во дворец для объяснений. Разгневанный князь прогнал его (в буквальном смысле слова) и отправил правительство в отставку. К нему явились двое членов наместничества 1866 г. — отговаривать его от отречения. Тот согласился с их доводами, но потребовал предоставить ему карт-бланш в формировании нового правительства. Однако назначенному премьером Л. Катарджи депутаты отказались выразить доверие [29]. И тогда Карл санкционировал роспуск палаты. Выборы прошли образцово, вместо прежних шумных оппозиционных группировок кресла в зале заседаний заняли всего 10 оппозиционеров, премьер был утвержден.

Произошло знаковое событие, парламент склонился перед волей князя. Никто в нем, включая радикалов, не хотел идти на риск, связанный со сменой династии. Призывы к установлению республики, сколь бы слабыми они ни были, перепугали управлявший страной истеблишмент. Парижская коммуна навела страх на всю монархическую Европу. Собственническая Румыния хотела стабильности и сильной власти. Но и князь сделал шаг к примирению, его царствование продолжалось еще сорок лет, и ни разу он не посягнул на конституцию. Катарджи продержался на своем посту невиданно долго — пять лет, что свидетельствовало о влиянии в стране консервативных группировок, помещики тогда задавали тон в «чудовищной коалиции».

* * *

Долгий кабинет Катарджи начал с дел, интересовавших крупных землевладельцев, и в 1872 г. ужесточил закон 1866 г. о сельскохозяйственных договорах пунктом столь свирепым (разрешавшим выгонять крестьян на работу с помощью военной силы), что внедрить его в жизнь не удалось. Идя навстречу пожеланиям князя Карла, парламент законодательно оформил реорганизацию армии, придав ей полностью регулярный характер и распустив беспокойных грэничар. Медленно, но неуклонно расширялась компетенция Румынии во внешних делах. Были заключены почтово-телеграфные конвенции с Австро-Венгрией, Сербией, Россией, с последней также и навигационная, были открыты представительства страны в Берлине, Риме, Петербурге. Как акт, расширяющий права княжества, консервативные власти расценивали торговую конвенцию, заключенную с Веной в июне 1875 г. сроком на 10 лет. На деле соглашение нельзя было рассматривать только с положительной стороны. Великая депрессия в сельском хозяйстве Европы, связанная с наплывом дешевого зерна из США и Канады, побуждала помещиков искать новые рынки и расширять старые. Заключенное с Веной соглашение предусматривало отмену таможенных пошлин на ряд ввозимых из Австро-Венгрии промышленных товаров в обмен на такие же льготы с австрийской стороны в отношении румынской сельскохозяйственной продукции. Преодолеть с помощью подобной жесткой меры кризис в сельском хозяйстве не удалось, а национальной промышленности был нанесен сильный

[29] IR. V. 4. P. 554.

удар. Оппозиция бурно протестовала. Газета «Ромынул» патетически восклицала: «Консервативное правительство вонзило кинжал в грудь Румынии и бросило ее бездыханный труп к ногам графа Андраши» (министра иностранных дел двуединой монархии)[30]. В Париже появилась брошюра «Румыния экономическая по последним данным», в которой все беды страны приписывались пресловутой конвенции с Веной. Автор забыл при этом упомянуть, что соглашение еще не вступило в силу.

Правительство Л. Д. Катарджи доживало последние месяцы, и не только по причине разъедавших его интриг и распрей. Время подмывало боярские корни помещичьего сословия, в его ряды проникало все больше разночинцев. Превращаясь в помещиков, многие из них консерваторами не становились.

* * *

Сельское хозяйство доминировало в экономике страны. Долины Дуная и Серета, молдавское плоскогорье продолжали служить ее житницей, в предгорьях сажались виноградники и фруктовые деревья, больше всего сливовые, из плодов которых гнали цуйку. В горах занимались скотоводством, прежде всего овцеводством. В устье Дуная жили рыбаки, среди которых было много русских староверов. Вокруг городов разбивались огороды. В помещичьих хозяйствах стали внедряться посевы сахарной свеклы, рапса, аниса, табака с ориентацией на их промышленную переработку. Рос вывоз зерна. Аграрная реформа 1864 г. не распахнула, а лишь слегка приоткрыла двери развитию капиталистического производства в сельском хозяйстве. Казалось бы, у помещиков и государства 6,2 млн га угодий, у первых еще и немалые выкупные платежи. Но у громадного большинства бывших бояр не существовало ни опыта, ни желания хозяйствовать самим. Почетной считалась государственная служба, а не утомительная возня с управляющими, старостами, с заключением контрактов с арендаторами и наемными работниками. Множество семейств предавалось праздной жизни в «маленьком Париже», как стали звать Бухарест, а то и переселилось за рубеж. Жизнь, по свидетельству И. Гики, состояла из визитов, прогулок, посещений театра, городских садов и балов. В начале 1870-х помещичьи долги банкам достигали 200 миллионов лей[31]. Какое уж тут развитие производства! Выкупные платежи крестьян представлялись громадными — 290 млн лей. Но они поступали не в звонкой монете, а в виде бонов с оплатой в течение 15 лет. При немедленной реализации за них давали на 40 процентов меньше. Ипотечная задолженность крупных землевладельцев составляла 267 млн лей[32]. А при переходе к капиталистическому производству приходилось вкладывать в дело не только полученное по выкупу, но требовалось добавлять свои кровные. На это оказались способными пойти единицы. Из людей значительных можно назвать М. Когэлничану и И. К. Брэтиану. Последний поставлял молочные продукты даже княжескому двору, а вино тысячами ведер продавал ресторанам. Но у него было мало последователей. Разорились некоторые представители самых знатных фамилий. В желающих приобрести продаваемые имения недостатка не ощущалось. Сам князь Карл обзавелся латифундией с уплатой числившегося за ней миллионного долга. Масса помещиков продолжала жить и хозяйствовать по старинке,

---

[30] Краткая история Румынии. М., 1986. С. 211; IR. V. 4. P. 570.

[31] IR. V 4. P. 446, 470, 472.

[32] *Мадиевский С. А.* Румынское общество... С. 24, 25.

их земли по-прежнему обрабатывали крестьяне со своим скотом и инвентарем. Не могло капиталистическое производство в значительных масштабах произрастать из крестьянского корня: слишком хил был этот корень, слишком узка прослойка зажиточных, крепких хозяев. Один плуг приходился на 4 хозяйства, такова была оснащенность «техникой» в деревне. В какой-то степени о проникновении капитализма в сельское хозяйство можно судить по использованию машин. Так, в 1865 г. насчитывалось 100 сеялок, 312 молотилок, 114 лущилок (выбивавших зерна кукурузы из початков), к 1873 г. общее их число достигло 2937 единиц при том, что сельское население насчитывало 3 миллиона человек[33]. Капиталистическое производство росло, но «медленным шагом, робким зигзагом». Господствующей оставалась полуфеодальная форма хозяйствования, по-прежнему на полях помещиков трудились крестьяне. Малоземелье привязывало их к «своему» боярину не менее прочными узами, нежели прежние обязательные повинности, мужик с упряжкой быков не мог отправляться в соседний уезд на поиски лучших условий, злая нужда вела его в знакомое отцам и дедам подворье, и землевладелец диктовал ему свои условия. Прежний оброк именовался дижмой (десятиной), но реально составлял в пореформенной Валахии от 1/7 до 1/4 урожая. Обладание поместьем, особенно известным, старым, родовым, открывало двери в столичные салоны, фешенебельные клубы, в истеблишмент, управлявший страной. Страсть к аристократизму, хотя бы показному, росла. Исторически в Дунайских княжествах не существовало титулованной знати. Лишь сыновья господарей в первом поколении именовались «бейзаде» (сын бея). Теперь же всех господарских потомков стали именовать князьями и княгинями. От желающих стать крупными землевладельцами отбою не было. Новопришельцы не всегда придерживались консервативных традиций, либеральное крыло в помещичьей среде крепло. В 1873 г. либералам во главе с И. К. Брэтиану удалось завладеть в банке Сельского земельного кредита господствующими позициями, немало его должников превратилось в их политических клиентов и партийных сторонников. И в том же году наступила великая депрессия, охватившая сельское хозяйство Европы. Трудяги-пароходы, сменившие на морях романтические парусники, настолько удешевили перевозки, что на рынок континента хлынуло дешевое зерно из высокопродуктивных фермерских хозяйств США и Канады. Румынские помещики ответили заокеанским конкурентам единственно знакомым способом снижения себестоимости их продукции — усилением эксплуатации крестьян.

* * *

Развитие промышленности шло медленно и однобоко преимущественно за счет отраслей, занимавшихся переработкой сельскохозяйственного сырья. «Повинна» в том была деревня, жившая почти так же, как и 100, и 500 лет назад. Натуральное хозяйство поставляло на стол чуть ли не все необходимое, благо пища была однообразной и основу ее составляла каша из кукурузы, мамалыга. Дома же гнали самогон из слив, цуйку. Селяне одевались, как их отцы и деды — штаны и рубаха из домотканой материи, зипун и шапка-качула из овечьей шерсти. Долгими зимними вечерами женщины пряли. Нехитрый инвентарь изготовлялся в сельской кузнице, да и много ли его нужно было? Один плуг

[33] IR. V. 4. P. 448.

приходился на четыре двора. Телегу с высокими бортами, каруцу, приобретали на ближайшей ярмарке. Жизнь деревни проходила мимо городской промышленности. Лишь постепенно недорогие хлопчатобумажные ткани стали вытеснять ткани из льна, да в привычку вошло употреблять в пищу сахар.

А на другом полюсе — роскошь тончайшей прослойки элиты. Кареты заказывались в Вене и Париже, из Франции поступала тончайшая парфюмерия и все виды дамской одежды, от шляпок до туфелек, из Англии — сюртуки и фраки для местных денди. Основную массу отечественных промышленных товаров потребляли горожане, но они составляли всего 17—18 % населения. Предприятий, которые считались капиталистическими, насчитывалось в 1864 г. более 51 (!), в 1878 г. — более 136[34]. Само слово «более», встречающееся в источниках, показывает, что промышленной статистики не существовало. В ту цифру входили большие паровые мельницы, соответственно 4 и 12, чья мука предназначалась на экспорт, несколько крупных винокурен (данные об их числе на 1878 г. отсутствуют), две сахароварни промышленного типа, свечные и мыловаренные заводы (2 и 5 соответственно), лесопилки, по одному кирпичному и цементному предприятию. Насчитывалось 24 заведения, работавших с металлом, в основном железнодорожных и ремонтных мастерских, Но даже иголки ввозились из-за рубежа; русский путешественник поразился дороговизне лопат, но ему объяснили — они импортные, привозятся из Австрии. Со времен отдаленных в Румынии копали колодцы-скважины, из которых вычерпывали нефть, шедшую на отопление и освещение. В 1860-е гг. дважды основывались общества по промышленной добыче этого сырья, но оба закрылись из-за нехватки капитала. Добыча соли издавна практиковалась в нескольких пунктах и являлась монополией государства[35]. Предприятия капиталистического типа являлись своего рода островками в море ремесленных мастерских, еще крепко державшихся по причине скромных запросов населения, однако уже стали поступать сигналы о разорении сапожников, портных, кожевников, суконщиков.

Послекрымское двадцатилетие — важный этап если не в преодолении традиционного бездорожья, то, во всяком случае, в сокращении его размеров. В 1854 г. англичане приступили к строительству 19 металлических мостов через главные реки. Протяженность шоссейных дорог в 1874 г. достигла двух тысяч километров. Сооружались они в основном принудительным трудом крестьян. В 1869 г. вступила в строй первая железнодорожная ветка Бухарест—порт Джурджу на Дунае длиной в 78 километров[36]. Ее строительство осуществила британская компания. В дальнейшем не без помощи самого князя Карла концессию на сооружение «чугунки» удалось получить прусскому дельцу Б. Штрусбергу в сообществе с несколькими аристократами, включая и отца румынского монарха, принца Карла Антона Гогенцоллерн-Зигмарингена. Парламент принял выставленные им условия, несмотря на явно завышенную цену за каждый километр путей, поскольку оплата предусматривалась по завершении работ, позабыв при этом, что ежегодно предстояло вносить проценты акционерам за внесенный капитал, и не удосужившись установить румынский контроль за ходом строительства[37]. Спохватились с опозданием и обнаружили, что стройка ведется

[34] IR. V. 4. P. 454.
[35] Ibid. P. 458.
[36] Ibid. P. 463.
[37] *Kellog Fr.* Op. cit. P. 74—82.

халтурно: мало станций и складов, редко поставлены семафоры, компания закупила маломощные паровозы, скверные вагоны, насыпи сооружены невысокие. Попытка вырвать строительство из немецких рук не удалась, раздался грозный окрик О. Бисмарка — германские интересы должны соблюдаться! Разразился громкий международный скандал. История затянулась почти на десять лет (1870—1879) и закончилась тем, что Румыния уплатила по всем счетам и значительно увеличила свой государственный долг. К 1878 г. сеть железных дорог растянулась на 1300 километров[38], покрыла всю страну, на станции Унгены сомкнулась с российскими, в Карпатских горах — с австро-венгерскими линиями. В 1883 г. по румынской территории пошел знаменитый восточный экспресс.

В Дунайских княжествах имели хождение 70 денежных единиц, что создавало невероятную путаницу при расплате и обменах. Решено было выпустить лей, приравненный к франку (приблизительно одна треть рубля в серебряном и золотом варианте), и медную монету в 1, 3, 5 и 10 бань. Первый выпуск звонкой монеты вызвал протест со стороны Вены, ибо на монетах красовался портрет Карла с надписью «господарь румын», а среди подданных австро-венгерского монарха было множество лиц данной национальности. С исправленной надписью — «господарь Румынии» — монета стала, наконец, циркулировать. В 1876 г. в стране действовали уже 15 коммерческих банков, а государственный долг достиг 582 млн лей и равнялся 7 ежегодным бюджетам[39].

Трудового законодательства в Румынии тогда не существовало, как и предела эксплуатации в промышленности, рабочий день охватывал все светлое время суток. Происходили стихийные забастовки с требованием повышения заработной платы и столкновениями с полицией, а иногда и воинскими подразделениями. Выделялась среди них своими масштабами и упорством стачка возчиков в порту Джурджу (1873), с кровопролитием подавленная отрядом солдат. Появились органы печати, защищавшие интересы рабочих; сперва у типографщиков в 1872 г. стала выходить газета «Увриерул» («Рабочий»). Тогда же возникла Генеральная ассоциация всех рабочих Румынии. Правительство Ласкара Катарджи усмотрело в ее активности заговор против государства и инсценировало судебный процесс. Однако изобличить ее в нарушении конституции не удалось и брошенных было за решетку «зачинщиков» пришлось выпустить на свободу[40].

В семидесятые годы в Румынии появились социалистические кружки главным образом с участием в них студентов. В плане идеологическом они находились на семи ветрах влияний: лассальянства, прудонизма, бакунизма, — лишь в следующем десятилетии марксизм одержал в них верх. Значительную роль в первых шагах этих организации сыграли российские народники. Румыния нередко становилась первым этапом их эмигрантской одиссеи. Эта страна служила важным транзитным этапом переправки в Россию листовок, газет, брошюр и журналов, печатавшихся за рубежом. С тысячами предосторожностей «подрывная» литература проникала в царские владения. Немало изгнанников оседало в стране. Народническая доктрина, вера в то, что деревенская община является зародышем и базисом социализма, здесь не имела корней, общинного землевладения не существовало. Отличными были и политическая обстановка, и идейный климат в стране. Самодержавия не было, мысль о свержении власти

[38] IR. V. 4. P. 467.
[39] Ibid. P. 475.
[40] Ibid. P. 486—487.

путем устранения ее единственного носителя не могла утвердиться, как и террористическая составляющая тактики народничества. Но народники представлялись рыцарями революции без страха и упрека, бесстрашными подвижниками, для которых Дело было всем, а личная жизнь — ничем. Их моральный авторитет был громаден. Эмигранты проявили способность к адаптации к румынской жизни. Роль бессарабца Н. Зубку-Кодряну, белоруса Н. К. Судзиловского (доктора Русселя), С. Каца (К. Доброджану-Гери) в становлении кружков была значительной, а последний стал позднее теоретиком румынской социал-демократии реформистского направления [41].

* * *

К середине семидесятых годов правительство Ласкара Катарджи явно засиделось у власти, оно и покровительствовавший ему князь подвергались ядовитой критике. Появилась даже брошюра «Прусский шпион». Неспособность справиться с финансовыми трудностями разжигала недовольство. В буржуазных и помещичьих кругах раздавались призывы «развязать революцию» (в смысле свержения и правительства, и князя). Последний забеспокоился и 30 марта (11 апреля) 1878 г. отправил кабинет в отставку. После двух кратких переходных администраций И. Флореску и Э. Епуряну главой кабинета на долгие 12 лет почти без перерыва стал И. К. Брэтиану. А балканский горизонт заволокли тучи восточного кризиса.

[41] *Виноградов В. Н.* Влияние народников России на румынское революционное движение // Новая и новейшая история. 1968. № 1.

Греция после Крымской войны. Революция 1862 года

Как известно, попытки Греции осуществить, воспользовавшись войной России против Османской империи, присоединить к себе греческие территории, остававшиеся под господством Порты, привели к англо-французской оккупации страны. Она продолжалась еще целый год после подписания Парижского мирного договора, завершившего Крымскую войну. Лишь 16 (28) февраля 1857 г. последний иностранный солдат покинул Пирей. Однако, прекратив военную оккупацию Греции, западные державы постарались сохранить контроль над ней посредством учрежденной тогда же международной финансовой комиссии. Формально в задачи комиссии входило изучение возможностей погашения Грецией займа в 60 млн франков, который предоставили ей в 1832 г. Англия, Франция и Россия. Фактически же, по замыслам англо-французской дипломатии, она должна была осуществлять контроль над греческими финансами, экономикой и администрацией.

За два с лишним года (февраль 1857 — май 1859 г.) комиссия провела 60 заседаний, действуя как верховный контрольный орган. Через головы министров она вызывала на свои заседания греческих чиновников, давала указания различным ведомствам о составлении многочисленных справок. В деятельности комиссии участвовал как представитель одной из держав-покровительниц и российский посланник в Греции А. П. Озеров, прибывший в Афины в марте 1857 г. [1)]

В одном из своих донесений он писал, что работа комиссии состоит «в разборке по косточкам всей административной системы Греции, в анализе, по меньшей мере неделикатном, ценности действующих законов, в подготовке новых законов. Одним словом, это обширное поле вмешательства во внутренние дела страны» [2)].

Критическое отношение российского посланника к деятельности международной финансовой комиссии отражало важные изменения в греческой политике петербургского кабинета после Крымской войны. Бесцеремонное вмешательство держав-покровительниц в дела молодого государства вызывало возмущение самых широких слоев греческого народа, и Петербург стремился отмежеваться от наиболее неприкрытых проявлений этой политики и таким образом усилить свое влияние в Греции.

Итоговый документ работы международной финансовой комиссии содержал серьезные обвинения в адрес греческого правительства: 1) что урегулирование управления финансами не идет в должном темпе; 2) что действия различных органов правительства не приводят к серьезному исполнению законов; 3) что гласность и контроль за действиями правительства фактически не существуют. Комиссия потребовала выделения из бюджета ежегодно 900 тыс. франков

[1)] В 1857 г. русско-греческие дипломатические отношения, уровень которых был снижен правительством России после революции 1843 г. в Греции, были восстановлены в полном объеме.

[2)] См.: Международные отношения на Балканах. 1856—1878 гг. М., 1986. С. 199.

на расходы по погашению займа 1832 г. Греческое правительство было вынуждено принять требования держав, хотя эта сумма в три раза превышала ту, которую первоначально предполагалось выделить на эти расходы[3].

В 1858 г. Оттон пышно отпраздновал двадцатипятилетие своего царствования. Положение его казалось прочным. Но прошло четыре года, и революция смела его режим. Почву для нее подготовили социально-экономические и политические сдвиги в стране.

В первые десятилетия после освобождения экономическое развитие Греции шло крайне медленно. Сказывались большие разрушения и тяжелые жертвы, которые понесла Греция в ходе войны за независимость. Территория государства была небольшой, сырьевые ресурсы — ограниченными. Развитие капиталистических отношений тормозила нерешенность аграрного вопроса. Принадлежавшая ранее турецким феодалам земельная собственность перешла в руки государства. Эти «национальные земли» составляли более 1/3 всей обрабатываемой площади. Греческое крестьянство, вынесшее на своих плечах всю тяжесть борьбы за национальное освобождение, осталось безземельным. Из 120 тыс. семей, составлявших аграрное население Греции после ее освобождения, лишь 20 тыс. были собственниками обрабатываемой ими земли. Остальные должны были обрабатывать «национальные земли» на кабальных условиях. Арендная плата составляла от 30 до 45% урожая[4]. В целом в этот период греческое общество оставалось обществом аграрным с полуфеодальными чертами.

Черты эти проявлялись и в политической жизни. Власть короля Оттона, правившего в Греции с 1833 г., мало чем отличалась от власти феодального самодержца. Правда, в результате революции 1843 г. Оттон из короля «божьей милостью» вынужден был стать конституционным монархом. Однако конституция 1844 г. сохранила за королем обширные полномочия: он имел право абсолютного законодательного вето, мог назначать и смещать министров, назначать пожизненно членов верховной палаты — сената, распускать палаты депутатов. Но и это не удовлетворяло Оттона. Все его помыслы были направлены на то, чтобы полностью избавиться от ограничений, налагаемых конституцией. В 50-х гг. XIX в. королевский двор фактически бесконтрольно управлял страной. Но трон баварского короля уже шатался.

Процесс социальной и политической трансформации греческого общества, хотя медленно и подспудно, шел в послереволюционный период. Некоторые его проявления дали знать о себе после Крымской войны. Население Греции с 740 тыс. (1833) увеличилось до 1 млн 97 тыс. (1861). Изменилась и его социальная структура. В деревне, где жило 74% населения, сформировался слой состоятельных землевладельцев, тесно связанных с рынком. Особенно заметны были изменения в городах. Их население значительно выросло. К 1861 г. Афины насчитывали 41 тыс. жителей, Патры — 18 тыс., Эрмуполис (о-в Сирос) — 18 тыс.[5] В городах растет прослойка интеллигенции, «поставщиком» которой стал основанный в 1837 г. Афинский университет. В год основания

---

[3] См.: Международные отношения на Балканах. 1856—1878 гг. М., 1986. С. 200.

[4] Βακαλόπουλος Α. Νέα ελληνικα ιστορία (1204—1985). Θεσσαλονίκη, 1993 (7"εκδοση). Σ. 226; *Vergopoulos K.* Le capitalisme difforme et la nouvelle question agraire: L'exemple de la Grèce moderne. P., 1977. P. 80—81.

[5] Ζεύγου Γ. Σύντομη μελέτη της νεοελληνικης ίστορίας. Άθανα, 1946. Ρ. 2. Σ. 52.

в нем обучалось всего 52 студента, в 1863 г. — уже около тысячи[6]. Возникает и совершенно новая прослойка — дельцы и предприниматели капиталистического склада. В одном из своих первых донесений русский посланник в Греции А. П. Озеров отметил, что «дух компаний... начинает распространяться среди торговых классов, которые чувствуют себя ущемленными в собственной стране из-за иностранной конкуренции». Так, в Афинах были созданы Общество по газовому освещению города и компания по строительству железной дороги между Афинами и Пиреем.

Как сообщал российский посланник, другая компания из пяти греческих капиталистов вместе с французским инженером открыла в 1855 г. шелкопрядильную фабрику в Афинах. Эта фабрика, на которой трудились около 300 рабочих и где работала паровая машина, была первым предприятием греческой национальной промышленности[7]. Через пять лет в Пирее был создан механический завод Василиади, выпускавший плуги, маслобойки и другое сельскохозяйственное оборудование. Возникают также небольшие предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья: кожевенные заводы, шелкопрядильни, ковровые мастерские, маслобойни и винодельни. Некоторые из них использовали уже паровые машины[8].

Не осталось в стороне от технического прогресса и греческое судоходство. Основную массу его по-прежнему составляли небольшие парусники (в 1858 г. их было зарегистрировано 3920). Однако появились уже первые греческие пароходы. В 1857 г. начало действовать «Греческое пароходное общество» с центром на острове Сирос. К 1861 г. число принадлежавших обществу пассажирских судов увеличилось с 4 до 11. Греческий торговый флот обслуживал внешнюю торговлю страны, объем которой в 1855—1860 гг. значительно вырос. При этом объем импорта примерно в два раза превышал объем экспорта.

Судоходство в дореволюционной Греции являлось наиболее продвинутой в рыночном отношении сферой экономики. За первые десятилетия существования независимой Греции здесь также произошли определенные структурные сдвиги. По переписи 1861 г. в греческом флоте было занято около 20 тыс. человек (6 % экономически активного населения страны). В торговом флоте меняются экономические взаимоотношения: если в дореволюционном флоте были широко распространены «товарищества», объединявшие собственника судна и его команду, имевшую свою долю в прибылях, то после освобождения они имеют исключительно характер отношений «хозяин—наемный рабочий»[9].

Изменения происходят и в сфере политической и общественной жизни. Со сцены постепенно сходят старые политики — опора королевской тирании. Вместе с ними исчезают «английская», «французская» и «русская» партии — политические группировки, возникшие во время войны за независимость и служившие с тех пор орудием вмешательства держав-покровительниц в греческие дела.

Появляются новые формы выражения и формирования общественного мнения. В Афинах — «Париже Леванта» — по примеру их «старшего брата» возникают литературные и политические кафе. Получает большое развитие столь существенный атрибут буржуазного общества, как пресса. В 1860 г. в Афинах

---

[6] *Dakin D.* The unification of Greece. 1770—1923. L., 1972. P. 94, 96.

[7] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1857 г. Д. 6. Л. 187.

[8] Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθαναι, 1977. Τ. 13. Σ. 180.

[9] Ό. π. Σ. 182—186.

выходило 22 газеты и 4 журнала [10]. В большинстве своем эти издания представляли антиправительственный лагерь. Нарастание оппозиционности греческой прессы отметил А. П. Озеров. В своем донесении от 15 (27) января 1859 г. он писал, что «с некоторого времени тенденция, неблагоприятная для правительства и спокойствия страны, проявляется в греческой печати и особенно в столичной». Характерно, продолжал греческий посланник, что «газеты начинают обращаться к народу, побуждая его отстаивать свои конституционные права, представляя дело так, что они серьезно нарушены» [11].

Оппозиционные настроения различных общественных слоев находили отражение и в выступлениях учащейся молодежи. Растущий протест в стране вызывало постоянное нарушение королем и его кликой конституции, неспособность режима разрешить жгучие национальные проблемы.

Подъему революционных настроений в Греции способствовали и события в соседней Италии. Успехи итальянского объединительного движения, победы Гарибальди вызвали большой энтузиазм у греков. Официальная позиция строгого нейтралитета по отношению к австро-итальянской войне 1859 г. рассматривалась греческим общественным мнением как проавстрийская. Завершение в 1860 г. в основном объединения Италии при отсутствии малейшего прогресса в деле воссоединения греческих земель еще более усиливало непопулярность баварского короля и вызывало дальнейший рост оппозиции.

Оттон пытался, используя аппарат насилия, сохранить власть. В октябре 1859 г. была распущена палата депутатов, где все громче звучали голоса противников режима. Оппозиционеров высылали на острова, заключали в крепость. Были закрыты некоторые газеты. Но жестокие репрессии не смогли приостановить рост оппозиционного движения, принимавшего все более угрожающий для власти характер.

В 1859 г. А. П. Озеров писал в одном из своих донесений: «Многие из здравомыслящих людей уверяют меня, что эти симптомы всеобщего недовольства более сильны и более серьезны, чем в 1843 г.» [12]. Революционная волна в Греции достигла своего пика, когда в борьбу против режима Оттона включилась армия. С февраля 1862 г. вспыхивают восстания в различных гарнизонах.

Особенно большой размах приняло восстание гарнизона Навплии, столицы Греции в период освободительной войны. В подготовке восстания и в нем самом вместе с офицерами гарнизона приняли участие и некоторые видные граждане города. Большую энергию в этом деле проявила, в частности, Каллиопи Папалексопулу. По словам греческого историка, эта женщина, «подобно женщинам, активно занимавшимся политикой во времена французской революции, распространяя посредством своего пламенного красноречия ниспровергающие идеи революции, вовлекла всех в восстание, направляла и воодушевляла молодежь».

Восстание, возглавленное подполковником Артемисом Михосом, началось в ночь с 31 января (12 февраля) на 1 (13) февраля 1862 г. Город и его крепостные сооружения перешли в руки восставших. Муниципальный совет города опубликовал обращение к населению, в котором были изложены главные требования революционеров: роспуск нынешнего парламента, образованного с помощью насилия, и созыв Национального собрания.

---

[10] *Cambell I., Sherrard Ch.* Modern Greece. L., 1968. P. 93.

[11] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1859 г. Д. 10. Л. 38—39.

[12] Там же. Л. 109.

Переход в руки противников режима этого хорошо укрепленного города вызвал большую тревогу у Оттона и его министров. Для подавления восстания был послан большой корпус правительственных войск. Однако попытка этих войск с ходу овладеть городом и его крепостными сооружениями окончилась неудачей, и началась правильная осада Навплии, продолжавшаяся более двух месяцев. Повстанцы успешно отражали атаки противника. Но от постоянных обстрелов города страдало мирное население, и осажденные решили прекратить борьбу в обмен на амнистию, обещанную им правительством. Из амнистии были исключены 19 человек: 12 военных и 7 гражданских лиц. Они вынуждены были покинуть Грецию на иностранных кораблях[13]. Но вскоре развитие революционных событий позволило им вернуться в страну.

Несмотря на поражение восстания в Навплии, революционное брожение усиливалось по всей стране. Король и королева решили тогда совершить поездку по некоторым городам и островам Греции, надеясь тем самым нейтрализовать действия противников режима и снова вызвать у народа прилив монархических чувств. В ночь на 2 (14) октября 1862 г. королевская чета на своем корвете «Амалия» покинула Афины. Однако вернуться в столицу им уже не довелось.

Отъезд Оттона активизировал действия оппозиции. В результате присоединения к ней генерала Теодороса Гриваса позиции ее укрепились. Генерал начал свое выступление в Вонице (Акарнания), гарнизон которой выступил против власти Оттона. Оппозиционеры поддерживали друг с другом тесный контакт, и вслед за Воницей восстали Месолонги, Патры, Навпактос и другие города Западной Греции. Гривас с корпусом в 7500 человек готовился к походу на Афины, но происшедшие в столице события сделали этот поход излишним.

В Афинах сложилась весьма благоприятная обстановка для революционной акции, так как значительная часть гарнизона была направлена навстречу двигавшемуся на столицу Гривасу. Впрочем, если бы эти войска и находились в столице, то вряд ли бы они стали проливать кровь ради спасения режима Оттона. По словам видного исследователя греческой истории Д. Петракакоса, в это время «девять десятых армии, по меньшей мере, были тайными заговорщиками»[14].

Оплотом оппозиции в Афинах стали артиллерийские казармы, где собрались видные политики, противники режима. 11 (23) октября 1862 г. большая группа военных, к которым присоединились и мирные граждане — всего 5 тыс. человек — направилась к королевскому дворцу и захватила его. Охранявшие дворец войска не оказали какого-либо сопротивления восставшим.

Утром того же дня видные оппозиционные политики, находившиеся в артиллерийских казармах, опубликовали следующее «постановление нации»:

«Бедствия отчизны закончились. Все провинции и столица в согласии с армией положили им конец. Как выражение общего желания всей Греческой нации провозглашается и постановляется: царствование Оттона упраздняется. Регентство Амалии упраздняется[15]. Образуется временное правительство как правительство государства до созыва Национального собрания, в которое входят следующие граждане: Димитриос Вулгарис (председатель), Константинос

[13] Ιστορία... Τ. 13. Σ. 190–193.

[14] Ό. π. Σ. 195.

[15] Амалия выполняла обязанности регента во время отсутствия Оттона в стране.

Канарис, Венизелос Руфос. Национальное Учредительное собрание созывается немедленно для составления Конституции и выбора правителя» [16].

Пока страна была охвачена революционными событиями, Оттон и королева Амалия путешествовали по провинции. На следующий день после революции в Афинах корабль с королевской четой появился на рейде Пирея. Тысячи собравшихся на пристани вооруженных жителей Афин и Пирея встретили его возгласами: «Да здравствует нация!», «Да здравствует свобода!», «Долой тиранов!» Еще до появления королевского фрегата в виду восставших Афин посланники держав-покровительниц собрались на совещание. О его результатах французский посланник Буре сообщал в своем донесении: «Мы сразу же пришли к согласию, без какого-либо расхождения во мнениях, без колебания и, так сказать, единогласно, что революция совершилась и царствование короля Оттона закончено» [17]. Посланники посетили свергнутого короля и высказали убеждение, что ему следует покинуть страну. Экс-монарху не оставалось ничего другого, как согласиться. Привезенный в свое время в Грецию на английском фрегате «Мадагаскар» Оттон 12 (24) октября 1862 г. отбыл из нее на английском паровом корвете «Сцилла» — за годы его правления пар сильно потеснил паруса. Так завершился тридцатилетний период баварского правления в Греции.

Перед тем как покинуть Грецию, свергнутый монарх обратился с воззванием к греческому народу. В этом обращении Оттон излагал причины, вынудившие его после революции без сопротивления покинуть страну. По его словам, «мое дальнейшее пребывание в Греции в этот момент могло бы ввергнуть ее жителей в кровавые беспорядки, чему трудно было бы помешать». Поэтому, продолжал Оттон, «я решил покинуть эту страну, которую я любил и еще люблю, и для блага которой я почти тридцать лет не щадил никаких забот и никаких усилий, избегая при этом всякой демонстрации и имея перед глазами только подлинные интересы Греции» [18].

У нас нет оснований сомневаться в искренности Оттона, когда он говорил о своей любви к Греции. Но можно утверждать, что любовь эта не отличилась взаимностью. Отношение греков к своему первому королю не было одинаковым на всем протяжении его правления. Но значительная часть этого периода характеризовалась борьбой между абсолютистскими тенденциями в политике Оттона и демократическими устремлениями общества. Однако было бы неправильно оценивать этот период только в негативном плане. В эти десятилетия были предприняты важные шаги для формирования государственной структуры Новой Греции, в частности складывается общенациональная система образования, открывается университет. В эти годы Афины приобретают облик современного европейского города. Наконец, тогда была сделана первая попытка освобождения греков, оставшихся под игом Порты [19].

Кабинеты Лондона, Парижа и Петербурга одобрили позицию своих представителей в Афинах в отношении свершившегося в Греции переворота. Если державы-покровительницы весьма спокойно и единодушно реагировали на свержение Оттона (свою роль, несомненно, сыграло здесь явное стремление новых

---

[16] Ὁ. π. Σ. 220.

[17] *Driault E., Lhéritier M.* Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. P., 1925. V. 3. P. 8.

[18] Ἱστορία... Τ. 13. Σ. 197.

[19] Своего рода признанием легитимности периода правления Оттона в истории Греции является сейчас наличие в центре Афин двух улиц, носящих имя первого греческого короля и его супруги.

властей сохранить монархический строй), то относительно выбора нового греческого короля — эту миссию державы целиком взяли на себя — между ними возникли серьезные разногласия. И Англия, и Россия стремились возвести на престол своего собственного кандидата. У Англии было в этом отношении определенное преимущество: в ее руках находились Ионические острова — часть греческой земли, которую можно было использовать для дипломатического торга.

Исторические судьбы Ионических островов сложились непросто. Это были единственные греческие острова, которые туркам не удалось покорить. До конца XVIII в. они находились под властью Венеции, а затем последовательно переходили под протекторат Франции, России, опять Франции и Великобритании. Под протекторатом России острова составили Республику Семи Соединенных островов (1800—1807), пользовавшуюся широкой автономией. После перехода в 1815 г. под власть Великобритании Ионические острова формально сохранили свой автономный статус, получив по Парижскому договору от 5 ноября 1815 г. название Соединенных областей островов Ионических. Однако провозглашение тогда Ионических островов «свободным и независимым государством» носило декларативный характер, так как они управлялись наместниками из Лондона, как обычная британская колония.

При всех изменениях политического статуса Ионических островов их жители считали себя неразрывной частью Греции. Среди них было немало выдающихся личностей, внесших ощутимый вклад в культурное и политическое развитие страны. В эту плеяду входили Иоанн Каподистрия, первый президент независимой Греции, известные просветители Евгений Булгари и Никифор Теотоки, национальные поэты Дионисиос Соломос и Андреас Калвос.

В результате национально-освободительного восстания 1821—1829 гг., в котором многие ионийцы приняли участие, греки приобрели свой национальный очаг. С тех пор требованием большинства ионических греков стал энозис (воссоединение) островов с Грецией. Борьба за энозис принимала различные формы, в том числе и вооруженные. Так, на острове Кефаллония в августе 1849 г. произошло восстание, с крайней жестокостью подавленное британскими властями. Однако движение на Ионических островах за воссоединение с Грецией продолжало набирать силу. Оно выражалось в неоднократных резолюциях, которые принимал ионический парламент в пользу такого воссоединения.

Попытки Лондона примирить островитян с британским господством оказались безрезультатными. Неудачу в этом деле потерпел, в частности, такой опытный британский политик, как У. Гладстон. В конце 1858 г. он был направлен с чрезвычайной миссией на Ионические острова. Однако усилия этого мастера реформистской тактики убедить ионийцев в необходимости сохранить британское колониальное господство в обмен на расширение прав местных представительных учреждений успеха не имели.

15 (27) января 1859 г., во время пребывания Гладстона на островах, ионический парламент принял следующее обращение к английской королеве Виктории: «Парламент Семи островов объявляет, что единственным и единодушным желанием ионического народа всегда было и есть объединение всех семи островов с королевством Греции». В феврале 1859 г. на это обращение был дан следующий ответ: «Ее Величество, которой Парижским договором вверен исключительный протекторат над ионическим государством и назначено быть единственным представителем этого государства в советах Европы, не может согласиться с отка-

зом от обязанностей, которые она на себя приняла, и позволить, чтобы эти обязанности были признаны за другой державой»[20].

Несмотря на отрицательный ответ на очередное обращение ионического народа о воссоединении с Грецией, в этот период в правящих кругах Великобритании уже не было убежденности в том, что необходимо любой ценой препятствовать энозису. К этому времени стратегическая ценность Ионических островов уменьшилась, а расправы над ионическими греками портили в глазах Европы лик «либеральной» и «просвещенной» Британии. Поэтому для Лондона Ионические острова стали «неудобной собственностью», от которой он готов был избавиться в подходящий момент. И такой момент наступил после революции 1862 г. в Греции.

Официальный Лондон в декабре 1862 г. сообщил временному греческому правительству о своем намерении передать Ионические острова Греции. Но, чтобы получить этот «дар», Греции при выборе короля следовало сообразовываться с желаниями британского кабинета. «Последний рассмотрит мысль о немедленной уступке островов только в случае выбора короля, приятного Англии», — писал тогда же из Лондона греческий посланник С. Трикупис[21]. И тогдашний премьер-министр Англии Г. Пальмерстон нашел такого короля — 17-летнего датского принца Христиана Вильгельма Фердинанда Адольфа Георга Глюксбурга. 18 (30) марта 1863 г. Национальное собрание избрало его «королем эллинов» под именем Георга I. Как и в отношении его предшественника, условия вступления датского принца на греческий престол были определены специальным договором между державами-покровительницами и Данией, подписанным в Лондоне 13 июля 1863 г.[22] В частности, Англия, Франция и Россия назначали королю личную ежегодную дотацию в 12 тыс. фунтов стерлингов — сверх цивильного листа, который определит ему греческий парламент. Георг именовался государем «монархического независимого конституционного государства». Наследники короля-лютеранина должны были принять православие. Объявлялось также о предстоящем расширении границ Греции в результате передачи ей Ионических островов.

После данного Англией согласия на уступку островов прошло полтора года, прежде чем над цитаделью Корфу взвился греческий флаг. В ходе предшествовавших дипломатических переговоров сопротивление установлению греческого суверенитета над островами оказала Австрия. Венский кабинет, утверждая, будто это создаст угрозу австрийским владениям на Адриатике и соседним провинциям Османской империи, добивался их полной демилитаризации. Конечный текст договора, подписанного 29 марта 1864 г. Францией, Великобританией, Россией и Грецией, предусматривал, что «на положении постоянного нейтралитета» будут находиться острова Корфу и Паксос[23].

21 мая (2 июня) 1864 г. последний отряд британских войск покинул острова. Перед этим англичане взорвали несколько фортов на Корфу и демонтировали военные сооружения на других островах.

---

[20] *Driault E., Lhéritier M.* Histoire... V. 2. P. 447–448.

[21] Ibid. V. 3. P. 29–30.

[22] Текст договора см.: *Strupp Ch.* La situation internationale de la Grèce (1821–1917). Zurich, [s. A.]. P. 180–182.

[23] The Foundation of the Modern Greek State. Major treaties and conventions (1830–1947). Athens, 1999. P. 45–56.

Эти самые северные из Ионических островов непосредственно примыкают к побережью Албании и Эпира, тогдашним османским владениям в Европе. Таким образом, пожелания Австрии, чтобы передача Ионических островов Греции не создала каких-либо неприятностей для Порты, были удовлетворены. Впрочем, эти пожелания вполне соответствовали и стремлениям сент-джеймского кабинета.

Буржуазно-демократическая революция 1862 г. привела к позитивным переменам в государственном устройстве Греции. Она продемонстрировала стремление широких слоев греческого народа к демократизации политической жизни. В соответствии с решением временного правительства в декабре 1862 г. было созвано Национальное собрание, важнейшей задачей которого была подготовка новой конституции. Депутаты его представляли новый политический слой, сформировавшийся в Греции после революции 1843 г. В большинстве своем это были представители поднимавшегося буржуазного класса: зарубежные купцы, адвокаты, судейские чиновники, другие гражданские и военные чины. Этот буржуазный класс еще не был организован и не обладал реальной силой. Но его представители в Национальном собрании при подготовке конституции, можно сказать, «работали на опережение», заимствуя демократические принципы у более продвинутых в социальном и политическом развитии стран Западной Европы, таких как Бельгия и Дания.

Работа над конституцией завершилась в октябре 1864 г. она проходила в обстановке острой политической борьбы между консерваторами и либералами. Либералам, опиравшимся на демократические слои греческого общества, удалось ввести в конституцию некоторые важные принципы, возникшие в политической жизни Европы и всего мира в результате Великой французской революции.

Новая греческая конституция являлась на бумаге одной из самых демократических в Европе. Она провозглашала принцип суверенитета народа: «Вся власть исходит от нации». Титул «король Греции» заменялся на титул «король греков», т. е. в отличие от власти Оттона, которая была «милостью божией», власть Георга I определялась «милостью нации». Учреждался однопалатный парламент, которому принадлежала законодательная инициатива. Сенат, долгие годы служивший опорой королевской власти, упразднялся. Депутаты избирались всеобщим, прямым и тайным голосованием. Активное избирательное право предоставлялось мужчинам, достигшим 21 года, пассивное — по достижении ими 30 лет. Женщины не имели каких-либо гражданских прав, как и в других европейских государствах середины XIX в. Число депутатов от определенного региона определялось пропорционально численности его населения, и они представляли в парламенте не только местные интересы, как ранее, а общенациональные. Тогда же в конституцию вводится принцип независимости судебной власти, гарантируемый пожизненным пребыванием судей в должности.

Новая конституция, содержавшая положения о равенстве всех перед законом, о неприкосновенности личности и жилища, о праве собраний и ассоциаций, свободе слова и печати, тайне переписки, значительно расширяла права и свободы греческих граждан. Однако эти и другие положения конституции 1864 г., действовавшей с небольшими изменениями почти 100 лет, неоднократно нарушались Георгом I и его наследниками. При этом греческие монархи стремились выйти за рамки и тех весьма широких прерогатив, которые предоставила им конституция 1864 г. Так, за королем сохранялось право, наряду с парла-

ментом, законодательной инициативы, он мог назначать министров, распускать парламент[24].

В целом конституция 1864 г., заложившая основы буржуазного парламентаризма, стала важным шагом на пути демократизации политической жизни Греции. Многие ее положения, за претворение которых в жизнь предстояла еще упорная борьба, отвечали интересам широких слоев греческого общества.

Важным итогом революции 1862 г. стало воссоединение Ионических островов с Грецией — первый шаг на пути освобождения греческих земель, остававшихся под чужеземным господством. В результате население Греции увеличилось на четверть миллиона, составив в целом около 1 млн 400 тыс.[25] Но сотни тысяч фессалийцев, критян, эпиротов и других греков оставались под тяжким игом Османской империи и боролись против него.

---

[24] Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII—10-е гг. XIX в.). М., 1986. С. 74—75; *Улунян Ар. А.* Политическая история современной Греции. М., 1998. С. 67—68.

[25] *Dakin D.* The unification of Greece. 1770—1923. L., 1972. P. 100.

Критское восстание. Социально-экономические и политические сдвиги в Греции в 60–70 годы XIX века: начало индустриализации

18 (30) октября 1863 г. в Афины прибыл Георг I. В своем обращении к народу новый король обещал соблюдать «ваши законы и, прежде всего, конституцию, краеугольный камень нового греческого государственного строя». Георг заявил также, что предметом его честолюбия является сделать Грецию «образцовым королевством на Востоке» [1].

Начало правления Георга I означало конец периода междуцарствия. Но до политической стабильности в Греции было еще далеко. Результатом роста числа партий, образовавшихся после революции 1862 г., была невозможность для какой-нибудь из них приобрести преобладающее влияние и сформировать устойчивое правительство. Между тем, необходимость в создании сильного правительства назрела, так как отношения Греции с Османской империей начали осложняться из-за восстания на Крите, начавшегося в 1866 г.

История этого самого большого греческого острова складывалась весьма драматично. Крит подпал под власть османов в 1669 г., через два века после завоевания ими всей континентальной Греции и греческих островов. До этого Крит был важнейшим очагом греческой культуры, родиной значительных и оригинальных школ театра, литературы и живописи. После завоевания критяне делили все страдания и надежды своих соотечественников. Они приняли самое активное участие в греческой войне за независимость и своими силами освободили большую часть острова. Однако державы оставили Крит под властью Порты.

В последующие десятилетия на Крите произошли значительные экономические перемены. Оживились торговля и ремесло. Большая часть земли в сельской местности перешла в руки греческих землевладельцев. Прежние мусульманские хозяева земли переселились в города или совсем оставили остров. Население Крита увеличилось, в нем значительно возрос удельный вес христианского, т. е., соответственно, греческого, элемента. Так, если, по некоторым данным, население острова в 1834 г. составляло 129 тыс. человек, в том числе 40 тыс. мусульман, то накануне восстания 1866 г. оно выросло примерно до 280 тыс. человек — 220 тыс. христиан и 60 тыс. мусульман [2]. Притом, многие из этих мусульман были греки, вынужденные принять официальную религию османского государства, но сохранившие родной язык и национальное самосознание.

Греческое население Крита болезненно ощущало свое гражданское бесправие, дискриминационный характер налогообложения, произвол турецких чиновников. Реформы в пользу христиан, провозглашенные Гюльханейским хатт-и шерифом и Хатт-и хумайуном 1856 г., на Крите, как, впрочем, и в других частях империи, во многом оставались на бумаге.

---

[1] Ιστορία του Ελληνικού θνους. Αθήνα, 1977. Τ.13. Σ. 230-231.

[2] Ιστορία... Σ. 411-412.

Не мирясь с чужеземным игом, критяне и после завершения греческой революции 1821—1829 гг. неоднократно поднимались на восстание. Особенности исторического развития Крита, сравнительно большие материальные и людские ресурсы острова определили самостоятельность и большой размах национально-освободительных выступлений критского населения во второй половине XIX в. Критская проблема в этот период становится существенным фактором Восточного вопроса.

Летом 1858 г. на Крите вспыхнуло очередное восстание. Причиной его стало введение, вопреки обещаниям Хатт-и хумайуна 1856 г., новых налогов и запрещение носить оружие. Порта, занятая тогда важными для себя внутренними и внешними проблемами, пошла на уступки повстанцам. 7 (19) июля 1858 г. султан Абдул-Азиз издал фирман, по которому разрешалось ношение оружия христианами, а также удовлетворялись их требования о распределении налогов христианскими общинами и о форме выборов провинциальных советов. Однако надежды христианского населения на улучшение его положения не оправдались. Усилившиеся притеснения, аресты и тюремные заключения, новые обременительные налоги обострили недовольство греческого населения политикой турецких властей. Особую ненависть греков-критян вызвал своими насилиями и произволом Исмаил-паша, назначенный вали (генерал-губернатором) в 1861 г. Недовольство греческого населения вылилось в большое восстание 1866—1869 гг. При этом критяне стремились не только избавиться от беззаконий и притеснений турецких правителей острова. Общим стремлением греческого населения было уничтожение турецкого ига и энозис (соединение) острова с Грецией. В этом отношении вдохновляющим примером для критян стало воссоединение в 1864 г. Ионических островов с Грецией.

14 (26) мая 1866 г. 2 тыс. представителей различных областей Крита, собравшиеся в подворье монастыря Хрисопиги в окрестностях Ханьи, направили султану Абдул-Азизу меморандум. В нем содержались жалобы на непосильное налогообложение, на отсутствие школ и больниц на острове. Указывалось также, что принцип веротерпимости, провозглашенный Хатт-и хумайуном 1856 г., постоянно нарушается турецкой администрацией острова[3].

Конкретно критяне требовали:

1) снижения налогов;
2) реформы системы их взимания;
3) улучшения транспортной системы посредством строительства дорог и мостов;
4) реформы аппарата юстиции, который в существующем виде не обеспечивает христианам безопасности;
5) гарантии личной свободы;
6) открытия школ и больниц в нахийе (волостях)[4].

На следующий день большинство собравшихся на монастырском подворье представителей критских христиан подписали секретный меморандум к монархам Англии, России и Франции. Они просили руководителей держав-покровительниц Греции «исполнить единственное наше желание — соединиться с братьями нашими, греками». И авторы меморандума продолжали: «Если, однако, в настоящий момент это невозможно, то по крайней мере... соблаговолите...

---

[3] *Сенкевич И. Г.* Россия и Критское восстание 1866—1869 гг. М., 1970. С. 32.

[4] *Новичев А. Д.* История Турции. Л., 1978. Т. IV. С. 214.

предоставить нам политическую организацию, дать нам законы, учредить нормальные суды; тяжелое налогообложение умерить и привести в порядок»[5].

Петиция критян к султану, их обращение к великим державам свидетельствуют, что первоначально у них не было намерения добиваться улучшения своего положения посредством вооруженного восстания. Но Порта не вняла справедливым жалобам и требованиям критян. В манифесте, обнародованном на Крите 23 июля (4 августа) 1866 г., она отвергла их петицию. Жители острова обвинялись в неповиновении и в том, что они, подданные султана, осмелились обращаться к европейским державам. Правительство требовало, чтобы критяне разошлись по домам; в противном случае все участники сходок будут рассматриваться как бунтовщики и сурово наказываться. На остров были переброшены дополнительные военные подразделения, и их численность была доведена до 22 тыс. человек[6].

Репрессивные действия Порты и ее наместников вызвали ответную реакцию. В труднодоступных горных районах острова начали формироваться вооруженные отряды из местных жителей. В середине августа 1866 г. на западе Крита произошли первые столкновения между повстанцами и турецкими войсками. В горном районе Сфакья собрались уполномоченные различных областей, объявившие себя Критским Национальным собранием (или Генеральной Ассамблеей Крита). 21 августа (2 сентября) 1866 г. Критская ассамблея специальным декретом провозгласила «уничтожение навсегда на острове Крит и в зависящих от него областях власти османского правительства» и «нераздельное и навечное присоединение Крита и зависящих от него областей к матери Греции под скипетром Георга I, короля эллинов»[7]. Было создано Временное правительство Крита.

Известие о восстании на Крите вызвало большой энтузиазм в Греции. В некоторых городах возникли комитеты, занимавшиеся сбором средств для критян. Их деятельность координировал Центральный критский комитет в Афинах, в который вошли видные политические деятели. На средства комитета греческие суда, прорывая кольцо блокады, установленное вокруг острова турецким флотом, начали доставлять на Крит военное снаряжение, продовольствие и добровольцев, в числе которых было много кадровых греческих офицеров. Делалось это с молчаливого согласия греческого правительства. В августе 1866 г. МИД Греции вручил посланникам Англии, Франции и России записку с изложением позиции афинского правительства в связи с восстанием на Крите. В записке подчеркивалось, что Греция не может безучастно относиться к судьбе населения Крита, так же как и всего греческого населения Османской империи. «Благодаря своему географическому положению, общности религии и расы, совпадению языка и общим традициям Греция прежде всего ощущает трудности греческого населения Оттоманской империи. Она также прежде всего испытывает в связи с ними страдания из-за своих самых законных привязанностей. Следовательно, это было бы нарушением обязанностей, которые налагают подобные узы, невыполнением миссии первого христианского государства на Востоке, если бы мы не подняли голос в защиту наших братьев на Крите». Греческое правительство выражало в заключение надежду, что державы-покровительницы Греции предпримут согласованные действия для того, чтобы избавить критян от новых

---

[5] Ιστορία... Σ. 254.

[6] *Сенкевич И. Г.* Указ. соч. С. 35—36; *Новичев А. Д.* Указ. соч. С. 214—215.

[7] *Сенкевич И. Г.* Указ. соч. С. 37.

жестоких испытаний и обеспечить им «существование, более соответствующее их истории и требованиям цивилизации и справедливости»[8].

Между тем, к концу сентября 1866 г. восстание охватило весь Крит. Турки удерживали только северные его районы с крепостями Ханья, Ретимно и Ираклион. Порта срочно начала перебрасывать подкрепления на остров. К ноябрю 1866 г. численность турецких войск была доведена до 45 тысяч. Командующий ими Мустафа-паша Киритли пытался уничтожить оплоты повстанцев в западной и центральной части острова. Карательные операции велись с крайней жестокостью. Турецкие войска оставляли на своем пути разрушенные селения, сожженные посевы, зверски убитых женщин, детей, стариков.

Повстанцы всюду оказывали героическое сопротивления намного превосходящим силам врага. 8 (20) ноября 1866 г. 15-тысячный турецкий корпус подошел к монастырю Аркади (округ Ретимно). За стенами его укрылось свыше 900 человек — в большинстве раненые, больные, женщины и дети. Лишь 250 из них могли по-настоящему владеть оружием. Тем не менее защитники монастыря отказались открыть ворота туркам. Осажденные, исчерпав после трех дней борьбы все возможности сопротивления, взорвали пороховой склад. Из укрывшихся в стенах монастыря греков спастись удалось лишь трем или четырем. В плен попало 114 человек. Немногих уцелевших участников обороны, попавших в плен, турки закололи штыками. Но и потери осаждавших монастырь врагов были велики: их было убито или ранено не менее 1500 человек[9].

Драма Аркадского монастыря получила огромный отклик не только в Греции, но и во всей Европе. Ее расценили как «второе Месолонги». «В героях Кандии, взлетающих в воздух, лишь бы не отдаться в руки туркам, — писала 3 (15) декабря 1866 г. русская либеральная газета „Голос", — мы видим достойных потомков Канарисов, Боцарисов и Маврокордато»[10]. В некоторых странах начало возрождаться филэллинское движение. На помощь критянам устремились добровольцы из Европы и Америки. В их числе были гарибальдийцы, а также видный французский ученый и революционер Флуранс. Критское национальное собрание удостоило будущего героя Парижской коммуны звания почетного гражданина Крита[11].

Большой сочувственный отклик Критское восстание нашло в России. Видные деятели русской культуры — художник И. К. Айвазовский, поэт Ф. И. Тютчев, публицист И. С. Аксаков и многие другие — высказывали горячее сочувствие борющемуся Криту. В поддержку Критского восстания решительно высказался орган революционно-демократических кругов журнал «Колокол», издававшийся за границей А. И. Герценом: «Мы вполне безусловно за греков, хотящих слиться с греками; за славян, стремящихся освободиться от чужого ярма»[12].

Реакция европейских правительств на события на Крите была не столь единодушной и, главное, не столь благоприятной. На патетический призыв греческого правительства к державам вмешаться, для того чтобы обеспечить критянам достойное существование, откликнулась только Россия. Активность российской дипломатии в Критском вопросе вытекала не только из традиционной политики пок-

---

[8] *Driault E., Lhéritier M.* Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. P., 1925. V. 3. P. 182–183.

[9] Ιστορία... Σ. 261.

[10] *Сенкевич И. Г.* Указ. соч. С. 52.

[11] См.: Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 208.

[12] *Сенкевич И. Г.* Указ. соч. С. 85.

ровительства православному населению Балкан, но и из возникновения новых связей между Россией и Грецией, установившихся в результате бракосочетания в 1867 г. греческого короля Георга с русской великой княжной Ольгой.

С начала волнений на Крите усилия русской дипломатии были направлены на то, чтобы помешать их разрастанию. Это вытекало из общего курса русской политики на Балканах после Крымской войны. Не оправившись от последствий крымского поражения, обремененная серьезными внутренними и внешними проблемами, царская Россия стремилась предотвратить или по меньшей мере отсрочить новый Восточный кризис. В то же время официальная политика была направлена на сохранение и упрочение традиционных связей России с православными балканскими народами. Если национально-освободительное выступление где-то на Балканах предотвратить не удавалось, то петербургский двор не отказывал ему в моральной и дипломатической поддержке. Так произошло и с Критским восстанием.

С самого начала Критского восстания Россия выступала за присоединение острова к Греции или по крайней мере за предоставление ему широкой автономии. Все усилия российской дипломатии были направлены на то, чтобы побудить две другие державы-покровительницы Греции поддержать эту позицию. Однако усилия эти оказались безрезультатными. Правда, Франция, нуждавшаяся в поддержке России в европейских делах, проявляла определенную заинтересованность в совместных с Петербургом действиях на Балканах. Но затем французский император решил, что тесные отношения с Австрией, не поддерживавшей критских повстанцев, важнее. В результате на встрече в августе 1867 г. в Зальцбурге между Наполеоном III и Францем Иосифом была достигнута договоренность о поддержании статус-кво на Балканах. Что же касается Англии, то она, устами своего министра иностранных дел Э. Стенли, заявила в самом начале восстания, что не следует предпринимать каких-либо шагов, которые могли бы быть восприняты как «вмешательство в пользу повстанцев», и не отступила от этой позиции до конца восстания [13)].

Если дипломатические акции России в поддержку Критского восстания не дали ощутимых результатов, то ее официальная политика в других отношениях оказалась полезной для критских повстанцев. В январе 1867 г. царский двор, считаясь с настроениями общественности, официально объявил сбор средств «в пользу страждущих христиан Востока» (имелись в виду критские греки). Активное участие в этой кампании приняла российская интеллигенция, ставшая организатором различных выставок, вечеров, лотерей, сбор от которых шел на помощь населению Крита. Так, в феврале 1867 г. в Феодосии открылась выставка работ И. К. Айвазовского, весь сбор от которой пошел в фонд помощи критянам. Собранные деньги, а также купленный на них хлеб по общественным каналам посылались на остров.

Сочувственное отношение русской общественности к национально-освободительному восстанию на Крите нашло выражение и в вывозе русскими судами мирных жителей с острова. Вывоз этот начал на свой страх и риск в декабре 1866 г. командир находившегося в средиземноморских водах русского военного судна «Генерал-адмирал» капитан первого ранга (позднее адмирал) И. И. Бутаков. Позже эта акция получила одобрение правительства, в ней приняли участие

[13)] Подробнее об отношении держав к Критскому восстанию см.: Международные отношения... С. 207, 210–212.

другие русские суда, посланные к берегам Крита. Всего русская эскадра перевезла с Крита в Пирей более 24 тыс. раненых, женщин, детей и стариков[14].

Неудачные попытки Греции заручиться поддержкой великих держав с целью освобождения Крита побудили ее искать союзников на Балканах. Большая часть этого региона по-прежнему находилась под турецкой властью, а его население стремилось от нее освободиться. Кроме того, на Балканах появились уже самостоятельные государства — Сербия и Румыния, у которых, как и у Греции, были свои счеты с Портой.

Поэтому события на греческом острове вызвали на Балканах большой интерес и сочувственный отклик. Среди иностранных добровольцев, принявших участие в вооруженной борьбе на Крите, были болгары (несмотря на напряженность болгаро-греческих отношений, вызванных церковным конфликтом). Под влиянием событий на Крите активизировалось революционное крыло в болгарском освободительном движении во главе с Георгием Раковским. Весной 1867 г. в горах Болгарии начали действовать вооруженные четы. В 1866—1867 гг. вооруженные выступления против турецкой власти произошли также в северных и центральных районах Албании. Большой отклик события на Крите нашли и среди населения греческих провинций Европейской Турции. В первой половине 1867 г. вспыхнули восстания в Эпире и Фессалии. Но в целом вооруженные выступления в Европейской Турции, небольшие по масштабам и разрозненные, не могли сколько-нибудь существенно помочь критским повстанцам.

Серьезную помощь восставшему Криту могла бы оказать общая воинская акция балканских государств. И предпосылка для такой акции имелась: в августе 1867 г., в разгар Критского восстания, был заключен военный союз между Сербией и Грецией. Условия союзного договора предусматривали начало в 1868 г. войны двух государств с целью освобождения всего христианского населения Европейской Турции. Для осуществления этой цели Сербия должна была иметь в полной боевой готовности 60 тыс. солдат, а Греция — 30 тыс. и флот. В случае невозможности осуществления конечной цели договора союзники давали друг другу обязательство обеспечить присоединение следующих территорий: к Греции — Эпира и Фессалии, к Сербии — Боснии и Герцеговины[15]. Союзный договор и заключенная в феврале 1868 г. греко-сербская военная конвенция предусматривали в дальнейшем расширение союза за счет Черногории и Румынии, а также организацию освободительных выступлений в Албании и Болгарии. Однако в связи с убийством в мае 1868 г. сербского князя Михаила, приведшего к политическим переменам в Сербии, сербо-греческий союз так и остался на бумаге. Безрезультатной оказалась и предпринятая параллельно в начале 1867 г. королем Георгом попытка договориться с румынским князем Каролем об «общей и немедленной акции» против Порты. Взамен этой акции, названной им «сколь неуместной, столь и опасной», Кароль предложил лишь «договориться о согласии на будущее»[16].

Тем временем бои на Крите продолжались с неослабевающей силой. Все попытки турок разгромить повстанцев и овладеть их оплотами терпели неудачу. Турецкие войска в ходе боевых действий понесли существенный урон. Насчитывавшие к началу борьбы 45—50 тыс. человек, к весне 1867 г. они потеряли

[14] *Сенкевич И. Г.* Указ. соч. С. 58—61, 66, 84—89, 196.

[15] Международные отношения... С. 171.

[16] Там же. С. 209.

около половины своего состава [17]. Вынужденным признанием постигших Порту военных неудач явился отзыв с острова в марте 1867 г. Мустафа-паши Киритли и замена его Омер-пашой. Новый главнокомандующий — один из самых способных и жестоких турецких военачальников — провел ряд крупных экспедиций против труднодоступных горных районов, где находились основные базы повстанцев. В июле 1867 г. турецкие войска после упорных боев захватили горную область Сфакья на западе острова. Но закрепиться там надолго они не смогли. Несмотря на достигнутые успехи, Омер-паше не удалось окончательно подавить восстание критян. В донесении, направленном Порте, он писал: «Население всех нахийе приведено к покорности и сдает оружие. Однако часть бунтовщиков, отступив в высокогорные районы, продолжают обороняться. Нельзя считать, что с критским восстанием уже полностью покончено» [18].

С конца 1867 г. турецкие генералы применили новую тактику в борьбе с повстанцами. В захваченных районах строились небольшие укрепления, прокладывались военные дороги. В результате, контролируемые повстанцами районы были расчленены на отдельные изолированные очаги. Была значительно усилена морская блокада. Греческим торговым судам, осуществлявшим снабжение повстанцев, было все труднее прорываться через этот кордон. Наряду с карательными мерами Порта предприняла и политические маневры. Прибывший на Крит великий визирь Али-паша в феврале 1868 г. ввел в действие так называемый Органический устав, предусматривавший некоторое смягчение налогового бремени и определенное участие христианского населения в управлении островом. Эта политика «кнута и пряника» не была безрезультатной: некоторые равнинные районы откололись от повстанческого лагеря и заявили о своей покорности султану. Но и среди тех, кто продолжал держать оружие в руках, появились настроения безысходности, сознание бесперспективности борьбы, чему способствовала и позиция держав, все более неблагоприятная для восставшего Крита и Греции.

Не только избавившись от дипломатического давления держав, но и получив поддержку со стороны Австро-Венгрии, Англии и Франции, Порта сама усилила давление на Грецию, чтобы заставить ее отказаться от поддержки критских повстанцев. Ультиматум, врученный 30 ноября (11 декабря) 1868 г. турецким посланником в Афинах Фотиадис-беем, требовал немедленного роспуска отрядов добровольцев, сформированных в различных районах королевства для помощи восставшему Криту, разоружения греческих судов «Энозис», «Крит» и «Панэллинион», снабжавших критских повстанцев продовольствием и военным снаряжением, и, в любом случае, закрытия для них доступа в греческие порты, наказания всех виновных во враждебных действиях против военнослужащих и иных османских подданных. В случае невыполнения этих требований Порта грозила разрывом дипломатических отношений и высылкой всех греческих подданных с территории Османской империи. Греция отклонила ультиматум и дипломатические отношения между двумя государствами были разорваны [19].

Возможность открытия нового Восточного кризиса встревожила европейские дипломатические канцелярии. В течение более двух лет, не спеша и без какого-либо ощутимого результата занимавшиеся составлением нот и депеш

---

[17] Международные отношения... С. 209.

[18] *Новичев А. Д.* Указ. соч. С. 216–217.

[19] *Driault E., Lhéritier M.* Histoire diplomatique... V. 3. P. 266–268.

по Критскому вопросу, они проявили теперь завидную оперативность. Уже в начале января 1869 г. в Париже собралась конференция шести держав — участниц Парижского договора 1856 г. Греция была приглашена на нее лишь с совещательным голосом. 20 января 1869 г. конференция единодушно одобрила декларацию, которая требовала от Греции принятия основных пунктов турецкого ультиматума от 30 ноября (11 декабря) 1868 г. Греция, оказавшаяся в полной дипломатической изоляции, была вынуждена капитулировать. После этого греко-турецкие отношения были восстановлены.

Между тем в январе 1869 г. последние еще сражавшиеся на Крите отряды повстанцев, истощенные донельзя неравной борьбой, изолированные и лишенные какой-либо поддержки извне, сложили оружие. Несмотря на поражение, продолжавшаяся два с половиной года героическая борьба критского населения показала его непреклонную решимость добиться освобождения и воссоединения с Грецией. Хотя цель эта на сей раз не была достигнута, но критяне своим героизмом и своими жертвами сделали важный шаг в этом направлении.

Критское восстание 1866—1869 гг., которое некоторые историки называют «второй войной за независимость», стало большим испытанием не только для населения многострадального острова, но и для независимого греческого государства. Кризис показал экономическую и военную слабость Греции, шаткость ее внешнеполитических позиций. Основой экономики Греции во второй половине XIX в. оставалось сельскохозяйственное производство. Размер обрабатываемой земли в 70-е гг. XIX в. оценивался в 11 млн стремм (1 стремма равняется 1/10 гектара), из них 7 млн составляли засеваемые площади и 4 млн — плодовые плантации. Их важнейшую часть составляли земли, покрытые виноградниками, тутовыми деревьями, оливами и смоковницами. Но имелись и большие необработанные земельные площади. Большая часть земельного фонда, так называемые «национальные земли», находилась после революции 1821—1829 гг. в собственности государства. Сельские жители обрабатывали эти земли на правах аренды.

Считается, что численность этих безземельных арендаторов составляла 35—50 % сельского населения. За право обрабатывать эти земли государство взимало с арендаторов «десятину» (в действительности она составляла от 8 % до 30 % продукции) и налог на право пользования землей, составлявший 15 % неочищенной продукции. Судьба «национальных земель» стала одной из болезненных проблем политической жизни послереволюционной Греции. Остроту ее сняла аграрная реформа А. Кумундороса (1871). В ходе ее осуществления 2650 тыс. стремм «национальных земель» были проданы крестьянам. В результате в деревне образовался многочисленный слой мелких собственников. Однако реформа оставила в неприкосновенности крупные земельные поместья, которые, в частности, в Аттике занимали около 40 % обрабатываемой площади[20].

Несмотря на то, что реформа А. Кумундороса положительно сказалась на развитии сельского хозяйства, у него по-прежнему оставалось много слабых мест. Не совершенствовались методы обработки земли, не использовались удобрения, что снижало производительность земледелия. Плохое состояние дорожной сети ограничивало возможности для сбыта продукции на рынках. В результате многие крестьяне ограничивались производством продукции, необходимой для удовлетворения насущных нужд их семей.

[20] Ιστορία... Σ. 310—311.

Некоторые протекционистские меры, проведенные тогда же в законодательном порядке, дали определенный стимул греческой промышленности, главным образом пищевой и текстильной. Как уже говорилось, в 1855 г. в Афинах начала работать шелкопрядильная фабрика — первое предприятие греческой национальной промышленности. А через 20 лет в Греции действовало уже 25 промышленных предприятий, использовавших паровые двигатели, на которых работало 7342 человека. Конкретно это были прядильные, ткацкие и кожевенные фабрики, мельницы, маслобойни, винные заводы, механические заводы. Значительная часть продукции прядильных фабрик и винных заводов (особенно последних) шла на экспорт.

Начинается и разработка недр Греции, к которой проявляет интерес иностранный капитал. В 1864 г. основывается франко-итальянское общество «Рудники Лавриона», начавшее свою деятельность в южной части Аттики. У общества возник конфликт с греческим государством, так как вместо добычи руды из недр оно занялось разработкой металлосодержащих шлаков, находившихся на поверхности в большом количестве. Для разрешения конфликта владельцы франко-итальянской компании обратились не в греческий суд, а к послам своих держав. Послы Франции и Италии потребовали от греческих властей решить этот вопрос в пользу своих соотечественников, угрожая в противном случае применить карательные санкции, вплоть до разрыва дипломатических отношений с Грецией. В конечном счете, в 1873 г. франко-итальянская компания была выкуплена за значительную сумму группой зарубежных греческих богатых людей. Спекуляции вокруг акций компании «Рудники Лавриона» и других горнодобывающих компаний привели к разорению многих семей, не искушенных еще в «тонкостях» рыночной экономики.

В греческом торговом флоте продолжался процесс вытеснения парусников пароходами.

Процесс индустриализации находился еще в начальной стадии, и богатые люди предпочитали вкладывать свои деньги в выгодные торговые операции, включая посредническую торговлю. Значительно оживилась и внешняя торговля, особенно экспорт. Главным экспортным товаром была коринка. В период 1870—1880 гг. доходы от ее продажи составляли обычно половину доходов, получавшихся от импорта. Значительная часть торгового оборота страны сосредоточивается в Пирее, ставшем в 1870-е гг. ее первым портом [21].

Экономические сдвиги отразились и на демографической структуре страны. В 1870 г., после присоединения Ионических островов, население Греции достигло 1 млн 458 тыс. человек. По социальным категориям население это распределялось следующим образом: крестьяне — 47,18 %, лица свободных профессий (врачи, адвокаты и т. д.) — 18,66 %, ремесленники — 8,65 %, моряки — 4,52 %, рабочие — 4,07 %, купцы — 3,41 %. Эти данные свидетельствуют о том, что Греция попрежнему оставалась страной с преобладающим земледельческим населением. То что второй по численности группой населения являлись лица свободных профессий, показывает, что в греческом обществе после освобождения шел процесс социальной диверсификации. Большое место, занятое этой группой в греческом обществе, известный греческий историк А. Вакалопулос объясняет тягой греков к занятиям торговлей, учением и наукой и их издавна известным презрительным отношением к другим видам деятельности — «грубым ремеслам». «Тяга эта, — про-

[21] Ὁ. π. Σ. 311—312.

должает историк, проявляется и в поразительном росте числа учащихся: если в 1830 г. их было около 10 тыс., то к 1874 г. число их составило уже 93 588 человек, из них 1352 студента»[22]. Соглашаясь с этой версией, нужно добавить, что формирование социальной структуры греческого общества было связано также (и, быть может, в первую очередь) с процессом его буржуазной трансформации.

Процесс капиталистического преобразования греческой экономики не зашел еще достаточно далеко. Выросшая греческая буржуазия по-прежнему действовала главным образом в сфере торговли и судоходства. Ее влияние в политической жизни было ограниченным. Система буржуазного парламентаризма в Греции только начала формироваться. В 1875 г. король Георг признал принцип формирования правительства лидером партии, обладающей большинством в парламенте. Но политических партий в точном значении этого термина в Греции тогда еще не существовало. На посту премьера сменяли друг друга, как правило, несколько профессиональных политиков.

В первые десятилетия правления короля Георга на политической арене Греции доминировали два политика: Александрос Кумундорос и Харилаос Трикупис. А. Кумундорос (1817—1883) в период с 1865 г. по 1880 г. возглавлял правительство десять раз, Х. Трикупис (1832—1896) в период с 1875 г. по 1893 г. — семь раз. Оба видных политика прилагали усилия для того, чтобы сделать страну процветающей и расширить ее территорию. Однако на способы достижения этой цели они смотрели по-разному. Кумундорос прилагал большие усилия для развития внутренних ресурсов страны. Он был, как уже говорилось, автором аграрной реформы 1871 г., которая в значительной мере способствовала возникновению в греческой деревне заметного слоя мелких землевладельцев. В борьбе за воссоединение греческих земель Кумундорос для быстрейшего достижения результатов считал необходимым поддерживать тайные общества и повстанческие движения на подвластных султану греческих землях. Трикупис же отдавал предпочтение дипломатическим средствам. Отмечая его дипломатические способности, чаще всего ставят ему в заслугу заключение выгодного для Греции договора 1864 г. о присоединении Ионических островов и греко-сербского союзного договора 1867 г. Личные отношения между двумя политиками были весьма неприязненными.

В парламентской борьбе амбиции и групповые интересы часто оттесняли на задний план интересы национальные, что мешало проведению эффективного политического курса. Нелицеприятную оценку поведения греческих политиков после введения в силу конституции 1864 г. дает А. Вакалопулос: «Принятие новой конституции, ее ореол являются движущим стимулом для появления новых сил на политической арене. Но активное стремление политиков отодвинуть в сторону друг друга или навязать другому свою волю, их сильный эгоизм и вытекающие отсюда недоброжелательство и острое соперничество стимулируют поливание противников грязью, политику обещаний, подкупа и лжи. Эти характерные черты наложат глубокий отпечаток на политическую жизнь страны, становясь временами весьма выпуклыми»[23].

---

[22] Βακαλοπουλος Α. Νέα ελληνικα ιστορία (1204—1985). Θεσσαλονίκη, 1993 (7 έκδοση). Σ. 282—283.
[23] Ό. π. Σ. 263.

Болгары: возрождение

Краткий период между окончанием Крымской войны (1856) и началом Восточного кризиса (1875) оказался для истории болгарского народа знаковым и был отмечен небывалой прежде степенью социальной и политической активности. Основными сферами проявления этой активности стали три общественно значимых направления: забота о развитии народного просвещения, борьба за создание независимой от греков церкви, попытки организации освободительного движения. Достижения именно в этих трех сферах современники нередко определяли термином «возрождение», подразумевая под ним духовное, культурное, правовое, политическое возрождение нации и ее самосознания. В частности, этот термин широко использовали в своей риторике участники повстанческих комитетов, а также лидеры национально-церковного движения (имея в виду его конечную цель — признание болгар в качестве отдельного миллета-патриархии, что в условиях османских реалий было равнозначно официальному признанию в качестве нации) [1].

Поскольку все процессы, относящиеся к области просветительской деятельности, были в Османской империи неразрывно связаны с функционированием общинных, церковных и ремесленных структур (традиционно исполнявших роль ее организаторов и спонсоров), проявление их специфики в ходе второго этапа Танзимата рассматривалось в соответствующем разделе этой монографии [2]. В данной главе речь пойдет о церковном и повстанческом движении, первое из которых было ориентировано на достижение национально-правового, а второе — политического возрождения болгар в статусе самостоятельной нации.

Говоря об отличительных особенностях этих движений, необходимо сразу отметить их связь с событиями на международной арене. Исключительное значение в данном случае имели последствия двух кризисов — Ливанского (1860), спровоцировавшего в 1860–1862 гг. дестабилизацию ситуации на Балканах, и Критского (1866–1869). Для эскалации болгаро-греческого церковного конфликта особое значение имел также факт закрепления в тексте Парижского мирного договора (1856) официальной ссылки на знаменитый султанский указ Хатт-и хумайун. Третий параграф этого хатта, в частности, гласил: «Всем христианским и другим немусульманским религиозным общинам будет разрешено... с содействием составленной в ее среде комиссии приступить... под наблюдением Высокой Порты к изучению ее... привилегий, с тем чтобы обсудить и предложить Высокой Порте реформы, которые обуславливаются прогрессом просвещения и временем» [3]. Юридическая увязка этих двух документов, предоставляла европейцам, с одной стороны, возможность давления на Порту в целях продвижения

---

[1] Например, один из лидеров церковного движения Ст. Чомаков употребил в октябре 1868 г. именно этот термин, выражая радость по поводу проектов Порты по церковному вопросу: «Братски поздравляем — Народ воскрес!» (*Шопов Ат.* Стоян Чомаков. Живот, дейност и архива. София, 1919. С. 603–604).

[2] Подробно см. главу И. Ф. Макаровой «Порта и Танзимат».

[3] Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 234.

реформ в выгодном для них направлении[4], с другой — создавала необходимое правовое поле для перехода тлеющей фазы болгаро-греческого конфликта на качественно новый уровень[5].

Для болгарского социума обещанная Хатт-и хумайуном реформа системы миллетов была к середине XIX в. назревшей необходимостью. Рост экспортной торговли продуктами сельскохозяйственного производства, резко подскочивший после заключения фритрейдерских договоров 1838—1841 гг. и последовавшего вскоре неурожая в Европе (1846—1847), способствовал укреплению экономических позиций болгарской буржуазии[6]. Однако существовавшая схема административного функционирования православного миллета во главе с греческим патриархом, синодом и митрополитами, представлявшими перед султаном, Портой и губернаторами всю палитру интересов своей паствы (в том числе и экономических), фактически блокировала возможность прямого контакта болгар с органами турецкой власти[7]. В условиях развития буржуазных отношений эта схема не только не соответствовала амбициям социально-экономической верхушки болгарского общества (чорбаджиев), но и мешала лоббированию интересов национального бизнеса. Этим обстоятельством в значительной степени можно объяснить чрезвычайно высокую степень активности руководства болгарских общин на второй стадии развития церковного конфликта. Данный факт был очевиден даже для сторонних наблюдателей — русских консулов, вынужденных констатировать необычно высокую степень заинтересованности чорбаджиев в продвижении церковного вопроса[8].

Наличие в обществе сознания объективной необходимости в изменении системы представительства перед Портой предопределило, скорее всего, и проявление той степени внутренней убежденности, с которой болгары начали отстаивать после 1856 г. свое право на отдельную от греков церковную организацию. Особо важно подчеркнуть, что на данной стадии конфликта инициатива в его обострении не инспирировалась, по всей видимости, извне. Кроме болгар, в изменении статус-кво внутри православного миллета во второй половине 1850-х — начале 1860-х гг. не был заинтересован, пожалуй, никто. Ни Порта, ни ведущие западноевропейские державы (Великобритания, Франция, Австрия) не были склонны поддерживать инициативы по созданию болгарской православной церкви, вполне обоснованно предполагая, что та быстро может оказаться под контролем единоверной России[9].

---

[4] Подробно см. главу И. Ф. Макаровой «Порта и Танзимат».

[5] Подробно об истории развития церковного конфликта см.: *Макарова И. Ф.* Болгары: пробуждение // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны.). М., 2012.

[6] Подробно о социально-экономической ситуации в болгарских землях см.: *Макарова И. Ф.* Время перемен (болгарские земли и начало Танзимата) // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012.

[7] Подробно о системе миллетов см.: *Макарова И. Ф.* У истоков духовного возрождения (болгары под властью Константинопольского патриарха) // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 267—272.

[8] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Документи и материали. Т. 3. София, 2002. С. 255.

[9] *Кирил, патриарх Български.* Граф Н. П. Игнатиев и българският църковен въпрос. Изследване и документи. Т. 1. София, 1958. С. 172—173; *Дамянов С.* Франция и българската национална революция. София, 1968. С. 99; *Пантев А.* Англия и българският църковен въпрос (1860—1870) // В чест на Д. Косев. София, 1974; *Widerszal L.* Bulgarski ruch narodowy, 1856—1872. Warszawa, 1937. С. 135—139.

Русские дипломаты, признавая в своей внутриведомственной переписке справедливость болгарских претензий к грекам, продолжали на официальном уровне вплоть до событий 1866—1869 гг. придерживаться позиции нейтралитета и действовать исключительно «в духе примирительном» [10]. Директивы о необходимости следовать этой линии консулы получали во второй половине 1850-х — первой половине 1860-х гг. достаточно регулярно. Например, в апреле 1858 г. министр иностранных дел А. М. Горчаков подчеркивал в своем послании в Адрианополь особую важность этой миротворческой тактики, отмечая, что именно забота о сохранении единства православных народов составляет «главнейший предмет забот нашего правительства. Существующая же вражда между народностью греческой и славянской послужат вернейшим средством к успеху католической пропаганды» [11]. Приоритет установок подобного рода в значительной степени был связан с позицией русского Священного Синода — профильного министерства по делам церкви, чье мнение в данном вопросе имело для дипломатов решающее значение. В мае 1860 г. секретарь русской дипломатической миссии в Стамбуле Е. П. Новиков по этому поводу откровенно жаловался директору Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевскому: «Поставленные между здравым, вполне православным политическим воззрением министерства и строгою безвыходностью мнений нашего духовного начальства, мы теряем всякую свободу суждения и действия. ...Два совершенно противоположные и равнообязательные для нас воззрения господствуют в высших слоях нашего собственного отечества» [12]. На докладе сохранился автограф императора Александра II: «Нахожу взгляд его совершенно правильным» [13], но практических последствий это мнение государя не имело. Политические плоды столь невнятной политики России в затянувшемся конфликте были весьма сомнительны. Как писал позднее в своих мемуарах — «Дипломатических записках» — будущий посол России в Стамбуле Н. П. Игнатьев (1864—1877), греки очень скоро стали «подозрительными», а «болгары обвиняли нас в грекофильстве» [14].

После появления Хатт-и хумайуна болгары не стали дожидаться поддержки извне. Предоставленной им возможностью элита болгарских общин постаралась воспользоваться незамедлительно, начав легитимное по форме и методам движение за выход из греко-православного миллета (Константинопольской патриархии) и учреждение нового — болгаро-православного. Уже в первой половине 1856 г. церковно-приходская община Стамбула подала на имя султана соответствующую петицию [15]. Реализация некоторых ее положений (независимый от Константинополя выбор своего духовного и одновременно, как это было принято в миллетах, светского главы, возможность его прямого контакта с Портой) на практике означала бы вычленение болгарской паствы из церковно-административных структур Константинопольской патриархии. В конце 1856 г. столич-

[10] Подробно о позиции России по болгарскому церковному вопросу см.: *Макарова И. Ф.* Болгарское национально-церковное движение и Россия (1856—1872 гг.) // Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII – начале XX вв. М., 2011.

[11] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 1. Ч. 1. С. 202.

[12] Там же. С. 388—389.

[13] Там же. С. 389.

[14] *Граф Н. П. Игнатиев.* Дипломатически записки (1864—1874). Т. 1. София, 2008. С. 440.

[15] Хронологическая канва церковного конфликта излагается в соответствии с материалами, собранными в фундаментальном труде: *Ников П.* Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, 1971.

ная община отправила соответствующее обращение в провинции, призывающее старейшин прислать своих представителей для передачи Порте аналогичного прошения от имени всего народа (оформленного по всем правилам, т. е. удостоверенного общинными печатями). В начале 1857 г. в Стамбул прибыли уполномоченные Тырнова, Свищова, Казанлыка, Старой Загоры, Рущука, Шумлы, Сливена, Врацы и Пловдива, торжественно преподнеся Порте около 60 прошений.

Кроме Хатт-и хумайуна в своих притязаниях на самостоятельную церковную организацию болгары опирались на недавний прецедент. В 1850 г. по настоянию английского посланника Стрэтфорда Каннинга немногочисленные протестанты Османской империи впервые были признаны Портой в качестве особого миллета, с 1831 г. аналогичный официальный статус имели армяне-католики. Определенные перспективы в данном направлении открывались для болгар и в связи с инициативой правительства по созыву в 1858 г. церковно-народного собора из представителей духовных и светских лиц, на котором планировалось обсудить проект реформы греко-православного миллета в соответствии с обещаниями Хатт-и хумайуна (новые правила по выбору иерархов, проект создания при главах духовных ведомств советов с участием мирян, введение для священников фиксированной заработной платы и др.). И хотя болгарский вопрос в повестке дня не значился, сам факт присутствия в среде делегатов представителей болгарских общин предопределял неизбежность его обсуждения.

Церковно-народный собор, начавший работу в октябре 1858 г., заседал более года (до февраля 1860 г.). Первоначально озвученные требования болгар к патриархии выглядели традиционно: назначение народных владык, право участия в их выборе, употребление болгарского языка в богослужении. Однако Константинопольская патриархия оказалась не готова к этим уступкам, полагая, что они объясняются влиянием извне и провоцируются Россией ради продвижения идеалов панславизма [16]. Собор завершился скандалом — болгарские представители отказались подписывать итоговый протокол.

Провал переговоров привел к стремительному усилению позиций радикалов внутри болгарского церковного движения. После Крымской войны историки считают возможным вычленять в нем три условных направления, различающихся отношением к тактике борьбы за независимую церковь [17]. Партия, к которой относился круг, близкий к российской дипломатической миссии в Стамбуле и Бухарестскому комитету (на рубеже 1861—1862 гг. реорганизованному в Добродетельную дружину), следовала в фарватере политики России и видела основной путь решения проблемы в переговорах с Константинопольской патриархией. Сторонники прозападной ориентации во главе с Др. Цанковым считали наиболее перспективным сотрудничество с папской курией (с целью заключения унии или использования ее угрозы в качестве эффективного метода шантажа). Туркофилов, среди которых особой энергией и последовательностью выделялся Ст. Чомаков, отличал наиболее реалистичный подход. Основную ставку они делали на османское правительство, полагая, что лишь оно обладает необходимыми полномочиями и более других заинтересовано в урегулировании опасного с точки зрения нарушения общественного спокойствия конфликта. Начавшийся

[16] *Данова Н.* Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX в. София, 1980. С. 200—225.

[17] *Маркова З.* Българската екзархия. 1870—1879. София, 1989. С. 26; *Тодев И.* Д-р Стоян Чомаков (1819—1893). Живот, дело, потомци. София, 2008. Т. 1: Изследване. С. 195.

после закрытия церковно-народного собора новый виток обострения болгаро-греческих противоречий способствовал сближению сторонников различной ориентации на базе признания необходимости решительных действий.

В марте 1860 г. болгарская община Стамбула подала Порте прошение, в котором, указывая на только что проявленную патриархией пристрастную и несправедливую позицию, просила об учреждении отдельной от греков церковной организации. Вскоре на ее же базе состоялось собрание, на котором было принято решение о демонстративном разрыве с патриархией и учреждении самопровозглашенной болгарской церкви. Центральная роль в готовящейся акции отводилась епископу болгарской церкви в Стамбуле Иллариону Макариопольскому (на этот пост он был поставлен в 1858 г. после отставки обвиненного в злоупотреблениях первого епископа этой церкви Стефана Ковачевича). Во время торжественной литургии на Пасху Иллариону предстояло (якобы под давлением толпы) совершить откровенно противозаконное действие — заменить имя патриарха именем султана и скорректировать некоторые детали текста, озвучив их в соответствии с каноном, предусмотренным лишь для самостоятельных церквей. Все задуманное было благополучно осуществлено 3 апреля 1860 г. в переполненной прихожанами болгарской церкви Стамбула. Заключительным аккордом скандальной акции стало исполнение специально составленной для данного случая хвалебной песни султану.

На следующий день община торжественно передала Порте прошение об учреждении независимой болгарской церкви, под которым стояло около 1000 подписей. Депутация была принята благосклонно. Возмущенная Константинопольская патриархия потребовала от османских властей немедленного заточения Иллариона Макариопольского, но получила отказ. Пользуясь попустительством Порты, Илларион без позволения патриархии провел 24 апреля новое богослужение. И вновь на требование о его заточении власти ответили отказом.

Двусмысленная позиция правительства создавала почву для возникновения иллюзий о законном статусе самопровозглашенной болгарской церкви (ее формальное признание со стороны Порты выглядело лишь вопросом ближайшего времени). Итог оказался самый неожиданный — начался переход владык на сторону новой церковной структуры. Софийский митрополит грек Гедеон в службе на Петров день не упомянул имени патриарха, а произнес здравицу Иллариону (за что и подвергся немедленному заточению); велесский митрополит Авксентий (имевший конфликт с патриархией) осмелился отслужить литургию на Пятидесятницу в болгарской церкви Стамбула без патриаршего разрешения; присоединился к болгарской церкви и пловдивский митрополит албанец Паисий.

В историографии давно и прочно утвердилось мнение, что непоследовательность Порты в болгаро-греческом конфликте определялась в первую очередь ее приверженностью формуле «разделяй и властвуй», а также стремлением к подрыву авторитета России в среде турецких христиан. Этого взгляда придерживались и русские дипломаты [18]. Признавая обоснованность данной точки зрения, нельзя, впрочем, исключать и более простого объяснения. Кроме соображений стратегического и тактического характера могла иметь место и откровенная растерянность властей перед угрозой разрастания социального конфликта, чреватого тяжелыми политическими (в том числе и международными) последствиями. Как отмечал в 1864 г. русский консул в Тырново В. Ф. Кожевников, «призванное

[18] См., например: *Кирил, патриарх Български.* Граф Н. П. Игнатиев... С. 206—207.

быть судьей и миротворцем в вопросе чисто христианском, турецкое правительство колеблется и не знает, в чью пользу решить дело. Если политика его не допускает обидеть греков, то опасно также раздражить и болгар. А между тем тяжелый вопрос этот столь сложен, что нет никакой возможности удовлетворить и тех и других»[19]. Данное замечание представляется особенно точным, если учесть, что в рассматриваемый период именно Порта представляла собой силу, менее всего заинтересованную в нарушении социальной стабильности в регионе (учитывая степень материальных и людских потерь в ходе Крымской войной, дестабилизацию системы управления в результате бесконечных реформаторских экспериментов и сохраняющуюся угрозу территориального распада страны).

Между тем ситуация в болгарских епархиях действительно не могла не вызывать беспокойства властей. Противостояние славянской паствы с греческими архиереями все чаще начинало выходить за рамки легитимных, приобретая подчас форму открытых столкновений. Среди многочисленных конфликтов рубежа 1850—1860-х гг. особым ожесточением выделялись события в Тырново, нацеленные на изгнание митрополита Неофита. В начале 1857 г. дело здесь дошло до уличных потасовок между его сторонниками и противниками. Аналогичная ситуация сложилась и в Пловдиве. В обоих случаях итогом конфликта стал отзыв митрополитов, а вновь назначенные владыки (в Тырново грек Григорий, в Пловдиве албанец Паисий) были вынуждены действовать подчеркнуто корректно. Относительно спокойная обстановка сохранялась в этот период лишь в Македонии, где греческое культурное влияние традиционно занимало наиболее сильные позиции. Ярким исключением явилось, пожалуй, лишь село Кукуш Полянинской епархии, где в 1858 г. по инициативе учителя Д. Миладинова греческие церковные книги были отвергнуты и введено славянское богослужение. Одновременно жители выступили против местного митрополита Мелетия, требуя поставить вместо него болгарина Парфения Зографского. Получив отказ, они начали переговоры с французским консулом в Салониках и миссионерами-лазаристами. Итогом переговоров стала попытка массового перехода в унию. И лишь после того, как владыкой был все же назначен Парфений Зографский, основная масса жителей благополучно вернулась в православие.

Летом 1860 г. и без того сложная ситуация в сфере болгаро-греческих отношений неожиданно получила развитие в новом направлении. Разразившийся в это время Ливанский кризис спровоцировал резкий всплеск интереса великих держав не только к событиям в азиатских, но и европейских провинциях Османской империи. Особой степенью активности отличалась Франция. В XIX в. важнейшей составляющей ее деятельности на Балканах являлось противодействие основному принципу русской ближневосточной политики, нацеленному на сохранение единства православных народов. Действуя в данном направлении, французское правительство не пренебрегало потенциалом различного рода католических миссий, с которыми традиционно поддерживало тесные связи, а также многочисленных польских эмигрантов, контролируемых через расположенные в Париже органы Польского политического агентства во главе с князем А. Чарторыйским[20].

---

[19] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 2. София, 1990. С. 22.

[20] Подробно см.: *Смоховска-Петрова В.* Неофит Бозвели и българският църковен въпрос (Нови дани из архива на А. Чарторийски). София, 1964; *Смоховска-Петрова В.* Михаил Чайковски-Садък паша и българското възраждане. София, 1973; *Sharova K.* Les Bulgares dans la politique balkanique de l' emigration polonaise (1842—1853) // Bulgarian Historical Review. 1974. № 3.

Возможностями, открывающимися в связи с начавшимся политическим кризисом, попыталась воспользоваться группа радикально настроенной болгарской молодежи (Др. Цанков, Г. Миркович, М. Иванов, Х. Ваклидов и др.). Курс был взят на полный разрыв с Константинопольской патриархией и учреждение самостоятельной болгаро-униатской церкви. Осуществить этот план предполагалось через реанимацию контактов с польскими эмиссарами и патронируемыми Францией органами католической пропаганды[21]. Индифферентные собственно к религии, Др. Цанков и его сторонники были склонны рассматривать решение церковного вопроса исключительно через призму отстаивания болгарских национальных интересов, поэтому перспектива перехода в унию воспринималась ими главным образом с точки зрения политической целесообразности[22].

Летом 1860 г. Др. Цанков развернул среди болгар открытую католическую пропаганду (через издаваемую им и финансируемую миссией лазаристов газету «България»). Тогда же были начаты тайные переговоры об условиях перехода в униатство с главой лазаристов Евг. Боре, католическим архиепископом П. Брунони и новым резидентом князя А. Чарторыйского в Стамбуле Вл. Йорданом. Результатом достигнутых договоренностей явилось вручение 18 декабря 1860 г. архиепископу П. Брунони официального ходатайства на имя римского папы о признании автономной болгарской церкви (с сохранением традиционных обрядов и обычаев), а также просьбы о посредничестве папы в установлении над ней покровительства Франции. В тот же день был подписан акт о присоединении новой болгаро-униатской церкви к Риму. Ее главой был избран 80-летний архимандрит Иосиф Сокольский. Порта незамедлительно объявила, что готова признать новую церковную структуру. В марте 1861 г. Сокольский прибыл в Рим, где был рукоположен в сан архиепископа. По возвращении он получил признание османских властей, а новая конфессиональная община — право использовать печать со столь желанной гравировкой «булгар миллети» (на одной стороне) и «Соединенная болгарская патриархия» (на другой)[23]. Так в 1861 г. неожиданно получил частичную реализацию проект, безуспешно инициируемый в середине 1840-х гг. польскими политическими эмиссарами[24].

Опираясь на негласное покровительство Порты, болгарское униатское движение смогло достичь в 1861 г. определенных успехов. Общины униатов были зарегистрированы в Пловдиве, Видине, Тырново, Старой Загоре, Свищове, Шумле, Скопье, Водене, Велесе, Струме и в некоторых других населенных пунктах. В количественном отношении они были невелики. Например, в октябре 1862 г. в Тырново насчитывалось 100 униатских семей, в Габрово около 200, в Лясковце — 46, в Свищове — 32[25]. По информации русских консулов, в провинции во главе униатского движения в основном стояли радикально настроенные

---

[21] О сотрудничестве болгар с органами Пропаганды в 1840-е гг. см.: *Макарова И. Ф.* Болгары: пробуждение // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012.

[22] *Ковачева М.* Драган Цанков. Общественник, политик, дипломат до 1878 г. София, 1982. С. 47–48.

[23] *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX век. Т. 1. (1859–1865). София, 1965. С. 182; Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 10.

[24] Подробно см.: *Макарова И. Ф.* Болгары: пробуждение // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012.

[25] *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда... С. 221–252.

молодые учителя, полагавшие этот путь наиболее перспективным для достижения церковной независимости [26].

Говоря об униатском движении, необходимо еще раз подчеркнуть, что как сам переход в унию, так и угроза этого шага зачастую использовались населением в узко тактических целях — для шантажа Константинопольской патриархии и русского дипломатического ведомства. Например, болгарская паства Пловдива, первоначально с возмущением отреагировавшая на факт униатства своих столичных соотечественников, узнав о решении патриархии отстранить их митрополита Панарета (признавшего самопровозглашенную 3 апреля 1860 г. болгарскую церковь), подала петицию в его защиту, угрожая в противном случае массовым переходом в униатство. Определенную роль играл и экономический фактор. В донесениях русских консулов нередко можно встретить информацию о случаях прямого подкупа прозелитов, в том числе и о выплатах им постоянного «жалования из сумм пропаганды» [27].

Что касается Порты, то для нее униатство болгар было, пожалуй, оптимальным вариантом решения опасного для общественного спокойствия конфликта. В рамках логики системы миллетов (люди одного вероисповедания должны подчиняться одному церковному главе) добровольный и официально оформленный отказ болгар от православия являлся для правительства легитимным основанием для удовлетворения всех их требований без формального ущемления привилегий Константинопольской патриархии. Позицию Порты по данному вопросу исчерпывающе объяснил в своем частном разговоре с французским вице-консулом в Адрианополе Ш. Шампоазо Киприсли-паша (в мае 1860 – августе 1861 г. он занимал пост великого визиря) [28]. В частности, он отметил, что Порта не может согласиться на учреждение самостоятельной православной болгарской патриархии хотя бы по той причине, что та, скорее всего, не замедлит оказаться под враждебным влиянием России. Поэтому в идеале правительство предпочло бы, чтобы болгары и впредь оставались под юрисдикцией уже существующей патриархии, причем, безразлично какой именно — греческой, армянской, греко-униатской или даже иудейской. Но поскольку они желают устроения вне этих церковных структур, для Порты предпочтительнее юрисдикция папы, которого ей нечего бояться.

Известие о возникновении новой болгаро-униатской церкви немедленно вызвало бурный международный резонанс со стороны заинтересованных сторон, особенно Франции и России. С подачи князя Чарторыйского император Наполеон III лично отправил в адрес новой церкви крупное дарение, оценив факт ее создания как важную веху в борьбе западной цивилизации против русского влияния на Балканах [29]. В 1861 г. в Париже начал действовать созданный по настоянию французского министра иностранных дел Э. Тувенеля «Комитет по католическому соединению с Болгарией», в котором особенно активную роль играла княгиня Чарторыйская.

Русская дипломатия среагировала крайне болезненно и поразительно оперативно. Речь шла о сохранении единства православных народов и необходимости

---

[26] Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 2. С. 273, 320–321.

[27] Там же. С. 34, 343; Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. С. 15.

[28] *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда... С. 315.

[29] *Дамянов С.* Франция и българската... С. 109.

срочного противодействия козням католической пропаганды. По совету вице-консула в Пловдиве Н. Герова (этнического болгарина) и через его посредничество российской миссии удалось склонить П. Славейкова (в тот период одного из наиболее авторитетных деятелей болгарского национального, в том числе и униатского, движения) попытаться убедить отказаться от верховенства Рима самого Иосифа Сокольского. С этой задачей П. Славейков успешно справился. Неожиданно для органов Пропаганды 5 июня 1861 г. выяснилось, что архиепископ Сокольский скрывается в русской дипломатической миссии Стамбула. Спустя некоторое время его следы обнаружились в Одессе, а затем в Киеве (где он и оставался до своей смерти). Более того, не без помощи русских денег П. Славейкову удалось убедить отказаться от унии и других ее приверженцев (включая Др. Цанкова). В конечном итоге бывшие руководители униатского движения публично обратились к своим соотечественникам с призывом возвратиться к православной вере. В этом начинании их активно поддержал на страницах газеты «Дунавски лебед» и столь популярный в среде радикалов Г. Раковский. Ряды приверженцев унии начали быстро таять. От этого удара болгарское униатское движение полностью не смогло оправиться уже никогда.

Тем временем наметились подвижки и в характере отношений с Константинопольской патриархией. В феврале 1861 г. на церковном соборе патриархия выступила с инициативами по урегулированию болгарского вопроса (в историографии они известны как «15 пунктов»). В частности, было принято решение учитывать при назначении владык этнический состав паствы и не препятствовать использованию славянского языка в богослужении. Одновременно тот же собор принял решение об отлучении от церкви главного фигуранта событий 3 апреля Иллариона Макариопольского и поддержавших его владык — Авксентия Велесского и Паисия Пловдивского. Реакция болгар на решения собора оказалась бурной и, с точки зрения российских дипломатов, не вполне адекватной. В то время как весть о столь желанных когда-то народных владыках и славянском языке особого внимания в их среде не привлекла, информация об отлучении владык вызвала радостный отклик. В марте 1861 г. русский посланник в Стамбуле А. Б. Лобанов-Ростовский сообщал на этот счет А. М. Горчакову буквально следующее: «Вице-консул в Пловдиве пишет, что новость об отлучении от церкви была по всей стране воспринята радостно. Болгары говорят, что счастливы, что патриарх исполнил их желание, объявив об их отделении от греческой церкви. Митрополит Паисий в присутствии всего духовенства провинции отслужил торжественную службу, после чего было произнесено отлучение в отношении патриарха Иоакима и всех сановников греческой церкви. После этого был изготовлен акт, который устанавливал полное отделение болгарской церкви и который сразу же получил многочисленные подписи. Подобные демонстрации, сопровождаемые криками энтузиастов, произошли в Плевене, Свищове, Рущуке, Шумле, Карнобате, Сливене и Тырново»[30].

В истории церковного конфликта начиналась новая фаза — руководство болгарских общин решило добиваться решения церковного вопроса путем прямых переговоров с Портой. В середине 1861 г. в Стамбуле было учреждено официальное Народное представительство болгар, основной функцией которого стало урегулирование затянувшегося конфликта с патриархией. Народное представительство отвергло предложенные собором «15 пунктов» и выдвинуло

[30] Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 2. С. 69.

собственные условия примирения. В историю они вошли под условным названием «8 пунктов». Среди этих пунктов неожиданной новизной и оригинальностью выделялись следующие: предполагалось участие болгар в выборах патриарха (причем, количество голосов соотносилось с численностью паствы); половина членов патриаршего синода должна была быть представлена болгарами; в смешанных епархиях национальная принадлежность владыки определялась этническим составом основной части населения (но знание двух языков объявлялось обязательным в любом случае). Принятие этих предложений гарантированно обеспечивало приход к власти патриарха-болгарина.

Источник происхождения «8 пунктов» не вполне понятен и вызывает у историков споры. Существуют два основных предположения: некоторые исследователи склонны приписывать авторство этого документа русской дипломатической миссии, другие — польской агентуре князя Чарторыйского[31]. Первое предположение основано главным образом на поддержке, оказанной «8 пунктам» русским посланником князем А. Б. Лобановым-Ростовским, который считал возможным рекомендовать патриарху данную программу в качестве основы для дальнейших переговоров. Снисходительно отнесся к новым болгарским требованиям и один из наиболее авторитетных экспертов русского Святейшего Синода в области канонического права митрополит московский и коломенский Филарет. Однако данной гипотезе серьезно противоречит доклад польского резидента в Стамбуле Вл. Йордана. В нем «8 пунктов» откровенно оцениваются с позиции удачной провокации, нацеленной на срыв переговорного процесса[32]. Если учесть, что один из главных болгарских переговорщиков и убежденный сторонник создания болгаро-православного миллета Ст. Чомаков еще со времен своего обучения в Париже поддерживал постоянные личные контакты с польскими эмигрантами[33], появление их следа в инициативах Болгарского представительства выглядит вполне вероятным. Тем более, что прогнозы Вл. Йордана полностью оправдались: патриархия расценила новые требования болгар как незаконные, антиканонические и полностью их отвергла.

Углубление церковного противостояния развивалось в 1860–1861 гг. на фоне нагнетания политической напряженности в балканском регионе. Спровоцированный событиями в Ливане политический кризис вызвал здесь резкое обострение застарелых конфликтов: вслед за волнениями в Боснии, Герцеговине и военными столкновениями в Черногории нависла угроза начала полномасштабной войны между Сербией и Портой. Сложная обстановка на границе привела к подъему патриотических настроений в среде болгарской диаспоры. В Сербии они находили поддержку со стороны правительства, рассчитывавшего использовать боевой потенциал болгар в ходе возможного военного конфликта с Турцией.

Безусловным лидером патриотически настроенной болгарской молодежи на территории Сербии в данный период был Г. Раковский (1821–1867). Своей популярностью он в значительной степени был обязан поэме «Лесной путник» (1857), воспевающей подвиги болгарских гайдуков, а также резкой публицистике (критика турецких реформ и русского царизма, выступления против унии и одновременно за полный разрыв с Константинопольской патриархией)

[31] Подробно см.: *Тодев И.* Д-р Стоян Чомаков... Т. 1. С. 192–193.

[32] *Тодев И.* Д-р Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, потомци. София, 2008. Т. 2: Документи. С. 321.

[33] *Тодев И.* Д-р Стоян Чомаков... Т. 1. С. 86–87, 185–186, 334–335.

и пропаганде четнической тактики освободительной борьбы. В 1861 г. он выступил с собственным «Планом освобождения Болгарии», предусматривавшим заброску чет с территории Сербии, их поход вдоль Балканского хребта, обрастание по мере продвижения местными повстанцами (планировалось присоединение около 500 тыс. человек) и переход власти в освобожденных районах к Временному болгарскому правительству. В соответствии с этим планом и при поддержке сербского правительства весной 1861 г. он приступил к формированию в Белграде вооруженного отряда (в составе около 600 человек), получившего известность как Первая болгарская легия (легион). В легион вступили известные болгарские гайдуки Хр. Македонский, дед Илю, И. Кулин, а также молодые последователи Г. Раковского — В. Левский, Ст. Караджа, В. Друмев, Ив. Касабов. Свое боевое крещение Болгарский легион получил в июне 1862 г. в боях с гарнизоном турецкой крепости в Белграде. Параллельно началось формирование небольших повстанческих отрядов непосредственно в болгарских землях (тырновский, габровский отряды).

Оживилась политическая активность болгарской диаспоры и на территории Дунайских княжеств. Весной 1861 г., когда казалось, что Сербия стоит на пороге войны с Портой, Бухарестский комитет, действовавший в тесном контакте с российскими дипломатами, поддержал действия Г. Раковского и содействовал отправке волонтеров в Сербию. Однако по мере ослабления международной напряженности позиция Бухарестского комитета становилась все более сдержанной. К началу 1862 г. все контакты были разорваны. Руководство комитета даже вело переговоры с сербским представителем в Бухаресте К. Магазиновичем, настаивая, чтобы сербское правительство не поощряло людей, подобных Г. Раковскому, и не допускало реализации планов, которые на данном этапе способны были нанести вред болгарскому народу[34].

Разрешение сербо-турецкого конфликта дипломатическим путем (сентябрь 1862 г.) поставило крест на повстанческих инициативах диаспоры. Заинтересованность правительства Сербии в деятельности Болгарской легии отпала, что привело к ее роспуску. Большинство легионеров было вынуждено покинуть сербскую территорию и перебраться в Дунайские княжества. Находившийся в горах Балканского хребта тырновский отряд рассеялся, а скрывавшаяся там же чета П. Хитова с трудом смогла уйти в сербские земли. Хотя Г. Раковский и его сторонники еще некоторое время пытались стимулировать четничество (в 1864 г. из Сербии в болгарские земли вновь была заслана небольшая чета П. Хитова, а из Румынии — Ст. Воеводы и Х. Димитра), изменившаяся международная обстановка не благоприятствовала подобным планам.

На ниве церковного конфликта ситуация складывалась качественно иным образом. Политический кризис, предоставив странам-гарантам Парижского мирного договора дополнительные рычаги давления на Порту, позволил им добиться от османского правительства обещания немедленно приступить к реализации тех положений Хатт-и хумайуна, которые ранее Порта упорно затягивала[35]. Среди них присутствовал и пункт о реорганизации системы миллетов. В 1862—1863 гг. Портой был обнародован Органический статут, ограничивший административные полномочия православного и армяно-григорианского духовенства. Для судьбы болгарского церковного вопроса этот документ имел важнейшие послед-

[34] Георги Стойков Раковски. Възгледи, дейност, живот. София. 1967. Т. 2. С. 175.

[35] Подробно см. главу И. Ф. Макаровой «Порта и Танзимат».

ствия. В соответствии с ним, а также рядом других актов, заново регулировался статус основных иноверческих общин. Особую важность имело новшество, согласно которому контроль над мирскими делами передавался в гражданские советы, формируемые из представителей духовенства и мирян на местном и центральном уровнях церковного управления. Данное обстоятельство открывало возможность для прямого участия болгар в решении проблем своих епархий, одновременно провоцируя новый виток конфликтов в провинции.

Собранный болгарским историком П. Никовым богатый архивный материал свидетельствует, что в данный период церковное движение в болгарских епархиях развивалось в двух направлениях: население выступало за изгнание назначенных патриархией владык (уже вне зависимости от их этнической принадлежности) и за передачу церковно-административной власти непосредственно под контроль церковно-приходских общин[36]. Наиболее активно сторонники разрыва с патриархией действовали в районах, прилегающих к Балканскому хребту. Например, в Тырновской епархии в середине 1860-х гг. с патриархией открыто порвали все города. И хотя митрополит Григорий держался по отношению к пастве крайне осторожно и примирительно, приходы отказывались выполнять его распоряжения (в том числе платить налоги). В январе 1864 г. русский консул в Тырново В. Ф. Кожевников писал в Стамбул: «В настоящее время Тырновская епархия по делам церковного управления представляет картину совершенного безначалия: граждане... захватили в свои руки не принадлежащую им власть и произвольно распоряжаются приходами и монастырями»[37]. В самом Тырново всеми приходскими делами фактически заправлял общинный совет во главе с архимандритом Феодосием, учителем Н. Златарским и торговцем П. Кисимовым. По их примеру общины других епархиальных центров также взяли в свои руки управление церковными, училищными и общинными делами. Итог конфликта оказался для митрополита печален: после очередной бурной демонстрации он был вынужден оставить епархию, которая фактически отложилась от Константинополя.

Аналогичная ситуация складывалась и в других районах. В Пловдивской епархии (в самом Пловдиве, а также в Пазарджике, Копривщице, Калофере, Карлово, Панагюрище, Чирпане) административно-церковная власть перешла в руки общин. То же самое произошло в Самоковской, Шумленской, Ловечской, Кюстендильской епархиях. В Софии паства отказалась принимать назначенного Константинополем митрополита Дорофея (этнического болгарина). Во Врачанской епархии вновь назначенный митрополит Паисий (также этнический болгарин) был вынужден пробиваться в свою резиденцию с помощью полиции. Формально вступив в должность, он так и не смог приступить к исполнению обязанностей: паства его игнорировала, а руководство церковными делами фактически взяла в свои руки центральная община во главе с Н. Занкиным. В Видинской епархии конфликт вокруг фигуры греческого митрополита Паисия принял крайние формы. В 1865 г. недовольные прихожане напали на него прямо в церкви, полиция была вынуждена применить оружие. Отзыв Паисия и назначение вместо него болгарина Антима ситуацию не разрядили. Община отказалась его принять, взяла власть в свои руки и собрала подписи под актом о разрыве с Константинопольской патриархией. В Рущуке возбужденная толпа

[36] *Ников П.* Възраждане... С. 226–254.

[37] Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. С. 24.

устроила в 1864 г. беспорядки, разгромив не только резиденцию митрополита Сенесия, но заодно и здание меджлиса. Даже в этнически пестрых епархиях северного Причерноморья, Добруджи и Македонии болгарские общины начали инициировать конфликты с владыками, отказываясь платить налоги.

На фоне нового витка реформ эпохи Танзимата, повлекших за собой серьезную дестабилизацию экономической и социальной жизни страны, волна беспорядков в пограничных районах вынуждала правительство к более внимательному отношению к нуждам болгарского населения. Этому в определенной степени способствовал и процесс подготовки Органического статута, позволивший великому визирю Али-паше непосредственно ознакомиться с ситуацией в церковно-административной сфере. В итоге он пришел к выводу, что предоставленные сами себе, болгарская и греческая стороны договориться не смогут, и что правительству необходимо взять решение проблемы в свои руки[38].

В марте 1862 г. под председательством Али-паши была учреждена согласительная болгаро-греческая комиссия для обсуждения вариантов выхода из церковного кризиса. Параллельно Порта попыталась оказать давление и на вновь избранного патриарха Софрония, которому во время первой же аудиенции во дворце (1863) было недвусмысленно высказано пожелание употребить «все силы, чтобы восстановить порядок в делах миллета»[39]. На урегулировании настаивали и русские дипломаты. Колеблясь между нажимом греческих националистических кругов, Портой и Россией, патриарх в конечном итоге заявил, что не может самостоятельно решить данный спор и требует созыва собора. С разрешения Порты церковный собор был собран в феврале 1864 г. В нем приняли участие все бывшие константинопольские патриархи, а также патриарх александрийский, антиохийский, иерусалимский, члены патриаршего синода, авторитетные богословы и светские представители от греческих общин. От болгар присутствовали три владыки и светский представитель — юрист Г. Кръстевич. Однако предложенные болгарами «8 пунктов» вновь были раскритикованы как антиканонические и полностью отвергнуты.

Пытаясь хоть как-то умиротворить возмущенных болгар, Порта приняла решение об освобождении из заточения их владык. В сентябре 1864 г. Иларион Макариопольский и Авксентий Велесский вернулись в Константинополь, подписав письменное обязательство не совершать богослужений вплоть до получения на то разрешения патриархии и урегулирования конфликта. На фронтах болгаро-греческого противостояния наступило относительное, хотя и временное затишье, продолжавшееся вплоть до конца 1866 г., когда спровоцированный восстанием на о. Крит новый международный кризис не открыл перед болгарским вопросом неожиданно блестящие перспективы.

Кризис 1866–1869 гг. смог внести новую струю и в политическую жизнь зарубежной болгарской диаспоры. Заинтересованность правительств Румынии и Сербии в болгарских волонтерах в случае начала военных столкновений с Портой, а также инициативы России по созданию антитурецкой коалиции балканских народов способствовали росту интереса правительств этих стран к болгарской диаспоре и вовлечению ее в свои политические комбинации. Закономерным результатом этой заинтересованности стало появление первых в истории болгар полноценных политических организаций.

---

[38] *Ников П.* Възраждане ... С. 208.

[39] Там же. С. 209.

Прелюдией к этому принципиально новому этапу в политической жизни болгар стали события начала 1866 г. в соседней Румынии. До этого момента единственными постоянно функционирующими представительскими органами болгарской диаспоры были Бухарестский комитет (с 1862 г. Добродетельная дружина) и Одесское настоятельство, чья деятельность после Крымской войны была в основном сосредоточена на проблемах благотворительности и народного образования. Обе они поддерживали традиционные контакты с российскими властями и имели в среде радикальных элементов репутацию консерваторов («старых»). В противовес русским дипломатам румынское правительство попыталось весной 1866 г. сделать ставку на революционные настроения болгарской молодежи («молодых»). Именно с его прямым вмешательством в дела диаспоры исследователи связывают появление первой в истории болгар тайной и одновременно широко разрекламированной революционной организации — Тайного центрального болгарского комитета, деятельности которого современники были склонны приписывать решительно все революционные акции второй половины 1860-х гг.[40]

В феврале 1866 г. в Бухаресте произошел государственный переворот, в результате которого князь Куза был низложен. В условиях угрозы военного конфликта с Портой новые румынские власти посчитали целесообразным привлечение на свою сторону болгар, проявивших в 1861—1862 гг. готовность воевать с Турцией. Поскольку Г. Раковский, известный своим сотрудничеством с князем Кузой, покинул территорию Румынии, предложение о создании отряда болгарских волонтеров было адресовано его соратнику Ив. Касабову. В свою очередь, тот предложил создать в Бухаресте революционный комитет для организации восстания в болгарских землях (с целью отвлечь внимание Порты от Румынии)[41]. Так при прямом участии румынских властей в мае 1866 г. в Бухаресте возник Тайный центральный болгарский комитет (ТЦБК), которому сразу же было выделено 600 золотых для начала подрывной деятельности на правобережье.

При организационном оформлении ТЦБК, как свидетельствует сам Ив. Касабов, большое влияние на него оказал опыт итальянских карбонариев[42]. Тесные контакты с итальянскими революционерами связывали в прошлом и одного из инициаторов создания болгарского комитета румынского премьера Й. Братиану[43]. Вероятно, не без влияния этих факторов вновь созданная организация оказалась странно соответствующей масонским стандартам: сетевая структура, строгая конспирация, таинственность ритуалов, клятв, обязательное использование шифров, смертная казнь для отступников и т. д. Вот как, например, была обставлена процедура приема новых членов: ночь, темная комната, стол с черным сукном, на столе три револьвера, сабля, человеческий череп, крест и евангелие, за столом члены ТЦБК, облаченные в черные мантии, с головами, закрытыми черными покрывалами, и далее в том же духе[44]. В 1866 г. кроме Бухареста местные ячейки ТЦБК возникли в Гюргево, Джурджу и Браиле. Были

---

[40] *Бурмов А.* Таен централен български комитет. Образуване, първи период от развитието му // *Бурмов А.* Избрани произведения в три тома. Т. 2. София, 1974. С. 58—60.

[41] *Касабов Ив.* Моите спомени от възраждането на България с революционни идеи. София, 1905. С. 280.

[42] Там же. С. 52—60.

[43] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 3. С. 308.

[44] *Бурмов А.* Таен централен български комитет. Образуване... С. 75.

они крайне малочисленны: в Джурджу насчитывали — 5 человек, в Гюргево — 4, в Браиле — 2[45].

Первый этап в деятельности ТЦБК оказался недолгим. Уже осенью 1866 г. правительство Румынии прекратило его финансирование (в связи с дипломатическим урегулированием своего конфликта с Портой). Результат не заставил себя ждать — основной контингент комитетчиков вернулся к своему основному роду деятельности (ремеслу и торговле). Единственный из членов ТЦБК, профессионально занимавшийся делами комитета, Ив. Касабов остался без средств к существованию и был вынужден переквалифицироваться в местного учителя.

Своим возрождением ТЦБК был обязан кризису вокруг о. Крит. В марте 1867 г. от имени комитета был опубликован документ, наделавший много шума и сделавший ТЦБК знаменитым. Этим документом стал Меморандум на имя турецкого султана, врученный вместе с сопроводительными письмами также главам иностранных дипломатических миссий и редакторам наиболее известных газет. Этот документ обыгрывал идею турецко-болгарского дуализма. Предложенный им проект предусматривал установление системы вассальных отношений между вновь образуемым Болгарским княжеством и Портой (с выплатой ежегодной дани и признанием верховной власти султана). Болгария должна была управляться наместником-христианином, избранным народным собранием и утвержденным сюзереном; законодательные функции отводились народному собранию; населению гарантировались гражданские и политические свободы; болгарская церковь объявлялась полностью независимой во главе с собственным патриархом; безопасность автономии обеспечивалась собственной болгарской армией во главе с командирами-болгарами.

Издание Меморандума совпало с оживленной деятельностью иностранных дипломатических миссий вокруг мер по активизации турецких реформ. В феврале 1867 г. Франция вручила Порте ноту, предлагавшую продолжить реформы в духе Хатт-и хумайуна, а в апреле Россия представила великим державам свой проект автономии для европейских провинций Турции. В этой ситуации текст болгарского Меморандума не мог не привлечь повышенного внимания. О нем сообщили практически все газеты, издававшиеся в пределах Турции. Однако, по мнению русских дипломатов, Меморандум представлял собой откровенную провокацию. Н. П. Игнатьев в марте 1867 г., например, отмечал, что этот документ «открыто свидетельствует о почерке поляков»[46]. Это предположение выглядит вполне убедительным, если учесть, что в этот период тесные контакты с ТЦБК поддерживал драгоман французского консульства в Бухаресте и одновременно агент князя Чарторыйского Градович[47].

Громко прозвучав, ТЦБК не обладал, однако, ни реальным авторитетом, ни возможностями. Основные силы комитет тратил на саморекламу, стремясь позиционировать себя всесильной террористической организацией с мощной разветвленной сетью. Именно с этой целью в конце 1867 г. в комитетской газете «Народност» был опубликован тайный устав ТЦБК и текст клятвы. И хотя данную акцию многие члены восприняли неоднозначно, внешний эффект оказался

---

[45] *Бурмов А.* Таен централен български комитет. Образуване... С. 76—77.

[46] *Червенков Н. Н.* Политические организации болгарского национально-освободительного движения во второй половине 50-х—60-х гг. XIX в. Кишинев, 1982. С. 82.

[47] *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874). Кишинев, 1973. С. 236.

достигнут — миф о могуществе болгарских комитетов («комитов») надолго пустил корни в балканском обществе.

В то время как за Дунаем имитировалась бурная политическая активность, внимание болгар правобережья было полностью приковано к событиям вокруг церковного вопроса. Тем более что политический кризис 1866—1869 гг. внес в его ход серьезные коррективы. События вокруг Крита быстро привели к резкому охлаждению отношений между Грецией и Портой. Данное обстоятельство не способствовало росту взаимопонимания османского правительства с Константинопольской патриархией. В свою очередь, нависшая угроза военного конфликта с Сербией настоятельно требовала от властей умиротворения приграничных болгарских епархий. Параллельно менялся и международный статус России. Рост влияния русской дипломатии в процессе урегулирования конфликта между турками и греческими повстанцами позволял ей усиливать давление на Грецию (а через нее и на патриархию) ради достижения компромисса в церковном вопросе. Не без влияния русских дипломатов в феврале 1867 г. был даже избран новый патриарх — Григорий VI.

Новый патриарх энергично приступил к решению церковного спора. В начале мая 1867 г. он ознакомил Н. П. Игнатьева с собственным проектом его урегулирования. В основе предложений лежала идея автономной болгарской церкви (экзархии) во главе с митрополитом, зависящим от Константинопольской патриархии. Прямые контакты экзарха с Портой не предусматривались. В состав Экзархии должны были войти лишь епархии, расположенные между Дунаем и Балканским хребтом, в которых болгарское население численно преобладало. Таким образом, патриарх фактически предлагал признать возможность введения национального начала в церковно-административное устройство Константинопольской патриархии (что до 1867 г. и впоследствии упорно объявлялось греками филетической ересью).

Проект патриарха Григория вполне устроил и Порту, и Россию. Н. П. Игнатьев склонен был приписывать наметившийся прогресс усилиям русской дипломатии и лично себе. В своих «Дипломатических записках» он прямо писал, что в 1867 г. ему «с большим трудом удалось убедить патриарха Григория взять на себя инициативу по договоренности, которая впервые допускала создание автономной Болгарской экзархии» [48]. Действительно, если учесть, что проект патриарха практически полностью совпадал с рекомендациями, высказанными в 1861 г. московским митрополитом Филаретом [49], эта версия выглядит убедительно. Али-паша, в свою очередь, рекламировал в общении с болгарами собственные заслуги в появлении проекта, особенно подчеркивая, что «патриарх делает им уступки благодаря настоянию Порты» [50]. Отчасти это было тоже верно, поскольку вопрос о необходимости удовлетворить требования болгар действительно всерьез обсуждался на заседании правительства. Речь даже шла о возможности учреждения болгарского миллета. Однако на столь радикальное решение вопроса Порта все же пойти не решилась, опасаясь не только окончательного разрыва отношений с греками, но и появления в будущем «русского следа» [51]. По мнению Н. П. Игнатьева, турецкие министры подозревали также,

[48] *Граф Н. П. Игнатиев.* Дипломатически записки... С. 442.

[49] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 1. Ч. 2. С. 146—149.

[50] *Кирил, патриарх Български.* Граф Н. П. Игнатиев... С. 247.

[51] Там же.

что «церковно-административный вопрос может послужить впоследствии орудием для образования политического организма, с которым придется считаться»[52]. В этом контексте компромиссные предложения патриарха Григория выглядели для обеих сторон исключительно привлекательно. Не удивительно, что они без проблем прошли предварительное согласование с Портой и уже в июне были официально переданы в правительство.

Однако члены Болгарского представительства в Стамбуле, особенно их крайнее националистическое крыло во главе с Ст. Чомаковым, воспринимали ситуацию иначе. Документы, принадлежащие перу самого Ст. Чомакова, неопровержимо свидетельствуют о ясном понимании болгарами конечной цели борьбы — выход из греко-православного миллета, создание собственной, равноправной по отношению к другим миллетам церковной организации и тем самым признание болгар в качестве юридически полноправной нации[53]. Поскольку в Османской империи миллеты традиционно формировались по экстерриториальному принципу, т. е. включали в свою юрисдикцию всех представителей соответствующей конфессиональной или этно-конфессиональной группы вне зависимости от места проживания, амбиции болгарских представителей изначально были ориентированы именно на эту схему. Предложенный патриархом Григорием проект ей не только не соответствовал, но и оставлял за пределами новой церковной структуры болгар Фракии и Македонии. Такой вариант решения церковного вопроса устроить болгар не мог. Скорее всего, Ст. Чомаков был искренен, когда недоумевал: «Если возможна отдельная церковь для части болгар, то почему невозможна для всех?»[54]. В августе 1867 г. Болгарское представительство проект патриархии отвергло. Началась новая череда заседаний согласительных комиссий.

Между тем политический кризис набирал обороты. На повестку дня вновь вставала проблема территориальной целостности Османской империи. В качестве варианта действий на случай деструктивного развития событий русская дипломатия прорабатывала план политического союза балканских народов. В 1866—1867 гг. под покровительством России правительства Сербии, Греции, Черногории и Румынии провели переговоры и подписали договоры о заключении союза оборонительного и наступательного характера, направленного против Османской империи. Под эгидой русской дипломатии начались также переговоры о включении в Балканский союз и болгар. В апреле 1867 г. при ее содействии представители Добродетельной дружины вступили в контакт с властями Сербии. Речь шла о рассмотрении и подписании «Программы политических отношений между сербо-болгарами». Программа предусматривала создание федеративного южнославянского государства Сербо-Болгарии во главе с сербской династией Обреновичей. Реализация проекта ставилась в зависимость от международной обстановки. В частности, прорабатывался вопрос о возможности восстания на землях правобережья в случае начала войны с Турцией. В этом контексте предусматривалось использование традиционной четнической тактики, но в ограниченных масштабах (пропагандистские рейдовые походы небольших отрядов).

Приверженцы Г. Раковского стояли на более радикальных позициях. Еще осенью—зимой 1866—1867 гг. под Бухарестом (в имении Н. Балканского) Раков-

---

[52] *Кирил, патриарх Български.* Граф Н. П. Игнатиев... С. 247.

[53] См., например, документы № 70, 83, 157, 162 // *Тодев И.* Д-р Стоян Чомаков... Т. 2: Документи.

[54] *Шопов Ат.* Стоян Чомаков. Живот... С. 404—405.

ским была предпринята попытка формирования вооруженных отрядов. Там же был создан организационный центр — «Верховное народное болгарское тайное гражданское начальство» в составе 7 человек. Г. Раковского поддержали известные гайдуки-воеводы П. Хитов, Ст. Караджа, Х. Димитр, Хр. Македонский. Однако и в этой среде речь об организации полномасштабного восстания не шла. Задачи, которые Верховное начальство ставило перед четами были довольно скромными: «не бунтовать народ, но созывать по городам и селам умных людей и показывать им как следует готовиться, чтобы, когда им подадут знак о революции, они все были готовы» [55]. Но для реализации даже этих скромных планов средств не было (главным образом из-за хронических конфликтов Г. Раковского с членами Добродетельной дружины и ТЦБК). Ситуация с финансированием неожиданно изменилась весной 1867 г., когда боевой потенциал сторонников Г. Раковского оказался востребован русской дипломатией.

Противясь проектам реформ, на продолжении которых настаивали страны-гаранты Парижского мирного договора, Порта указывала среди прочего, что христиане всем довольны и не желают перемен [56]. Для опровержения этого утверждения России были крайне выгодны показательные рейды четников. Для организации нескольких отрядов были выделены деньги из средств посольства и переданы соответствующие рекомендации руководству Добродетельной дружины [57] (через Н. Герова, курировавшего контакты с Дружиной благодаря родственным связям с Хр. Георгиевым). В апреле 1867 г. собрание Добродетельной дружины, на котором присутствовали представители Бухареста, Одессы, Браила, Галаца и Измаила, постановило снарядить к лету 10 чет и сразу же выделило П. Хитову деньги на вооружение 1—2 отрядов.

Одновременно была начата подготовка чет, планируемых к засылке с территорию Сербии. Самый большой отряд удалось организовать Ив. Кулину (эмигранту, одному из предводителей восстания 1850 г. в северо-западных землях). Инициатором его создания выступили непосредственно сербский князь Михаил и военный министр М. Блазнавац [58]. Ив. Кулину было обещано не только содействие сербских властей, но также оружие и обмундирование с военных складов. Среди своих соотечественников Кулину удалось собрать около 160 человек. В качестве военного командира четы Ив. Кулин пригласил своего племянника Ер. Българова — офицера сербской армии, получившего соответствующее разрешение командования. Знаменем отряда стал хранившийся в Белграде с 1862 г. стяг Болгарской легии. В ожидании военного столкновения с Турцией осенью 1867 г. в Белграде было также открыто военное училище для подготовки командного состава будущих повстанцев. Материальные средства для его функционирования предоставила Россия. Группа болгарских курсантов (около 200 человек) получила наименование Второй болгарской легии.

Не осталось в стороне от военных приготовлений и правительство Румынии. В связи с формированием на ее территории отрядов волонтеров оно даже отпустило на их оснащение определенную сумму, призвав, всех живущих в стране

---

[55] *Страшимиров Д.* Васил Левски. Живот, дело, извори. Т. 1. Извори. София, 1929. С. 27.

[56] Из архива на Найден Геров. Писма, доклади и материали за възраждането на българския народ. Т. 1—2. София, 1911—1914. С. 287.

[57] Подробно см.: *Макарова И. Ф.* «Русский след» в болгарском четническом движении 1867 г. // Славяноведение. 2012. № 5.

[58] *Димитров Г.* Княжество България в историческо, географическо и етнографическо отношение. Пловдив, 1896. Ч. 2. С. 273—276.

болгар записываться в добровольцы[59]. Не препятствовало оно и притоку в страну потенциальных повстанцев с земель правобережья.

Независимая от русских дипломатов часть болгарской эмиграции также подготовила несколько отрядов. В организации некоторых из них главную роль играл воевода Ст. Караджа, входивший в круг Г. Раковского[60]. В частности, он организовал чету, во главе которой встал сам (ее подготовка началась еще зимой 1866—1867 гг.), а к лету 1867 г. собрал еще 68 четников, сосредоточив их в Олтенице в ожидании переправы через Дунай. В Болграде и Браиле им же был произведен набор добровольцев (15 человек) в дружину Д. Топалова (Топалоглу). Одновременно он принял участие в окончательном оформлении четы, создание которой началось на рубеже 1866—1867 гг. по инициативе молодежи Тулчи.

Единственной структурой, не подготовившей в 1867 г. ни одного отряда для отправки на земли правобережья, оказался ТЦБК. Весной 1867 г., когда вопрос о четах стоял в центре внимания диаспоры, позиция членов ТЦБК была невнятной. Лишь в мае 1867 г. комитет начал переговоры с правительством Румынии о выделении оружия для потенциальных повстанцев, но получил отказ. И хотя на этом инициативы ТЦБК оказались исчерпаны, с подачи османских властей на Балканах парадоксальным образом утвердился миф, что подготовка четнических рейдов 1867 г. — исключительно заслуга ТЦБК (комитет эти обвинения не опровергал)[61].

В конце апреля 1867 г. четы начали одна за другой переправляться через Дунай. Однако координация их действий была недостаточной, позиция русского, сербского и румынского правительств колебалась в зависимости от международной конъюнктуры, а ответные мероприятия генерал-губернатора Дунайского вилайета Мидхат-паши оказались исключительно эффективными. В результате все повстанческие отряды были быстро рассеяны. Даже наиболее хорошо подготовленные и опытные дружины П. Хитова и Ф. Тотю (в составе 30 и 35 человек) вынуждены были с трудом прорываться в Сербию.

Несмотря на полный разгром четников, планируемый от их появления политический эффект был достигнут. Практическим итогом событий лета 1867 г. стало широкое освещение болгарского вопроса на страницах прессы. Основным поставщиком новостей с «болгарского фронта» в этот период были газеты диаспоры («Народност», «Дунавска зора» и др.). Именно с их подачи европейская пресса с восторгом сообщала о 10 тысячах восставших болгар, которыми командуют русские офицеры, о захвате ими всех горных проходов, о больших потерях турок, тяжелом ранении командира карательного отряда Садык-паши (М. Чайковского) и далее в том же духе[62]. Все это, мягко говоря, не соответствовало действительности. В данной связи Н. П. Игнатьев посчитал даже необходимым «предостеречь» А. М. Горчакова в июле 1867 г. «от преувеличения новостей, которые идут из Болгарии», особо подчеркнув, что хотя в Старой планине и существует «несколько чет», «за исключением двух или трех незначительных стычек, открытых боев не было»[63].

---

[59] *Касабов Ив.* Моите спомени... С. 57—61.

[60] *Бурмов А.* Четническо движение в България през 1867 г. // *Бурмов А.* Избрани произведения в три тома. Т. 2. София, 1974. С. 126—127.

[61] *Бурмов А.* Таен централен български комитет. Втори период от съществуването му // *Бурмов А.* Избрани произведения в три тома. Т. 2. София, 1974. С. 93—94.

[62] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 3. С. 57—58, 81.

[63] Там же. С. 53—54.

В случае неблагоприятного для Турции развития событий подобный информационный фон вполне мог послужить оправданием для решительных действий со стороны заинтересованных сторон. Однако к началу 1868 г. обстановка на Балканах изменилась. Дипломатическое урегулирование конфликта между Портой и Сербией (вывод турецких гарнизонов с сербской территории) сняло с повестки дня вопрос о создании широкой военной коалиции. Данное обстоятельство способствовало существенным изменениям в позиции сербского правительства в отношении болгар. Существование Болгарской легии вновь стало неуместным, что привело в апреле 1868 г. к ее роспуску. Добродетельная дружина, следуя в фарватере внешней политики России, также отказалась от поддержки любых форм вооруженной борьбы. Ранней весной 1868 г. один из ее лидеров Хр. Георгиев прямо рекомендовал «всеми силами убеждать богатых болгар» Румынии не предоставлять материальной поддержки воеводам, а при необходимости прибегать к «правительственной силе» [64].

Несмотря на уход в тень основного состава политических игроков, лето 1868 г. неожиданно ознаменовалось ярким повстанческим событием, главными героями которого стали воеводы Ст. Караджа и Х. Димитр. Их выступление в июне 1868 г. и сражения в районе Балканского хребта в историографии принято называть вершиной болгарского четнического движения. В ночь на 6 июня их отряд (в составе 128 человек) перешел Дунай вблизи устья р. Янтры, начав поход к Старой планине. Воеводы объявили о создании Временного болгарского правительства, которое выступило с призывом к всеобщему народному восстанию (на трех языках — болгарском, турецком и греческом). Однако местное население эту инициативу не поддержало. В итоге чета смогла продержаться против карательных отрядов всего 13 дней.

Впрочем, в виртуальной реальности пресс-релизов этот поход выглядел совершенно иначе. Особую роль в его мифологизации сыграл орган ТЦБК — газета «Народност», ставшая главным поставщиком новостей о чете Караджи—Димитра [65]. В номерах за июль и август в ней, в частности, сообщалось о прибытии в Болгарию многочисленных отрядов, о начале полномасштабного народного восстания, о крупных сражениях между повстанцами и турецкими войсками, печатались призывы к вооруженной борьбе под лозунгом «Свобода или смерть». Главной целью этой пропагандистской кампании, по мнению академика Д. Косева, являлось воздействие на западное общественное мнение и попытка поставить перед дипломатами болгарский вопрос наряду с критским [66]. Вероятно, именно в этой связи редакция особо обращала внимание на то обстоятельство, что восстание носит спонтанный характер и не имеет ничего общего с русским панславизмом. Даже в сентябре—октябре 1868 г., когда все повстанческие события остались в далеком прошлом, газета продолжала печатать сообщения о сражениях больших отрядов (до 2500 человек), обращаясь к цивилизованному миру с мольбами о помощи.

В исторической литературе вопрос об организаторах и спонсорах четы Х. Димитра и Ст. Караджи остается открытым. А. Бурмов считает, что этот отряд был сформирован по инициативе и при содействии отколовшейся от ТЦБК

---

[64] *Червенков Н. Н.* Политические организации... С. 97.

[65] *Косев Д.* Към историята на революционното движение в България. 1867—1871. София, 1958. С. 21, 39.

[66] Там же. С. 21.

группы, называвшей себя Болгарским обществом[67]. Д. Косев отстаивает точку зрения, что эта группа не имела никакого отношения ни к данной чете, ни к четническому движению в целом, а заслуга в создании отряда целиком принадлежит самим воеводам[68]. Н. Червенков склонен доверять высказываниям члена ТЦБК Ив. Касабова, упоминавшего в своих мемуарах о заинтересованности ТЦБК в организации восстания (которое подтвердило бы сам факт существования комитета). В частности, Н. Червенков приводит архивные данные, указывающие на получение в апреле 1868 г. членами четы Димитра материальной помощи от ТЦБК[69]. Аналогичную информацию сообщает и З. Маркова: в Петрошанах под Плоешти в имении Р. Поповича (активный член руководства ТЦБК) зимой-весной 1868 г. собирались будущие четники Димитра и Караджи, на содержание и вооружение которых хозяин отпускал значительные средства[70].

Н. П. Игнатьев придерживался на данный счет собственного мнения. Неожиданное для него появление летом 1868 г. вооруженного отряда он был склонен связывать с интригами французских дипломатов и польских эмигрантов, поддерживавших связи с ТЦБК. Подозрения подобного рода он высказывал в июле 1868 г. в своих докладах императору Александру II[71]. Позднее в «Дипломатических записках», он вновь подтвердил эту оценку, особо отметив, что появление чет в такой «неподходящий момент» («когда движение не имело никаких шансов на успех») являлось преднамеренной провокацией с целью «скомпрометировать Россию в глазах Европы и вызвать на Востоке масштабный конфликт», который поляки намеревались использовать в своих интересах[72].

Произведя громкий политический эффект, повстанческие рейды 1867—1868 гг. не нашли должного отклика в среде болгар правобережья. Русские консулы вынуждены были признавать, что четники «встретили в своих соотечественниках весьма мало сочувствия»[73]. При анализе причин такой реакции среди прочих факторов (как, например, политическая апатия и крестьянская меркантильность[74]) ими особо отмечалось несовпадение целей организаторов чет с актуальными задачами, стоявшими на тот момент перед народом. В официальном отчете российского МИД за 1868 г., например, прямо указывалось, что неудачи повстанческого движения в значительной степени объясняются тем, что в течение последних лет основная «умственная и общественная жизнь болгарского народа» сосредоточена в ином направлении — на церковном вопросе[75]. Учитывая, что именно в 1868 г. его решение как никогда ранее приблизилось к оптимальному для болгар варианту, данная оценка представляется особенно верной.

В 1868 г. политический кризис вокруг о. Крит поставил Порту и Грецию на грань войны. Это обстоятельство сыграло решающую роль в изменении позиции османского правительства по отношению к церковному конфликту.

---

[67] *Бурмов А.* Хаджидимитрова чета и Българското общество в Букурешт // *Бурмов А.* Избрани произведения в три тома. Т. 2. София, 1974. С. 136—149.

[68] *Косев Д.* Някои проблеми около четата на Хаджи Димитр и Стефан Караджа // Исторически преглед. 1979. №2. С. 37.

[69] *Червенков Н. Н.* Политические организации... С. 96.

[70] *Маркова З.* Четата на Хаджи Димитр и Стефан Караджа. София, 1967. С. 49—53.

[71] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 3. С. 271, 276.

[72] *Граф Н. П. Игнатиев.* Дипломатически записки... С. 250.

[73] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 3. С. 207.

[74] Там же. С. 207, 262.

[75] Там же. С. 449.

Порта не чувствовала себя более обязанной чутко заботиться о защите традиционных привилегий Константинопольской патриархии в ущерб собственной безопасности. Поэтому было принято решение не полагаться более на заседания бесконечных болгаро-греческих комиссий и взять на себя ответственность в решении вопроса, от которого ранее правительство старалось дистанцироваться. Уже в марте 1868 г. министр иностранных дел Фуад-паша попросил болгар представить ему письменную записку, обосновывающую необходимость введения самостоятельного церковного управления. Тогда же великий визирь Али-паша принял болгарскую депутацию и обнадежил ее, заявив, что «Порта расположена признать болгар в качестве отдельной народности», т. е. миллета [76].

Когда к границе с Фессалией подтягивалась турецкая армия, а османское правительство готовилось к разрыву дипломатических и торговых отношений с Афинами, Порта подготовила два проекта решения болгарского церковного вопроса. Проекты, ставшие предметом гласности в октябре 1868 г., предусматривали создание новой церковной структуры, базирующейся на экстерриториальном принципе. Так же как и все другие миллеты, будущая болгарская церковь признавалась самостоятельной церковно-административной структурой, объединяющей паству вне зависимости от места ее проживания, глава которой имел резиденцию в столице и прямой выход на курирующее дела иноверцев Министерство иностранных дел. Официальное утверждение этих предложений означало бы выход болгар из состава Константинопольской патриархии (хотя упоминание имени патриарха при богослужении все же предусматривалось) и учреждение нового болгаро-православного миллета.

Проекты Порты поставили русских дипломатов в крайне затруднительное положение. В ноябре 1868 г. Н. П. Игнатьев был вынужден обратиться за директивами к Святейшему Синоду. «Наше положение стало очень деликатным, — писал он. — Мы не можем ни принять местонахождения болгарского синода в Царьграде, ни войти в общение с болгарской автокефальной церковью до тех пор, пока ее не признает патриархия. Иначе мы окажемся отчужденными не только от вселенского патриарха, но и от всех остальных греков. Если же совсем не признаем болгарскую иерархию, славяне будут видеть в нас врагов, которые солидаризируются с греками. Кроме того, болгары могут соблазниться внушениям западных сил и турок, обратившись к Риму и приняв унию» [77].

Патриарх предложения Порты категорически отверг (как противоречащие церковным канонам), предложив со своей стороны созвать для решения вопроса вселенский собор. Лишь убедившись в полном отсутствии поддержки как со стороны правительства, так и России, он согласился передать дальнейшее обсуждение вопроса в очередную согласительную комиссию.

В среде болгар проекты Порты вызвали бурю ликования. Однако, как сетовал Н. П. Игнатьев, вместо того, чтобы оперативно воспользоваться моментом и добиться официального утверждения документа, народ начал праздновать учреждение новой иерархии, полагая, «что проекты правительства имеют силу решения... Представители обратились с окружным письмом ко всем общинам и архиереям, приглашая их немедленно прибыть в столицу для составления синода болгарской церкви и сочинения ее органического устава» [78]. Между тем

---

[76] *Ников П.* Възраждане...С. 275.

[77] Там же. С. 297.

[78] Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 3. С. 446.

время для принятия благоприятного решения истекало. 9 января 1869 г. в Париже открылась конференция великих держав по урегулированию конфликта вокруг о. Крит, а в феврале комитет греческих повстанцев был распущен. В этой ситуации демонстративное обострение отношений с греками (на почве болгарского вопроса) выглядело для Порты несвоевременным. Единственным решением церковной проблемы вновь становился поиск компромисса.

В январе 1869 г. под эгидой Али-паши была образована очередная болгаро-греческая комиссия. Поскольку предложения Порты (особенно принцип экстерриториальности и присутствия двух архиереев в одном месте, т. е. в Константинополе) патриархию категорически не устраивали, все иные варианты подразумевали обсуждение проектов учреждения автономной церкви. Однако в этом случае сразу возникала проблема разграничения этнически смешанных епархий, а точнее, определения границ новой церкви в районах совместного проживания различных этносов. В этот сложный для болгар момент неожиданная для них помощь пришла со стороны русских дипломатов.

Разочарование итогами Парижской конференции, вызвавшее резкий рост антироссийских и антиславянских настроений в среде греческой элиты, привело к быстрому охлаждению отношений между правительствами Греции и России. Новые угрозы для российских интересов наметились и со стороны органов католической пропаганды. Именно в это время в Риме заседал вселенский собор, на который польские представители усиленно приглашали болгар. Кроме того, в Петербурге начало находить все большее понимание то обстоятельство, что дальнейшее продвижение Турции по пути Танзимата чревато для России потерей влияния в среде местных христиан и усилением в регионе позиций западноевропейских держав[79]. Данные факторы способствовали решительному повороту русской дипломатии в сторону более активной поддержки национальных движений славян вне зависимости от формы их проявления (в том числе и в болгарском церковном вопросе). Со второй половины 1869 г. этот поворот принял вполне определенные очертания.

Основная сложность в работе болгаро-греческой комиссии, как и следовало ожидать, оказалась связана с определением границ. Камнем преткновения стали Фракия и Македония, которые обе стороны считали своей этнической территорией. По информации врача русского посольства В. К. Караконовского, датируемой мартом 1869 г., болгарская сторона в лице Ст. Чомакова, Ив. Пенчовича и Стояновича заняла непримиримо жесткую позицию: «Фракия и Македония или ничего»[80]. Переговоры быстро зашли в тупик. В конечном итоге Порта была вынуждена взять груз ответственности на себя. 28 февраля 1870 г. на свет появился знаменитый султанский фирман об учреждении болгарской экзархии.

Впоследствии Н. П. Игнатьев исключительно трезво и прагматично оценил этот шаг османского правительства, усмотрев в нем вполне очевидную для России политическую выгоду. В частности, он писал: «Несомненно, прямая договоренность без вмешательства турецкого правительства была бы предпочтительней со всех точек зрения. ...Впрочем, невозможно оспаривать право местной власти решать политические и национальные вопросы. ...Порта оказала нам большую услугу: она полностью взяла на себя бремя по решению этой неблаго-

[79] *Макарова И. Ф.* Танзимат и балканская политика России в 60-х—70-х гг. XIX в. // Новая и новейшая история. 2011. № 3.

[80] *Ников П.* Възраждане... С. 301.

дарной задачи, которая, если бы ее пришлось осуществлять под нашим прямым патронатом, стоила бы нам бесконечных упреков и ненависти»[81].

Фирман постановлял, что болгарская церковь представляет собой автономную по отношению к Константинопольской патриархии церковную структуру — Экзархию. Болгарская экзархия должна была управляться самостоятельным синодом под председательством главного митрополита (экзарха) в соответствии с уставом, утверждаемым Портой. Управление Экзархией, выборы епископов и самого экзарха осуществлялись без вмешательства патриархии. Экзарх назначался султанским бератом. Он имел право обращаться по гражданским делам непосредственно к местным властям и Порте, а также ходатайствовать об издании бератов для владык. 10 пункт определял территориальный охват новой церковной структуры. Епархии с преимущественно болгарской паствой были поименно перечислены в фирмане и в полном составе включены в состав нового диоцеза (Рущукская, Силистренская, Шумленская, Тырновская, Софийская, Врачанская, Ловечская, Видинская, Нишская, Пиротская, Кюстендилская, Самоковская, Велесская епархии). Ряд епархий, расположенных в этнически смешанных зонах, также упоминались в фирмане поименно, но входили в состав Экзархии частично (Варненская епархия без самой Варны и двух десятков близлежащих сел; Пловдивская без Пловдива и Станимака; Сливенский санджак без Анхиало и Месемврии; Созополская каза без причерноморских сел). И, наконец, наиболее спорные епархии Македонии в фирмане поименно обозначены не были, но за ними оговаривалось право самоопределения через плебисцит (большинством в 2/3 голосов).

Оценивая подготовленный османским правительством документ, можно согласиться с мнением болгарских историков З. Марковой и И. Тодева, что фирман 1870 г. представлял собой компромиссный вариант между безупречным с точки зрения канонов проектом патриарха Григория VI (1867) и антиканоническими по своей сути предложениями Порты (1868)[82]. В отличие от проекта патриарха фирман трактовал Экзархию не как совокупность епархий во главе с митрополитом, которому патриарх поручил управлять данной церковной областью, а как полусамостоятельную церковь с широкой автономией. При этом за Портой оставалось право арбитра в вопросах присоединения спорных территорий. Однако признать вслед за И. Тодевым данный документ максимально выгодным для болгар все же трудно. Бесспорно, болгары добились главной цели: наравне с предстоятелями других миллетов экзарх получал прямой доступ к османским властям. Тем самым болгары приобретали столь необходимую им возможность напрямую отстаивать перед правительством и местной администрацией свои национальные (в том числе и экономические) интересы. Однако отход от традиционного для миллетов экстерриториального принципа влек за собой угрозу потери значительной части паствы в лице многочисленных болгарских анклавов, распыленных по территории Фракии и Македонии. Другое дело — положительная оценка фирмана в контексте исторической перспективы. С этой точки зрения официальная демаркация границ расселения основного массива болгарского этноса (в целом совпадающая с диоцезом Экзархии) оказалась как нельзя более своевременной. В преддверии грядущего распада Османской империи появление документа подобного рода нельзя не признать фактором, имевшим

[81] *Граф Н. П. Игнатиев.* Дипломатически записки... С. 448.

[82] *Тодев И.* Д-р Стоян Чомаков... Т. 1. С. 301; *Маркова З.* Българската екзархия... С. 29.

самые серьезные политические последствия (в том числе для демаркации государственных границ будущей болгарской державы).

Между тем как на землях империи принимались судьбоносные для болгарского народа решения, за Дунаем события развивались по собственному сценарию. Как отмечал в августе 1868 г. российский консул в Бухаресте Г. Оффенберг, церковный вопрос занимал местных болгар гораздо меньше политического[83]. Лишившись навязчивого внимания со стороны правительств Румынии, России и Сербии, диаспора, оказавшись предоставлена сама себе, с увлечением окунулась в партийную жизнь. Однако отсутствие соответствующих традиций и опыта быстро привели к внутренним распрям и кризису.

Уже к лету 1868 г. ТЦБК фактически распался. Ряд его членов (П. Кисимов, А. Андреев, Г. Начович и др.) присоединились к Добродетельной дружине. Приверженцы Ив. Касабова объединились в Болгарское общество, оформившееся в июне 1868 г. Однако в качестве организационного целого оно просуществовало недолго. А. Бурмов полагает, что его распад произошел уже в январе — первой половине февраля 1869 г., положив начало появлению новой группы, члены которой называли себя Молодой Болгарией (Ив. Касабов, К. Цанков, Д. Ценович, Т. Райнов, И. Кыршовский). Несмотря на эффектное позиционирование, в реальности эта группа была крайне малочисленна и количественно вряд ли превышала 5–6 человек[84]. Впрочем, Д. Косев считает, что такой организации, как Молодая Болгария, возможно, в реальности вообще никогда не существовало. Просто таким способом, по его мнению, группа, объединившаяся вокруг газеты «Народност», попыталась демонстрировать свои претензии на лидерство в среде молодежи (по аналогии с такими известными организациями, как Молодая Европа и Молодая Польша)[85].

Идеологические взгляды наследников ТЦБК были весьма эклектичны. Судя по материалам газеты «Народност», ее сторонники придерживались ярко выраженной революционной фразеологии, были приверженцами антирусской и прозападной ориентации, но при этом твердо стояли на позициях болгаро-турецкого дуализма. Кроме того, они продолжали поддерживать личные контакты с представителями итальянских карбонариев (мацинистами), французскими дипломатами, польскими агентами, а также радикальными кругами русских революционеров[86].

Говоря о судьбе этих обществ, необходимо особо выделить тему сотрудничества их членов с турецкими властями[87]. Архивные данные неопровержимо свидетельствуют, что Т. Райнов (один из наиболее радикальных и активных членов Молодой Болгарии) выполнял в Бухаресте функции главного осведомителя так называемого тайного кабинета Али-паши. Он же поддерживал контакты с М. Ивановым, возглавлявшим группу болгар на службе турецкой шпионской сети (в нее также входил известный униат Г. Миркович). Судя по письмам, отправляемым М. Ивановым Т. Райнову, главной целью шпионской агентуры

---

[83] Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 3. С. 76.

[84] *Бурмов А.* Българското национално-революционно движение и българската емиграционна буржоазия през 1867–1869 // *Бурмов А.* Избрани произведения в три тома. Т. 2. София, 1974. С. 162.

[85] *Косев Д.* Към историята... С. 29–30.

[86] *Бурмов А.* Българското национално-революционно движение... С. 152–153.

[87] Подробно см.: *Пастухов Ив.* Турецкият шпионаж между българите емигранти в Румыния. Ролята на Теофан Райнов и мацинистите // Известия на Българското историческо дружество. Т. 22–24. София, 1948.

в Бухаресте была слежка за членами Добродетельной дружины и установление контроля над болгарской прессой. Сам Т. Райнов впоследствии свидетельствовал, что располагал для этого большой суммой, из которой передавал деньги Ив. Касабову на издание газеты «Народност», а также пытался влиять на направленность газет «Дунавска зора» и «Звезда»[88]. Попытки вербовки имели место и в отношении Л. Каравелова. Как сообщал в своей газете «Свобода» сам Л. Каравелов, субсидия в 100—200 лир предлагалась ему на условиях отказа от критики турецкого правительства, а также за проповедь идей дуализма, пропаганды антироссийских и антисербских взглядов[89].

Идеологическую линию Молодой Болгарии поддерживала далеко не вся революционно настроенная часть болгарской диаспоры. Однако в данный период именно эта группировка была единственной революционной организацией с необходимыми связями, печатным органом и денежными средствами. По-видимому, именно это обстоятельство и привлекло к ней столь яркие фигуры, как Л. Каравелов (1834—1879) и В. Левский (1837—1873), обосновавшиеся в это время в Бухаресте.

С именем В. Левского (участника Первой болгарской легии и знаменосца в чете П. Хитова) в исторической науке справедливо связывается начало принципиально нового этапа в становлении болгарского революционного движения. Усвоив печальные уроки 1861—1862 и 1867—1868 гг., он пришел к выводу, что любая помощь со стороны иностранных держав изначально ориентирована ими на обеспечение собственной выгоды. Поэтому в качестве единственного надежного средства борьбы за свободу он провозгласил принцип самостоятельности действий болгарских патриотов, а успех борьбы поставил в прямую зависимость от воли народа и степени его подготовленности. Для ознакомления с ситуацией на местах в декабре 1868 г. и в мае 1869 г. В. Левский предпринял две поездки по болгарским провинциям правобережья (на деньги редакции газеты «Народност»). Те немногочисленные данные, которые имеются в распоряжении историков, свидетельствуют, что за время своих путешествий В. Левский, скорее всего, не создавал революционных комитетов и не закладывал основ внутренней революционной организации, делая упор на агитации и сборе информации[90]. Возвратившись в августе 1869 г. в Румынию, он вынужден был признать, что народ к восстанию не готов и что необходима большая организационная работа.

В период своего пребывания в Румынии (с августа 1869 г. до конца мая 1870 г.) В. Левский пытался пропагандировать свои взгляды в среде революционно настроенной диаспоры, но нашел понимание лишь у Л. Каравелова, недавно вернувшегося из России и имевшего репутацию революционера-демократа. Итогом их сотрудничества стало появление на свет программы (1870), послужившей началом оформления новой организации — Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК). В этой программе (автор Л. Каравелов) подчеркивалась историческая бесперспективность османских реформ и идеи болгаро-турецкого дуализма; содержалась критика монархической системы правления; предлагалось создание Балканской федерации с единым верховным парламентом и автономным управлением в Болгарии, Сербии и Румынии; приоритет

---

[88] *Бурмов А.* Българското национално-революционно движение... С. 160—161.

[89] *Бурмов А.* Борба за идейно-революционна чистота на БРЦК в Букурещ. 1869—1871 // *Бурмов А.* Избрани произведения в три тома. Т. 2. София, 1974. С. 205—206.

[90] *Косев Д.* Към историята... С. 43—52.

в достижении намеченных целей отдавался мирным средствам борьбы, но при необходимости не отвергалась идея вооруженного восстания. В документе особо отмечалось, что движение за освобождение народа должно возникнуть внутри страны, а не за ее пределами. В уставе-проекте, написанном В. Левским в 1871 г., цели новой организации формулировались более радикально: подготовка народной революции, создание демократической республики, ликвидация феодальной и чорбаджийской эксплуатации, политическое и национальное равноправие народов.

Впрочем, факт написания программы и устава еще не означал реального существования политической организации. Вопрос о времени оформления в Бухаресте БРЦК остается в науке открытым. Д. Косев считает общепринятую в науке точку зрения (осень или декабрь 1869 г.) недостаточно аргументированной и полагает, что до весны 1872 г. такого комитета в столице Румынии не существовало[91]. А. Бурмов посвятил данной проблеме специальную статью, в которой доказывается факт существования ЦК в Бухаресте с декабря 1869 г.[92] В качестве основного аргумента он приводит документы, обнародованные румынским историком Г. Дузинкевичем, представляющие собой агентурную информацию польской шпионской сети, работавшей на Порту под прикрытием агентства «Bureau de press»[93]. Из этих документов, в частности, следует, что в январе 1870 г. болгарская революционная организация в Бухаресте все же существовала. Она состояла из 12 ячеек (ЦК в Бухаресте, местные комитеты в Турн-Северии, Калафате, Турну Магурели, Гюргево, Браиле, Галаце, Яссах, Болграде, Плоешти, Александрии и Крайове), каждая из которых насчитывала по 2—3, иногда по 5 человек. Каждый комитет ратовал за полную независимость в решении внутренних вопросов, но для обсуждения плана действий два раза в год отправлял делегатов в Бухарест, где на общем собрании рассматривались все политические вопросы. Идейные позиции комитетчиков отличались большим разнообразием. Касалось это даже членов ЦК: Л. Каравелов и В. Левский относились к приверженцам революционного метода освобождения Болгарии, Ив. Касабов и Т. Райнов являлись сторонниками компромиссного дуалистического решения болгарского национального вопроса, Д. Ценович и Ив. Кършовский занимали колеблющуюся позицию.

Не найдя поддержки своим взглядам в Бухаресте, в мае 1870 г. В. Левский переправился на земли правобережья и посвятил себя организации внутренних революционных комитетов. Наиболее крупный и влиятельный, имевший статус центрального, был создан в Ловече. Между двумя центральными комитетами (в Бухаресте и Ловече) практически сразу завязалось соперничество. Поэтому первоначальное название комитета в Ловече — Временное правительство, Первое отделение БРЦК — быстро трансформировалось просто в БРЦК. На полной самостоятельности внутренних организаций В. Левский настаивал особо, отрицая зависимость от бухарестских структур и стараясь обращаться к Л. Каравелову исключительно по вопросам технического характера (типографские нужды и т. д.).

---

[91] *Косев Д.* Към историята... С. 58—81.

[92] *Бурмов А.* Съществувал ли е Централен революционен български комитет в Букурещ през 1869—1872? // *Бурмов А.* Избрани произведения в три тома. Т. 2. София, 1974. С. 187—200.

[93] *Duzinchevici Ch.* Le role des Polonais dans les relations bulgaro-roumaines sous le règne de Charles I. Vălenii-de-Munte, 1937. P. 4—7.

Попытка преодоления разногласий по вопросу о полномочиях внешних и внутренних комитетов была предпринята на Общем (объединительном) собрании, состоявшемся в Бухаресте в апреле—мае 1872 г. Итогом собрания стало принятие программы и устава, обозначивших в качестве местонахождения ЦК Бухарест. Председателем ЦК был избран Л. Каравелов, а эмиссаром, т. е. единственным представителем ЦК БРЦК в болгарских землях (апостолом), утвержден В. Левский. Последнее обстоятельство имело особое значение, поскольку, согласно новому уставу, внутренние комитеты отныне напрямую зависели или от центрального комитета, или от уполномоченного им лица. Главной целью БРЦК было провозглашено освобождение Болгарии. Однако после долгого обсуждения заседавшие были вынуждены признать, что народ к восстанию не готов, а потому в качестве непосредственной задачи на повестку дня они вынесли лишь подготовительные мероприятия.

В июле 1872 г. В. Левский отправился на земли правобережья для осуществления намеченных задач. Его организационным новшеством стала попытка создания революционных округов с собственными окружными центрами и военными руководителями. В период с сентября по декабрь В. Левским было создано несколько округов: Пазарджикский (села и города в окрестностях Пловдива), Сливенский (территория от Котела до Тулчи), Старозагорский, Тырновский, Ловечский (где находилась резиденция самого Левского). В основе деятельности всех звеньев БРЦК лежала строгая конспирация. Окружной центр держал связь только с председателем и командующим местного комитета. Комитеты периодически подавали в окружной центр информацию о своих решениях и деяниях, не раскрывая при этом имен. По мелким вопросам решение принимал окружной центр. Основную часть средств, необходимых для создания комитетов и подготовки восстания, БРЦК планировал получать через организацию террористических акций и посредством экспроприации ценностей у зажиточных соотечественников[94]. Именно это решение и стало фатальным для судьбы БРЦК.

20 сентября 1872 г. помощник Левского Дм. Обшти совершил с отрядом четников успешное нападение на перевозившую деньги почту. Османские власти быстро напали на след злоумышленников. В ходе следствия Дм. Обшти и другие арестованные, пытаясь придать делу политическую окраску и отрицая обвинения в примитивном разбое, начали давать признательные показания. Последовали аресты. Организация оказалась под угрозой полного уничтожения.

В этой сложной ситуации в Бухаресте было принято решение о немедленном начале восстания. В ноябре В. Левский получил два письма от Л. Каравелова. В первом председатель ЦК предлагал организовать акцию по освобождению арестованных, а во втором требовал приступить к революционным действиям (обещая вмешательство Сербии и Черногории)[95]. Согласно обнародованным А. Бурмовым архивным материалам, отдавая это распоряжение, председатель ЦК исходил из тактических соображений. Если в данный момент, писал он члену Гюргевского комитета Г. Икономову, не удастся поднять народ, то БРЦК ждут тяжелые последствия: во-первых, «враг выставит арестованных перед всем светом не как политических деятелей, а как обыкновенных разбойников»; во-вторых, «мы навсегда потеряем доверие народа, которого уже не сможем ника-

[94] *Бурмов А.* Български революционен централен комитет. 1868—1877 // *Бурмов А.* Избрани произведения в три тома. Т. 3. София, 1976. С. 26.

[95] Там же. С. 45—46.

ким способом втянуть в революцию»; в-третьих, «Европа не примет никакого участия в судебном процессе», решив, что болгары еще не обладают достаточной степенью политической зрелости[96].

На правобережье призывы Бухареста положительного отклика не нашли. По мнению В. Левского, на данный момент восстание было невозможно: оно не было обеспечено ни оружием, ни руководящим составом, ни необходимой поддержкой населения, что же касается обещанной ЦК помощи со стороны Сербии и Черногории, то, опираясь на свой жизненный опыт, В. Левский в нее не верил[97]. Соответствующая резолюция по его докладу была принята 21 ноября 1872 г. на заседании Старозагорского комитета, передана Сливенскому окружному центру и доведена до сведения ЦК в Бухаресте. Дальнейших дискуссий на тему необходимости восстания не последовало, поскольку в конце декабря 1872 г. В. Левский был арестован, а в феврале 1873 г. казнен. БРЦК вступил в полосу тяжелого кризиса. Внутренние организации были практически разгромлены, а в Бухаресте начался новый раунд борьбы за лидерство.

Тем временем решение болгарского церковного вопроса приближалось к финальной точке. Константинопольская патриархия признавать султанский фирман 1870 г. отказалась, объявив его документом, не имеющим необходимой канонической силы (акт светской, притом, иноверческой власти). Патриарх демонстративно пригрозил отставкой и потребовал немедленного созыва вселенского собора. Порта это предложение отвергла, а отставку принять отказалась.

Невзирая на позицию патриархии, по решению той же Порты в столице незамедлительно был созван Народный болгарский собор для выработки устава. В ходе дебатов определились два направления. Крыло традиционалистов (Илларион Макариопольский, Антим Видинский, Г. Крыстевич) руководствовалось в своих взглядах православными канонами. Традиционалисты видели в соборности церкви, пожизненном статусе экзарха и многоступенчатой избирательной системе залог стабильности нового церковного института. Представители так называемого демократического направления (П. Славейков, Ст. Чомаков, Т. Икономов) являлись сторонниками более адаптированного к местным реалиям варианта. Они настаивали на принятии процедур, соответствующих решениям народно-церковного собора 1858—1860 гг. и положениям Органического статута. В соответствии с ними предусматривалось включение мирян в верховное и местное церковное управление (смешанные советы), контроль этих советов над расходами центральных органов и епархиальных архиереев, регулярные перевыборы экзарха. В конечном итоге победила именно эта точка зрения. 14 мая 1871 г. устав был принят и незамедлительно представлен Порте для изучения и утверждения.

Россия, хотя и не одобряла вмешательство мусульманских властей в дела православной церкви, однако была готова признать фирман в качестве базы для дальнейших переговоров. Именно по настоянию русского посольства в мае 1870 г. была организована встреча между представителями болгар и патриархии, а в марте 1871 г. начала свою работу очередная болгаро-греческая комиссия. Действуя в согласии с новым великим визирем Недим-пашой и стремясь достичь на переговорах разумного компромисса, Н. П. Игнатьев смог добиться смены руководства Константинопольской патриархии. Место Григория VI на патриаршем

[96] *Бурмов А.* Български революционен централен комитет. 1868—1877 // *Бурмов А.* Избрани произведения в три тома. Т. 3. София, 1976. С. 45—46.

[97] Там же. С. 46.

престоле занял Антим VI. Однако первоначальная склонность сторон к взаимоприемлемому решению натолкнулась на прежнюю проблему спорных епархий.

Окончательный провал переговоров произошел по вине болгарской стороны. Опасаясь (не без оснований) уступок своих представителей в ходе работы согласительной комиссии, националистическое крыло активистов болгарского движения организовало провокацию. На праздник Богоявления группа столичных ремесленников и торговцев, руководимая Ст. Чомаковым и Р. Славейковым, вынудила трех болгарских владык, временно отстраненных от проведения церковных служб (Иллариона Макариопольского, Панарета Пловдивского, Иллариона Ловчанского), демонстративно нарушить запрет патриарха и отслужить литургию в болгарской церкви Стамбула. Эта акция вызвала легко прогнозируемый скандал. Порта была вынуждена удовлетворить требование патриархии о заточении владык. Реакция болгар также была предсказуема. Последовали массовые демонстрации протеста. Опасаясь серьезных беспорядков, великий визирь постарался умиротворить болгар, разрешив приступить к выборам экзарха. 16 февраля 1872 г. первым главой Болгарской церкви был избран видинский митрополит Антим.

Богоявленская акция была резко осуждена русским Святейшим Синодом и охарактеризована Н. П. Игнатьевым как «антиканоническая демонстрация», организованная крайней партией Ст. Чомакова и митрополита Панарета с целью сорвать соглашение с патриархией[98]. Этот шаг имел более серьезные последствия для отношений болгар с Вселенской церковью, чем даже султанский фирман. Вероятно, прав И. Тодев, полагающий, что Ст. Чомаков сознательно провоцировал схизму, рассматривая ее в качестве своеобразной гарантии освобождения болгар и от «фанариотского ига», и от излишне навязчивой опеки со стороны России[99].

Данное предположение выглядит особенно правдоподобным, если учесть, что политическая ситуация для реализации подобного плана была к началу 1872 г. весьма подходящей. После смерти Али-паши (1871) Порту несколько лет сотрясала правительственная чехарда. Периодически (иногда с промежутком в два—три месяца) к власти приходили кабинеты различной внешнеполитической ориентации. В этих условиях (при наличии соответствующего повода, каким и явилась Богоявленская акция) спровоцировать патриархию на объявление схизмы особого труда не представляло. В августе 1872 г. с разрешения Порты специально для рассмотрения болгарского вопроса был созван вселенский собор. Представители русской церкви (а также румынской и сербской) участвовать в его заседаниях отказались. Русские дипломаты пытались предотвратить полный разрыв между болгарами и греками, но безуспешно. 16 сентября 1872 г. собор объявил болгарского экзарха, болгарскую церковь и всех к ней присоединившихся схизматиками, т. е. вероотступниками, объясняя это решение внесением в церковь племенного начала (филетизма), чуждого православным канонам.

На это решение вселенского собора русский Святейший Синод ответил молчанием. Лишь для нужд МИД по просьбе А. М. Горчакова им были даны необходимые разъяснения (с церковно-канонической точки зрения)[100]. В них,

---

[98] *Граф Игнатиев Н. П.* Дипломатически записки (1864—1874). Т. 2. София, 2009. С. 613.

[99] *Тодев И.* Д-р Стоян Чомаков... Т. 1. С. 365.

[100] Греко-болгарский церковный вопрос и его решение // Православное обозрение. 1891. № 11/12. С. 720—755.

в частности, отмечалось, что соборное решение неправомерно и необязательно для не присутствовавших на соборе церквей; что Россия не обязана относиться к болгарам как к схизматикам, но одновременно должна сохранить дружеские связи с патриархией; что достижение согласия является единственным средством восстановления мира в православной церкви. Стремясь преодолеть схизму, Н. П. Игнатьев пытался сделать ставку на Порту, но с середины 1872 г. и до середины 1873 г. власть в Стамбуле была в руках сторонников прозападной ориентации, влияние на которых у русского посольства практически отсутствовало.

Позиция Порты характеризовалась в этот период вполне определенным антирусским вектором. Соответствующей была и позиция по церковному вопросу. Поддерживаемый Великобританией, инициатор созыва вселенского собора великий визирь Мидхат-паша взял откровенный курс на раскол православных церквей. В день открытия самого собора он послал в патриархию гонца с сообщением, что принятие решения о схизме не противоречит интересам Порты [101]. Когда же схизма была объявлена, поздравил болгар с благоприятным для них разрешением давнего конфликта, заявив, что отныне они могут претендовать на учреждение отдельного миллета-патриархии и что он готов издать по этому случаю новый фирман. Вскоре в этом же смысле высказался и министр иностранных дел Шериф-паша, подчеркнув, что после издания нового фирмана болгары получат право назначать своих владык «куда угодно» (как он выразился, «хоть даже в Петербург») [102]. Было также отмечено, что для направления схизмы в фактическое русло кроме издания нового фирмана было бы желательно изменить облачение болгарского духовенства (как внешний признак раскола в православии) и отправить во все епархии одновременно с болгарскими также и греческих владык (в качестве представителей другого вероисповедания).

Среди болгар горячим сторонником этой идеи был Ст. Чомаков [103]. В частности, он предлагал изменить 10 статью фирмана, четко прописав в ней принцип экстерриториальности, что позволило бы отправлять владык и священников в любое место проживания болгар (первых с бератом, вторых с буюрултии — письменным разрешением правительства). Однако большинство болгарских владык испугалось столь откровенно антиканонических новшеств и категорически воспротивилось изданию нового фирмана. Они твердо стояли на позиции, что новая церковь должна остаться во всех отношениях православной.

Нажим на болгар со стороны Порты продолжался до апреля 1873 г. Ситуация изменилась лишь с назначением на пост великого визиря Рюшди-паши. Не без влияния Н. П. Игнатьева новый кабинет отказался от намерения санкционировать схизму и отказываться от фирмана 1870 г. 23 июля 1873 г. министр иностранных дел Рашид-паша вызвал к себе экзарха Антима и, объявив, что Порта решила дать ход прежнему фирману, подчеркнул, что предпочитает добровольные договоренности, направленные на прекращение борьбы в православном миллете. В свою очередь, константинопольскому патриарху было заявлено, что правительство не признает схизму и не позволит отправлять греческих владык в болгарские епархии. Поставленные в безвыходную ситуацию, болгарские и греческие иерархи оказались вновь вынуждены сесть за стол переговоров. Однако рабо-

[101] *Тодев И.* Д-р Стоян Чомаков... Т. 1. С. 367.
[102] Там же. С. 367–369.
[103] Там же. С. 368.

та новой согласительной комиссии все также буксовала. Камнем преткновения были все те же бесконечные споры вокруг македонских и фракийских епархий.

Пытаясь найти выход из кризисной ситуации, во второй половине 1873 г. Порта инициировала начало предусмотренной фирманом процедуры плебисцита. Опросы, проведенные под руководством местных властей в Охридской и Скопской епархиях, выявили большинство за сторонниками Экзархии. Вскоре эти епархии были официально присоединены к ее диоцезу, а в феврале 1874 г. правительство издало бераты для болгарских митрополитов Натанаила Охридского и Дорофея Скопского. В 1875 г. опросы были начаты еще в трех епархиях, но начавшийся в том же году очередной виток Восточного кризиса смешал все карты. В истории болгар начиналась новая эпоха, в которую они вступали, приобретя благодаря конфликту с патриархией солидный опыт самоорганизации и ясного понимания национальных задач.

Сербия в 60–70-е годы XIX века

Вторая половина XIX в. занимает особое место в истории сербского национально-освободительного движения. Используя в своих интересах противоречивые тенденции в развитии международных отношений в Европе того времени, умело играя на противоречиях великих держав, налаживая сотрудничество со своими соседями по региону, а главное, укрепляя собственные военно-политические позиции на Балканах, Сербия смогла уже к концу 1870-х гг. успешно решить свою главную задачу — обрести международно-признанную независимость. В последующем шла уже о выработке геополитических приоритетов и достижении территориальных приращений. Однако путь к независимости Сербии был нелегким и кровопролитным.

Парижский мирный договор 1856 г., юридически оформивший итоги Крымской войны 1853–1856 гг., внес существенные изменения в международно-правовой статус Сербского княжества. Оно оставалось «как прежде, под верховной властью Блистательной Порты, согласно с императорскими хати-шерифами, утверждающими и определяющими права и преимущества оного». Однако теперь речь шла уже не о российском (учитывая поражение России в Крымской войне), а об «общем совокупном ручательстве договаривающихся держав» — Великобритании, Франции, Австрии, Пруссии, Сардинии и России. Порта сохраняла право иметь свои гарнизоны в крепостях на территории Сербии. Однако при этом «никакое вооруженное в Сербии вмешательство» не допускалось без достижения предварительного соглашения держав-подписантов Парижского мирного договора [1].

По мысли творцов Парижского трактата, коллективные гарантии держав должны были помешать установлению в Сербском княжестве преобладающего влияния одной из них. На практике же оказалось, что австрийское влияние в Сербии вскоре после окончания Крымской войны стало господствующим. Используя свое географическое положение, а также ослабление позиций России в княжестве, Австрия, опираясь на австрофильскую политику князя Александра Карагеоргиевича, стремилась подчинить Сербию. Этому способствовала и толерантная к австрийским претензиям позиция Франции и Англии, так же заинтересованных в ослаблении влияния России на Балканах.

В самой Сербии внутриполитическая ситуация становилась все более напряженной, приобретая даже взрывоопасный характер. К этому времени в княжестве уже оформились основные буржуазные общественно-политические течения, отражавшие социальную структуру сербского общества. Помимо консерваторов — идеологов крупных земельных собственников, богатых торговцев и ростовщиков, появились либералы — новое общественно-политическое течение чисто буржуазного толка. Консервативно-либеральному лагерю с конца 1860-х гг. противостояли революционные демократы, выражавшие интересы трудового крестьянства Сербии. Противоборство этих трех течений стало глав-

[1] Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917 гг. М., 1952. С. 31.

ным содержанием общественно-политической борьбы и оказало непосредственное влияние на дальнейшее развитие сербской государственности.

Одним из проявлений обострения внутриполитической ситуации в Сербском княжестве стал глубокий кризис олигархического режима уставобранителей, проявившийся в обострении борьбы между сербским князем и Советом (главным органом уставобранительского режима). Князь Александр Карагеоргиевич, не имея опоры внутри страны, стремился найти поддержку на международной арене — прежде всего в Вене. В результате австрийский консул Р. Радославлевич смог добиться назначения на ключевые посты в сербском правительстве проавстрийски настроенных министров. Неудивительно, что во внешней политике князь Александр во всем следовал советам австрийской дипломатии. Этому способствовало и то обстоятельство, что среди политических деятелей Сербии конца 1850-х гг. не было, да и не могло быть единства взглядов по вопросам внешнеполитической ориентации княжества. Наиболее дальновидный деятель уставобранительского режима Илия Гарашанин считал, что Австрия является непримиримым врагом Сербии. Выступая против австрофильского курса князя, он предлагал опираться на Францию. Часть лидеров режима уставобранителей симпатизировали России. Однако большинство их в борьбе с князем стремились опереться на Турцию.

Ростом недовольства политикой Александра Карагеоргиевича воспользовались сторонники конкурировавшей с ним династии Обреновичей. Наиболее последовательными борцами против режима уставобранителей были сербские либералы Е. Груйич, М. Янкович, Р. Алимпич, стремившиеся перенести идеи буржуазной государственности, заимствованные ими в Западной Европе, на сербскую почву. Против князя объединились и многие видные деятели уставобранительского режима, в том числе И. Гарашанин и Т. Вучич.

После ряда неудавшихся попыток свергнуть Александра Карагеоргиевича широкая оппозиция, по совету министра внутренних дел И. Гарашанина, решила использовать в этих целях собравшуюся в конце ноября 1858 г. Свято-Андреевскую скупщину. В ее заседаниях, продолжавшихся с 1 декабря 1858 г. по 31 января 1859 г., принимали участие 437 депутатов, из которых 377 были избраны, а 60 получили это право по положению (председатели судов, окружные начальники, настоятели монастырей и протоиереи). Большинство депутатов составляли земледельцы, представители сельской администрации и торговцы.

Руководящую роль в скупщине играли вожди сербских либералов Еврем Груич и Йован Илич, избранные ее секретарями и рассчитывавшие добиться принятия выгодных им решений. В частности, Еврем Груич разработал весьма радикальный проект Закона о народной скупщине, внесенный на рассмотрение депутатов 5 декабря. Скупщина провозглашалась «одним из старейших и освященных традициями» институтов Сербского княжества, наделялась правом законодательной инициативы, должна была вотировать бюджет страны и одобрять все законы. Согласно проекту, скупщина собиралась ежегодно, при этом предусматривалась политическая ответственность правительства.

Однако одобренный скупщиной проект натолкнулся на решительное сопротивление консервативной группировки, возглавляемой И. Гарашанином. Последнему удалось добиться отсрочки его утверждения Государственным советом и князем. В ответ Скупщина потребовала отставки князя Александра Карагеоргиевича. Члены Государственного совета согласились с этим требованием.

Александр не стал спешить с принятием окончательного решения, а по стране поползли слухи о возможном использовании войск для разгона скупщины. Утром 11 декабря 1858 г. Белград превратился в вооруженный лагерь: жители столицы и окрестных сел пришли защищать парламент. Столкнувшись с объединенной народно-политической оппозицией, князь счел за благо укрыться в одной из турецких крепостей. Возможно, этот шаг спас ему жизнь, — но автоматически поставил его вне закона. Решением скупщины Александр Карагеоргиевич был низложен, и на сербском престоле была восстановлена династия Обреновичей во главе со старым князем Милошем Обреновичем. Внутриполитическая ситуация в Сербии временно стабилизировалась, и либералы, и консерваторы пошли на определенные уступки, от которых, впрочем, больше выиграли последние. Члены Государственного совета так препарировали статьи проекта Закона о народной скупщине, что этот институт, по сути, превратился в простой совещательный орган при князе. Тем не менее главная задача деятельности скупщины — ликвидация олигархического режима уставобранителей — была успешно решена [2].

В 1860 г. Милош скончался, и на княжеский престол вступил его сын Михаил. С его кандидатурой согласились великие державы и Порта, стремившаяся избежать новых осложнений в Сербии.

Михаил Обренович был европейски образованный человек. Он взошел на престол с широкой и претенциозной программой внутреннего и внешнеполитического развития Сербии. Приблизив к себе самого способного представителя консерваторов Илию Гарашанина, чью национальную программу он разделял, Михаил вскоре назначил его министром иностранных дел, а затем премьер-министром. Русский консул в Белграде Влангали в связи с этим в одном из своих донесений отмечал, что Гарашанин «чуть ли не единственный, кто понимает положение дел в стране». Основным документом, вышедшим из-под пера Гарашанина, стало обнародованное еще в 1844 г. «Начертание». В 1850—1860-х гг. данный документ получил свое дальнейшее развитие. В соответствии с этой внешнеполитической программой автономное Сербское княжество во главе с династией Обреновичей должно было возглавить борьбу против Османской империи с целью создания нового государства. В его состав должны были войти земли, населенные не только сербами, но и другими югославянскими народами, — Босния и Герцеговина, Черногория, Македония, Хорватия (последняя — в случае распада Австрии).

Князь Михаил и Гарашанин хорошо понимали, что одолеть столь сильного противника, как Османская империя, и тем самым положить начало реализации «Начертания» невозможно без объединения всех сил балканских народов и обеспечения поддержки извне — со стороны великих держав. Так появилась идея создания Балканского союза. Главной и основной силой этого союза должна была стать Сербия, так как только в этом случае можно было рассчитывать на претворение в жизнь программы, объективно носившей великосербский характер. Однако прежде необходимо было «модернизировать» внутреннее устройство страны и подготовить ее к предстоящей войне с Османской империей.

В области внутренней политики князь Михаил и его премьер-министр — убежденный сторонник принципа монархизма — прежде всего стремились

[2] *Јовановић С.* Уставобранители и њихова влада. Београд, 1933. С. 243, 244, 367.

укрепить личный режим князя. Главным препятствием на этом пути являлась конституция 1838 г. — так называемая «Турецкая конституция», сильно ограничивавшая права князя. Михаил Обренович и Илия Гарашанин решили выяснить мнение европейских правительств относительно возможности отмены старой конституции и замены ее новой. Наиболее толковый совет они услышали в Санкт-Петербурге: не отменяя формально конституцию 1838 г., свести ее действие на нет принятием ряда новых законов[3)].

По настоянию князя, на Преображенской скупщине, состоявшейся в августе 1861 г., были одобрены законы о Государственном совете, о народном войске, новый Закон о народной скупщине. Последний окончательно низвел этот важный институт сербской государственности до положения чисто совещательного органа.

Состав депутатов скупщины сокращался в четыре раза. Ее руководители больше не избирались, а назначались князем, на заседаниях имели право присутствовать члены правительства. Депутаты за выступления могли быть подвергнуты судебному преследованию. И все же следует подчеркнуть, что, несмотря на дальнейшие ограничения прав скупщины, новый закон сохранял скупщину как государственный институт — в противоположность конституции 1838 г., в которой скупщина даже не упоминалась.

Закон о Государственном совете превращал этот некогда грозный олигархический институт в послушный, чисто чиновничий орган при князе. Последний назначал и смещал его членов по собственному усмотрению. Совет обсуждал и принимал законы только с ведома и согласия князя и, самое главное, был лишен какой бы то ни было возможности проводить самостоятельную политику. Однако Государственный совет не был ликвидирован полностью, ибо в таком случае неизбежно пришлось бы значительно расширить права и полномочия скупщины.

Одной из важнейших реформ стала военная: было создано так называемое народное войско и введена всеобщая воинская повинность. Это позволяло княжеству иметь значительную армию, что князь Михаил и его премьер-министр считали важнейшей предпосылкой выполнения своих внешнеполитических планов.

В 1862 г. в Сербии был принят еще один важнейший документ — Закон об управлении княжеством. Вместо попечительств были созданы министерства и Совет министров, членов которого назначал и сменял князь. Тем самым исполнительная власть в стране оказывалась полностью подчиненной князю. Последний упорно противодействовал попыткам либералов добиться установления политической ответственности министров перед скупщиной. Несколько лет спустя — в 1866 г. — был принят специальный закон об общинах, поставивший их под непосредственный контроль полицейских властей. Принятием данного закона фактически завершилось создание в Сербии новой абсолютистской полицейско-бюрократической системы государственного управления.

Укрепив внутренние устои режима, сербские лидеры смогли перейти к проведению более активной внешней политики. Уже в начале 1860-х гг. Илия Гарашанин предпринял первые попытки начать переговоры о возможном союзе против Османской империи с Черногорией и Грецией. Однако они не принесли позитивных результатов в силу противоречий, существовавших между самими балканскими государствами и усугублявшихся вмешательством великих держав.

[3)] Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Отчеты МИД. 1860 г. Л. 229, 229 об.

Поражение Австрии — главного противника осуществления сербских планов на Балканах — в Австро-прусской войне 1866 г. создало принципиально новую ситуацию в Европе. И тогда князь Михаил и Гарашанин решили, что настало время для активизации действий по созданию Балканского союза. На заседании совета министров Сербии в июле 1866 г. было принято решение ускорить военную подготовку страны, активизируя одновременно дипломатические переговоры с балканскими соседями[4]. Посредством двусторонних переговоров с государственными лидерами и представителями освободительных движений на Балканах сербское правительство рассчитывало избежать или по крайней мере смягчить существовавшие противоречия по территориальным вопросам, ранее срывавшие достижение каких-либо соглашений уже на начальной стадии обсуждений. Краеугольным камнем будущего Балканского союза Гарашанин закономерно видел союз с Черногорией, которая, опираясь на ежегодные русские субсидии, а также на дипломатическую помощь и защиту России, добилась к середине 1860-х гг. консолидации внутреннего положения и укрепила свое влияния среди других балканских народов — особенно в Герцеговине.

Однако укрепление Черногорского княжества имело и свою оборотную сторону с точки зрения расширения взаимодействия с Сербией, ибо придавало мощный импульс династическим претензиям Цетинье. Черногорский князь Никола вполне разделял заветную мысль князя Михаила и Илии Гарашанина о необходимости объединения и освобождения сербского народа. Но если сербские лидеры видели результатом этого процесса создание «Великой Сербии» во главе с династией Обреновичей, то князь Никола хотел, чтобы это новое государство возглавляла династия Петровичей-Негошей. Разногласия по династическим вопросам порождали взаимное личное недоверие сербского и черногорского князей, стремившихся к руководящей роли в национально-освободительном движении в тех же Боснии и Герцеговине. С другой стороны, оба ощущали и настоятельную необходимость взаимного сотрудничества.

В итоге интеграционные устремления возобладали, и в мае 1866 г. сербско-черногорские переговоры возобновились. Они шли в очень сложной обстановке, и каждая сторона разработала свой собственный проект итогового соглашения. Князь Никола не желал смириться с ведущим положением Сербии в будущем союзе. Однако он не мог не считаться и с общественным мнением черногорского и сербского народов в пользу объединения усилий двух княжеств для борьбы с Османской империей. Отказ от подписания договора неминуемо привел бы к умалению роли Черногории в национально-освободительном движении на Балканах. Поэтому князю Николе пришлось пойти на определенные уступки. 23 сентября (5 октября) 1866 г. в Цетинье был подписан итоговый договор. Обмен ратификационными экземплярами состоялся в Белграде 14 (26) октября 1866 г.

Согласно тексту подписанного договора[5], состоявшего из 12 статей, основной целью сербо-черногорского союза провозглашалась совместная деятельность княжеств «по скорейшей подготовке восстания против Османской империи для освобождения всего сербского народа в Турции от турецкого ига и соединения его в едином сербском государстве». В случае успеха этого предприятия

---

[4] *Шкеровић Н. П.* Записници седница Министарског Савета Србије 1862–1898. Београд, 1952. С. 37–38.

[5] Текст договора см.: *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез) // Прилог. 5. Београд, 1963. С. 486–489.

князь Никола обещал присоединить Черногорию к новому государству во главе с Михаилом Обреновичем, который, со своей стороны, брал на себя обязательство обеспечить в новом государстве князю Николе ранг принца правящей династии и ежегодное содержание в размере 20 тыс. дукатов, а также право первенства в наследовании сербского престола перед всеми после князя Михаила, его сына или законного наследника, если таковой будет. Из уважения к заслугам черногорцев сербский князь должен был проявлять всяческое снисхождение при распределении налогов в новом объединенном государстве. Поскольку в Черногории не было обязательной воинской повинности, черногорцы на 25 лет освобождались от рекрутских наборов, но могли вступать в армию как добровольцы.

Ряд статей договора был посвящен конкретизации обязательств сторон по подготовке к войне с Портой. Оба князя согласились, каждый в границах своих возможностей, привлекать союзников, вести подготовку к восстанию среди подвластных Османской империи народов и добиваться поддержки их планов со стороны великих держав. Черногорский князь должен был начать войну вместе с Сербией всеми наличными силами. Черногория должна была во всем следовать выработанному совместно военному плану. Сам договор сохранялся в строжайшей тайне.

Как показали последующие события, и в частности Великий восточный кризис 1875—1878 гг., подписанный в Цетинье документ без преувеличения сыграл роль станового хребта в Балканском союзе. Впервые после Первого сербского восстания 1804—1813 гг. идея объединения сил Сербии и Черногории для борьбы против османских угнетателей получила свое материальное воплощение. Документ объективно отражал назревшую необходимость сплочения сил княжеств для решения стоявшей перед ними главной исторической задачи — освобождения и объединения сербского народа. Вместе с тем нельзя не отметить, что в договоре получила свое воплощение концепция создания «Великой Сербии», заключавшаяся в присоединении новых территорий к Сербии или, как иронично писал сербский революционный демократ Светозар Маркович, в увеличении числа подданных «великих Обреновичей».

Черногорский князь вынужден был согласиться с гегемонией Сербии, позиции которой были усилены поддержкой России. Однако взаимное соперничество и недоверие династий Петровичей и Обреновичей в результате подписания союзного договора 1866 г. никуда не исчезли. Руководители Сербского княжества делали все возможное для удержания Черногории в фарватере внешней политики Сербии, в то время как князь Никола стремился укрепить авторитет и влияние Черногории в Герцеговине, при этом часто действуя вопреки союзному договору.

Помимо черногорского направления, Сербия в контексте будущей войны с Османской империей придавала важное значение достижению соглашения с Грецией, единственным в то время независимым государством на Балканском полуострове. Переговоры с греками вел сербский представитель в Стамбуле Йован Ристич, однако лишь после прихода к власти в Афинах в 1866 г. группировки А. Кумундуроса дело сдвинулось с мертвой точки. После долгих переговоров союзный договор был подписан в августе 1867 г. В документе[6], в частности, указывалось, что после объявления войны Османской империи обе стороны обязыва-

[6] *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез) // Прилог. 14. Београд, 1963. С. 510—514. *Терзић С.* Србија и Грчка. (1856—1903). Борба за Балкан. Београд, 1992. С. 128—138.

лись вести борьбу до полного освобождения всех христианских народов в Европейской Турции и на островах Архипелага. В случае невозможности осуществления этой конечной цели союзники давали друг другу обязательство обеспечить присоединение следующих территорий: к Греции — Эпира и Фессалии, к Сербии — Боснии и Герцеговины. Союзники обязывались уважать волю народов, которые присоединятся к общей борьбе. Всем им обеспечивалась возможность либо присоединиться к одной из договаривающихся сторон, либо создать собственные государства, входящие в совместную с Сербией и Грецией конфедерацию.

Тем не менее ход сербо-греческих переговоров выявил значительные противоречия, существовавшие между двумя сторонами по вопросу о разделе подлежащих освобождению территорий Европейской Турции. Противоборство двух национальных программ — панэллинской и великосербской — стало главным препятствием к объединению их усилий в борьбе против Османской империи. Сербо-греческое соглашение представляло собой компромисс, не дававший значительных преимуществ ни одной из сторон. Туманные упоминания о возможности создания конфедерации дальнейшего развития не получили.

Сербскому княжеству также удалось достигнуть соглашения о дружбе с Румынией. Документ не предусматривал военного союза, но и в таком ограниченном виде был очень важен для Сербии, так как открывал для нее возможности коммуникации с Россией[7].

Наряду с заключением договоров и соглашений с независимыми и полунезависимыми балканскими государствами Илия Гарашанин придавал большое значение вовлечению в борьбу с Османской империей народов, лишенных государственности. Здесь Сербия стремилась опереться на политические организации и группы, готовые к сотрудничеству с ней. Так, Гарашанин, в соответствии со своей внешнеполитической программой, рассчитывал привлечь к сотрудничеству с Сербией лидеров хорватских буржуазных партий. Он поддерживал личные контакты с главой хорватской Национально-либеральной партии (народняков) епископом Й. Штросмайером. Политическая программа народняков не исключала возможности достижения соглашения с Сербией. Они допускали, что Сербия может стать центром объединения южных славян и приветствовали внутреннюю стабилизацию Сербского княжества и его внешнеполитические успехи. Их югославизм получил свое выражение в определении конечной цели партии, заключавшейся в государственном объединении всех южных славян. Однако югославизм в идеологии народняков сочетался с австрославизмом — стремлением добиться равноправия славян с помощью федерализации Австрийской империи.

До 1866 г. контакты Гарашанина со Штросмайером сводились в основном к обмену мнениями по различным политическим вопросам. После австро-прусской войны народнякам и сербскому правительству стало ясно, что поражение Австрии неизбежно должно повлечь за собой серьезные перемены в империи. Не исключалась даже возможность ее распада. В этих условиях вопрос о создании югославянского государства приобретал реальные очертания. Гарашанин полагал, что распад Австрийской империи — дело недалекого будущего, что на месте империи может возникнуть конфедерация из трех независимых государств, созданных чехами, венграми и южными славянами. В июне 1866 г. он решает начать непосредственные переговоры с Й. Штросмайером. Однако лидеры

[7] *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез)... С. 519—521.

партии народняков после поражения Австрии в войне с Пруссией все еще надеялись добиться федералистского переустройства империи в духе идей австрославизма. Поэтому зондаж Гарашанина не принес практических результатов[8].

Тем не менее уже осенью 1866 г., когда все больше стала вырисовываться перспектива оформления австро-венгерского дуализма, лидеры народняков в своей внешнеполитической деятельности начинают проявлять стремление к сближению с Сербией. В сентябре 1866 г. Штросмайер сообщил Гарашанину о согласии сотрудничать во имя создания единого югославянского государства. В марте 1867 г. Анте Орешкович, бывший капитан австрийской армии, дезертировавший в Сербию в 1862 г. и ставший доверенным лицом Гарашанина, составил проект программы югославянской политики Сербии. Он был отредактирован Гарашаниным и отослан Штросмайеру. Хотя никакого итогового документа в этой связи не было подписано и, следовательно, юридически соглашение осталось неоформленным, Штросмайер и руководство народняков согласились с основными принципами, изложенными в проекте, о чем и известили Гарашанина[9]. Отсутствие же формального договора во многом объяснялось позицией сербского правительства. Белград опасался оказаться скомпрометированным в глазах европейских столиц (прежде всего Вены) и потому не желал заключать международные акты с теми, кто не имел на это права с точки зрения государственных юридических норм.

«Неизменной и вечной» целью сербов и хорватов в проекте программы объявлялось освобождение христиан, «изнывавших под гнетом Османской империи», и создание условий для образования объединенного союзного югославянского государства, политическое устройство которого определят объединившиеся в нем народы. Достичь этой цели предполагалось постепенно и поэтапно. Ближайшей задачей программы, ее первым этапом, было объявлено освобождение и присоединение к Сербии Боснии и Герцеговины. Возглавить борьбу за их освобождение должны были «два столпа югославянского дела» — Белград и Загреб. Основой будущего единого государства признавался национальный принцип. Освобождение Боснии и Герцеговины провозглашалось первой ступенью к достижению «великой цели». Хорватия со своей стороны также должна была готовиться к ее осуществлению, не допуская укрепления собственной зависимости от Вены и Будапешта. Программа предусматривала целый ряд конкретных мер по организации восстания в Боснии и Герцеговине, которое должно было начаться «еще в этом году». При этом предусматривалось перебросить в Боснию и Герцеговину ряд чет, которые затем стали бы ядром повстанческой армии. Четы должны были формироваться и получать снабжение из Сербии, Черногории, Хорватии и Военной границы. Для координации четнической деятельности предполагалось создать специальные комитеты в Белграде и Загребе. Важным условием успеха восстания, по мысли авторов программы, являлось обеспечение невмешательства великих держав. Для этого нужно было представить восстание спонтанным движением народов Боснии и Герцеговины. После освобождения значительной части территории обеих областей должно было быть основано правительство, которое провозгласило бы их объединение с Сербией

---

[8] *Крестић В.* Хрватско-угарска нагодба 1868. Београд, 1969. С. 233—234, 349.

[9] *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез)... С. 362; *Вучковић В.* Политичка акција Србије у јужнословенским покраинама Хабсбуршке монархије. 1859—1874. Београд, 1965. С. 281—283.

при сохранении вассальных отношений с Портой. Расчет делался на то, что Османская империя не сможет собственными силами подавить восстание, а великие державы, как и в случае с Критом, не решатся на прямое вмешательство.

Однако в данном случае договаривающиеся стороны ошибались. Австро-Венгрия не исключала возможности вторжения Сербии в Боснию. В декабре 1867 г. Андраши говорил австро-венгерскому послу в Константинополе А. Прокешу-Остену, что в таком случае «монархия немедленно оккупирует Сербию» [10].

Цели сторон в сербо-хорватских переговорах были весьма прозрачными. Сербия стремилась обеспечить содействие хорватской Народной партии в деле присоединения к себе Боснии и Герцеговины путем раздачи туманных обещаний о создании в будущем объединенного югославянского государства. Хорватские же народняки соглашались с планами Гарашанина-Орешковича, рассчитывая на поддержку Сербии в их борьбе за права хорватского народа. Близкий соратник Штросмайера М. Мразович, приехав в Белград в апреле 1867 г., сообщил Гарашанину, что, несмотря на неблагоприятное впечатление, произведенное на руководство Народной партии поездкой князя Михаила в Константинополь, партия не отказывается от сотрудничества и согласна в случае необходимости ожидать нового срока начала совместных действий. Со своей стороны, Гарашанин заверил Мразовича в искренности намерений Сербии и, как сообщал российский консул в Белграде Н. П. Шишкин, просил передать лидерам Народной партии, что пока следует «содействовать приготовлению по знаку Сербии восстания в Боснии; когда же настанет час действия, помочь княжеству присылкою офицеров, волонтеров и всяких средств для поддержания движения» [11]. В ответ Мразович пообещал, что в случае восстания хорваты даже готовы выйти из состава Австрии и присоединиться к Сербии.

Однако перемена международной обстановки и изменение внешнеполитического курса самой Сербии в конце 1867 г. вследствие попыток князя Михаила добиться присоединения Боснии и Герцеговины дипломатическим путем (при содействии Австро-Венгрии) привели к тому, что контакты сербского правительства с хорватской Народной партией не получили дальнейшего развития. Тем не менее следует признать, что выработанная сторонами программа стала важным шагом на пути объединения сил балканских народов в их борьбе за национальное освобождение.

Сербское правительство вело также переговоры о возможном участии в совместном антиосманском выступлении с Добродетельной дружиной, объединявшей представителей крупной болгарской эмигрантской буржуазии [12]. Сербское правительство при этом стремилось установить контроль над действиями болгарского освободительного движения, рассчитывая использовать восстание болгар для реализации собственной внешнеполитической программы.

До заключения формального соглашения дело не дошло, хотя представители Добродетельной дружины предлагали проекты соглашения, предусматривавшие создание объединенного сербско-болгарского государства. Очевидно, Гараша-

---

[10] *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез)... С. 398. *Крестић В.* Хрватско-угарска нагодба... С. 367–368.

[11] АВПРИ. Ф. Главный архив V-А2. Д. 252. Л. 59–60.

[12] *Косев Д.* Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. София, 1878. С. 183–184; *Пирочанац М.* Кнез Михаило и заједничка радња балканских народа. Београд, 1895. С. 36–37.

нин, не доверявший болгарским партнерам, попросту не хотел связывать себя с ними слишком серьезными обещаниями.

Еще одним неотъемлемым элементом планов сербского премьер-министра стала организация сербской политической пропаганды в пограничных с Сербией областях Османской империи в целях подготовки восстания. По его замыслу, одновременно с выступлением участников Балканского союза должно было начаться восстание в Боснии и Герцеговине, в Старой Сербии (Косово) и Албании. Самым важным в данной связи сербский министр считал создание в турецких областях хорошо организованной сети тайных агентов из местных жителей. «Если послать человека из Сербии, — писал И. Гарашанин Й. Мариновичу, — то в таком случае это расценивалось бы уже не как внутреннее дело угнетенного народа, а как эгоистические устремления Сербии. В этом случае предприятие не имело бы никакого смысла, а Сербия подвергалась бесполезной компрометации» [13].

В 1862 г. в Сербии был создан специальный комитет, на который возлагалась задача руководства и координации всей деятельности по организации сербской пропаганды за пределами княжества и подготовки восстания. В состав комитета вошли государственный советник Л. Арсениевич-Баталака (председатель) и два члена: полковник Ф. Зах (начальник артиллерийской школы) и А. Николич, выполнявший обязанности секретаря. Деятельностью комитета непосредственно руководил сам И. Гарашанин. Ему передавались все донесения агентов, содержание которых сообщалось и князю Михаилу. Технической стороной дела ведал А. Николич. Он знал подлинные имена агентов и их псевдонимы, высылал им деньги [14].

Практический результат работы агентов И. Гарашанина состоял в сборе информации о положении дел в Европейской Турции и распространении там идей, сформулированных сербским правительством. Однако сфера деятельности и влияние малочисленных агентов были очень ограниченными, а после отставки И. Гарашанина с поста премьер-министра в конце 1867 г. подготовка княжеством вооруженного выступления против Османской империи вообще прекратилась.

Ошибочным было и представление сербских государственных деятелей, о том, что в любом районе Европейской Турции при помощи доверенных лиц можно вызвать восстание в благоприятный с точки зрения международной обстановки в Европе момент. Сербские политики недооценивали тот факт, что у крестьянского населения Боснии, Герцеговины и других сопредельных с Сербией областей Османской империи на первом месте стояли не национально-государственные, а социальные противоречия, усугубленные непомерным гнетом феодальной Османской империи. Кроме того, для Гарашанина и его соратников подготовка восстания в Европейской Турции всегда была вспомогательным средством в реализации сербской внешнеполитической программы. Они хотели организовать такое движение, которое с самого начала было бы ограничено строгими рамками и не выходило из-под их контроля. Это заранее обрекало подобную акцию на неудачу.

С формальной точки зрения к маю 1868 г. сербскому правительству удалось добиться максимальных результатов в деле создания Балканского союза. Было

---

[13] И. Гарашанин — Ј. Мариновићу 6/18 мая 1861 г. // Писма И. Гарашанина Ј. Мариновићу. Књ. 2 (1851–1874). Београд, 1939. С. 88–89.

[14] *Николић А.* Опис радње по предмету општег споразумљења за устанак и уједињење // Мешовита грађа. Књ. VII. Београд, 1979. С. 164.

достигнуто соглашение с Черногорией, заключен союзный договор с Грецией. В начале 1868 г. была подписана сербо-греческая военная конвенция, ратифицированная в мае, и был заключен договор о дружбе с Румынией. В сербско-греческой военной конвенции была даже намечена дата совместного выступления против Порты — сентябрь 1868 г. С большим или меньшим успехом сербское правительство вело переговоры о сотрудничестве с хорватами, болгарами и албанцами. Правительству удалось добиться в 1867 г. вывода турецких гарнизонов из всех крепостей, расположенных на территории Сербского княжества.

Но Балканский союз так и не проявил себя в действии. В ноябре 1867 г. князь Михаил неожиданно уволил в отставку И. Гарашанина, а в мае 1868 г. сам был убит заговорщиками. После этого практическая деятельность по реализации идей Балканского союза прекратилась.

Тем не менее, основные причины неудачи союза нельзя сводить только к гибели князя Михаила и смене его симпатий. Одним из главных факторов выступала военная слабость союзников и прежде всего Сербии. Это не могло не отражаться и на политике самого князя, понимавшего огромную степень риска для Сербии. Данное обстоятельство сыграло важную роль в том, что Михаил начал весьма сложную игру с графом Андраши, обещавшим ему получение Боснии и Герцеговины мирным путем, без войны [15].

На деле это была лишь хитрая приманка для Сербии. Австро-Венгрия сама имела претензии на Боснию и Герцеговину, но в то же время стремилась не допустить каких-либо обострений на Балканах. Именно поэтому она и оказала значительное давление на Порту, добившись от нее согласия передать свои оставшиеся на сербской территории крепости Сербии.

Еще одной важной причиной неэффективности Балканского союза стали резкие противоречия между участниками, прежде всего по территориальным вопросам. Если понимание необходимости объединения усилий для освобождения от власти Порты присутствовало у всех, то перспективы дальнейшего развития событий в случае победы все видели по-разному.

Свой вклад внесли и противоречия великих держав. Еще очень слабые в тот период балканские государства не могли обойтись без поддержки извне. Гарашанин всячески стремился обеспечить для Сербии поддержку нескольких великих держав, но на практике лишь Россия, заинтересованная в восстановлении своего влияния на Балканах после Крымской войны, оказала Сербии значительную дипломатическую, материальную и военную поддержку [16]. Остальные великие державы занимали или нейтральную, или откровенно враждебную позицию.

Справедливости ради следует сказать, что и в самой Сербии идейное наследие 1860-х гг. отнюдь не исчерпывалось консервативными взглядами князя Михаила и Илии Гарашанина на способы и методы реализации национальных сербских идей.

Либеральное направление было представлено сербским молодежным движением «Омладина», центр которого находился в Воеводине. «Омладина» объединяла различные по своему характеру группы и организации: литературные кружки, политические союзы, студенческие общества. Основное направление ее деятельности было культурно-просветительное. Главной своей задачей «Омла-

---

[15] *Крестић В.* Хрватско-угарска нагодба... С. 366—369.

[16] Сербия и Балканский союз // Международные отношения на Балканах. 1856—1878 гг. М., 1986. С. 176—177.

дина» и ее идеологи Владимир Йованович и Светозар Милетич считали достижение политического единства всех сербских земель.

Гарашанин и князь Михаил пытались привлечь на свою сторону «Омладину» и воеводинских либералов. Но из этого ничего не получилось. Либералы были недовольны авторитарным режимом, установленным князем Михаилом в Сербии. На Белградском съезде «Омладины» дело дошло до ее полного разрыва с сербским правительством.

Главным идеологом революционно-демократического направления сербской общественной мысли был Светозар Маркович, выступавший за ликвидацию монархии и установление в Сербии демократической республики. Внешнеполитическая часть его программы включала в себя освобождение и объединение всех составных частей сербского народа посредством национально-освободительной революции южнославянских народов, в результате которой был бы создан союз (Федерация) свободных и равноправных народных республик. В дальнейшем идея Балканской федерации получит свое развитие в деятельности сербских и болгарских социал-демократов начала XX в.

Тем временем после смерти князя Михаила сербский престол остался без прямого наследника. Князем был провозглашен малолетний Милан Обренович, племянник князя Михаила. До его совершеннолетия власть в стране переходила в руки трех регентов — Н. Блазнавца, Й. Ристича и Й. Гавриловича. Главным идеологом регентства был умеренный либерал Йован Ристич. На словах он никогда не отказывался от продолжения прежнего направления внешней политики княжества по подготовке Балканского союза. Однако на деле наместники не занимались какой-либо подготовкой вооруженного выступления против Османской империи. Ристич считал, что Сербия сможет получить территориальные приращения и осуществить свою главную цель — завоевание независимости — с помощью дипломатических комбинаций при опоре на великие державы. При этом в первые годы регентства он уделял основное внимание внутреннему укреплению сербской государственности, и важным достижением на этом пути стало принятие в 1869 г. новой конституции Сербии, разработанной Ристичем и министром внутренних дел либерального правительства Р. Милойковичем.

Конституция 1869 г. провозглашала Сербию «конституционной монархией с народным представительством» во главе с наследственной династией Обреновичей. Князь разделял законодательную власть с представительным органом в лице скупщины. Однако права князя были неизмеримо шире прав скупщины. Он окончательно утверждал и обнародовал законы, являлся верховным главнокомандующим сербской армии, представлял княжество в сношениях с другими государствами, назначал государственных чиновников. Личность князя объявлялась неприкосновенной, и он не был ответственным в действиях перед скупщиной.

Тем не менее, и за скупщиной были закреплены важные полномочия. Без ее одобрения нельзя было изменять или отменять законы, а также издавать новые. Согласие скупщины было необходимо при изменении и введении новых налогов. В то же время законодательная инициатива являлась исключительной прерогативой князя.

Народная скупщина, которую созывал и открывал князь, избиралась на три года и собиралась ежегодно. Она состояла из избираемых депутатов и депутатов по назначению. Министры, чиновники и адвокаты не могли быть избраны

депутатами. Князю было предоставлено право на каждых трех избранных депутатов назначать одного «из людей, которые отличились в науках или опытом в народных делах». Депутаты по назначению призваны были обеспечить определяющее влияние князя и его правительства в народной скупщине. Политической ответственности министров перед скупщиной установлено не было. Их назначал и сменял князь, и только ему они были подотчетны. Право скупщины утверждать государственный бюджет было ограничено. В случае несогласия скупщины правительство могло продлить действие существующего закона о бюджете на следующий год.

Конституция 1869 г. лишь в самой общей форме гарантировала гражданам классические буржуазные права: свободу личности, равноправие граждан перед судом, свободу печати, неприкосновенность личности, собственности и жилища. Кроме того, многие из принятых впоследствии конституционных законов существенно ограничили вышеперечисленные права и свободы.

К числу важнейших законов, принятых народной скупщиной в 1870 г. на основе конституции 1869 г., относились избирательный закон, законы о длительности скупщины, об ответственности министров, о Государственном совете и печати [17]. Избирательным правом по новому закону обладали все мужчины, платившие налоги. Выборы депутатов при открытом голосовании в городах были прямыми, а в срезах, местечках и селах — двухстепенными. Отменялась цензура печати, но взамен нее вводилась строгая уголовная ответственность автора, редактора, издателя и наборщика за «преступления в печати». Правительство после вынесения предупреждения могло закрыть любой неугодный ему печатный орган [18].

Хотя конституция 1869 г. не отвечала всем требованиям поступательного развития Сербского государства и сербского общества и представляла собой робкую попытку приспособить полицейско-бюрократический режим к потребностям буржуазного развития страны, она объективно стала важным этапом в политической жизни Сербии XIX в. Впервые в истории конституционного развития вассального княжества была практически реализована попытка ограничить власть князя не олигархическим Государственным советом, как это было по конституции 1838 г., а народным представительным органом в лице скупщины. Окончательно, не только фактически, но и формально, был отменен Турецкий устав 1838 г., и новая конституция существенно ограничила возможность вмешательства султана во внутренние дела Сербии [19].

1870-е гг. были отмечены новыми тенденциями в общественно-политической жизни страны, которые находили все более полное отражение в деятельности скупщины. Поступательное развитие капиталистических отношений в княжестве и принятие новой конституции 1869 г. создавали предпосылки для вовлечения все более широких масс в политическую жизнь страны. Это, в свою очередь, неизбежно вело к обострению политической борьбы, что нашло отражение в частой смене правительств.

1860–1870-е гг. стали переломными в истории сербского буржуазного государства, развивавшегося в весьма специфических условиях. Перед страной

---

[17] *Јовановић С.* Влада Милана Обреновића. Књ. 1. Београд, 1934. С. 114–122.

[18] *Продановић Ј.* Уставни развитак и уставне борбе у Србији. Београд, 1936. С. 218–223.

[19] *Мандић П.* Југославија: илузија или визија. Корени трагедије српског народа у XX веку. Београд, 2002. С. 148.

стояла сложнейшая задача модернизации экономики и социально-политических институтов. Модернизация носила догоняющий характер, так как сербское общество, вышедшее из недр феодальной Османской империи, носило на себе печать традиционализма и сильно отставало в своем развитии от Западной Европы. Еще в конце 1850 – начале 1860-х гг. капиталистическое производство в Сербии оставалось слаборазвитым. В стране имелось лишь несколько промышленных предприятий. Сербскому народному хозяйству не хватало капиталов для более быстрого развития модернизационных процессов. Собственные финансовые ресурсы были чрезвычайно скудны, а притока иностранных капиталов не было. Перестройка сельского хозяйства на новых капиталистических началах происходила очень медленно.

Тем не менее именно этот период приобрел важнейшее значение для дальнейшего развития национального самосознания сербов, становления новой государственности и борьбы за независимость.

Наступало время, когда, говоря образными словами российского исследователя В. Н. Виноградова, начинали приносить урожай «здоровые семена национально-государственного развития», которые еще в начале XIX в. «были брошены в балканскую землю и дали богатые всходы»... [20] Уже 17 июля 1875 г. — спустя 12 дней после давшего толчок восстанию в Герцеговине нападения отряда гайдуков на турецкий караван, продвигавшийся по дороге Мостар-Невесинье, — российский консул в Рагузе (Дубровнике) А. С. Ионин сообщал управляющему российского министерства иностранных дел А. Г. Жомини о том, что «если турки, подтянув войска, начнут наступление на христиан, то начнется борьба, первым следствием которой будет вовлечение соседних округов Черногории, какого-то числа самих черногорцев, а значит, будет скомпрометирован нейтралитет князя, который окажется тогда во власти потока, который он, впрочем, предвидел и о коем предупреждал. Такая перспектива была уже связана со значительными осложнениями. Но по возвращении в Далмацию я склоняюсь к мысли о том, что опасность, исходящая с этой стороны, еще более велика. Положение Далмации, до сих пор наименее предприимчивой из славянских провинций империи, является показательным с точки зрения того влияния, которое может оказать война в Герцеговине на Хорватию, Военную границу, а также на Сербию, где партия действия, — делал вывод дипломат, — найдет в данной оказии сильный аргумент для возобновления прерванной на время кампании» [21].

Прогноз А. С. Ионина — по крайней мере в том, что касалось будущего развития ситуации в Сербии, — оказался точным. В конце концов известно, что война есть не что иное, как продолжение политики иными средствами. Маститый сербо-боснийский историк Милорад Экмечич однажды выразил эту же мысль более образно, подчеркнув применительно к Сербии, что «политика военных целей проводится не в вакууме, а на живом пространстве различных исторических условий, которые ее, эту политику, в конце концов целиком и обусловливают» [22]. Сама жизнь вынуждала Сербию, вне зависимости от социально-экономической и внутриполитической ситуации и настроений в правящих кругах, все глубже погружаться в новый балканский водоворот...

---

[20] *Виноградов В. Н.* Балканы на распутье // Александр I, Наполеон и Балканы. Балканские исследования. Вып. 18. М., 1997. С. 263.

[21] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875—1878. Документы. М., 2008. С. 22.

[22] *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973. С. 80.

Черногория в 50–70-е годы XIX века

После завершения Крымской войны 1853–1856 гг. важнейшей исторической задачей Черногорского княжества стало максимально возможное территориальное расширение территории — прежде всего за счет освобождения из-под власти Османской империи соседних областей Боснийского и Скутарийского (Шкодринского) санджаков. Подобные геополитические цели и устремления объективно толкали Черногорию на военные конфликты с Высокой Портой, неоднократно вспыхивавшие на протяжении 1850–1860-х гг. Ситуация осложнялась нежеланием Высокой Порты признавать «новую политическую реальность», возникшую после самопровозглашения Черногории княжеством: турки хорошо понимали, что подобное признание будет означать конец их претензий на эту область Балкан [1].

В 1852 г., отказавшись признать новый статус Черногории, Константинополь активизировал свое вмешательство во внутричерногорские дела. В частности, турки пообещали предоставить особый статус влиятельному племени пиперы в обмен на их признание сюзеренитета Порты. В ответ черногорский князь Данило отдал распоряжение своей армии занять древнюю резиденцию династии Црноевичей на Скадарском озере — Жабляк Црноевич. И хотя происходящее было, по образному выражению британского историка Кеннета Моррисона, «всего-навсего бурей в чашке чая», — это дало туркам «решающий предлог для того, чтобы атаковать Черногорию» [2].

В начале 1853 г. 60-тысячная турецкая армия под командованием Омер-паши со всех сторон осадила княжество. Это было самое суровое испытание для черногорского народа на всем протяжении XIX в. На борьбу против турецкого нашествия было мобилизовано все мужское население в возрасте от 13 до 80 лет. В обращении к народу князь Данило заявил, что «отечество находится в большей опасности, чем когда-либо ранее». Он призвал всех встать на защиту Черногории, с тем чтобы «убедить султана и великие силы, сомневающиеся в нашей независимости, что мы свободный народ, не зависимый ни от кого, кроме как от братской любви к нашей матери великой России» [3].

В итоге благодаря энергичному дипломатическому вмешательству России, поддержанному Австрией, Турция вынуждена была снять военную осаду с Черногории. Заслуги Австрии тоже должны быть отмечены. Не случайно ряд исследователей прямо подчеркивают, что «Черногория была спасена Веной», которая в то время «искала возможности для усиления своего влияния на Балканах» [4]. В пользу данной трактовки событий говорит и приказ, изданный в разгар конфликта австрийским императором Францем-Иосифом, о частичной мобилизации войск, расквартированных в Далмации и Хорватии [5]. План, который

---

[1] *Devine A.* Montenegro in History, Politics and War. London, 1918. P. 30.

[2] *Morrison K.* Montenegro: A Modern History. London; New York, 2009. P. 25.

[3] Цит. по: *Бычков Ю. Е.* Черногория: от прошлого к настоящему. М., 2008. С. 96.

[4] *Morrison K.* Montenegro: A Modern History... P. 25.

[5] *Bencze L.* The Occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878. New York, 2005. P. 11–12.

разработал генерал Ласло Надь, предусматривал проведение военной операции на территории Боснии, в ходе которой австрийские армии должны были продвинуться до берега реки Лим для того, чтобы вступить в непосредственное взаимодействие с черногорской армией[6]. Германский историк Теодор ван Сосноски в свое время даже характеризовал данный план скорее не в военных, а в дипломатических тонах — как «жест в сторону России»[7]. Вряд ли будет преувеличением сказать, что на самом деле монархия Габсбургов стремилась «отдалить Черногорию от России, привлечь князя Данило на свою сторону, обеспечить с его помощью заслон от турецкой экспансии своим владениям в Боке Которской, Далмации и Хорватии»[8]. Говоря словами Карла Маркса — Вена «совершенно открыто мутила воду в Черногории»[9]. А Балканский полуостров в очередной раз оправдывал свою сомнительную славу «порохового погреба Европы» в силу того, что, говоря словами сербского исследователя М. Скакуна, «его географическое положение, которое „открывает ворота трех континентов", сделало Балканы постоянной целью великих держав». Неудивительно, что «за их взаимными столкновениями и договоренностями относительно данного региона можно следить непрерывно начиная с середины прошлого (XIX — *П. И.*) века...»[10] Как бы то ни было, «Порта была не готова к войне против империи, поэтому она выполнила требования Австрии и завершила операцию против Черногории»[11].

После отражения нападения Омер-паши черногорский князь вместе с сенатом провел ряд мер по укреплению центральной власти и обороноспособности государства. Было создано народное войско на добровольных началах, в которое записалось около 10 тысяч человек. Весь контингент добровольцев разбивался на отдельные отряды. Вводилась строгая иерархия племенных вождей: воевода, сердар, капетан, тысячник и т. д. В 1855 г. на Скупщине племенных вождей и начальников был принят новый законник, вводивший подушный налог, для взимания которого в том же году была проведена первая перепись. Она показала, что население Черногории составляло 80 тыс. жителей.

Непосредственно после окончания Крымской войны князь Данило решил попытаться использовать великие державы для достижения внешнеполитических целей Черногории. Отмечавшийся в то время подъем национально-освободительного движения на Балканах привлекал все более пристальное внимание европейских кабинетов, в особенности французского, и Черногория не без оснований надеялась использовать данное обстоятельство в свою пользу. В Цетинье решили воспользоваться создавшимися условиями, чтобы добиться рассмотрения черногорских требований в ходе мирных переговоров в Париже, венчавших в целом неудачную для России Крымскую войну.

Еще в мае 1855 г. князь Данило при содействии западной дипломатии начал переговоры с Портой об установлении мирных отношений на границах с Черногорией. Вместе с тем, используя заинтересованность Франции в балканских делах, он поставил перед французским вице-консулом в Шкодере Иясентом

---

[6] *Bencze L.* The Occupation of Bosnia and Herzegovina... P. 315.

[7] *Sosnosky T.* The Balkan Policy of Austria—Hungary from 1866. Vol. I. Stuttgart and Berlin, 1913. P. 63.

[8] *Бычков Ю. Е.* Черногория... С. 96.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 10. С. 140.

[10] *Skakun M.* Balkan i velike sile. Beograd, 1986. S. 277.

[11] *Bencze L.* The Occupation of Bosnia and Herzegovina... P. 12.

Гекаром вопрос о необходимости увеличения черногорской территории за счет Адриатического побережья до Бара. Однако ответа он не получил.

После окончания Крымской войны князь Данило обратился за помощью в удовлетворении черногорских требований непосредственно к России как покровительствующей державе. 22 февраля 1856 г. он направил директору Азиатского департамента российского министерства иностранных дел Л. Г. Сенявину письмо, в котором указывал на необходимость присоединения к Черногории соседних плодородных земель, предоставления выхода к морю (через порты Бар или Спич) и определения границы с Османской империей [12].

На заседании Парижского конгресса в марте 1856 г. турецкий представитель Али-паша заявил, что Черногория является частью Османской империи. Позиция Порты была поддержана Австрией и Англией. Хотя Россия продолжала рассматривать Черногорию как фактически независимое государство, чтобы не осложнять переговоров, русский представитель воздержался от протеста. Это обстоятельство вызвало недовольство в Черногории и повлекло охлаждение отношений с Россией. Понимая, что после поражения в Крымской войне Петербург не сможет поддержать интересы Черногории, Данило в мае 1856 г. направил европейским кабинетам-участникам Парижского конгресса (кроме Порты) меморандум, в котором излагались следующие внешнеполитические требования: 1) признать дипломатическим путем независимость Черногории; 2) увеличить ее территорию за счет Герцеговины (входившей в Боснийский санджак) и Северной Албании; 3) окончательно определить границы Черногории с Османской империей; 4) присоединить к ней полосу Адриатического побережья вплоть до Бара [13].

Обращение князя Данило к посредничеству великих держав преследовало цель поставить черногорский вопрос на обсуждение международного конгресса. При этом он рассчитывал на поддержку Франции, которая в то время выступила с лозунгом защиты принципа национальности. Однако в действительности этот принцип соблюдался не во всех случаях и, в частности, не распространялся на Турцию. Наполеон III, учитывая экономические интересы французской буржуазии, не желал радикального решения Восточного вопроса [14].

Стремясь в свою очередь к достижению сразу двух целей: уничтожить русское влияние в Черногории и укрепить доверие к себе со стороны Порты, — французское правительство предложило князю Данило начать переговоры непосредственно с Константинополем, обещая свое содействие. Однако Париж поставил условием внесение существенных изменений в черногорский меморандум, включавших не только отказ от требования независимости, но и согласие признать верховную власть султана [15]. Французский план встретил полное одобрение и поддержку со стороны Австрии и Англии, также отстаивавших принцип поддержания целостности Османской империи.

Не вняв советам петербургского кабинета воздержаться — ввиду неблагоприятного момента — от выдвижения своих требований перед Портой, князь

---

[12] *Вуксан Д.* Књаз Данило: Пета година владе (1856) // Записи. 1937. Св. 2. С. 71.

[13] Исторические записки. 1958. Кн. 63. С. 130; *Ђорђевић В.* Црна Гора и Аустрија. 1814—1894. Београд, 1924. С. 98—100.

[14] *Вујовић Д.* Црна Гора и Француска. 1860—1914. Цетиње, 1971. С. 17.

[15] *Павичевић Б.* План књаза Данила за регулисање односа са Портом 1856 године // Историјски записи. 1960. Св. 1. С. 41—42, 44.

Данило в августе 1856 г. решил приступить к переговорам с султанским правительством. Черногорские требования были сформулированы в документе под названием «Договор, по которому князь Черногорский и Брдский со своей точки зрения на независимость соглашается признать номинально сюзеренитет Оттоманской Порты» [16]. В нем были перечислены требования, исполнением которых обусловливалось это согласие. В первом из них говорилось о присоединении к Черногории Герцеговины и пограничных земель со стороны Северной Албании, в том числе Адриатического побережья с портом Бар. По сравнению с меморандумом от мая 1856 г. кардинально менялся пункт о правовом статусе Черногории. По совету Франции князь Данило не только соглашался отказаться от требования признания независимости Черногории, но выражал готовность стать турецким вассалом. Однако последнее было оговорено такими условиями, которые в действительности должны были свести на нет это обязательство [17]. Осуществление требований, изложенных в договоре, должно было также способствовать закреплению в Черногории самодержавного режима Петровичей. В ряде пунктов князь определил свои права в качестве неограниченного монарха, но нигде не говорил о своих вассальных обязанностях. В частности, детально перечислялись права князя в военной и финансовой областях, во внешней политике, не упускались и вопросы, связанные с престолонаследием. При этом делалась оговорка о том, что всеми остальными функциями внутренней и внешней политики, которые не упомянуты в договоре, также ведает сам князь. Договор должен был обеспечить Черногории внутреннюю автономию. В нем провозглашались некоторые буржуазные свободы, которые имелись в Законнике 1855 г. (равенство граждан, свобода печати и пр.). Декларация этих прав являлась одним из положительных проявлений французского воздействия на Черногорию.

Таким образом, внешнеполитические требования, сформулированные в договоре, должны были способствовать укреплению власти князя. В случае согласия Порты на назначение черногорского представителя в Стамбуле между Черногорией и Турцией фактически устанавливались дипломатические отношения. Однако для осуществления всего этого плана был избран метод, который не создавал реальных возможностей для реализации. Даже в случае, если бы Порта согласилась принять выдвигаемые требования, в дальнейшем не было гарантии их выполнения. Поставив же Черногорию в сюзеренную зависимость, трудно было рассчитывать на скорое возвращение прежней независимости.

Черногорский историк Б. Павичевич, изучая сложившуюся в то время внутриполитическую обстановку в Черногории, указывает, что самые главные требования были неприемлемы не только для Порты, Австрии и Англии, но и для бонапартистской Франции. Следовательно, они могли быть удовлетворены «только при помощи оружия» [18].

Сближение князя Данило с Францией привело к ухудшению, а затем и разрыву политических отношений с Россией, произошедшему в ноябре 1856 г. и означавшему, в том числе, приостановку выплаты российских субсидий. В сложившихся условиях правительство Александра II попыталось решить черногорский вопрос путем активного воздействия на Францию, которая, готовясь

---

[16] Текст договора опубликован: Там же. С. 54—55.

[17] *Павичевић Б.* План књаза Данила... С. 59; *Јовановић Р.* Разграничење Црне Горе и Турске 1858 године // Историјски записи. 1966. Св. 2. С. 199—200.

[18] Там же. С. 67.

к войне с Австрией, стала стремиться к сближению с Россией. При этом была достигнута договоренность о совместных действиях в поддержку Черногории. В свою очередь князь Данило стал спешить с восстановлением отношений с Россией. К этому его вынуждала угрожающая позиция, занятая Портой после восстания летом 1857 г. в пограничных областях Герцеговины.

После возобновления в 1858 г. отношений с Черногорией царское правительство, руководимое желанием не дать Турции и Австрии закрепиться в Черногории, приняло энергичные меры для предотвращения оккупации княжества турецкими войсками. В дальнейшем русской дипломатии удалось найти выход в решении черногорского вопроса путем его трактовки лишь как обсуждения черногорско-турецкого разграничения без постановки вопроса о правовом статусе Черногории. При этом Россия старалась действовать совместно с Францией [19].

Очередное антитурецкое восстание в Герцеговине, вспыхнувшее в 1857 г. и вновь не обошедшееся без активного участия Черногории, привело к новой черногоро-турецкой войне. Власти Высокой Порты дали указание командующему турецкими силами в Герцеговине Хусейн-паше «наказать черногорцев» [20]. Однако поражение, нанесенное черногорцами превосходящим турецким войскам в битве у населенного пункта Грахово в мае 1858 г., сделало Порту более уступчивой. Под давлением России и Франции, которых из опасения перед дальнейшим русско-французским сближением поддержала Англия, турецкое правительство согласилось начать рассмотрение вопроса о разграничении с Черногорией. В итоге 27 октября (8 ноября) 1858 г. в Стамбуле состоялось подписание конвенции об установлении черногорско-турецкой демаркационной линии представителями европейских держав и Портой. Окончательный протокол был подписан 5 (17) апреля 1860 г. Помимо определения демаркационной линии, был решен вопрос о расширении пределов Черногории в сторону Герцеговины и Скутарийского санджака. К ней были присоединены Грахово, Рудина, Никшичская жупа, около половины Дробняка, Тушина, Ускоке, Липово, Верхние Васоевичи, часть Кучи и Додоши. Таким образом, территория Черногории отныне составляла около 5 тыс. км^2, а население увеличилось до 130 тыс. человек [21]. Установление границы с Османской империей не только значительно расширило государственные пределы, но и способствовало дальнейшему укреплению положения Черногории.

Однако выхода к морю Черногория не получила. Это затрудняло развитие торговых связей с другими странами и вынуждало ее транспортировать свои товары через австрийские и турецкие порты на Адриатическом море.

В борьбе за укрепление централизованной власти князю Данило пришлось преодолевать сопротивление не только в пограничных областях, в которых были сильны сепаратистские настроения — в первую очередь среди племен кучи [22] и пиперы, — но и со стороны некоторых влиятельных старейшин, имевших ранее неограниченные экономические и социальные привилегии. Во главе одной

---

[19] *Јовановић Р.* Разграничење Црне Горе и Турске... С. 217—218, 221—222.

[20] *Morrison K.* Montenegro: A Modern History... P. 26.

[21] Там же. С. 200—222.

[22] Здесь самое место отметить, что оппозиционные настроения среди племени кучи сохраняются по сей день. В частности, в 2003 г. они проявились в резком неприятии предложения властей установить в их административном центре статую князя Данило (*Morrison K.* Montenegro: A Modern History... P. 236).

из таких оппозиционных группировок стоял Перо Томов, другую возглавлял Георгий Петрович. В борьбе против оппозиции князь Данило встретил поддержку широкого круга мелких предпринимателей (торговцев, ростовщиков, нарождавшейся сельской буржуазии и пр.), хозяйственной и политической активности которых препятствовало монопольное положение семейства Петровичей. Изгнание из Черногории Перо Томова и Георгия Петровича означало победу над оппозиционерами. Однако последние, найдя убежище в Австрии, продолжали действовать против князя, готовя покушения и заговоры [23]. В результате 31 июля 1860 г. Данило был смертельно ранен политическим эмигрантом Тодором Кадичем. Черногорским князем стал племянник Данило Никола, в целом продолживший политику своего предшественника, и в том числе «традицию» поддержки восстаний в Герцеговине, несмотря на возражения великих держав [24].

В 1860-е гг. заметную роль в государственном управлении стали играть представители буржуазного слоя. Президентом Сената являлся воевода Мирко Петрович. Он владел мельницами, которые приносили большие доходы, торговал хлебом, используя служебные и родственные связи, вел широкую торговлю зерном, присылавшимся в качестве помощи из других стран. На спекуляции хлебом наживал огромные барыши и сам князь Никола. С конца 1860-х гг. на главную роль в управлении выдвинулся Машо Врбица, который благодаря своей ловкости и энергии нажил большое состояние. Став в 1869 г. членом Сената, Врбица захватил на пять лет откуп на торговлю всеми черногорскими лечебными травами — одним из наиболее важных продуктов черногорского экспорта [25].

В 1868 г. в Черногории была проведена финансовая реформа, ставшая попыткой упорядочить государственные доходы и расходы. Личное имущество князя было отделено от государственной казны. Управление монастырской земельной собственностью оставалось в ведении митрополита, но было поставлено под контроль государственной комиссии. Большинство монастырских земель, в том числе и владения Цетинской митрополии, стало сдаваться в аренду за уплату третьей части стоимости урожая. Значительная часть получаемых таким путем денежных средств расходовалась на содержание школ, что выступало своеобразной секуляризацией монастырских доходов [26].

Сосредоточение внимания на достижении внешнеполитических задач — таких как борьба за освобождение Герцеговины и отражение натиска Турции — вынуждало черногорцев бросать все силы на укрепление обороны страны. В 1860 г. в Черногории был введен особый налог для пополнения военного снаряжения. За счет собранных средств закупались боеприпасы и мобилизовывались внутренние ресурсы.

Принятые правительством меры по укреплению боеспособности позволили Черногории противостоять натиску Османской империи и даже первое время успешно вести боевые действия во время черногорско-турецкой войны 1862 г.,

---

[23] *Никчевић Т.* Политичке струје у Црној Гори у процесу стварања државе у XIX вијеку (Отпор стварању државе). Цетиње, 1958. С. 197, 215, 231—234.

[24] *Pavlović S.* Balkan Anschluss: The Annexation of Montenegro and the Creation of the Common South Slav State. West Lafayette, Indiana, 2008. P. 40.

[25] *Ђуровић М.* Трговачки капитал у Црној Гори у другој половини XIX и почетком XX в. Цетиње, 1958. С. 33.

[26] *Ђуровић М.* Црногорске финансије. Титойрад, 1960. С. 14—20; *Мартиновић Н.* Валтазар Богишич: Историја кодификације црногорског имовинског права. Цетиње, 1958. С. 126—127.

ставшей закономерным следствием попыток Константинополя восстановить порядок в Герцеговине. Однако турецкой армии под командованием Омер-паши, благодаря военному превосходству, удалось в конечном итоге оккупировать значительную часть территории Черногории и подойти к ее столице Цетинье. В сентябре 1862 г. был подписан мирный договор, наиболее тяжелыми условиями для черногорцев стало требование срыть фортификационные сооружения в направлении Подгорица—Спуж—Никшич, а также сооружение вдоль этой трассы укреплений (блокгаузов), в которых разместились бы турецкие войска, и отказ от помощи герцеговинцам.

Под давлением европейских держав и особенно России Порта согласилась пойти на уступки Черногории [27]. Однако полностью последствия неудачной войны 1862 г. были нейтрализованы лишь спустя несколько лет. Благодаря энергичному посредничеству в Стамбуле русского посланника Н. П. Игнатьева султанское правительство согласилось удовлетворить черногорское требование о выводе войск из Ново-Села и ликвидировать уже построенный пограничный блокгауз у горы Высочицы. К концу 1866 г. черногорская территория была окончательно очищена от остатков турецких войск. Тем не менее стоит согласиться с К. Моррисоном, указывающим на гнетущее впечатление, произведенное поражениями от Омер-паши на черногорское общество. В результате «черногорцы были вынуждены ждать еще одно десятилетие для того, чтобы взять реванш за унижение, и предлогом вновь должна была стать Герцеговина» [28].

В период подъема национально-освободительного движения на Балканах в середине 1860-х гг. Черногория начала усиленную подготовку к масштабному антитурецкому выступлению. Значительную помощь в вооружении и подготовке военных кадров ей оказывала Сербия. Правящие круги Черногории стали питать надежду, что им удастся обеспечить гегемонию в сербско-черногорском союзе путем объявления князя Николы наследником сербского престола (у сербского князя Михаила не было детей). Князь Никола поручил своему секретарю архимандриту Никифору Дучичу составить проект союзнического договора с Сербией. Затем документ был принят на Тайном совете [29]. В основу черногорского проекта были положены следующие принципы:

1. Признание наличия двух независимых княжеств — Сербии и Черногории — и полного их равноправия.
2. Неприкосновенность их территории и раздел освобожденных югославянских земель с включением Боснии и половины Старой Сербии в состав Сербского княжества, а Герцеговины и остальной части Старой Сербии — в состав Черногории.
3. Устройство на общих принципах законодательства, суда и администрации.
4. Объединение Сербии и Черногории в единое государство в случае прекращения одной из правящих династий [30].

Князь Михаил и глава сербского правительства Илия Гарашанин полностью отвергли черногорский проект. Гарашанин вообще испытывал мало доверия

---

[27] *Павичевић Б.* Црна Гора у рату 1862. године. Београд, 1963.

[28] *Morrison K.* Montenegro: A Modern History... P. 27—28.

[29] Историја Црне Горе. Књ. 4. Т. 2. Подгорица, 2004. С. 114.

[30] *Јовановић Р.* Политички односи Црне Горе и Србије 1860—1878. Цетиње, 1977; *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила (Први Балкански савез). Београд, 1963. С. 283—284; *Шкеровић Н.* Из односа измену Србије и Црне Горе // Историјски записи. 1951. Св. 1.

к черногорским правителям и, в частности, резко отрицательно относился даже к самому факту провозглашения Черногории княжеством, считая данный шаг «фатальным событием для судьбы сербства» [31]. Самого князя Данило в свое время сербский премьер назвал «безумцем», «не ведающим, что на него нашло» [32].

В качестве основы соглашения лидеры Сербии предложили собственный вариант образования государства, трактуемого ими как «Великая Сербия». И черногорская сторона на это согласилась.

В итоге 23 сентября (5 октября) 1866 г. между Сербией и Черногорией был подписан договор о союзе «в целях совместного участия в освобождении и объединении сербского народа» [33]. В нем гегемония в будущем государстве была обеспечена Сербии, так как правящей династией были признаны Обреновичи. Князь Никола согласился отказаться от своих прав на престол, но Петровичам обеспечивался ранг членов княжеской семьи и большие привилегии (цивильный лист князя Николы исчислялся в 20 тыс. дукатов) [34].

Заключение сербско-черногорского союза, который являлся одним из звеньев на пути создания Балканского союза, имело прогрессивное значение, поскольку способствовало объединению сил югославянских народов (хотя и на монархической основе) в борьбе против османского гнета. Как не без оснований указывает американская исследовательница Барбара Елавич, «основной упор по-прежнему делался на присоединение территорий, считавшихся историческими сербскими землями» [35].

Справедливым представляется и мнение черногорского историка Йована Бойовича, подчеркивающего, что именно «династические интересы» вкупе с противодействием со стороны Вены «представляли собой препятствие для объединения Черногории и Сербии» [36].

Действительно, формально согласившись заключить союзнический договор с Сербией, князь Никола продолжал лелеять мечту о приоритете в югославянском национально-освободительном движении и обеспечении за собой решающей роли в будущем объединенном государстве. Официальные круги Черногории постоянно испытывали опасения, что усиление Сербии создаст им дополнительные трудности в борьбе за руководящую роль в антиосманском выступлении. Поэтому они с неудовольствием встретили известие о том, что князь Михаил возбудил перед Портой вопрос о ликвидации на сербской территории оставшихся четырех турецких крепостей. Князь Никола расценивал это как использование Сербией союза с Черногорией для достижения собственных целей [37].

После того как Порта пошла на уступки Сербии, согласившись очистить ее территорию от турецких гарнизонов, князь Никола и воевода Мирко Петрович решили выступить в Стамбуле с требованием территориального расширения Черногории. По сути дела это было возвращение к старым методам черногорской политики. Однако попытка добиться в 1867 г. при поддержке Франции

---

[31] *Павичевић Б.* Данило I Петровић Његош. Књаз црногорски и брдски. 1851—1860. Београд, 1990. С. 69—70.

[32] Писма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу. Т. I. Београд, 1931. С. 75.

[33] *Skakun M.* Balkan i velike sile... S. 21.

[34] *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије... С. 283—284.

[35] *Jelavich B.* History of the Balkans: Eighteenth and Nineteenth Centuries. Cambridge, 1983. P. 333.

[36] *Бојовић Ј.* Поводом 70 годишњице Југославије // Историјски записи. Година LXI. Свеска 3—4. 1988. С. 6.

[37] *Јовановић Р.* Политички односи... С. 142—143.

удовлетворения черногорских требований успеха не имела. Наполеон III стремился лишь к ликвидации Балканского союза, отнюдь не намереваясь содействовать удовлетворению черногорских требований о территориальном расширении. В конечном итоге Франция согласилась ходатайствовать перед Портой только о предоставлении черногорцам права аренды территорий в районе Скадарского озера, что было ими отвергнуто.

Провал дипломатических переговоров в Стамбуле свел на нет французское влияние в Черногории[38]. Князь Никола убедился, что без поддержки Петербурга нельзя рассчитывать на удовлетворение черногорских требований, и стал всецело ориентироваться на Россию. Он поспешил восстановить дружеские отношения с Сербией, а после смерти князя Михаила снова поставил вопрос о собственном лидерстве в национально-освободительном движении югославянских народов. Никола надеялся, что Черногория выступит в роли Пьемонта, а себя представлял вторым Виктором Эммануилом.

В начале 1869 г. черногорский князь Никола в первый раз посетил Россию. В Петербурге ему оказали радушный прием, особенно в славянофильских кругах. Правительство заявило, что по-прежнему будет поддерживать Черногорию, и предоставило ей значительные денежные средства. Однако амбициозные претензии князя Николы никак не поощрялись: ему посоветовали поддерживать дружественные отношения с Сербией.

Поездка черногорского князя в Петербург, следование русской ориентации в то время, когда Сербия продолжала проводить политику сближения с Австро-Венгрией, — все это способствовало укреплению авторитета князя Николы среди балканских народов, прежде всего герцеговинцев, и создавало почву для укрепления его честолюбивых мечтаний[39].

В 1870 г. сербское регентство предложило князю Николе подписать военную конвенцию, в основу которой было положено сербско-черногорское соглашение 1866 г., содержащее условие об отречении от престола династии Петровичей в пользу Обреновичей в случае создания южнославянского государства. В проекте определялась численность черногорской армии и предусматривалось ее подчинение сербскому командованию, а также выдвигалось требование о присоединении к Сербии Герцеговины, исключавшейся из театра будущих военных действий Черногории[40]. После получения из Цетинье ожидаемого отказа принять такие условия сербские регенты решили пойти на уступки Черногории: снять династический вопрос и отказаться от территориальных претензий на Герцеговину[41]. Вместе с тем они предложили после освобождения от османского гнета предоставить самому народу право решить, какая династия станет во главе южнославянского государства. Однако никаких реальных шагов по подготовке совместного вооруженного выступления балканских народов против Османской империи Сербия в конце 1860-х — начале 1870-х гг. решила не предпринимать.

---

[38] *Алексић Љ.* Став Француске према захтеву Црне Горе за територијално проширење 1867. године // Историјски гласник. 1955. Св. 3—4. С. 125—131.

[39] Историја Црне Горе... С. 125—127.

[40] *Јовановић Р.* Политички односи... С. 196—199, 210—211.

[41] *Чубриловић В.* Босански устанак 1875—1878. Београд, 1930. С. 196—198; *Јовановић Р.* Политички односи... С. 259, 148; Записи Јеврема Грујића. Књ. 3. Београд, 1923. С. 161—176.

Албания в 60–70-е годы XIX века: реформы Танзимата, новые освободительные акции*

18 февраля 1856 г. султан Абдул-Меджид издал Хатт-и хумайун (высочайший указ), положивший начало новому этапу танзиматских реформ в Османской империи. Хатт-и хумайун подтверждал и расширял обязательства Порты, содержавшиеся в Гюльханейском хатт-и шерифе 1839 г., относительно предоставления христианам и другим немусульманским жителям Османской империи равных прав с мусульманами в администрации, судах, при налогообложении. Новый указ содержал также обещание искоренить злоупотребления в различных сферах управления и провести ряд экономических преобразований.

На основе и в развитие Хатт-и хумайуна 1856 г. в Османской империи был принят ряд законодательных актов, касавшихся преобразований в сфере имущественных отношений, администрации, судопроизводства. Аграрный закон 1858 г. и другие постановления расширили права наследования мирийских и вакуфных земель, разрешили их залог и продажу за долги — таким образом, земли этой категории приобретали черты буржуазной земельной собственности. Было также законодательно закреплено право иностранцев владеть недвижимым имуществом в Османской империи. Согласно закону о вилайетах 1864 г., Османская империя приобретала новое административное деление. При этом при руководителе каждой административной единицы — вилайета (провинции), санджака (округа), казы (уезда) — создавались меджлисы (консультативные советы), в которые входили представители как мусульманского, так и немусульманского населения. Закон о вилайетах закрепил разделение Албании между несколькими административными единицами. Албанские районы оказались в Битольском, Янинском, Скутарийском (Шкодринском) и Косовском вилайетах. В эти вилайеты вошло и многочисленное славянское (а в Янинский вилайет — и греческое) население. Почти чисто албанским оказался только пограничный с Черногорией небольшой Скутарийский вилайет, население которого турецкие власти рассчитывали использовать для защиты границы.

Была проведена и судебная реформа. Наряду с продолжавшими существовать шариатскими судами была создана система светских судов, в которых формально могли участвовать и представители немусульманских общин. Были опубликованы уголовный и коммерческий кодексы, повторявшие статьи аналогичных кодексов западных стран, прежде всего буржуазной Франции.

Танзиматские реформы, несомненно, были связаны и с социально-экономическими сдвигами внутри Османской империи. Эти реформы, оставлявшие в неприкосновенности абсолютистскую форму правления Османской империи, все же создавали определенные возможности для дальнейшего расширения сферы товарно-денежных отношений и развития капиталистических форм хозяйства. Однако выглядевшие на бумаге либерально и прогрессивно реформы

* В главах настоящей книги, посвященных Албании, наряду с другими работами, использованы материалы коллективного труда: Краткая история Албании. М., 1992. В нем намечена основная канва истории Албании 60–70-х гг. XIX в.

превращались в руках местных властей в орудие произвола по отношению к населению. Претворение в жизнь положений реформ о равенстве всех подданных перед законом и другие правовые нормы, заимствованные у буржуазного Запада, встречали яростное сопротивление консерваторов, цепко державшихся за феодально-теократические устои Османской империи. Поэтому перемены в социально-экономических и политических условиях в европейских провинциях Османской империи шли медленно и мучительно. Сказанное в полной мере относится к Албании.

«Танзимат, так же, как и Хатт-и хумайун, — сообщал 11 марта 1861 г. из Шкодры российский консул Золотарев, — не действуют в Скутари. Этот последний акт, опубликованный после его появления, имел между тем только один результат — предоставление турецким властям большей свободы в осуществлении своих желаний». Касаясь же деятельности меджлиса в Шкодре при губернаторе провинции, в которой принимали участие — формально на равных условиях с мусульманами — и христиане, консул писал: «Христианский элемент представлен в меджлисе двумя католиками и одним православным, но он существует только для формы. Или из опасения подвергнуться преследованию со стороны властей, или из страха оказаться объектом мщения мусульман, но христиане никогда не осмеливаются поднять голос против произвольных мер. Вся их работа в меджлисе состоит в том, что они ставят свои печати на решения, принятые мусульманами, которые даже не дают себе труда спросить их мнение, — решения, которые, впрочем, им неизвестны, так как они написаны по-турецки, и никто из них не знает этого языка. Местные советы различных городов пашалыка, избранные из самых фанатичных людей, с отвращением относятся ко всякого рода нововведениям и делают все возможное для того, чтобы сорвать осуществление благих намерений своего правительства» [1].

Впрочем, в Стамбуле не проявляли большой настойчивости в претворении в жизнь собственных решений, касавшихся предоставления гражданских прав немусульманскому населению. Первостепенное значение здесь придавали другому аспекту реформ — централизации власти и подавлению всякой самостоятельности, которой пользовалось население некоторых областей в дореформенные времена. Реформы эти нанесли новый удар по позициям албанской феодальной аристократии, которые и так уже ослабли в результате ликвидации полунезависимых албанских пашалыков в 20—30-е гг. XIX в. Между тем для многих в Албании эта аристократия олицетворяла национальную власть. В январе 1862 г. российский консул в Битоле М. А. Хитрово писал: «В Албании все зиждется на этой древней мусульманской аристократии, которая утратила с введением Танзимата и другими реформами Новой Греции все, кроме влияния своего на народ». По словам консула, ни один из членов албанской аристократии, за немногими исключениями, «не допускается до отправления государственных должностей, замещаемых преимущественно стамбульскими чиновниками» [2]. Но к этому следует добавить, что в дальнейшем Порта, нуждаясь в услугах албанских феодалов, стремилась улучшить отношения с ними.

Нуждаясь в средствах для содержания сильно разбухшего административного и военного аппарата, а также для уплаты процентов по займам, полученным

[1] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. СПб. Главный архив. 1—9. Оп. 8. 1815—1878 гг. Д. 1, ч. 2. Л. 703, 708.

[2] Там же. Л. 769.

от западных держав в годы Крымской войны, Порта закручивала в своих провинциях налоговый пресс. Так, население Янинского вилайета, в который входила почти вся Южная Албания, в 60-е гг. XIX в. платило ежегодно налоги в размере 22 млн курушей; в начале же 1870-х гг. эта сумма выросла до 30 млн курушей[3].

Для того чтобы выколотить из албанского населения побольше денег, османские правители прибегали к увеличению абсолютных ставок налогов. Ушр (десятина), например, вопреки своему названию, официально взимался с 1867 г. уже в размере 15 %. Фактически же размер ушра был еще больше, так как Порта, вопреки своим неоднократным обещаниям, оставила в неприкосновенности откупную сумму, и в ходе продажи и перепродажи ушра с торгов цена его значительно увеличивалась. Другим способом увеличения налогообложения была ликвидация различных привилегий, включая налоговые льготы, которые завоевали для себя албанские горцы в ходе упорной вековой борьбы. Чтобы заставить платить налоги жителей горных районов, Порта не останавливалась перед применением военной силы. Так, после предпринятой в 1860 г. военной экспедиции в горы Дибры прибывшим сюда турецким чиновникам удалось собрать в виде налогов 1,5 млн курушей (до этого ежегодно сбор составлял 50 тыс. курушей)[4]. Тяжесть налогового бремени усугубляли злоупотребления и поборы наместников Порты в Албании. На это их толкала и сложившаяся в прежние века (оставшаяся без изменений и в эпоху Танзимата) система так называемых пешкешей[5], когда получавший высокое место сановник обязан был отблагодарить султана большим денежным подарком. Прибыв в назначенную ему для управления провинцию, губернатор старался как можно быстрее компенсировать свои расходы за счет местного населения. Со своей стороны, султан и его придворные были заинтересованы в частой смене правителей провинций, чтобы струя этих денежных подношений не иссякала. В результате, в Скутарийском вилайете за 40 лет (1831—1871) сменилось 52 вали (губернатора), и каждое очередное назначение несло новые финансовые тяготы для жителей[6]. Естественно, что реформы Танзимата, не принесшие албанцам ничего, кроме усиления налогового гнета и попрания прав их самоуправляющихся общин, вызывали всеобщее недовольство. Новый этап реформ Танзимата не только возлагал новые тяготы на широкие слои населения, но и грозил местной аристократии утратой значительной части власти. По словам автора одной из заметок об Албании, поступивших в МИД России в 60-е гг. XIX в., «Албания, с ее феодальными предводителями, крайне недовольна оттоманским правительством, и с того момента, когда Порта захочет перейти к планируемым реформам во внутренней организации этой провинции, это недовольство неизбежно проявится»[7].

Прогноз российского дипломата, как мы увидим, оправдался. Помимо недовольства проведением реформ Танзимата, на подъем освободительной борьбы в Албании свое влияние оказали и вести с другого берега Адриатики, где разворачивалось мощное народное движение за освобождение и объединение Италии. Герой этой освободительной борьбы Джузеппе Гарибальди был горячим побор-

---

[3] Historia e popullit shqiptar. Tiranë, 2002. Vëll 2. F. 114. В середине XIX в. 15 курушей (пиастров) равнялись одному рублю серебром.

[4] Historia... Vëll 2. F. 116—117.

[5] Пешкеш — дар, подношение (*тур.*).

[6] Historia... Vëll 2. F. 114.

[7] АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. 1—9. Оп. 8. 1815—1878 гг. Д. 1, ч. 2. Л. 828.

ником освобождения не только итальянского, но и других народов, томившихся под чужеземным игом. Он считал необходимым объединение сил и взаимопомощь угнетенных народов, предсказывая наступление времен, когда после свержения ига Габсбургов и Османов на обоих берегах Адриатики будут жить свободные народы. Внимание итальянского революционера привлекла и судьба албанского народа. Этому способствовало то обстоятельство, что в отрядах гарибальдийцев сражалось много арберешей — потомков албанцев, поселившихся в Южной Италии в Средние века. В 1862 г. Гарибальди готовил экспедицию на Адриатику с целью освобождения Венеции. На острове Корфу был создан центр для связей с Балканами. Гарибальдийские эмиссары объезжали Албанию и другие балканские провинции Османской империи. По просьбе албанцев Гарибальди посылал им оружие. Хотя внутренние и внешние препятствия помешали осуществлению плана адриатической экспедиции, контакты с деятелями итальянского национально-освободительного движения не могли не оказать большого воздействия на патриотически настроенных албанцев. Именно с этим была связана предпринятая в 1862 г. попытка молодых шкодринских интеллигентов придать более широкий характер выступлениям горцев Северной Албании в защиту местной автономии и своих традиционных привилегий.

Ареной действий шкодринской патриотической группы стала Мирдита. Эта область, населенная горцами-католиками, обладала большим военным потенциалом. Жители ее, хорошо владевшие оружием, издавна практиковали ремесло наемных солдат. Область во все времена турецкого господства пользовалась значительной автономией и управлялась наследственными правителями из рода Гьомарка, имевшими титул «капитана Мирдиты». С представителем этого рода, стоявшим у власти в Мирдите в 50—60-х гг. XIX в., — Биб Додой — установили контакт патриотически настроенные интеллигенты Шкодры. Они намеревались создать в Мирдите автономное или независимое княжество, которое стало бы ядром национального государства.

В 60-х гг. XIX в. планы эти в определенных рамках поощрялись французской дипломатией. В соответствии с провозглашенным Наполеоном III «принципом национальностей» французские дипломаты стремились укрепить влияние своей страны на Балканах посредством поддержки национальных стремлений балканских народов. Этой цели, с точки зрения французских дипломатов, отвечало бы и создание в Северной Албании католического княжества с Биб Додой во главе. Льстя честолюбию маленького албанского правителя, Наполеон III прислал ему в подарок дорогую саблю вместе с личным письмом на имя «князя Албании Биб Доды» [8]. Отношение к французскому плану других держав было неоднозначным: Италия поддержала его, Россия же и Англия, считая, что осуществление плана приведет к усилению влияния католических держав в Албании, начали ему противодействовать.

Но споры дипломатов вокруг французского плана создания княжества в Северной Албании оказались беспредметными, так как Биб Дода вовсе не был склонен возлагать на себя корону «князя Албании». Этот феодал занимал важное и выгодное место в системе турецкого управления в Албании — правитель Мирдиты имел титул паши и генеральский чин, получал большое жалованье от Порты и, можно сказать, врос в эту систему. Видя нежелание Боб Доды участвовать в антиосманском предприятии, один из деятелей патриотической

[8] АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. 1—9. Оп. 8. 1852 г. Д. 13, ч. 1. Л. 74.

группы Шкодры аббат Гаспер Красничи решил действовать без капитана Мирдиты и против него. Этот католический священник сделал целью своей жизни освобождение албанского народа от чужеземного ига. Албанский патриот через посредничество российского консульства в Шкодре вступил в контакт с черногорским правительством и использовал свое большое влияние на мирдитов, чтобы убедить их отказаться от участия в войне на стороне Порты.

Между тем Биб Дода, выполняя приказ турецкого правительства, начал формировать отряды добровольцев для отправки на фронт, против черногорцев. Действия правителя вызвали возмущение большинства населения. Мирдиты сожгли дома и другое имущество капитана Мирдиты, сам он бежал в Шкодру под защиту турецкого губернатора. Одновременно другие отряды горцев перерезали дорогу Шкодра—Призрен.

Порта предприняла контрмеры, арестовав руководителя движения Гаспера Красничи. Однако эта мера еще более обострила положение. Ситуация в Северной Албании приняла серьезный для турецких властей оборот. Но в августе 1862 г. турки сумели успешно завершить войну с черногорцами. Не осуществились и планы восстания в других районах Балкан, с которым инициаторы выступления в Мирдите связывали успех своего предприятия. Движение 1862 г. в Мирдите потерпело неудачу, но Г. Красничи, искренний патриот, не оставил своих планов освобождения Мирдиты из-под власти Османской империи. В сентябре 1864 г. Красничи вернулся в Ороши, центр горной области. Предварительно он посетил Белград, где пытался добиться поддержки сербского правительства в осуществлении своих освободительных замыслов. Об этих замыслах российский консул в Шкодре А. Е. Сученков сообщал: «Аббат замышляет о водворении себя владыкой племени мирдитов, по примеру бывших владык черногорских и по примеру же покойного князя Даниила[9] низложить с себя духовный сан и объявить себя мирдитским князем; словом, возобновить в Албании угасшую эпоху Скандер-Бега»[10]. Однако в ходе борьбы с приверженцами Биб Доды Г. Красничи потерпел поражение, вынужден был покинуть Мирдиту и снова попал в руки Порты. Дальнейшая судьба этого поборника национального освобождения Албании неизвестна.

Восстания албанцев против османской власти сливались с освободительными выступлениями других балканских народов, принявшими в 60-х гг. XIX в. большой размах. Все эти выступления подрывали мощь Османской империи и в конечном итоге неминуемо вели к краху ее господства в Европе. В то же время Порта, используя наличие значительного мусульманского населения в Албании, пыталась противопоставить албанцев другим балканским народам и вовлечь их в свою борьбу против их же освободительных выступлений. Иногда это удавалось. Так, несмотря на усилия Г. Красничи и его единомышленников, тысячи башибузуков[11], набранных в Албании, приняли участие в черногорско-турецкой войне 1862 г. на стороне турок. Свою роль сыграли здесь частые конфликты между албанскими и черногорскими горцами из-за владения землей и пастбищами. Четыре года спустя Порта предприняла попытку привлечь албанцев к карательным действиям против поднявшегося на освободительную борьбу населения острова Крит.

---

[9] Данило Петрович Негош, первый светский правитель черногорского государства (1852—1860).
[10] Там же. Л. 102.
[11] Башибузуки — иррегулярные части турецкой армии.

Осенью 1866 г., когда начались военные действия на Крите, турецкое командование объявило в Южной Албании вербовку в иррегулярные войска. Но эта вербовка не дала ощутимых результатов. «Народ этот, — писал российский консул в Янине А. С. Ионин о южных албанцах, — решительно отказывается оставлять свою родину и направляться в башибузуки, назначаемые в Кандию (Крит. — *Ред.*) или на границы Греции» [12]. Но все же турецким властям удалось завербовать какое-то количество албанцев, и они приняли участие в карательных операциях против восставших критян. В то же время многие албанцы присоединились к отрядам греческих повстанцев, действовавших в Эпире в период Критского восстания.

Сочувствие к Критскому восстанию проявилось и на севере Албании, в частности в Шкодре. Купцы этого города поддерживали деловые связи с Корфу, континентальной Грецией и греческими торговыми домами Триеста. Опасаясь проникновения в город эмиссаров критских повстанцев, турецкие власти приняли чрезвычайные меры. Шкодру, подобно вражеской крепости, окружили турецкие войска, вызванные с черногорской границы. В городах Тирана, Круя, Эльбасан также были приняты строгие меры для того, чтобы предотвратить какие-либо выступления населения.

Тем не менее в 1866—1867 гг. вооруженные выступления против турецкой власти произошли в Северной и Центральной Албании и в горных албанских районах Косовского вилайета. Горцы вступали в бои с турецкими жандармами, которые пытались собрать налоги и рекрутов, прогоняли турецких чиновников. Чтобы помешать разрастанию этих выступлений, Порта пошла на значительные уступки албанцам: выплачивалась денежная компенсация за убытки, причиненные турецкими войсками, был прекращен сбор налогов, всем участникам восстания дарована амнистия. Уступки эти достигли своей цели: вскоре произошел спад вооруженных выступлений.

Турецкое правительство старалось также привлечь на свою сторону албанскую знать, обещая ей различные льготы и более широкий доступ к власти. В 1866—1869 гг. в турецких правительственных кругах обсуждался план создания особого албанского вилайета с центром в Призрене. Помимо албанских земель, в состав вилайета предполагалось включить обширные территории Европейской Турции. Албанский элемент должен был, по замыслам Порты, стать своего рода противовесом усиливавшемуся освободительному движению других народов Балканского полуострова. В 60-х гг. XIX в. проявилось и стремление балканских государств, боровшихся за сохранение и упрочение своей независимости, использовать албанцев в своих политических целях.

Соседями Албании на севере и северо-востоке были Черногория и Сербия, на юге — Греция. Из них Греция имела международно-признанный статус независимого государства, Черногория же и Сербия пользовались фактической независимостью. Однако значительное греческое и славянское население продолжало томиться под игом Османской империи. И Греция, и Сербия боролись за освобождение всех своих соотечественников и объединение их под своей эгидой. Для идеологического обоснования этой справедливой борьбы выдвигались политические доктрины: греческая — мегали идеа — и сербская — «Начертание». Результатом завершения этой борьбы должно было стать появление двух больших го-

[12] *Сенкевич И. Г.* Россия и Критское восстание (1866—1869 гг.). М., 1970. С. 110.

сударств на Балканах с границами, выходящими за национальные рамки, в частности за счет присоединения земель с албанским или смешанным населением.

В 60-е гг. XIX в. Сербия была активной антиосманской силой на Балканах. Ставший в 1861 г. премьер-министром княжества И. Гарашанин, творец «Начертания», предпринял практические шаги для осуществления своей великосербской программы. Руководители Сербского княжества приступили к формированию Балканского союза, который должен был объединить силы балканских народов в предстоящей борьбе с Османской империей. Ядром Балканского союза стал союз между Сербией и Грецией, заключенный 14 (26) августа 1867 г. Договаривающиеся стороны обязывались провести необходимые военные приготовления, с тем чтобы быть готовыми к войне в марте следующего года. Договор предусматривал определенные шаги по обеспечению поддержки сербо-греческой военной акции со стороны других балканских стран и народов, в том числе албанцев. Некоторые меры в этом направлении предусматривала статья 10 договора: «Обе стороны обязуются действовать в равной мере и с помощью средств, которыми располагает каждая из них, для успеха целей этого союза у албанцев» [13]. Руководители Сербии и Греции вполне отдавали себе отчет в том, что этот свободолюбивый народ, национальные чаяния которого они игнорировали, может в немалой степени содействовать успеху борьбы за свержение османского господства на Балканах.

Еще до подписания союзного договора между Грецией и Сербией Албания стала полем деятельности агентов обоих государств — как официальных, так и неофициальных. Особую активность развило сербское правительство. Его агенты проникали в самые труднодоступные уголки страны, невзирая на трудности и опасности. Один из них, Стоян Везенков, в мае 1867 г. проехал всю Северную Албанию. Встречаясь с предводителями как мусульман, так и католиков, сербский эмиссар читал им письмо с призывом быть готовыми к восстанию против турок [14].

Некоторые албанские феодальные предводители, недовольные централизаторскими реформами Порты, готовы были сотрудничать с Сербией в подготовке антитурецкого восстания в Албании. Наиболее влиятельным из них был Джелаль-паша, потомок наследственной феодальной семьи, в прежние времена управлявшей областью Мати в Северной Албании. Сам Джелаль-паша оказал большие услуги Порте, участвуя в турецко-черногорской войне 1862 г. во главе сформированного им албанского иррегулярного корпуса, за что и был возведен в звание паши. По окончании войны он был назначен каймакамом (уездным начальником) в Дибру. Однако Порта, следуя своей политике удаления албанских феодалов из центров их влияния и власти, вскоре отозвала Джелаль-пашу в Константинополь, где он жил в своего рода ссылке, не имея какой-либо должности.

В июне 1866 г. опальный албанский феодал явился к российскому послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву и заявил ему, что «соотечественники его, оскорбленные турецким правительством, которое с некоторого времени стремится к систематическому уничтожению освященного веками порядка вещей в Албании и льгот и вольностей, предоставленных этой стране первыми ея заво-

---

[13] *Puto A.* La question albanaise dans les actes internationaux de'l époque impérialiste. Tirana, 1985. T. 1. P. 99.

[14] См.: *Сенкевич И. Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875–1881 гг.). М., 1965. С. 57.

евателями, ныне решались воспользоваться смутными обстоятельствами, чтобы силою оружия отстаивать свои права».

В своем донесении Н. П. Игнатьев излагал и конкретные планы организации восстания, имевшиеся у Джелаль-паши: «По удостоверениям албанского вождя, он может вполне рассчитывать на 20 тыс. человек, готовых начать восстание по первому призыву и вполне ему приверженных. По словам Джеляль-паши, число это совершенно достаточно, чтобы, начав восстание, продержаться против турок в продолжение по крайней мере шести месяцев в горах Албании без всякой внешней помощи. Он уверен, что впоследствии к нему примкнет большая часть Арнаутлука» [15].

Албанский вождь просил помощи России в осуществлении его планов: «Я и моя нация — мы надеемся на эту державу и оказываем ей все наше доверие; мы принимаем все, что она нам прикажет, и мы последуем путем, который она нам укажет». В это время царское правительство проводило на Балканах политику предупреждения или ограничения каких-либо конфликтов, которые могли возникнуть в связи с национально-освободительными стремлениями живущих здесь народов. Поэтому Игнатьев, заверив Джелаль-пашу в сочувствии России «всякой народности, отстаивающей справедливые свои требования», увещевал его избегать «всяких несвоевременных и необдуманных попыток» [16].

Между тем выступления в Северной Албании и Косово продолжались с неослабевающей силой. Горожане и горцы, действовавшие, как правило, на основах взаимопомощи, выступали против введения новых налогов, набора рекрутов, коррупции и поборов турецкой администрации. Порта, после подавления в 1869 г. восстания на Крите развязавшая себе руки, вернулась в Албании к политике «железной руки». Вспыхнувшие летом 1871 г. в Шкодре волнения были подавлены турецкой карательной экспедицией. Жестокие меры принимались и для разоружения горцев. Тогда же в Шкодре, при попытке турок разоружить вызванных в город для переговоров горцев, произошло столкновение, в котором более 150 горцев погибло. В 1873—1874 гг. произошли вооруженные столкновения горцев Мирдиты и Дукагини с турецкими войсками. Столкновения в Дукагини весной 1874 г. начались из-за того, что жандармы из местного населения, носившие до того национальный костюм, отказались выполнить требование властей и сменить его на турецкую форму. Все население Дукагини — католики и мусульмане — требовало также прекращения начатого турками строительства военных постов по дороге Призрен—Шкодра, проходившей через область. Турецкое командование приступило к карательным операциям против горцев, которые велись с исключительной жестокостью: сжигали деревни, убивали женщин и детей, вырезали скот. Горцы оказывали отчаянное сопротивление карателям, и турецкие власти вынуждены были отказаться от дальнейшего строительства военных постов [17]. Выстрелы в эти годы гремели и в горах Дибры и Косово — везде албанские горцы, не считаясь ни с какими жертвами, отстаивали свои свободы, свое право жить по своим, а не по турецким законам. Попытки турок покорить горы Северной Албании военной силой результатов не дали: власть турецких чиновников по-прежнему распространялась лишь на города и их окрестности.

---

[15] Арнаутлук (точнее Арнавутлук) — Албания (*тур.*).

[16] АВПРИ. Ф. Политический архив. 1866 г. Д. 1. Л. 1—2.

[17] *Сенкевич И. Г.* Албания... С. 62—63.

Параллельно с антитурецкими восстаниями в Албании продолжалась разработка идеологии национально-освободительного движения. Албанские интеллигенты — в то время еще очень немногочисленные — думали о судьбах своей родины, о путях ее обновления и освобождения. К этой плеяде интеллигентов-патриотов принадлежал Зэф Юбани (1818—1880). Сын купца из Шкодры, он получил здесь начальное образование, а затем учился в коммерческом училище на Мальте. Во время пребывания за границей Юбани вступил в контакт с демократическими кругами Западной Европы, в частности Италии. У него возникли тесные связи с образованными арбрешами. По возвращении на родину Юбани служил переводчиком, занимаясь одновременно национально-просветительской деятельностью. Диапазон ее был весьма широк: Юбани выступил как историк, лингвист, фольклорист. Многие годы он посвятил записи народных песен населения Северной Албании. В 1871 г. Юбани опубликовал в Триесте на итальянском языке «Сборник албанских песен и сказаний». В предисловии к книге албанский просветитель яркими красками рисует картину экономического и политического упада Албании под османским господством, излагает свои представления об албанском народе, его настоящем и будущем.

Как и его предшественник Наум Векильхарджи, Зэф Юбани считал албанский народ, несмотря на существование религиозных и региональных различий, единым и неделимым, верил в его способность добиться коренного улучшения своей судьбы. Как и его собрат из Южной Албании, североалбанский деятель ратовал за создание самостоятельного алфавита для албанского языка, национальную школу и национальную культуру. Он выступал за светское образование, осуждая католическое духовенство, которое в Северной Албании монополизировало образование и культуру и использовало эту монополию в антинациональных целях.

В отличие же от своего предшественника. Зэф Юбани большое внимание уделял социально-экономическим вопросам. Он был сторонником создания промышленных предприятий, железных дорог, развития морского пароходства, разработки природных ресурсов страны. Это была программа буржуазного развития Албании, и, с точки зрения албанского мыслителя, оно обеспечивалось бы введением нового законодательства, которое гарантировало бы равенство всех граждан перед законом и ликвидацию любых привилегий. Юбани считал необходимым разработку, наряду с общим для всей империи законодательством, специальных законов для Албании, основанных на «лучших национальных статутах». При этом он выступал против идеализации патриархальных норм, на которых зиждилась жизнь албанских горцев. Юбани резко осуждал обычай кровной мести — настоящий бич североалбанских гор. При этом он разоблачал и лицемерие турецких властей, которые под видом борьбы с этим варварским обычаем применяли еще более варварские методы. Юбани не одобрял и борьбу североалбанских горцев за сохранение своих привилегий и самоуправление, видя в ней проявление консервативных традиций [18]. Но при этом албанский идеолог не учитывал то обстоятельство, что упорное сопротивление горцев турецким нововведениям объективно являлось продолжением вековой борьбы албанцев за свою свободу и самобытность и что непокоренные горцы Северной Албании были основной боевой силой албанского национально-освободительного движения.

[18] Historia... Vëll. 2. F. 122—123.

Высказывания Юбани о необходимости для Албании иметь особые законы и учреждения отражали стремления нарождавшейся буржуазии к достижению национальной автономии в рамках Османской империи. И позднее многие деятели албанского национально-освободительного движения выступали за сохранение Албании в составе Османской империи при условии получения, в тех или иных пределах, автономных прав. При оценке этой тенденции следует учитывать те духовные и материальные узы, которые связывали Албанию с Османской империей. Мусульмане, составлявшие большинство албанского населения, видели в султане не только правителя, но и духовного вождя — халифа. Свою роль играли и эгоистические интересы албанского феодального класса — наиболее влиятельной общественной силы страны. Албанские феодалы имели обширные земельные владения не только в самой Албании, но и в соседних провинциях Османской империи, имели доступ в центральный аппарат управления. Несмотря на противоречия с османским правящим классом, они сохраняли с ним тесные связи.

Россия в борьбе за освобождение балканских народов

Минуло десять лет после Крымской войны, пришла пора подводить их итоги. Неприятельская коалиция развалилась, можно сказать, не отходя от стола мирной конференции, чуть позже ее участники передрались между собой. Еще в 1857 г. коварный кайзер Франц Иосиф напросился на свидание с Александром II, благоразумно не взяв с собой канцлера К. Ф. Буоля, — с кем с кем, а уж с «канальей» и «мерзавцем», по терминологии царя Николая, русские разговаривать бы не стали. Молодой Габсбург заговорил было о возрождении прежней дружбы на испытанных охранительных началах, ничто ведь не разделяет стороны помимо «несчастного» Восточного вопроса. Ему ответили, что для России оный вопрос значит больше, чем все прочие, вместе взятые. А в 1859 г. Наполеон и сардинский премьер К. Б. Кавур избавили Франца Иосифа от забот по управлению Ломбардией, добившись ее передачи появившемуся Итальянскому королевству. В году 1866-м Австрия выдворена из Германского союза Пруссией, занятой объединением германских земель железом и кровью. Франция изолирована. Англия «замкнулась в своих эгоистических интересах».

Российская дипломатия успешно приспосабливалась к новым условиям существования. Планы модернизации, или европеизации, Османской империи за стадию сочинения бумаг не выходили, христианское и мусульманское население по-прежнему разделяла стена отчуждения, недоверие к суете турецких реформаторов вокруг образования единой османской нации не проходило. Балканские народы хотели не в османов превращаться, а возрождать свою древнюю государственность, и тут в поддержку им раздавался голос российской дипломатии: северная держава готова и словом, и делом способствовать прогрессу. На балканской почве произошли свершения исторического масштаба — родилась Румыния, укрепилась автономия Сербского княжества. Греция обзавелась Ионическими островами, Белград и Афины готовились бросить вызов всей системе турецкого господства.

Но раны, нанесенные Парижским миром 1856 г., кровоточили. Вопрос о нейтрализации Черного моря, о запрещении держать в его акватории военный флот и оборонять южные пределы империи с места не двигался. И в числе стражей постылых для России условий трактата состояла Франция. А. М. Горчаков был суров в оценках: «Отсутствие военного флота на Черном море ставит нас в положение худшее, нежели в 1854 году перед лицом преобладания западных держав». Восточный вопрос может быть решен только на европейском уровне. Подобный вывод вытекал из его концепционного подхода [1].

Отклик российские пожелания встречали лишь в Берлине. С немецкой педантичностью в критические моменты в Петербурге появлялся высокий прусский представитель с заверением, что страна нисколько не заинтересована в сохранении ущемляющих интересы России статей трактата и готова поддержать

[1] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчет. 1860. Л. 95, 98.

их отмену. Ставший в 1862 г. министром-президентом Отто фон Бисмарк прекрасно понимал, что нельзя стомиллионному народу навеки запретить защиту своих границ, и извлекал из этого выгоды поистине неисчислимые, в том числе и к ущербу для Франции, обеспечивая благоприятную позицию самодержавия к объединению Германии «железом и кровью».

А перспективы сотрудничества с Францией оценивались в Петербурге все ниже и ниже, а потом сникли совершенно. «Оказалось, что под личиной согласия с нами французское правительство не прекращало комбинаций наперекор нашим взглядам». Свое место в этих комбинациях занимало стремление Наполеона превратить Румынию в «оборонительный вал и агрессивный боевой пост против нас». Горчаков с тревогой отзывался об «агрессивной враждебности... и католических устремлениях» французской политики. Попытки заручиться поддержкой Парижа в отмене постылых условий договора наталкивались на отказ: они единственный «материальный результат „славной войны, из которой мы не извлекли никакой выгоды"» [2].

Восстание 1863 г. в Польше положило конец особым отношениям Франции и России. Британский кабинет и Тюильри возглавили поборников польского движения, в которые записались немало стран, начиная со Швеции на севере Европы и кончая Португалией и Турцией на юге. А. М. Горчакову пришлось взять на себя трудную и неприятную миссию — не допустить перерастания кампании протеста в нечто более опасное, вроде разрыва дипломатических отношений. В Петербурге царила тревога, опасались войны. Генералу Э. И. Тотлебену поручили подготовить укрепления Кронштадта к обороне. Прославленный военный инженер спросил, может ли он рассчитывать на несколько недель для проведения работ? Ему ответили — да. Сейчас нам эти опасения представляются преувеличенными, ведь даже во время Крымской войны британские морские лорды считали бессмысленным расшибать лбы о гранитные валы Кронштадта и Гельсингфорса. Но — что было, то было.

В. Г. Ревуненков в своем превосходном исследовании «Польское восстание 1863 года и европейская дипломатия» именовал «европейское вмешательство за Польшу» «громоздкой колымагой», пассажиры которой занимали в плане геостратегическом совершенно разные позиции: Лондон горой стоял за сохранение Венской системы договоров, Париж домогался ее разрушения [3]. Кабинет ее величества, втянув Тюильри в конфликт с помощью французской общественности, с упоением возглашавшей: «Вив ла Полонь!», — первым же покинул колымагу.

Глава Форин-офис Д. Рассел разъяснил палате лордов, что его совершенно ошибочно считали сторонником войны с Россией: правительство «ограничится представлениями, которых от него требует достоинство Англии» [4]. Посол в Петербурге Ч. Непир заверял, что протестные ноты — лишь «законная манифестация», за коей ничего не последует. Его французский коллега герцог Н. Г. Монтебелло полагал, что коварный Альбион затеял всю свару ради того, чтобы рассорить Париж и Петербург, чего и добился. Жонд Народовый заявил, что намерен отторгнуть «от Москвы» литовские, белорусские и украинские земли, некогда входившие в состав Речи Посполитой, чем идейно обезоружил своих зарубежных покровителей. А. М. Горчакову оставалось «разъяснять» оппонентам

---

[2] *Нарочницкая Л. И.* Россия и отмена нейтрализации Черного моря. М., 1984. С. 127—128.

[3] *Ревуненков В. Г.* Европейская дипломатия и польское восстание 1863 года. М., 1957 С. 259.

[4] Там же. С. 262.

то, что им было известно: «Мятежники не требуют ни амнистии, ни автономии, ни более или менее широкого представительства». Даже безусловная независимость Царства Польского была бы для них не более чем ступенью для достижения дальнейшей цели — «владычества над провинциями, в которых огромное большинство населения русское», «расширения пределов Польши до двух морей» [5]. Польской делегации отказали в приеме в Форин-офис, она попыталась попасть в Букингемский дворец. Отпор ей прозвучал со страниц газеты «Таймс»: «Нам угрожает Варшава, проникшая в Лондон. Эта легко возбудимая раса, которая в истории проявляла себя лишь как гроза и вулкан, нанесла оскорбление Форин-офис, а теперь пытается завербовать на свою сторону королеву» [6].

Кампания протеста выдохлась, но и сотрудничеству Петербурга и Парижа в делах балканских пришел конец, полагаться в них оставалось только на себя.

* * *

Горчаков сознавал, что западная дипломатия, сооружая подпорки разваливавшейся османской громаде, занималась безнадежным делом, пытаясь изменить ход истории и загоняя ее в тупик: «Восточный вопрос, несмотря на потоки крови, в которые он обошелся Европе, более чем когда-либо далек от разрешения». Консулам на Балканах предписывалось «на базе Хатт-и хумайуна» добиваться обретения прописанных в нем прав, «действуя, однако, с осторожностью, дабы не спровоцировать преждевременных волнений» [7]. Последние, не будучи поддержаны Россией, обречены на жестокое подавление. В своих указаниях он, разумеется, умалчивал о том, что считает некоторые положения Парижского договора орудием саморазрушения султаната. В «лояльном» соблюдении трактата князь обрел орудие давления на Высокую Порту и ее западных покровителей, быстро разочаровавшихся в реформаторстве и охладевших к нему. «Про себя» Горчаков был уверен в провале затеянных преобразовательных потуг: «Оттоманская империя сейчас более чем когда-либо слаба и порабощена. Реформы, которые должны вывести ее на уровень европейской цивилизации, неохотно предоставленные и с отвращением принятые как турками, так и райей, могут лишь добавить новые элементы развала к тем, что уже изнуряют империю» [8].

* * *

Несмотря на немалые успехи, российская политика на фоне стремительного возвышения Пруссии выглядела бледновато (1864 г. — присоединение отторгнутых у Дании провинций Шлезвиг и Гольштейн, 1866 г. — разгром Австрии и установление гегемонии Пруссии в Германии). В популярной и влиятельной газете «Московские ведомости» М. Н. Катков, тогда еще либерал, бил в набат: пора России сбросить с себя личину смирения и предстать перед миром «тем, чем она всегда была и есть, — великою европейской державой, всегда готовой взяться за привычный ей меч для ограждения своей чести и достоинства, своих интересов и своего законного влияния в Юго-Восточной Европе», вернуть себе отторгнутую Южную Бессарабию, настоять на пересмотре Парижского

---

[5] *Лопатников В. А.* Пьедестал. Время и служение канцлера А. М. Горчакова. СПб., 2002. С. 327.
[6] The Times. 25.07.1863.
[7] АВПРИ. Ф. Отчеты. 1856. Л. 54; 1857. Л. 56.
[8] Там же. Л. 57.

мира. В том же духе высказывался «Голос»: «Пруссия овладела выходом из Балтики, не пора ли восстановить и свои права на Черном море?»[9]. Критики упускали из виду, что Бисмарк шел напролом и добивался цели железом и кровью, а России, прежде чем хвататься за меч, надлежало здраво поразмыслить, а не встанет ли против нее коалиция наподобие крымской, что было тогда вполне реально, если не сказать неизбежно.

Недовольство проникло в Министерство иностранных дел. Оппозицию возглавлял генерал Н. П. Игнатьев, способный дипломат, обаятельный, энергичный человек, в 32 года ставший посланником в Стамбуле, в 35 лет возведенный в ранг посла. «Москов-паша», как его звали в Турции, упорно, а часто и успешно отстаивал интересы христиан, используя и посулы, и угрозы, и подкупы высокопоставленных чиновников. Бесконечные переговоры, утомительные конференции ему доверия не внушали, с их помощью не одолеть держав, которые все более или менее враждебны России. Он верил в действенность прямого нажима на Порту и уповал на силу натиска славян и греков. В декабре 1866 и в январе 1867 гг. он направил в Петербург записки, доказывая в них, что настало время для низвержения турецкой власти в Европе, России будет достаточно сосредоточить 120-тысячную армию на границе с Австрией, чтобы та воздержалась от вмешательства в события, и 60-тысячный корпус в Закавказье, чтобы турки сидели смирно[10]. Александр II счел его доводы малоубедительными и непрактичными и встал на сторону А. М. Горчакова, убежденного в том, что частные, изолированные восстания обречены на кровопролитное подавление. В 1862 г. отчаянные черногорцы потерпели неудачу, и только вмешательство России и Франции предотвратило разгром всей страны. Однако и всеобщее восстание не принесет плодов без появления российского фактора, но тогда на сцене появится Европа, единая в своем антагонизме к России. И что же — повторение Крымской войны, затяжная схватка с непредсказуемыми последствиями, от чего избави Боже! Вывод: предоставить балканцев самим себе — значит «обрекать их на беспощадную резню». Вмешиваться — значит идти на риск европейской войны[11]. Следует поэтому оказывать на горячие балканские сердца умеряющее воздействие, дабы избежать преждевременных и неподготовленных выступлений «в убеждении, что восточный кризис, вспыхнувший до того, как силы наши и наших единоверцев будут готовы, принесет только вред». Главный фактор — российский: «Мы не можем перейти к более активной политике, пока силы России не укрепятся с осуществлением великих реформ». Надо ждать, когда наступит благоприятное время, и тогда «приступить к действию энергично и единодушно»[12]. Ждать успешного исхода пришлось долго, до середины семидесятых годов, когда разразились восстания в Боснии, Герцеговине, Болгарии, когда Сербия и Черногория вступили в вооруженное столкновение с Высокой Портой и кризис увенчался русско-турецкой войной.

А. М. Горчаков в мыслях своих заглядывал в далекое будущее, и в них появлялись сюжеты, оглашению не подлежавшие и предназначенные для ознакомления

---

[9] *Нарочницкая Л. И.* Россия и войны Пруссии 60–70 гг. XIX в. за объединение Германии. М., 1960. С. 196; *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и российско-балканских связей в 50–70-е гг. XIX в. М., 1970. С. 218.

[10] *Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Н. П. Игнатьев. М., 2004. С. 194.

[11] АВПРИ. Ф. Отчеты. 1862. Л. 12, 17.

[12] Там же. 1866. Л. 89.

с ними лишь узкого круга доверенных лиц. Он задавался вопросом: а что же произойдет после падения османского ига? И ответ звучал неутешительно, не райские кущи виделись ему на Балканах, никаких иллюзий насчет единства населявших их народов он не питал. Только Россия в состоянии сцементировать разделявшие их различия: «Что укрепляет наше традиционное влияние на Востоке, так это ненависть к туркам. Будучи освобождены от их ига, христиане последуют дорогой своих материальных интересов. Мы для них, прежде всего, конкуренты, которым нечего продавать и у которых нечего покупать». И на сцене появятся западные державы со своими товарами и капиталами, предпринимательским духом, поддерживаемые таким весомым фактором, как готовые вступить в дело эскадры. У них же в запасе имеются конституционные соблазны[13].

Царский министр Горчаков скромно умалчивал об одной неприятной истине: вставая на ноги, обретая самостоятельность, балканцы в поисках образца в государственном строительстве обращали взоры к конституционному Западу, охотников подражать самодержавию не находилось, что могло обернуться утратой позиций в регионе. Горчаков тревожился: Балканам угрожает «внутренняя анархия, внешнее соперничество, открывающее широкое поле для иностранного влияния» (понятно, откуда). Он писал несколько завуалированно, но определенно: их ожидает встреча с «восходящей западной цивилизацией» на фоне слабеющих религиозных традиций, связывающих их с Россией[14]. Министр понимал, он оставляет преемникам тяжелое и хлопотливое наследство.

* * *

На вторую половину 1860-х гг. пришлись потрясения в Османской державе, связанные с подъемом сербского и греческого национального движения. Успехи последних лет вдохновили князя Михаила Обреновича на новые дерзания: удалось укрепить автономию княжества, вооружить армию, добиться срытия двух крепостей на сербской территории, оставалось еще пять, но замыслы князя шли дальше. Он и его министр И. Гарашанин занялись подготовкой восстания с целью объединения «турецких» сербов в княжество (об «австрийских» речь пока не шла). Обратились прежде всего в Цетинье к черногорскому князю Николе. Сразу начались сложности: тот заподозрил, что дело закончится присоединением маленькой Черногории к своей более населенной и сильной соседке. Его пытались утешить рангом принца и щедрым денежным содержанием. Никола предпочитал иную комбинацию: в случае пресечения одной из династий оба княжества объединяются под скипетром уцелевшего. Расчет был шит белыми нитками: Михаил Обренович бездетен, и после его кончины совсем молодой Никола Петрович Негош имел все шансы унаследовать сербский престол. Стороны не смогли договориться и о намечаемом разграничении в Боснии и Герцеговине. Все же договор о подготовке восстания для объединения сербских земель, при немалом участии российской дипломатии, был подписан 23 сентября (3 октября) 1866 г.

Далеко не гладко шли переговоры с греками, те при разделе османского наследства претендовали на всю Македонию, сербы, естественно, требовали присоединения населенных славянами районов. О возможных претензиях с болгарской стороны и те и другие как-то забыли. Российская дипломатия, заинтере-

[13] АВПРИ. Ф. Отчеты. 1866. Л. 95, 97.
[14] Там же. Л. 88–89, 93.

сованная в сделке, воспользовалась приездом в Петербург короля Георга на обручение с великой княжной Ольгой Константиновной для того, чтобы умерить греческие аппетиты. 2 (14) августа 1867 г. состоялось подписание договора, по которому Сербия выставляла на поле боя 60 тыс. человек, а Греция 30 тыс. и флот [15]. Переговоры с молодым румынским князем Карлом Гогенцоллерн-Зигмарингеном завершились заключением скромного соглашения 20 января (1 февраля) 1868 г. Стороны заявили о своем стремлении способствовать прогрессу «в соответствии с их законными автономными правами» и выразили желание способствовать развитию взаимной торговли. Но главное, что молчаливо подразумевалось, — Румыния, в случае войны, обеспечивала сообщение с Россией.

А в отечественной дипломатии обнаружилось различие во взглядах между А. М. Горчаковым и посланником в Стамбуле Н. П. Игнатьевым, возведенным в 1867 г. в ранг посла. Министр опасался непродуманных шагов, глава военного ведомства Д. А. Милютин твердил о неготовности армии к войне, а Игнатьев верил, что объединенные славяно-греческие силы одолеют Порту. Подчиненные ему консулы деятельно способствовали выступлению, а сам он руководил работой офицеров-разведчиков по сбору информации о состоянии турецкой армии. В письмах родным Николай Павлович изъяснялся откровенно: «Инструкций мне не нужно. Путного и своевременного ответа никогда не дождешься от МИД». В семейных преданиях он запечатлелся таким: «Характер Игнатьева представлял причудливую смесь театрального блефа, грубоватой прямолинейности, взрывчатого славянского темперамента и политического коварства» [16].

Позицию отечественной дипломатии в отношении Балканского союза последовательной назвать нельзя. А. М. Горчаков сомневался в его успехе и советовал Михаилу Обреновичу не горячиться и не спешить. Видимо, не случайно в Сербии оказалась офицерская миссия, вынесшая самые неутешительные представления о состоянии вооруженных сил княжества: ощущалась острая нехватка в командном составе, его собирались пополнить лицеистами, санитарная служба отсутствовала, роль госпиталей должны были играть монастыри, запаса продовольствия и фуража не существовало, в коннице — некомплект. Генерал Д. А. Милютин рекомендовал «охлаждать неразумные увлечения единоверцев». Но все же сербы получили немалый заем (300 тыс. дукатов) и приобрели новую партию оружия, которое было переправлено в Гамбург, и оттуда некая немецкая фирма «без ведома» Милютина и Горчакова переправила его в Сербию.

Сроки выступления откладывались и откладывались, до схватки дело так и не дошло. Сербам повезло: Высокой Порте, занятой подавлением восстания на острове Крит пришлось пойти на уступки. Габсбургская монархия, потерпев в 1866 г. разгром в войне с Пруссией, выдворенная из Германского союза, залечивала раны и не могла себе позволить ввязываться в балканские дела. Когда ее посол в Стамбуле посоветовал великому визирю смириться с неизбежным и пойти навстречу сербским требованиям, последний воскликнул: «И ты, Брут!», — что свидетельствовало о знакомстве турка с античной историей.

Оставшись в одиночестве, Порта смирилась, вывела свои войска из пяти крепостей на сербской территории с оставлением в них тяжелого вооруже-

---

[15] Международные отношения на Балканах 1856—1878. М., 1986. С. 171, 172; *Нарочницкая Л. И.* Указ. соч. С. 99.

[16] *Хевролина В.* Указ. соч. С. 194; последнее свидетельство приведено в книге правнука дипломата: *Игнатьев М. П.* Семейная хроника. СПб., 1912.

ния. В Сербии отпраздновали торжество народного дела. Михаил Обренович отправился в Стамбул, где его встретили с почетом. Но в следующем году он пал жертвой интриг и междоусобиц. Балканский союз тихо скончался. Обнаружившиеся между его участниками противоречия по территориальным вопросам стали в дальнейшем тем фактором, что превратил Балканы в «пороховой погреб Европы».

* * *

В 1866 г. началось восстание греков на острове Крит под лозунгом «нерасторжимого союза с матерью родиной». Повстанцам удалось захватить горную твердыню Сфакию. Потом разнеслась весть — игумен монастыря Аркадион Гавриил взорвал пороховой погреб, предав смерти много карателей. Европейская общественность восхищалась отвагой потомков древних эллинов. А на земле Крита развернулась трагедия: османские войска сравнивали с землей деревни, уничтожали плантации оливковых деревьев, жители скрывались в горах. Наступил голод. На мятежный остров стали прибывать суда с добровольцами из Греции.

Все державы стремились избежать большой войны, но на этом их согласие кончалось. А. М. Горчаков считал «самым естественным» выходом присоединение острова к королевству, а в случае недостижимости этой цели — предоставление Криту широкой автономии наподобие существовавшей в Румынии [17]. Были выделены деньги на покупку голодающим критянам хлеба. Митрополит Филарет призвал паству к жертвам в пользу единоверцев. Отозвался и «свет», на новогоднем балу в пользу страдальцев была собрана немалая сумма.

Державы направили в критские воды военные корабли под предлогом защиты своих подданных от грозивших им бедствий. Капитан первого ранга И. И. Бутаков, командир парового фрегата «Генерал-адмирал», по своей инициативе стал вывозить с острова беженцев тысячами. Но единомыслие в российском обществе отсутствовало, появились оптимисты и пессимисты. Творить расправу на остров прибыл Омер-паша, повстанцы сражались стойко, на смену погибшим вставали новые бойцы — и так два года. Многим представлялось, что Балканы все в огне — Балканский союз, критское восстание, вечно мятежная Черногория. Газета «Современные известия» отражая подобные настроения, писала: «Если бы дело дошло до действительной борьбы, если бы только между всеми было дружное согласие, к чему тут союзники и покровители? Греция с юга, Сербия и Румыния с севера, Черногория с северо-запада, восстание в середине, — разве тут устоять хоть с двадцатью Омер-пашами?» [18]. М. Н. Катков, выступая в «Московских ведомостях», придерживался иной точки зрения: Европа «начнет сочинять всякие протоколы, подпишут какую-нибудь хартию, которую турки примут, не собираясь ее исполнять». Но и он полагал: «Единство балканских народов — вот ключ к успеху» [19]. В правительственных сферах А. М. Горчаков, министры финансов М. Х. Рейтерн и внутренних дел П. А. Валуев, шеф жандармов П. А. Шувалов стояли за действия в рамках «концерта», председатель кабинета И. П. Гагарин, глава военного ведомства Д. А. Милютин, Н. П. Игнатьев считали возможным прибегнуть к разрыву дипломатических отношений с Высокой

[17] АВПРИ. Ф. Отчеты. 1866. Л. 113–114.

[18] *Никитин С. А.* Указ. соч. С. 257.

[19] Московские ведомости. 06 (18) июня 1867.

Портой с целью побудить ее к уступкам. Возобладало мнение первых. В марте 1867 г. представители России, Франции, Пруссии, Австрии и Италии договорились о демарше в пользу критян. Британец к пятерке не примкнул, он признавал правомерность присоединения острова к Греции, но только с санкции султана. Предложение держав о проведении на Крите плебисцита Порта отвергла.

В недрах французского правительства возник план спасения Османской империи путем ампутации отдельных ее частей. Грецию при этом предполагалось вознаградить Фессалией, частью Эпира и островом Крит. В ведомстве на Певческом мосту проект подвергся сокрушительной критике. Щедрость в нем предполагалось проявить лишь там, где существовала надежда на укрепление французских позиций. Сербия, Босния, Герцеговина, Македония отдавались на произвол мусульманского государства, подпираемого Европой. Претворение проекта в жизнь разобщит, а значит и перессорит балканские народы. Россия помышляет о будущем христиан, Франция — об укреплении Османской империи, приходил к печальному выводу Горчаков.

Порта, убедившись, что ей ничего, кроме бумажных протестов, не угрожает, согласилась лишь несколько расширить административные права критских христиан.

Силы повстанцев иссякали, они обратились к королеве Виктории с просьбой о защите, но получили отказ. Множилось число инсургентов, полагавших нужным смириться, однако самые упорные еще держались. В августе 1868 г. вожди встретились в Аскариесе и вынесли решение — добиваться присоединения к Греции. По кругу пустили чашу с кровью, каждый присутствующий пригубил ее в знак клятвы. Но в октябре руководители большинством голосов высказались за обращение к державам с просьбой о посредничестве и прекращении военных действий на условии предоставления административной автономии, обеспечивающей благосостояние жителей. О присоединении к Греции — ни слова [20].

Почувствовав силу, Высокая Порта потребовала прекратить вмешательство в ее внутренние дела. В январе—феврале 1869 г. в Лондоне заседала конференция послов, по сути дела капитулировавшая перед Стамбулом. Она «рекомендовала» королю Георгу прекратить формирование отрядов волонтеров и не допускать вооружения судов для действий против Турции. А. М. Горчаков отводил душу, характеризуя ситуацию как «ублюдочную, негодную». Критянам предложили удовлетвориться введенным Портой 18 октября 1867 г. Органическим регламентом, по которому власть на Крите принадлежала губернатору и командующему войсками. Первый имел двух заместителей, христианина и мусульманина, хотя христиане на острове составляли 3/4 жителей. Восстание затухло. Горчакову оставалось признать свое бессилие.

* * *

В 1870 г. Франция тяжело, по большому счету, расплатилась за упрямое цепляние своей дипломатии за Парижский договор 1856 г., утратив в войне с Пруссией (а точнее, с коалицией германских государств во главе с нею) две провинции — Эльзас и Лотарингию. Вероятно, тесный военно-политический союз с Россией мог бы избавить ее от подобной участи. Но его надо было оплачивать отказом от поддержки нейтрализации Черного моря. Ничего опасного

[20] *Сенкевич И. Г.* Россия и Критское восстание 1866—1869 гг. М., 1970. С. 126—127.

для режима Луи Наполеона появление эскадры в Севастополе не представляло, Босфор и Дарданеллы были закрыты для прохода боевых судов. В дополнение к международному запрету по их берегам располагались сотни пушек, что делало прорыв в Средиземное море просто невозможным. Но ведь итоги Крымской войны были преподнесены французской общественности как национальный триумф, а с триумфом следовало обращаться осторожно, особенно при посыпавшихся позднее неудачах на внешнеполитическом поприще. А. М. Горчакову, когда перед ним в сентябре 1870 г. появился эмиссар находившегося в бегах французского правительства А. Тьер с намеками о поддержке, оставалось лишь выражать сочувствие. Встретили посланца приветливо, ласково, разве что слов соболезнования не произносили, чтобы не унижать поверженную державу. Горчаков с горечью сказал Тьеру: «Вы найдете здесь только живые симпатии к Франции, порожденные предпочтением, питаемым в России к Вашей родине и старою общностью интересов, давно забытых» [21]. Последние слова содержали прямой упрек: Наполеон свергнут, а Франция пожинает плоды его близорукой политики пренебрежения к российским интересам. Во французских источниках сохранились свидетельства о заявлениях Горчакова и самого императора, которые российская сторона сочла не подлежавшими тогда оглашению: министр выразил надежду на заключение в будущем союза между двумя странами, а Александр II уточнил: альянс должен быть основан «на мире, а не на войне и завоеваниях» [22]. Драчливый Наполеон отошел в прошлое, следовало думать о будущем.

В Берлин из Петербурга поступил совет — проявить в поисках мира мудрость и умеренность, воздержаться от территориальных претензий. В прусской столице, превратившейся в германскую, советом пренебрегли, только снизили сумму контрибуции с 6 миллиардов франков до 5.

Режим второй империи, поборник и защитник Парижского договора, испустил дух, и российская дипломатия не замедлила этим воспользоваться. 15 (27) октября 1870 г. в Царском Селе состоялось заседание правительства под председательством царя, единодушно высказавшееся за отмену пресловутых статей Парижского трактата. 19 (31) числа того же месяца Горчаков выступил со своим вторым знаменитым циркуляром: Россия не считает себя больше связанной со статьями договора, запрещающими ей содержать военный флот на Черном море, — говорилось в нем. Те же права возвращались султану. Россия не намерена поднимать Восточный вопрос и выдвигать территориальные претензии. Горчаков выразил согласие на созыв конференции держав для утверждения других условий договора. И главное, отмене решение императора не подлежало.

Свой циркуляр Горчаков, ставший канцлером (последним в империи!), сопроводил наставлениями адресатам. Форин-офис он уверял, что существование Османской державы можно продлить лишь с помощью отмены статей Парижского трактата, мешающих установлению гармоничных отношений между Россией и Турцией. Послу в Вене Е. П. Новикову предписывалось намекнуть в беседах, что реакция на циркуляр будет определять все в будущих связях с Петербургом. Посланнику во Флоренции следовало высоко отозваться о чувстве собственного достоинства, присущем итальянскому двору, и выразить надежду на то, что он ценит те же качества, присущие двору российскому. Наиболее

---

[21] *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 1996. Т. 2. С. 67–68.

[22] *Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе 1848–1918. М., 1958. С. 241.

резкие выражения Горчаков позволил себе в обращении к французскому кабинету, укрывшемуся тогда в Туре: причины бедствий, обрушившихся на страну, проистекают из Крымской войны и подписанного после нее мира, французы низвергли породивший зло режим Второй империи, пора приступить к искоренению зла и на международной арене[23]. Туркам разъяснили, что принятое императором решение явится залогом добрых отношений с ними.

На адресатов красноречие российского канцлера впечатления не произвело. Отовсюду поступил отрицательный ответ, Лондон сопроводил его наставлением о святости и нерушимости международных договоров. С дядей, королем Пруссии Вильгельмом, царь связался лично, подвоха с этой стороны не ожидали, в августе месяце Берлин в очередной раз отмежевался от Парижского договора. Но реакция и здесь последовала кислая: акция де учинена несвоевременно, следовало бы провести ее после завершения франко-прусской войны и заключения мира. Тогда, полагали немцы, никому не придет в голову вместе с турецкими делами заняться и непомерными прусскими претензиями к побежденному и поверженному. Но Александр Михайлович понимал — железо надо ковать, пока горячо, а в данном случае, «пока идет война, мы с большей уверенностью можем рассчитывать на благожелательность Пруссии»[24].

Естественно, переговоры о претворении в жизнь записанного в циркуляре велись в Лондоне. Первая встреча посла Ф. И. Бруннова с главой Форин-офис лордом Д. Грэнвиллом прошла в ледяной обстановке, граф встретил дипломата с каменным лицом, «он был холоден, сдержан, торжественен». И все же Бруннову показалось: «Он принял меня лучше, чем я опасался»[25].

Британец взял тайм-айут для консультаций с партнерами. Особенно хлопотать ему не пришлось — австрийцы, турки, итальянцы бросились в Лондон за советом и высказались против уступок. Но в завязавшейся переписке прозвучали нотки неуверенности. Так, австрийский канцлер Ф. Бейст признавался: «Я никогда не делал тайны из своего убеждения, что договор 1856 г. поставил Россию на Черном море в положение, недостойное великой державы». В немецкий лагерь под Парижем для «категорических объяснений» прибыл лорд Одо Рассел. Он взял было решительный тон: поставил вопрос в отношении Великобритании — «с союзниками или нет, пойти на войну с Россией». На Бисмарка его фанфаронада впечатления не произвела, он знал, что владычица морей в одиночку не воюет, и вылил на голову Рассела ушат холодной воды: русские действуют слишком мягко, им следовало бы разорвать Парижский договор, а затем, в виде уступки, согласиться на восстановление некоторых его положений. Продолжая натиск, он высказался за созыв предполагаемой конференции в Петербурге, что для союзников было равнозначно покаянию в содеянных в Крыму грехах[26].

Горчаков сознавал — номер с отклонением циркуляра не пройдет, и согласился на проведение конференции в Лондоне. Следовало, однако, обставить отступление Уайт-холла благопристойными декорациями, — никакого навязывания ему чужой воли будто бы не произошло. Некстати вмешался Бруннов, высказавшийся, ввиду громадного значения обсуждаемого вопроса, за созыв

---

[23] *Татищев С. С.* Указ. соч. Т. 2. С. 71—74; Сборник, изданный в память 25-летия управления Министром иностранных дел князем А. М. Горчаковым. СПб., 1881. С. 101—111.

[24] *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1940. С. 99; *Татищев С. С.* Указ. соч. Т. 2. С. 75.

[25] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 82. Л. 145—148, 152, 173; Д. 83. Л. 44—48.

[26] Correspondence respecting the Treaty of March 30, 1856. L., 1871. P. 14, 15, 28.

конгресса с участием глав государств. Горчаков в максимально вежливой форме сделал ему выговор: «Я ведь, дорогой барон, не почиваю на ложе из цветов». Нужно как можно меньше шума, идея конгресса перепугает прежде всего пруссаков, лучшего места для того, чтобы вытащить на свет их притязания к Франции, не придумаешь.

Ни одна из держав, помимо Пруссии, циркуляра Горчакова не признала. Поскольку отменять его российская сторона не собиралась, британцы измыслили утешительную формулировку: «Сделанная декларация означает отмену теоретического принципа без немедленного воплощения его в жизнь»[27]. Горчаков возражать не стал по той причине, что воплотить принцип в жизнь было невозможно, флоты в одночасье не возникают, на восстановление броненосных сил в Севастополе ушло 25 лет.

На пути к созыву конференции в последний момент возникло еще одно препятствие: составленное британцами приглашение представляло, по словам Ф. И. Бруннова, «обвинительный акт» против России. Он пригрозил отказом от участия в форуме. В конце концов был составлен чисто формальный листок без ссылки на циркуляр и без упоминания об отказе держав принять его[28].

17 февраля 1871 г. делегаты собрались в Лондоне под председательством графа Д. Грэнвилла. Палки в колеса его работе ставили непонятливые австрийцы, не желавшие смириться с тем, что игра проиграна. Они предложили создать в Синопе стоянку для военных кораблей западных держав, когда идея провалилась, выдвинули другую — о постройке базы в устье Дуная, — также не встретившую поддержки. Окончательный акт конференции отменял статьи Парижского договора, запрещавшие России и Турции содержать на Черном море военный флот, и подтвердил закрытие Босфора и Дарданелл для прохода боевых кораблей всех стран с оговоркой: Порта могла, в случае угрозы безопасности своим владениям, пропускать через проливы военные суда дружественных и союзных государств. В протоколе первого заседания говорилось, что впредь всякое изменение условий Парижского трактата могло совершаться лишь с согласия всех его участников[29]. Обратной силы это решение не имело.

Самые тяжелые и представлявшиеся унизительными статьи постылого трактата перестали существовать. Британская печать изливала досаду. По словам газеты «Морнинг стар», «европейские державы с мечом, подвешенным над их головами, пошли на уступки России, которая с помощью пера достигла того, ради чего готова была применить силу. Она, и только она, может поздравить себя со счастливым результатом своей беспредельно дерзкой политики»[30].

* * *

В 1873 г. случилось нечто ранее невозможное и невообразимое, образовался союз трех императоров — Германского, Российского и Австрийского. Поползли слухи о возрождении Священного союза, совершенно фантастические, потому что троица не замышляла и не учиняла походов против революционных супостатов и со своими подданными разбиралась поодиночке. Но охранительное начало

[27] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 85. Л. 165, 168, 178.

[28] Correspondence... P. 49, 50, 62, 65, 105.

[29] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1871. Д. 68. Л. 196—198.

[30] *Виноградов В. Н.* Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. М., 2005. С. 188.

в комбинации все же присутствовало, хотя и в оборонительном варианте. В бумагах Горчакова сохранились свидетельства о серьезной тревоге в связи с активностью I Интернационала: «Характер и сила этой опасной организации, проявившиеся в процессе Парижской коммуны, поразили все правительства. Они увидели в ней социальную опасность, в той или иной степени угрожающую всем» [31].

Заботы троицы были посвящены не расплодившимся социалистам, а улаживанию европейских, и прежде всего балканских, дел. Партнеры были заинтересованы в поддержании стабильности на континенте (пока что). Берлину следовало озаботиться приобщением южных немцев к прусским порядкам, что требовало и времени, и хлопот. Австро-Венгрия, выдворенная из Италии и Германии, с не прекращавшимся кипением национальных страстей, временно притихла в своих балканских притязаниях. Россия, которая всегда стояла на страже европейского мира, проводила курс на возрождение балканских народов эволюционным путем. Война устранялась из процесса как средство катастрофическое для страны и гибельное для проводившихся преобразований. Резко обострились отношения с Великобританией на почве споров о разграничении в Средней Азии. Обеспечить себе тыл на случай перерастания напряженности в открытую схватку было просто необходимо. Поэтому никаких фантастических устремлений на Востоке, крайняя сдержанность и осторожность. Александр II сказал как-то: пусть Османская империя существует, пока не придет час ее развала, тем более что заменять ее нечем.

Трудно шло сближение с «изменницей» Веной. В 1871 г. внешнеполитическое ведомство монархии возглавил представитель венгерской магнатской группировки граф Дьюла (Юлиус) Андраши. Его предшественник К. Бейст еще не расстался с мечтой о реванше, мадьяр же смирился с пребыванием Австро-Венгрии в младших партнерах у второго рейха в обмен на поддержку австрийских позиций на Балканах.

Андраши в узком кругу определял свою позицию кратко: «Протянем руку Германии и покажем кулак России» [32]. Но на секретном совещании у императора Франца Иосифа в феврале 1872 г. никто не одобрил его авантюристических замыслов. Граф Дьюла поспешил перекраситься и лгал столь упорно, изощренно и правдоподобно, что ввел в заблуждение даже опытную российскую дипломатию. Горчаков поверил в искренность своего нового австрийского партнера, тот заверял его, что лишь мир позволит сохранить баланс дуализма в монархии и избежать в ней немецкого преобладания. Послу Е. П. Новикову он представлялся чуть ли не агнцем.

Процедура оформления союза происходила не то что открыто, а можно сказать парадно. В Берлине гремели оркестры, солдаты шагали на парадах, смотрах и разводах, на торжественном обеде в Белом зале старого замка рекою лилось шампанское, множество братьев наших меньших расстались с жизнью на охоте, кайзер-дядя и царь-племянник заключали друг друга в объятия. Они и министры соревновались в произнесении миролюбивых деклараций. Но на Певческом мосту знали: Германия изыскивает возможность новой расправы над Францией без вмешательства России. Поэтому во всех случаях, предусматривавших российско-германское военное сотрудничество при нападении на одну из держав, делалось исключение для Франции в случае ее вовлечения в конфликт. Россия сохраняла

[31] АВПРИ Ф. Канцелярия. 1872. Д. 14. Л. 72.

[32] *Никитин С. А.* Указ. соч. С. 263; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1872. Л. 195.

свободу рук. Александр II счел нужным успокоить Париж: ничего против него не замышляется. Горчаков оставался убежденным сторонником сотрудничества с тогдашней третьей республикой: «Мы желаем, чтобы Франция, залечив раны, восстановила силы и заняла свое место в Европе... Какое правление ни установилось бы во Франции без различия его имени и формы, оно встретит с нашей стороны самое дружеское расположение, ибо оно не станет угрожать ни общественному строю, ни всеобщему миру, в сохранении которых мы заинтересованы» [33].

Договоренность, скрепленная подписями трех величеств, выглядела скромно и маловыразительно: в случае возникновения угрозы войны они обещали не заключать новых союзов, а договориться между собой об образе действий, которого следует придерживаться сообща.

В российском министерстве наступило время восторгов: именно согласие, установившееся между тремя дворами, дает гарантию как для избежания осложнений на Востоке, так и для предотвращения европейской конфронтации. В отношениях с Веной «вызывающее раздражение прошлого забыто, фантомы панславизма, пангерманизма, венгеро-дунайской державы низвергнуты на полагающееся им место» [34]. Появление всей этой фантастики можно приписать лишь воздействию психологического фактора: с Дуная вдруг потянуло мирным ветерком, отечественная дипломатия, засидевшаяся в одиночестве, сумела кое о чем договориться, не чуждый тщеславию император Александр чрезвычайно гордился своим участием в заключении союза и считал его своим детищем, а МИД никогда не страдал от отсутствия в нем льстецов. Усилия трех императоров привели к кратковременному успокоению на Юго-Востоке Европы. Не более того. Никаких гарантий они не принесли, что показало ближайшее будущее.

Франция неожиданно быстро восстанавливала силы. В 1875 г. началось перевооружение ее армии. Немецкая печать подняла оглушительную шумиху: растет угроза. Никто не сомневался, что Бисмарк затеял военную тревогу. Люди серьезные понимали: мощь второго рейха несоразмерна с французской. Акция готовилась грубо и топорно, совсем не в стиле Бисмарка, слывшего мастером тонких политических комбинаций. Но ведь недаром Горчаков придавал такое значение страстям в политике. Под явно надуманным предлогом готовилось сокрушение величайшей державы с более чем тысячелетней историей и рывок к европейскому господству государства, еще в начале столетия числившегося слабейшей мировой державой. Все это означало удар сокрушительной силы по влиянию, могуществу, политическому весу России. Только недавно залечили раны Крымской войны, в которой подобной цели пытались добиться Великобритания, Франция, Турция и Сардиния, — и по ничтожному поводу угроза повторялась.

Французский посол генерал А. Ш. Лефло в испуге умолял Александра о заступничестве. Тот в просимом не отказал, пообещав пресечь «достойные сожаления происки Бисмарка». Глава министерства на Кэ д'Орсе герцог Ш. А. Деказ прислал в Петербург письмо, адресованное Лефло, но предназначенное для прочтения прежде всего Александру II, из которого тот мог понять, что является «верховным правителем мира вселенной», готовым поставить под охрану своей мудрости «успокоение сердец и интересов» и покровительствовать им [35].

---

[33] *Ерусалимский А. С.* Бисмарк. Дипломатия. Империализм. М., 1968. С. 90; *Шнеерсон А. М.* В преддверии франко-прусской войны. Минск, 1969. С. 125.

[34] *Виноградов В. Н.* Указ. соч. С. 195.

[35] АВПРИ. Ф. Отчеты. 1874. Л. 153.

Конечно, не в Вену же было обращаться в связи с разбушевавшимися берлинскими подстрекателями тревог. Горчаков связался с Лондоном на предмет координации с ним своих действий и получил оттуда положительный ответ, видеть Францию под прусским каблуком там не желали. Два правительства обратились в Берлин с настоятельным советом — проявлять осмотрительность и сдержанность. И там поняли: зарвались, пора бить отбой. В апреле 1871 г. (мае по новому стилю) государь засобирался на курорт с непременным заездом в германскую столицу и позаботился пригласить с собой Горчакова. Кайзер Вильгельм заявил им, что и в мыслях не имел задирать Францию, что, видимо, соответствовало действительности. Бисмарк свалил всю вину на престарелого фельдмаршала Г. Мольтке, обозвав того молокососом. Но главной жертвой инсинуации стал Горчаков. Переданная тем информация содержала в переводе фразу, звучавшую резко: «Теперь мир обеспечен». Бисмарку она показалась оскорбительной, и в беседе с Александром он, как бы шутя, предложил поставить пьесу и в ней изобразить Горчакова в виде ангела-хранителя мира в белых одеждах. Государь не встал на защиту первого вельможи империи, покуривая и улыбаясь, он, как бы шутя, заметил, что старости свойственно тщеславие.

Отношения между канцлерами были испорчены навсегда. Бисмарк сделал выводы серьезные и для себя, и для потомков: Россия никогда не станет младшим партнером, никаких отношений, кроме уважительного равноправия не признает. Значит, следует опираться на Австро-Венгрию и укреплять связывающие с ней узы. Иначе, как он писал кайзеру, — изоляция. Нельзя оставаться в одиночестве против Франции и России, имея рядом брошенную на произвол судьбы Австрию [36].

* * *

Близилось к концу второе мирное десятилетие. Усилиями отечественной дипломатии рухнул Парижский мирный договор. Осталась и вышла на первый план задача освобождения балканских народов. Котел их недовольства накалялся. Для достижения цели необходим был народный подъем — фактор непредсказуемый, непланируемый и даже непрогнозируемый, без которого великие свершения в истории человечества не происходят. Ни малейшего сомнения в его необходимости Горчаков не допускал. И главное, без участия в процессе России повстанцы обречены на гибель, их войска — на поражение.

Но спрогнозировать события он не смог. Все — в будущем, более или менее отдаленном, а пока что — как записал Горчаков в 1874 г., — «несмотря на существующие зародыши распада, зреющие в Турции, в ближайшее время насильственный кризис ей не угрожает» [37].

5 июля 1875 г. (н. ст.) произошло первое столкновение в Герцеговине. И вспыхнул пожар — Босния, Герцеговина, Сербия, Черногория, Болгария и как венец всего, предвещавший победу и освобождение, — вмешательство России...

---

[36] *Татищев С. С.* Указ. соч. Т. 2. С. 103–105.

[37] *Виноградов В. Н.* Указ. соч. С. 205.

Дипломатия великих держав в тупике Восточного кризиса

Кризис, подобно зиме, грянул внезапно, хотя все его предвидели. «Буря долго назревала в воздухе. Турция сделалась слишком невыносимой, слишком дерзкой и одновременно слишком выродившейся, жестокой и не обладающей необходимой силой... Существование Турции сегодня лишается смысла, по крайней мере, в ее провинциях, где население решительным образом возвращается к жизни, где оно слишком соединено с цивилизацией и христианской Европой», — так резюмировал сложившееся положение консул в Дубровнике А. С. Ионин. И тем не менее канцлер А. М. Горчаков предсказывал спокойный 1875 год. По его мнению, несмотря на существующие зародыши распада, зреющие в Турции, в ближайшее время насильственный кризис ей не угрожал. Власть Высокой Порты на Балканах явно ослабевала. Румыния, Сербия, Черногория наращивали самостоятельность, принимали законы, обзаводились железными дорогами, заключали с соседями почтово-телеграфные и торговые конвенции, для скромности именуя их протоколами; их князья посещали европейские столицы гораздо чаще, чем Стамбул. Горчаков начинал верить в успех своего курса «прогрессивного статус-кво», — быть может Османская империя развалится без всяких восстаний. Александр II в состоянии некоторой растерянности спрашивал своего дядю, германского императора Вильгельма, чем же заменить султанат, буде он рухнет: «Речь идет о предотвращении, если это еще можно, полного распада Османской империи в Европе, не потому, что она совершенна, а потому, что все были бы поставлены в затруднительное положение, кем и чем ее заменить» [1].

В объятиях покровителей и союзников по Крымской войне Высокая Порта докатилась до сумы. После «победы» она за двадцать лет заключила 14 займов и обзавелась внешним долгом более чем в 6 млрд франков, в семь раз превышавшим ежегодный государственный бюджет. Около половины расходов приходилось на выплату процентов по задолженности и ее погашение. Официальный, сильно заниженный дефицит бюджета составлял 116 млн франков. В стране существовал Оттоманский по вывеске и англо-французский по капиталу банк, пользовавшийся правом эмиссии денег. Реформы 1860-х гг. закрепили привилегии иностранцев — консульский суд, право ввозить любые товары, кроме оружия, табака и соли. Низкие таможенные пошлины приводили к наводнению рынка зарубежными изделиями, местная промышленность жестоко страдала от их конкуренции. Железные дороги сооружались иноземными фирмами. Правительство утеряло контроль над финансами. Зайдя в тупик, Порта в октябре 1875 г. объявила частичное государственное банкротство, обещая вносить наличными в ближайшие 5 лет лишь половину причитавшихся платежей, но в следующем году не выплатила ничего [2].

---

[1] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008. С. 95; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчеты. 1873. Л. 44; 1874. Л. 26, 57.

[2] *Петросян Ю. А.* «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. М., 1958. С. 18–21, 73.

В июне 1875 г. началось восстание в Герцеговине, быстро перекинувшееся на соседнюю Боснию. «Известно всем и каждому, что герцеговинское восстание было возбуждено экономическим разорением страны, безобразием местных администраций и вообще безвыходным положением христианского населения, претерпевающего столько угнетений, мучений и унижений от магометанского населения и турецких чиновников», — писал в своем донесении консул в Сараеве А. Н. Кудрявцев[3]. Он и его коллеги отмечали, что после двадцати лет реформ на европейский лад в жизни христиан сдвигов в лучшую сторону не произошло. В крае, где вместе с мусульманами проживали православные сербы и католики-хорваты, беги сдавали земли откупщикам, а те, в свою очередь, крестьянам в аренду, взимая за это не 12% урожая, а четверть и даже больше, на осуществление дорожной повинности власти сгоняли жителей из далеких деревень, так что тем приходилось тратить много времени на дорогу туда и обратно. Администрация не платила причитавшихся денег при работе с лошадьми. Заптие (полицейские) свирепствовали. Они — «язва для края»: «чего только они не делают, чтобы нанести вред христианам в материальном отношении, чтобы отравить их и без того грустное существование». Объедают их, наносят им всякого рода оскорбления, бьют их, поносят беспощадно все, что есть святого у христиан. Те не находят правосудия в меджлисах (судах): «Сто христиан во главе с митрополитом и самим папою в тиаре не могут соперничать со свидетельством двух мусульман». Процесс ведется на турецком языке, непонятном жителям. «Слово „гяур", поносное для христиан, здесь во всеобщем употреблении, христиан здесь иначе не зовут, как презрительным словом „гяур", или „влах", т. е. раб», — так описывал местные нравы консул в Шкодре (Скутари) И. С. Ястребов[4]. Поток жалоб на административный произвол свидетельствовал, что жизнь по-прежнему шла мимо закона. Намеченные преобразования, за малым исключением, оставались на бумаге.

Зашевелилась великодержавная дипломатия. Летом 1875 г. началась переговорная одиссея с целью урегулирования Восточного вопроса, длившаяся два года. Нельзя даже сказать, что она не завершилась ничем, ибо она тупика противоречий не покидала, слишком разным был подход ведущей троицы — России, Великобритании и Австро-Венгрии — к проблеме реформ на Балканах, чтобы стороны могли договориться. Российская дипломатия выступала за превращение Боснии, Герцеговины и Болгарии в автономные княжества, подобные Румынии и Сербии. Форин-офис придерживался доктрины статус-кво, сохранения в регионе власти Высокой Порты и территориальной целостности Османской империи. Вена гласно придерживалась той же позиции, однако в то же время заглядывалась на Боснию и Герцеговину с целью их присоединения в форме оккупации. Лондон выступал против каких-либо мер в отношении Турции, которые именовались побудительными, и допускал проведение реформ лишь с ее согласия, оставляя за Портой право абсолютного вето, что ставило большой крест даже на самых скромных проектах. «Турки, — писал консул в Дубровнике А. С. Ионин, — не понуждаемые силой, пока все не рушится над их головой, ни за что не согласились бы сжечь свои корабли, отрезать себе возможность отступления и обмана, когда горячка пройдет»[5]. В Лондоне хорошо помнили опыт полувековой давности: в 1828 г. Россия получила свободу рук в Восточном

[3] Донесение консула в Сараеве А. Н. Кудрявцева от 10 дек. 1875 г. // Россия и восстание... С. 190.
[4] Там же. С. 133–135.
[5] Донесение консула в Сараеве А. Н. Кудрявцева от 10 дек. 1875 г. // Россия и восстание... С. 147.

вопросе, разгромила Турцию в войне, нанесла сокрушительный удар ее могуществу; Адрианопольский мир 1829 г. ознаменовался укреплением автономных прав Дунайских княжеств и Сербии и открыл дорогу к независимости Греции[6]. Подобного эксперимента Форин-офис повторять не собирался и встал горой на защиту прав Высокой Порты.

Вену ценой величайших усилий российского МИД удалось подвигнуть на выработку программы скромных преобразований в Турции. Нота Андраши (декабрь 1875 г.), названная так по имени главы ее внешнеполитического ведомства графа Дьюлы Андраши, предусматривала: 1) свободу вероисповедания для христиан, 2) ликвидацию откупной системы при аренде земли, 3) улучшение аграрных отношений, 4) использование взимаемых с провинций налогов на удовлетворение только их нужд, 5) создание комиссии из мусульман и христиан для наблюдения за ходом реформ. Высокая Порта согласилась со всем, кроме пункта 4, грозившего крупными потерями казне. Важнейший третий пункт отличался полным отсутствием конкретики относительно мер в аграрной сфере. Остальные положения предусматривали улучшения в системе турецкого управления и не содержали даже намека на предоставление восставшим провинциям автономии. Христиане требовали наделения их землей, султан же, заявляли в ответ представители власти, не может ограбить своих верных подданных мусульман, отобрав у них земли в пользу бунтовщиков-христиан[7]. Никакого посягательства на прерогативы Высокой Порты нота не содержала. Не к тому стремились повстанцы, не о том мечтали в Белграде и Цетинье, помышляя о присоединении Боснии к Сербии и Герцеговины к Черногории. Нота встретила резко отрицательный отклик в южнославянской среде. Повстанцы не собирались складывать оружие. Российский МИД убедился в печальной для себя истине: он считал ноту отправной точкой для развертывания преобразований, Вена же рассматривала ее осуществление как их завершение. Посыпались резкие суждения в адрес венцев. Н. П. Игнатьев, немало потрудившийся для того, чтобы добиться согласия держав на отправление ноты, сам считал ее «ничтожеством». Боснийцы ее отвергли, «по их мнению, — сообщал из Сараева консул А. Н. Кудрявцев, — нота графа Андраши была сделана для спасения Турции и гибели славян. Славяне, впрочем, нисколько тому не удивились, ибо от венгерца не ожидали других действий». Господствовало убеждение, что дальше бумаги преобразования в Турции не пойдут. А. Н. Кудрявцев информировал посла Н. П. Игнатьева: «Здешние мусульмане не хотят и слышать о новых льготах и правах, которые христиане могут получить. В особенности назначение христиан на должности, на посты губернаторов и каймакамов приводит их в исступление: „Как, — говорят они, — нами будут повелевать гяуры — никогда!"» За «фикцию» в виде ноты Андраши, был уверен Игнатьев, инсургенты не обменяют «преимущества, уже завоеванные героической борьбой»[8].

Что касается их вождей, то они реагировали на ноту продуманно и дипломатично. Они выразили признательность державам за проявленную о них заботу, высоко оценили благородные принципы, в послании заложенные, но выразили досаду по поводу отсутствия в бумаге указания на средства для достижения высоких целей и сами их перечислили: учреждение «особого управления» Бос-

---

[6] Международные отношения на Балканах. 1815–1830. М., 1983. С. 275.

[7] Россия и восстание... С. 174, 250.

[8] Там же. С. 225, 227, 200, 177.

нии и Герцеговины (иными словами — предоставления им автономии), «переход спахийских земель к земледельцу» (т. е. подрыв феодальной мусульманской системы землевладения). Пусть Порта выведет свои войска из провинций, оставив 5 тыс. человек в городах, восстановит разрушения и позволит христианам носить оружие. И тогда они вернутся к своим очагам.

Со стороны графа Д. Андраши раздалось сердитое ворчание. Он не намерен ни на волос отступать от своего творения. Нота из «туманной декларации принципов» превращалась в четкий план преобразований. Последовало уточнение со стороны повстанцев: они настаивали на передачу христианам одной трети имевшейся у бегов земли [9].

Отклонение повстанцами ноты сделало дальнейшую дискуссию вокруг нее беспредметной.

Лето 1876 г. нанесло еще один удар по надеждам на освобождение христиан. В июле месяце Сербия и Черногория объявили войну Высокой Порте. Сербская армия потерпела поражение, хотя и была пополнена пятью тысячами добровольцев из России и возглавлял ее генерал М. Г. Черняев. Турецкие войска были остановлены вблизи Белграда российским ультиматумом с угрозой прервать со Стамбулом дипломатические отношения (октябрь) [10]. Славянских сил явно недоставало для достижения успеха.

Неудачи преследовали Россию и на дипломатическом фронте. Встреча канцлеров трех империй: — Германской, Российской и Австрийской — в Берлине 13 мая 1876 г. увенчалась принятием меморандума, в котором державы подтвердили свое желание подвигнуть Порту к принятию ноты Андраши и провести переговоры с восставшими. В случае их неудачи стороны обещали принять действенные меры «в интересах всеобщего мира», не обозначив их конкретно. Франция и Италия поспешили присоединиться к беззубой декларации, но британский Форин-офис усмотрел в ней посягательство на суверенные права Порты, продемонстрировав тем самым, что Османская империя имеет прочную опору в лице владычицы морей [11].

От встречи двух императоров, Александра II и Франца Иосифа, сопровождаемых министрами иностранных дел, 26 июня (8 июля) 1876 г. уже отчетливо веяло порохом. Бытующее в историографии представление о заключении в Рейхштадте соглашения не соответствует действительности. На самом деле существуют записи Горчакова и Андраши о возможных итогах кризиса в двух вариантах — на случай победы Турции и на случай успеха повстанцев. Записи никем не были подписаны и имели значительные расхождения. Запись Горчакова в оптимальном варианте предвидела присоединение Герцеговины к Черногории и Боснии к Сербии с вознаграждением Австрии «турецкой Хорватией и некоторыми пограничными частями Боснии», подлежавшими определению в дальнейшем. Австрийский вариант предусматривал оккупацию провинций войсками Габсбургской монархии да Черногории отходила часть Герцеговин [12].

Луч надежды в дискуссионном беспросветье мелькнул в декабре 1876 г. — в Константинополе собралась конференция по проведению реформ в восставших областях, и результаты ее выглядели впечатляюще: Босния, Герцеговина

[9] Россия и восстание... С. 263, 249, 253.

[10] Международные отношения на Балканах. 1856—1878. М., 1986. С. 286—291.

[11] Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 203—204.

[12] Россия и восстание... С. 296.

и Болгария, разделенная на две части, получали административную автономию, в них учреждались народные собрания с представительством мусульман и иноверцев, а в Боснии и Герцеговине вводилось местное самоуправление, предусматривалась деятельность судов по уголовным и гражданским делам, упразднялись откупа, провозглашалась свобода вероисповедания. Все это было согласовано на предварительных заседаниях, без участия османских уполномоченных.

Чем объяснялась податливость английских и австрийских делегатов к доводам Н. П. Игнатьева? И в Великобритании, и в Австро-Венгрии общественность далеко не единодушно выступала за сохранение в целости и сохранности прогнившей султанской власти на Балканах. Холодный расчет побуждал к смене традиционного курса: не следует бесконечно цепляться за тень былой могучей державы. Британия, мастерская мира, обладательница богатой казны, имеет все шансы утвердить свое прочное влияние в автономных образованиях, образующихся на обломках Османской империи. Надо заботиться не о старом засохшем дереве, а о юных саженцах. Россия явно решилась выступить с мечом в руке. В Бессарабии концентрируется ударная армия. Повторять опыт 1828 г., когда оставшаяся без присмотра Россия разгромила турок, представлялось бессмысленным. В кабинете ее величества отсутствовало единство взглядов. Премьер-министр Б. Дизраэли, получивший титул графа Биконсфилда, представлял воинственную партию, глава Форин-офиса граф Э. Дерби — миролюбивую. Он не был сторонником предоставления восставшим провинциям автономных прав, странно было бы требовать этого от видного представителя партии тори, отказывавшей ирландцам в гомруле. Но глава знаменитой ланкаширской фамилии считал преступным развязывать на балканской почве новую Крымскую войну и выступал за урегулирование Восточного вопроса на базе умеренных реформ. Он именовал повстанцев «варварским маленьким народом», недостойным автономии. Премьер Б. Дизраэли выражался решительнее: «Это ужасное герцеговинское дело можно было бы уладить в неделю, обладай турки должной энергией»[13]. Послу П. А. Шувалову он заявил, что боснийцы и герцеговинцы не к реформам стремятся, а к независимости. Посол в Стамбуле сэр Генри Эллиот бестрепетно сообщал о «зверствах» повстанцев, призывал «не жалеть усилий» ради быстрейшего подавления движения и объявлял сведения о жестокостях карателей «чудовищно преувеличенными»[14].

В турецких водах бросила якоря сильная, в составе 10 броненосцев, британская эскадра, что было сочтено поддержкой жесткой позиции Высокой Порты. Однако при подавлении Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии власти проявили такую «энергию», что британские сердца дрогнули. Башибузуки (мусульманские добровольцы), славившиеся особой свирепостью, подавили восстание в духе своих традиций, вырезав население целых сел, сооружая пирамиды из отрубленных голов «бунтовщиков». 30 тыс. жертв заплатили болгары за попытку сбросить иноземное и иноверческое иго. Тем не менее Дизраэли долго и упорно отказывался верить поступавшим сведениям о жестокости расправ. Г. Эллиот настоял на посылке в Турцию броненосной эскадры. Берлинский меморандум

---

[13] Восточный вопрос... С. 210; *Seton-Watson R. W.* Disraeli, Gladston and the Eastern Question. L., 1935. P. 22; АВПРИ. Ф. Посольство в Лондоне. 1876. Д. 425. Л. 247—248.

[14] Parliamentary Debates (PD). 3-rd ser. V. 230. P. 1486, 1491—1493.

вообще не был передан Высокой Порте — вручать его под жерлами пушек на судах ее величества не было смысла.

Однако прервать поток информации из Турции кабинет оказался не в силах. Первые сведения о том, что творилось, опубликовала либеральная газета «Дейли ньюс» 18 мая; в июне число сообщений увеличилось, в июле сведения о расправах заполонили страницы печати. В районы восстаний и бедствий выехали британские и американские журналисты и российский вице-консул в Филиппополе (Пловдиве) А. Н. Церетелев. Их отчет в виде брошюры появился в августе в Одессе. Мир ахнул. Британская общественность реагировала на эти ужасы быстрее законодателей. Р. Шэннон в своем исследовании насчитал 500 собраний, заседаний, митингов протеста. Каноник Лиддон выступил с гневной проповедью в лондонском соборе Святого Павла. Солидарность с югославянами выразили Ч. Дарвин, философ Г. Спенсер, поэты У. Моррис и Р. Браунинг [15]. Форин-офис посетили многочисленные депутации — «Лиги помощи турецким христианам», дельцов Сити, объединения сельскохозяйственных рабочих. Граф Дерби в сентябре–декабре получил 6 тыс. меморандумов, заявлений, деклараций, 44 тыс. женщин направили свой протест непосредственно королеве Виктории. Ирландцы связывали осуждение протурецкой политики правительства с собственным угнетенным положением, их ораторы говорили об английском гнете над изумрудным островом [16].

В Палате общин 10 и 17 июля прозвучали неприятные для кабинета запросы. По словам А. Манделлы, «факты так потрясающи, что английские газеты не в состоянии их описать». «У нас, — продолжал он, — великолепный флот в Безикской бухте, мы держим посла в Константинополе, и мы вынуждены питаться газетной информацией „о делах, позорящих человечество, являющихся одной из самых кровавых страниц в его истории"» [17].

Воспользовавшись приступом подагры, постельным режимом и свободным временем, виднейший либерал, бывший премьер-министр Вильям Юарт Гладстон, еще не великий старец, но уже народный Вильям взялся за перо и написал бичующий памфлет «Ужасы в Болгарии и Восточный вопрос», разошедшийся во многих тысячах экземпляров и переведенный на много языков. Автор обличал в нем не только обветшавшее турецкое господство на юго-востоке Европы, но и его доброжелателей и покровителей на берегах Темзы: парламент поздно приступил к обсуждению больного вопроса и уделил ему мало внимания, «приближалось время спортивного календаря, на который никто не смеет посягнуть», — иронизировал автор, намекая на пристрастие парламентариев к охоте на лис. В итоге «Великобритания оказалась морально ответственной за самые низкие и черные преступления, совершенные в нашем столетии». Появление в турецких водах эскадры ее величества в двадцать вымпелов (включая вспомогательные суда) мир расценил как покровительство султанскому режиму. «От себя» Гладстон добавлял и кое-что другое: флот расположился наилучшим образом для того, чтобы в случае распада Османской империи захватить ее лучшие куски [18]. Он доказывал, что если в умах балканцев укрепится убежде-

[15] *Seton-Watson R. W.* Op. cit. P. 111.

[16] *Shannon R. T.* Gladston and the Bulgarian Agitation. L. 1963. P. 149.

[17] PD. 3-rd ser. V. 230. P. 1184–1186.

[18] *Gladston W. E.* Bulgarian Horrors and the Question of the East. L., 1876. P. 8, 9, 40–42. Памфлет перевел на русский язык К. П. Победоносцев, дав ему неудачный заголовок «Болгарские ужасы...».

ние, что «Россия — их опора, а Англия — их враг», то Россия станет хозяином будущего юго-восточной Европы. «Правительство ведет в высшей степени неразумную игру». Даже у англичан открываются глаза, общественность начинает опасаться, что отстаивание неприкосновенности султанской державы, чем занимается кабинет, означает для Турции возможность «безнаказанно творить безмерные дикости и удовлетворять разнузданные и бесовские страсти». Рогатки, расставленные кабинетом на пути российских предложений о реформах, играют на руку Петербургу и открывают для него путь к войне. Заканчивался памфлет на гневной ноте: пусть османские власти «со всеми своими пожитками» уберутся из провинции, которую они «опустошили и над которой надругались». Это единственное, что осталось сделать «во имя памяти толп убитых, поруганной чистоты матрон, девиц и детей, во имя цивилизации, которую попрали и опозорили, во имя законов Господа или, если хотите, Аллаха и общечеловеческой морали» [19].

Гладстон не был одинок в своих воззрениях. Некоторые оппозиционеры и даже отдельные сторонники правительства их разделяли и помышляли о создании зоны, пояса, барьера (разные названия дела не меняют), который бы отделял Балканы от России. Они рассчитывали воздвигнуть преграду ее влиянию, пойдя в определенной степени навстречу пожеланиям народов, потворствуя созданию на Балканах государственных образований и укрепляя в них свои позиции.

Реальная обстановка не способствовала претворению в жизнь подобных замыслов. Неудача болгарского восстания, трудное положение боснийцев и герцеговинцев, поражение сербов в войне с Высокой Портой показывали, что внутрибалканских сил недостаточно для достижения успеха. И, главное, эти силы не собирались удовлетворяться ограниченным самоуправлением в составе Османской империи, а рвались к независимости. Откровенные защитники Порты в британском истеблишменте занимали влиятельные, если не сказать господствующие позиции. Их взгляды выражал посол в Константинополе сэр Генри Эллиот: «На обвинения в слепой приверженности к туркам я отвечу, что мое поведение определялось всегда не сентиментальной склонностью к ним, а твердой решимостью в меру своих сил отстаивать интересы Великобритании. Я разделяю убеждения выдающихся государственных деятелей, определявших нашу внешнюю политику, что эти интересы настоятельно требуют предотвратить распад Турецкой империи. Создается впечатление, что ныне мелкие политики и лица позволяют себе под воздействием чувства возмущенной гуманности забыть о фундаментальных вопросах. Мы можем и даже должны негодовать в связи с чудовищной жестокостью, с которой было подавлено недавнее болгарское восстание; но для Англии существует настоятельная необходимость предупредить пагубные для нее события независимо от того, 10 или 20 тыс. людей погибли в ходе подавления» [20].

Граф Дерби ответил на депешу мягким упреком ее автору: «Никакие политические соображения не оправдывают терпимости к подобным актам». Иначе реагировал Дизраэли, он сделал выговор не Эллиоту, а маркизу Солсбери за его примирительную позицию на Константинопольской конференции: «Солсбери во власти предрассудков и не понимает, что его послали в Константинополь для

[19] *Gladston W. E.* Bulgarian Horrors and the Question of the East. L., 1876. P. 51, 53, 62.
[20] Ibid.

того, чтобы не пустить туда русских, а вовсе не для того, чтобы создать идеальные условия для турецких христиан»[21].

Все попытки российской стороны подвигнуть британскую дипломатию на какие-то действенные меры в отношении Порты окончились неудачей. А просьбы и уговоры на султана и его министров не производили впечатления. В Петербурге еще раньше, в сентябре 1876 г., родилась мысль о вводе в Турцию российских и австрийских войск. По словам Шувалова, Дерби «оцепенел от ужаса», услышав эту идею. Он советовал не толкать падишаха в сторону «экстремистов» и не парализовывать его усилий, поднимая против него собственных подданных[22].

А турки преподнесли конференции оглушительный сюрприз. Неурядицы в османских верхах продолжались: султана Мурада сместили, его сменил Абдул Хамид. Спешно появилась конституция. И в самый день официального открытия конференции представлявший Порту Савфет-паша, под грохот артиллерийского салюта объявил собравшимся, что его величество только что облагодетельствовал подданных новыми законами, по которым все они обладают, независимо от конфессиональной принадлежности, равными правами, а посему христиане не нуждаются в каких-то особых привилегиях. Раздосадованным делегатам, долго корпевшим над подготовкой решений, пришлось разъехаться несолоно хлебавши.

* * *

Венская дипломатия по многим причинам не могла открыто, в лоб выступать против российских планов на Балканах. Австро-Венгрия являлась членом Союза трех императоров (Германского, Российского и Австрийского). На самом деле это был не прочный альянс, а некий совещательный орган по Восточного вопросу для принятия общих решений. Определилась общая тактика Вены — не отвергать с порога российские замыслы, а топить их в многочисленных поправках и с помощью умелой редактуры, на что высокие чиновники с Бальхауспляц были большие мастера.

Габсбургская держава не сумела воспользоваться Крымской войной для того, чтобы, как выражалась отечественная пресса, еще глубже запустить свои когти в балканскую почву. Позднее Австрия была выдворена своими соседями из Италии и Германии, в Вене существовали серьезные опасения, что за сим придет выдворение с Балкан, где крепли позиции молодых государств, прежде всего Сербии и Румынии. У обеих миллионы единоплеменников проживали в австро-венгерских землях. Белград и Бухарест грозили превратиться в центры притяжения для «австрийских» сербов и румын. Помимо этой неприятной перспективы, существовала и другая, более близкая, в виде претензий Сербии и Черногории на боснийско-герцеговинские земли и возникновения некоего Балканского Пьемонта, способного дать отпор австрийским притязаниям. Подобной опасности следовало воспротивиться. Появилась стратегическая установка — нельзя допускать создания в Юго-Восточной Европе крупного государства, следует в первую очередь пресечь объединительные поползновения сербов, что можно действенно осуществить лишь занятием Боснии и Герцеговины.

---

[21] Международные отношения на Балканах. 1856—1878. М., 1986. С. 208.

[22] АВПРИ. Ф. Посольство в Лондоне. 1876. Д. 426. Л. 264.

29 января 1875 г. состоялось секретное заседание под председательством кайзера Франца Иосифа. Основным докладчиком выступал министр императорского двора и иностранных дел граф Д. Андраши. Если Австро-Венгрия не сможет воспрепятствовать овладению Боснией и Герцеговиной со стороны Сербии и Черногории и образованию по соседству сравнительно большого славянского государства, то монархии грозит превращение в «больного человека» Европы, гласил его основной тезис. Державе следует быть начеку и готовой к любому развитию событий. Цель — присоединить Боснию и Герцеговину, превратить их в хинтерланд для далматинских владений монархии и вбить тем самым австрийский клин между двумя княжествами.

Подобная акция нуждалась в правовом оформлении и оправдании: «Мир должен видеть, что мы не завоевательную войну ведем, а лишь действуем в интересах своей безопасности и интегритета». Можно сослаться на историю: некогда эти земли входили в состав Венгерского королевства. Негоже, однако, просто так взять и отобрать у дружественной Турции принадлежащую ей территорию. И появилась формула оккупации (подразумевалось — вечной), которая, по словам графа Андраши, не должна была выглядеть аннексией. На сей день, отметил граф, трудно определить точные границы земель, на которые распространяются претензии, нельзя делить шкуру неубитого медведя, однако, многозначительно добавил он, «все мясо должно достаться Австрии, а прочим придется удовлетвориться костями» [23].

Его величество Франц Иосиф с докладчиком согласился: «Сегодня следует придерживаться идеи, что абсолютно необходимо получить для Далмации необходимый хинтерланд» и прорубить между Сербией и Черногорией территориальный коридор, следует, однако, предусмотреть в приращениях определенную сдержанность, чтобы не слишком выросла доля славянского элемента в монархии.

Совещание определило стратегическую линию Австро-Венгрии в нависшем над Балканами конфликте. Конкретику в соображения политиков внесли генералы. По их мнению, предстояло сосредоточить 150-тысячный ударный кулак в Хорватии и Далмации для последующего вторжения в Боснию и Герцеговину. Венгерский историк Й. Диосеги называл принятый Веной курс экспансией, объяснимой (точнее даже оправдываемой) оборонительными соображениями [24].

Российскому кабинету в условиях надвигавшейся войны с Турцией следовало не просто уточнить австрийскую позицию, а добиться соблюдения соседкой нейтралитета. Экспансионистские устремления партнера по союзу трех императоров стали для Петербурга очевидны после встречи в Рейхштадте. Александр II решил произвести зондаж в Берлине, чтобы выяснить отношение рейха к возможному столкновению России с Австрией. От Бисмарка поступил ответ, снабженный обычными дипломатическими любезностями, но крайне неутешительный по существу: интересы Германии будут глубоко задеты, если возникнет угроза для Габсбургской монархии, для ее положения в Европе и ее независимости. Иными словами, второй рейх не допускал разгрома Австро-Венгрии. Война с Габсбургами, буде она разразится, предстояла для России странная — без права на победу, а значит бессмысленная [25].

---

[23] Протокол заседания от 25 янв. 1875 г. // Dioszegi I. Die Aussenpolitik der Oesterreischen-Ungarischen Monarchie 1871—1877. Wien etc. 1985. S. 323, 322, 325.

[24] Ibid. P. 326, 330.

[25] Дипломатический словарь. Т. 2. М., 1950. С. 426—427.

Между тем угроза военного столкновения с Австрией являлась не плодом воспаленного воображения царских сановников, а реальной опасностью. 13 ноября 1876 г. Франц Иосиф провел совещание с генералами на предмет подготовки похода против России. В своем вступительном слове его величество заявил: уже продолжительное время ведутся тайные переговоры с русскими. Их война с Турцией — решенный вопрос. Россия рассчитывает ее выиграть при условии австрийского нейтралитета. Кайзер дважды подчеркнул, что ожидаемое подписание соглашения с Петербургом совершенно не означает союза с Россией. Далее он заявил: несмотря на договоренность, которую предстоит достичь, нет уверенности в том, что австрийские войска смогут вступить в Боснию и Герцеговину в подходящий момент. Его обуревает тревога в связи со зверствами мусульман в отношении христианского населения; исходя из соображений гуманности, его долг — придти на помощь страдальцам, а посему следует провести мобилизационные мероприятия уже зимой. Для него, продолжал кайзер, еще не ясны детали соглашения с Россией и вытекающие из него политические последствия: будут ли они полностью отвечать австрийским интересам, не нависнет ли над ними угроза. А посему следует придерживаться взятых на себя обязательств (понимай — нейтралитета) до той поры, пока не обозначатся упомянутые угрозы. Несколько туманно кайзер упомянул о революционной опасности в России, которая могла бы помешать самодержавию выполнить взятые на себя обязательства. Зато вывод звучал вполне определенно: в этой «западне» для Австрии может возникнуть необходимость вступить с Россией в войну [26].

Если рассуждения Франца-Иосифа перевести на язык фактов, обозначилась крайне опасная для России перспектива. Главный интерес Габсбургской монархии заключался в вытеснении соперника с Балкан. Судя по всему, кайзер и его окружение не собирались ограничиваться занятием Боснии и Герцеговины, а собирались обратить оружие против России, надеясь в сем сотрудничать с Великобританией. Правда, Франц Иосиф тут же заговорил о своем крайнем нежелании хвататься за меч [27]. Все будет зависеть от обстоятельств — удастся ли обзавестись союзниками? И тут же добавил деловито: «Войну с Россией следует начать, когда война (последней. — *В. В.*) с Турцией будет в полном разгаре» и «очень значительные массы русских войск передислоцируются с севера в глубину» османской территории [28]. Намечался удар в спину партнера по союзу трех императоров. Генеральный инспектор австро-венгерских вооруженных сил эрцгерцог Альбрехт добавил к соображениям кайзера свои: планируемое нападение на Россию должно выглядеть в глазах внешнего мира, как оборонительная акция (!). Перед изощренной венской дипломатией заранее ставилась задача обнаружить у российской стороны нарушение принятых на себя обязательств по еще не подписанному соглашению. Ноябрьское совещание завершилось вполне деловым обсуждением того, сколько войск надлежит сосредоточить в Галиции, откуда и нанести главный удар по России, как захватить перевалы Карпатских гор [29].

Впору задать вопрос, а не делила ли венская камарилья с Альбионом репутацию коварства? Обо всех этих кознях Петербург знать не знал, и ведать не ведал. Да, дипломатия партнера по союзу трех императоров «славилась»

---

[26] Протокол совещания от 13 нояб. 1876 г. // *Dioszegi I.* Op.cit. P. 333—334.

[27] Op.cit. P. 334, 335.

[28] Ibid. P. 338.

[29] Ibid. P. 339.

своей склонностью к интриге, но в таком двуличии ее все же не подозревали и готовились обеспечить ее нейтралитет в русско-турецкой войне с помощью тяжелых жертв (во внутренней переписке фигурировала формула «эволюции австрийской политики в английском направлении»)[30].

В январе—марте 1877 г. была достигнута договоренность, зафиксированная в Будапештской конвенции: Австрия обязалась соблюдать по отношению к партнерше доброжелательный нейтралитет в ее войне с Турцией, противодействовать вмешательству в нее других стран, соглашалась на возвращение Южной Бессарабии в состав России, которая дополнительно ко всему отказывалась от идеи образования на Балканах крупного государства. В качестве награды Австро-Венгрия получала право занять своими войсками Боснию и Герцеговину в любое удобное для себя время[31].

В Петербурге решили, что подготовились к противоборству с Турцией один на один. Граф Андраши вел себя в дальнейшем так, как будто конвенции не существовало. По прочно усвоенной привычке он лицемерил даже тогда, когда в этом не было не то что нужды, но даже смысла. По британским сведениям, он уверял турок, что венский кабинет не желает обладать Боснией и Герцеговиной, ни даже временно оккупировать их. Для него это скорее обуза, чем приобретение. Далее следовало главное: «Но в Вене и в Пеште еще в меньшей степени могут вытерпеть тот факт, что Сербия будет расширяться путем завоеваний, так что она станет центром притяжения для славян Габсбургской монархии и будет угрожать морской мощи Австрии на Адриатическом побережье». В качестве защитной меры подразумевалась оккупация Боснии и Гецеговины[32]. В дальнейшем «сербский вариант» оккупации был отброшен и заменен другим объяснением, совсем уж иезуитским. По ходу восстания из Боснии и Герцеговины в Австрию устремились беженцы, по одним данным, 200 тыс., по другим — 150 тыс. человек, доставлявших массу хлопот властям. Решено было выдворить их из страны. По австрийской версии, для их безопасности им следовало придать австрийскую охрану. Тщетно султан клялся, что возвращение можно обеспечить местными силами. Посол в Константинополе граф Ф. Зичи категорически выступал против подобного варианта. Он отказывался называть задуманную операцию оккупацией: «ведь мы позволим пребывание султанской армии в нескольких населенных пунктах, в Сараеве и других...»[33]. В дальнейшем, при осуществлении ее, австро-венгерские войска подавили сопротивление повстанцев и «задержались» в Боснии и Герцеговине на целых 40 лет.

* * *

О крайней напряженности в англо-российских отношениях можно судить по обмену репликами между Дизраэли и Александром II на закате 1876 г. Премьер-министр выступил в резиденции лорд-мэра Лондона в ноябре с прогремевшей речью: «Хотя политикой Англии является мир, не существует страны, более подготовленной к войне. Англия не та страна, которая, вступая в кампанию, спрашивает себя, выдержит ли она вторую или третью». Все восприняли

[30] Россия и восстание... С. 397.

[31] Дипломатический словарь. Т. 1. С. 303—304.

[32] Россия и восстание... С. 299.

[33] Там же. С. 493.

речь как угрозу в адрес России. Царь поднял брошенную перчатку и, выступая в Кремлевском дворце, заявил, что хотел бы прийти к общему соглашению, но, если этого не удастся достигнуть, он имеет «твердое намерение действовать самостоятельно»[34].

Рассуждая о полной боевой готовности Великобритании, Дизраэли изрядно прихвастнул. Все обратили внимание на то, что в своей речи он ни словом не обмолвился об отважных и верных союзниках короны, штыками которых обычно выигрывались английские войны. Таковые просто-напросто отсутствовали, Австро-Венгрия в альянс еще не вербовалась. А в России началась мобилизация в Одесском, Харьковском и Киевском военных округах. Главнокомандующим в Дунайскую армию царь назначил своего брата, великого князя Николая Николаевича.

* * *

Многотерпеливые дипломаты еще раз собрались в кружок в Лондоне в марте 1877 г. Встрече предшествовали трудные переговоры посла в Великобритании П. А. Шувалова с графом Э. Дерби. Тот возражал против мер в отношении Турции, именовавшихся побудительными, и требовал даже отказаться от употребления в подготавливаемых материалах слова «действия» (держав), предлагая заменить его общими фразами (демарш, меры), и настаивал на демобилизации сосредоточенной в Бессарабии российской армии, как и противостоявших ей турецких войск. Все — только с санкции Высокой Порты! Шувалов твердил главе Форин-офиса то, что тому было хорошо известно: понеся тяжелые расходы на содержание армии, ее распускать, «не имея уверенности в улучшении участи христиан», бессмысленно[35]. А султан расценил полученную от участников лондонского совещания просьбу о проведении реформ как недопустимое вмешательство во внутренние дела империи.

Дипломатическая ладья прочно села на мель. Стало ясно: остался один путь освобождения южных славян в десятой по счету русско-турецкой войне. Нелегко было принять решение. И над императором, и над канцлером Горчаковым довлел синдром Крымской войны, казалось почти невозможным избежать общеевропейского столкновения. Весомо и зримо выступал фактор общественного мнения. Солидарность со славянами проявлялась не в декларациях и манифестациях, а в действенной их поддержке рублем, медикаментами, снаряжением и порохом. В храмах, на сельских сходах, в земских управах, в дворянских собраниях и городских думах проводился сбор денег. Московский и Санкт-Петербургский благотворительные славянские комитеты пожертвовали солидную сумму — 1,5 млн рублей. И тут же скромная лепта людей, явно не обремененных большим достатком: крестьяне слободы Кукарки Вятской губернии пожертвовали соответственно 10, 2, 3 и даже 1 рубль, гимназист Преображенский из Уфы передал 13 рублей, собранных соучениками, Митя и Маша Овсянниковы прислали 3 рубля, полученные ими в подарок к празднику. И две трети средств поступило именно от малых сих[36]. «Низы» и «верхи» общества смешались в стремлении освободить славян, не останавливаясь перед войной. Э. С. Радзинский прав, когда пишет, что «война могла объединить Россию»[37]. Закупалось

[34] Международные отношения на Балканах. 1856–1878. М., 1986. С. 297; Восточный вопрос... С. 219.
[35] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 71. Т. 1. Л. 266–260.
[36] Россия и восстание... С. 171, 183, 217.
[37] *Радзинский Э. С.* Александр II. Жизнь и смерть. М., 2007. С. 312.

оружие и снаряжение, в Сербию отправлялись лазареты с оборудованием, лекарствами и персоналом — от сестер милосердия до светил медицины Н. Ф. Склифосовского и С. П. Боткина. С энтузиазмом выполнялись заказы для армии. Так, крестьяне Херсонской губернии поручили заказ — сшить 500 тыс. пар нательного белья по 1,5 рубля за пару, а сшили 700 тыс. и не взяли за это ни копейки [38]. 5 тыс. волонтеров пополнили сербскую армию, и среди них — много офицеров действительной службы, которым дома сохранялись чины и шла выслуга лет. Глашатаем движения стал Ф. М. Достоевский в своем «Дневнике писателя»: «Пора такому огромному великану, как Россия, выйти, наконец, из своей комнаты, в которой он уже дорос до потолка, на простор, дохнуть вольным воздухом морей и океанов»; «война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы живем, задыхаемся, сидя в немощи растления и духовной тесноте». Федор Михайлович был красноречив: «Великий восточный орел взлетел над миром. Не покорять, не расширять границы он хочет, а освободить и восстановить угнетенных и забитых, дать им всякую жизнь на благо человечества». Противников войны он именовал «общечеловеками» и «самооплевниками» [39].

Последние были прижаты к стене, мало кто из них решался подать голос. П. А. Вяземский сделал это в письме к другу, которое просил не сжигать. Как и Горчаков, он считал, что освобожденные народы пойдут дорогою своих интересов и не станут опорой России (самодержавной) в регионе: «Все, что делается по Восточному вопросу, — настоящий и головоломный кошмар. Правительство не видать и не слыхать, а на сцене *X* и *XX* с компаниею, они распоряжаются судьбами России и Европы. Война теперь может быть для нас не только вред, но и гибель. Лучше иметь для нас сбоку старую Турцию, слабую, дряхлую, нежели молодую, сильную, демократическую Славянию, которая будет нас опасаться, но любить нас не будет» [40].

Оппозиции войне как организованной силы не существовало. Но ведь на правителях всегда лежит обязанность слушаться не сердца, а ума, хладнокровно взвесить, к чему война может привести. Александру II принадлежат слова: «Я не менее других сочувствую христианам Турции, но ставлю выше всего интересы нашей страны. Мы не можем втягиваться в европейскую войну». Он писал Д. Милютину: «Опять вся Европа опрокинется на нас» [41]. Отсюда — маневр с заключением Будапештской конвенции в надежде на то, что от Австрии удастся откупиться. Одни в это верили, другие нет. Горчаков полагал, что на защиту Османской империи встанут Великобритания и Австро-Венгрия и тогда — общеевропейское побоище с непредсказуемыми последствиями. Министры внутренних дел и государственных имуществ придерживались той же точки зрения. Глава финансового ведомства М. Х. Рейтерн, который «после Крыма» много лет вытаскивал Россию из долговой ямы, подал записку на высочайшее имя, в которой предрекал в случае ее наступления финансовый крах, хозяйственный кризис, вынужденный отказ от проведения реформ и развитие революционного движения. Он запросился в отставку, в которой ему было отказано [42].

---

[38] *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 413.

[39] *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. Т. 25. Л., 1983. С. 65, 94,95.

[40] *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. М., 1996. С. 165–166.

[41] *Толмачев Е. П.* Александр II и его время. Кн. 2. М., 1998. С. 65; *Радзинский Э. С.* Указ. соч. С. 312.

[42] *Татищев С. С.* Указ. соч. Т. 2. С. 165–166.

Тревога охватила военных авторитетов. Стремясь к тому же, что и дипломаты, — к ограничению размаха войны, — они предлагали иные средства. Горчаков первоначально планировал малую войну с операциями до гряды Балканских гор, надеясь в подобном случае склонить Высокую Порту к сравнительно умеренному миру (Болгария к северу от них — автономное княжество, турецкие крепости на ее территории срываются, чиновники удаляются; Южная Болгария, Босния и Герцеговина получают учреждения, признанные державами и отвечающие их потребностям; Сербия, Черногория и Румыния получают территориальные приращения, последней, возможно, удастся добиться независимости; Россия возвращает себе Южную Бессарабию и присоединяет порт Батум на Кавказе, она не станет противиться «вознаграждению Австро-Венгрии Боснией и Герцеговиной» [43]).

Генералы считали дипломатов некомпетентными в вопросах войны. Главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич полагал, что «дипломатия вообще вмешивается в дела, до нее не касающиеся» [44]). Одолеть Турцию можно только взяв Константинополь (но без намерения его присоединить). Автор стратегического плана генерал Н. Н. Обручев полагал, что избежать общеевропейского столкновения можно лишь на путях блицкрига. Его взгляды несли на себе отпечаток легкомыслия, он рассчитал все по дням: до Адрианополя — 70–80 суток, буде понадобиться идти на Стамбул — еще 14, и — победа! Вся война займет 3–4 месяца [45]).

Жребий был брошен. 12 (24) апреля 1877 г. Александр II подписал в Кишиневе манифест о войне «во имя освобождения Болгарии и других балканских стран», «освобождения прочного, бесповоротного», как тогда говорилось в официальных документах [46]). Российская общественность встретила весть о ней восторженно, ликующие толпы шли по улицам Москвы и Петербурга, люди бросались друг другу в объятия. В первый раз в истории страны активным, если не решающим, фактором возникновения войны выступила общественность.

30 апреля королева Виктория подписала декларацию о британском нейтралитете. Ознакомившись с ее текстом, в российском МИД обратили внимание на многозначительный пропуск — в нем не было обычного в таких случаях обязательства «полностью воздержаться от прямого или косвенного вмешательства в войну». Посол Шувалов разузнал, что пропуск был сделан по решению кабинета [47]). Стало ясно: наряду с двумя военными фронтами, Балканским и Кавказским, придется сражаться и на третьем, дипломатическом.

---

[43]) Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. М., 1964. С. 90–91.

[44]) Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 4. СПб. 1901. С. 29.

[45]) *Газенкампф М. П.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб. 1908. Приложение 1. С. 4–5.

[46]) Особое прибавление... С. 73.

[47]) АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 70. Т. 1. Л. 284.

Босния и Герцеговина в 60–70-е годы XIX века

Одним из ключевых аспектов развития Великого восточного кризиса 1875–1878 гг. стал боснийский фактор. В системе европейских владений Османской империи Боснийский пашалык занимал в XIX в. особое место, его политико-административное положение имело специфические черты. Одной из причин этого была удаленность от центра империи и его пограничное положение, что обуславливало необходимость защищаться от внешних врагов прежде всего своими военными силами.

Особенности социально-политического развития Боснии и Герцеговины обуславливались и немалым торговым значением провинции, по территории которой пролегали торговые пути из центра империи на Адриатику и в Центральную Европу. Но в Боснийский пашалык входило и много горных, слаборазвитых в общественно-экономическом отношении районов.

В XIX в. значительную часть жителей Боснии и Герцеговины составляло исламизированное население, сохранившее сербохорватский язык. По данным 1870-х гг. мусульмане составляли 48,9 %, православные — 37,6 %, а католики — 12,7 % жителей [1]. В городах преобладали мусульмане, православных было особенно много в Герцеговине, а в северо-западной части Боснии, на границе с Хорватией, жило большинство католиков. Но в целом было мало областей, где жители одного вероисповедания проживали бы компактно. Ислам наложил глубокий отпечаток на образ жизни и культуру славян-мусульман, которые, однако, осознавали четкую разделительную грань между собой и мусульманами-турками. В XIX в. боснийские мусульмане ощущали себя особой этнической общностью как по отношению к иноверцам, так и к прочим мусульманам [2]. Наряду с конфессиональным и культурным размежеванием исламизация увеличила и социальную пропасть — между феодалами, принявшими ислам, и крестьянами, в большинстве оставшимися христианами.

Изданием Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г. начался новый период в истории Турции, период реформ, получивший название эпохи Танзимата. Свое продолжение преобразования получили в Хатт-и хумайуне 1856 г. и ряде других законодательных актов, провозгласивших курс на достижение правового равенства христиан и мусульман, создание смешанных судов, улучшение положения христианской церкви и другие реформы. Своей новой политикой турецкое правительство хотело затормозить окончательный распад империи, создать среди европейских государств иллюзию, что Османская империя становится вполне современной державой. Однако правительство натолкнулось на сильное сопротивление феодалов-мусульман, стремившихся сохранить свои привилегии. Особенно сильным это сопротивление было в Боснии и Герцеговине, где давали

---

[1] *Пејановић Л. Б.* Становништво Босне и Херцеговине. Београд, 1955. С. 74.

[2] *Фрейдзон В. И.* К истории боснийско-мусульманского этноса // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 330.

себя знать старые сепаратистские тенденции местных феодалов. Нередко Порте приходилось проводить политику преобразований в Боснийском вилайете силой. Окончательно сломить сопротивление реформам со стороны боснийско-герцеговинских феодалов Порте удалось лишь в начале 1850-х гг., прибегнув к самым решительным мерам. В Боснию была направлена большая регулярная армия во главе с Омер-пашой Латасом. Отряды местных бегов были разбиты и значительной частью уничтожены. В 1851 г. в Боснии и Герцеговине утвердилась власть центрального правительства. Энергичный политик Омер-паша Латас в 1851 г. окончательно ликвидировал спахийскую систему и в последующие годы осуществил ряд административных преобразований. Но и это не помогло. Реформы еще больше обострили внутреннюю ситуацию в провинциях, показав полную несостоятельность турецких властей в решении стоявших перед ними проблем.

Экономическое и политическое положение христианского населения несмотря на провозглашенное Танзиматом равенство христиан с мусульманами практически не улучшилось. По-прежнему кметы (крепостные крестьяне) находились под двойным гнетом: феодала и государства. Каждый крестьянин, которому феодал давал землю для обработки, хозяйственные постройки, инвентарь и скот, был обязан платить десятую часть урожая (десятину) государству, а остаток делился поровну между читлук-сахибием (феодалом) и чифчием (крепостным крестьянином). В том случае, если феодал давал крестьянину лишь часть хозяйственного инвентаря — например, только хозяйственные постройки, — а остальной инвентарь был собственностью крестьянина, тогда он получал от 1/4 до 1/3 урожая (за вычетом десятины) в зависимости от качества земли. Если феодал предоставлял крестьянину только землю, то в этом случае он получал от 1/9 до 1/5 доли урожая, но при этом крестьянин был обязан ходить на беглученье[3], т. е. принудительную работу (барщину). Размер доли феодала с урожая и продолжительность беглученья в различных районах Боснии и Герцеговины зависели от местных обычаев. В 1858 г. принудительный бесплатный труд крестьян на феодала в Боснии был отменен. Теперь крестьянин должен был платить феодалу вместо 1/5—1/3 урожая зерновых половину сена и фруктов. На практике феодалы использовали новый закон в своих интересах. Они не отказывались от беглученья, не хотели выполнять своих обязательств в отношении крестьян, но неукоснительно требовали 1/3 урожая зерновых, что было особенно тяжело для крестьян там, где раньше доля феодала в урожае была меньше. Несмотря на многочисленные запреты беглученье в Боснии и Герцеговине использовалось феодалами вплоть до 1878 г., т. е. до австрийской оккупации. Так называемый Саферский (ноябрьский) закон, принятый 13 ноября 1859 г., окончательно узаконил обычай, по которому крестьяне были обязаны платить феодалу за использование его земли 1/3 урожая[4]. Все это сопровождалось многочисленными злоупотреблениями.

Помимо «третины», другим самым тяжелым бременем для крестьян была десятина, т. е. десятая доля урожая, которую присваивало государство. Кроме этих двух основных налогов, крестьянин должен был платить еще множество менее значительных налогов и податей.

К середине XIX в. турецкие финансы оказались окончательно расстроенными. Реорганизация армии, административного аппарата, расходы на ведение

[3] Буне и устанце у Босни и Херцеговини у XIX в. Београд, 1952. С. 22—25.
[4] Там же. С. 25.

войн — все это требовало средств. Турецкое правительство было вынуждено прибегнуть к многочисленным заграничным займам. Это привело к тому, что в 1875 г. государственный долг Турции достиг астрономической цифры — 202 млн фунтов стерлингов. И это в условиях, когда ежегодный доход Турецкой империи составлял 18 млн фунтов стерлингов, из которых султан и его двор получали 2 млн[5].

Главную статью дохода государства составляла десятина. Перед восстанием 1875 г. турецкая казна получала от Боснийского вилайета 74 млн пиастров, из которых на долю десятины приходилось 30 млн пиастров. К 70-м гг. XIX в. сложился следующий механизм сбора этого налога. Обычно Порта продавала сбор десятины с определенной территории откупщикам. Десятина с каждой отдельной области продавалась на аукционе, при этом откупщик должен был сразу заплатить определенный залог, а остальную сумму — после сбора десятины[6].

Само собой разумеется, что откупщики брали с крестьян много больше положенного по закону. Излишки оседали в их карманах. Размер десятины непрерывно повышался, причем особенно быстро это происходило после 1870 г.

1874 г. в Боснии и Герцеговине выдался неурожайным. В Герцеговине урожай погиб от засухи, а в Боснии — от дождей и холодов[7]. Но даже стихийные бедствия не привели к уменьшению налогов. В 1874 г. в связи с ликвидацией внутренних таможен доходы государства сократились. С целью компенсации потерь десятина была превращена в осьмину. В ответ на это в местечке Невесинье (Герцеговина) крестьяне отказались платить видоизмененный налог. Их сопротивление было подавлено[8]. Зима 1875 г. была очень тяжелой для местного сельского хозяйства, начался падеж скота. Несмотря на это, бюджет боснийского вилайета был определен в 14 млн франков — сумму, которой он никогда прежде не достигал. Стало ясно, что величина десятины на этот раз будет небывало высокой. Нет ничего удивительного в том, что в Боснии не нашлось откупщиков, которые бы взяли на себя смелость собрать требуемый объем десятины[9]. Не помогло и продление срока аукциона. Когда все попытки продать десятину с торгов не увенчались успехом, власти решили силой принудить сельских старост взять на себя сбор данного налога. Это означало, что сельские общины практически должны были сами себя ограбить. Положение крестьян осложнялось требованием турецких властей платить десятину не в натуральной, а в денежной форме выражения. Размеры налога оказались таковы, что в некоторых районах продажа даже всего крестьянского имущества не смогла бы покрыть требуемую сумму[10].

В 1860-х – первой половине 1870-х гг. во всех балканских провинциях Османской империи назревал общественно-политический кризис. При этом в развертывании национально-освободительного движения христианского населения Боснии и Герцеговины в это время начинает играть возрастающую роль молодая торговая буржуазия, а также формирующаяся местная интеллигенция,

---

[5] *Екмечић М.* Устанак у Босни. Сарајево, 1973. С. 25.

[6] *Екмечић М.* Почетак босанског устанка 1875 г. // Годишњак друштва историчара Босне и Херцеговине. VI. 1954. С. 282.

[7] *Кондратьева В. Н.* Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине. М., 1971. С. 138.

[8] Там же. С. 139.

[9] *Екмечић М.* Устанак у Босни... С. 33–34.

[10] Там же. С. 34.

большую часть которой составляли учителя. Деятельность православной и католической церкви не только помогала развитию образования и просвещения, но и содействовала организации антиосманской борьбы.

В 1852—1853 гг., 1857—1858 гг. и 1861—1862 гг. вспыхивали восстания христианского населения Герцеговины под руководством Луки Вукаловича. Другим очагом нараставшего освободительного движения становилась северо-западная окраина Боснии — Боснийская Крайна, где восстание началось в 1858 г. Во всех этих движениях наряду с требованиями аграрного характера выдвигались также лозунги, направленные против национального гнета — в том числе об уравнении в религиозных, имущественных и судебных правах мусульман и христиан. В адресах и меморандумах, выработанных в ходе восстаний, четко прослеживалась мысль о необходимости введения административной автономии в пашалыке. Особенно остро этот вопрос был поставлен Вукаловичем во время восстания 1861—1862 гг.

Проблема политического будущего Боснии и Герцеговины в это время становится все более актуальной не только из-за расширения национально-освободительного движения, но и в виду усилившегося стремления соседних государств — Сербии, Черногории и империи Габсбургов — присоединить к своим владениям эти турецкие провинции или хотя бы их часть. Для Австрии, владевшей Адриатическим побережьем, проникновение таким путем вглубь Балканского полуострова издавна было заветным желанием. Черногорцы не скрывали своих расчетов присоединить часть Герцеговины. Правящие круги Сербского княжества провозгласили в 60-х гг. XIX в. в качестве главной внешнеполитической задачи освобождение и объединение югославянских народов вокруг княжества.

Судьба Боснии и Герцеговины стала спорной при заключении в 1866 г. союзнического договора между Сербией и Черногорией. Черногорский проект предполагал присоединение Боснии и части Старой Сербии к Сербскому княжеству, а Герцеговины и остальной части Старой Сербии — к Черногории. Но правящие сербские круги отвергли подобный вариант. В 1870 г. Белград недвусмысленно потребовал согласия Черногории на включение в состав Сербского княжества Боснии и Герцеговины.

Для идеологов освободительного движения Боснии и Герцеговины создавалась альтернатива: либо добиваться широкой административно-политической автономии, оставаясь номинально под верховной властью султана, либо идти на присоединение к соседним государствам. По этому кругу вопросов имелись различные точки зрения, разворачивалась борьба при активном влиянии и непосредственном вмешательстве со стороны Сербского княжества и Черногории. Так, усилению национально-освободительной борьбы в Герцеговине во многом способствовала политика князя Данило, а затем князя Николы, поддерживавших восстания Вукаловича, одним из требований которых было присоединение в будущем к Черногории. Ряд пограничных территорий Данило считал составной частью княжества, назначал там сердаров, распространял на них свои постановления.

Начиная с 40-х гг. XIX в. заметное влияние на национально-освободительное движение в Боснии и Герцеговине стала оказывать пропаганда идей государственного объединения югославянских народов, развернутая правящими кругами Сербского княжества и направляемая И. Гарашаниным. Она находила отклик среди боснийско-герцеговинской молодой интеллигенции, духовенства, зажиточных крестьян, мелких торговцев.

В период, непосредственно предшествовавший боснийско-герцеговинскому восстанию, соответствующие организации были созданы и функционировали в Боснии при содействии сербского правительства. Был сформирован особый руководящий центр в Белграде, главную роль в котором играли Герцеговинский архимандрит Н. Дучич, М. Любибратич и Н. Окан. Все эти люди получали ежемесячную плату от Сербского княжества (Дучич и Любибратич были известными вождями прежних восстаний в Герцеговине). На территории Боснии, а также в пограничных с ней районах Австро-Венгрии имелась целая сеть доверенных людей, в основном мелких торговцев, через которых и велась работа. Главной целью была подготовка восстания в Боснии для присоединения ее к Сербии. План, разработанный Н. Оканом в 1869 г. по указанию сербского правительства, предусматривал сначала организацию восстания в Герцеговине, а затем в Боснии посредством вторжения на ее территорию повстанческих отрядов, сформированных из боснийских беженцев, которые должны были поднять народ. После этого предполагалось объявление войны Турции со стороны Сербии и Черногории. Решающее значение в этом плане отводилось сербским и черногорским войскам.

Деятельность сербских тайных обществ в Боснии должна была охватить не только православное население, но также католиков и мусульман. В этом сказалось влияние официальной концепции сербской народности, считавшей все боснийское население сербским народом, поделенным на три веры. Среди католиков соответствующая пропаганда велась в основном через католических священников, хотя в эту деятельность был вовлечен весьма узкий круг лиц [11]. Вместе с тем делались попытки привлечь на свою сторону и представителей мусульманского населения, прежде всего феодалов-бегов. С этой целью давались обещания сохранить их земельные владения. Программа сербского правительства не учитывала классовых интересов крестьянства, стремившегося к ликвидации феодального землевладения. Естественно, она не встречала поддержки широких слоев населения. Поэтому после ряда неудач сербское правительство оставило свои планы, а начавшееся в 1875 г. восстание застало его врасплох «без какой-либо организации в Боснии» [12].

Кроме созданных с помощью сербского правительства организаций по подготовке восстания в Боснии, в начале 1870-х гг. на Балканах существовала еще одна организация — Объединенная сербская молодежь (Омладина), созданная в 1866 г. [13] Деятельность Омладины способствовала вовлечению в национально-освободительное движение на Балканах широких народных масс.

Иной была программа сербских социалистов, уделявших много внимания вопросу освобождения Боснии и Герцеговины. Известный сербский революционный демократ и социалист С. Маркович указывал, что это освобождение должно быть достигнуто не путем присоединения различных территорий к сербской монархии, а посредством общенародной революции, которая уничтожила бы все имевшиеся тогда правительства и создала бы новое, основанное на федеративном принципе демократическое государство [14]. Программа социалистов предусматривала организацию общенародного освободительного движения, в кото-

---

[11] *Екмечић М.* Устанак у Босни... С. 47.

[12] Там же. С. 53.

[13] Уједињена Омладина српска. Зборник радова. Матица Српска. Нови Сад, 1968.

[14] *Маркович С.* Избранные сочинения. М., 1956. С. 425—427.

ром крестьянству отводилась решающая роль [15]. Сербские социалисты поддерживали самые активные связи с русскими революционерами-народниками. В ходе подготовки восстания сложился русско-сербский революционный союз [16], который распался после смерти С. Марковича в 1875 г.

Накануне восстания в Боснии и Герцеговине сербские социалисты не имели эффективной организации по подготовке восстания. Можно отметить лишь усилия отдельных лиц, в частности В Пелагича [17].

Из среды гайдуков также выдвинулись организаторы восстания, такие, например, как крестьянин И. Гутич, торговец скотом С. Зечевич и другие. Уже в августе 1874 г. состоялось первое собрание по подготовке восстания, в котором, кроме вышеупомянутых лиц, принимали участие М. Гутич, И. Стеванович, Т. Грубачич, П. Радович и П. Рупар. Было сформировано руководство из 7 человек и принято решение выяснить отношение народа к восстанию [18].

1 ноября 1874 г. на собрании близ Невесинья было принято решение начать выступление уже в этом году и немедленно послать делегацию в Черногорию с просьбой об оказании помощи оружием и боеприпасами. Отрицательный ответ черногорского князя [19] вызвал разочарование среди герцеговинцев, но воинственные настроения не утихали. Вслед за невесиньцами в других районах провинции проходили сходки по подготовке к восстанию. По мнению руководителей, главной задачей повстанцев на первом этапе было освобождение от власти османов одного из центральных районов Герцеговины — Невесиньского, — чтобы затем распространить движение на другие районы.

Между тем отношения народа Герцеговины с турецкими властями приобретали все более взрывоопасный характер. Летом 1875 г. турки увеличили десятину почти в два раза, превратив ее практически в пятину [20]; крестьяне негодовали. Турецкие власти, почувствовав напряженность, потребовали во время переговоров с представителями сел Невесиньского района изгнать из этих мест гайдуческие четы П. Тунгуза и Ф. Ковачевича.

Вожди восстания согласились принять турецкое требование, опасаясь, что гайдуки какой-нибудь преждевременной акцией помешают подготовке восстания. Но П. Тунгуз не выполнил их распоряжения. В ночь с 4 на 5 июля 1875 г. он со своей четой устроил засаду на дороге Мостар-Невесинье и утром атаковал турецкий караван, направлявшийся из Мостара с продовольствием для гарнизона в Невесинье. Гайдуки убили несколько турок из охраны каравана и захватили часть продовольствия [21]. Вожди восстания, собравшись в селе Биоград, решили

---

[15] *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX в. Београд, 1958. С. 333—338.

[16] *Кушева Е. И.* Из русско-сербских революционных связей 1870 г. // Ученые записки Института славяноведения. Т. 1. 1949. С. 343—358; *Карасев В. Г.* К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х гг. XIX в. // Ученые записки Института славяноведения. Т. XXX. 1946. С. 114—130; *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. Кишинев, 1973. С. 464—473.

[17] Вопрос этот нуждается в дальнейшем исследовании. В югославской историографии нет единого мнения. В. Чубрилович, например, считает, что «социалисты первые начали организовывать восстание», в то время как М. Экмечич полагает, что социалисты непосредственно перед восстанием не имели особой организации для его подготовки и их роль не была решающей (См.: *Чубриловић В.* Указ. соч. С. 161; *Екмечић М.* Устанак у Босни. С 70).

[18] Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX в.... С. 72.

[19] *Пророковић Р.* Невесињска буна. 1874. Београд, 1905. С. 65.

[20] *Вукчевић М.* Црна гора и Херцеговина уочи рата 1874—1876 гг. Цетиње, 1950. С. 102.

[21] *Чубриловић В.* Указ. соч. С. 54—55.

послать гонцов по окрестным селам, чтобы приготовить народ к немедленному выступлению. 9 июля 1875 г. у села Креков около 90 вооруженных повстанцев вступили в бой с заптиями (полицейскими)[22].

Так в 1875 г. началось восстание в Герцеговине. Порта направила специальную комиссию для переговоров с восставшими в надежде решить конфликт мирным путем, но турецкие уполномоченные отказались удовлетворить требования герцеговинцев об уменьшении налогов. Султанский комиссар на переговорах в Невесинье Костаи-Эфендия сообщил в Сараево, что восставшие отказались прекратить сопротивление[23]. Султанские власти решили использовать регулярные войска (низам) для подавления движения. 24 июля турки предприняли первое наступление, которое было отбито. Успех, одержанный в сражении, имел большое моральное значение. На помощь невесиньцам стекались подкрепления из других районов Герцеговины. 6 августа турки потерпели новое поражение[24].

В Стамбуле пришли к выводу, что необходимо усилить правительственные войска в Герцеговине, где в это время было всего 1800 турецких солдат. В Боснии в распоряжении Дервиш-паши, главнокомандующего войсками обеих провинций, было 4 тыс. солдат низама[25]. После этого часть войск из Боснии была срочно переброшена в Герцеговину. Султанским властям помогала Австро-Венгрия. В августе 1875 г. турки получили возможность перебрасывать свои войска морем через австрийский порт Клек.

Под давлением общественного мнения вынужден был отказаться от своей нейтральной позиции по отношению к восставшим черногорский князь Никола. Он заверил герцеговинцев, что будет всеми силами помогать восстанию, поручив своему тестю, воеводе П. Вукотичу, возглавить его. Вукотич обосновался в Грахове и оттуда неофициально руководил восстанием[26]. Из Черногории в Герцеговину были посланы вооруженные отряды.

Одновременно М. Любибратич и А. Якшич, вернувшиеся из Сербии, собрали совещание герцеговинских вождей, на которое наряду с руководителями восстания были приглашены и мусульманские представители. На совещании речь шла об отношении восставших к иностранным державам, о позиции Сербии и Черногории, о путях получения оружия и боеприпасов, о лучшей организации самого восстания. Дебатировался также вопрос о выборе главнокомандующего всеми повстанческими силами на территории Герцеговины и об образовании временного правительства.

Тем временем повстанцы одержали ряд важных побед над султанскими войсками. Уничтожив несколько мелких турецких гарнизонов, расположенных в укреплениях на основных дорогах, 29 августа они предприняли нападение на Невесинье. Яростное сражение продолжалось целый день. Восставшие заняли город, захватили много оружия и продовольствия, однако взять невесиньскую крепость им не удалось[27]. В конце августа в Герцеговине насчитывалось вместе с черногорскими отрядами около 10—12 тыс. восставших. 2 тыс. повстанцев

---

[22] Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX в.... С. 78.

[23] *Чубриловић В.* Указ соч. С. 56.

[24] Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX в.... С. 79.

[25] Там же. С. 79—80.

[26] Там же. С. 80—81.

[27] Там же. С. 84.

30 сентября 1875 г. атаковали на марше двигавшиеся из гавани Клек турецкие отряды и заставили их отступить.

В боевых действиях повстанцы придерживались тактики партизанской войны; из-за отсутствия пушек и взрывчатых материалов они избегали нападений на крупные, сильно укрепленные города.

Зимой боевые действия затихли, среди повстанцев начались разногласия, основными причинами которых были отсутствие единого централизованного руководства и дисциплины и соперничество среди руководителей, подстрекаемое извне. По-прежнему П. Вукотич оставался неофициальным главнокомандующим, посредником между ним и вождями восстания был назначен священник Р. Ковачевич. Эти действия должны были замаскировать роль Черногории в руководстве восстанием. Зимой приступили к реорганизации повстанческой армии. Отряды были сведены в батальоны и взводы. Устанавливалась беспрекословная субординация, вводилась вечерняя поверка, был создан и специальный административный орган для снабжения войск боеприпасами, оружием и продовольствием [28]. Все эти меры способствовали укреплению боеспособности повстанческой армии.

Под давлением Австро-Венгрии, опасавшейся разрастания очага нестабильности, Порта согласилась весной 1876 г. на 12-дневное перемирие (начиная с 1 апреля) для проведения мирных переговоров с повстанцами, которые происходили в Суторине. Турецкая сторона и на этот раз отказалась удовлетворить требования восставших, переговоры были сорваны. Восстание продолжалось. Турки несли тяжелые потери.

В конце июня 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Турции. Это должно было принести облегчение восставшим герцеговинцам, уже год героически сражавшимся с султанскими войсками. Как только черногорские войска перешли границу Герцеговины, к ним присоединилось 6 тыс. повстанцев. Герцеговинцы участвовали в войне Черногории с Турцией в 1877 г. и в 1878 г. Они сковывали турецкие войска в Герцеговине, пока черногорцы наступали на других участках фронта. После оккупации Герцеговины Австро-Венгрией в 1878 г. ее войска разоружили 6750 повстанцев [29]. Трехлетняя героическая борьба герцеговинцев показала настоящую силу народа и стала примером для других народов Балканского полуострова.

Положение в Боснии летом 1875 г. было не менее напряженным, чем в Герцеговине. Попытка османских властей силой заставить сельских старост из северо-западной части Боснии взять на себя сбор увеличенной десятины вызвала массовые протесты. Ситуация становилась критической. Многие крестьяне с семьями начали тайно переходить через границу в Австро-Венгрию.

Весть о восстании в Герцеговине вызвала сильное возбуждение у боснийских крестьян: «На нас большое впечатление произвела отважность герцеговинцев», — писал боснийский корреспондент воеводинской газеты «Застава» [30].

Восстание в Герцеговине вынудило турецкие власти в Боснии серьезно задуматься над возможными последствиями сложившейся ситуации. Началось экстренное размещение военных отрядов во всех стратегически важных районах, в селах собирались отряды ополчения и сельской стражи из мусульман.

---

[28] Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX в.... С. 96—97.

[29] Там же. С. 111.

[30] Застава (Нови Сад). 20.08.1875.

Мусульманское население запасалось оружием[31]. Все это вызвало еще большее возбуждение среди христиан. В ряде пограничных районов велась агитация в пользу восстания. На границе с Австрией действовали социалисты: К. Угринич, М. Хорвачанин и другие. Определенные связи существовали между Угриничем и Пелагичем[32]. Социалисты непосредственно занимались подготовкой восстания[33]. Ими был разработан план его организации. Начало было назначено на 18 августа 1875 г. Но в действительности все получилось несколько иначе. Как и в Герцеговине, восстание вспыхнуло стихийно несколькими днями раньше, когда турки, возможно, имея некоторую информацию о готовящемся выступлении[34], начали массовые аресты в селах. Крестьяне ответили на эти насилия. 13 августа 1875 г. восстали жители нескольких сел в районе Приедора, 15 августа движение охватило ряд сел, расположенных в районе между Боснийской Дубицей и Боснийской Костайницей. Территория, охваченная восстанием, быстро расширялась. На борьбу с турками поднялись крестьяне в междуречье Врбаса и Уны и на правом берегу Савы.

Начало движения характеризовалось очень слабой организованностью. Крестьяне практически не имели оружия[35]. На первом этапе у восставших не было общего руководства. Несмотря на это движение достигло определенных успехов. В течение первых трех дней была очищена от турок значительная территория. 19 августа повстанческие четы М. Байялицы и М. Дженадие совершили нападение на Боснийскую Костайницу[36].

Сразу же после начала восстания в Боснии в Баня-Луке, Приедоре, Травнике и других городах началось формирование многочисленных отрядов турецких иррегулярных частей (башибузуков). Одновременно концентрировались и силы мусульманского ополчения. В конце августа началось наступление на восставшие районы. Повстанцы оказывали сильное сопротивление, но под напором превосходящих сил регулярной турецкой армии большинство чет распалось, многие повстанцы бежали в Австро-Венгрию. Часть повстанческих отрядов сохранила свою боеспособность, отступив в горы. Этим закладывались основы для продолжения борьбы.

Несколько позже, чем в северной Боснии, началось восстание в ее юго-западной части. Восставшие крестьяне жгли усадьбы и склады феодалов — агов и бегов, скрываясь затем в горах. Однако организованное движение здесь началось лишь после появления четы Г. Бабича, боснийского эмигранта, посланного сербским правительством. 15 сентября он со своим отрядом численностью 18 человек совершил нападение на турецкое укрепление в Тишковце. Турки несмотря на численное превосходство в беспорядке бежали. В ходе дальнейших боевых действий чета сильно выросла. Повстанцам удалось нанести туркам несколько поражений. Благоприятные географические условия, обеспечивавшие повстанцам надежную базу на боснийской территории, а также отсутствие в начальный период разногласий среди повстанцев способствовали расширению восстания. С наступлением зимы столкновения с турками почти прекратились.

---

[31] *Екмечић М.* Устанак у Босни. С. 75.

[32] *Чубриловић В.* Указ. соч. С. 63—68; *Екмечић М.* Устанак у Босни. С. 76.

[33] *Екмечић М.* Устанак у Босни. С. 77.

[34] *Чубриловић В.* Указ. соч. С. 68.

[35] Новисадская газета «Застава» писала: «Весь народ от 20 до 60 лет берется за оружие: за топоры, вилы, ножи, косы и дубины. Ружей чрезвычайно мало». (Застава. 1875. 24 авг. № 96).

[36] Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX в.... С. 118.

В отличие от других районов Боснии восстание в ее восточной части началось не со стихийного выступления крестьян, а с вторжения через границу отрядов, сформированных на сербской территории. С самого начала выступлений сербское правительство оказывало повстанцам всестороннюю помощь. В этом районе Боснии вмешательство Сербии осуществлялось непосредственно. Была организована переброска нескольких чет, но все они потерпели поражение и вынуждены были возвратиться. Поднять таким способом народ на восстание не удалось.

Вскоре после начала Боснийско-Герцеговинского восстания в Сербии, а позже и на территории Австро-Венгрии (вдоль западных и северных границ Боснии) стали возникать многочисленные комитеты по оказанию помощи повстанцам. Задачей комитетов являлись сбор денежных средств, заготовка оружия и боеприпасов, одежды, лекарств и т. д. Комитеты осуществляли формирование новых отрядов. В июле 1875 г. в Белграде был создан Главный комитет по оказанию помощи восставшим. Аналогичный комитет образовался и в Загребе. В ряде хорватских городов — Осиеке, Сисаке, Шибенике, Петринье, Сплите, Дубровнике и других — также были организованы подобные комитеты.

С боснийскими повстанцами сотрудничали комитеты, расположенные вдоль боснийской границы. Основным центром здесь был Главный комитет боснийского восстания в Новой Градишке. Он был основан В. Видовичем, С. Бабичем и Л. Билбией в сентябре 1875 г. Комитет в Новой Градишке был связан с Главным комитетом в Белграде, который осуществлял политическое и организационное руководство восстанием в Боснии. Комитеты в Славонском Броде и Костайнице (хорватской) поддерживали повстанцев в северной Боснии, а комитет в Книне служил боевой базой Г. Бабича в юго-западной части провинции. Пограничные комитеты не только снабжали повстанцев оружием и продовольствием, занимались лечением раненых, но и снаряжали и вооружали целые отряды для отправления в Боснию. В деятельности Костайницкого комитета важную роль играли социалисты во главе с В. Пелагичем. Их усилия во многом способствовали укреплению организации и расширению восстания. Идеи В. Пелагича получили свое выражение в «Повстанческом манифесте народных прав», провозглашенном в феврале 1876 г. в Тишковце. В этом документе выдвигались требования равноправного раздела земли между крестьянами. В качестве местных органов власти предусматривались самоуправления, а высшим органом должна была стать свободно избираемая общенародная скупщина (парламент)[37].

На действия Главного комитета в Новой Градишке отрицательное влияние оказывали попытки Главного сербского комитета взять руководство восстанием в свои руки. Аналогичные притязания имели место и со стороны комитета в Загребе, который выражал интересы хорватской буржуазии. Пелагич подверг острой критике подобного рода националистические устремления, призвав «в интересах сербов и хорватов избавиться от национальных и религиозных предрассудков и усвоить святую идею — идею братского человеческого союза»[38].

В декабре 1875 г. в селе Ямница в Новой Градишке при активном участии В. Пелагича была созвана скупщина вождей восстания и руководителей комитетов помощи[39]. Все присутствующие единодушно выразили свое недо-

[37] Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX в.... С. 126.

[38] *Пелагић В.* Историја Босанско-Герцеговачке буне. Будимпешта, 1870. С. 57—64, 127.

[39] *Екмечић М.* Устанак у Босни... С. 144—145.

верие новым турецким реформам и решили еще активнее продолжать борьбу. Планировалось нападение на Боснийскую Костайницу. Скупщина направила представление державам, в котором повстанцы требовали признать их воюющей стороной, что являлось важным политическим требованием. Они также обратились с призывом к боснийским мусульманам принять участие в совместной борьбе.

Весной 1876 г. снова активизировались повстанцы северной Боснии. Но хотя число бойцов в отрядах быстро увеличивалось, действия чет были по-прежнему разрозненными. Эффективного единого руководства не было. Следует также отметить, что здесь повстанцы столкнулись с очень сильным противодействием турецких сил.

В марте 1876 г. резко возросло число боснийских беженцев в Австро-Венгрию. Одной из причин стал всплеск антиреформистского движения в среде мусульман и бесчинства башибузуков, вызванные объявлением 1 февраля в Сараеве султанского указа от 12 декабря 1875 г. об отмене откупа налогов, свободе вероисповедания, разделении исполнительной и судебной властей. Эти преобразования, принятые Портой под давлением великих держав, были встречены в Боснии яростным сопротивлением, что сделало практически невозможным их проведение в жизнь.

В юго-западной Боснии чета Г. Бабича продолжала успешно бороться с турецкими войсками. По сравнению с повстанческими отрядами в северной Боснии здесь было гораздо больше организованности. В марте было занято турецкое укрепление Упад, повстанцы захватили большие трофеи. Был сформирован штаб для координации действий.

То, что Сербией и Черногорией была объявлена война Турции, имело большое значение для восставших боснийцев. Авторитет Сербии сразу возрос, ее влияние на повстанцев стало преобладающим. 30 июня в северной Боснии и 2 июля в Трубаре (юго-западная Босния) был провозглашен манифест о присоединении к Сербии. Без всякого сомнения, этот манифест был подготовлен с ведома сербского правительства, о чем говорит быстрота его подписания. Провозглашение объединения Сербии с Боснией облегчало положение восставших. Восстание в Боснии стало составной частью широкого национально-освободительного движения на Балканах.

Сербское правительство направило к Г. Бабичу в юго-западную Боснию полковника Деспотовича, который должен был взять на себя командование повстанцами. Под руководством Деспотовича был взят город Оджак.

В конце 1876 г. в результате военных неудач Сербия вынуждена была подписать мир с Турцией, одним из условий которого был отказ Сербии от поддержки восстания в Боснии. Опасаясь, что турки могут заселить земли бежавших в Австро-Венгрию боснийских крестьян, сербское правительство посоветовало беженцам возвратиться обратно, а восстание прекратить. Несмотря на это повстанцы продолжали борьбу и в 1877 г.

Лишь после поражения основных сил повстанцев в юго-западной Боснии в начале августа 1877 г. их организованная борьба практически прекращается. И тем не менее вплоть до австро-венгерской оккупации Боснии в 1878 г. продолжались мелкие столкновения повстанческих чет с турецкими отрядами.

Восстание в Герцеговине и в Боснии вновь поставило в повестку дня европейской политики Восточный вопрос. Русское правительство через своих

дипломатических агентов внимательно следило за развитием событий в Боснии и Герцеговине. Однако даже для опытных русских дипломатов оказались неожиданными масштабы восстания.

Политика России по отношению к восстанию определялась общими задачами, стоявшими в тот период перед русской дипломатией на Балканах. Россия не стремилась к территориальным захватам в этом районе; ее главной задачей было восстановление поколебленного Крымской войной влияния на Балканском полуострове[40]. Поскольку Россия в это время не была готова к проведению активной политики на Балканах, был взят курс на примирение враждующих сторон. Русское правительство первым обратилось к своим партнерам по Союзу трех императоров — Австро-Венгрии и Германии — с призывом совместными усилиями предупредить дальнейшее углубление кризиса.

Позиция России была выражена в сообщении «Правительственного вестника» от 17 октября 1875 г., в котором отмечалось, что, принимая участие в Союзе трех императоров, «императорский кабинет ныне, как и прежде при таких же обстоятельствах, не мог оставаться равнодушным и безучастным зрителем событий, совершающихся в Герцеговине»[41].

А. М. Горчаков на переговорах с Австро-Венгрией в Вене в августе 1875 г. заявил, что Россия осуществит принцип «невмешательства» на Балканах, если Австро-Венгрия не станет на сторону Турции против славян. По мысли канцлера, этот принцип «должен благоприятствовать христианам, а не быть им в ущерб»[42]. Он говорил о необходимости совместного вмешательства членов Союза трех императоров в боснийско-герцеговинские дела и высказал мысль о предоставлении восставшим довольно широкой автономии. Это не могло устроить Австро-Венгрию, так как Босния и Герцеговина, получив автономию, могли соединиться с Сербией и Черногорией и создать крупное славянское государство на Балканах, появления которого Вена так опасалась. Австро-Венгрия, а позже Англия стали главными противниками России, проводившей политику поддержки восстания.

29 января 1875 г. на заседании императорского совета австро-венгерской монархии было принято решение, что в случае начала восстания в Боснии и Герцеговине, поддержанного Черногорией, Австро-Венгрия должна будет вмешаться для предотвращения присоединения этих турецких провинций к Сербии и Черногории. Точных границ территории, подлежащей оккупации, определено не было, военные круги требовали занятия всей Боснии и Герцеговины[43]. Таким образом, еще до начала восстания в Боснии и Герцеговине Австро-Венгрия ставила своей целью оккупацию этих турецких провинций, но в тот период не выдвигалась задача организации прямой военной интервенции, для которой пока что не было благоприятных условий. Этим объясняется упорное нежелание Венского кабинета согласиться на русские предложения об автономии для Боснии и Герцеговины. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши предлагал свой контрпроект реформ, которые из-за их половинчатого характера и непоследовательности не могли удовлетворить повстанцев. И последующие

---

[40] *Георгиев В. А., Киняпина Н. С., Панченкова М. Т., Шеремет В. И.* Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 198.

[41] *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1911. С. 274.

[42] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1961. С. 63.

[43] Там же.

попытки Австро-Венгрии сыграть роль посредника и примирить повстанцев с Турцией потерпели провал, так как повстанцы требовали прежде всего гарантий европейских держав в проведении реформ.

В апреле 1876 г. Россия снова выдвинула предложение о предоставлении Боснии и Герцеговине автономии. Мандаты для устройства автономии должны были получить Австро-Венгрия и Россия. Это предложение встретило противодействие Австро-Венгрии и Германии. В результате появился Берлинский меморандум, который удовлетворял лишь второстепенные требования повстанцев; в нем совершенно не нашли отражения аграрные требования.

После начала войны Сербии и Черногории с Портой боснийско-герцеговинское восстание перестает быть главным объектом внимания русской дипломатии. Однако общее направление политики России по отношению к Герцеговине и Боснии остается неизменным. Россия защищает интересы славян и в Рейхштадском соглашении. Позже, подписав Будапештскую конвенцию 1877 г., Россия согласилась на оккупацию Австро-Венгрией части Боснии и Герцеговины, но это была вынужденная уступка — плата за нейтралитет Австро-Венгрии в грядущей русско-турецкой войне. И отнюдь не случайно, что в проекте мирного договора, подписанного в Сан-Стефано в 1878 г., предусматривалась автономия для Боснии и Герцеговины.

Помощь России повстанцам не ограничивалась только дипломатической поддержкой. Материальная помощь оказывалась как русским правительством (через Черногорию и русское консульство в Дубровнике), так и славянскими комитетами. В ходе восстания многие герцеговинцы, прежде всего семьи участников восстания, вынуждены были бежать в соседнюю Черногорию. Уже в конце сентября 1875 г. здесь находилось более 50 тыс. герцеговинских беженцев (при общей численности населения Черногории в тот период 120 тыс. человек). В мае 1876 г. число беженцев достигло 60 тыс. человек[44]. Черногория, не имевшая достаточно продовольствия и для своего собственного населения, не могла обеспечить беженцев. Русский консул в Дубровнике А. С. Ионин писал в августе 1875 г.: «Если восстание еще продлится, эмиграция лишних ртов из Герцеговины станет всеобщей»[45]. Черногория оказалась в очень тяжелом положении. В ответ на просьбу черногорского князя о материальной помощи русское правительство выделило Черногории субсидию на закупку продовольствия[46]. 25 августа 1875 г. император Александр II официально разрешил славянским комитетам проводить сбор средств в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине[47].

В сентябре 1875 г. в русской печати было опубликовано обращение члена международного комитета помощи герцеговинцам Веселитского-Божидаровича с просьбой об оказании помощи. Призывы русской печати и славянских комитетов нашли широкий отклик в народе. К ноябрю 1875 г. из России было послано в русское консульство в Дубровнике 73 101 гульден (60 603 руб.) частных пожертвований (от славянских комитетов, редакций газет и т. д.). Эти деньги использовались для покупки хлеба и одежды для беженцев, медицинских материалов

---

[44] Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политический отдел, 1875 г. Д. 1. Л. 11.

[45] Там же.

[46] АВПРИ. Ф. Политический отдел. 1875 г. Д. 2. Л. 16, 16 (об.).

[47] *Хитрова Н. И.* О русской помощи Черногории в период восточного кризиса 1875—1878 гг. С. 142—145.

и устройства госпиталей для раненых[48]. Всего с 1 октября 1875 г. по 1 июля 1876 г. для закупки хлеба из России в Черногорию было переправлено 700 тыс. гульденов (583 тыс. руб.), собранных славянскими комитетами[49]. По подсчетам российской исследовательницы Н. И. Хитровой, с 1875 по 1878 г. на закупку продовольствия для герцеговинцев, находившихся в Черногории, русским правительством было израсходовано 1390 тыс. гульденов (1056 тыс. руб.)[50]. Русское правительство не только давало деньги для закупки продовольствия, но и отправляло хлеб из Одессы непосредственно в Черногорию[51].

Следует отметить, что после основания 16 (28) августа 1875 г. в Париже Международного комитета по оказанию помощи восставшим в Герцеговине Франция, Англия, Швейцария, США и другие страны включились в эту кампанию. Но уже в январе 1876 г. прекратила свою помощь Франция, а в апреле 1876 г. — Швейцария и Англия[52]. В то же время русское правительство и после окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. финансировало возвращение герцеговинских беженцев на родину, с помощью России все герцеговинцы из Черногории были переправлены в Герцеговину. Таким образом, Россией была оказана весьма внушительная помощь герцеговинцам, вынужденным эмигрировать в Черногорию и Далмацию. Эта помощь в буквальном смысле спасла от голодной смерти тысячи людей.

Боснийско-герцеговинское восстание 1875—1878 гг., начавшееся как крестьянское движение, направленное против непосильного гнета феодальной эксплуатации, приобрело национально-освободительный характер.

Выдвижение Россией идеи автономии для Боснии и Герцеговины, имело важное значение, ибо отвечало насущным задачам освободительной борьбы боснийцев и герцеговинцев. Предоставление автономии могло бы стать первым шагом на пути обретения национальной независимости. Российская дипломатия отстаивала свои предложения в упорном поединке с австро-венгерским кабинетом, выступая инициатором серьезных преобразований в Боснии и Герцеговине в духе требований восставших.

Вынужденная в преддверии войны с Турцией отступить в переговорах с Веной по вопросу о Боснии и Герцеговине, Россия в ходе войны добивалась широкой автономии для ряда балканских народов. Линия русской политики в вопросе Боснии и Герцеговины не была ни случайной, ни конъюнктурной. Она была продиктована не интересами момента, а являлась важной составной частью балканской политики России. Эти положения были подтверждены Сан-Стефанским мирным договором. Россия не смогла осуществить эти планы только из-за противодействия великих держав.

Постановлением Берлинского конгресса 1878 г. мандат на оккупацию и управление османскими провинциями получила Австро-Венгрия. Так начался новый этап в истории страны, который характеризовался переходом от османско-балканской модели уклада жизни к европейской. Одновременно резкое ускорение получили процессы этногенеза, в ходе которых три формировавшиеся нации

---

[48] *Хитрова Н. И.* О русской помощи Черногории в период восточного кризиса 1875—1878 гг. С. 201.

[49] АВПРИ Ф. Политический отдел. 1875 г. Д. 1. Л. 52, 60, 62, 64, 66, 70, 71, 72.

[50] *Хитрова Н. И.* О русской помощи Черногории... С. 192

[51] Освобождение Болгарии от турецкого ига... Т. 1. С. 83.

[52] Там же. С. 88.

(боснийских мусульман, сербов и хорватов) обрели современные формы организации и партийно-политическую инфраструктуру[53]. Развитие национального самосознания боснийских народов в конце XIX – начале XX вв. испытывало растущее воздействие как национальных движений югославянских и неславянских народов монархии Габсбургов, так и влияние соседних южнославянских государств — Сербии и Черногории.

[53] *Malcolm N.* Bosnia. A Short History. L., 1996. P. 135.

Болгары: освобождение

Очередной Восточный кризис, разразившийся на Балканах в 1875 г., имел для болгар судьбоносные последствия. Его финальный аккорд — военное столкновение между Россией и Османской империей — принес им освобождение от турецкого господства. Посильная лепта болгар в обострение этого кризиса — два восстания, организованных в 1875—1876 гг.: сначала Старозагорское, затем Апрельское. Последнее из них имело громкий общественный резонанс в Европе, послуживший толчком для включения болгарского вопроса в круг проблем, требующих внимания великих держав.

В новейшей болгарской историографии все чаще можно встретить неожиданно откровенные оценки Апрельского восстания. Так, например, академик К. Косев полагает, что оно было организовано по универсальной схеме, практикуемой в рамках национально-освободительных движений. Их цель — «в неравной борьбе с многократно превосходящими силами империи-тирана добиться не столько победы на поле сражения, сколько политического эффекта, который достигается путем интернационализации конфликта, вызывая вмешательство великих держав в надежде на возможную благоприятную политическую развязку» [1]. Сходные моменты в оценке характера Апрельского восстания можно встретить и в новейшей отечественной историографии [2].

Есть основания полагать, что в третьей четверти XIX в. взгляд на восстания как на преднамеренную провокацию не был чужд и для лидеров болгарских революционных комитетов. В доверительной беседе со своим соратником М. Грековым Л. Каравелов, например, высказывался на этот счет предельно откровенно: «Необходимо оживить комитеты, но не для того, чтобы освободить народ от тяжкого ярма, но для того, чтобы подготовить его к революции, которая вызовет русское вмешательство. Представляешь, какой огонь разгорится в Европе, которая едва знает имя болгарина, когда она услышит, что в Турецкой империи на Балканском полуострове сожжены столько-то и столько-то сел и городков, убито столько-то тысяч человек. Если мы сможем вызвать с помощью комитетов где-нибудь в отечестве смуты, бунт и как результат — резню-закланию, это, несомненно, вызовет вмешательство России, и я скажу: „Комитеты сыграли свою роль!" и буду очень доволен» [3].

Для реализации подобных установок новый Восточный кризис предоставлял исключительно благоприятные возможности. Восстание в Герцеговине и Боснии, вмешательство в конфликт Черногории, волонтерское движение в среде сербов, резко возросшая активность европейских дипломатов, сбор средств в помощь повстанцев со стороны славянских комитетов Москвы и Петербурга, органи-

---

[1] *Косев К.* Приветствие от Българската академия на науките // Илинденско-Преображенско въстание: върх на освободителните борби на българи. София, 2005. С. 23.

[2] *Фролова М.* «Теперь дело за Россией!» — проекты и действительность болгарского революционно-освободительного движения // Родина. 2008. № 12. С. 34; *Макарова И. Ф.* Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии: две версии одного события // Studia Balkanica. К юбилею Р. П. Гришиной. М., 2010.

[3] *Арнаудов М.* Любен Каравелов. Живот, дело, епоха. 1834—1879. София, 1964. С. 433.

зация международного комитета в Париже — все это привлекало внимание международной общественности к Балканам. Этим обстоятельством не замедлили воспользоваться радикальные круги болгарской диаспоры, попытавшиеся реанимировать деятельность Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК) в Бухаресте, практически замершую после неудач 1872—1873 гг.

Уже в середине августа 1875 г. в столице Румынии было проведено собрание БРЦК, принявшее Окружное послание, провозгласившее курс на немедленную подготовку восстания. Апостолами, призванными отправиться на правобережье для революционной агитации, были избраны Н. Обретенов, Ст. Стамболов, Т. Стоянов, М. Сарафов, П. Волов и Ст. Драгнев. Предполагалось также вторжение с территории сопредельных княжеств вооруженных чет (в частности, отряда П. Хитова). Кроме того, в Стамбул направлялась группа, в задачу которой входил поджог города с целью организации паники.

Принятые собранием решения практически сразу стали достоянием российских дипломатов (благодаря оперативной информации, полученной от Н. Обретенова). Посол России в Стамбуле Н. П. Игнатьев попытался «предотвратить несчастие». В телеграмме от 1 сентября 1875 г. он уполномочил российского генерального консула в Бухаресте объяснить «болгарам безумие и вред попыток, обреченных на неуспех», поскольку «обстоятельства сейчас неблагоприятны» и целесообразно «сохранить средства и кровь до лучшего времени»[4]. Однако подобная аргументация оказалась неэффективна. Дипломатам удалось лишь предотвратить поджог Стамбула. Произошло это благодаря посредничеству Т. Н. Минкова (управляющего южнославянским пансионом в Николаеве), встречавшегося в августе 1875 г. с посетившим его молодым членом БРЦК Хр. Ботевым. После состоявшегося разговора Т. Н. Минков сообщил товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу, что ему удалось убедить Хр. Ботева отказаться от этой затеи, обратив внимание на то обстоятельство, что при пожаре пострадают не только турки, но и иностранцы, «следовательно, негодование Европы против болгар будет неизбежно»[5].

Непосредственная подготовка к намеченному восстанию, вошедшему в историографию как Старозагорское (по наименованию населенного пункта, в котором события приняли наибольший размах), была очень краткой — менее одного месяца. Но агитаторам казалось, что этого времени вполне достаточно. Глава старозагорского революционного округа Ст. Стамболов, прибыв на место 29 августа, немедленно начал рапортовать в Бухарест о революционной готовности масс: «Вся Фракия в военном настроении... Все покупают оружие и припасы... В городах, где можно купить ружья и револьверы, ничего не осталось»[6]. Курьер из Тырново также сообщал, что дела идут настолько успешно, что и без выстрелов древняя болгарская столица быстро перейдет в руки повстанцев[7].

Определенные основания для оптимизма у апостолов действительно имелись. В частности, на квартиру Ст. Стамболова группами приходили крестьяне,

---

[4] *Улунян А. А.* Из истории национально-освободительного движения в Болгарии 60—70-х гг. XIX в. По донесениям русских дипломатов // Известия на Института за история. Т. 20. София, 1968. С. 296—297.

[5] *Улунян А. А.* Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия. М., 1978. С. 38.

[6] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. 1. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875—1877. М., 1961. С. 91, 116.

[7] *Стоянов З.* Записки по българските въстания. София, 1976. С. 152—153.

высказывая свою поддержку заговорщикам. Среди них особенно перспективно выглядел некий Никола из села Хаинето, представившийся воеводой, якобы имевшим в своем распоряжении до 700 гайдуков (как оказалось впоследствии — мифических)[8]. Вся Старая Загора была взбудоражена, женщины на улицах «свободно говорили о предстоящем бунте», а полиция «смотрела на все происходящее с турецким равнодушием»[9]. Однако дальнейшее развитие ситуации революционных ожиданий не оправдало.

Благодаря воспоминаниям З. Стоянова — непосредственного участника восстания в Старой Загоре и его главного историографа, ход событий, имевших место в сентябре 1875 г., хорошо известен[10]. Как и следовало ожидать, с приближением намеченной даты выступления энтузиазм населения начал быстро улетучиваться. В большинстве случаев народ ограничивался лишь пением национальных песен и вздохами по поводу тяжелой участи «матери-Болгарии»[11]. Четы из-за Дуная не появлялись, а самостоятельно крестьяне бунтовать отказывались. В Трояне агитатору П. Волову жители прямо заявили: «Пока не увидим по крайней мере пятерых усатых воевод из Валахии, не сдвинемся с места»[12]. Попытки выступлений имели место только в трех пунктах — Старой Загоре, Шумле и селе Червена вода (окрестности Рущука). Все они завершились благополучно, дело действительно обошлось «без единого выстрела»[13].

Первой (14 сентября) около Шумлы собралась небольшая группа вооруженной молодежи, но, не получив поддержки, ушла в горы, где вскоре рассеялась. В селе Червена вода четверо активистов торжественно принесли освящать в храм боевое знамя, но были оперативно сданы властям местным болгарским митрополитом. 21 сентября заговорщики все же смогли собрать группу в составе 25—30 человек, которая направилась в сторону Тырнова, но по дороге постепенно растаяла. В Старой Загоре восстание было намечено в ночь с 16 на 17 сентября. Согласно задуманному плану, около 20 вооруженных повстанцев вышли за город, чтобы соединиться с крестьянами из окрестных деревень и атаковать город. Никого так и не дождавшись, отряд попытался устроить рейд по селам с целью получения пополнения, но безуспешно. На этом восстание, строго говоря, и закончилось. Активисты-революционеры бежали в Румынию, а рядовые участники разошлись по домам. Перепуганные власти сначала кинулись проводить аресты, но очень скоро освободили почти всех задержанных.

Полный провал восстания вызвал в БРЦК внутренний кризис и фактически парализовал деятельность этой организации[14]. Став свидетелем внутреннего разложения БРЦК, небольшая группа молодых революционеров (15—20 человек), бежавших после неудачного восстания в румынский город Гюргево, решила взять инициативу в свои руки и попытаться самостоятельно подготовить в 1876 г. новое выступление, не информируя о своих планах руководство (исключение было сделано лишь для Хр. Ботева, известного своими радикальными взглядами). В руководящую группу вошли Ст. Стамболов, П. Волов, С. Заимов,

---

[8] *Стоянов З.* Записки по българските въстания. София, 1976 С. 148—151.

[9] Там же. С. 154—155.

[10] Там же. С. 146—230.

[11] Там же. С. 207.

[12] Там же. С. 206.

[13] Там же. С. 200.

[14] *Бурмов А.* Кризата в БРЦК през есента на 1875 г. и създаването на Гюргевския централен комитет // *Бурмов А.* Избрани произведения в три тома. Т. 3. София, 1976. С. 131.

Ив. Димитров, Ил. Драгостинов, Г. Икономов, Н. Мартинов, Т. Чорбаджи, А. Апостолов, Н. Обретенов, Хр. Караминков. И хотя сами заговорщики называли себя товариществом (дружеством), в мемуарах и в историографии эта группа известна как Гюргевский центральный комитет.

Как ни парадоксально, члены Гюргевского комитета оценивали итоги Старозагорского восстания исключительно позитивно. Воспринимая ситуацию с позиций наивного болгароцентризма, они объясняли влиянием именно этой акции все реформаторские шаги Порты, предпринятые в конце 1875 г. В первую очередь к таковым они относили обнародованное 27 сентября ираде, согласно которому отменялась часть сельскохозяйственного налога и прощались недоимки по нему за 1872—1873 гг. (что должно было, по мысли разработчиков, разрядить ситуацию в Боснии и Герцеговине). Своей заслугой они считали также фирман от 30 ноября о реформах в сфере судопроизводства и налогообложения и фирман от 8 декабря о принципах гражданского равенства, вызванные к жизни давлением со стороны стран-гарантов Парижского мирного договора. По свидетельству З. Стоянова, члены Гюргевского комитета ликовали: «Если турецкое правительство так испугалось какого-то Старозагорского восстания, ... то что же станет с турецкой державой, если подготовить весной всеобщее восстание...» [15]. Их революционную активность в немалой степени провоцировало и повышенное внимание европейской прессы к повстанцам Боснии и Герцеговины. Как отмечал российский генеральный консул в Бухаресте И. А. Зиновьев, интерес мировой общественности к событиям в этой точке Балкан позволял молодым болгарским радикалам надеяться, что восстание в Болгарии также «не замедлит привлечь внимание держав и заставит их вмешаться» [16].

В своих взглядах относительно подготовки восстания члены Гюргевского комитета придерживались принципа децентрализации и коллективного руководства. Само выступление планировалось на первые числа мая 1876 г. и никак не увязывалось с возможным началом сербо-турецкой войны. На заседаниях были определены четыре революционных округа. Первый — Тырновский (руководитель Ст. Стамболов). Второй — Сливенский, включавший в себя район Сливена, Ямбола, Котела (руководитель И. Драгостинов). Третий — Врачанский, распространявшийся на северо-западные земли и Софийскую область (руководитель С. Заимов). Четвертый — Пловдивский (руководитель — П. Волов, помощник — Г. Бенковский). С целью создания в стане врага паники предполагалось поджечь наиболее крупные города (Адрианополь, Пловдив, Пазарджик, Софию, Тырново, Рущук, Шумлу и др.), прервать телеграфное сообщение и повредить железнодорожные пути Варна-Рущук и Белово-Адрианополь. В рамках информационной подготовки восстания комитетчики постарались наполнить газеты (в первую очередь столичные) многочисленными репортажами с мест, большинство из которых «писали сами апостолы». Как свидетельствует З. Стоянов, «все они были одинаковыми по содержанию и подробно описывали невыносимые условия жизни болгар и невозможность долго терпеть подобное положение дел» [17].

В январе 1876 г. заговорщики начали переправляться на правобережье Дуная. Первичная задача состояла в возрождении существовавших ранее комите-

[15] *Стоянов З.* Записки... С. 233—234.

[16] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 177—178.

[17] *Стоянов З.* Записки... С. 221.

тов, создании новых и подготовке почвы для восстания. Для налаживания контактов с местным населением предполагалось использовать авторитет учителей и священников. В связи с уклончивой позицией воеводы П. Хитова, поддерживавшего тесные контакты с сербским правительством и не одобрявшего несоординированного с ним выступления, предложение возглавить большую боевую чету, призванную поднять болгар во Врачанском округе, было сделано Хр. Ботеву.

Подробную картину революционных событий, развернувшихся в болгарских провинциях в конце апреля — мае 1876 г., оставил в своих воспоминаниях все тот же З. Стоянов, входивший в число организаторов восстания в Пловдивском округе и находившийся постоянно при Г. Бенковском [18]. Достоверность этого повествования, написанного спустя несколько лет после апрельских событий, сомнений в историографии не вызывает. Однако именно этот документ неопровержимо свидетельствует, что одним из детонаторов обострения Восточного кризиса в 1876 г. стала преднамеренная провокация со стороны, как выразился сам З. Стоянов, никому неизвестной крошечной группки «голых и босых» болгарских «изгнанников» [19].

Согласно свидетельствам З. Стоянова, в основе агитационной работы апостолов лежал циничный пропагандистский трюк, ориентированный на откровенный обман и запугивание сельского населения. Во-первых, каждый апостол должен был распространять якобы достоверную информацию о том, что на предстоящую весну запланировано «всеобщее избиение болгар», организуемое «турецким комитетом в Царьграде», созданным «фанатиками-софтами», что якобы по его инициативе «во всех городах туркам от мала до велика уже раздают оружие» [20]. Во-вторых, взывать к инстинкту самосохранения и поддерживать разговоры о необходимости вооружаться (для самообороны). В-третьих, намекать, что комитетчики действуют от имени неких правящих домов (России, Сербии, Румынии), якобы готовых прийти болгарам на помощь [21].

Методологически сходным оказался подход и к втягиванию крестьян непосредственно в саму повстанческую акцию. Убедить болгар в необходимости защиты своих семей и имущества было нетрудно, однако организовать с их стороны ничем не спровоцированное кровопролитие оказалось весьма сложно. Особенно учитывая социальный фактор, а именно — относительно высокую степень материального благосостояния той части болгарского крестьянства, которая принимала участие в Апрельском восстании. Этот факт вынуждена была признать в свое время даже официальная марксистская историография Болгарии [22]. Поэтому для разжигания бунта революционеры были вынуждены идти на радикальные меры — убийство турок. Подобное решение проблемы Г. Бенковский цинично называл недоступной для понимания простолюдинов «бунтарской тонкостью» [23]. К подобным «тонкостям» можно, по всей видимости, отнести и преднамеренный поджог комитетчиками болгарских деревень, который местные жители естественным образом списывали на счет фанатиков-мусульман. В частности, по прямому указанию Г. Бенковского в Пловдивском

[18] *Стоянов З.* Записки... С. 238–937.
[19] Там же. С. 128, 247.
[20] Там же. С. 249–250.
[21] Там же. С. 247, 250.
[22] *Косев К., Жечев Н., Дойнов Д.* История на Априлското въстание 1876. София, 1976. С. 10.
[23] *Стоянов З.* Записки... С. 405.

революционном округе были дотла сожжены (иногда вместе с оставшимися стариками и скотом) временно покинутые села — Смолско, Каменица, Раково, Дереорман, Паланка, Славовица и др. [24]. Кроме прямой задачи — вызвать ожесточение крестьян, эти акции должны были привлечь внимание мировой прессы к зверствам турок. В расчете на это революционеры со дня на день ожидали прибытия иностранных журналистов, специализировавшихся в Боснии и Герцеговине на повстанческой тематике (ради них Г. Бенковский даже специально держал при чете юношу со знанием французского языка) [25].

Откровенно провокационный характер готовящейся акции Г. Бенковский не пытался скрывать от своего окружения. З. Стоянов свидетельствует, что, глядя с высоты холма на пламя подожженных по его приказу деревень и театрально распростерши руку, он публично заявил: «Моя цель достигнута! В сердце тирана я нанес такую лютую рану, которая уже никогда не заживет. Пусть теперь Россия разбирается!» [26].

По всей видимости, именно благодаря организаторскому таланту и природному ораторскому дару Г. Бенковского из всех революционных округов наиболее эффективной оказалась подготовка в Пловдивском с центром в Панагюрище. 14 апреля по соседству с ним в местечке Оборище состоялось общее собрание представителей местных комитетов, на котором был выработан план действий. В целом он сводился к захвату власти на местах и оборонительным действиям в укрепленных пунктах (некоторых селах и горных районах). Но на практике, как признавался З. Стоянов, об этом плане впоследствии никто не вспоминал, «все делалось театрально» [27].

Решения собрания в Оборище сразу стали известны турецким властям (среди делегатов присутствовал предатель). В Панагюрище и Копривщицу были направлены представители полиции. Оказавшись перед угрозой провала, комитет Копривщицы принял решение о немедленном начале восстания. Участникам заговора были разосланы так называемые «кровавые письма» (письма, подписанные кровью убитых турок) с призывом немедленно поддержать выступление. Так бунт начался не в начале мая, а 20 апреля. Заговорщики захватили власть сначала в Копривщице, затем в Панагюрище и Клисуре, объявив об образовании Временного правительства. Благодаря рейду конного отряда Г. Бенковского удалось поднять население окрестных сел. Большинство из них покинуло свои деревни и спряталось в горах. Так, например, поступили жители села Еледжик, практически в полном составе построившие себе временные жилища в лесу (около 2 тыс. семей вместе с домашним скарбом и скотом) [28]. Лишь относительно небольшое количество мужчин изъявило желание удалиться от своих семей и поддержать повстанцев в их опорных пунктах — в основном в Панагюрище и Брацигово.

Информация о начавшемся бунте повергла администрацию Адрианопольского вилайета в панику. Об этом уже 22 апреля доносил русский консул в Адрианополе И. А. Иванов. Он также сообщал, что чиновники требовали от Порты разрешения на раздачу оружия мусульманским добровольцам и срочной

[24] *Стоянов З.* Записки... С. 455–457, 461, 474–475.
[25] Там же. С. 485.
[26] Там же. С. 512.
[27] Там же. С. 424.
[28] Там же. С. 469.

переброски в регион регулярных войск[29]. В происходящем турецкие власти винили иностранных агентов, в первую очередь русских[30]. Основанием для этого являлись, по всей вероятности, слухи, активно распространяемые самими комитетчики.

Спешно вооружив добровольцев, уже 22 апреля власти Адрианопольского вилайета смогли направить против бунтарей отряды башибузуков, позднее подоспели и регулярные войска. 26 апреля пала Клисура. 30 апреля были взяты Панагюрище (по данным З. Стоянова, убито было около 600—650 человек, остальные укрылись в лесу)[31]. Окруженная Копривщица сдалась без сопротивления и единого выстрела, выдав неприятелю апостолов и главарей. В Перущице башибузуки устроили побоище (число убитых, согласно тому же источнику, составило 248 человек, еще 24 скончались позднее от ран)[32]. В Батаке восставших усмирял отряд местных помаков (болгар-мусульман) под предводительством Ахмеда Барутанлия. Здесь было наибольшее количество жертв. По информации З. Стоянова, в ходе беспощадной резни погибли более 2 тыс. человек[33]. Более других повезло Брацигово. Его обитатели и пришедшие на помощь жители соседних сел шестнадцать дней отбивали из окопов нападения башибузуков, а затем сдались подошедшим регулярным войскам (поэтому жертв было относительно немного, в основном на поле боя). Сам Г. Бенковский успел скрыться. Вместе с небольшой четой и казной повстанцев он достиг Балканского хребта, но попал в засаду и погиб.

Другие округа преждевременно начавшееся восстание застало врасплох. В Тырново власти уже 21 апреля получили по телеграфу информацию о событиях в Панагюрище. Начались обыски и аресты. В ночь с 25 на 26 апреля в Горной Оряховце состоялось окружное собрание комитетчиков, на котором было решено поднимать народ 28 апреля, но энергичные действия властей парализовали всю повстанческую деятельность. Из восьми районов Тырновского революционного округа относительная активность наблюдалась лишь в Габровском и Дряновском районах. Здесь наиболее прославился бывший иеромонах Преображенского монастыря Харитон, который смог собрать чету в количестве 200 человек из жителей сел Мусина, Бяла Черква, Михалици, Дичин, Вишовград[34]. Военным инструктором четы стал отставной офицер русской армии болгарин П. Пармаков. Героическая девятидневная оборона этим отрядом Дряновского монастыря (с 29 апреля по 8 мая) оказалась самым крупным событием в Тырновском округе в период Апрельского восстания.

В Сливенском и Врачанском округах попытка поднять народ полностью провалилась. Прибывшая из Румынии немногочисленная чета Т. Стоянова (в составе около 20 человек) поддержки не получила и была быстро разбита. Трагической оказалась и судьба отряда Хр. Ботева. После того, как в других округах все очаги бунта были уже подавлены, его чета, захватив австрийский пароход «Радецкий», высадилась 17 мая у села Козлодуй в составе около 200 человек. Приближаясь к Враце, четники рассчитывали на подкрепление со стороны местных жителей,

---

[29] *Улунян А. А.* Апрельское восстание... С. 86.

[30] Априлското въстание 1876 г. Т. 1. Сборник от документи. София, 1954. С. 298.

[31] *Стоянов З.* Записки... С. 504, 507.

[32] Там же. С. 895.

[33] Там же. С. 927.

[34] *Маждракова О.* Четата на поп Харитон. 1876. София, 1963. С. 135—146.

но напрасно. 18 мая отряд оказался в окружении и понес большие потери. 20 мая погиб Хр. Ботев. После его гибели чета распалась.

На этой трагической ноте история непосредственно самого Апрельского восстания закончилась. Однако болгарское население восставших округов еще не одну неделю страдало от грабежей и бесчинств бесконтрольных банд мусульманских добровольцев (в основном черкесов, цыган и люмпена). Как отмечал 25 мая в своем донесении управляющий российским консульством в Адрианополе князь А. Н. Церетелев, анархия в крае «стала хронической... правительство потеряло власть над опасными элементами, неосторожно призванными им» [35].

Информация о событиях в болгарских землях, поступавшая за границу через телеграф, письма и газеты, изначально мало соответствовала действительности. Поэтому во внешнем мире история этой скромной и весьма сомнительной с этической точки зрения повстанческой акции сразу начала обрастать фантастическими подробностями. Способствовали этой метаморфозе в первую очередь информаторы из числа самих болгар. Например, Ив. Сапунов телеграфировал 27 апреля из Кладова в Белград П. Хитову: «От Габрово, Сливена, Ямбола, Казанлыка, Пловдива, Самокова до Софии все в огне» [36]. К. Цанков сообщал 30 апреля российскому генералу М. Г. Черняеву в Белград: «В Татарпазарджике вспыхнуло восстание, которое распространилось по селам и городам округа, а именно на Панагюрище, Копривщицу, Карлово, Калофер и др. Железнодорожное сообщение прервано, так же как и телеграф. Сообщают об уничтожении нескольких турецких батальонов. Согласно последним сообщениям, движение охватило также и Габрово. Относительно Западной Болгарии ничего точно неизвестно, однако есть сведения, что Берковица и Пирот также восстали» [37]. В газете «Български глас» (издававшейся в Болграде) 1 мая 1876 г. сообщалось (со ссылкой на информатора из Рущука), что революция в Болгарии приобрела широкий размах, что «количество восставших с минуты на минуту растет», что в Пазарджике за два часа собрались 3 тыс. хорошо вооруженных повстанцев, во Враце и Ломе поднялись 10 тыс. человек, дороги и телеграф между Тырново, Рущуком и Свищовым перекрыты [38].

В русской периодической печати первые сообщения о событиях в Болгарии появились между 24 и 28 апреля, а с первых чисел мая уже почти вся русская пресса восторженно писала о всеобщем восстании. «Восстание в Болгарии распространяется с неудержимой быстротой», — сообщал издатель «Русского мира» генерал М. Г. Черняев в редакцию своей газеты [39]. Произвол Порты по отношению к христианам довел до того, что «миролюбивые болгары принуждены были взяться за оружие, и теперь вся Румелия до самых Родопских гор находится в восстании», — писала 30 апреля «Петербургская газета» [40]. «Число инсургентов так велико, что они решаются спускаться в долины для разрушения железных дорог и телеграфов», — отмечал 13 мая «Правительственный вестник» [41].

---

[35] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 233.

[36] Там же. С. 312.

[37] Априлското въстание 1876 г. Т. 1. С. 287.

[38] *Бурмов А.* Формиране на Ботевата чета // *Бурмов А.* Избрани произведения в три тома. Т. 3. София, 1976. С. 189.

[39] *Улунян А. А.* Апрельское восстание... С. 125.

[40] Там же. С. 124.

[41] Там же. С. 125.

А. А. Улунян, специально изучавший материалы русской периодики 1876 г., отмечал, что основной контингент авторов, писавших в России на тему Апрельского восстания, состоял из болгар-эмигрантов и анонимных болгарских корреспондентов. Именно желанием вызвать сочувствие к соотечественникам он склонен объяснять их неуемные восторги по поводу мнимых успехов повстанцев, а также обнародование сведений, не имевших места в действительности. К таковым А. А. Улунян, в частности, относит вымышленную информацию о сражениях отрядов П. Хитова, Ф. Тотю, Ильи-воеводы и т. д., которую охотно публиковали многие русские издания («Правительственный вестник», «Русские ведомости», «Московские ведомости» и др.) [42].

Отчасти влиянием болгарской пропаганды можно объяснить и дезинформацию, поступавшую в Россию по дипломатическим каналам. Так, например, посол в Константинополе Н. П. Игнатьев докладывал 29 апреля императору Александру II: «Восстание распространяется по всей цепи Балканского хребта, и уверяют, что основные перевалы... уже заняты отрядами. Повстанцы пытаются задерживать воинские транспорты, мешая работе железных дорог. Вокзал Белово... сожжен. Вокзал в Филиппополе, как говорят, горит. Мост на Марице разрушен. Деревни и чифтлики (фермы), принадлежавшие богатым туркам... преданы огню» [43].

К середине мая, когда провал восстания уже невозможно было скрывать, информационный фон начал наполняться столь же откровенно преувеличенными повествованиями о «болгарских ужасах». Первоисточником их распространения также выступили сами болгары. 15 мая поддерживавший тесные связи с российским посольством в Константинополе болгарский публицист Т. Бурмов писал секретарю Московского славянского комитета Н. А. Попову: «Турки, вызвав как бы нарочно восстание в Болгарии, чтобы предаться кровавой оргии над несчастным ее населением, сожгли в одном Филиппопольском санджаке 118 сел и деревень. Пострадавшее от этого население, которое, по всей вероятности, большей частью истреблено, простирается до 100 тыс. ...Башибузуки режут под прикрытием регулярного войска всех попадающихся им навстречу болгар не различая женщин и детей. Филиппопольский санджак ныне везде усыпан трупами. ...Видно, что это избиение несчастного населения происходит по наперед обдуманному плану султанского правительства» [44]. Ему вторил врач российского посольства в Константинополе В. Караконовский (также болгарин): «с 21 апреля башибузуки, черкесы, цыгане и турецкие войска начали жечь болгарские села в Филиппопольском и Татар-Пазарджикском округах, обвиняя болгар в непокорности. Турки сожгли в продолжение 10 дней до 100 сел и избили до 20 тыс. мужчин, женщин и детей. В настоящее время турки разоряют и опустошают Софийский и Терновский округа. ...Говорят, что кругом Филиппополя такая вонь от разложения трупов избитых болгар, что жители убегают, боясь заразы. В самом городе несколько тысяч женщин и детей лежат на улицах и умирают с голоду» [45].

Информация о страданиях турецких христиан быстро привлекла внимание международной общественности. Тема «болгарских ужасов» охотно мус-

---

[42] *Улунян А. А.* Апрельское восстание... С. 130.

[43] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 211—212.

[44] Там же. С. 222—223.

[45] Там же. С. 223—224.

сировалась и русской, и западной прессой. «Московские ведомости» писали в передовой от 18 июня, что в Болгарии под предлогом усмирения бунта происходит «чуть ли не поголовное избиение христианского населения»[46]. «Русский инвалид» сообщал, пересказывая статью константинопольского корреспондента норвежской газеты «Ля Норд», что «в Болгарии продолжается господство ужаса... Можно подумать, что главная забота правительства заключается в том, чтобы вырезать по крайней мере десятую часть населения...»[47]. По сведениям французской газеты «Фигаро», после подавления Апрельского восстания в Турции якобы вновь возродилась давно запрещенная работорговля: средняя цена христианского ребенка составляет на сей день 10 франков, а «маленьких девочек отправляют на Константинопольский рынок с полного согласия властей»[48].

Пытаясь опровергнуть подобные нелепицы и спасти репутацию в глазах цивилизованного мира, Порта поторопилась отправить по местам восстания своих инспекторов, а также допустила в эти районы международных наблюдателей. Летом 1876 г. пострадавшие районы посетили несколько комиссий. В состав одной из них входили российский дипломат А. Н. Церетелев, генеральный консул при американском посольстве в Стамбуле Ю. Скайлер, примкнувшие к ним немецкий корреспондент К. Шнайдер и американский Дж. Макгахан. Приблизительно в это же время работала английская комиссия во главе с адрианопольским вице-консулом Г. Дюпюи и вторым секретарем посольства в Стамбуле У. Берингом. Согласно собранной наблюдателями информации, десятки болгарских сел действительно обезлюдели, были ограблены или сожжены, а количество пострадавшего населения могло колебаться от 10 тыс. до 30 тыс. человек[49]. Правда, из доклада английской комиссии становилось ясно, что это число подразумевает не количество трупов, а жителей, которые могли проживать ранее в разоренных селах[50], однако подобные мелочи журналистов и обывателей не интересовали.

Преданные гласности материалы расследований не только не успокоили международную общественность, но породили новый шквал публикаций о зверствах турок. Исследования показывают, что около 200 европейских газет и журналов, причем наиболее авторитетных и читаемых, опубликовали в 1876 г. до 3000 статей, телеграмм, писем, сообщений, посвященных теме, так или иначе связанной с Апрельским восстанием[51]. Вместе с событиями на международной арене эти публикации способствовали резкой политизации болгарского вопроса, превратив его в одну из актуальных тем очередного витка Восточного кризиса. Таким образом, цель инициаторов Апрельского восстания — спровоцировать интерес великих держав к судьбе болгар — была, в сущности, достигнута.

Наиболее глубокий отзвук события апреля 1876 г. получили в России, дав дополнительный толчок к подъему в стране общественного движения в защиту порабощенных братьев-славян. Особой активностью отличались группировки славянофильской направленности, пытавшиеся оказывать давление на прави-

---

46) *Улунян А. А.* Апрельское восстание... С. 140.

47) Там же. С. 144.

48) Там же. С. 145.

49) *Томова Д., Драголова Л.* Анкетни комиссии за разследване на изстъпленията при потушаването на Априлското въстание през 1876 г. // Известия на Народната библиотека «Кирилл и Методий». Т. 14. София, 1978. С. 643–667.

50) Априлското въстание 1876 г. Т. 1. С. 525.

51) *Възвъзова-Каратеодорова К.* Българският и чуждият периодичен печат от 1876 г. и Априлското въстание // Априлското въстание. 1876–1966. София, 1966. С. 190.

тельство и толкавшие его на путь военного конфликта с Турцией[52]. Славянофилы пользовались симпатиями и имели единомышленников во дворце, чем в немалой степени можно объяснить степень их влияния в среде российской элиты и, что особенно важно, в чиновничьих и правительственных кругах. Их поддерживала, в частности, императрица Мария Александровна, великий князь Николай Николаевич (старший) и престолонаследник Александр Александрович. Сохранились свидетельства, что именно с их благословения и благодаря их заступничеству через Славянские благотворительные комитеты организовывался сбор помощи угнетенным православным народам и отправка ее на Балканы (оружие, медикаменты, добровольцы)[53]. Все это совершалось против воли правительства, но при его знании и пассивном содействии. В частности, военный министр Д. А. Милютин писал в своем дневнике от 10 июля 1876 г.: «Я узнал сегодня под строгой тайной, что государственный канцлер несколько отступил уже от своей системы безусловного нейтралитета и согласился на то, чтобы смотреть сквозь пальцы на провоз оружия к сербам и болгарам. Государь разрешил министру финансов дать соответственные секретные инструкции нашим таможням»[54]. Не удивительно, что на фоне подобных действий официальные декларации российского МИД о приверженности мирному разрешению кризиса воспринимались западными дипломатами и Портой весьма скептически. Представляется, что права В. М. Хевролина, отметившая: в практической плоскости русская политика на Балканах имела в данный период откровенно «двойственный характер. Заявляя о содействии мирному урегулированию конфликтов между османскими властями и христианами, Россия в то же время негласным образом оказывала военную помощь балканским государствам»[55].

После подавления Апрельского восстания русская пресса начала активно ратовать за более действенную моральную, материальную и военную поддержку южных славян. Эту тему развивали издания самой различной направленности. Так, например, имевший связи с российским Министерством иностранных дел респектабельный «Голос» в передовой статье, опубликованной в июне 1876 г. писал: «Мы вполне убеждены, что русское правительство охотно присоединится ко всякой попытке, имеющей целью облегчить невыносимо тяжелую участь болгарского населения, и готово идти вместе с остальными державами по пути, на который указывает как долг христианского государства, так и чувство правды и справедливости»[56]. Либеральный журнал «Отечественные записки» в июньском номере в статье «Воевать или не воевать» призывал правительство оказать болгарам немедленную помощь, а если дипломатические переговоры не приведут к положительным результатам перейти к военным действиям[57]. Что касается собственно славянофилов, в своей агитации они не упускали случая подчеркнуть, что если Россия немедленно и решительно не придет на помощь болгарам и другим южным славянам, то рискует безвозвратно потерять свой престиж и влияние на Балканах. Именно этот аргумент, как убедительно

---

[52] *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России. М., 1960. С. 256 и сл.

[53] *Карцов Ю.* За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. Т. 133. С. 70.

[54] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 425.

[55] *Хевролина В. М.* Николай Павлович Игнатьев. М., 2009. С. 219–220.

[56] *Улунян А. А.* Апрельское восстание... С. 149.

[57] Там же. С. 155.

показала И. В. Козьменко, в конечном итоге оказался наиболее эффективным для воздействия на российское правительство[58].

Что касается рядового населения, в первую очередь крестьянства, то для него главным аргументом в пользу начала войны с Турцией был сам факт злодеяний. Если образованная часть общества в своем разделении на сторонников и противников войны могла исходить из соображений идейного, политического, военного или меркантильного характера, то низы захлестнули эмоции. Причину этого некоторые из чиновников жандармского ведомства напрямую связывали с воздействием прессы, проповедями священников в храмах, а также открытыми действиями и воззваниями Славянских комитетов[59]. Слухи о зверствах турок, как отмечал начальник Санкт-Петербургского жандармского управления Н. С. Бирин, настолько остервенили простой народ (особенно женщин), что он готов «на все жертвы, лишь бы наказать неверных и освободить единоверцев от претерпеваемых ими мучений и бедствий»[60]. Эти наблюдения подтверждал начальник Ярославского губернского жандармского управления Кажанский и Воронежского губернского жандармского управления Э. А. Мензенкампф. При этом, как подчеркивал последний, «главную причину и цель ожидаемой войны крестьяне понимали исключительно в защите христиан от мусульманского ига»[61].

При оценке подобных настроений, охвативших в это же время социальные низы османского общества, историки обычно дружно используют клише «взрыв религиозного фанатизма». Похоже, нечто подобное произошло и в России. На волне раздутого славянофилами психоза простой народ оказался готов поддержать не просто очередную войну с Турцией, но фактически развернуть средневековое знамя религиозной войны против неверных. Наблюдения чиновников жандармского ведомства подтверждает и статистика пожертвований в пользу южных славян. Так, например, в Ярославской губернии из общей суммы в 35 тыс. руб. серебром, собранной за июнь–октябрь 1876 г., около 80 % пришлось именно на долю крестьян, лишь 15 % на долю служащих и 5 % на дворянство и купечество[62].

Тем временем на Балканах Восточный кризис развивался по накатанному сценарию. 18 июня 1876 г., несмотря на официально негативную позицию российского правительства, войну Турции объявила Сербия. Планировалось, что армия под командованием отставного русского генерала М. Г. Черняева двинется из района Алексинаца в направлении Ниша и Софии, откуда, получив поддержку восставших болгар, продолжит наступление на Стамбул. Полный оптимизма, М. Г. Черняев обратился к болгарскому народу с воззванием: «Вставайте все болгары как один, настал час сразиться с неприятелем и избавиться от его рабства. Вставайте братья... наше дело святое»[63]. Однако восставать болгары не торопи-

---

[58] *Козьменко И. В.* Русское общество и Апрельское восстание 1876 г. // Вопросы истории. 1947. № 5. С. 95–108.

[59] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1 С. 465, 468.

[60] Там же. С. 463.

[61] Там же. С. 532.

[62] Там же. С. 587.

[63] Въспоменателен сборник по случай стогодишнината от освободителната руско-турска война 1877–1878. Т. 1. Руско-турската освободителна война 1877–1878. Исторически извори (май 1876 – ноември 1878). София, 1979. С. 27–28.

лись. Не удалось вовлечь их в повстанческие акции и четам, начавшим в начале июля переходить сербо-турецкую границу.

Удачнее продвигался набор болгарских волонтеров. Первоначально он осуществлялся силами бухарестского Болгарского человеколюбивого настоятельства (БЧН), вошедшего в контакт с представителем Петербургского славянского комитета Н. А. Киреевым и с генералом М. Г. Черняевым, а затем отколовшегося от него в июле 1876 г. Болгарского центрального благотворительного общества (БЦБО), почетным председателем которого был избран посланник Московского и Петербургского славянского комитетов Вл. Ионин. Основным пунктом сбора болгарских добровольцев стал г. Кладово, где им выдавалось оружие и необходимое обмундирование. В первые месяцы войны новобранцы распределялись по различным сербским частям, но в сентябре по настоянию БЦБО была проведена реорганизация. В составе русско-болгарской добровольческой бригады под командованием полковника Н. Медведовского было сформировано 2 болгарских батальона (1500 человек)[64].

Новые политические перспективы открылись перед болгарами вместе с началом подготовки международной конференции по урегулированию Восточного кризиса, намеченной на декабрь 1876 г. В ноябре 1876 г. БЦБО удалось получить от своих соотечественников правобережья полномочия представлять их интересы перед участниками Константинопольской конференции. Мгновенно в адрес этого международного форума посыпались многочисленные протесты и письма от болгарских общин Тырнова, Свищова, Шумлы, Варны, Тулчи, Рущука и др. Среди документов, врученных представителям великих держав, особенно выделялись два, содержавшие предложения относительно будущего государственного устройства Болгарии. Первый был посвящен варианту автономного устройства, второй — созданию полностью независимого государства. Основные положения второго проекта, сформулированные на созванном БЦБО в ноябре 1876 г. так называемом Народном соборе, проходившим под председательством Вл. Ионина, предлагали создание Великой Болгарии в границах Мизии, Фракии и Македонии.

Со своей стороны русский посол Н. П. Игнатьев также подготовил для конференции два проекта, касающиеся будущности болгарского государства. Первый предусматривал создание в составе Османской империи автономной болгарской провинции, включавшей в себя Дунайский вилайет (с Софийским санджаком), Пловдивский и Сливенский санджаки, а также районы с болгарским населением из состава Салоникского и Битольского вилайетов. Второй — разделение Болгарии на две автономные области. На двусторонних встречах с английским министром колоний Р. Солсбери (30 ноября — 10 декабря), предшествовавших открытию конференции, Н. П. Игнатьев выставил эти проекты на обсуждение. В качестве основы по решению болгарского вопроса удалось согласовать вариант автономии, подразумевавший разделение Болгарии на две части.

Заседания Константинопольской конференции (11 декабря 1876 г. — 8 января 1877 г.) начались без присутствия на них турецких уполномоченных. Наряду с другими вопросами подробно обсуждалась и судьба Болгарии. По совету Н. П. Игнатьева представители Болгарской экзархии вручили участникам конференции Записку, содержащую наряду с проектом устройства будущей

---

[64] *Чехларов Н.* Документи за българското възраждане // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Т. 22—23. София, 1906—1907. С. 18.

болгарской автономии также и этнические карты расселения болгар на полуострове (в сопровождении подробных статистических данных)[65]. Именно на них предлагалось ориентироваться членам комиссии при определении политических границ будущего болгарского государства. Однако предложенный подход вызвал серьезные возражения западных дипломатов, поскольку ущемлял интересы греков и сербов. По настоянию Солсбери при определении границ Болгарии из окончательного варианта проекта были исключены районы Водена, Кукуша и Дойрана. Но и без них предполагаемые границы охватывали огромную территорию — от Черного до Эгейского моря (включая районы со смешанным населением). Что касается внутреннего устройства автономии, проект предполагал разделение Болгарии на две части: восточную со столицей в Тырново и западную со столицей в Софии. Глава автономных областей — христианин — назначался Портой по согласованию с великими державами. Предусматривались выборы в областное собрание, которое выбирало на четыре года административную комиссию с функциями постоянного совета при главе автономии; дислокация подразделений турецкой армии ограничивалась отдельными гарнизонами.

21 декабря 1876 г. принятые участниками Константинопольской конференции решения, включавшие в себя обширный пакет рекомендуемых Порте реформ, были вручены турецким уполномоченным. Порта ответила отказом. В знак протеста европейские делегаты покинули Стамбул. Дальнейшие переговоры по урегулированию Восточного кризиса тянулись до весны 1877 г. и завершились подписанием так называемого Лондонского протокола (31 марта), который был вручен Порте вместе с условиями, на которых Россия была согласна демобилизовать свою армию. Полагая, что русское правительство вряд ли решится начать войну, 10 апреля 1877 г. Порта отвергла и этот протокол. 12 апреля со стороны России последовало объявление войны.

Целью объявленной манифестом Александра II военной кампании открыто провозглашалось освобождение славянских народов. В официальных документах Генерального штаба одна из ее основных задач формулировалась как стремление «вырвать из власти турок ту страну, Болгарию, в которой они совершили столько злодейств»[66]. Мессианский характер начатой Россией войны должно было подчеркивать и присутствие в действующей армии большого количества представителей царской фамилии. Главнокомандующим Дунайской армии был назначен брат Александра II великий князь Николай Николаевич (старший). Под его началом воевали четыре сына императора (наследник Александр Александрович, Сергей, Владимир и Алексей), несколько племянников (герцоги Лейхтенбергские и Ольденбургские), а сам Александр II в окружении большой свиты постоянно следовал в обозе.

К объявленной Россией освободительной миссии Западная Европа отнеслась скептически, обвинив Петербург в намерении захватить проливы. Особенно неистовствовала английская пресса. Комментируя эту реакцию, канцлер А. М. Горчаков в письме российскому послу в Великобритании П. А. Шувалову от 18 апреля 1877 г. сетовал, что «англичанам трудно понять войну из религиозных и национальных чувств. Они к ней неспособны и поэтому ищут там задние

[65] *Маркова З.* Българската екзархия. 1870–1879. София, 1989. С. 224–225.

[66] *Виноградов В. Н.* Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. М., 2005. С. 215.

мысли»[67]. Вплоть до настоящего времени не могут понять побудительных мотивов балканской политики России и многие западные исследователи[68]. Касаясь этой темы, российский историк В. Н. Виноградов полагает, что одну из причин этого недопонимания нужно искать в сфере ментальности. По его мнению, если Запад всегда был склонен мерить действия России «традиционным аршином государственных интересов и корыстных помыслов», то внутри страны «освобождение угнетенных православных народов воспринималось как историческая миссия»[69]. Можно добавить, что ради продвижения этой красивой, но несколько надуманной концепции приверженцы славянской идеи не склонны были беречь жизни сотен тысяч своих соотечественников — простых русских солдат.

Предварительный план военных действий на случай войны с Турцией русское командование начало разрабатывать еще осенью 1876 г. Тогда же на совещании у императора в Ливадии (3—4 октября) было принято решение о создании Болгарского ополчения. Однако до апреля 1877 г. подготовка к его формированию осуществлялась в скрытой форме (под видом образования почетного конвоя главнокомандующего). Официально старт ополчению был дан в Кишиневе лишь 31 марта 1877 г. Средства для этой цели предполагалось пополнять за счет чрезвычайного военного кредита. Общие расходы на материальное содержание болгарских волонтеров стоили русской казне за время войны 834 174 руб.[70]

Первые три дружины Болгарского ополчения общей численностью в 700 человек (плюс 100 русских кадровых нижних чинов) были сформированы в Кишиневе в кратчайшие сроки. Затем из Одесского военного округа были присланы еще 137 человек из состава волонтеров, воевавших в Сербии и 208 человек из числа болгар-переселенцев, проживавших на юге России и служивших в составе войск округа[71]. Дальнейшие мероприятия проходили в Плоешти, где три дружины были развернуты в три бригады. В первые месяцы войны Болгарское ополчение состояло из 6 батальонов (7526 человек), а к концу войны насчитывало уже 12 батальонов (12 822 человек)[72].

Под командованием генерала Н. Г. Столетова болгарские добровольцы участвовали в освобождении Тырнова, в сражениях у Старой Загоры, Шипки и Шейнова. В частности, в составе Передового отряда под командованием генерала И. В. Гурко они преодолели 2 июля 1877 г. труднодоступный Хаинкиойский перевал (60 км восточнее Шипки). Оценивая этот переход, в своем донесении главнокомандующему И. В. Гурко высказал положительный отзыв по поводу их общей подготовки: «Болгарское ополчение нисколько не отставало от остальных войск в преодолении трудностей движения»[73]. А после боя при Старой Загоре дал исключительно высокую оценку их героизму. В приказе по Передовому отряду, обращаясь к ополченцам, И. В. Гурко писал: «Это было первое дело, в котором вы сражались с врагом, и в этом деле вы сразу показали себя такими

---

[67] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. 2. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны. 1877—1878. М., 1964. С. 89.

[68] Подробно см.: *Jelavich B.* Russia's Balkan Entanglements. Cambridge, 1991.

[69] *Виноградов В. Н.* Балканская эпопея... С. 98—99.

[70] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 161.

[71] *Конобеев В. Д.* Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. М., 1953. С. 51.

[72] *Руменин Р.* Българското опълчение 1877—1878. Личен състав. По документи на ЦВА // Велико Тырново. София, 1978. С. 19.

[73] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 193.

героями, что русская армия может гордиться вами»[74]. После боя при Старой Загоре в каждой роте 2-й и 5-й дружин были награждены крестами св. Георгия по два человека, а в ротах 1-й и 3-й дружин — по шесть человек. Орденами было награждено пять конников ополчения[75]. Участвовало Болгарское ополчение и в обороне Шипки. 13 августа, понеся большие потери (531 человек убитыми и ранеными), его бойцы были передислоцированы от Шипки в Габрово[76].

Кроме ополчения при частях русской армии создавались также иррегулярные отряды болгарских волонтеров. В их задачу входила защита населения от башибузуков и сбор сведений относительно расположения турецких войск. Численность этих отрядов порой достигала 50—100 человек. Командовали ими офицеры и унтер-офицеры русской армии. Свидетельства на право организации этих отрядов выдавались исключительно за подписью начальника штаба действующей армии. Функции по наблюдению и оперативному руководству над созданными четами на левом фланге армии выполнял полковник Н. Д. Артамонов, а на правом М. А. Хитрово (начальник дипломатической канцелярии при главнокомандующем). Их непосредственными помощниками были болгары — Гр. Начович, Н. Кабакчиев, Ст. Везенков[77].

На первом этапе войны в районе Балканского хребта было создано большое количество крупных отрядов такого типа. В восточной его части действовали четы П. Хитова, Ф. Тотю, дядо Желю и целый ряд более мелких отрядов, в районе Ловеча — четы Ил. Маркова, П. Огненова, Д. Трифонова, Г. Антонова, в районе Трояна — чета Ц. Петкова. Часть чет была приписана к отряду генерала П. П. Карцова, другие координировали свои действия с частями генерала В. Д. Дандевиля и Передовым отрядом генерала И. В. Гурко. Помогали они и отряду генерала А. Е. Цимермана в его операции в северной Добрудже. Общее количество четников достигало относительно больших размеров. После окончания войны их остатки, собранные в Кюстендиле, насчитывали 120 конных и 700 пеших бойцов[78].

Отступление турецкой армии нередко сопровождалось насилиями и издевательствами над христианским населением со стороны башибузуков. В этой связи один из командиров русских полков доносил: «Буквально не было ни одной неразоренной деревни, ни одной неоскверненной церкви, не оставалось девушек в деревнях, не встречалось поселка, в котором не валялись бы трупы священников, девушек и т. д. Трудно представить картину неистовств, которые совершили поспешно отступавшие турецкие войска в болгарских селениях, и какие страшные следы разбоя и грабежа они оставляли за собой»[79].

С целью обеспечения безопасности в тылу русским командованием было принято решение создавать из болгар отряды народной милиции и вооружен-

---

[74] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 210.

[75] Там же.

[76] Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1906. С. 318.

[77] *Конобеев В. Д.* Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877—1878 // Вопросы истории. 1951. № 10. С. 57—61.

[78] *Овсяный Н. Р.* Болгарское ополчение и земское войско. К истории гражданского управления и оккупации в Болгарии в 1877—1878—1879 гг. СПб., 1904. С. 160.

[79] *Конобеев В. Д.* Борьба болгарского народа за национальную независимость в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и против решений Берлинского конгресса // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сб. статей. М., 1953. С. 75.

ные караулы так называемой «вольнонаемной полицейской стражи». В соответствии с циркуляром В. А. Черкасского (заведующий гражданскими делами при главнокомандующем), в них допускались главным образом лишь те, кто обладал определенным достатком или мог представить поручительство со стороны общинной администрации. Предложения, звучавшие со стороны отдельных болгарских лидеров относительно целесообразности тотального вооружения населения в целях его самозащиты, у командования поддержки не находили.

На освобожденных территориях перед русским командованием сразу вставала задача создания временных институтов гражданской власти. По мнению Г. Тодорова, специально изучавшего эту проблему, в период войны единого принципа их формирования на практике не существовало[80]. В некоторых случаях представители русского гражданского управления и военные коменданты просто назначали членов временных административных и судебных советов, в других — такие советы создавались по инициативе местных старейшин непосредственно после отхода турецких войск, в третьих — формировались в результате прямых выборов самим населением. Действовавшая в Османской империи модель налогообложения в общих чертах временно сохранялась. Полностью были отменены лишь система ильтизам (сдача налогов на откуп) и подушный налог для христиан (бедель). Сельскохозяйственная десятина с начала 1878 г. была заменена поземельным денежным налогом. Однако, учитывая нужды войска, допускался сбор десятины не только деньгами, но и продуктами сельскохозяйственного производства. Обязанность непосредственного сбора налогов возлагалась на вновь создаваемые советы.

Начало нового 1878 г. оказалось для русских войск удачным. 19 января 1878 г. в Адрианополе в Главной квартире действующей армии состоялось подписание перемирия между Россией и Турцией. Безвыходное положение вынудило Порту согласиться на все условия, предложенные российской стороной: предоставление независимости Сербии, Черногории и Румынии, создание единой автономной Болгарии, проведение в христианских провинциях широких реформ. Кроме того, России возвращалась отторгнутая от нее в 1856 г. Южная Бессарабия. Условия перемирия вызвали протест Австро-Венгрии, которую поддержала Англия. Особенно резкие возражения вызвало решение о создании крупного болгарского государственного образования. Этот пункт перемирия был воспринят (не без основания) как нарушение Рейхштадтского соглашения (июль 1876 г.) и Будапештской конвенции (январь 1877 г.), содержавших положение о недопустимости появления на обломках Османской империи новых больших государств. Прозвучало также требование созыва международной конференции для обсуждения вопросов, затрагивающих общеевропейские интересы. До ее созыва все заключенные между Россией и Портой договоренности предлагалось рассматривать как предварительные. Петербург был вынужден согласиться.

Переговоры о заключении предварительного мирного договора с Турцией начались в Адрианополе 31 января 1878 г., затем продолжились в местечке Сан-Стефано в окрестностях Стамбула. Н. П. Игнатьеву и А. И. Нелидову, представлявшим на них российскую сторону, канцлер А. М. Горчаков рекомендовал не настаивать на требованиях, затрагивающих интересы Западной Европы, но в отношении будущего Болгарии занять твердую позицию. Угрожая туркам

[80] *Тодоров Г. Д.* Временното руско управление в България през 1877—1879 гг. София, 1958. С. 81—85.

возобновлением военных действий, Н. П. Игнатьеву удалось настоять на включении в договор пункта о создании единой Великой Болгарии. При определении ее границ им вновь были использованы материалы, подготовленные в 1876 г. для участников Константинопольской конференции представителями Болгарской экзархии[81)].

19 февраля (3 марта) 1878 г. в Сан-Стефано был подписан прелиминарный мирный договор. Болгария объявлялась вассальным автономным княжеством. Турецкие войска из него выводились, а русские оставались на два года. Согласно этому документу, границы Болгарии должны были простираться от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера. Поскольку они практически полностью совпадали с границами диоцеза Болгарской экзархии (включая спорные епархии), то удовлетворяли амбиции даже наиболее радикальных кругов болгарских националистов[82)]. Как выразился болгарский историк И. Илчев, Сан-Стефанский договор стал для болгар не просто символом освобождения, но символом освобождения народа в его «этнических границах»[83)]. Следует заметить, в излишне широко понимаемых этнических границах.

Кроме России и самих болгар ни в Европе, ни в среде балканских элит этот документ поддержки не нашел. Под угрозой войны с Великобританией и Австро-Венгрией Россия была вынуждена пойти на пересмотр Сан-Стефанского мирного договора. 1 июля 1878 г. в Берлине был подписан международный трактат, изменивший его условия в ущерб интересам Болгарии. Территория вассального Болгарского княжества сокращалась до размеров северной Болгарии (от Дуная до Балканского хребта, плюс Софийский округ). Глава княжества утверждался с согласия великих держав. Временное управление до введения в княжестве конституции сохранялось за Верховным комиссаром (русским генералом). Болгарские области от Балканского хребта до Родопских гор оставались в границах Османской империи. На этой территории создавалась искусственная область — Восточная Румелия со статусом административной автономии. Губернатор Восточной Румелии назначался султаном из христиан с согласия великих держав. В случае угрозы безопасности султан имел право вводить в эту область свои войска. Срок пребывания русской армии и в Княжестве, и в Восточной Румелии сокращался до девяти месяцев. Македония и Фракия оставались в пределах Османской империи. Ряд западных районов, объявленных Сан-Стефанским договором территорией Болгарии, отходил к Сербии, а Добруджа к Румынии (в качестве компенсации за передаваемую Румынией России Южную Бессарабию).

Хотя решения Берлинского конгресса открывали дорогу к международному признанию Болгарии в качестве независимого государства, они вызвали в среде самих болгар откровенное разочарование и бурю негодования. Впрочем, по поводу решений в Сан-Стефано аналогичная реакция наблюдалась ранее со стороны соседних балканских народов. Как точно подметил В. Н. Виноградов, начав перекраивать владения Османской империи, европейские дипломаты вплотную столкнулись «с взаимоисключающими претензиями балканских государств, невозможностью (даже теоретически) наметить удовлетворяющее всех

---

81) *Маркова З.* Българската екзархия... С. 226.

82) Подробно см. главу И. Ф. Макаровой «Болгары: возрождение».

83) *Илчев И.* Миф о Сан-Стефанской Болгарии как «священной корове» болгарского патриотизма // *Гришина Р. П.* Лики модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008. С. 246.

территориальное разграничение»[84]. Над Балканами замаячил призрак региональных войн. Своего политического идеала — построения государства в границах, намеченных в Сан-Стефано, болгарам достигнуть так никогда и не удалось. Однако в знак приверженности этой мечте день своего освобождения от турецкого ига они до сих пор празднуют именно 3 марта — в день подписания Сан-Стефанского мирного договора. Кровавую цену этой свободы — около 200 тыс. солдатских жизней — заплатил русский народ.

[84] *Виноградов В. Н.* Балканская эпопея... М., 2005. С. 239.

Сербия и Черногория на волне Восточного кризиса

Восстание, вспыхнувшее в июле 1875 г. в Герцеговине, вновь подтвердило истину о том, что мировая история далеко не во всем подчиняется государственным лидерам. Вот и для сербского правительства, ранее столь активно пытавшегося «мутить воду» в Османской империи, весть о восстании явилось неожиданностью. Впрочем, после трагической смерти князя Михаила сербские официальные круги отошли от активного внешнеполитического курса. Подготовка к войне с Османской империей, организация сил южнославянских народов для борьбы за освобождение и завершение национального объединения под эгидой монархической Сербии во главе с династией Обреновичей, активно проводившиеся в 1860-е гг. в период правления князя Михаила, были фактически заморожены. Распался и Балканский союз, поскольку прежние соглашения о сотрудничестве Сербского княжества с Черногорией, Грецией, Румынией в борьбе против Турции утратили силу. Более активно сербские правительственные круги действовали лишь в Боснии, где в 1868—1872 гг. они приложили определенные усилия по оживлению политической деятельности тайных сербских организаций, ставивших целью свержение османского господства и объединение Боснии с Сербией [1].

Когда началось восстание в Боснии и Герцеговине, Сербия была захвачена острой межпартийной борьбой. Скупщина была досрочно распущена князем Миланом еще в марте 1875 г. Новые выборы, назначенные на 3 (15) августа, должны были ответить на вопрос, кто добьется преобладания в стране: консервативная партия, находившаяся в тот период у власти, или либеральная оппозиция. Восстание в Герцеговине дало в руки оппозиционным либералам важный козырь: их предвыборная кампания развернулась под лозунгом солидарности и активной поддержки повстанцев.

Чтобы не дискредитировать себя в глазах общественного мнения, чрезвычайно возбужденного событиями в Герцеговине, консервативное правительство Данилы Стефановича оказалось вынужденным не препятствовать широкому движению по оказанию помощи восставшим. Оно открыто содействовало переправке добровольцев в Герцеговину и в начале августа разрешило создание в Белграде Главного комитета помощи восстанию [2]. Русский генеральный консул в Белграде А. Н. Карцов, регулярно информируя МИД о положении в Сербии, писал о всеобщем воодушевлении населения, о возникновении комитетов помощи, организованных в течение нескольких дней почти во всех городах княжества [3].

Однако сербский князь Милан отнюдь не разделял патриотического порыва сербского населения и воинственных настроений либералов. Кроме того, он

---

[1] *Екмечић М.* Устанак у Босни. Сарајево, 1973. С. 37—51.

[2] История Югославии. Т. 1. М., 1963. С. 488.

[3] А. Н. Карцов — А. Г. Жомини. 7 авг. 1875 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. 1. М., 1961. С. 58; Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875—1877. М., 1961. С. 55—56.

испытывал постоянное давление из Вены и Петербурга, требовавших от Сербии не вмешиваться в балканские дела. Тем не менее и князь понимал, что давление сербского общества может заставить его начать действовать более активно[4].

Посетив Вену сразу же после начала восстания, Милан услышал от австрийских государственных деятелей настойчивые советы не вмешиваться в герцеговинские события. Как предполагали русские дипломаты, возможно, князь даже был вынужден дать императору Францу-Иосифу формальное обязательство поддерживать строгий нейтралитет[5].

Однако, вернувшись 31 июля (12 августа) 1875 г. в Белград, князь Милан нашел народ в величайшем возбуждении. Под влиянием обстановки настроение Милана опять стало меняться. Князя интересовало: допускает ли Россия возможность австро-венгерской оккупации Сербии в том случае, если княжество начнет кампанию против Турции? Он даже попросил русского консула срочно выяснить этот вопрос в Петербурге[6].

Через несколько дней после возвращения князя в Сербии состоялись выборы в скупщину. Несмотря на все усилия консерваторов, победу на них одержали либералы. 4 (16) августа 1875 г. кабинет Данилы Стефановича подал в отставку. 19 (31) августа было сформировано либеральное правительство Стевче Михайловича—Йована Ристича, так называемое «первое министерство действия». Фактическим главой нового кабинета был Ристич, признанный вождь правого крыла либеральной партии, занявший пост министра иностранных дел. В результате политика Сербии на Балканском направлении становилась все более активной, однако она по своей интенсивности продолжала уступать усилиям сербской родственницы и соседки-Черногории. Ведь в отличие от официальных кругов Сербии черногорское правительство с конца 1860-х гг. не прерывало деятельной подготовки к решающей схватке с Османской империей. Следует учитывать, что прелюдией к восстанию в Герцеговине стали кровавые события, происшедшие в октябре 1874 г. в Подгорице, когда турки убили нескольких черногорцев. Кроме того, борьба герцеговинцев против османского владычества развивалась в тесном взаимодействии с Черногорией, постоянно оказывавшей повстанцам большую помощь.

В сентябре 1874 г. герцеговинские повстанцы направили в Цетинье делегацию с просьбой о поддержке[7]. В это время князь Никола, принимая во внимание советы правительства России и других великих держав, старался формально поддерживать мирные отношения с Турцией. Поэтому он посоветовал герцеговинцам подождать с выступлением, а весной обещал доставить оружие и боеприпасы. Вместе с тем черногорский князь хотел использовать обстановку, создавшуюся после подгорицкого инцидента, для реализации основных целей дипломатическим путем. Он надеялся добиться от Порты признания независимости Черногории и предоставления ей выхода к Адриатическому морю, свободного плавания черногорских судов по реке Бояне, присоединения правого берега реки Морачи. Ряд требований отвечали чаяниям герцеговинских

---

[4] Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 55.

[5] А. Н. Карцов — А. Г. Жомини. 7 авг. 1875 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 58.

[6] Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 58.

[7] *Вукчевић М.* Црна Гора и Херцеговина уочи рата 1874—1876 гг. Цетиње, 1950. С. 85.

повстанцев: дарование им амнистии и проведение в Герцеговине реформ под гарантии великих держав[8].

Неудивительно, что события, происшедшие в Герцеговине, явились полной неожиданностью не только для Сербии, но и для черногорского князя. Ведь Никола, похоже, был искренне уверен в том, что герцеговинцы последуют его совету сохранять спокойствие. Об этом свидетельствовало также впечатление русского консула А. С. Ионина, вынесенное им из поездки в Цетинье, о котором он сообщил в Петербург: «Князь был очень удивлен, получив первое сообщение о столь внезапном и всеобщем восстании, и был приведен этим в большое замешательство. Князь Никола запретил черногорцам участвовать в восстании и дал совет повстанцам избегать кровопролития, обещая ходатайствовать перед великими державами об урегулировании герцеговинского вопроса»[9].

Несмотря на выжидательную позицию, занятую черногорским правительством в начале восстания, оно предоставило убежище герцеговинцам, скрывавшимся от преследований турецких властей. А те уходили целыми семьями, уводя с собой скот и захватив все, что смогли унести. Помимо беженцев-женщин и детей в Черногорию прибывали и раненые повстанцы.

В начале июля 1875 г. под давлением трех великих держав, членов Союза трех императоров, потребовавших от Черногории не вмешиваться в герцеговинские дела, созванный князем совет из сенаторов и воевод принял решение о сохранении строжайшего нейтралитета и об охране границы. Черногорцам было официально запрещено участвовать в восстании[10]. «Мне нет нужды говорить здесь более о позиции Черногории, — сообщал 15 июля 1875 г. из Рагузы (Дубровника) российский дипломатический представитель А. С. Ионин. — Весь мир, даже все газеты признают, что она была абсолютно нейтральной, что восстание произошло не благодаря ее влиянию и что, несмотря на то, что Черногории было трудно занимать данную позицию, это княжество смогло сохранить величайшее хладнокровие, принудив к этому также и людей, находящихся под его непосредственным влиянием»[11]. Однако и он был вынужден признать, что «начало войны угрожает серьезно изменить эту позицию Черногории»[12].

Совершенно иную реакцию вызвало восстание в Герцеговине у черногорского народа. Черногорцы с неудовольствием встретили меры правительства, направленные на соблюдение нейтралитета. Многие из них отправились в Герцеговину, чтобы принять участие в борьбе, несмотря на то, что им угрожали большие неприятности, вплоть до конфискации имущества.

Участие черногорцев в восстании сразу же вызвало протест со стороны Турции. Константинополь также обратился к советнику русского посольства в Османской империи А. Н. Нелидову с просьбой оказать сдерживающее влияние на князя Николу. Однако Нелидов ответил, что «несмотря на свое желание, князь будет бессилен удержать свой народ, если борьба продлится и распространится». Что касается русского нажима на Черногорию, то советник отговорился

---

[8] *Вукчевић М.* Црна Гора и Херцеговина уочи рата 1874—1876 гг. Цетиње, 1950. С. 87—88.

[9] А. С. Ионин — А. Г. Жомини, 25 июля 1875 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 29, 30.

[10] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875—1878. Документы. М., 2008. С. 29.

[11] Там же.

[12] Там же.

тем, что «у нас нет никакого средства заставить Черногорию следовать нашим советам» [13].

К этому времени стало ясно, что надежды князя Николы путем дипломатических переговоров достичь уступок от Турции потерпели полный провал. Если сначала Порта создавала видимость своей готовности удовлетворить черногорские требования, то в связи с развитием событий в Герцеговине приступила к подготовке карательного похода против Черногории, которую великий визирь обвинил в засылке вооруженных отрядов.

Расширение восстания, опасения потерять влияние в Герцеговине и растущие требования самих черногорцев в пользу отказа от нейтралитета вынудили князя Николу перейти к активной борьбе с Турцией. В начале августа 1875 г., сообщая в Петербург об изменившейся ситуации в Черногории, Ионин указал, что, хотя князь стремится остаться верным своим обещаниям и боится вступить в борьбу с небольшими средствами и без покровительства, но «он чувствует, как почва колеблется под его ногами» [14].

Тем временем уже 3 (15) августа 1875 г. был учрежден Цетиньский благотворительный комитет, который возглавил черногорский митрополит Илларион и который стал ведать вопросами оказания помощи герцеговинцам [15]. Этот комитет вскоре превратился в одну из наиболее значительных организаций подобного рода.

Переломным событием в процессе выработки политики Черногории в отношении герцеговинского восстания стала созванная 8 (20) августа 1875 г. скупщина в Ловчене, на которой присутствовали также герцеговинские старейшины. Делегаты приняли принципиальное решение о поддержке восставших, и после этого Черногория стала открыто оказывать им помощь, в том числе военную [16]. К месту военных действий для организации борьбы против Турции были направлены воеводы Петр Вукотич и Милян Буков и сердар Йола Пилетич [17].

Не будет преувеличением сказать, что общественное движение в помощь восставшим в Сербии, как и в Черногории, оказывало все более значительное влияние на выработку общего внешнеполитического курса двух государств. Либеральный кабинет Сербского княжества с первых же дней своей деятельности оказался в весьма затруднительном положении: общественное мнение было за войну, великие державы выступали против, князь колебался. В соответствии с обстановкой новое правительство выбрало такой курс: сохранять пока нейтралитет, а тайно всеми средствами помогать восстанию [18].

Позиция правительства нашла полную поддержку новой скупщины, собравшейся для работы в Крагуеваце 28 августа 1875 г. Большинство депутатов придерживались мнения, что Сербия не может остаться простым наблюдателем антитурецкой борьбы в восставших областях, в то время как «решение Восточного вопроса на пороге» [19]. Поэтому было признано необходимым оказывать помощь повстанцам, но одновременно готовиться и к полномасштабной войне.

---

[13] А. И. Нелидов — А. Г. Жомини. 30 июля 1875 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 40.

[14] А. С. Ионин — А. Г. Жомини. 19 авг. 1875 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 66.

[15] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине... С. 30.

[16] *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х гг. XIX в. М., 1979. С. 323.

[17] *Вукчевић М.* Црна Гора.... С. 131.

[18] Записи Јеврема Грујића. Књ. 3. Друга влада Обреновића и турски ратови. Београд, 1923.

[19] Там же С. 114.

На тайных заседаниях скупщина проголосовала за заем в 3 млн дукатов: 1 млн на помощь восстанию в Боснии и Герцеговине, остальные — на военную подготовку и резерв на случай войны[20]. 4 (16) сентября Ристич обрисовал депутатам внешнеполитическую обстановку. Он сообщил, что все великие державы самым решительным образом советуют Сербии сохранять мир, при этом в случае войны из всех балканских государств можно рассчитывать только на Черногорию[21]. Вместе с тем правительство надеялось, что сдержанная позиция Греции и Румынии может измениться. Оно хотело по возможности использовать также силы болгар. На вопрос одного из депутатов, следует ли бояться вооруженного вмешательства Австро-Венгрии, сербский министр иностранных дел ответил, что такой опасности не существует, ибо Вена как член Союза трех императоров ничего не может предпринять без согласия России. И, по его мнению, совершенно невероятно, чтобы Россия, так способствовавшая в прошлом созданию Сербского княжества, теперь согласилась на его военную оккупацию. Кроме того, сама Австро-Венгрия, по заверениям Ристича, в силу внутренних причин вряд ли решится на подобный шаг[22]. Таким образом, восстания в Герцеговине, а затем и в Боснии вновь вовлекли всю сербскую политику в водоворот широкого национального движения, которое, по выражению сербо-боснийского историка Милорада Экмечича, «в нереально очерченной перспективе» должно было завершиться сербским национальным объединением[23].

Чтобы обеспечить за собой руководящую роль в сербском национальном движении, либеральная партия и правительство, возглавляемое ее представителями, должны были действовать активно. К этому их побуждали политические разногласия и династическое соперничество с Черногорией. Ведь либеральное большинство скупщины, голосовавшее за чрезвычайные кредиты и подготовку к войне, выражало интересы тех слоев буржуазии, которые стремились к созданию «Великой Сербии» и гегемонии в борьбе за объединение югославянских земель.

Оппозиция, состоявшая из консерваторов и небольшой группы крестьянских депутатов, в которую входило несколько радикалов, в том числе А. Богосавлевич и М. Милованович, на данном этапе была против войны. Консерваторы не считали возможным действовать вопреки настойчивым рекомендациям великих держав сохранять мир. Кроме того, они опасались, что война поможет либералам упрочить свое влияние в стране. Крестьянские депутаты выражали настроения патриархальной массы сельской Сербии, гораздо более занятой внутренними социально-политическими и экономическими вопросами, нежели задачами борьбы с Турцией. Представители оформлявшегося радикального движения основную свою цель видели в борьбе за широкую демократизацию общественно-политического и государственного строя Сербии на основе самоуправления.

Новый кабинет, получив поддержку большинства скупщины, наметил в общих чертах программу действий и даже приблизительные сроки возможной

---

[20] Записи Јеврема Грујића. Књ. 3. Друга влада Обреновића и турски ратови. Београд, 1923. С. 115.

[21] К этому времени был получен ответ от князя Николы на запрос сербского правительства от 2 (14) сентября 1875 г. Черногорский князь сообщил, что в случае войны он «с Сербией будет заодно». (А. С. Ионин — А. М. Горчакову. 31 авг. (12 сент.) 1875 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 92.

[22] Записи Јеврема Грујића. Књ. 3... С. 121–122.

[23] *Екмечић М.* Устанак у Босни. С. 136.

войны с Турцией — весна 1876 г. Теперь предстояло приступить к конкретному воплощению задуманного. Однако сделать кабинет успел немного. Князь Милан, занимавший нетвердую позицию в отношении войны и не одобрявший деятельность либерального правительства, очень скоро, а именно 22 сентября 1875 г., обрушил «министерство действия».

К власти пришло коалиционное правительство, составленное из так называемых молодых либералов и консерваторов. Его возглавил Л. Кальевич, представитель левого крыла либеральной партии. Новый кабинет прекратил посылку добровольцев и открытую помощь восстанию в Герцеговине. Вместе с тем он продолжил выполнение военной программы предыдущего правительства.

В конце декабря 1875 г. военная комиссия, состоявшая из офицеров Генерального штаба под председательством генерала Заха, первого адъютанта князя Милана, приступила к активной разработке плана военной кампании сообразно ресурсам, которыми Сербия могла располагать с наступлением весны. Было обращено внимание на состав армии, ее вооружение, обеспечение ее необходимыми средствами. Только что созданное Общество Красного Креста занялось вопросами подготовки санитарных отрядов и госпиталей. Не прекращалась тайная помощь восставшим в Боснии и Герцеговине[24]. Повстанцам посылались оружие, амуниция, значительные денежные суммы[25].

Были предприняты и тайные усилия по обновлению старых региональных связей времен Балканского союза — прежде всего с Черногорией. Князь Никола был склонен возобновить союз с Сербией еще летом 1875 г. в целях немедленного вступления в войну. Во время правления первого «министерства действия» между Й. Ристичем и Божидаром Петровичем, председателем черногорского сената, состоялся секретный обмен мнениями по вопросу о немедленном присоединении обоих княжеств к совместным с повстанцами Боснии и Герцеговины действиям против турок.

Но обещая выступить в случае начала военных действий вместе с Сербией, князь Никола в то же время предпочитал сохранять за обоими княжествами свободу рук и только в случае войны подчинить действия черногорских сил общему плану. Лишь 9 (21) октября 1875 г. правительство Л. Кальевича смогло направить в Цетинье бывшего представителя Сербии в Константинополе министра без портфеля Ф. Христича. В документах, привезенных Христичем, указывалось, в частности, на серьезность положения обоих княжеств, на необходимость согласования действий Сербии и Черногории в борьбе за осуществление национальных задач[26].

О серьезности положения, сложившегося на Балканах, докладывали в те дни и российские дипломаты. Так, в секретном донесении, отправленном Н. П. Игнатьеву 10 декабря 1875 г. российским дипломатическим представителем в Сараево А. Н. Кудрявцевым, в частности, говорилось: «При проезде моем чрез Брод ко мне явилось до 20 боснийских эмигрантов, которые не скрыли от меня, что делают самые большие приготовления для вторжения в Боснию. Они прежде всего намереваются захватить Градишку и Дервент, сделать эти два пункта операционным своим базисом, держаться в них до прихода к ним на помощь Сербии (?) (так в тексте. — *П. И.*) и высылать во все стороны банды для заклания бегов

[24] Записи Јеврема Грујића. Књ. 3... С. 150—151.

[25] *Ристић I.* Дипломатска историја Србије... С. 83.

[26] Письмо Г. Павловича // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 158.

и аг и сожжения их имущества»[27]. «Если Сербия и Черногория, — продолжал российский дипломат, — воздержатся от вооруженного вмешательства, разумеется, участь этих несчастных христиан будет самая плачевная. В полях и долинах они недолго продержатся и скоро будут перебиты. Зато последствия их отчаянной борьбы будут самые ужасные. Начнется поголовное истребление христиан Боснии, присовокуплю — христиан православных, а не католиков, подслуживающих магометанам и властям и получающих за это ордена и отличия, как это случилось теперь в Банялуке»[28].

Тем не менее, во время переговоров в Цетине обе стороны пришли к соглашению, что Сербия и Черногория не будут начинать военных действий до конца зимы 1875 г., а ограничатся оказанием помощи восставшим. Срок выступления против Турции был назначен на весну 1876 г. Князь Никола также заявил о готовности подписать с Сербией политический договор и военную конвенцию. Относительно устройства будущих освобожденных от османской власти территорий он потребовал, чтобы Герцеговина отошла к Черногории, и оставил за Сербией право на присоединение Боснии. Князь Никола продолжал настаивать, чтобы в военную конвенцию был включен пункт, в силу которого каждая армия находилась бы под своим командованием, но в случае необходимости оказывалась взаимная помощь. Однако тогда конвенция не была подписана[29].

В конце февраля 1876 г. в Цетинье прибыл генерал Ранко Алимпич, для того чтобы продолжить переговоры с князем Николой, начатые Христичем. Его миссия также не увенчалась успехом. Князь Никола заявил сербскому делегату, что подпишет договор только в случае войны. Причина такой позиции черногорского князя заключалась в том, что он в тот момент надеялся добиться хотя бы частичного удовлетворения территориальных и других требований Черногории путем переговоров, которые вел в начале 1876 г. с Турцией и Австро-Венгрией.

Неудачей закончилась и миссия Милутина Гарашанина, сына Илии Гарашанина, посланного в Грецию в марте 1876 г. с целью выяснить возможности возобновления сербо-греческого союза 1867 г. Греческие государственные деятели заявили, что они не признают силу договора 1867 г. и не расположены заключить какой-либо новый договор.

Правительство Кальевича продолжило также контакты с представителями различных течений болгарского освободительного движения, установленные официально Сербией летом 1875 г. и замороженные в период «министерства действия» вследствие стремления Ристича ограничить данные связи консервативными кругами болгарской эмиграции («старыми»)[30]. В конце концов сербский военный министр Т. Николич и представитель Гюргевского революционного комитета Г. Живков заключили конкретное соглашение о координации действий сторон в предстоящей войне весной 1876 г. Сербия обязалась вооружить и направить в Западную Болгарию четыре четы по 1000 человек каждая, помочь восставшим оружием и боеприпасами. Но подавление турками Апрельского восстания в Болгарии помешало осуществлению планов совместных действий.

---

[27] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине... С. 191.

[28] Там же.

[29] *Чубриловић В.* Босански устанак... С. 196, 197.

[30] *Шарова Кр.* Априлското въстание и борбата за освобождение на другите южнославянски народи // Априлското въстание. 1876—1966. София, 1966. С. 142.

Воинственные настроения среди населения Сербии (правда, в основном его городской части), росли, но правительство все еще не считало возможным начинать войну. Неудивительно, что позиция кабинета подвергалась резкой критике даже со страниц газет славянских областей Австро-Венгрии, прежде всего Воеводины. Они называли сербских министров «лжебратьями», а князя — «предателем». Пресса Сербского княжества, хотя и в более сдержанном тоне, давала понять в принципе то же самое. Положение усугублялось угрожающими маневрами турецких войск на границе и многочисленными набегами на сербскую территорию мусульманских банд. Били тревогу и российские дипломаты, среди которых особую активность проявлял А. Н. Кудрявцев. В своем секретном донесении Н. П. Игнатьеву от 31 марта 1876 г. он сообщал из Сараево, что «в Герцеговине же и Боснии большая часть православных храмов разрушены, сожжены и ограблены и много православного народа погибло и погибает не столько от вооруженного восстания, сколько от мести и фанатизма магометанского населения и глубочайшей язвы — башибузуков»[31]. «Неужели православные Боснии и Герцеговины, — восклицал Кудрявцев, — должны платить своею верою и жизнью также и за то, что смежные с их отчизною княжества Сербия и Черногория, оба исповедывают православие, оба, составляя две плотины, из коих во всякое время может быть спущена вода, которая настолько сильна, чтобы затопить турецкие корабли...»[32]

Князь Милан вынужден был признаться Карцову, что он не только не является в настоящее время хозяином положения, но и сам чувствует себя фатально захваченным событиями. В итоге, придя под давлением общественного мнения к выводу о неизбежности войны, князь вынужден был снова призвать к власти либералов. Новое министерство С. Михайловича—Й. Ристича было сформировано 24 апреля (6 мая) 1876 г. и получило впоследствии название «второго министерства действия». Теперь все замерли в ожидании войны. Кабинет делал последние возможные приготовления. Из Белграда в Цетинье 4 и 18 мая вновь были направлены предложения о заключении оборонительного и наступательного союзов. Князь Никола, убедившись, что Турция так и не удовлетворит требований Черногории, стал сговорчивее. Наконец, 4 июня 1876 г. были подписаны договор и военная конвенция. Последняя, в сущности, намечала контуры будущих политических границ Сербии и Черногории с учетом предполагаемых территориальных приращений после победы над Турцией[33].

Сербо-черногорский союз 1876 г. существенно отличался от аналогичного союза 1866 г. Было достигнуто соглашение о сохранении двух отдельных княжеств. Военное сотрудничество сводилось лишь к одновременному военному выступлению. В остальном каждая армия сохраняла свою самостоятельность. Тем не менее нельзя отрицать, что достигнутые договоренности объективно содействовали углублению взаимодействия Сербии и Черногории в исторической перспективе и стали существенным элементом на пути к будущему единому государству. Ведь именно из событий XIX в., говоря более общими словами черногорского историка Димитрие-Димо Вуйовича, «родилось югославянское

[31] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине... С. 242.
[32] Там же.
[33] *Ристић J.* Дипломатска историја... С. 85—89.

движение, которое выдвинуло в качестве своей крайней цели объединение всех югославянских народов в общее независимое государство»[34].

Добившись, наконец, союза с Черногорией, хотя и не на тех условиях, на которых оно хотело, сербское правительство все же вынуждено было считаться со строгим нейтралитетом Румынии и осторожной позицией Греции. Тем большие надежды возлагались на координацию действий с выступлением Болгарии и вспышкой восстания в Боснии. Неудивительно, что даже после разгрома Апрельского восстания Йован Ристич пристально следил за действиями болгарской четы Христо Ботева[35].

Русское правительство на протяжении длительного времени пыталось удержать Сербию от вмешательства в балканские события. Оно руководствовалось не только собственными внешнеполитическими интересами, но и желанием, чтобы Сербия «не была вовлечена в преждевременное и гибельное для нее столкновение с Турцией»[36]. В Санкт-Петербурге были хорошо осведомлены о слабости и незавершенности военной подготовки Сербского княжества, его финансовых трудностях. Согласно полученным инструкциям, Карцов до последнего дня делал самые категорические представления сербскому правительству, стремясь удержать сербов от войны.

Но вместе с тем, высказываясь во всех официальных заявлениях против вступления Сербии в войну, царская Россия считала необходимым вооружать сербов. Вопрос о состоянии вооруженных сил княжества, времени и степени готовности последнего к отражению внезапного нападения турецкой армии стал предметом пристального внимания российского министерства иностранных дел[37].

Советы русской дипломатии о необходимости быть готовыми «к действию и отпору» на случай, если стремления к миру великих держав окажутся безрезультатными[38], воспринимались в Сербии как замаскированное поощрение ее военных приготовлений, тем более что общественное движение в России в поддержку балканских славян приняло небывало широкий размах. Однако в русских правящих кругах не было единства в отношении методов проведения Россией балканской политики. В то время как император Александр II и его ближайшие советники были сторонниками Союза трех императоров и соглашения с европейскими государствами по делам Балканского полуострова, придворная партия «действия», возглавляемая наследником престола, будущим императором Александром III, как и славянофилы, выступала за более решительные действия, включая военную поддержку южных славян.

Так или иначе, надеясь на ослабление единого фронта великих держав и веря в защиту со стороны России вопреки официальным заявлениям русской дипломатии, сербское правительство под сильным давлением общественного мнения приняло решение в пользу войны с Турцией[39].

---

[34] *Вујовић Д.-Д.* О југословенству (уз седамдесету годишњицу формирања Југославије) // Историјски записи. Година LXI. Свеска 3–4. 1988. С. 7.

[35] *Трайков В.* Априлското въетание... С. 76.

[36] Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Отчет по Азиатскому департаменту за 1875 г. Л. 156 (об.).

[37] А. Н. Карцов — А. М. Горчакову. 22 дек. 1875 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 165–166.

[38] *Карцов Ю. С.* За кулисами дипломатии. СПб., 1908. С. 21–22.

[39] *Екмечић М.* Устанак у Босни... С. 229.

18 (30) июня 1876 г. в Делиграде, где была размещена главная квартира сербской армии, был зачитан манифест о войне. Несколькими днями ранее 15 (27) июня о своем вступлении в войну с Турцией объявила Черногория. В обнародованных прокламациях война объяснялось необходимостью борьбы за освобождение всех угнетенных христианских народов Турции, за свободу и объединение сербского народа. Как справедливо оценивал данное событие сербский исследователь М. Скакун, «боснийско-герцеговинское восстание и война Сербии и Черногории против Турции снова открыли „Восточный вопрос". В нем были прямо заинтересованы великие державы, и самым непосредственным образом — Австрия и Россия...» [40].

Итак, война с Турцией стала реальностью. Ее начало приветствовало большинство интеллигенции, буржуазии, представителей мелких городских слоев. В противоположность сельскому населению пограничных районов крестьянство внутренних частей Сербии в целом осталось пассивным. Сторонниками войны стали радикалы и сербские социалисты. Это объяснялось тем, что борьба против османского владычества за достижение полной национальной независимости, за политическое объединение сербских земель выступала первостепенной задачей общедемократического характера.

Сербия начала военные действия 20 июня (2 июля) 1876 г. Предполагалось наступать в южном направлении по долине реки Морава с целью разгромить главные силы турецкой армии и тем самым или вынудить султана к миру, или получить большую свободу действий на других участках сербско-турецкого фронта. Параллельно сербское командование надеялось вдохнуть новую жизнь в восстание в Боснии и Герцеговине [41].

Имея некоторое численное превосходство в вооруженных силах (перед началом войны у сербов под ружьем было 100 тыс. человек, у турок — 80 тыс. человек), сербская армия значительно уступала турецкой в качественном отношении. Основную часть военных сил Сербии составляло милиционное войско, близкое по характеру к народному ополчению, плохо вооруженное, почти необученное, испытывавшее острую нехватку командного состава. Пост главнокомандующего сербской армией занял честолюбивый русский генерал М. Г. Черняев, незадолго до войны прибывший в Сербию.

Первоначально сербским войскам удалось продвинуться на Моравском фронте. После упорных боев они заняли Бабину-Главу — важную позицию, обеспечивавшую господство над коммуникациями, ведущими от бассейна верхнего течения реки Тимок к бассейну реки Нишава. Турецкая армия отступила к Ак-Паланке и Пироту. Но после двухнедельных боев турецкое командование, получив значительное подкрепление, захватило инициативу в свои руки. Сербское наступление было остановлено на всех направлениях.

Военные проблемы Сербии заставили Россию активизировать свои дипломатические усилия. Как признавал сербский историк В. Чубрилович, боясь неблагоприятного исхода войны для Сербского княжества и желая защитить его тыл от возможного нападения Австро-Венгрии, Россия стремилась заключить с Веной предварительное соглашение. Австро-Венгрия, со своей стороны, пошла

---

[40] *Skakun M.* Balkan i velike sile. Beograd, 1986. S. 26.

[41] Славяно-турецкая борьба 1876—1877—1878 гг. и ее значение в развитии восточного вопроса. Мысли, воспоминания и впечатления П. Гейсмана, бывшего участника войны 1876 и 1877—1878 гг. Ч. 1. СПб., 1887. С. 44.

на переговоры, чтобы обеспечить себе благоприятные позиции по вопросу о Боснии и Герцеговине[42].

Плодом русско-австрийских контактов стала встреча русского и австрийского императоров Александра II и Франца-Иосифа и министров иностранных дел князя А. М. Горчакова и Д. Андраши в Рейхштадте (Рейхенберге) 26 июня (8 июля) 1876 г. Они утвердили основные линии соглашения на случай двух возможных исходов сербо-черногоро-турецкого военного конфликта. На случай турецкой победы было решено воспрепятствовать совершению зверств со стороны турецких войск, признать независимость Черногории, а за Сербией сохранить предвоенный статус[43]. На случай же победы сербов Россия и Австрия предусмотрели, что «державы не окажут содействия образованию большого славянского государства». Впрочем, под давлением России глава габсбургской дипломатии Д. Андраши все-таки согласился на территориальное приращение для Сербии и Черногории[44].

В данной связи следует отметить, что Рейхштадтское соглашение несло содержало в себе немало «камней преткновения». Достаточно упомянуть, что документ, одобренный в Рейхштадтском замке в Чехии, оказался составленным таким образом, что русская и австрийская записи различались — в частности, применительно к албанским делам. Согласно записи Андраши, Албания должна была стать автономной провинцией Османской империи наравне с Болгарией и Румелией. В русской же версии упоминание об Албании отсутствовало[45]. Не прояснили ситуацию насчет Албании и подписанная 15 января 1877 г. в Будапеште еще одна секретная русско-австрийская конвенция, а также подписанная 18 марта того же года, но датированная так же 15-м января дополнительная конвенция[46]. Последний документ особо оговаривал «ожидаемые результаты предстоящей войны»[47]. Тем не менее свою основную задачу, заключавшуюся в «разделе балканской территории Оттоманской империи, с тем чтобы предотвратить столкновение Австрии с Россией», Рейхштадтское соглашение выполнило[48].

Согласованный Веной и Санкт-Петербургом документ должен был остаться тайным. Исключение было сделано для Сербии. Непосредственно после встречи в Рейхштадте сербское правительство и с австрийской, и с русской стороны было поставлено в известность о том, что оно ни в коей мере не может рассчитывать на присоединение Боснии.

Между тем положение на сербском фронте резко изменилось к худшему. Общебалканского восстания, на которое надеялись сербы, не произошло, и это дало возможность Порте сконцентрировать свои военные силы против Сербии. В течение июля и начала августа 1876 г. турецкие войска продолжили наступление, заняв ряд населенных пунктов на территории Сербии (Княжевац, Алексинац, Заечар). Обстановка складывалась крайне тяжелая.

Черногорская армия накануне открытия военных действий состояла из 19 тыс. человек (29 батальонов)[49]. На ее вооружении находилось 14 тыс. ружей,

---

[42] *Чубриловић В., Ђоровић В.* Србија од 1858 до 1903. Београд, 1938. С. 93.

[43] История дипломатии. Т. 2. М., 1945. С. 95.

[44] Там же. С. 95.

[45] Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952. С. 144—148.

[46] Там же. С. 149—155.

[47] История дипломатии. Т. 2. С. 38.

[48] *Bencze L.* The Occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878. N. Y., 2005. P. 26.

[49] *Екмечић М.* Устанак у Босни... С. 255.

из них 11 тыс. были старого образца — заряжавшиеся с дула штуцера. Их плохие качества дали о себе знать уже во время сражений. Согласно распоряжению князя Николы, на герцеговинский фронт должны были направиться силы, насчитывавшие 11 тыс. военнослужащих. Позднее к ним прибавились добровольцы из самой Герцеговины, что увеличило контингент до примерно 15 тыс. штыков [50].

Сначала черногорское командование решило направить главные силы в район Сеницы (Нови-Пазар) для соединения с сербской армией. Однако сосредоточение в Герцеговине значительных турецких сил под командованием Мухтар-паши вынудило князя Николу отказаться от наступления и перейти к обороне. В дальнейшем военные действия происходили на герцеговинском и албанском фронтах. Во время боев в Герцеговине черногорская армия под командованием воеводы Петра Вукотича успешно использовала свой старый тактический прием — нанесение чувствительного урона неприятелю путем внезапной атаки. 16 июля 1876 г. была одержана победа при Вучьем Доле, причем поход черногорской армии возглавлял лично князь Никола, а к его штабу были прикомандированы русский, сербский и австрийский офицеры [51]. Прибывший 7 августа 1876 г. в Цетинье российский военный агент полковник А. А. Боголюбов отмечал, что принципы ведения боевых действий черногорцами «оправдываются не только тем, что они численно слабее турок, но и особенностями их тактики, вследствие коей оборонительный бой для черногорцев обещает несравненно больше успеха, чем наступательный. Тактика эта заключается в выборе позиций на неприступных, скалистых горах, крайне затруднительных для турок, в первоначальном отступлении фронтальных частей и затем, по истечении известного времени, в общей отчаянной атаке ятаганами с фронта и флангов. Их страшные атаки холодным оружием грозят туркам верным истреблением» [52].

В результате победы черногорцев при Вучьем Доле Мухтар-паша вместе с остатками армии обратился в бегство, а черногорцы преследовали его до Билеча. В дальнейшем черногорцы заняли оборонительное положение в Герцеговине, препятствуя проникновению турецких войск в Черногорию.

На албанском фронте Турция подготовила к наступлению против Черногории 41 530 солдат (из них 26 910 регулярного войска и 14 620 башибузуков). Несмотря на превосходство турецких сил, военные действия черногорцев со стороны Северной Албании развивались так же успешно, как и в Герцеговине. В первый же день войны к черногорцам присоединилось население племенной области Кучи. В дальнейшем черногорцы осадили крепость Медун, за обладание которой начались ожесточенные бои. В итоге 2 августа 1876 г. черногорские силы разбили турецкие войска, сделавшие попытку снять осаду. В результате турки понесли огромные потери: 5300 человек убитыми и ранеными, в то время как среди черногорцев насчитывалось всего 250 убитых и 350 раненых [53].

После этого поражения Порта назначила на албанский фронт нового главнокомандующего — Дервиш-пашу. Но ему также не удалось добиться положительных результатов. Трехтысячный отряд черногорцев во главе с Божо Петровичем

---

[50] *Devine A.* Montenegro in History, Politics and War. L., 1918. P. 39.

[51] *Бычков Ю. Е.* Черногория: от прошлого к настоящему. М., 2008. С. 104.

[52] Цит. по: *Хитрова Н. И.* Освободительная борьба Черногории 1876—1878 гг. — накануне и во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875—1878 гг. М., 2006. С. 108.

[53] А. А. Боголюбов — Д. А. Милютину. 17 авг. 1876 г. // Особое прибавление... С. 314.

25 августа нанес в сражении при Рогами сокрушительное поражение одиннадцатитысячной турецкой армии. Черногорцы преследовали противника до самой реки Морача в месте ее слияния с Зетой. Турки, теснимые со всех сторон, бросались в воду и сотнями тонули; только некоторые смогли достигнуть укреплений. Дервиш-паше так и не удалось снять блокаду с Медуна, хотя он пожертвовал жизнью еще 4 тыс. своих солдат. Гарнизон крепости 8 октября 1876 г. сдался черногорцам. Благодаря этой победе Черногория добилась решительного перевеса на албанском фронте, где от османского владычества была освобождена значительная часть территории Кучи.

Однако кровопролитные бои с турецкой армией истощили продовольственные и боевые запасы Черногории. Ряды ее войск заметно поредели. Внезапно наступившее похолодание еще более усугубило тяжелые условия, в которых находились черногорские воины, бессменно пребывавшие в своих изношенных одеждах на боевых позициях. Они получали очень скудный паек: две галеты в день и редко по куску сала или баранины[54].

Военные неудачи Сербии объяснялись рядом причин. В ходе боевых действий дали о себе знать все застарелые слабости организации и снабжения сербской армии, а также добавившиеся к ним финансовые трудности. Сербскому правительству не удалось получить займы ни во Франции, ни в Бельгии, ни в Голландии[55]. Даже решение вопроса о займе в России продвигалось туго. Наконец, в счет разрешенного займа Сербии — да и то при условии его реализации частными банками — в размере 4 млн руб. в июле 1876 г. Петербургский славянский комитет ассигновал Сербии 30 тыс. рублей[56]. Недостаток денежных средств вынудил сербское правительство пойти на реквизицию продовольствия, фуража, тягловых средств для армии. Это тяжелым бременем легло на сельское хозяйство, и без того подорванное оттоком большого количества рабочих рук, что, в свою очередь, усугубило недовольство среди крестьянства Сербии, и ранее не разделявшего общих воинственных настроений.

Война также засвидетельствовала ошибочность предварительных оценок военного потенциала Османской империи как крайне слабого. Наоборот, турецкая регулярная армия, вооруженная новым стрелковым и артиллерийским оружием, располагавшая закаленными военными кадрами, надежным тылом в болгарских землях (после подавления Апрельского восстания) и удобными коммуникациями, значительно превосходила сербскую и черногорскую армии, вместе взятые.

Неравенство сил в сербо-турецкой войне рельефно проявилось в начале августа 1876 г. Кровопролитные бои тех дней заставили сербское командование искать спасения в скорейшем перемирии, поскольку существовала вероятность, что турки через две недели разорят всю Сербию. При посредничестве великих держав в августе 1876 г. между воюющими сторонами было заключено перемирие. Однако вскоре оно было нарушено, и возобновившиеся военные действия не изменили к лучшему положение сербской армии.

Тяжелое положение, в котором оказалась сербская армия, способствовало еще большему подъему патриотических настроений и просербских симпатий в России. Конец июля и август 1876 г. стали самой горячей порой в кампании

---

[54] А. А. Боголюбов — Д. А. Милютину. 17 окт. 1876 г. // Особое прибавление... С. 339–340, 319.

[55] *Никитин С. А.* Русское общество... С. 39.

[56] Там же. С. 46–47.

по направлению на Балканы русских добровольцев, приобретавшей подлинной демократический характер[57]. Не случайно Черняев рассматривал добровольцев в качестве основного боевого костяка, способного сцементировать слабую сербскую милиционную армию и сделать ее более боеспособной. С просьбой о присылке в Сербию добровольцев и оружия обращался в Петербургский славянский комитет и сербский военный министр Т. Николич[58]. Общее число русских добровольцев, отправившихся в июле—сентябре 1876 г. в Сербию и Черногорию, достигало 5 тыс. человек. Фактически же в сербской армии летом и осенью этого года служило около 3 тыс. человек. Они не создали боевого перевеса над турками, но смогли задержать наступление турецкой армии. Сербское правительство признавало позднее, что «помощь русских добровольцев была драгоценна», подчеркивая при этом их недостаточную численность. Кроме русских добровольцев в рядах сербской армии сражались болгары, сербы Воеводины, Боснии, Герцеговины, черногорцы, румыны, итальянцы.

Помимо добровольцев из России в помощь Сербии и Черногории направлялись материальная помощь, врачи, медперсонал санитарных отрядов, оборудование для госпиталей. При посредничестве Московского славянского комитета добровольческим бригадам в Сербии поставлялось и оружие[59].

Тем не менее, попытки сербского правительства и генерала Черняева любыми способами изыскать силы и средства для укрепления армии не увенчались успехом. Печальное положение на фронте заставило командование в начале сентября 1876 г. просить о прекращении военных действий. В это время совершенно неожиданно 4 сентября в Делиграде Сербия была провозглашена королевством, а князь Милан — королем. Провозглашением королевства, а значит, полной независимости Сербии от Османской империи инициаторы данной акции надеялись поднять боевой дух сербской армии. Однако этот шаг был отрицательно воспринят всеми великими державами. В конце концов и князь Милан вынужден отказаться поддержать действия Черняева[60].

Обеспокоенный военными неудачами Сербии, российский министр иностранных дел А. М. Горчаков еще в начале августа 1876 г., в беседе с британским послом в Петербурге Лофтусом поставил вопрос о созыве конференции по Восточному вопросу на уровне министров иностранных дел, высказав пожелание, чтобы ее инициатором выступила Англия. Одновременно Горчаков направил Андраши очередную программу урегулирования балканских дел, в которой предлагалось обсудить вопрос о сроках перемирия между Сербией и Черногорией, с одной стороны, и Турцией — с другой, и созвать международную конференцию для рассмотрения условий мира между воюющими сторонами и улучшения положения населения Боснии, Герцеговины и Болгарии. Однако Австро-Венгрия не поддержала большинство предложений. В качестве основы для мирных переговоров она нотой от 30 декабря 1875 г. предложила свой проект частичных реформ в Османской империи. Канцлер Германии Бисмарк также не поддержал идею конференции, явно не желая способствовать достижению мирного согла-

[57] *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 321, 324.

[58] Т. Николич — Петербургскому славянскому комитету. 2 нояб. 1876 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 376.

[59] Р. А. Фадеев — Московскому славянскому комитету. 24 нояб. 1876 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 424, 425.

[60] *Јовановић С.* Влада Милана Обреновића... С. 340—342.

шения. Англия предложила заключить перемирие на один месяц и немедленно начать переговоры о мире. Турецкое правительство соглашалось прекратить военные действия, но настаивало, чтобы одновременно было заключено прелиминарное соглашение об условиях мирного договора. Порта выдвинула 2 (14) сентября весьма жесткие условия мира: приезд сербского князя в Константинополь с визитом к султану, возвращение Турции четырех сербских крепостей, переданных Сербии в 1867 г., роспуск народного войска и ограничение численности сербских вооруженных сил 10 тыс. человек, репатриация эмигрантов из соседних турецких областей, разрушение вновь сооруженных укреплений, увеличение дани в качестве возмещения военных расходов, предоставление Турции права сооружения и эксплуатации железной дороги Белград-Ниш и, наконец, сохранение статус-кво для Черногории[61]. Однако европейский «концерт великих держав» отклонил эти требования как чрезмерные. Под давлением держав Турция согласилась на десятидневное перемирие — с 4 по 15 сентября.

Видя безнадежное с военной точки зрения положение Сербии, А. М. Горчаков предложил державам настаивать перед Портой на шестинедельном перемирии, с тем чтобы за это время обсудить создавшееся положение. Английский кабинет формально согласился с этим предложением, однако вложил в него совершенно иной смысл. Форин-офис направил английскому послу в Константинополе Г. Элиоту секретную инструкцию, в которой потребовал от него поощрять турок к заключению шестимесячного перемирия, с тем чтобы дать Турции возможность перегруппировать силы и вновь обрушиться на Сербию. После того, как Горчаков понял британский маневр, он решительно дезавуировал предложение о шестимесячном сроке.

Официально же британская программа мирного урегулирования Восточного вопроса сводилась к обеспечению мира с Сербией на основе принципа статус-кво и местной автономии для Боснии, Герцеговины и Болгарии[62]. Русское правительство приняло эти основы, но при двух условиях: «чтобы Черногория не была забыта при переговорах и чтобы широкая автономия была обеспечена за провинциями, в том числе и за Болгарией»[63].

Пока шли дипломатические переговоры об условиях перемирия и будущего мира, истек срок прекращения военных действий между Сербией и Портой. Перед сербскими официальными кругами встал вопрос: что делать дальше? Ристич и часть правительства были за прекращение войны. Черняев и другая часть министров были за продолжение военных операций. Князь Милан согласился с последними, и война была продолжена. Сербы попытались перейти в наступление, но безуспешно. Поражение следовало за поражением. В Комиссию Петербургского славянского комитета 29 и 30 сентября одна за другой поступали отчаянные телеграммы Черняева с просьбой о немедленной высылке денег. Комиссия 1 октября выслала ему 100 тыс. рублей — почти всю имевшуюся в ее распоряжении наличность[64]. Но даже это не могло улучшить положение дел на фронте и предотвратить катастрофу, разразившуюся 29 октября 1876 г.

---

[61] *Чубриловић В.* Босански устанак... С. 231–232.

[62] П. А. Шувалов — А. М. Горчакову, 11 (23) сент. 1876 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 393, 394.

[63] А. М. Горчаков — П. А. Шувалову, 21 сент. 1876 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 415.

[64] Т. И. Филиппов — князю Милану. 3 окт. 1876 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 437, 438.

В этот день турецкая армия прорвала фронт у Джуниса, стратегического ключа к позициям сербов. Путь на Белград был открыт. По просьбе сербского правительства Россия категорически потребовала от Турции прекратить наступление, и 20 ноября 1876 г. Порта согласилась заключить двухмесячное перемирие. Русский ультиматум, направленный в Константинополь 19 (31) октября, спас Сербию от окончательного разгрома.

Турция также приостановила военные действия против Черногории. Правительство последней использовало это обстоятельство для восполнения боевых запасов и продовольствия, на приобретение которых в России были отпущены денежные средства[65]. В октябре 1876 г. Московский и Петербургский славянские комитеты обратили внимание на бедственное положение черногорцев и приняли решение об увеличении им помощи, хотя в силу ограниченности собственных средств и не могли удовлетворить все черногорские запросы. В ноябре 1876 г. русский консул А. С. Ионин выехал в Россию, чтобы лично ходатайствовать в правительственных инстанциях о предоставлении Черногории необходимых ей средств. В частности, 23 ноября 1876 г. консул доложил о военных нуждах Цетинье на аудиенции у российского военного министра Д. А. Милютина[66].

В результате ходатайства Ионина, которое было поддержано русской общественностью, 3 декабря 1876 г. Александр II отдал распоряжение об отпуске Черногории 1 млн руб. Вследствие дороговизны хлеба было решено закупить его в Одессе. Всего в Одессе было закуплено хлеба на 650 тыс. рублей, причем 500 тыс. было взято из чрезвычайной субсидии и 150 тыс. рублей составили ежемесячные ассигнования на хлеб. На эти средства в Черногории было отправлено восемь пароходов с грузом более 700 тыс. пудов муки[67]. Часть денег пошла на покрытие расходов по закупке боеприпасов.

После согласия Турции на перемирие была создана комиссия для определения демаркационной линии между сербами и турками. Великие державы могли теперь разработать детальные условия восстановления мира на Балканах, и Лондонский кабинет предложил, наконец, созвать в Константинополе конференцию по Восточному вопросу.

Конференция представителей Англии, России, Франции, Австро-Венгрии, Германии, Италии прошла в Константинополе с 11 (23) декабря 1876 г. по 8 (20) января 1877 г. Игнатьеву удалось добиться согласия держав относительно предоставления автономии Боснии, Герцеговине и Болгарии и некоторого расширения территории Сербии и Черногории.

Однако вся работа европейской дипломатии оказалась напрасной. Турецкие представители при негласной поддержке Англии отвергли требования великих держав, мотивируя это тем, что принятие в Турции конституции сделало их излишними. В знак протеста дипломатические представители стран-участниц конференции в конце января 1877 г. выехали из Константинополя.

Пока представители великих держав вели в Турции многостепенные дипломатические переговоры, а Петербург и Вена преодолевали препятствия на пути к заключению тайного договора, сербское правительство колебалось между миром и войной. С одной стороны, страна, разоренная и истощенная неудачной военной кампанией, требовала мирной передышки. С другой — сербскому пра-

---

[65] А. А. Боголюбов — Д. А. Милютину, 4 июня 1877 г. // Особое прибавление... С. 7, 8.

[66] *Милютин Д. А.* Дневник. Т. II. С. 114, 115.

[67] Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 566.

вительству казалось невыгодным заключить мир с Турцией, когда неизбежность русско-турецкой войны становилась все очевиднее. Но для участия в ожидавшейся войне России с Турцией нужно было прежде реорганизовать разбитую и павшую духом сербскую армию, пополнить ее людьми и вооружением. Сделать этого без помощи России Сербия была не в состоянии[68]. Предложить России сотрудничество и одновременно просить помощи был послан в ноябре 1876 г. в Петербург Й. Маринович, и 16 ноября в Царском Селе у Александра II состоялось совещание, на котором на основании сведений, доставленных Карцовым и Мариновичем, была проанализирована ситуация, сложившаяся в Сербии и особенно в сербской армии, состояние которой было признано крайне плачевным[69]. После «довольно разнообразных рассуждений» было решено помочь Сербии деньгами и послать туда уполномоченного для организации сербских вооруженных сил, а также доставить патроны Черногории[70]. Из Вильно 19 ноября был вызван русский генерал А. П. Никитин: Милютин указал на него как на человека, наиболее подходящего для выполнения крайне трудного поручения в Сербии.

На цели реорганизации сербской армии была назначена субсидия в размере 1 млн руб. Расходование денег должно было производиться под контролем А. Н. Карцова и специально командированного в Сербию чиновника министерства финансов Н. Рихтера[71]. Кроме того, в целях укрепления сербской армии предполагалось использовать русских офицеров, находившихся в то время Сербии — как добровольцев, так и специально командированных. Сербское правительство со своей стороны выразило полную готовность оказывать содействие России[72].

А. П. Никитин прибыл в Белград только 12 (24) декабря вечером[73]. Тем временем российское правительство предпринимало меры относительно продления перемирия Сербии и Черногории с Турцией, срок которого истекал спустя несколько дней. В результате усилий России перемирие было продлено еще на два месяца — с 16 декабря 1876 г. по 16 февраля 1877 г. Никитин же, ознакомившись с положением вещей на месте, пришел к выводу, что нет «никакой надежды восстановить военные силы Сербии и средства защиты». На этом основании он заявил о бесполезности своего дальнейшего пребывания в Сербии[74]. В итоге по совету Горчакова 16 (28) февраля 1877 г. Сербия подписала мир с Турцией на условиях довоенного статус-кво.

Тем временем черногорский князь Никола, решив последовать примеру Сербии и держа в уме провал Константинопольской конференции, также вступил в прямые переговоры с Турцией. С этой целью 8 февраля 1877 г. в столицу Османской империи выехали черногорские делегаты Божо Петрович и Станко Радонич. Одновременно российский дипломатический представитель в Константинополе выступил с демаршем в пользу достижения соглашения с Чер-

---

[68] Записка члена Петербургского славянского комитета П. П. Голенищева-Кутузова. 23 окт. 1876 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 460—462.

[69] Н. Н. Ладыженский — военному министерству. 22 нояб. (4 дек.) 1876 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 529.

[70] *Милютин Д. А.* Дневник... Т. II. С. 112.

[71] *Карцов Ю. С.* За кулисами дипломатии... С. 47.

[72] А. Н. Карцов — А. М. Горчакову. 6 (18) дек. 1876 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 562.

[73] А. П. Никитин — Ф. Л. Гейдену. 18 дек. 1876 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 567, 568.

[74] А. М. Горчаков — Н. П. Игнатьеву. 14 дек. 1876 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 566—567.

ногорией[75]. Однако депутаты нижней палаты турецкого дивана (парламента) отклонили предложение правительства пойти на территориальные уступки черногорцам. В ответ князь Никола решил прервать переговоры и отозвал своих делегатов, что означало сохранение состояния войны с Турцией.

Таким образом, лишь после начала русско-турецкой войны, объявленной 12 (24) апреля 1877 г., Восточный кризис вступил в свою новую и решающую фазу, сулившую балканским союзникам выгоды. Теперь, как справедливо указывает венгерский военный историк Ласло Бенце, «та возможность, которая ранее рассматривалась как желательная — а именно использование локального конфликта в качестве предлога для вторжения с последующим достижением соглашения европейскими державами — более не выглядела работоспособной. Наоборот, опасные последствия европейского политического кризиса, проистекающего из ситуации на Востоке, — прежде всего, конфликт между Россией и Австро-Венгрией — приобрели непредсказуемый характер»[76].

Не дожидаясь прихода на Балканы русской армии, Турция попыталась принудить черногорцев к капитуляции. Общая численность всех турецких сил, действовавших против Черногории, достигла 48 тыс. человек. При этом в составе некоторых корпусов было много батальонов, участвовавших в борьбе против Сербии, где они приобрели военный опыт. Такому огромному количеству турецких войск противостояла немногочисленная черногорская армия численностью в 17 тыс. человек[77].

Турция начала наступление со стороны Северной Албании 21 мая 1877 г., вслед за этим начались военные действия также в Герцеговине, где туркам удалось вскоре перейти в наступление. Ожесточенное столкновение произошло 24 мая у Крстаца. Несмотря на сопротивление, оказанное герцеговинцами совместно с черногорскими войсками, силы под командованием Сулейман-паши сумели прорваться в Никшич, снабдить продовольствием оборонявший эту крепость турецкий гарнизон и двинуться на соединение с двумя турецкими армиями, наступавшими с юга и востока.

На североалбанском фронте самые кровопролитные сражения развернулись 2—11 июня. Этот период вошел в черногорскую военно-историческую традицию под названием «Девять кровавых дней». Используя свое численное превосходство, турецкая армия вышла в долину реки Зета и стала непосредственно угрожать столице Черногории Цетинье. Однако 16 июня черногорцы нанесли ей ответное поражение в долине реки Морача.

К этому времени русская армия успешно совершила переправу через Дунай, что вынудило Порту перебросить войска Сулейман-паши на болгарский фронт. Это позволило черногорцам перейти в контрнаступление и освободить Никшич, Бар и Улцинь, а также значительную часть Приморья от реки Бояна до Будвы[78]. Успешно разворачивавшееся наступление черногорской армии было приостановлено лишь начавшимися переговорами о мире между Россией и Турцией.

Боевые заслуги Черногории были высоко оценены русским командованием, которое следующим образом определило роль Черногории в войне с Турцией: «Несмотря на отдаленность ее от главного театра войны, ее ополчения при-

---

[75] А. Н. Нелидов — А. М. Горчакову, 24 мар. 1877 г. // Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 625.

[76] *Bencze L.* The Occupation of Bosnia and Herzegovina... P. 27—28.

[77] А. А. Боголюбов — Д. А. Милютину. 4 июля 1877 г. // Особое прибавление... С. 7—11.

[78] А. А. Боголюбов — Д. А. Милютину. 1 дек. 1878 г. // Особое прибавление... С. 58, 59.

несли существенную помощь общему делу, долго удерживая перед собою армию Сулеймана-паши и до конца войны отвлекая на себя часть сил Турции»[79]. Тем не менее, как признают даже западные исследователи, «лишь русская атака и прорыв оттоманских оборонительных линий на Дунайском фронте спасли черногорцев от неминуемого поражения...»[80].

Тем временем кардинально изменилась и военная обстановка на фронтах сербо-турецкой войны. Продолжая испытывать большие финансовые трудности, Сербия устами своего князя попросила у России 3 млн руб. для завершения военных приготовлений и ежемесячного пособия в 1 млн руб. на все время военного сотрудничества[81]. Российский император Александр II одобрил готовность Сербии вновь вступить в войну, но советовал это сделать, когда русские войска перейдут Дунай. Учитывалось и мнение Черняева и Зеленого, считавших, что содействие сербов могло быть полезным только при непременном условии совместного их действия с русской армией. Рекомендуя Сербии сохранять пока нейтралитет, русское правительство предупреждало, что в случае войны сербские войска должны действовать вне Сербии[82].

Форсирование русской армией Дуная перевело российско-сербское сотрудничество в новую плоскость. Русский главнокомандующий по совету Александра II и Н. П. Игнатьева в конце июня 1877 г. рекомендовал Сербии послать войска на границу, объявить войну Турции и провозгласить независимость. На заседании Совета министров Сербии было решено передать через полковника Катарджи в ставку русского главнокомандующего встречные условия: а) для подготовки к новой войне предоставить Сербии срок в 5—6 недель; б) для завершения военного оснащения выдать обещанную субсидию в сумме 1 млн руб.; в) для покрытия военных расходов в период военных действий оказывать ежемесячную помощь в сумме 1 млн руб.[83] Эти условия в целом были позитивно встречены русским командованием, столкнувшимся с первыми военными неудачами под Плевной и потому пришедшим к заключению, что «движение сербов в пределы Турции» могло бы оказать «значительное содействие» русской армии[84].

Вслед за этим 15 июля сербское правительство получило одну за другой телеграммы от полковника Катарджи. В них сообщалось о желании царского правительства, чтобы Сербия через 12 дней вступила в войну с Турцией, не опасаясь при этом Австро-Венгрии[85]. Правительство Сербии медлило с ответом, по-прежнему ссылаясь на отсутствие материальных средств и ожидая русской субсидии. Спустя три недели, 5 августа 1877 г., князь Милан официально был поставлен в известность заменявшим Карцова русским поверенным в делах Н. Н. Ладыженским[86] о том, что русский главнокомандующий направляет в Белград А. Н. Церетелева с деньгами для военных нужд Сербии. Первая поло-

---

[79] А. А. Боголюбов — Д. А. Милютину. 4 июня 1877 г. // Особое прибавление... С. 61.

[80] *Morrison K.* Montenegro: A Modern History. L.; N. Y., 2009. P. 28.

[81] Записи Јеврема Грујића. Књ. 3... С. 289.

[82] А. М. Горчаков — Н. Н. Ладыженскому. 7 июня 1876 г. // Освобождение Болгарии.... Т. II. С. 112.

[83] Записи Јеврема Грујића... С. 184.

[84] Николай Николаевич (старший) — Александру II. 13 авг. 1876 г. // Освобождение Болгарии... Т. II. С. 176.

[85] Записи Јеврема Грујића... С. 295.

[86] А. Н. Карцов был отозван весной 1877 г. по требованию сербского правительства.

вина обещанного миллиона была передана сербскому правительству 13 августа, и князь Милан убедительно попросил не медлить с высылкой второй части[87].

В августе 1877 г. в Белград прибыл полковник русского Генерального Штаба Г. И. Бобриков. Его задачей была разработка совместно с сербским военным министром плана сербско-русского сотрудничества, изучение и удовлетворение нужд сербской армии, а также выяснение военных сил Сербии и ее реальных возможностей по оказанию военной помощи России в борьбе с Турцией. В письме главнокомандующего русской армией, написанном им в Горном Студне 21 августа 1877 г. и переданном Бобриковым князю Милану 29 числа того же месяца, указывалось, что «кооперация сербских войск была бы особенно полезна в настоящий момент»[88] — то есть в период осады Плевны. Для российского командования было особенно важно, чтобы Сербия, вступив в войну, отвлекла на себя часть турецкой армии на софийском направлении.

Однако сербское правительство прямо заявило Бобрикову, что немедленное объявление Сербией войны Турции немыслимо. «Сербия, — подчеркнул Ристич, — будет готова к ноябрю»[89]. На деле же сербские войска начали военные действия даже еще позже. Причиной стали затянувшаяся блокада Плевны и возникшие в связи с этим в ряде европейских правительств сомнения в конечном успехе России. А в случае российского поражения сербское правительство боялось вновь остаться лицом к лицу с Турцией.

Поскольку первые впечатления Бобрикова о подготовке сербской армии оказались неблагоприятными, он получил 11 сентября предписание сообщить князю Милану, чтобы Сербия воздержалась пока от объявления войны Турции, выставив, однако, как можно скорее обсервационные регулярные войска по всей юго-восточной границе. По уведомлению об исполнении этого требования сербскому правительству была обещана немедленная отправка второй половины миллионной субсидии[90]. Пожелание русского командования о концентрации сербских войск на юго-восточной границе было выполнено только в конце сентября 1877 г., и вслед за этим в середине октября сербы получили вторую половину миллиона для военного оснащения[91].

Знакомство Бобрикова с корпусом сербских офицеров, осмотр воинских частей Белградского гарнизона, 12-дневная поездка по стране во второй половине октября возродили в нем надежду на успешное осуществление совместных действий сербских и русских войск. Он убедился в желании сербов идти на бой с исконным врагом, в их готовности на любые жертвы. Особенно доволен был Бобриков сербским офицерским корпусом. Русский военный агент пришел к выводу, что 60-тысячная сербская армия, располагавшая 178 артиллерийскими орудиями, сможет перейти сербско-турецкую границу в восточном направлении в течение 10—12 дней. Он считал, что вступление в войну Сербии могло бы еще принести существенную пользу отвлечением на себя части сил софийской армии Мехмед-паши[92].

---

[87] А. Н. Церетелев — А. И. Нелидову. 15 авг. 1876 г. // Освобождение Болгарии... Т. II. С. 236.

[88] Там же. С. 299.

[89] *Бобриков Г. И.* В Сербии... С. 31—33.

[90] Там же. С. 35.

[91] Записи Јеврема Грујића... С. 303.

[92] *Бобриков Г. И.* В Сербии... С. 60.

Вернувшись в Белград в начале ноября, Бобриков уведомил о своих соображениях сербское правительство, а затем и русское командование. В результате 10 ноября 1877 г. князь Милан получил от Главного штаба русской армии официальное отношение о том, чтобы «сербские войска через 10 дней вступили в акцию против Турции»[93]. В телеграмме из Богота от 13 числа того же месяца русское командование предложило сербскому князю как можно быстрее определить день перехода сербскими войсками границы с Турцией. И 18 ноября сербское правительство после некоторых колебаний приняло решение призвать народ к оружию.

Русское командование помимо уже выделенных сумм решило выдавать сербскому правительству на содержание войск вне границ княжества по 150 рублей в день на каждую тысячу человек. Выдачу денег решено было начать через две недели после перехода сербскими войсками турецкой границы и лишь тогда, когда численность перешедших границу войск составит не менее 25 тыс. человек[94]. Позднее Россия стала выдавать помощь и на солдат, оставшихся охранять границу. Однако субсидия выплачивалась только в период военных действий.

Сербия объявила войну Турции 1 декабря 1877 г. Это известие произвело очень неблагоприятное впечатление на западноевропейские правительства. Да и военно-психологическое значение вступления сербов в борьбу было ослаблено тем, что за несколько дней до этого, а именно 28 ноября, уже пала Плевна. Однако для действий самих сербских войск обстановка складывалась на редкость благоприятная, и во взаимодействии с русскими воинскими частями они начали теснить ослабленную поражениями турецкую армию. В начале декабря в соответствии с планами русского командования основные силы сербской армии повели наступление на Ак-Паланку и Пирот. Как писал Бобриков, бои у этих населенных пунктов оказали несомненное и немаловажное содействие отряду русского генерала Гурко. Пирот был взят 16 (28) декабря, а уже на следующий день, 17 (29) декабря, передовые русские отряды спустились с Балкан. Взятие Ниша 29 декабря 1877 г. (10 января 1878 г.) имело огромное значение для последующих военных операций сербов. Оно закрепляло все прежние успехи и создавало базу для развития дальнейшего наступления. В Южной Сербии сербская армия действовала самостоятельно. Ей удалось занять Лесковац и Вранье. В итоге вторая война Сербии с Турцией оказалась короткой: около шести недель[95].

Подписание 19 (31) января 1878 г. перемирия между Россией и Турцией выдвигало на первый план переговоры о предварительных условиях мира. Российская дипломатия в проекте условий мирного договора, предъявленном Турции в Адрианополе, стремилась в максимальной степени учесть интересы Черногории и Сербии. Намечалось значительное расширение территорий обоих славянских княжеств-союзников России.

Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор, подписанный 3 марта 1878 г. в предместье Константинополя, признал независимость Сербии. Территория ее расширялась благодаря присоединению Ниша и его окрестностей, а также некоторых районов в направлении Косово и Новопазарского санджака в общей сложности на 8 750 кв. км[96]. Черногория также была признана не-

---

[93] Записи Јеврема Грујића... С. 304.

[94] А. А. Непокойчицкий — Д. А. Милютину. 4 дек. 1876 г. // Освобождение Болгарии... Т. II. С. 361.

[95] *Јовановић С.* Влада Милана Обреновића... С. 432.

[96] Там же. С. 439.

зависимым государством (как и еще одна балканская страна — Румыния), ее территория увеличивалась почти в три с половиной раза с 4 405 км^2 до 15 355 км^2.

Однако Сан-Стефанский договор вызвал резко отрицательную реакцию в Европе, особенно в Австро-Венгрии и Великобритании. Известно характерное высказывание, озвученное британским лордом Солсбери, о том, что задачей его страны на Берлинском конгрессе было ни много ни мало «уничтожить результаты войны»[97]. В результате, столкнувшись с объединенной оппозицией в рядах великих держав, Россия была вынуждена пойти на уступки Вене по многим пунктам.

Сербское правительство быстро оценило новую дипломатическую ситуацию на Балканах, а именно роль Австро-Венгрии при решении различных вопросов, касающихся судеб Балканского полуострова, в том числе и Сербии. Уже весной 1878 г. князь Милан был готов к проведению новой политики опоры на Австро-Венгрию[98]. Контакты, установленные с Андраши в мае 1878 г., увенчались соглашением Сербии с Австро-Венгрией 26 июля 1878 г. Этим был сделан важный шаг на пути экономического и политического закабаления Сербии Австро-Венгрией.

Берлинский трактат, подписанный собравшимися в июле в Берлине делегатами великих держав, подтвердил основные положения Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора относительно государственной независимости Сербии, Черногории и Румынии. Сербская территория была даже расширена посредством присоединения к ней четырех новых округов: Нишского, Пиротского, Враньского и Топлицкого. В результате площадь Сербского княжества увеличилась почти на 11 тыс. км^2, а население — почти на 300 тыс. человек. Впрочем, точные этнографические данные на сей счет получить было невероятно сложно, ибо «в балканских условиях любое изменение политической карты и направления границ неизбежно добавляет сложности и пестроты в этническую картину»[99]. Кроме того, следует учитывать активные переселенческие процессы, по причине которых приграничные области Сербии с Болгарией и Османской империей исторически представляли собой «неустойчивый этнический и демографический пояс»[100].

Следует также подчеркнуть, что собравшиеся в Берлине представители великих держав в вопросах территориального разграничения балканских земель в первую очередь руководствовались интересами глобальной политики. Действуя в соответствии с принципами, заложенными канцлером Бисмарком, «конгресс занялся своим делом, не особо считаясь с национальными и местными условиями, а именно — пытаясь подправить расшатанный баланс сил на Балканах. Согласно новому устройству балканских дел, Албания претерпела урезание своей территории в пользу своих соседей»[101].

В результате Берлинский трактат от 13 июля 1878 г. в целом подтвердил положения Сан-Стефанского договора касательно реформ в Европейской Турции.

---

[97] Цит. по: *Бычков Ю. Е.* Черногория... С. 105.

[98] *Чубриловић В., Ђоровић В.* Србија од 1858 до 1903. Београд, 1938. С. 109.

[99] *Искендеров П. А.* Берлинский конгресс 1878 г.: первый опыт балканского миротворчества // Россия и Болгария... С. 127.

[100] Историја српског народа. Књ. 6. Т. 1. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878—1918. Београд, 1983. С. 50.

[101] *Chekrezi K.* Albania. Past and Present. N. Y., 1919. P. 50—51.

Ключевая статья XXIII, к которой впоследствии активно апеллировали в Белграде и других балканских столицах, а также поборники албанского национального движения, звучала в следующей редакции:

«Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 г. с изменениями, которые будут признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не было предусмотрено настоящим трактатом.

Разработка подробностей этих новых уставов будет поручена Блистательной Портой в каждой области особым комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие.

Проекты организаций, которые будут результатом этих трудов, будут представлены на рассмотрение Блистательной Порты.

Прежде обнародования распоряжений, которыми они будут введены в действие, Блистательная Порта посоветуется с Европейской комиссией, назначенной для Восточной Румелии» [102].

Однако для Сербии — как и для Черногории — гораздо большее значение имело обретение международно признанной независимости, нежели конкретные территориальные приращения. Глава сербского правительства Й. Ристич, выступая 25 июля 1878 г. на закрытом заседании Народной Скупщины в городе Крагуевац, так охарактеризовал значение Берлинского трактата для судеб своей страны: «Не следует думать, что завоевание независимости — незначительный выигрыш. Не нужно это событие оценивать с точки зрения материальной и говорить себе: мы не будем больше платить ежегодно 40 тыс. дукатов в качестве дани, и это все! Мы получили значительно больше! То, что означает свобода для каждого отдельного человека, означает она и для целого государства» [103].

К слову, территориальные пределы Черногории, согласно решениям Берлинского конгресса, даже сократились по сравнению со Сан-Стефанским договором на 7 тыс. км^2 (до 8655 км^2). Тем не менее в состав Черногорского государства вошли плодородные земли с городами Подгорица, Никшич, Колашин и Жабляк — в дополнение к Спужу и Андриевице [104]. Кроме того, в результате присоединения Адриатического побережья протяженностью 70 км с портами Бар и Улцинь Черногория получала выход к морю. Так что стоит согласиться с мнением британского исследователя Кеннета Моррисона, указавшего, что в сложившихся уникальных международных обстоятельствах «те территории, которые Черногория удержала после окончания черногоро-турецкой войны и которые должны были отойти к ней, стали лишь началом новой существенной фазы в истории Черногории» [105].

Что же касается России, то для нее сан-стефанские коллизии и последующие решения Берлинского конгресса имела двойственное значение. С одной сто-

---

[102] Сборник договоров России... С. 192.

[103] Цит. по: *Данченко С. И.* Развитие сербской государственности и Россия 1878–1903 гг. М., 1996. С. 37–38.

[104] *Rastoder Š.* A Short Review of the History of Montenegro // Montenegro in Transition: Problems of Identity and Statehood. Baden-Baden, 2002. P. 123.

[105] *Morrison K.* Montenegro... P. 28.

роны, несомненны достижения, которых удалось добиться, несмотря на явную оппозицию других великих держав. Помимо независимости Сербии, Черногории и Румынии, к числу подобных достижений относилось возрождение очага болгарской государственности. Кроме того, «смертельный удар получил пресловутый принцип status quo, т. е. неприкосновенности владений Османской империи: от нее в Европе осталось не так уж много» [106]. Однако следует учитывать, что Берлинский конгресс одновременно «продемонстрировал полнейшую внешнеполитическую изоляцию России» — во многом аналогичную военной изоляции периода Крымской войны 1853—1856 гг. [107] Эта изоляция в последующие годы будет во многом определять принципы балканской политики Санкт-Петербурга.

Возвращаясь же к историческим судьбам Сербии и Черногории, следует подчеркнуть, что та вооруженная борьба, в которую они вступили в июне 1876 г., в конечном итоге принесла им значительные результаты. Но эту борьбу, несмотря на проявленное сербами и черногорцами беспримерное мужество, удалось довести до завоевания независимости лишь благодаря России и русско-турецкой войне.

[106] В «пороховом погребе Европы». 1878—1914 гг. М., 2003. С. 12.
[107] Там же.

Греция в Восточном кризисе 70-х годов XIX века. Освобождение греческих земель продолжается: воссоединение Фессалии

Во внешней политике Греции после Критского восстания наметилась линия на сближение с Турцией и отказ от сотрудничества с другими балканскими странами. Правящие круги Афин были недовольны пассивной, с их точки зрения, позицией Румынии и Сербии в период Критского восстания. Отношения с албанцами ухудшились в результате выдвигавшихся греческими политиками претензий на территории с албанским населением. Возник и конфликт с болгарами на религиозно-культурной почве.

В Болгарии после Крымской войны развернулось общенародное движение за самостоятельную церковь. Оно отражало стремление болгар не только к культурной, но, в конечном счете, и к политической независимости. Созданный в 1870 г. по решению султана экзархат — самостоятельная болгарская церковь — не был признан Константинопольской патриархией. Болгары были объявлены схизматиками (раскольниками) и отлучены от церкви.

Греко-болгарский церковный конфликт резко ухудшил отношения между греческим государством и болгарами. Формально вопрос о создании независимой от Константинопольской патриархии болгарской церкви как будто не имел отношения к внешней политике Греции. Фактически же он сразу приобрел политическую окраску, так как возник вопрос о границах болгарского экзархата, которые в значительной мере предопределяли границы будущего болгарского государства.

Такое разграничение было особенно сложным в областях со смешанным населением — Македонии и Фракии. Со своей стороны, Порта была заинтересована в том, чтобы разжечь распрю между греческими и болгарскими жителями этих областей и отвлечь их таким образом от совместной освободительной борьбы. В свой фирман о создании болгарского экзархата, где были определены вошедшие в нее епархии, Порта включила пункт о том, что если не менее 2/3 православных жителей других епархий выскажутся за присоединение к экзархату, то это будет осуществлено решением турецких властей. В результате греко-болгарская борьба за духовное влияние на население спорных областей обострилась.

К этой борьбе, которая велась пока на ниве школьного дела и просвещения, греки были подготовлены лучше. В отличие от болгар, они уже имели свой национальный очаг и тесные политические и экономические связи с правящей верхушкой Османской империи. Под эгидой и при финансовой поддержке созданного в Афинах Общества по распространению греческой культуры и константинопольского Греческого литературного общества в 1870—1875 гг. в Македонии, Фракии и других областях Османской империи были созданы десятки силлогов — культурно-просветительных обществ, которые наряду с созданием школ и другой культурно-просветительской деятельностью вели пропаганду идей греческого национализма среди населения.

Активно занимались внедрением национального образования и сами греческие общины в областях Европейской Турции — там, где они существовали. Зачастую эта деятельность была достаточно эффективной. В качестве примера можно привести образовательную деятельность одной из греческих общин Македонии — жителей местечка Асвестохори, находящегося в 10 км к северо-востоку от Салоник. Посетивший это местечко в 1830 г. французский путешественник Е. Кузинери обратил свое внимание на то, что здесь жили болгары, говорившие на родном языке. Жители этого местечка, как отметил путешественник, использовали также греческий и турецкий языки. Существовала здесь и греческая начальная школа. После 1870 г. греческое образование в местечке стало значительно расширяться. В последний период турецкого господства здесь существовало уже две греческие школы — семиклассная мужская и четырехклассная женская — и двухклассный детский сад. Прямым последствием греческого национального образования в этом местечке следует рассматривать результат переписи населения в Европейской Турции, проведенной турецкими властями в 1904—1905 гг.: Асвестохори насчитывало тогда 736 домов и 4422 жителя — все «греки» [1].

В 70-е гг. XIX в. в Греции существовала влиятельная группа, считавшая, что тесные отношения с Портой помогут осуществлению «национальных целей эллинизма». В политике Греции курс на сближение с Турцией особенно проявился в период пребывания у власти правительства Э. Делигиоргиса (июль 1872 г. — февраль 1874 г.). За несколько месяцев до его прихода к власти Порте со стороны Греции были сделаны предложения о сотрудничестве и заключении в будущем союза. При Делигиоргисе переговоры с Турцией по различным вопросам продолжались.

Авансы афинского кабинета встретили прохладный прием со стороны Порты, считавшей, что это тактический ход, а не кардинальное изменение внешнеполитического курса. В самой Греции политика сближения с Турцией вызвала противодействие политических и общественных кругов. Противниками ее были А. Кумундорос, А. Рангавис и некоторые другие видные политики и дипломаты. Оппозиционная Делигиоргису афинская пресса резко критиковала его политику. Недовольство греческой общественности проявилось и в студенческих волнениях, вспыхнувших в Афинах в конце 1873 — начале 1874 гг. против протурецкой политики; за продолжение сотрудничества с балканскими народами в совместной освободительной борьбе выступало и население греческих провинций Османской империи. Противоречия между официальным курсом и настроениями общественности проявились особенно выпукло после того, как летом 1875 г. вспыхнуло национально-освободительное восстание в Боснии и Герцеговине, положившее начало очередному Восточному кризису. Тогдашний премьер-министр Х. Трикупис поспешил заверить представителей европейских держав, что Греция будет придерживаться строгого нейтралитета и что единственным путем для нее является политика дружбы и сотрудничества с Турцией [2].

Официальная греческая политика не изменилась и тогда, когда весной 1876 г. национально-освободительное восстание охватило Болгарию. Однако демокра-

[1] Ιωαννίδου-Μπιτσιάδου Γ. Νέα ιστορικά στοιχεία γιά τη Θρησκευτική καί κοινοτική δομη του Ασβεστοχωρίου κατά την τρίτη δεκαετία του 19ου αι // Βαλκανικά σύμμεικτα. Θεσσαλονίκη, 1992. Τεύχ. 4.

[2] *Kofos E.* Greece and the Eastern Crisis. 1875—1878. Thessaloniki, 1975. P. 43—44.

тические силы Греции с большой симпатией отнеслись к освободительным выступлениям других балканских народов. В январе 1876 г. в Афинах образовалась политическая организация, названная в честь выдающегося греческого революционера-демократа XVIII в., поборника сотрудничества балканских народов в освободительной борьбе Ригаса Велестинлиса. Организация «Ригас», объединявшая прогрессивно настроенную молодежь, выступала за создание федерации балканских народов на демократических принципах; члены организации считали, что такая федерация могла бы избавить эти народы от внешней зависимости [3]. Это объединение начало сбор средств в пользу боснийско-герцеговинских повстанцев. В его обращении к греческой общественности, опубликованном в афинских газетах, говорилось: «Когда наши отцы, без средств и без подготовки, подняли оружие против Турции, тогда еще столь могущественной, все нации встали на сторону нашей священной войны и предложили свой обол, дав таким образом доказательство своей симпатии к нам. Теперь народ, связанный с нами теми же клятвами и теми же надеждами, поднял оружие в защиту своих прав и своей победы. Можем ли мы остаться равнодушными к этой борьбе? Если наш обол и не является существенной помощью, то он, по крайней мере, станет большим утешением для наших братьев, так как покажет им, что здесь существуют еще сердца, которые бьются с ними в унисон!» [4] И Апрельское восстание, несмотря на разжигавшуюся националистическими кругами вражду к болгарам, нашло сочувственный отклик в греческой прессе [5].

Национально-освободительная борьба балканских народов вызвала подъем освободительных настроений у греческого населения Европейской Турции. Особенно по-боевому были настроены жители Крита. В письме, которое «вожди и капитаны» Крита 5 (17) сентября 1875 г. направили повстанцам Боснии и Герцеговины, говорилось, что «критянин не останется холодным и безучастным перед лицом восстания героического и единоверного народа против нестерпимого оттоманского ига. Критянин никогда не забывал, что в последнем длительном и кровопролитном восстании этого многострадального острова много славянских братьев сражалось с ним рядом, перенося те же лишения и страдания, что и он... Продлите, насколько возможно, свое сопротивление туркам и отнеситесь с доверием к предстоящему нашему сотрудничеству» [6].

В дальнейшем успехи боснийско-герцеговинских повстанцев укрепили решимость критян также начать вооруженную борьбу. Консул России Г. К. Дубницкий сообщал с острова Сирос: «По мере того, как бессилие Порты подавить оружием мятеж в восставших провинциях обнаруживается все более и более, надежды здешних кандиотов на восстание с весенним временем в Кандии и шансы на успех все больше и больше возрастают и самоуверенность усиливается [7]. По отзыву их, критяне-греки чувствуют себя достаточно могущественными для того, чтобы начать свой давно задуманный поход» [8].

---

[3] *Данова Н.* Националият въпрос в гръцките политически програми през XIX век. София, 1880. С. 241.

[4] Международные отношения на Балканах. 1856—1878 гг. М., 1986. С. 320.

[5] *Тодоров Н.* Априлското въстание и гръчката обществеост // Априлското въстание. 1876—1966. София, 1966. С. 151—152.

[6] *Кондратьева В. Н.* Из истории национально-освободительной борьбы на Крите // Ученые записки Института славяноведения. М., 1966. Т. 30. С. 135.

[7] Кандия — другое название Крита.

[8] Международные отношения... С. 321.

В первые месяцы 1876 г. в некоторых горных районах Крита начали собираться вооруженные группы. Приготовления к восстанию начались также в Эпире, Фессалии и Южной Македонии. Они велись при поддержке действовавших на территории свободной Греции тайных националистических организаций.

Афинское правительство в соответствии с проводимой им политикой нейтралитета принимало меры для «успокоения» греческого населения европейской Турции. В мае—июне 1876 г. греческим консулам в султанских владениях были посланы секретные циркуляры, в которых давалось указание сделать все возможное для предотвращения освободительных выступлений [9].

Между тем балканские государства весьма рассчитывали на содействие Греции. В беседах сербских руководителей с греческим генеральным консулом в Белграде А. Доскосом в первой половине 1876 г. было сделано предложение о совместном военном выступлении против Османской империи. Греческое правительство дало отрицательный ответ на это предложение [10].

Но и после начала в июне 1876 г. сербо-черногорско-турецкой войны Греция продолжала придерживаться политики нейтралитета. Здесь сыграли свою роль определенные расчеты ее правящих кругов, а также нажим великих держав, призывавших Грецию к «спокойствию» и «сдержанности». В этом нажиме не участвовала только Россия. Следует заметить, что до середины 1876 г. линия поведения российского посланника П. А. Сабурова существенно не отличалась от линии поведения его коллег. Направленность своих действий на этом этапе сам посланник позднее, в записке о своей миссии в Греции, характеризовал следующим образом: «Руководствуясь намерением императора избежать войны и ограничиться тем, чтобы добиться для христианских провинций Турции более человечного режима, я действовал в Афинах в направлении поддержания мира и спокойствия в этой части Востока» [11]. Но после военного выступления славянских государств против Турции в правящих кругах России резко активизировались сторонники решительных действий на Балканах. И Сабуров изменил направление своей деятельности.

После начала сербо-турецкой войны, по его собственным словам, он видел свою задачу в том, чтобы и не подталкивать греков, но и не мешать им оказать поддержку сербам, если бы за нее высказалось общественное мнение. Проявленная же Грецией пассивность, писал П. А. Сабуров канцлеру А. М. Горчакову в июле 1876 г., объяснялась расчетами греческих руководителей получить определенные выгоды от Восточного кризиса без какого-либо риска для себя [12]. В другом письме, еще в феврале 1876 г., Сабуров приводил характерное высказывание одного из выдающихся политиков Греции Харилаоса Трикуписа: «Наш интерес побуждает нас сохранять сейчас спокойствие. Турция рухнет и без нас: славяне с этим справятся, а нам нужно только подождать» [13]. Это высказывание, бесспорно, отражало и настроения Георга I. Во время своего длительного турне по европейским столицам в апреле—ноябре 1876 г. он пытался извлечь

[9] *Kofos E.* Greece... P. 60.

[10] Подробнее см.: Международные отношения... С. 321—322.

[11] Там же. С. 322; *Arsh G. L.* P. A. Sabouroff on his mission in Greece during the Eastern crisis of the 1870's // Symposium historique international «La dernière phase de la Crise Orientale et Hellénisme». Athènes, 1983. P. 104.

[12] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 8. Л. 811—813.

[13] Там же. Л. 739.

определенный капитал из греческой политики нейтралитета. В беседах с государственными деятелями греческий монарх вменял в заслугу своему правительству то, что в греческих провинциях Европейской Турции, в отличие от славянских, царит спокойствие. Король выражал надежду, что Греция будет вознаграждена державами за свое «благоразумие». Хотя в Лондоне, Париже, Вене, Берлине, где побывал Георг I, выразили «понимание» позиции Греции, но от дачи каких-либо конкретных обещаний уклонились.

Летом 1876 г. греческий король посетил и русскую столицу. Тогда уже вовсю шла сербо-черногорско-турецкая война, но в Петербурге отнюдь не поощряли Георга нарушить нейтралитет, так как в России тогда еще не были заинтересованы в расширении войны на Балканах. В то же время А. М. Горчаков предупреждал короля о серьезных последствиях проявления какого-либо антагонизма, даже кажущегося, между греками и славянами [14].

Пассивная политика греческого правительства в условиях нараставшего подъема национально-освободительной борьбы на Балканах вызывала растущее недовольство в стране. Расхождения по поводу политического курса существовали и между королем и премьер-министром. Пост этот с октября 1875 г. занимал видный политический деятель А. Кумундорос, являвшийся сторонником совместных действий балканских народов в освободительной борьбе. После начала войны Сербии против Турции у него появились планы оказания военной помощи сербам. Об этом сам греческий премьер весьма доверительно сообщил российскому посланнику в конце июля 1876 г. В беседе был затронут вопрос о перспективах войны Сербии против Турции. Греческий премьер интересовался мнением русского дипломата относительно того, смогут ли сербы продержаться до зимы. Сабуров ответил, что этого он не знает, но думает, что в случае поражения сербов Россия придет им на помощь. «Но если сербы и продержатся до зимы, — продолжал Сабуров, — найдут ли они новых союзников будущей весной? Найдется ли среди вас кто-нибудь, кто захочет им помочь?» — «Я, если буду еще министром», — ответил Кумундорос. Он добавил, что сербам нужно продержаться до зимы, для того чтобы обеспечить благоприятный для них поворот в общественном мнении Греции. На замечание Сабурова, что сербам, учитывая явное неравенство сил сторон, придется пролить для этого реки крови, премьер ответил: «Если мы все хотим быть свободными, то другого выхода нет. Никогда еще не видели, чтобы государство умерло естественной смертью или от финансового расстройства. Нужно помочь Турции умереть». Премьер сообщил посланнику и о своих планах оказания военной помощи Сербии: греческая регулярная армия насчитывает 8—9 тыс. человек; с призывом на военную службу резервистов и отставных солдат численность ее будет доведена до 15 тыс.; кроме того, он рассчитывает в течение осени и зимы сформировать еще милицию из 30 тыс. «Этого будет достаточно для того, чтобы поднять на восстание Эпир и Фессалию и осуществить эффективную диверсию в пользу сербов. Нужно будет пожертвовать несколькими греческими портами, которые будут разрушены или оккупированы турецким флотом. Но это неизбежно». Кумундорос просил Сабурова держать его планы в строжайшей тайне, так как на тот момент они не разделялись общественным мнением и их преждевременное раскрытие неизбежно привело бы к отстранению его от власти [15].

[14] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 8. Л. 943.
[15] Там же. Л. 815—819.

Расхождения между Георгом I и Кумундоросом не были простым расхождением во мнениях. Проводя вдохновляемую самим королем политику нейтралитета, премьер-министр имел в виду и иную альтернативу. Он поддерживал тайные политические связи с греческими провинциями Османской империи, с соседними балканскими странами. Одним из доверенных лиц премьера был Леонидас Вулгарис, отважный балканский революционер, участник всех греческих восстаний со времени Крымской войны. После начала войны Сербии и Черногории с Турцией Л. Вулгарис снарядил несколько отрядов в соседние провинции Османской империи. Греческие добровольцы сражались в сербских войсках, по всей Греции был организован сбор средств в пользу жертв войны в Сербии [16].

Рост освободительного движения на Балканах, активизации русской политики вызвали беспокойство правящих кругов Великобритании. Для того чтобы попытаться удержать Петербург от самостоятельных действий, осенью 1876 г. лондонский кабинет решил поддержать идею России о созыве международной конференции по Восточному вопросу. Великобритания, формально выступавшая в роли инициатора, 21 сентября направила ноту другим великим державам с предложением о созыве конференции в Константинополе. Программа ее предусматривала возвращение Сербии и Черногории к их довоенному положению и предоставление административной автономии для Боснии, Герцеговины и Болгарии.

Отсутствие в британской ноте упоминания о греческих областях Европейской Турции вызвало раздражение афинского правительства, рассчитывавшего получить от держав награду за свое «хорошее поведение». В представлении, сделанном 18 (30) сентября 1876 г. правительствам великих держав, оно потребовало распространить на греческие провинции те привилегии, которые предполагалось предоставить Боснии, Герцеговине и Болгарии. Отказ от выполнения этого требования, говорилось в заявлении, может заставить порабощенное греческое население прибегнуть к оружию, и «греческое правительство будет больше не в состоянии удержать его» [17].

Одновременно по всей стране были организованы митинги, самый большой из которых, с участием 8 тыс. человек, прошел на площади Пникс под стенами Акрополя. Выступавшие на митинге университетские профессора и политики осудили державы за то, что они покинули на произвол судьбы греческое население Османской империи, и потребовали проведения военных приготовлений и немедленного возвращения короля в Грецию. К сторонникам действий, которых раньше именовали «славянскими агентами», теперь примкнули и консервативные круги [18]. В связи с изменениями в общественном мнении А. Кумундорос в октябре 1876 г. смог возобновить переговоры с П. А. Сабуровым. В ходе бесед с русским посланником греческий премьер стремился выяснить, на какие территориальные приобретения может рассчитывать его страна, если в случае русско-турецкой войны она станет на сторону России. Участие в войне рассматривалось в Афинах прежде всего в плане присоединения к Греции Эпира и Фессалии. Эти провинции с античных времен были неразрывной частью греческого мира. Напомним, что гора Олимп в Фессалии для древних греков являлась обиталищем их

[16] *Kofos E.* Greece... P. 66–68.

[17] *Lascaris S.* La politique extérieure de la Grèce avant et après le Congrès de Berlin, 1875–1881. P., 1924. P. 44.

[18] *Kofos E.* Greece... P. 79.

богов. Если же перейти от времен античности в новой эпохе, то предметом большой гордости для фессалийцев служит то, что родиной основателя греческого национально-освободительного движения Ригаса Велестинлиса был небольшой фессалийский городок Велестино. Во время революции 1821—1829 гг. бои шли на равнине и в горах Фессалии, включая и легендарный Олимп, но освободить свой край повстанцам тогда не удалось. Однако борьба за освобождение Фессалии и за ее воссоединение с Грецией продолжалась. Фессалийцы поднимались на восстание в 1840—1841 гг., 1854 г., 1866 г. и 1878 г. О последнем восстании мы будем говорить подробнее. Но прежде следует хотя бы кратко сказать, что представляла собою эта греческая провинция Европейской Турции.

Население Фессалии в последние годы турецкого господства составляло, по некоторым оценкам, 332 тыс. человек: 295 тыс. греков и 37 тыс. турок[19]. Основным видом занятий этого населения было сельское хозяйство, а говоря более точно — земледелие. На большой фессалийской равнине — самой большой в Греции — выращивались различные виды зерновых: пшеница, ячмень, рожь, кукуруза. Выращивался также хлопок; толчок к его культивированию дала рыночная конъюнктура: увеличение спроса и цен на этот продукт, вызванное гражданской войной в США. Наряду с земледелием, животноводство также являлось важным видом занятий фессалийцев и существенным источником их доходов. Горы, в частности Олимп, давали большое количество строительного леса.

Земля в Фессалии принадлежала мусульманским беям. Работавшие в их чифтликах (поместьях) крестьяне не только несли многочисленные повинности, но и были фактически закрепощены. Однако веяния Танзимата, хотя и с запозданием, дошли и до Фессалии. Есть сведения, что в 1861 г. крепостное право в этой провинции было официально отменено[20]. Совпадение этой даты с датой отмены крепостного права в России невольно вызывает предположение, что и события в далекой России благотворно повлияли на судьбу фессалийских крестьян. Но конкретных данных для обоснования этого предположения не имеется.

В 60-е гг. XIX в. в Фессалии начались изменения и в сфере земельных отношений. Некоторые мусульманские беи, предчувствуя передачу Греции этой провинции, продавали по дешевке свои чифтлики и покидали Фессалию. Новыми собственниками становились в основном богатые зарубежные греки. Например, в 1876 г. богатый купец из Одессы Зографос приобрел большой участок земли площадью 64 тыс. стремм (6400 га) за 540 тыс. золотых драхм[21]. Однако и простые крестьяне после 1861 г. начали по доступным ценам приобретать небольшие участки земли.

Несмотря на широковещательные обещания «свободы» и «равенства» всех граждан Османской империи независимо от их вероисповедания, которые содержались в декларациях авторов реформ Танзимата, положение христиан в Фессалии, как, впрочем, и в других районах империи, по-прежнему было неблагополучным. Они страдали от постоянно увеличивавшихся налогов, от произвола их сборщиков, от корыстолюбия представителей власти, от несправедливого правосудия. Тем не менее фессалийские христиане не теряли надежды

[19] *Ioannidou-Bitsiadou G.* La structure économique de la Thessalie à la veille de l'annection // Symposium historique... P. 285.

[20] Αλλαμανή Ε. Η. Θεσσαλία στά τελευταία πενήντα χρόνια της τουρκικής κυριαρχίας // Symposium historique... P. 86.

[21] Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήνα, 1977. Τ. 1 Γ. Σ. 399.

на коренные политические перемены в их судьбе. В частности, это проявилось в принявшем значительный размах переселении жителей горных поселений, сформировавшихся там в первые века османского господства, на равнины.

Эпир, так же как и Фессалия, исторически был неразрывно связан с остальной Грецией. Можно вспомнить эллинистического царя Пирра, правившего Эпиром в III в. до н. э. и широко известного и поныне по крылатому изречению «Пиррова победа». В новые времена, когда Греция боролась за национальное освобождение, столица Эпира Янина славилась своими училищами. В одном из них преподавал родоначальник новогреческого Просвещения Евгениос Вулгарис (Булгари). Родом из Эпира была известная купеческая семья братьев Зосима, переселившаяся в Россию и ставшая главной материальной опорой новогреческого Просвещения. В эпоху войны за греческую независимость Эпир стал ареной ожесточенных битв, но они не привели к освобождению этой области. Однако эта борьба продолжалась и в последующие годы.

В экономическом и социальном отношении Эпир в 70-е гг. XIX в. мало чем отличался от Фессалии. Но в демографическом плане между этими провинциями имелись существенные различия: если в Фессалии греки составляли преобладающее большинство населения, то в Эпире существовало значительное албанское меньшинство.

По новому административному делению Европейской Турции 1864 г. был создан Янинский вилайет, в который, помимо Эпира, вошли также значительная часть Южной Албании и почти вся Фессалия. Вилайет (провинция) делился на пять санджаков (округов). Что касается двух из этих санджаков — Янины и Превезы, географические рамки которых в основном совпадали с территорией современного Эпира, — то, по сведениям специального английского эмиссара Н. Лонгворта, в 1878 г. в них проживало 318 тыс. человек: 261 тыс. христиан и 57 тыс. мусульман[22]. Нельзя считать, что эти данные точно отражают национальный состав населения Эпира, где помимо албанцев-мусульман жили и православные албанцы. В других санджаках Янинского вилайета албанское население было еще более значительным. Объединяя в рамках одной административной единицы греков и албанцев, Порта преследовала цель осложнить отношения между этими народами. Смешанный состав населения Эпира создавал здесь проблемы для греческого национального движения, так как национальное пробуждение затронуло в это время и местных албанцев. Вопрос о судьбе и Эпира, и Фессалии стал одним из самых жгучих вопросов политической жизни Греции в период Восточного кризиса 70-х гг. XIX в.

К участию в начавшейся 11 (23) декабря 1876 г. в Константинополе конференции Греция, как и другие малые страны, приглашена не была. Греческие жители европейских провинций Турции высказали свои пожелания в петициях, направленных в адрес конференции. В частности, в петициях, которые направили ей эмигранты из Эпира, Фессалии, Крита, находившиеся в Греции, ставился вопрос об улучшении положения населения этих провинций. Тон их был неодинаков. По словам П. А. Сабурова, в петиции эпиротов «сильно проглядывает чувство зависти по отношению к славянскому населению». «В этом смысле петиция фессалийцев более умерена в своих выражениях». Петиция же критян отличалась от обеих вышеуказанных. Они требовали не предоставления им каких-либо новых прав, а соблюдения уже предоставленных по Органическому

[22] О. π. Σ. 388.

статусу 1868 г.[23] Со своей стороны греческий посланник в Константинополе А. Кундуриотис, действуя в кулуарах конференции, добивался включения греческих провинций Османской империи в сферу действия реформ, предложенных державами. В этом вопросу проявились значительные расхождения между Афинами и греческой верхушкой Константинополя.

Влиятельные греческие круги Константинополя — духовное и светское окружения патриарха, богатые банкиры, руководители просветительных и профессиональных обществ — вообще выступали против каких-либо реформ, особенно против предоставления автономии Болгарии, рассматривая их как угрозу своим замыслам эллинизации православного населения Османской империи и преобразования ее в греко-турецкое государство, в котором они рассчитывали со временем занять руководящее положение. В греческих общинах был повсеместно организован сбор подписей под петицией, выражавшей верноподданнические чувства султану и осуждавшей попытки держав провести реформы в славянских провинциях империи[24]. Эти действия греческой знати Константинополя укрепляли Порту в ее неуступчивой позиции по отношению к требованиям великих держав. Сославшись на введение султаном Абдул-Хамидом II конституции, Порта заявила, что считает работу международной конференции беспредметной. Срыв Константинопольской конференции вызвал дальнейшее обострение русско-турецких отношений, приведшее к новой войне между двумя империями.

Интервал между Константинопольской конференцией и началом 12 (24) апреля 1877 г. русско-турецкой войны был периодом интенсивной дипломатической активности. В ходе многочисленных встреч и соглашений определялась позиция государств в отношении назревавшего военного конфликта, условия их участия в войне на стороне России; обсуждались также проекты послевоенного переустройства Балкан.

В начале 1877 г. Греции были сделаны различные предложения. Румыния и Сербия предлагали ей союз и сотрудничество. За неделю до начала русско-турецкой войны русский министр иностранных дел А. М. Горчаков сообщил в Афины о большой заинтересованности России в вооруженном выступлении греков Эпира и Фессалии против Турции. В случае участия в войне самого греческого королевства Россия, по словам министра, не будет возражать против присоединения к нему греческих провинций Европейской Турции[25].

Однако эти разнообразные предложения, включая и согласие России пойти навстречу национальным требованиям Греции, не нашли должного отклика в ее правящих кругах. Объяснялось это в значительной степени тяжелым финансовым положением страны и ее военной слабостью. Государственный бюджет Греции в 1876 г. был сведен с дефицитом в 3 млн драхм. К началу 1877 г. греческая армия, включая жандармерию, насчитывала, по некоторым сведениям, 12 200 человек, в том числе 754 офицера и 444 музыканта. Вооружение пехоты было весьма разношерстным: винтовки и карабины систем Шаспо, Ремингтон, Минье, Милонас. С артиллерией дело обстояло еще хуже. Армия располагала лишь ограниченным количеством старых полевых орудий маленького калибра, заряжавшихся с дула. В столь же плачевном состоянии находился и греческий

[23] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 8. Л. 556.

[24] *Kofos E.* Greece... P. 84–86.

[25] Международные отношения... С. 326.

флот. Имелся лишь один боеспособный военный корабль в точном смысле этого слова — броненосец «Василевс Георгиос». Числившиеся в строю несколько миноносцев представляли собой переоборудованные речные пароходы[26].

В конце октября 1876 г. Кумундорос внес в парламент ряд законопроектов, имевших целью усилить боеспособность греческих вооруженных сил и таким образом подготовиться к военному выступлению против Турции. Они предусматривали, в частности, введение всеобщей воинской повинности, обязательное военное обучение всех мужчин в возрасте от 20 до 30 лет, закупку новых кораблей для военного флота. Для финансирования этих мероприятий предполагалось ввести новые налоги и выпустить заем в 10 млн драхм. Однако в афинских политических кругах имелась влиятельная группировка, выступавшая против совместных действий Греции с Россией и балканскими государствами. Выступая в парламенте при обсуждении законопроектов, лидер этой группировки Э. Делигиоргис запугивал депутатов «славянской угрозой». А. Кумундорос проиграл тогда политическую битву, получив вотум недоверия в парламенте. Начался острый политический кризис, приведший к отставке Кумундороса и формированию 26 февраля (10 марта) 1877 г. правительства во главе с Э. Делигиоргисом. Это правительство и оказалось у политического руля Греции к моменту начала русско-турецкой войны. Новый премьер был известен не только своей славянофобией, но и проанглийскими симпатиями. Он считал, что, подобно Сардинии Кавура, открывшей путь для объединения Италии участием в Крымской войне, Греция добьется величия, став на сторону западных держав. Но большая часть общественного мнения Греции была за Россию и за участие в войне на ее стороне. Под его давлением Делигиоргис также предпринял некоторые военные приготовления, которые, однако, не улучшили плачевного состояния вооруженных сил[27].

В мае 1877 г. внутриполитическое положение в Греции снова обострилось. В Афинах прошли массовые митинги, участники которых требовали создания коалиционного правительства и немедленных военных приготовлений. 22 мая (3 июня) 1877 г. было сформировано новое правительство, в которое вошли Х. Трикупис (министр иностранных дел), А. Кумундорос (министр внутренних дел), Э. Делигиоргис (министр экономики) и другие партийные лидеры. Возглавил это «экуменическое министерство» прославленный герой войны за независимость 1821—1829 гг. 84-летний адмирал К. Канарис. Его физическая немощь делала это руководство чисто номинальным. Наличие в правительстве таких политических антагонистов, как Кумундорос и Делигиоргис, также не способствовало слаженности его действий. Тем не менее при коалиционном правительстве военные приготовления ускорились. Были размещены новые займы, полученные средства использованы для закупки военного снаряжения. Для этого в западные столицы были направлены военные миссии, в первую очередь для закупки пушек, которые нужны были греческой армии как для полевых операций, так и для береговой обороны. Правительство призвало на действительную службу резервистов и отдало приказ о мобилизации национальной гвардии. В результате к августу 1877 г. греческая армия насчитывала уже свыше 30 тыс. человек, бóльшая часть которых была сконцентрирована на границе с Турцией[28].

---

[26] Ιστορία... Σ. 326.

[27] Ό. π. Σ. 322, 325.

[28] *Kofos E.* Greece... P. 113, 127, 131.

Известия о начале русско-турецкой войны и первых успехах русского оружия были с энтузиазмом встречены греческим населением Крита, Эпира, Фессалии. «Разрыв России с Турциею, — сообщал 16 (28/9) апреля 1877 г. российский консул на Сиросе Г. К. Дубницкий, — произвел самое благоприятное впечатление на жителей Сиры и особенно на критян, проживающих на этом острове. Судя по словам последних, критские вожди решились восстать при первом удобном случае, не ожидая ничьей помощи и не сообразуясь с политикой греческого руководства» [29]. Греческие же нотабли Константинополя, тесно связанные с Портой, заняли явно протурецкую позицию. По всем епархиям было разослано послание патриарха Иоахима II о «ниспослании успехов» турецкому оружию. Эта акция Константинопольской патриархии вызвала возмущение у многих верующих. Критяне, например, не разрешили огласить патриаршее послание в своих церквях [30]. На Крите, как и в Эпире и Фессалии, летом 1877 г. приготовления к освободительному восстанию весьма активизировались.

После образования коалиционного правительства две основные националистические организации, действовавшие на территории греческого королевства — Этники Амина (Национальная оборона) и Адельфотис (Братство), — создали объединенный Центральный комитет. Под руководством этого Центрального комитета велся сбор средств, вербовка добровольцев, осуществлялась переброска агентов через границу, создавались склады с оружием в пограничной полосе. Греческие власти оказывали содействие националистическим организациям. С ними тесно сотрудничали и греческие консулы в Османской империи. Держа в руках все нити, правительство в Афинах рассчитывало, что сможет в зависимости от политической ситуации или продолжать сдерживать освободительные выступления греческого населения Европейской Турции, или «открыть им зеленый свет».

Из Лондона от Греции настойчиво требовали придерживаться первого курса. Греческое правительство готово было в принципе приложить усилия для того, чтобы удержать от восстания порабощенных греков, если британское правительство, в случае территориальных изменений на Балканах в результате русско-турецкой войны, окажет содействие воссоединению Эпира и Фессалии с Грецией.

Ставя в плане будущих территориальных приращений вопрос о присоединении к Греции Эпира и Фессалии, а не Крита, в Афинах, несомненно, учитывали опыт критского восстания 1866—1869 гг., когда великие державы, в первую очередь Великобритания, решительно выступили против присоединения этого средиземноморского острова к Греции. Греческие правящие круги рассчитывали, что предложение о присоединении к Греции континентальных областей, а не острова с его геополитическим значением встретит в Лондоне более благоприятный отклик.

Однако ответ на это предложение, сделанное в конце мая 1877 г. греческим министром иностранных дел Х. Трикуписом британскому посланнику в Афинах У. Стюарту, был отрицательным. Самое большее, на что соглашался сент-джеймский кабинет, — это «использовать свое наилучшее влияние для того, чтобы обеспечить для греческого населения в турецких провинциях любые административные реформы и преимущества, которые могут быть предоставлены

[29] Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. II. С. 27—28.

[30] Международные отношения... С. 383.

христианскому населению любой другой расы»[31]. В Греции британские обещания «административных реформ» для населения порабощенных греческих областей сочли неудовлетворительными. Раздражение Афин вызвала и позиция Великобритании в возникшем греко-турецком конфликте. К нему привел демарш Порты в августе 1877 г.

Греческому посланнику в Константинополе А. Кундуриотису было заявлено, что если Греция не прекратит военных приготовлений и не распустит революционные комитеты, действующие на ее территории, то Порта предпримет ответные меры. Английское правительство открыто подержало Порту. 22 августа (3 сентября) 1877 г. лорд Дерби дал инструкцию британскому поверенному в делах в Афинах Уиндхэму потребовать от Греции заверений, что она не нападет на Турцию и не будет попустительствовать попыткам организации восстаний в турецких провинциях. Трикупис ответил на это, что Греция в данный момент не собирается начинать войну против Турции, но как независимое государство она сохраняет за собой свободу действий. Также греческое правительство не может дать и обещания удерживать от восстаний греков османских владений. Британский демарш вызвал всеобщее возмущение в Греции. Даже англофилы не могли оправдать действий Великобритании. Британский посланник в Афинах Стюарт оценивал английское влияние в Греции в этот момент как «как весьма близкое к нулю»[32].

Неудовлетворенность позиций Великобритании побудила греческое правительство поставить в центр своих дипломатических усилий достижение соглашения с Россией. С приходом к власти правительства К. Канариса начавшиеся в октябре 1876 г. русско-греческие переговоры приняли более конкретную форму. Царское правительство проявляло очевидную заинтересованность во вступлении Греции в войну и организации восстаний в греческих провинциях Европейской Турции, что отвлекло бы значительные турецкие силы с фронта. Со своей стороны, правящие круги Греции рассчитывали, что союз с Россией поможет осуществлению «национальных идей эллинизма». Хотя руководители русской внешней политики и были готовы поддержать претензии Греции на определенные территории, они уклонялись от подписания формального союза с Грецией, опасаясь, что это еще более осложнит и так достаточно сложные русско-английские отношения.

По этой и другим причинам Россия не желала брать на себя твердое обязательство об удовлетворении территориальных претензий Греции в случае ее вступления в войну против Османской империи. Отсутствие формальной договоренности по этому вопросу усиливало расхождения в правящих кругах Афин об участии Греции в войне.

Впрочем, пока русские войска успешно наступали за Дунаем и конец войны казался близким, в греческой столице чаша весов склонялась в пользу сторонников немедленных действий. Греческое правительство разрешило П. А. Сабурову сообщить главнокомандующему Дунайской армией великому князю Николаю Николаевичу о том, что 1 (13) августа 1877 г. решено начать военные действия в Фессалии и восстание на Крите[33]. Однако в июле 1877 г. русские войска потерпели серьезные неудачи под Плевной. Известия об этом король Георг

[31] Международные отношения... С. 384.

[32] Там же.

[33] *Arsh G. L.* P. A. Sabouroff... P. 108.

и большинство его министров встретили с нескрываемым облегчением: затяжка войны открывала новые возможности для продолжения военных приготовлений и дипломатического торга. Правительство немедленно запретило отправку вооруженных отрядов в греческие провинции Европейской Турции, где предполагалось начать восстание. В переговорах же с Россией о возможном вступлении своей страны в войну греческие руководители выдвинули дополнительно территориальные требования на всю Македонию и Фракию[34]. Одновременно с дипломатическими переговорами с великими державами греческое правительство во второй половине 1877 г. предприняло меры для установления союзных отношений с Румынией и Сербией. Однако переговоры не дали каких-либо результатов из-за нежелания Греции определить конкретные сроки своего участия в войне против Османской империи. Столь же безрезультатными оказались и переговоры с некоторыми вождями албанцев о военном сотрудничестве из-за проявившихся намерений греческой верхушки присоединить Албанию к Греции — непосредственно или в форме создания вассального княжества[35].

Колебания внешнеполитического курса Греции, малая эффективность ее дипломатических акций в конце 1877 г. в значительной мере были вызваны кризисом политического руководства. В период временных военных неудач России в Греции активизировалась группировка Э. Делигиоргиса, выступавшая за соблюдение страной абсолютного нейтралитета. Борьба вокруг вступления Греции в войну вызвала политический кризис, явно проявившийся после кончины 2 (14) сентября 1877 г. главы правительства К. Канариса.

В последующие месяцы коалиционный комитет продолжал оставаться у власти, но как правительство без премьера. На его заседаниях поочередно председательствовали входившие в него партийные лидеры, и ни одно важное решение не могло быть принято Х. Трикуписом (как и другими министрами) без единогласного одобрения кабинета. Такая система при наличии серьезных политических разногласий между членами правительства фактически обрекала греческую дипломатию на бездействие. Кроме того, на Грецию оказывалось и сильное давление извне. Западные дипломаты, аккредитованные в Афинах, настоятельно советовали Греции воздержаться от вступления в войну до тех пор, пока она не будет готова полностью. При этом приводился аргумент, что Греция будет иметь время и возможность вмешаться, так как конца русско-турецкой войны не видно[36]. Но ход событий перечеркнул прогнозы западных дипломатов.

28 ноября (10 декабря) 1877 г. гарнизон Плевны сдался. Русские войска немедленно начали широкие наступательные операции. Преодолев в зимних условиях балканские перевалы, они в короткое время завершили освобождение Болгарии и начали быстро продвигаться к Константинополю. 8 (20) января 1878 г. пал Адрианополь. После этого Порта срочно запросила перемирия.

Большие военные успехи России были достигнуты при поддержке балканских народов, боровшихся за свое освобождение. Боснийцы и герцеговинцы, болгары, Черногория, Румыния, Сербия (она объявила войну Турции 1 (13) декабря 1877 г.) активно участвовали в военных действиях. Неучастие Греции

[34] *Kofos E.* Greece... P. 132.

[35] Международные отношения... С. 386—387.

[36] *Lascaris S.* La politique extérieure... P. 89.

в общей борьбе балканских народов вело к ее изоляции и наносило ущерб делу освобождения греков, остававшихся под игом султана.

Между тем в январе 1878 г., последнем месяце русско-турецкой войны, в Афинах продолжался политический кризис. Острые разногласия между членами коалиционного правительства мешали принятию решения о переходе к активным действиям. Следовавшие одно за другим заседания правительства не давали никакого выхода из тупика [37]. Тем временем в Греции ширилось движение за вступление в войну. Требование это выдвигали участники прошедших в стране демонстраций, его поддерживала и пресса. Центральный комитет националистических организаций, находившийся под контролем правительства, начал терять свое влияние среди местных групп и комитетов. Некоторые наиболее радикально настроенные деятели освободительного движения греческого населения Европейской Турции начали самостоятельные приготовления к восстанию.

Глубокое недовольство народных масс бездеятельностью политического руководства, появившиеся признаки брожения в армии были чреваты серьезными внутренними потрясениями. Опасения за судьбу монархии и свою личную судьбу побудили короля Георга стать сторонником решительных действий. Греческого монарха в его намерениях укреплял П. А. Сабуров, которого победы русского оружия сделали самым влиятельным иностранным дипломатом в Афинах. В беседах с греческими официальными лицами в те дни русский посланник неизменно повторял: «Греция должна выступить, если она еще хочет воспользоваться событиями. Нам ее диверсия больше не нужна. Таким образом, в ее интересах — не в наших — ей нужно решиться действовать» [38].

В этих действиях посланник руководствовался своей принципиальной убежденностью в том, что русский самодержец должен сохранить за собой на Балканах роль покровителя всех без различия православных христиан. Осуществление такой политики, имевшей как приверженцев, так и противников в правящих кругах России, требовало, чтобы Греция в результате русско-турецкой войны получила территориальные приращения наряду с другими балканскими странами. Поэтому П. А. Сабуров продолжал настаивать на военной акции Греции, которая обеспечила бы ей присоединение Фессалии и Эпира. При этом дипломат вышел за рамки официальной политики своего правительства, которое в тот момент уже не было заинтересовано во вступлении Греции в войну.

8 (20) января 1878 г. Георг через голову военного министра Х. Зимвракакиса дал телеграфное распоряжение войскам в Восточной Греции выдвинуться на границу с Фессалией. Через два дня коалиционное правительство подало в отставку. Премьером снова стал сторонник активной политики А. Кумундорос.

Разработанный Кумундоросом план действий прежде всего включал в себя немедленное начало восстаний в Эпире, Фессалии, Македонии, на Крите. Соответствующие указания были даны греческим консулам в этих провинциях и руководителям националистических организаций. Для оказания поддержки повстанцам греческая армия должны была вступить в пограничные владения Турции. Решение об этом было одобрено на секретных заседаниях греческого парламента 18 (30) и 19 (31) января 1878 г. Но время для участия Греции в русско-турецкой войне фактически истекло.

---

[37] *Kofos E.* Greece... P. 134—135, 149—150.

[38] Международные отношения... С. 387; *Arsh G. L.* P. A. Sabouroff... P. 109—110.

Утром 14 (26) января 1878 г. в Афинах распространились слухи о предстоящем подписании перемирия и завершении русско-турецкой войны. Слухи эти вызвали в Афинах большое волнение. Сотни демонстрантов собрались на Синтагме, центральной площади города, чтобы выразить поддержку королю и осудить политиков как «предателей». Большие толпы двинулись к домам политических лидеров, стремясь учинить над ними, в первую очередь над Э. Делигиоргисом, расправу. Этот политик смог найти убежище в доме русского священника. Дома других политиков были забросаны камнями. На следующее утро демонстранты, собравшиеся в Пирее, двинулись к Афинам. У входа в город протестующие были рассеяны войсками. Эти бурные события свидетельствовали о подъеме национальных чувств у греков, объединившем приверженцев различных партий [39].

19 (31) января 1878 г. приказ о переходе границы был передан генералу Суцосу, командующему Фессалийским фронтом. 21 января (2 февраля) 10 пехотных батальонов, 5 артиллерийских батарей, кавалерийский отряд — всего 8 тыс. человек пересекли турецкую границу в пунктах Сурпи, Дербенд-Фурка и Янница. Турецкие пограничные посты, не оказывая сопротивления, отошли к укрепленному городу Домокосу. О греческой акции Георг I немедленно известил Александра II следующей телеграммой: «Наши войска только что пересекли границу. Я и все греки твердо рассчитываем на Ваше благожелательное отношение к нашему делу — общему с делом всех христиан, которое Вы столь великодушно поддерживаете». В циркуляре, посланном в тот же день греческим представителям за рубежом, министр иностранных дел Т. Делияннис разъяснял мотивы действий своего правительства. Державам давалось заверение в том, что греческая акция носит временный и оборонительный характер. Указывалось, что она была вызвана теми лишениями и усилившимися преследованиями, от которых страдает греческое население Турции. Греческое правительство заявляло также, что оно не имеет намерения объявлять Турции войну. В состоявшейся также 21 января (2 февраля) 1878 г. беседе с турецким посланником в Афинах Фотиалис-беем Делияннис особо подчеркивал временный характер предполагаемой оккупации греческих провинций и желание его правительства избежать войны с Турцией [40].

Однако заверения греческого министра не могли предотвратить весьма бурную реакцию Порты на действия Греции. Узнав о вступлении греческих войск в Фессалию, великий визирь Ахмет Векиф-паша потребовал немедленно послать экспедиционный корпус для оккупации Афин. Но, не имея уверенности относительно намерений России (поступали сведения, что русские войска и после заключения перемирия продолжали свое продвижение), турецкий кабинет решил ограничиться обращением к державам и приказом адмиралу Хобарт-паше, бывшему английскому офицеру, быть в готовности для отплытия в греческие воды. Известия о военных приготовлениях Порты, дошедшие до Афин в искаженном и преувеличенном виде, вызвали настоящую панику в политических кругах и среди имущих слоев населения столицы. Греческое правительство поспешило обратиться к державам с просьбой о защите и посредничестве [41]. Реакция держав на греческое вторжение в Фессалию была однозначной. 23 января

[39] *Kofos E.* Greece... P. 155–156.
[40] Международные отношения... С. 388.
[41] *Kofos E.* Greece... P. 162–163.

(4 февраля) 1878 г. П. А. Сабуров вручил греческому королю ответную телеграмму Александра II. В ней говорилось: «Я могу только сожалеть, что Ваше величество, объявляя войну Турции, избрали тот момент, когда я подписываю с ней мир» [42]. Это был настоящий ледяной душ для греческого монарха [43]. Другие державы, правда, по разным причинам и с определенными оттенками во мнениях также отнеслись отрицательно к греческой акции. Поэтому просьбу Греции о посредничестве, поступившую одновременно с обращением Порты, державы использовали прежде всего для того, чтобы заставить ее вывести свои войска из Фессалии.

24—25 января (5—6 февраля) 1878 г. посланники Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, России и Франции в Афинах потребовали немедленного вывода греческих войск. В случае выполнения этого требования державы обещали взять под свою защиту население греческих провинций Турции. Греция вынуждена была отступить перед коллективным нажимом держав. Вечером 25 января (6 февраля) Делияннис сообщил иностранным дипломатам, что генералу Суцосу дан приказ отвести его войска за греческую границу. Одновременно Великобритания, Франция и Италия обратились к Порте с призывом соблюдать сдержанность. Неизмеримо большее значение имел подобный же демарш России. Царское правительство, армия которого стояла у ворот Константинополя, предупредило Порту, что любая ее акция против греческого королевства или греческого населения Турции пагубно отразится на русско-турецких отношениях [44].

После вывода регулярных греческих войск из Фессалии в этой и других порабощенных греческих провинциях вспыхнули восстания против турецкой власти. Они происходили при тайной поддержке и поощрении со стороны греческого правительства. Премьер-министр А. Кумундорос через номархов (губернаторов) осуществлял общий контроль за вербовкой добровольцев, подбором командиров для повстанческих групп, распределением средств. Находившиеся на территории королевства Центральный комитет и связанные с ним местные комитеты непосредственно занимались формированием отрядов, отправлявшихся в соседние провинции Турции, доставкой им оружия и подкреплений.

Важная роль в организации восстаний отводилась и греческим консулам. Специальным циркуляром греческого министерства иностранных дел от 27 января (8 февраля) 1878 г. консулам в Эпире, Фессалии и на Крите было дано указание «насколько возможно поощрять и поддерживать революционные движения там, где они существуют, и распространять их как можно шире» [45].

Восстание раньше всего началось и приняло наибольший размах на Крите. Остров обладал значительными материальными и людскими ресурсами и не так зависел в этом отношении от помощи королевства. Критяне активно использовали любую возможность для борьбы против иноземного господства. Русско-

---

[42] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878 г. Д. 7. Т. II. Л. 947.

[43] Для самого П. А. Сабурова его самостоятельные действия в Афинах в конце русско-турецкой войны сошли благополучно. Сразу же после вручения царской телеграммы королю он отправил телеграмму А. М. Горчакову, в которой, приняв на себя ответственность за военную акцию Греции, просил отставки. В ответе, полученном на следующий день, говорилось, что император, учитывая достоинства П. А. Сабурова, желает, чтобы тот остался его представителем в Афинах. — *Arsh G. L.* P. A. Sabouroff... P. 110—111.

[44] *Driault E., Lhéritier M.* Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. P., 1925. T. 3. P. 462; *Kofos E.* Greece... P. 170—171.

[45] *Kofos E.* Greece... P. 172.

турецкая война, как уже говорилось, вызвала большое брожение на острове, достигшее своего апогея после падения Плевны.

Восстание на Крите, вспыхнувшее в январе 1878 г., вскоре охватило весь остров. 20 января (1 февраля) 1878 г., за день до ввода греческих войск в Фессалию, Генеральная ассамблея Крита (орган национального самоуправления) объявила о низложении османского правительства и присоединении Крита к Греции. Однако после того, как греческие войска вынуждены были уйти из Фессалии, Генеральная ассамблея выдвинула другой план урегулирования критского вопроса. По сведениям зарубежной печати, он предусматривал: 1) полную политическую автономию Крита; 2) выбор народом правителя острова; 3) уплату Порте ежегодной дани в 500 тыс. пиастров (вместо существовавших разнообразных налогов); 6) гарантию проведения Портой этих реформ со стороны великих держав [46].

Критяне отстаивали свои требования с оружием в руках. К середине марта 1878 г. весь Крит, за исключением восьми прибрежных городов и крепостей, оказался под контролем повстанцев. К этому времени турецкие силы на острове были доведены до 17 тыс. человек и постоянно получали новые подкрепления. Тем не менее все усилия Порты, которым активно содействовал британский посол в Константинополе Г. Лейард, заставить критян прекратить восстание оказались безрезультатными. К моменту открытия Берлинского конгресса вооруженная борьба на Крите продолжалась [47].

В феврале 1878 г. восстания вспыхнули и в Эпире, Фессалии и Западной Македонии. Повстанческие отряды, сформированные на территории свободной Греции, при поддержке местного населения освободили ряд округов. Здесь были созданы временные правительства, провозгласившие воссоединение этих областей с Грецией. Но успехи повстанцев были кратковременными. После завершения войны с Россией Порта направила значительные силы для подавления восстаний. Разочарование в связи с выводом греческих войск из Фессалии, страх перед турецкими репрессиями привели к отливу местных жителей из повстанческих отрядов, их ослаблению и поражению. Кроме этих общих причин неудачи восстаний в провинциях Европейской Турции, имелись причины и более конкретные, связанные с ходом восстаний в каждой из этих провинций.

Так, Фессалия стала очагом наиболее значительного восстания на греческом материке. Сюда Центральный комитет, объединивший националистические организации свободной Греции, направил десятки добровольческих отрядов, распределявших оружие среди местных крестьян. В горной области Пилион сформировалось временное правительство, одним из руководящих членов которого был греческий офицер З. Басдекис. По сведениям газеты «Московские ведомости» (февраль 1878 г.), он «стал для жителей Пилиона живым доказательством сочувствия греческого правительства к их делу и солидарности независимой Греции к восставшим в Фессалии» [48].

Пилион в течение месяца обороняли 2000 повстанцев, успешно отбивая повторные атаки турок. В конце марта 1878 г. значительные силы карателей предприняли генеральный штурм Пилиона. Они сначала овладели деревней Макри-

---

[46] См.: *Цехмистренко С. П.* Восстания в греческих провинциях Османской империи в 1878 г. и их отражение в русской периодической печати // Балканские исследования. М. 1989. Вып. 11: Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.). С. 135–136.

[47] Ιστορία... Σ. 336–337.

[48] *Цехмистренко С. П.* Указ. соч. С. 139.

ница, где геройски сражались плечом к плечу с мужчинами и женщины. Затем пали и остальные деревни горного края. Затем последовали страшная резня и грабежи. Некоторые современники и очевидцы событий считали, что поражение повстанцев было определено отсутствием у них твердого и единого руководства. Так, греческий консул в Ларисе (Фессалия) И. Паламидис писал, что основными причинами неудачи восстания были «многоголовое руководство и раздоры между отдельными командирами, потому что повстанцы на Пилионе и численно были сильны, и обладали такими сильными позициями, что были в состоянии отразить без труда нападение войска, втрое превосходящего их по численности» [49].

Освободительное восстание распространилось и на Западную Македонию. Ввиду отдаленности этой области от свободной Греции поддержка восстания путем посылки туда добровольцев и оружия натолкнулась на большие трудности. Сформированный в Афинах Македонский комитет смог направить в Македонию только один отряд численностью в 500 человек под командой капитана К. Дубиотиса, который высадился 16 (28) февраля 1878 г. у местечка Литохоро, у подножья легендарного Олимпа. Начался массовый приток крестьян в его отряд, но скоро у него закончился запас оружия для местных добровольцев. Правда, в Македонию была доставлена большая партия оружия, однако высадившиеся здесь турецкие войска перехватили его. Под напором турок отряд Дубиотиса вместе с примкнувшими к нему жителями вынужден был отступить в Фессалию [50].

Хотя Эпир непосредственно граничил с греческим королевством, восстание здесь тоже было быстро подавлено. Свою роль в этом сыграло наличие в Эпире значительного албанского населения, не разделявшего стремлений греческих жителей этой провинции присоединить ее к Греции. Когда греки Эпира подняли восстание, вожди албанцев опубликовали в европейской печати обращение к великим державам от 12 (24) февраля 1878 г., в котором отстаивали свои права на владение всем Эпиром. Одновременно начались стычки между греками, провозгласившими присоединение Эпира к Греции, и албанцами [51].

В целом к началу мая 1878 г. все восстания греков в европейских владениях султана, кроме Крита, были подавлены.

Восстания порабощенных греков, начавшиеся уже после завершения русско-турецкой войны, были для Греции важным аргументом в попытках получить, наряду с другими балканскими государствами, территориальные приращения в процессе мирного урегулирования, начатого Сан-Стефанским мирным договором от 19 февраля (3 марта) 1878 г. Договор этот провозгласил создание самоуправляющегося болгарского княжества; одновременно он обеспечил независимость Сербии, Черногории и Румынии. Порта вынуждена была принять в Сан-Стефано и определенные обязательства в отношении подвластного ей греческого населения. Статья 15 Сан-Стефанского договора гласила: «Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите Органический устав 1868 г., сообразуясь с желаниями, уже выраженными местным населением. Подобный же устав, примененный к местным потребностям, будет также введен в Эпире и Фессалии» [52].

---

[49] Ιστορία... Σ. 340.

[50] Ὅ. π. Σ. 341–342.

[51] *Цехмистренко С. П.* Указ. соч. С. 141.

[52] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 168.

Однако сама Греция, в отличие от других балканских государств, участвовавших в войне в Турцией, не получила каких-либо территориальных приращений. Создание же, по Сан-Стефанскому договору, обширного болгарского государства с передачей ему некоторых территорий, на которые претендовала и Греция, было весьма отрицательно расценено греческими государственными деятелями[53].

Для западных держав, в первую очередь для Англии, греческая оппозиция Сан-Стефанскому договору была весьма кстати. Британские правящие круги были не прочь использовать «греческую карту» для подрыва Сан-Стефанского договора. Британский министр иностранных дел Солсбери стал прилагать усилия по смягчению греко-турецкого конфликта, имея в виду создание объединенного фронта этих двух государств против России и болгар. Британские консулы содействовали, в частности, прекращению восстания в Фессалии. Форин офис зондировал Порту относительно определенных «исправлений границы» в пользу Греции. Однако Солсбери отнюдь не собирался всерьез поддерживать греческие требования о присоединении Фессалии и Эпира.

Англо-турецкая конвенция от 4 июня 1878 г. рассеяла появившиеся в Афинах иллюзии о поддержке Англией греческих национальных требований. Добившись в ходе секретных англо-русских переговоров согласия России на ревизию Сан-Стефанского договора и заставив Турцию «уступить» ей Кипр, Англия вновь стала «защитницей» целостности Османской империи. Правда, Англия, как и другие державы, согласилась разрешить Греции представить свои пожелания открывшемуся 13 июня 1878 г. в Берлине дипломатическому конгрессу.

29 июня греческий делегат Т. Делияннис изложил эти пожелания на заседании конгресса. Отметив в своем выступлении недостаточность территории, которую получила Греция в результате войны за независимость, для нормальной национальной жизни, он просил присоединить к ней Крит и «соседние провинции». При этом представитель Греции ссылался и на волю населения этих провинций, проявившуюся в восстаниях, которые их часто охватывали, включая и период работы конгресса[54].

Почти все державы, хотя и по разным соображениям, склонялись к принятию решения, которое шло бы навстречу греческим пожеланиям. Против была только Великобритания. В ходе последовавших закулисных переговоров по инициативе французского делегата В. Ваддингтона было принято компромиссное предложение, не предусматривавшее непосредственную передачу территории, а лишь содержавшее призыв к Греции и Турции приступить к переговорам об исправлении границы. Буквально текст протокола № 13 конгресса от 15 июля 1878 г. гласил: «Конгресс приглашает Блистательную Порту договориться с Грецией об исправлении границ в Фессалии и Эпире и придерживается мнения, что это исправление могло бы следовать вдоль долины Саламириаса (древний Пенеус) по его течению в сторону Эгейского моря и по долине Каламаса в сторону Ионического моря. Конгресс уверен, что заинтересованные стороны смогут достичь согласия. Тем не менее, для того чтобы содействовать успеху переговоров, державы готовы предложить свое прямое посредничество обеим сторонам»[55].

---

[53] См.: Международные отношения... С. 390.

[54] *Lascaris S.* La politique extérieure... P. 137–140.

[55] *Strupp Ch.* La situation internationale de la Grèce (1821–1917). Zurich, [s. a.]. P. 196.

«Исправление границ» в рамках, предложенных конгрессом, передавало Греции Фессалию и бóльшую часть Эпира. Греческое правительство уже считало эти территории своими и обратилось к Порте с предложением прислать своих комиссаров для проведения на местности новой линии границы. Порта, однако, не признавала за решением конгресса какой-либо обязательной силы.

Начался жестокий дипломатический торг, продолжавшийся около трех лет и не раз ставивший обе стороны на грань войны[56]. Официальные греко-турецкие переговоры, проходившие в 1879 г. в Превезе и Стамбуле, не дали каких-либо результатов, главным образом, из-за неуступчивости Порты. Иностранные дипломаты убеждали турецкое руководство, что в интересах их государства — пойти на определенные уступки Греции. Весьма характерны те аргументы, которые использовал в этом плане В. Ваддингтон, французский министр иностранных дел, автор соответствующего решения Берлинского конгресса об изменении греко-турецкой границы. Он убеждал Порту в том, что державы поддерживают передачу Фессалии Греции не из симпатии к ней, а чтобы соорудить плотину против «славянского наводнения» и что с помощью небольших уступок она сможет привлечь Грецию на свою сторону.

Так как Порта не реагировала на это обращение, то державы решили взять определение греко-турецкой границы в свои руки. На конференции шести держав в Берлине в июне—июле 1880 г. была намечена новая линия границы между двумя государствами. Согласно этому решению держав, Греции передавалась территория в рамках, намеченных протоколом № 13 Берлинского конгресса. Помимо Фессалии, в нее входил почти весь Эпир вместе с его столицей Яниной. Реализация этого решения увеличила бы территорию Греции на 54 %. В коллективной ноте Порте от 15 июля 1880 г. державы заявили, что благодаря их посредничеству будет создана «хорошая и прочная оборонительная граница» между Грецией и Османской империей, и предложили обоим государствам принять новую линию границы.

Очевидно, данное предложение было выгодно для Греции — на следующий же день греческий министр от имени своего правительства принял его. Были предприняты усилия и для того, чтобы заставить Порту сделать то же самое. К этому делу подключилась и королева Виктория. 19 июля 1880 г. она направила послание султану Абдул Хамиду II, в котором выразила надежду, что он «согласится, даже ценой определенной жертвы, с единодушным желанием Европы относительно выполнения условий Берлинского договора». Однако надежды английской королевы не оправдались. Порта категорически отказалась принять новый вариант территориального урегулирования, сославшись на то, что она не может уступить территорию, «относящуюся к Албании», и что уступка Янины, которую албанцы считают своей, создаст серьезные осложнения отношений с ними. Действительно, в это время у Порты существовали проблемы с албанцами. В июне 1878 г. возникла Албанская (Призренская) лига, выступавшая против передачи территорий с албанским или смешанным населением, согласно решениям Берлинского конгресса, балканским государствам. К числу таких территорий руководители Лиги относили и Эпир. Хотя первоначально Порта относилась благоприятно к деятельности Албанской лиги, позднее она стала противиться этой деятельности, так как Лига, выйдя за определенные для нее рамки, стала

[56] Подробно см.: *Davison R.* The Ottoman—Greek frontier question, 1876—1882, from Ottoman records // Symposium historique... P. 185—204.

добиваться автономии Албании. Тем не менее, Порта использовала претензии Албанской лиги для того, чтобы препятствовать передаче Эпира Греции[57].

Державы пошли навстречу пожеланиям Порты. В конечном итоге, согласно греко-турецкой конвенции от 2 июля 1881 г., Эпир остался за Османской империей, за исключением небольшого округа Арта, отошедшего к Греции. Зато Порта вынуждена была согласиться на передачу Греции почти всей Фессалии[58]. Таким образом, Греция, воспользовавшись «рекомендательным» решением Берлинского конгресса, смогла значительно расширить свою территорию.

Берлинский конгресс сохранил, хотя и в ухудшенной форме, положение Сан-Стефанского договора о Крите. В соответствующей статье акта конгресса говорилось: «Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крит Органический устав 1868 г., с изменениями, которые будут признаны справедливыми»[59].

Обязательство перед державами и в первую очередь, разумеется, героическая вооруженная борьба критян, которая продолжалась с неослабевающей силой на всем протяжении работы конгресса, вынудили Порту предоставить острову ограниченную административную автономию, зафиксированную в так называемом Халепском пакте (октябрь 1878 г.). Он расширял права, которые христиане получили, во всяком случае на бумаге, по Органическому уставу 1868 г. В соответствии с пактом губернатор острова (им мог быть и христианин — турецкий подданный) назначался на пятилетний срок, что уменьшало его зависимость от Порты. Значительно расширялось участие христиан в органах управления: они получали большинство постов мутасаррыфов (правителей округов). Жандармерия острова должна была формироваться только из местных жителей. Признание Портой греческого характера Крита вытекало и из того положения пакта, которым греческий язык признавался вторым официальным языком острова[60].

В период Восточного кризиса 1875—1878 гг. Греция была единственным балканским государством, непосредственно не участвовавшим в балканской борьбе. Но в конечном счете Греция выиграла от этой войны не менее, чем другие балканские страны. Ее территориальные приобретения и прирост населения были сопоставимы с подобными же результатами Сербии, которая дважды на протяжении Восточного кризиса вступала в войну с Османской империей. Правда, в Греции некоторые круги были недовольны тем, что в ходе греко-турецкого территориального урегулирования Греция не получила Эпир, как это предусматривалось 13-м протоколом Берлинского конгресса. Х. Трикупис, постоянный антагонист А. Кумундороса, даже обвинял последнего в предательстве[61]. Однако нападки эти были несправедливы. Воспользовавшись противоречиями великих держав, их стремлением сохранить и упрочить свое влияние на Балканах, греческие политики, в первую очередь Кумундорос, добились большого успеха.

---

[57] Подробнее см. главу Г. Л. Арша «Албанская (Призренская) лига».

[58] Текст греко-турецкой конвенции см.: *Lascaris S.* La politique extérieure... P. 210—216.

[59] *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1888. Т. VIII. С. 657.

[60] Ιστορία... Σ. 357.

[61] Ὅ. π. Σ. 365.

Албанская (Призренская) лига

Восточный кризис 1875—1878 гг. застал Албанию в крайне тяжелом экономическом положении. В 1874 г. страну поразил неурожай. Последствия его усугубила суровая и продолжительная зима 1874—1875 гг. Особенно сильно пострадало животноводство: из-за недостатка кормов крестьяне за бесценок продавали свой рабочий скот, поздние весенние заморозки уничтожили значительную часть молодняка крупного рогатого скота. Бедственное положение трудового населения усугубляли новые налоги и различные государственные повинности, введенные турецкими властями.

Помимо усиления фискальной эксплуатации в Албании все острее ощущался национальный гнет: отрицание Портой национальной самобытности албанцев, произвол присланных из Стамбула чиновников, их непрекращающиеся попытки лишить албанских горцев их традиционных привилегий.

Неудивительно, что освободительное выступление населения Боснии и Герцеговины нашло большой сочувственный отклик среди албанцев, независимо от их вероисповедания. Рост антитурецких настроений в Албании, стране по преимуществу мусульманской, военные ресурсы которой турки использовали, в той или иной мере, для подавления освободительных выступлений в других балканских странах, встревожили Порту. Чтобы уменьшить опасность всеобщего восстания албанцев, султанское правительство пошло на определенные уступки. Летом 1875 г. турецкие власти объявили, что они отказываются в дальнейшем от военных экспедиций с целью распространения на горные районы централизованной системы управления. Осенью 1875 г. был обнародован ряд ираде [1] султана Абдул-Азиза. Они обещали населению сокращение налогов, уничтожение произвола ростовщиков, расширение прав населения по выборам местных административных советов, проведение мероприятий по развитию сельского хозяйства, промышленности и торговли. Эти султанские рескрипты рекламировались турецкими властями в Албании. Однако среди албанцев мало кто верил, что новые реформы, обещанные Портой, улучшат их положение. Сопротивление османской власти в стране нарастало.

Через восемь лет, в разгар Восточного кризиса, надеясь сбить накал антитурецких настроений среди североалбанских горцев, Порта решила восстановить традиционную власть капитана Мирдиты. В августе 1876 г. Пренк Биб Дода вернулся на родину. Новый правитель Мирдиты, которому исполнилось 17 лет, не имел особых политических и военных дарований и, как показала его последующая история, мало заботился об общеалбанских интересах. Но маленький албанский владетель не был лишен честолюбивых стремлений. У него возникла идея, воспользовавшись подъемом освободительной борьбы на Балканах, создать под своей эгидой католическое княжество в Северной Албании.

В конце 1876 г. в Северной Албании назрело открытое восстание против османского ига. Центром событий, как и четырнадцать лет назад, стала Мирдита,

---

[1] Ираде — рескрипт, повеление (*тур.*).

а руководителем движения — Пренк Биб Дода. После смерти в 1868 г. капитана Мирдиты Пренк Биб Дода-паши его сын, носивший такое же имя, удерживался Портой в Стамбуле под предлогом получения образования. Мирдитой в это время управляли турецкие чиновники, и эта горная область фактически лишилась своей традиционной автономии.

Планы капитана Мирдиты воспринимались горцами как путь освобождения от ненавистного иноземного ига, и они нашли среди жителей гор широкую поддержку. Вокруг Мирдиты объединились соседние горные районы: Дукагини, Ктела, Люра, Лежа. Посланцы Пренка действовали и в горах у Шкодры — в Хоти, Кельменди, Шаля, Шоши.

Вождей североалбанских горцев, намеревавшихся поднять антитурецкое восстание, вдохновляли успехи, одержанные маленькой Черногорией в войне с Турцией осенью 1876 г. Они рассчитывали на продолжение и развитие союзничества черногорцев и албанцев в борьбе против общего врага, проявившегося, по сведениям русского консула в Рагузе А. С. Ионина, уже в период черногорской войны 1862 г., Пренк Биб Дода предложил черногорскому князю Николе военный союз при условии признания им независимости Албании [2]. Идея черногорско-албанского союза пользовалась поддержкой правительства царской России, стремившегося использовать освободительные выступления на Балканах для усиления своего влияния в этом регионе и ослабления Турции. Со своей стороны албанцы возлагали большие надежды на войну России против Турции. Они надеялись, по выражению российского консула в Шкодре И. С. Ястребова, «выгнать из Албании османлисов (турок. — *Ред.*) под пушечные выстрелы на Дунае» [3].

План восстания в Северной Албании поддерживала и итальянская дипломатия. Как уже говорилось, еще до завершения воссоединения Италии правящие круги этой страны начали политическую экспансию в Албании. После создания единого государства албанское направление во внешней политике Италии приобретает все большее значение. Руководители итальянской политики прилагают все усилия для того, чтобы подорвать в Албании позиции своей основной соперницы — Австро-Венгрии. Этой цели служило, в частности, укрепление отношений с католическими кругами Северной Албании, с которыми был связан Пренк Биб Дода. Итальянские правящие круги стремились при этом использовать широкое общественное движение солидарности с борющимися балканскими народами, развернувшееся в годы Восточного кризиса в Италии. Большое сочувствие борьба албанцев против османского ига вызвала у их соотечественников — арберешей, живших в Южной Италии. Ими был создан в сентябре 1876 г. итало-албанский комитет освобождения восточных албанцев, пользовавшийся поддержкой итальянских властей. Эмиссары этого комитета, посланные в Албанию, обещали Пренку материально поддержать восстание против Порты и в конце 1876 г. доставили в Мирдиту несколько ящиков с оружием [4].

Однако действиям Италии в Северной Албании противодействовала Австро-Венгрия, опасавшаяся ослабления власти Турции в западнобалканском регионе и усиления здесь влияния России. Тогда уже наметились контуры того австро-

---

[2] *Сенкевич И. Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875—1881 гг.). М., 1965. С. 74.

[3] Там же. С. 76.

[4] Там же. С. 75—76.

итальянского антагонизма в Албании, который во многом влиял на историю этой страны до Первой мировой войны.

27 декабря 1877 г. в Мирдите собралось около 3 тыс. представителей из различных горных районов Северной Албании, давших клятву верности восстанию. В начале января 1877 г. отряды горцев заняли позиции у перевала Кяфа-э-Малит, перерезав важнейшую коммуникацию Северной Албании — дорогу Шкодра—Призрен. Одновременно несколько турецких чиновников были задержаны в горах Мирдиты в качестве заложников. Но после этого повстанцы не предпринимали каких-либо активных действий, ожидая возобновления военных акций на черногорско-турецком фронте. Для переговоров в Цетинье о совместных действиях албанцев и черногорцев Пренк Биб Дода направил католического священника Примо Дочи. Но в этот момент Сербия и Черногория продлили до марта 1877 г. перемирие с Турцией, срок которого истекал в конце 1876 г. Князь Никола, оказав албанцам денежную помощь на закупку вооружения, посоветовал им отложить выступление до истечения перемирия (перемирие между Черногорией и Турцией было продлено еще раз — до 13 апреля 1877 г.). Между тем выступление албанцев уже началось, и Порта, воспользовавшись затишьем на фронтах против Черногории и Сербии, решила как можно быстрее подавить этот новый опасный очаг освободительной борьбы в Европейской Турции.

8 апреля 1877 г. турецкое командование начало широкомасштабные военные операции против Мирдиты. 7 тыс. турецких солдат с трех направлений — со стороны Лежи, Призрена и Мати — двинулись к центру горной области. Первую неделю храбрые горцы, вооруженные лишь старыми гладкоствольными ружьями, успешно сдерживали натиск хорошо оснащенных регулярных частей турецкой армии. Но во вторую неделю турецкая колонна, наступавшая из района Мати, воспользовавшись просчетом Пренка, проникла вглубь Мирдиты и вышла в тыл ее защитникам, сражавшимся в западном и северном секторах. Капитан Мирдиты прекратил борьбу и укрылся в горах Люры. Вслед за ним и другие предводители мирдитов или бежали, или сдались туркам. Простые же горцы еще несколько дней продолжали сопротивление. Сломив его, турки 22 апреля 1877 г., первый раз за четыре века их господства в Албании, вступили в Ороши. Столица непокоренного горного края была разграблена и сожжена.

Так за два дня до начала русско-турецкой войны было подавлено антитурецкое восстание албанских горцев, ставшее одним из значительных освободительных выступлений на Балканах в годы Восточного кризиса 70-х гг. XIX в. Повлиял ли конфликт в горах Албании на использование Портой военных ресурсов этой страны против России? Интересовавшийся этим вопросом дипломат М. А. Хитрово, служивший во время войны 1877—1878 гг. в дипломатической канцелярии при главнокомандующем русской армией, дает на него такой ответ: «На войну против России Албания не дала Турции ни рекрутов, ни иррегулярного контингента. Факт этот я имел возможность проверить через расспросы пленных» [5].

Непрерывные восстания в Албании поставили вопрос о судьбах этой страны в повестку дня дипломатических переговоров, на которых обсуждались возможные последствия нового Восточного кризиса для Балкан и Османской империи. Интенсивный дипломатический торг в канун русско-турецкой войны шел, в частности, между Австро-Венгрией и Россией. Каждая из этих держав-соперниц

[5] *Сенкевич И. Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875—1881 гг.). М., 1965. С. 90.

стремилась сохранить и упрочить свои позиции на Балканах в случае крушения здесь османского господства. Результатом определенного компромисса, достигнутого в этом вопросе между Петербургом и Веной, стала секретная Будапештская конвенция от 15 января 1877 г. Одна из статей конвенции предусматривала, что «в случае территориальных изменений или распадения Оттоманской империи образование большого сплоченного славянского или иного государства исключается; напротив, Болгария, Албания и остальная Румелия могли бы стать независимыми государствами» [6].

Таким образом, впервые в международном договоре эвентуально было признано право Албании на независимость. Но для претворения этого права в жизнь албанскому народу предстоял еще долгий путь, полный тяжелых испытаний и больших жертв. Кроме того, и Будапештская конвенция, и другие международные соглашения периода Восточного кризиса 70-х гг. XIX в. создавали возможности для осуществления аннексионистских замыслов соседних государств на албанские территории.

Своекорыстные замыслы правящих кругов определенных государств, в том числе и России, ущемлявшие национальные права тех или иных балканских народов, до поры до времени держались в тайне. Но появление русских войск на Балканах было явью и породило большие надежды у местного населения. На протяжении XVIII—XIX вв. каждая русско-турецкая война рассматривалась на Балканах как последняя и решающая для ликвидации османского господства. Война 1877—1878 гг. в этом отношении не являлась исключением. Но эта война имела свою примечательную особенность: везде на Балканах пришли в движение национально-патриотические силы, готовившиеся вести борьбу за освобождение своей родины и отстаивать национальные интересы.

Албания не осталась в стороне от этого процесса. В мае 1877 г. в Янине был создан тайный комитет, включавший в себя представителей почти всех районов Южной Албании. Возглавил его Абдюль-бей Фрашери — потомок знатной албанской семьи, старший из трех братьев, выдающихся деятелей албанского национального Возрождения.

Албанский патриот вступил в тайные переговоры с представителями греческого правительства относительно военного сотрудничества албанцев с Грецией, собиравшейся вступить в войну против Османской империи. Важной темой переговоров были и взаимоотношения Греции с Албанией после освобождения последней от османского ига. Переговоры эти были продолжены в Стамбуле, где в декабре 1877 г. был создан «Центральный комитет по защите прав албанской национальности», называвшийся для краткости Стамбульской комитетом. Но переговоры эти не дали результатов. Камнем преткновения стали греческие требования о присоединении Албании к Греции — или непосредственно, или в форме создания вассального княжества. Албанские же представители настаивали на том, что албано-греческий союз может быть создан только на равноправной основе и на условии признания независимости Албании. Возникли также разногласия относительно судьбы Эпира, претензии на который выдвигали обе стороны [7]. Движение в защиту национальных прав албанцев приняло широкий размах после образования Албанской лиги.

---

[6] Сборник договоров России с другими государствами. М., 1952. С. 155.

[7] См.: *Kofos E.* Greece and the Eastern Crisis. Thessaloniki, 1975. P. 124—125, 145—146.

19 февраля (3 марта) 1878 г. в местечке Сан-Стефано близ Стамбула был подписан мирный договор, завершивший победоносную для России войну с Турцией. По Сан-Стефанскому договору Порта вынуждена была признать независимость и автономию ряда балканских стран. Албании в их числе не было. Нельзя сказать, что в России не интересовались положением албанцев.

Как раз в 60—70 гг. XIX в. некоторые российские дипломаты, служившие на Балканах, ученые и публицисты в своих записках и статьях старались привлечь внимание правительства и общественности к нелегкой судьбе этого древнего народа, все более настойчиво искавшего свой путь к свободе и независимости. Так, Вас. И. Немирович-Данченко, корреспондент газеты «Новое время», в заметках, опубликованных в феврале 1878 г., рассматривал возможности союза албанцев с другими балканскими народами и Россией. Албанцы, считал автор заметок, «понимают, что нынешняя эпоха (русско-турецкой войны. — *Ред.*) и для них чрезвычайно важна», среди них «уже растет политическое сознание... начинается глухое брожение и зреет убеждение, что когда-нибудь Россия уничтожит Турцию». По мнению журналиста, только «одна Россия искренне может помочь» албанцам в их стремлении «создать цельную сплоченную Албанию»[8].

Убежденным сторонником освобождения Албании от турецкого ига выступил М. А. Хитрово, долгое время служивший консулом на Балканах. Он высказал мнение, что «на западной окраине Балканского полуострова неминуемо должна возникнуть в той или иной форме независимая Албания». Мнение это разделяли и некоторые другие русские дипломаты, военные, журналисты[9]. Однако эти симпатии части русской общественности к албанскому народу не нашли отражения в официальной политике, что сказалось и на содержании Сан-Стефанского договора.

По договору получили независимость Сербия, Румыния и Черногория. По условиям договора создавалось также автономное болгарское княжество в весьма широких границах. Албания же упоминалась в Сан-Стефанском договоре лишь в косвенной форме. Речь идет о статье 15-й, где говорилось, что «в Эпире, Фессалии и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не предусмотрено настоящим актом», вводилась ограниченная административная автономия. Ряд же положений договора, определявших территориальное переустройство Балкан, прямо ущемлял национальные права албанцев. В территорию Большой Болгарии, которую предполагалось создать в соответствии с договором, были включены юго-восточные районы Албании, в том числе торгово-ремесленный город Корча. На севере некоторые районы с албанским или смешанным албано-славянским населением должны были отойти к Сербии и Черногории[10].

Естественно, что реакция албанцев на Сан-Стефанский договор была отрицательной. Возбуждение в Албании еще более усилилось, когда из районов, оккупированных сербскими и черногорскими войсками, стали прибывать тысячи беженцев, лишившихся крова и средств к существованию. Бедствия соотечественников, нависшая над Албанией угроза расчленения привели в движение всех албанских патриотов. В некоторых районах страны, прежде всего

---

[8] *Маньковская Г. Л.* Албанская лига в русской печати конца 70-х — начала 80-х гг. XIX в. // Балканские исследования. М., 1978. Вып. 4. С. 193.

[9] См.: *Сенкевич И. Г.* Албания... С. 98—99.

[10] См.: Сборник договоров... С. 161—170.

в тех, которым грозила иностранная оккупация, стали создаваться народные комитеты самообороны. Целью их была мобилизация широких масс населения на защиту родной земли. Опираясь на народное движение, руководители Стамбульского комитета, который по-прежнему действовал подпольно, разработали новую тактику борьбы за национальные интересы. В новых условиях вопрос о вооруженном антиосманском восстании и создании независимого албанского государства, ввиду неблагоприятной международной обстановки, был временно снят с повестки дня. Главной задачей, которую ставили теперь перед собой албанские патриоты, было помешать отторжению албанской территории соседними балканскими государствами. С этой целью предполагалось создание в рамках Османской империи автономного албанского вилайета, в который должны были войти все земли с преобладающим албанским населением. Этот план, имевший национально-патриотическую окраску, принципиально отличался от плана создания «албанского вилайета», который выдвигался в конце 60-х гг. XIX в. правящими кругами Османской империи.

Борьбу в защиту целостности национальной территории должна была возглавить Албанская лига, в которую вошли бы представители всех общественных слоев, всех религий, всех областей страны. Лига эта рассматривалась как преемница Лиги албанских князей, созданной Скандербегом, — имя и деяния этого легендарного героя всегда были живы в памяти албанского народа.

Порта, предпринимавшая все усилия для подрыва Сан-Стефанского договора, не только не препятствовала выступлениям албанцев против договора, но и поощряла их. При этом, однако, стамбульское правительство стремилось лишить это движение албанского национального характера и представить его как спонтанное выступление мусульманских подданных султана, не желавших отделяться от Османской империи.

Не меньше, чем Порта, условиями Сан-Стефанского договора были недовольны и западные державы, в особенности Англия и Австро-Венгрия. Опасаясь чрезмерного усиления позиций России на Балканах, они настояли на пересмотре договора, которым должен был заняться созывавшийся в Берлине 13 июня 1878 г. европейский конгресс. Естественно, что оппозиция албанцев Сан-Стефанскому договору была на руку англо-австрийской дипломатии, и ее агенты старались еще больше разжечь недовольство албанцев и направить его против славян и России.

Патриотические силы албанского общества стремились противостоять попыткам внешних сил изменить характер албанского движения и толкнуть его на путь конфронтации с другими балканскими народами.

В обращении Стамбульского комитета к албанскому народу и международному общественному мнению от 30 мая 1878 г., в частности, говорилось: «Мы горячо стремимся жить в мире со всеми соседями — Черногорией, Грецией, Сербией и Болгарией. Мы не требуем и не хотим ничего от них, но полны решимости твердо удерживать все то, что является нашим» [11].

В канун намеченного на июнь 1878 г. учредительного собрания общенациональной организации в патриотических кругах Албании шли жаркие дискуссии о будущем направлении деятельности лиги и шире — о будущем страны. Свои программы в ходе этих дискуссий отстаивали две группировки — радикалы

[11] Historia e popullit shqiptar. Tiranë, 2002. Vëll 2. F. 153.

и умеренные. Радикалы, представленные главным образом Стамбульским комитетом и имевшие широкую поддержку в народных массах, считали защиту целостности албанских земель и борьбу за создание автономного албанского вилайета только первым этапом в деятельности лиги, которая должна была иметь национальный и демократический характер. По мнению деятелей этого направления, албанский вилайет, при благоприятных международных обстоятельствах, следовало превратить в автономное албанское государство, а Албанской лиге необходимо было готовиться к борьбе не только против захватнических поползновений соседних балканских государств, но и против Османской империи.

Другое течение — умеренные — также выступало за создание автономного албанского вилайета, но только с согласия султана. Деятели этого направления выступали и за создание всеобщей Албанской лиги, которая носила бы национальный характер. Наличие этих двух пунктов в программе умеренных, за которыми стояли влиятельные чифлигары и крупные торговцы, создавало базу для сотрудничества между ними и радикалами в деятельности по созданию Албанской лиги.

Помимо этих двух течений и за рамками национального движения возникло третье — просултанское, возглавленное туркоманами из албанских чиновников и фанатичного мусульманского духовенства. Приверженцы этого течения выступали против создания Албанской лиги и за создание Исламской лиги, которая должна была объединить всех мусульман Европейской Турции. Задачу этой Исламской лиги просултанские круги видели в организации, по указанию султана, вооруженного сопротивления осуществлению условий Сан-Стефанского договора.

Выборы делегатов на общеалбанский съезд прошли в духе старинных албанских традиций. Согласно этим традициям, когда над страной нависала внешняя угроза, собирались областные советы — кувенды, выбиравшие представителей на общеалбанский кувенд. В ходе выборов, проходивших в населенных албанцами западных провинциях Европейской Турции, развернулась острая борьба между сторонниками национального движения и просултанскими элементами. Везде поддержку албанского населения получали приверженцы национальных программ. Лишь в Косовском вилайете, где в некоторых районах мусульманское население имело смешанный характер — албанцы, турки, босняки, помаки [12], — в делегаты общеалбанского собрания попали улемы [13] и чиновники османской администрации.

Национальный кувенд открылся в Призрене, тогда самом большом городе Косово, 10 июня 1878 г., за три дня до начала работы Берлинского конгресса. В сразу же завязавшейся на съезде дискуссии относительно того, будет ли лига исламской или албанской, патриотическую позицию горячо отстаивал председатель Стамбульского комитета Абдюль Фрашери, официально выступавший в роли представителя южных албанцев. «Цель кувенда — говорил он, обращаясь к делегатам, — состоит в том, чтобы встретить натиск безжалостных врагов, заключив албанскую бесу и дав клятву защищать, не жалея крови, землю, оставленную нам нашими дедами и прадедами» [14].

Выступление представителя патриотической партии нашло широкий отклик и в зале заседания, и за его пределами. По его предложению, в соответствии

[12] Помаки — принявшие мусульманство болгары.

[13] Улемы — сословие мусульманских богословов и правоведов (*тур.*).

[14] Historia... Vëll 2. F. 155.

со старинной албанской традицией в этот критический для судеб страны момент была объявлена всеобщая «беса» — запрещались все действия, связанные с обычаем кровной мести, широко распространенным тогда еще в горах Албании. Но на первых заседаниях лиги, ввиду того, что представители из внутренних районов Албании еще не успели прибыть в Призрен, значительным было влияние просултанских и панисламистских элементов. Помимо албанских феодалов, это были богатые мусульманские паши и беи из Боснии, Герцеговины, Нови-Пазарского санджака, Македонии, некоторых районов Болгарии, а также турецкие чиновники из этих областей. Вначале в заседаниях кувенда принимал участие и турецкий губернатор Призрена Кямиль-бей. Разнородный состав собрания лиги на начальном этапе, а также давление турецких властей определили противоречивый характер ее первых решений.

По спорному вопросу — быть лиге албанской или исламской — было принято компромиссное решение: назвать ее просто лигой. Албанские патриоты считали этот компромисс временным и упорно продолжали бороться за придание лиге национального характера. Лига с самого начала приобрела форму военно-политической организации с органами центрального и местного управления. Центральным органом лиги стал Генеральный совет, имевший законодательные функции и руководивший отделениями лиги на местах. Председателем Генерального Совета был избран богатый откупщик и землевладелец из Дибры Ильяз-паша Дибра. Для осуществления исполнительных функций создавался Центральный комитет, состоявший из трех комиссий — иностранных дел, внутренних дел и финансовой. Их возглавили соответственно Абдюль Фрашери, Хаджи Шабани и Сулейман Вокши. Все избранные руководители лиги были связаны с албанским национальным движением: Абдюль Фрашери и Сулейман Вокши представляли Стамбульский комитет, Ильяз-паша Дибра и Хаджи Шабани были близки к умеренному крылу движения. Однако значительное влияние просултанских элементов на Призренском съезде и колебания умеренных привели к тому, что первая программа лиги, принятая 17 июня 1878 г., в значительной степени соответствовала интересам стамбульского правительства.

Эта программа, написанная на турецком языке и названая Карарнаме (Книга решений), определяла как идейную основу деятельности лиги принципы мусульманского религиозного права — шариата. Провозглашалась верность участников лиги султану и их готовность всеми мерами противиться каким-либо территориальным уступкам Сербии, Черногории и Болгарии за счет владений Порты. Был включен в Карарнаме и пункт о том, что в лигу могла вступить любая область империи. Общеосманскому характеру, который Порта хотела придать лиге, соответствовал и меморандум, направленный от имени собрания в Призрене Берлинскому конгрессу, а также турецкому правительству и представителям европейских держав в Стамбуле. В меморандуме заявлялось, что жители Боснии, Албании и других провинций Европейской Турции не признают иной власти, кроме власти турецкого султана, и готовы «до последней капли крови» защищать целостность Османской империи [15].

Однако большинство албанцев выступало за то, чтобы лига имела албанский национальный, а не панисламистский характер. К концу июня 1878 г. в Призрен прибыли делегаты почти всех албанских районов, выражавшие настроения пославших их городских и сельских общин. Например, делегаты от Шкодры имели

[15] *Сенкевич И. Г.* Албания... С. 105.

следующий наказ от населения: «Быть осторожными и не принимать ничего, что могло бы быть истолковано как усиление исламистского духа. Немедленно покинуть лигу в случае, если она в ущерб национальному пути вступит на путь чисто религиозный» [16].

2 июля 1878 г. на общем собрании лиги, где преобладающее влияние получили патриотически настроенные албанские представители, был принят ее новый статус. Лига, теперь уже официально, стала называться Албанской лигой [17]. Был избран ее новый Генеральный Совет из 56 человек — албанцев-мусульман, православных и католиков, стоявших на патриотических позициях. Председателем этого законодательного органа остался Ильяз-паша Дибра. Новый исполнительный орган Албанской лиги, получивший название национального комитета, как и раньше, состоял из трех комиссий: иностранных дел, внутренних дел и финансовой. Их руководителями остались Абдюль Фрашери, Хаджи Шабани и Сулейман Вокши.

Согласно вновь принятому статуту лиги, национальный комитет получил право создавать в городах и больших селениях Албании местные комитеты, вводить налоги для нужд управления, формировать вооруженные силы для защиты албанских территорий, проводя, в случае необходимости, мобилизацию всех мужчин, способных носить оружие, карать за дезертирство и грабежи [18].

Этот статут лиги, наделявший ее широкими функциями в сфере управления, являлся юридической базой для постепенного формирования в рамках османского государства албанской автономии. У албанцев впервые появился орган для защиты их национальных прав военным и дипломатическим путем.

13 июня 1878 г. в Берлине открылся международный конгресс с участием европейских держав и Турции, созванный для пересмотра условий Сан-Стефанского договора. На конгресс, который должен был «окончательно» определить политическую карту Балкан, были приглашены (правда, с совещательным голосом) и представители балканских Государств. Албания же на конгрессе представлена не была никак. Более того, Бисмарк при открытии конгресса заявил, что «албанской национальности не существует» [19]. Эта точка зрения главы германского правительства, вполне совпадавшая с тогдашними представлениями не только других руководителей европейских правительств, но и Порты, нашла отражение в решениях Берлинского конгресса.

Конгресс подтвердил положения Сан-Стефанского договора о признании независимости Сербии, Черногории и Румынии и о создании автономного болгарского княжества, хотя границы этих государств и были урезаны. Албания же в документах европейского конгресса фигурировала лишь как географическое понятие и составная часть территории Османской империи. Творцы берлинских решений рассматривали «ничейное албанское пространство» как источник территориального приращения соседних балканских государств. Правда, Берлинский конгресс не подтвердил принятого в Сан-Стефано решения о передаче Болгарии юго-западного района Албании с городом Корча. Но на севере,

---

[16] *Сенкевич И. Г.* Албания... С. 105.

[17] В современных документах, как правило, фигурирует этот термин. В историографии, в частности в албанской, используется термин «Албанская Призренская лига» или «Призренская лига».

[18] *Маньковская Г. Л.* Албанская лига... С. 195—198. Здесь впервые в научной литературе публикуются на русском языке первые программные постановления Албанской лиги.

[19] *Stavrianos L.* The Balkans since 1453. N. Y., 1963. P. 503.

по решению конгресса, Черногории передавались два пункта со смешанным албано-славянским населением — Плав и Гусине (Гусья). На юге же, по рекомендации конгресса, включенной в протокол № 13 от 5 июля 1878 г., предполагалось установить новую греко-турецкую границу по линии реки Каламас. В результате к Греции отходила значительная часть Эпира, включая почти всю область Чамерия, населенную в основном албанцами.

Известие о планах передачи соседним странам земель с албанским населением вызвало в Албании бурю возмущения. В ряде городов прошли народные митинги протеста. Еще более возрос среди населения авторитет Албанской лиги. Ее активисты взяли на себя организацию защиты албанских территорий.

После второго общего собрания лиги (2 июля 1878 г.) масштабы ее деятельности значительно расширились. Повсюду созданные ранее народные комитеты самообороны превращались в местные отделения Албанской лиги; там, где этих комитетов не существовало, отделения лиги формировались на собраниях населения. Для более оперативного руководства и координации действий возникших на местах многочисленных отделений Албанской лиги были образованы три ее межобластных комитета — в Призрене, Шкодре и Янине. Два северных межобластных комитета лиги — Призренский и Шкодринский — главные свои усилия сосредоточили на организации борьбы против передачи Черногории Плава и Гусине.

По призыву отделений лиги в североалбанских районах началась вербовка добровольцев и сбор средств для организации сопротивления. Только в Шкодре за несколько дней записалось в добровольцы около 6 тыс. человек; горожане и крестьяне жертвовали в фонд обороны деньги и зерно. Сами албанские жители Плава и Гусине находились в боевой готовности, день и ночь следя за передвижениями черногорских войск.

Вне сомнения, движение в Албании против передачи Черногории и Греции территорий с албанским населением было на руку Порте, которая стремилась удержать эти территории. Турецкие власти охотно откликались на просьбы Албанской лиги об оказании ей помощи оружием. Так, по сведениям российского консула в Янине А. Троянского, местный комитет лиги получил до декабря 1878 г. от турецкого командования 12 тыс. ружей. На севере Турция пыталась использовать военные силы Албанской лиги против оккупации австрийскими войсками Боснии и Герцеговины. Летом 1878 г. турецкие агенты раздавали албанскому населению Косово оружие и патроны. Однако вопреки настояниям представителей турецкой власти Генеральный совет лиги отказался принять участие в борьбе против австрийской оккупации Боснии и Герцеговины[20]. Албанская лига не отклонялась от своего прямого курса на защиту целостности албанских земель от посягательств с любой стороны, в том числе и со стороны Порты. Об этом свидетельствовали события, развернувшиеся в сентябре 1878 г. в Джяковице (Дьякова).

В этот город в Косово (на границе с нынешней Албанией) 1 сентября 1878 г. прибыл турецкий маршал Мехмед Али-паша, направлявшийся с войсками из Стамбула через Призрен на турецко-черногорскую границу для того, чтобы заставить албанцев прекратить сопротивление осуществлению решений Берлинского конгресса о передаче территорий Черногории. Известие о прибытии в Джяковицу Мехмеда Али-паши, который в 1871 г. руководил карательной

[20] *Сенкевич И. Г.* Албания... С. 109—110.

экспедицией против повстанцев в Шкодре, вызвало большое возбуждение среди местного населения. С разных сторон в город начали стекаться вооруженные горцы. В короткое время число вооруженных людей, окруживших дворец местного албанского феодала Абдуллах-паши Дрени, где обосновался турецкий военачальник, достигло 4500 человек. Ультиматум, предъявленный турецкому маршалу местным отделением Албанской лиги, — покинуть Джяковицу и вернуться в Призрен, — был отвергнут. 3 сентября начался штурм дворца, продолжавшийся с перерывами четыре дня. В ходе боя, носившего весьма упорный характер, положение Мехмеда Али-паши стало критическим: большая часть осажденных сдалась, шедший же им на выручку другой турецкий батальон распался, а служившие в нем албанцы присоединились к повстанцам. Во время последнего штурма, 6 сентября, Мехмед Али-паша был убит, и остатки осажденных сдались. Эта короткая осада оказалась весьма кровопролитной: осажденные потеряли около 100 человек, осаждающие — около 500 [21].

Таким образом, приверженцы Албанской лиги впервые пустили в ход оружие не против соседних балканских государств, а против Порты. Но стамбульское правительство, не имея достаточно сил для борьбы с лигой, а главное, попрежнему нуждаясь в ней для противодействия территориальным изменениям на Балканах, которые были определены в Берлине, решило замять этот серьезный инцидент.

События в Джяковице усилили позиции радикального крыла в руководстве Албанской лиги. Являвшийся опорой радикалов Стамбульский комитет в конце сентября 1878 г. обсудил и принял проект новой политической программы лиги. Она предусматривала объединение всех албанских территорий в единый албанский вилайет. Все должностные лица вилайета, включая губернатора, должны были быть албанцами. В судах и других учреждениях вводилось обязательное употребление албанского языка, обучение в школах также переводилось на албанский. В стране создавались выборные органы местного управления, которые предполагалось формировать на демократической основе без какой-либо дискриминации по социальным или религиозным мотивам. Предусматривалось создание национальной милиции в составе 200 батальонов. Суверенитет султана над Албанией сохранялся, но на условии, что османский монарх будет отстаивать целостность албанской территории.

Разработанная радикалами новая программа Албанской лиги была опубликована 27 сентября 1878 г. в стамбульской газете «Терджюман-и Шарк» («Толкователь Востока»), которую редактировал албанский просветитель и публицист Сами Фрашери. Это была первая в истории албанского национально-освободительного движения развернутая программа политической автономии Албании. Поворот в деятельности лиги в сторону борьбы за создание автономного албанского государства не ускользнул от внимания зарубежных наблюдателей. Русская газета «Голос», изложившая 17 (29) сентября 1878 г. новую программу Албанской лиги, сопроводила ее следующим комментарием: «Албанская лига, основанная первоначально исключительно для противодействия расчленению Албании, приняла в последнее время характер национальный, имеющий целью домогаться образования автономного Албанского княжества, которое бы находилось только под верховной властью султана» [22].

---

[21] Historia... F. 170.

[22] *Маньковская Г. Л.* Албанская лига... С. 199.

События в Албании в 1878—1879 гг. все чаще становились и предметом дипломатических донесений, поступавших в Вену, Париж, Лондон, Петербург и другие европейские столицы. Многих дипломатов ставил в тупик подъем освободительного движения в стране, считавшейся самой отсталой на Балканах, со значительным мусульманским населением, рассматривавшимся как опора власти султана в Европе, и они пытались объяснить возникновение Албанской лиги различными внешними воздействиями. Большинство дипломатов сходилось на том, что лига является «инструментом» политики турецкого правительства.

По этому поводу следует заметить, что хотя Порта и не инспирировала албанское движение, но в первые месяцы существования Албанской лиги она относилась к ней благожелательно. Характерно в этом отношении мнение корреспондента российской газеты «Голос» в Стамбуле, выражавшего удивление по поводу того, что именно «в Константинополе публично печатается программа Албанской лиги, деятельность которой есть прямой протест против постановлений Берлинского договора, подписанного уполномоченным Турции...» [23]. Наряду с реальными политическими взаимоотношениями, складывавшимися вокруг Албанской лиги, по этому поводу высказывались и достаточно экстравагантные суждения. Так, российский консул в Призрене И. С. Ястребов считал виновницей возникновения Албанской лиги... Парижскую коммуну. По его утверждению, именно парижский коммунар Г. Клюзэрэ, оказавшийся в эмиграции на Балканах, подал албанцам идею создать их лигу. Ястребов называл албанскую организацию «Призренской коммуной», что в устах царского дипломата, относившегося весьма враждебно и к Парижской коммуне, и к Албанской лиге, носило дискредитирующий характер [24].

Но и европейские дипломаты, придерживавшиеся мнения, что Албанская лига была создана Портой с целью сохранить за собой территории, которых она лишалась по решениям Берлинского конгресса, приходили к выводу, что уже во второй половине 1878 г. деятельность лиги вышла за рамки, определенные для нее Портой. Так, в одном из писем российского посла в Константинополе А. Б. Лобанова-Ростовского в сентябре 1878 г. говорилось: «Надо полагать, что сопротивление албанцев выполнению условий Берлинского договора перерастет в общее восстание против Порты» [25]. Через несколько месяцев австрийский консул сообщал из Влёры: «Оттоманское правительство, спровоцировав призренские события и позволив им свободно развиваться, не оказывая влияния на ход дела, находится теперь перед возбужденным населением, готовым к восстанию, и не имеет более сил, чтобы подчинить народ своему авторитету» [26].

Новая политическая программа Албанской лиги, выдвинутая Стамбульским комитетом, была разослана по городам Албании и стала предметом острых споров между активистами патриотического движения, поддержавшими программу, и просултанскими элементами, выступившими против нее. Решение Стамбульского комитета обсуждалось и на собраниях местных отделений Албанской лиги. 1 ноября 1878 г. на расширенном собрании отделения Лиги в Дибре с участием Абдюля Фрашери, выступавшего здесь в качестве представителя Южной

[23] *Маньковская Г. Л.* Албанская лига... С. 196.

[24] *Смирнова Н. Д.* Документы АВПР о Призренской лиге (1878—1881) // Балканские исследования. Вып. 8: Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. М., 1982. С. 224—225.

[25] Там же. С. 226.

[26] *Сенкевич И. Г.* Албания... С. 122.

Албании, программа Стамбульского комитета была одобрена, правда, в урезанном виде. Руководители радикального течения, стремясь обеспечить поддержку умеренных, сняли пункт о демократическом характере будущего автономного албанского государства.

Совещание в Дибре решило, что политические требования лиги будут представлены Порте делегацией, состоящей из видных деятелей албанского общества. Намечалось предварительно собрать подписи представителей всех албанских санджаков и каз[27] под этим документом. Сбором подписей в городах и крупных селениях занимались члены местных отделений лиги, в деревнях — мухтары (старосты); всюду албанцы охотно ставили свои подписи под новой программой лиги. Абдюль Фрашери, которому была поручена эта кампания на юге страны, посетил Эльбасан, Берат, Фиери, Влёру, Дельвину, Гирокастру и к началу декабря 1878 г. завершил свою работу. Ильяз-паша Дибра, которому поручалось получить мандат от населения Северной Албании, выполнил эту задачу к середине января 1879 г. Однако обострение обстановки в южных областях в связи с вопросом о турецко-греческом разграничении привело к тому, что представление политической программы Албанской лиги Порте было отложено.

Как уже говорилось, Берлинский конгресс рекомендовал Турции и Греции провести переговоры с целью передачи последней Фессалии и значительной части Эпира, включая населенную албанцами область Чамерия. Планы отторжения от Албании ее южных пределов, как и северных, встретили решительное противодействие Албанской лиги. Еще до открытия греко-турецких переговоров, в Превезе, избранной местом проведения этих переговоров, 11 января 1879 г. открылся кувенд Албанской лиги. Этот кувенд, в котором участвовало 400 делегатов, представителей разных областей Албании, решительно высказался против передачи Эпира Греческому королевству. В случае, говорилось в принятой резолюции, если великие державы будут настаивать на своем решении, будет оказано сопротивление всеми средствами и «будут мобилизованы, за счет лиги, все албанцы, способные носить оружие». Это решение было поддержано демонстрацией нескольких тысяч вооруженных албанцев на улицах Превезы.

Греко-турецкая конференция открылась в Превезе 6 февраля 1879 г. и после шести недель работы была прервана турецкой стороной. Турецкие представители мотивировали свою позицию опасностью антиосманского восстания в Албании в случае удовлетворения греческих требований. Разумеется, протесты албанцев против уступки Эпира Греции объективно являлись поддержкой позиции Порты, стремившейся сорвать выполнение соответствующего решения Берлинского конгресса. Но Албанская лига при этом следовала собственной политической линии и готова была проводить ее в жизнь и вопреки намерениям стамбульского правительства. Как сообщал в феврале 1879 г. российский консул в Янине А. Троянский, албанцы решили, если Порта проявит уступчивость в переговорах с Афинами, «низложить турецкие власти во всем Эпире и заменить их властями албанскими»[28]. О самостоятельности действий лиги говорит и ее стремление войти в непосредственный контакт с правительствами великих держав.

В конце марта 1879 г. Абдюль Фрашери и Мехмет Али Вриони отправились в дипломатическое турне по европейским столицам. За три месяца они побывали

[27] Санджак, каза — тогдашние административно-территориальные единицы османского государства.

[28] *Сенкевич А. Г.* Албания... С. 138.

в Риме, Париже, Лондоне, Берлине, Вене и Стамбуле. Основной целью их поездки было доказать незаконность и несправедливость передачи Греции Эпира в соответствии с рекомендацией Берлинского конгресса. В записке идентичного содержания, которую «делегаты албанского народа», как подписывались Мехмет Али Вриони и Абдюль Фрашери, представили в дипломатические канцелярии европейских держав, они категорически возражали против передачи Эпира Греции как того, что ставит под угрозу само существование Албании. «Албанцы, — говорилось в записке, — сохранили свою родину, свой язык и свои нравы, отразив в варварские времена нападение римлян, византийцев и венецианцев. Как можно допустить, чтобы в век просвещения и цивилизации нация, столь храбрая и столь привязанная к своей земле, была принесена в жертву, отдана без каких-либо законных оснований алчному соседу». Но справедливые требования албанского народа о сохранении независимости и территориальной целостности своей страны сочетались в записке и с далеко идущими претензиями албанской мусульманской знати, игравшей весьма значительную роль в деятельности Албанской лиги.

В меморандуме отстаивалась принадлежность к Албании не только населенной албанцами северо-западной части Эпира — Чамерии, но и всего Эпира. В этот период албанская феодальная знать обладала сильными позициями в Эпире: некоторые паши и беи жили в Янине, Арте, Превезе и других местах Эпира, владели здесь землями и пастбищами и со времен Али-паши Янинского пользовались в этом краю значительным политическим влиянием. Естественно, что албанские феодалы цепко держались за свои права и привилегии, используя в этих целях и Албанскую лигу. В записке, представленной Абдюлем Фрашери и Мехметом Али Вриони, для обоснования принадлежности Эпира Албании использовались различные аргументы: экономические — передача Эпира лишила бы албанских пастухов их зимних пастбищ, стратегические — потеря естественных укреплений Янины, Превезы и Арты означала бы передачу ключей от Албании чужому народу[29].

Поездка Абдюля Фрашери и Мехмета Али Вриони была первой в истории дипломатической миссией Албании, вступившей на путь национального Возрождения. Помимо представления своей записки, албанские делегаты имели возможность встретиться с некоторыми видными европейскими дипломатами, в том числе с французским министром иностранных дел В. Ваддингтоном, английским министром иностранных дел Р. Солсбери, итальянским премьер-министром А. Депретисом, и устно изложить им свои пожелания. И хотя трудно говорить о каких-либо конкретных результатах дипломатической миссии Албанской лиги в Европу, но она определенно показала главам дипломатических ведомств великих держав, что в греко-турецком территориальном споре участвует и третья сторона — албанская, с которой волей-неволей придется считаться.

В перечне столиц, посещенных представителями Албанской лиги, не было Петербурга. Возможно, это было вызвано тем, что зондаж политики России, предпринятый ранее, дал неутешительные результаты. В октябре 1878 г. в Адрианополь, где находилась тогда ставка главнокомандующего русской армией на Балканах, прибыл некий албанский бей, — бей, имя которого в русских дипломатических документах зашифровано тремя звездочками и которого советская

[29] *Puto A.* La question albanaise dans les actes internationaux de'l époque impérialiste. Tirana, 1985. T. 1. F. 221–226.

исследовательница И. Г. Сенкевич отождествляет с албанским национальным деятелем Юсуфом Али-беем Дибра. В беседе с главнокомандующим генералом Э. И. Тотлебеном, коснувшись подробно происхождения и целей Албанской лиги, он поставил вопрос: что албанцы могут ожидать со стороны России? Тотлебен ответил, что «Россия относится сочувственно ко всем народностям и к их законным и справедливым стремлениям, что она отнесется также сочувственно и к албанцам, если они поведением своим сумеют оправдать эти симпатии». Албанцы, продолжал генерал, могут «снискать себе расположение европейских держав», если они добровольно уступят местности, которые в силу решений Берлинского конгресса должны быть присоединены к соседним государствам[30]. Такая позиция России вряд ли могла удовлетворить Албанскую лигу, но она ничем существенным не отличалась от позиции других держав-участниц Берлинского трактата 1878 г.

Летом 1879 г. Порта дала ответ на предложение лиги об объединении всех областей Европейской Турции с албанским населением в самоуправляющийся албанский вилайет. Ответ этот был отрицательным. При этом стамбульское правительство утверждало, что требования албанцев будут выполнены в ходе претворения в жизнь статьи 23 Берлинского договора от 13 июля 1878 г., предусматривавшей проведение в Европейской Турции ограниченных административных реформ[31]. Следует напомнить, что державы-участницы Берлинского конгресса мыслили проведение этих реформ исключительно в рамках существовавшей административной структуры османских провинций в Европе, без какого-либо внимания к национальному составу их населения.

Между тем с лета 1878 г., времени создания Албанской лиги, в албанских областях явочным порядком стала создаваться национальная администрация. Основу ее составляли местные комитеты лиги, численностью в 12 человек, избиравшиеся населением во всех городах и больших селениях. С созданием органов лиги на местах авторитет Порты и ее представителей в Албании значительно упал. Существенно были урезаны и некоторые важные прерогативы турецкой администрации. Разладилась турецкая налоговая система, значительно сократились налоговые поступления из Албании в государственную казну. Отказ крестьян и горожан отдавать свои деньги османским сборщикам налогов был вызван не только обнищанием трудовых слоев населения в результате войны. Жители городов и сел выражали убеждение, что Османская империя не имеет никакого права брать с них налоги, так как она не в состоянии защитить их землю. Во многих случаях часть этих налогов собиралась местными отделениями лиги и шла на организацию обороны пограничных албанских земель и помощь албанским беженцам, прибывавшим с территорий, которые по решению Берлинского конгресса отошли к соседним балканским государствам.

Подлежащие призыву в турецкую армию албанцы отказывались от службы и записывались добровольцами в ополчение Албанской лиги. Значительно усилилось и дезертирство албанских солдат из турецких гарнизонов Европейской Турции.

Возникновение Албанской лиги, усиление ее авторитета и влияния среди албанского населения в значительной степени парализовали и турецкую судебную

[30] *Сенкевич И. Г.* Албания... С. 116—121; см. также: *Маньковская Г. Л.* Албанская лига... С. 205—206.

[31] *Pollo S.* La Ligue de Prizren et le probleme de l'autonomie de l'Albanie // Symposium historique international: la dernière phase de la crise orientale et l'hellenisme (1878—1881). Athènes, 1983. P. 399.

систему в Албании. Учрежденные в Албании в ходе проведения танзиматских реформ государственные суды, в которых господствовали произвол, коррупция, волокита, вызывали негативное к себе отношение широких слоев населения. Весной 1879 г. в Косовском вилайете началась агитация за создание «народных судов», которые действовали бы в соответствии с условиями и обычаями страны. Движение это вскоре распространилось и на Скутарийский вилайет. Под нажимом лиги султан узаконил в Косово албанские суды, которые могли бы действовать параллельно с турецкими государственными судами. Однако требование Албанской лиги о роспуске государственных судов в Косовском вилайете не было удовлетворено. Тогда лига объявила бойкот турецким судам и ввела наказания для тех лиц, которые решили бы обратиться в них.

Там, где специальные албанские суды не были учреждены, их функции нередко выполняли местные комитеты лиги. Следует заметить, что деятельность судебных учреждений, связанных с Албанской лигой, отнюдь не во всем зиждилась на светских и национальных началах. Юридические нормы, которыми руководствовались эти учреждения, являлись своего рода смесью установлений обычного албанского права с канонами мусульманского религиозного закона — шариата.

При всей эклектичности и несовершенстве системы правосудия, созданной Албанской лигой, она была более эффективной и соответствующей интересам населения, чем аналогичная турецкая система. Таково было мнение некоторых иностранных наблюдателей. Так, российский генеральный консул в Салониках М. К. Ульянов следующим образом описывал положение с порядком и законностью в округе Дибра: «Здесь члены лиги строго преследуют разбойничество и убийство, приговаривая нередко преступников к смертной казни или сожжению домов и имущества их, тогда как турецкое правительство в своих провинциях никоим образом не может прекратить разбойничество и обеспечить жизнь мирных селян» [32].

Хотя отделения лиги сильно потеснили, а в некоторых случаях и оттеснили турецкие органы управления, органы эти продолжали существовать и функционировать. В городах Албании действовали турецкие административные и судебные учреждения, по-прежнему находились турецкие гарнизоны. Фактически во многих районах Албании сложилось двоевластие, и отношения между этими двумя властями отнюдь не были безоблачными. Исход часто возникавших конфликтов между органами Албанской лиги и турецкими властями зависел от соотношения сил в данный момент в данном регионе, последовательности и твердости руководителей лиги, важности для Порты затронутой в конфликте проблемы. Но в общем Порта, нуждавшаяся до поры до времени в услугах Албанской лиги, старалась по возможности избегать открытых конфликтов с ней. В некоторых случаях турецкое правительство шло и на определенные уступки албанской национальной организации. Среди ее программных требований было удаление из Албании чиновников неалбанского происхождения и замена их албанцами. И летом 1880 г. некоторые видные представители албанской феодальной знати, связанные с Албанской лигой, получили важные административные должности. Так, богатые помещики Мехмет Али-бей Вриони и Накиб-бей были назначены мутасаррыфами, соответственно в Берат и Гирокастру, а Абедин-паша Дино даже стал министром иностранных дел Османской империи.

---

[32] *Сенкевич И. Г.* Албания... С. 124.

Албанские мусульманские беи, продолжавшие поддерживать тесные связи с Портой, были той силой в Албанской лиге, которая активно противодействовала усилению в ней автономистских и антитурецких тенденций. Влияние этих сил отрицательно сказывалось на деятельности центральных органов лиги. Как уже говорилось, при основании Албанской лиги в Призрене были учреждены и ее центральные органы — Генеральный совет и Национальный комитет, состоявший из трех комиссий. При определенных условиях эти органы могли стать ядром автономной общеалбанской администрации, фактически же их деятельность оказалась локально ограниченной Косовским краем. В заседаниях Генерального совета Албанской лиги регулярно участвовала группа мусульманских беев из Македонии, в результате чего национальная албанская направленность деятельности этого совета ослаблялась. Местные отделения лиги на деле самостоятельно определяли свой политический курс. В некоторых из них главенствовали просултанские элементы, в других — патриотически настроенные деятели.

Между тем в Албании ширилось антитурецкое движение. Кое-где крестьяне вступали в вооруженные схватки с турецкими солдатами, сопровождавшими сборщиков налогов. В пограничных районах продолжалось активное сопротивление передаче, согласно решениям Берлинского конгресса, земель с албанским населением соседним государствам. В этой обстановке 23 июля 1880 г. в Гирокастре собрался новый кувенд Албанской лиги. Местом проведения общего собрания лиги был избран этот небольшой южноалбанский город, чтобы избежать надзора со стороны турецких чиновников и иностранных консулов, находившихся в больших городах. В Гирокастру съехались делегаты почти из всех районов Албании.

Съезд в Гирокастре стал ареной острых столкновений между умеренными и радикалами. Их платформы выражали интересы и стремления различных слоев албанского общества: умеренных поддерживали помещики (чифлигары), крупные купцы, мусульманские духовные круги; радикалы же опирались на ремесленников, крестьян, прогрессивных интеллигентов.

Лидер радикалов Абдюль Фрашери и его сторонники предложили программу конкретных действий по установлению автономии Албании. Предполагалось, что Албанская лига немедленно возьмет в свои руки политическую власть в стране и объявит себя временным правительством Албании. Сразу же следовало приступить к подготовке конституции, которая гарантировала бы всем гражданам без различия вероисповедания равенство перед законом и безопасность жизни и имущества. Особое внимание уделялось созданию национальной армии, в которую должны были войти все албанские солдаты и офицеры, служившие в турецкой армии, а также резервисты. Зависимость автономного албанского государства от Порты должна была быть минимальной. Она сводилась бы к праву султана назначать правителя автономной Албании и получать от нее ежегодно денежную дань; кроме того, в случае внешней войны албанцы должны были бы выставлять военный контингент определенной численности. Со своей стороны Османская империя брала на себя обязательство защищать Албанию от иностранной агрессии. Предложенная Абдюлем Фрашери программа действий вызвала неоднозначную реакцию съезда. В принципе она была одобрена делегатами. Однако умеренные, желавшие избежать конфликта с Портой и имевшие на съезде большинство, добились принятия решения о том, что реализация ее начнется только в том случае, если Османская империя окажется не в состоянии

противостоять внешнему нападению (имелся в виду обострившийся конфликт Турции с соседними государствами из-за разграничения, предложенного Берлинским конгрессом)[33].

Движение, вызванное к жизни Албанской лигой, проявилось не только в политических, военных и дипломатических акциях. Оно оказало стимулирующее влияние на культурное развитие Албании, придало новые масштабы национально-просветительному движению[34]. Как уже отмечалось, огромным тормозом для развития албанской национальной культуры было отсутствие алфавита албанского языка. Использовавшиеся в Албании латинский, греческий и арабский алфавиты не только не соответствовали фонетическому строю албанского языка, но и служили орудием ассимиляторской политики, проводившейся в отношении албанцев Портой, Константинопольской патриархией, иностранными государствами. Поэтому создание албанского алфавита имело жизненно важное значение для сохранения самобытности албанцев и самого их национального существования. Попытки создания самостоятельного алфавита албанского языка предпринимались неоднократно. Напомним об алфавите, созданном Наумом Векильхарджи, на котором в 1844 г. он издал первый албанский букварь. Однако из-за своей сложности этот алфавит, разработанный первым национальным просветителем, получил лишь ограниченное распространение. Проблема создания общеупотребительного албанского алфавита приобрела первостепенное значение и в культурно-просветительной деятельности, вдохновлявшейся Албанской лигой.

Осенью 1878 г. по инициативе Стамбульского комитета была сформирована комиссия по созданию общеалбанского алфавита, в которую вошли жившие в столице албанские интеллигенты. Из представленных на рассмотрение комиссии вариантов наилучшим был признан алфавит, созданный известным просветителем и публицистом Сами Фрашери. Он был составлен на латинской основе с соблюдением фонетического принципа — каждому звуку своя буква. Через три месяца на добровольные пожертвования комиссия издала в Стамбуле большим для того времени тиражом в 20 тыс. экземпляров «Алфавит албанского языка». Кроме алфавита, в книгу было включено несколько учебных текстов, которые подготовили Сами Фрашери, Васо Пашко, Яни Врето и Кото Ходжи. Букварь был разослан в албанские эмигрантские колонии в Египте, Румынии, Болгарии. Есть основания предполагать, что он распространялся и в Албании, несмотря на то, что и мусульманские муллы, и православные епископы вели настоящую войну против книг на албанском языке.

Опубликование букваря явилось только первым шагом. 12 октября 1879 г. в Стамбуле состоялась конференция, в которой приняли участие 27 человек — представители всех областей Албании, всех трех существовавших в стране вероисповеданий, различных слоев албанского общества. На конференции было принято решение о создании албанского культурно-просветительного общества, названного «Общество албанской печати» (более распространенное его название — «Стамбульское общество»). Президентом общества был избран Сами Фрашери.

Программа деятельности «Общества албанской печати» была изложена в его учредительном статуте, напечатанном несколько недель спустя в стамбульской

[33] *Сенкевич И. Г.* Албания... С. 155–156.
[34] Там же. С. 127–132.

типографии. Главной целью общества провозглашалось просвещение албанской нации, возрождение албанского языка и широкое распространение литературы на нем. Для осуществления этих целей предполагалось создание специального фонда, составленного из добровольных взносов и доходов от продажи книг. Увеличение доходов общества дало бы возможность, по мнению организаторов, обзавестись собственной типографией, где печатались бы книги и газета на албанском языке. Стамбульское общество намеревалось также за счет своих средств открывать албанские школы.

Культурно-просветительное общество стремилось привлечь к своей деятельности всех албанских патриотов, где бы они ни находились — на родине или за рубежом, — и создать широкую сеть местных отделений. Однако осуществление этих планов натолкнулось на серьезные трудности. Порта, поначалу никак не среагировавшая на создание Стамбульского общества, вскоре спохватилась и начала всячески препятствовать культурно-просветительной деятельности албанских патриотов в своих владениях. В результате руководители Стамбульского общества вынуждены были перенести свою деятельность в албанские колонии Румынии, Египта и Болгарии.

В условиях, когда выражение албанских национальных стремлений преследовалось турецкими властями, политические и идеологические установки Албанской лиги находили отражение в публицистических произведениях, печатавшихся за рубежом. Авторами их были некоторые видные деятели лиги и воспринявшие ее идеалы образованные албанцы. Ясностью мыслей и силой аргументов отличались статьи, публиковавшиеся в турецкой, австрийской и французской печати Абдюлем Фрашери. Большим событием стал выход в Париже в 1879 г. книги «Правда об Албании и албанцах», автором которой был один из главных руководителей Стамбульского общества Васо Пашко.

В первых главах книги кратко излагалась история Албании. Автор с гордостью писал о героическом прошлом албанского народа, его свободолюбии. Васо Пашко рассказывал о больших природных ресурсах своей страны — «огромных лесах, реках, всевозможных минеральных богатствах», — которые из-за существующих порядков албанцы не могут использовать. В книге излагалась программа политических реформ, отвечавшая чаяниям нарождавшейся буржуазии: введение в Албании законов, «одинаковых для каждого», равенство всех, независимо от вероисповедания. По вопросу о будущем политическом статусе Албании автор книги, занимавший высокий пост на турецкой службе, высказывался весьма осторожно. Он выражал надежду, что все албанские земли будут собраны в единый албанский вилайет, в администрации которого решающую роль будут играть албанцы. В то же время Васо Пашко утверждал, что албанцы не желают терять покровительство турецкого султана и не стремятся в созданию независимого государства.

Книга Васо Пашко — первая книга об Албании, написанная албанцем, — вызвала большой интерес в Европе. Помимо французского оригинала, она вскоре вышла в английском, немецком, греческом, турецком переводах.

В отличие от Васо Пашко некоторые другие албанские публицисты, имевшие возможность свободно высказывать свое мнение, выступали за независимую Албанию. Упоминавшийся уже Юсуф Али-беи Дибра в 1879 г. опубликовал в Софии брошюру на болгарском языке, которая называлась «Повседневные беседы, заслуживающие внимания». Здесь активный деятель Албанской лиги

высказывался за то, чтобы будущее албанское княжество поддерживало отношения дружбы, сотрудничества и взаимопомощи с соседними славянскими государствами.

В годы существования Албанской лиги политическая мысль находила отражение не только в печатных выступлениях небольшого круга публицистов и руководителей лиги. В меморандумах и протестах, направлявшихся Порте и великим державам местными отделениями лиги, представители различных групп населения высказывали суждения о настоящем и будущем Албании, отстаивали ее национальные права и интересы. Можно без преувеличения сказать, что благодаря лиге в Албании впервые образовался граждански активный слой общества.

Первоначальной целью создания Албанской лиги было воспрепятствовать осуществлению решений Берлинского конгресса о передаче районов с албанским населением соседним государствам. Эта цель совпадала и с политическими стремлениями Порты, и поэтому вначале последняя не только не препятствовала деятельности албанской национальной организации, но и оказывала ей определенное содействие. В частности, стамбульское правительство до поры до времени поддерживало действия северных отделений лиги, направленные на то, чтобы помешать передаче Черногории (в соответствии с решениями Берлинского конгресса) населенных пунктов Плав—Гусине с прилегающей территорией. Но, подвергаясь нажиму держав и не желая ссориться с ними из-за небольшого горного округа с населением менее 10 тыс. человек, Порта решила без дальнейшего отлагательства передать этот округ Черногории. В начале декабря 1879 г. в Призрен в сопровождении шести батальонов прибыл маршал Ахмед Мухтар-паша, губернатор Битольского вилайета, с поручением осуществить передачу пограничных пунктов Черногории. Однако руководители Албанской лиги отказались подчиниться распоряжению турецкого маршала, и его войска не были пропущены к границе. Когда же черногорский князь Никола попытался с помощью своей армии самостоятельно овладеть районом Плав—Гусине, он натолкнулся на упорное сопротивление добровольческих отрядов албанцев, собравшихся здесь под знаменами Албанской лиги. В ходе кровопролитных боев 8—10 января 1880 г. у сел Велика и Пепич албанцы остановили черногорские войска, и правитель Черногории вновь должен был искать содействия великих держав в деле осуществления условий Берлинского договора.

Участники Берлинского договора решили тогда вместо района Плав—Гусине передать Черногории округа Хоти и Груда к северо-востоку от Шкодры. Державы рассчитывали, что жители этих округов — горцы-католики — с радостью присоединятся к христианской Черногории. Но эти горные районы являлись частью военно-политического союза Великой Мальсии, и все члены этого союза, включая горцев округов Хоти и Груда, решили сопротивляться отторжению этого района от Албании. Организацию обороны пограничного района взял на себя Шкодринский комитет Албанской лиги. По его призыву в этот район прибыли многочисленные добровольцы из различных мест Северной Албании и Косово. К маю 1880 г. численность албанского ополчения в этом месте турецко-черногорской границы достигла 12 тыс. человек.

Порта и на этот раз тайно поощряла сопротивление албанцев передаче Черногории территории, принадлежавшей Османской империи. Однако дальнейшее неподчинение «воле Европы», решили в Стамбуле, чревато опасными

последствиями. Поэтому Порта не только согласилась с третьим вариантом территориального приращения Черногории, предложенным державами: передачей ей вместо районов Хоти и Груда порта Улцинь (Дульциньо), но и решила содействовать осуществлению этого решения. Албанская лига решительно выступила против уступки Улциня, населенного тогда в основном албанцами-мусульманами. Летом 1880 г. добровольческие отряды лиги заняли Улцинь. Для того чтобы выбить албанцев из этого Адриатического порта, соединились морские и сухопутные силы держав и Порты. 20 сентября объединенная эскадра держав — участниц Берлинского договора под командованием британского адмирала Сеймура появилась перед Улцинем, а 23 ноября турецкие войска под командованием маршала Дервиш-паши, преодолев упорное сопротивление албанцев, вошли в город. 26 ноября 1880 г. Улцинь был передан черногорцам.

Вслед за тем турецкий военачальник арестовал многих руководителей Шкодринского комитета лиги, который были организатором обороны Улциня. Ее военные силы были разоружены. Так драматически завершилась на севере продолжавшаяся почти 30 месяцев упорная борьба Албанской лиги против передачи территорий с албанским или смешанным населением соседнему государству.

На юге исход этой борьбы был для лиги более благоприятным. После провала греко-турецкой конференции в Превезе в феврале—марте 1879 г. переговоры между двумя странами о территориальном разграничении были возобновлены в августе 1879 г. в Константинополе. Однако они тоже не дали каких-либо результатов. По просьбе Греции для обсуждения вопроса о греко-турецкой границе в июне 1880 г. в Берлине собралась конференция послов великих держав.

Албанцы, извещенные (по-видимому, Портой) о созыве новой дипломатической конференции, обратились к правительствам великих держав с просьбой не передавать Греции никакие территории из тех, что они считали своими. Телеграммы такого содержания были отправлены, в частности, министру иностранных дел России князю А. М. Горчакову. Так, в телеграмме из Валоны (Влёра), полученной в Петербурге 12 (24) июня 1880 г., говорилось: «Мы снова собираемся напомнить и воззвать к справедливости и жалости вашей светлости и императорского правительства, для того чтобы защитить нашу нацию, к которой мы так привязаны, что только смерть может отделить нас от нее». Подобные телеграммы были получены тогда в Петербурге и из других мест Албании и Эпира[35]. Были они получены и в столицах других держав-участниц Берлинской конференции. Эти протесты не повлияли на решения конференции: она подтвердила рекомендации Берлинского конгресса о присоединении к Греции Фессалии и значительной части Эпира. Однако они дали Порте дополнительный аргумент для того, чтобы отвергнуть притязания Греции на Эпир.

В ответе стамбульского правительства от 26 июля 1880 г. на коллективную ноту шести держав указывалось, в частности, что Порта не может уступить ни Янину, ни Чамерию — «область, населенную исключительно албанцами», — так как подобная уступка вызвала бы «серьезные осложнения», которые поставили бы под угрозу ее власть в этой части Европейской Турции[36].

Безрезультатность Берлинской конференции привела к росту напряженности между Грецией и Турцией. Греция готовилась силой занять территории,

[35] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1880 г. Д. 1. Л. 1—2, 4—5, 9.

[36] *Puto A.* La question albanaise... P. 239—240.

обещанные ей державами. Турция же сосредоточила в Эпире и Фессалии 30-тысячную регулярную армию. В марте 1881 г. на конференции послов великих держав, возобновившейся в Константинополе, уполномоченные Порты представили свои новые предложения по греко-турецкому разграничению. Турция соглашалась на уступку Греции всей Фессалии (раньше она настаивала на сохранении за собой северной ее части), Эпир же, кроме небольшого округа Арта, оставался в составе османских владений. Готовность Порты, занимавшей до этого непримиримую позицию, пойти на компромисс вызвала удивление послов. Английский посол в Константинополе Гошен в своем донесении от 26 апреля 1881 г. объяснял уступчивость стамбульского правительства следующим образом: «Турки согласились на уступку Фессалии с целью сохранить Эпир и покончить с албанским вопросом, который, как я неоднократно сообщал, беспокоит их больше, чем какое-либо давление со стороны шести держав...» [37].

Действительно, дела в Албании приняли для Порты тревожный оборот: в начале 1881 г. северное крыло Албанской лиги вступило на путь вооруженного восстания против Стамбула. Этому вооруженному конфликту лиги со стамбульским правительством предшествовали острые столкновения между существовавшими внутри нее группировками. 20 октября 1880 г. в Дибре открылся новый кувенд Албанской лиги. В нем участвовало около 300 делегатов из албанских областей, которых сопровождали почти 5 тыс. их вооруженных сторонников. Основным вопросом, обсуждавшимся на съезде, был вопрос об автономии Албании. По нему проявились серьезные расхождения между радикалами и умеренными. Резолюция радикалов, которых возглавлял на съезде Абдюль Фрашери, с требованием создания албанского вилайета с широкой автономией в духе программы, принятой кувендом в Гирокастре, получила поддержку приблизительно 130 делегатов. Резолюция умеренных, в которой высказывалась просьба к Порте о создании албанского вилайета с ограниченной автономией, собрала около 150 человек. Небольшая просултанская группировка (около 20 человек), участвовавшая в работе съезда, выступила вообще против автономии Албании.

Обе резолюции, принятые на собрании в Дибре, были отдельно представлены Порте. Однако султанское правительство отказалось обсуждать в какой-либо форме вопрос от автономии Албании. Более того, султан Абдул-Хамид II обратился (по-видимому, в конце 1880 г.) к албанцам со специальным посланием, в котором охарактеризовал всех сторонников отдельного албанского вилайета как «опаснейших врагов» Османской империи. Они обвинялись в том, что собирались после создания этого вилайета отделить его от империи и подчинить иностранным государствам. Албанская лига прямо в послании не упоминалась, а носителями «подрывных планов» объявлялись «5—10 смутьянов». Они клеймились как «предатели веры и государства», «ослушники» султана-халифа, духовного главы всех мусульман, который сам себя называл «отцом» всех своих подданных, в том числе и албанцев. В послании утверждалось, что особый ущерб действия этих «смутьянов» приносят мусульманам. В качестве примера «нехорошего мусульманина», который своими действиями нанес в прошлом вред Османской империи, фигурировал знаменитый албанец Али-паша Тепелена (Янинский), благодаря которому, как говорилось в послании, «Эвбея и Морея с их округами, в которых жило много мусульман, перешли в руки греков, и сфор-

[37] *Kondis B.* The Albanian nationalist movement and the Epiro-Thessalian boundary problem // Symposium historique... P. 315.

мировалось таким образом греческое государство»[38]. Послание явно преследовало цель дискредитировать в глазах албанских мусульман Албанскую лигу, чьи отношения с Портой становились все более напряженными.

В январе 1881 г. в Призрене собрался чрезвычайный съезд Албанской лиги, на котором были представлены только радикальные приверженцы автономии. Среди них усилились настроения в пользу полного разрыва с Османской империей. В проникновенной речи, произнесенной на съезде, Абдюль Фрашери сказал: «Порта ничего не сделает для албанцев. Она относится к нам и нашим меморандумам с величайшим презрением. Порта не предприняла ничего для того, чтобы уничтожить в албанских районах старый порядок вещей и огромную нищету, и, возможно, под давлением Европы откажется от части Албании... Давайте думать о себе и работать для себя. Пусть не будет разногласий между тосками и гегами, пусть все мы будем албанцами и создадим Албанию»[39].

Съезд в Призрене принял решения большой важности, направленные на практическое осуществление программы автономии. Из Генерального совета Албанской лиги были устранены все противники автономии. Утвержденный с небольшими изменениями национальный комитет лиги был наделен правительственными функциями и объявлен временным правительством. В числе двенадцати членов правительства был и Абдюль Фрашери, которому было поручены внешние сношения, и Сулейман Вокши, отвечавший за военные дела. Председателем правительства стал Юмер Призрени.

В январе—феврале 1881 г. сформированные лигой вооруженные отряды овладели основными центрами Косовского вилайета, санджака Дибра и некоторыми городами Македонии, в том числе Ускюбом (Скопье). Турецкие чиновники в освобожденных районах изгонялись, здесь учреждалась албанская администрация, подчинявшаяся временному правительству. Оставшиеся в городах турецкие гарнизоны были блокированы в их казармах.

Временное правительство рассчитывало, что с помощью отделений Албанской лиги огонь освободительного восстания распространится на всю Албанию. Но расчеты эти не оправдались. Шкодринский комитет лиги был разгромлен после неудачи в борьбе за Улцинь. Что же касается Янинского комитета, то все его усилия были направлены на оборону южноалбанских областей против предполагавшегося вторжения греческих войск (территориальный спор между Грецией и Турцией формально завершился лишь с подписанием в Константинополе 2 июля 1881 г. греко-турецкой конвенции). Поэтому в вооруженной борьбе между Албанской лигой и стамбульским правительством весной 1881 г. приняли участие лишь Косово и область Дибра на востоке Албании. Участниками антитурецкой борьбы стали средние и низшие слои албанского общества: крестьяне, городская беднота, ремесленники, торговцы. Многие же албанские феодалы, и в их числе Ильяз-паша Дибра и Али-паша Гусья — деятели умеренного крыла в руководстве лиги, — после начала военных действий поспешили отмежеваться от повстанцев и принести повинную султану.

В конце марта 1881 г. турецкие войска, сконцентрированные в районе Салоник, начали продвижение по направлению к Косово. Одновременно другие части турецкой армии, расположенные в Южной Албании, блокировали все дороги, и временное правительство Призрена оказалось предоставленным самому себе.

---

[38] Lidhja shqiptare e Prizrenit në dokumentet osmane. 1878—1881. Tiranë, 1978. F. 151—154.

[39] *Сенкевич И. Г.* Албания... С. 170.

На подавление очага албанской автономии Порта бросила регулярные войска численностью свыше 20 тыс. человек, имевшие на вооружении много пушек. Командовал этим корпусом маршал Дервиш-паша, уже не раз возглавлявший карательные экспедиции против албанцев. Отличавшийся среди турецких военачальников особой жестокостью, Дервиш-паша хвалился своей кличкой «касап» («мясник»), данной ему за то, что во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он расстрелял за неповиновение роту солдат.

Для организации отпора турецкой карательной экспедиции по призыву лиги собрались многочисленные отряды добровольцев, численность которых, по некоторым данным, составляла 25 тыс. человек. Но албанское ополчение не имело ни четкой военной организации, ни опытных командиров; главным оружием добровольцев были старые кремневые ружья. Тем не менее албанцы вступили в борьбу с войсками Дервиш-паши. Решающее сражение произошло у села Штимле 21 апреля 1881 г., где около 5 тыс. албанских бойцов преградили путь турецкой колонне, шедшей на Призрен. Российский консул в Салониках Н. П. Скрябин следующим образом описывает этот бой:

«Встреча их и их натиск (албанских отрядов. — *Ред.*) были столь неожиданны, что в первую минуту турецкие войска должны были отступить, но, тотчас оправившись, выстроились боевым порядком и двинулись вперед. Нападение албанцев повторилось, и Дервиш-паша приказал передовому отряду открыть пальбу. Команда офицеров прогудела несколько раз без всякого успеха, и, несмотря на сыпавшиеся кругом неприятельские каменья и пули, ни один солдат из этого батальона ружья своего не разрядил». Отказ солдат передового батальона сражаться объяснялся тем, что в большинстве своем они были албанцами и не хотели стрелять в своих.

Тогда Дервиш-паша приказал пустить в ход артиллерию, и первый залп был дан по взбунтовавшемуся батальону. «Бой, — пишет далее Скрябин, — продолжался с одиннадцати часов до четырех. Албанцы отважно защищались, но после артиллерийского обстрела, который Дервиш-паша открыл по всей линии фронта одновременно, они продолжали сопротивление, отступая, преследуемые войсками правительства». Нанеся большие потери туркам, албанцы сами оставили на поле боя 400 убитых и более 500 раненых. Турецкий маршал жестоко расправился с пленными. Командиров он приказал повесить тут же, на поле сражения, рядовые ополченцы были отправлены в тюрьмы[40]. После поражения при Штимле отряды ополчения лиги не смогли задержать дальнейшее продвижение турецких войск, и 23 апреля 1881 г. они вошли в Призрен. Вскоре турки установили свой контроль над всеми городами Косово. В Дибре власть османской администрации была восстановлена с помощью просултански настроенных местных феодалов.

Восстановление турецкой власти в Албании сопровождалось жестокими репрессиями против албанского населения. Тысячи людей были арестованы и осуждены на тюремное заключение и ссылку в отдаленные места. Турецкие власти целыми селениями высылали албанцев в Малую Азию. Только через Салоники, по сведениям современников, в 1881 г. было отправлено в ссылку и тюрьмы около 3 тыс. албанцев.

Настоящую охоту турецкие каратели организовали на руководителей Албанской лиги. Особые усилия Дервиш-паша приложил для задержания Абдюля

[40] *Сенкевич И. Г.* Албания... С. 175—176.

Фрашери. За голову выдающегося борца за свободу Албании была назначена большая награда. Абдюль Фрашери, тайком пробиравшийся на юг, был схвачен турецким патрулем около Эльбасана. Его отправили в кандалах в Призрен, где специальный суд приговорил его к смертной казни, замененной потом на пожизненное заключение. Он провел три года в крепости Призрена, а затем был сослан вместе с семьей в ссылку на побережье Мраморного моря[41]. Репрессии распространились и на руководителей южного комитета Албанской лиги, хотя они и не принимали участия в восстании против Порты.

Главные деятели этого комитета — Мустафа-паша Влёра, Омер-паша Врионн, Сулейман-бей Дино, Кязим-бей Превеза (все они являлись представителями албанской феодальной знати) — были арестованы и отправлены на военном корабле в Стамбул.

Дервиш-паша оставался со своими войсками в Албании до конца 1881 г., подавляя оставшиеся очаги сопротивления. Помимо этого, турецкий военачальник имел задачей полное восстановление турецкой системы власти и осуществление ее главных функций: сбор налогов, набор рекрутов, разоружение албанского населения. Однако господство стамбульского правительства было восстановлено только в городах и равнинных селениях: Дервиш-паша не решился углубиться в горные районы, и они оставались, как и прежде, непокоренными.

После разгрома Албанской лиги в Албании внешне все осталось без изменений: по-прежнему бесчинствовали турецкие губернаторы, в судах царили неправда и произвол, нищета и мрак невежества оставались уделом широких слоев населения. На деле же после трех лет существования лиги и Албания, и албанцы во многом были уже не те, что раньше. Выдвинутая Албанской лигой программа национальной автономии впервые в истории Албании объединила гегов и тосков, мусульман, католиков и православных, крестьян, горожан и патриотически мыслящих феодалов. Был сделан важный шаг на пути преодоления религиозных и региональных различий, тормозивших объединение всех патриотических сил в борьбе за национальное освобождение. Развернутая лигой культурно-просветительная деятельность способствовала формированию единства духовной жизни албанского народа. Благодаря лиге национальные требования албанцев впервые стали предметом обсуждения дипломатии и общественного мнения Европы.

Как уже говорилось, Бисмарк на Берлинском конгрессе, проведение которого совпало с образованием Албанской лиги, отрицал существование албанской национальности. Однако в результате деятельности Албанской лиги у некоторых дипломатов появилось иное мнение. Так, российский дипломат М. А. Хитрово в октябре 1879 г. высказал мнение, что некоторые круги «хотят игнорировать Албанскую лигу, представляют ее исключительно как искусственно возбужденное турками движение, не носящее в себе никаких залогов прочности. Между тем из всех доходящих сведений видно, что там происходит теперь громадное социальное движение в смысле национального возрождения»[42]. Аналогичной точки зрения придерживался и британский посол в Константинополе Гошен. В своем донесении в июле 1880 г. он писал:

«Албанское волнение не может расцениваться лишь как маневр, осуществленный турками для того, чтобы ввести в заблуждение Европу и уклониться

[41] Historia... F. 225.

[42] Смирнова Н. Д. Документы АВПР... С. 225.

от исполнения ее воли. И невозможно отрицать, что албанское движение является совершенно естественным. <...> Албанская национальность представляет собою элемент, который не следует игнорировать при любых будущих политических комбинациях» [43].

Для албанских патриотов, продолживших дело Албанской лиги, с нее начался отсчет времени на пути к независимости. На печатях, знаменах, официальных документах новых патриотических организаций, возникших в начале XX в., стояла дата — 1878.

[43] *Puto A.* La question albanaise... P. 233—234, 236.

Румыния: от «индивидуальности» к союзу с Россией

Румынская общественность с вниманием и сочувствием следила за развернувшейся за Дунаем драмой, но высшие эшелоны власти не спешили на помощь «христианским братьям». Все четыре правительства 1875—1876 гг. дружно стояли за нейтралитет страны в обуревавших Османскую империю внутренних конфликтах. Л. Катарджи выдвинул совсем заоблачную идею о провозглашении Румынии, наподобие Бельгии, постоянно нейтральным государством под гарантией европейских держав. Те, однако, сочли замысел фантастическим и дружно его проигнорировали. 24 февраля (ст. ст.) 1876 г. министр иностранных дел И. Бэлэчану отправил агентам за рубежом депешу показательного содержания: «Румыния, чуждая по языку, по крови и по духу расам, обитающим в Турции, не отказывает им в симпатиях, но и не видит в том, что происходит за Дунаем ничего такого, что побудило бы ее забыть о волнующих ее экономических и социальных проблемах, требующих решения любой ценой» [1]. В предшествовавшие десятилетия румынская дипломатия, играя на противоречиях держав, добилась сперва личной унии Дунайских княжеств под скипетром А. И. Кузы, а потом их полного государственного объединения и преисполнилась самоуверенности. Возникла надежда, не вступая в схватку, приплыть на дипломатической ладье к пристани, именуемой независимостью.

В апреле 1876 г. Михаил Когэлничану возглавил внешнеполитическое ведомство. 29 числа того же месяца он направил дипломатическим агентам циркуляр: «Ныне, посреди волнений, сотрясающих правый берег Дуная, подлинный интерес Румынии, более чем когда-либо, состоит в поддержании строгого нейтралитета». На фоне свирепой расправы с Апрельским восстанием в Болгарии это звучало утешительно для Высокой Порты. Следовало ковать железо, пока горячо. 16 июня Когэлничану отправил инструкцию агенту в Константинополе с изложением позиции правительства и тех условий, которых оно хотело добиться от Порты в обмен на свое хорошее поведение. Кабинет, подчеркивалось в документе, стоял в стороне от потрясений на южнославянских землях и «приносил материальные жертвы», чтобы воспрепятствовать «формированию чет и переправке оружия повстанцам» за Дунай. Пришлось преодолеть немалые трудности, потому что в Румынии проживают сотни тысяч болгар. Выражалась надежда, что, «учитывая переживаемые Турцией внутренние затруднения, Высокая Порта не замедлит оценить по справедливости те гарантии мира и спокойствия, которые мы ей предоставляем, и первой проявит готовность к устранению разногласий и спорных вопросов, которые могут повредить добрым нашим отношениям». Так, румыны до сих пор именуются османскими подданными, а их страна — турецкой провинцией. Далее следовали 7 пожеланий, удовлетворение которых, по уверению Когэлничану, предотвратило бы пагубные для двух стран

---

[1] *Залышкин М. М.* Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения. 1875—1878. М., 1974. С. 67; *Iorga N.* Politica externa a regelui Carol. Bucureşti, 1991. P. 145.

последствия: «признание индивидуальности» Румынского государства, принятие его агентов в Стамбуле в дипломатический корпус, предоставление румынам прав, которыми пользуются иностранные подданные, введение национальных паспортов, неприкосновенность территории княжества, заключение с Османской империей конвенций: почтовой, телеграфной и о выдаче преступников, — проведение границы между двумя странами в дельте Дуная по тальвегу главного его протока [2].

Когэлничану хитрил, пуская в ход неведомое в международном праве понятие «индивидуальность». На самом деле правами, перечисленными в 7 пунктах, пользуются только государства, обладающие полным суверенитетом. Конечно же, турки не попали в расставленную ловушку и реагировали на демарш резко: «В настоящее время Порта занята более важными делами, ей не до переговоров с румынами» [3]. Отрицательные ответы на свой демарш Когэлничану получил из европейских столиц, никто не хотел предоставлять княжеству независимость в обмен на его невмешательство в конфликт. Характерно, что в Лондон бухарестские эмиссары обратиться не решились, опасаясь нарваться на резкий отказ.

Иной была реакция на занятую Румынией позицию в Петербурге. Горчаков предписывал консулу Д. Ф. Стюарту: «Не скрывайте неудовольствия нашего по поводу настроения, преобладающего в Румынии. Оно доказывает в одно и то же время забвение того, что преимущества, которыми пользуются княжества, добыты ценой русской крови». Стало очевидно: независимость не выпрашивают, ее завоевывают, и тон высказываний официальных лиц Бухареста изменился — от повстанцев перестали открещиваться, князь Карл заверил Стюарта: «Страна с симпатией следит за перипетиями драмы, развертывающейся на Балканском полуострове, и радуется успехам наших общих единоверцев». Однако, «выслеживаемая со всех сторон, подвергаясь угрозам со стороны Турции», Румыния не может выйти из своей «пассивной роли» [4].

Иным стал тон депеш Когэлничану. Он заявил о «тягостном впечатлении в стране» от оскорбительной ноты Савфет-паши и потребовал впредь вести корреспонденцию в уважительном тоне. В трактовке министром происходивших за Дунаем событий произошла перемена. Он сообщал об обуревающем румын возмущении: «Ужасы, которые происходили и происходят в болгарских провинциях Турции, уже ни для кого не являются тайной. Хорошо информированные газеты приводят страшные подробности учиненной в Болгарии резни. Со всех сторон раздаются голоса возмущения и протеста, и восточно-христианский мир громко обвиняет нас в том, что мы своим нейтралитетом и своим молчанием освящаем эти преступления» [5].

Происходили вещи, с нейтралитетом не вязавшиеся. Власти, случалось, «не замечали» переправлявшихся через Дунай на восставшую родину болгар, но все это негласно, чтобы не дать Порте повода для вмешательства. В сражавшуюся Сербию проникало оружие и переправлялись добровольцы из России. Сербы хотели бы большего и напомнили, что в соответствии с договором 1868 г.

---

[2] *Kogălniceanu M.* Texte social-politice alese. Bucureşti, 1967. P. 296, 299, 300.

[3] *Iorga N.* Op. cit. P. 151.

[4] *Виноградов В. Н. и др.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 139.

[5] *Kogălniceanu M.* Op. cit. P. 302–304.

о Балканском союзе Румыния могла бы официально встать на их сторону. Но чиновники румынского МИД, предприняв поиски, «не обнаружили» (!) копии договора и заявили, что не могут судить о его точном содержании.

Подобный гибкий, в зависимости от обстоятельств, нейтралитет вызывал недовольство в Петербурге. В июле 1876 г. консул Э. Гика сообщал оттуда: императрица Мария Александровна, как шеф Красного креста, просила его ходатайствовать перед правительством о том, чтобы оно способствовало переправке в Сербию российской помощи «в натуре и в деньгах». В том же духе высказывался и товарищ министра иностранных дел Н. К. Гирс. Он просил «закрыть глаза» на то, что в Сербию провозится оружие и снаряжение, в которых она нуждается. Гика в ответ сослался на обязанности, связанные с нейтралитетом страны, одобряемым, подчеркнул он, всеми державами, помимо России[6].

Все осталось по-старому.

Дни самого Когэлничану в правительстве были сочтены, олигархия отличалась сугубой предусмотрительностью и стремлением застраховаться на все случаи жизни. В ее среде находилось немало людей, как консерваторов, так и либералов, считавших османский сюзеренитет при наличии широких автономных прав не слишком обременительным. Они не желали очертя голову бросаться в омут конфликта, предпочитая идти вперед маленькими дипломатическими шажками. Когэлничану, по словам Н. Йорги, оставался в глубине души своей другом православных христиан и России, и этого ему не прощали. Как инициатор демарша о независимости (замаскированной под «индивидуальность»), он стал фигурой нон грата в глазах Высокой Порты и ее лондонских и венских покровителей. Домашние нейтралисты негодовали. Влиятельная консервативная газета «Тимпул» («Время») назвала его ноту от 24 июня «актом предательства или свидетельством безумия». Через месяц, 24 июля, Когэлничану вышел в отставку. Глава правительства М. Костаки Епуряну от него отрекся: «Я не знал о намерении предпринять подобный демарш. Это изолированная акция, мне неведомая, предпринята по собственной инициативе моим бывшим коллегою...»[7]. Кабинет, еле державшийся на ногах, пал, и на смену ему пришло правительство во главе с И. К. Брэтиану. Иностранными делами стал ведать убежденный сторонник нейтралитета Н. Ионеску, заверивший консульский корпус в том, что князь Карл незыблемо стоит на сей позиции.

Между тем перспектива новой русско-турецкой войны становилась все более реальной, а договоренность с Россией настоятельно необходимой. В том же положении относительно Румынии находился Петербург, путь на Балканы пролегал по этой стране. Отсюда настойчивые напоминания о том, что иначе, как при поддержке северного соседа, румыны независимости не добьются. В Бухаресте, в свою очередь, понимали — остаться в стороне не удастся. Предстоял выбор: или пропустить российские войска через свою территорию к Дунаю, или превратить ее в арену российско-турецкого противоборства, что грозило разорением и опустошением страны, причем без малейших гарантий насчет ее будущего. По словам Н. Йорги, «стоило России двинуться, и иного пути кроме сотрудничества с нею не существовало»[8].

---

[6] *Ciachir N.* Războiul pentru independenta Romaniei in contextul European. P. 156; *Hincu D.* Kogalniceanu. Bucuresti, 1962. P. 282.

[7] *Iorga N.* Op. cit. P. 152—153.

[8] Ibid. P. 175.

Приездом Александра II в Крым, в его любимую резиденцию в Ливадии, решили воспользоваться для того, чтобы установить с ним личные контакты. В путь отправилась делегация во главе с премьер-министром И. К. Брэтиану. Можно было подумать, что посреди сотрясавших Балканы катаклизмов у Румынии не существовало более важной задачи, чем выразить почтение соседнему монарху, ибо министр иностранных дел Н. Ионеску, в услугах которого в Крыму надобности не ощущалось, заверял встревоженных дипломатов, что цель визита чисто протокольная.

Согласия относительно прохода российских войск удалось достигнуть легко. Петербургскому казначейству предстояло оплатить все транспортные расходы, но по тарифу на 40 % ниже обычного, на что соглашались румыны. Российский кабинет был бы счастлив заключить деловую, чисто военную конвенцию и на этом исчерпать свои обязательства. Румынская сторона настаивала на подписании дополнительной политической конвенции, на что она, как вассал Османской империи, права не имела. Было от чего задуматься канцлеру Горчакову и самому императору — заключение подобного документа де факто означало признание государственной независимости Румынии и принятие на себя обязательства отстоять ее перед «европейским концертом», поголовно стоявшим на страже турецкого сюзеренитета. Это было возможно лишь в результате войны, а война почти всегда — прыжок в неизвестность. 10 октября румыны покинули Ливадию, не достигнув желаемого.

Их раздумья и колебания продолжались. Многие опасались, что, погнавшись за независимостью, они лишатся покровительства европейских держав и утратят привилегированное положение в составе Османской империи. Усилия консула Д. Ф. Стюарта побудить И. К. Брэтиану подписать конвенцию к успеху не приводили. В Бухарест прибыл дипломат более высокого ранга, А. И. Нелидов — под чужим именем, поселившись в захудалой гостинице. Он согласовал текст конвенций, но добиться их подписания не смог.

Одновременно с Нелидовым, но, разумеется, в тайне от него в Бухаресте «гостил» турецкий уполномоченный Али-паша с предложением о военном сотрудничестве, а в Стамбул отправился брат премьер-министра Думитру Брэтиану с целью добиться признания гарантированного нейтралитета Румынии. Обе миссии оказались безрезультатными. Высокая Порта отдавала себе отчет, что объявлять нейтралитет имеет право только независимое государство, а не привилегированная провинция, каковой она считала Румынию, и что она подтвердила в конституции 1876 г. Д. Брэтиану встретил сочувственное отношение со стороны некоторых участников, проходившей тогда в Константинополе конференции держав. Их поведение отражало личные эмоции, никто не стал связывать себя формальной поддержкой его предложений, что было бы совершенно бессмысленно ввиду враждебного отношения к идее как Турции, так и России.

Стало очевидно — хлопоты в Стамбуле и западных столицах ведут в никуда. Принц Карл слал заверения: «Если Турция будет продолжать сопротивляться воле христианского мира, если русская армия будет призвана еще раз проливать кровь ради своих угнетенных единоверцев, она может быть уверена в сочувственном и братском приеме при прохождении Румынии, которая не забыла и никогда не забудет, что обязана своим первым освобождением этой армии и заботе о ней царей». Свое послание великому князю Николаю Николаевичу от 24 января 1877 г. (ст. ст.) Карл завершил утверждением: акт прохода русских

войск должен быть оформлен политически и может быть подписан даже накануне войны[9].

Подписи под двумя конвенциями, военной и политической, появились только 4 (12) апреля, за 8 дней до начала русско-турецкой войны, и значилась под ними фамилия Когэлничану. Накануне он вернулся в правительство, наступали времена судьбоносные, во главе внешнеполитического ведомства потребна была крупная фигура, декоративный министр Ионеску вышел в отставку.

Политическая конвенция таила в себе камень преткновения. Петербургский кабинет вынашивал план возвращения России Южной Бессарабии, отторгнутой у нее по Парижскому миру 1856 г. и отошедшей к Османской империи (с вхождением в состав Молдавского княжества как части оной империи). Румынская сторона с Южной Бессарабией расставаться не желала и настояла на включении в конвенцию следующей формулировки: «Правительство Его Величества Императора Всероссийского обещает поддерживать и заставить уважать политические права Румынского государства, установленные внутренними законами и существующими трактатами, а также поддерживать нынешнюю неприкосновенность Румынии». По южнобессарабскому вопросу предстояла тяжелая схватка двух дипломатий. В конвенциях ни слова не говорилось о военном сотрудничестве, но это был военный союз Румынии с Россией, потому что страна хотела сражаться за независимость. По словам князя Карла, «здесь все против турок, общественность становится воинственной»[10].

И все же колебания в верхах и метания дипломатии продолжались до последнего момента. 1 (13) апреля министерство иностранных дел выступило с декларацией: в виду неизбежности русско-турецкой войны, говорилось в ней, Румыния вынуждена позаботиться «об условиях прохождения русских, чтобы избежать потерь, которые могла бы понести страна». Далее следовало утверждение, что Румыния сохраняет «полный нейтралитет», и турки поэтому не должны предпринимать военных действий на ее территории. Декларация была шита белыми нитками, и никто подобным заверениям не поверил.

На следующий день состоялся коронный совет в условиях полной разноголосицы во мнениях его участников. По словам видного историка Н. Йорги, «одни проявляли страх, сдержанность, обнаруживали незнакомство с ситуацией, медлительность при обсуждении вопросов, другие — полное отсутствие заботы о достоинстве страны и нации»[11]. Некоторые, в том числе Когэлничану, высказались против подписания конвенций, не вязавшихся с провозглашенным нейтралитетом. Никто не считал возможным сопротивляться проходу российских войск через страну. Раздалось несколько голосов в пользу предложения обратиться к Австрии с просьбой занять княжества своими войсками. Несколько участников совещания советовали договориться с турками о совместной обороне Румынии, высказывалось странное мнение, что те не допустят превращения Румынии в поле битвы[12].

---

[9] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд Главный архив. 5-А1. Д. 1. Л. 23; *Залышкин М. М.* Указ соч. С. 154–159.

[10] *Kellog Fr.* The Road to Romanian Independence. W. Lafayette, 1984. P. 151; *Залышкин М. М.* Указ. соч. С. 151–153.

[11] *Iorga N.* Op. cit. P. 197, 199.

[12] *Kellog Fr.* Op. cit. P. 149.

Князю Карлу и И. К. Брэтиану отступать было некуда, конвенции ждали подписи. Колебания Когэлничану длились недолго, спешно возвращенный на пост министра иностранных дел, он скрепил документы своей подписью. Предстояло утвердить их в парламенте, где оппозиция не складывала оружия. Депутат Н. Бларемберг зловеще предрекал, что правительство роет Румынии могилу, лучше уж сгореть в пламени или потонуть в пучине морской, недели искать симпатий России и разводиться с Турцией. П. П. Карп заметил, что провозглашать нейтралитет на фоне 300 тыс. российских штыков — все равно, что производить на свет мертворожденное политическое дитя. Палата депутатов одобрила конвенции 79 голосами против 25 [13], а правительство получило от российской казны ссуду в 300 тыс. рублей серебром для преодоления финансовых трудностей.

В апреле российские войска начали переправу через реку Прут и вступили на румынскую землю. Местные власти приняли их как союзников, население отнеслось к ним тепло и сердечно. На привокзальных площадях толпы ожидали прибытия воинских эшелонов. Царь Александр стал объектом поклонения, его вагон, случалось, утопал в цветах. Свидетели отмечали теплоту и сердечность приема армии в Южной Бессарабии. Последний солдат осознал — он освободитель, а не завоеватель. Встречи разительно контрастировали с холодной расчетливостью олигархии. Правительство вздумало было протестовать против «вторжения», но вовремя спохватилось. По словам Н. Йорги, страна осталась в одиночестве, «державы ее покинули, предписания Парижского трактата, обеспечивавшие ее существование, исчезли», слабое государство осталось перед выбором: или разрешать проход русских войск, или смириться с отрицанием турками всех ее прав [14].

А от Высокой Порты князь Карл получил предложение вступить в контакт с генералом Абдул Керимом «для обеспечения защиты» княжества. Ответа не последовало. Карл устраивал приемы в честь Александра II, главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и генералов. С правого берега Дуная турецкая артиллерия начала обстреливать Брэилу, Калафат, Кэлераш, Олтеницу, а мониторы под флагом полумесяца — захватывать румынские суда на реке. 29 апреля палата депутатов констатировала — с Высокой Портой наступило состояние войны. 2 (14) мая Когэлничану в своей ноте напоминал, как долго Румыния соблюдала нейтралитет, принося немалые жертвы, в том числе и моральные, ибо питала естественную привязанность к восставшим христианским народам по ту сторону Дуная. На его долю выпала честь провозгласить независимость Румынии. 9 мая в ответ на запрос в палате депутатов он сказал: «Мы находимся в состоянии войны с Турцией, наши связи с Высокой Портой разорваны. Поэтому, господа депутаты, я без малейшего сомнения и страха заявляю перед лицом представителей нации, что мы являемся свободной и независимой нацией» [15]. Гром аплодисментов парламентариев и публики, заполнившей галереи зала. Великое событие свершилось.

---

[13] Подробный очерк о драматических событиях в Румынии в апреле 1877 г. дан в монографии М. М. Залышкина. Внешняя политика Румынии... С. 207–252.

[14] *Iorga N.* Op. cit. P. 208.

[15] *Залышкин М. М.* Указ. соч. С. 252.

Румыния в войне за независимость

После провозглашения независимости Румыния оказалась втянутой в военные действия против Турции. Ее армия прикрывала марш-бросок российских войск через страну. Османы начали артиллерийскую бомбардировку городов по левому берегу Дуная — Брэилы, Калафата, Кэлэраша, Олтеницы. Румыны отвечали, а четыре их канонерские лодки вместе с российскими силами помешали турецким мониторам установить господство на реке. Все это способствовало сравнительной легкости, с которой в июне 1877 г. удалось совершить переправу через Дунай. В июле 4-я румынская дивизия высадилась на болгарском берегу и заменила русский гарнизон в захваченной крепости Никополь, последний же был переброшен к осажденной Плевне. В августе три румынские дивизии, 32 тыс. солдат и офицеров, прибыли под стены Плевны и с отличием участвовали в третьем штурме. Вместе с полками Вологодским и Архангелогородским они захватили форт Гривицу, понеся тяжелые потери (3 тыс. убитыми и ранеными) [1].

Сентябрь—ноябрь — три месяца тяжелой осады. На первых порах происходило то, что на военном языке именуется блокадой крепости. Плевна не была окружена со всех сторон, с юга к туркам подходили подкрепления. Вдоль коммуникаций, соединявших Плевну с Софией, располагались их форпосты. Румыны вместе с русскими участвовали в боях у Горни Дубника и Семенец Трестеника в процессе смыкания кольца осады вокруг Плевны. Принцу Карлу, как владетельному монарху, было формально поручено командование всеми осаждавшими крепость силами, что вызвало возмущение у Н. П. Игнатьева: «Изумленная Россия узнает, что после потерпленных неудач два русских корпуса подчинены бывшему поручику прусскому». Надо сказать, что держался Карл тактично, свою персону не выпячивал и в командование вмешивался мало. Существовало подлинное братство по оружию, свидетельство тому — 40 георгиевских крестов, врученных румынским воинам. Скупой на похвалы Игнатьев, пребывавший в главной квартире, отзывался о союзниках лестно: «Румыны держатся изрядно, а их пушки бьют дальше русских». «Солдаты-румыны ладят с нашими и совершенно побратались на поле сражения» [2]. На завершающем этапе военных операций они вместе с союзниками взяли Рахов и осаждали крепость Видин с гарнизоном в 15 тыс. До штурма дело не дошло в связи с заключенным в январе 1878 г. перемирием.

И все же войну за независимость нельзя изображать только благостно. Она легла тяжелым бременем не только на румынскую армию (потери достигали 10 тыс. солдат и офицеров при общем их числе 50 тыс.), но и на население. Вступил в силу закон о реквизиции для военных нужд продовольствия, фуража, скота, транспортных средств, медикаментов, топлива, одежды, обуви. Переселившийся в Румынию народник Н. П. Зубку-Кодряну, служивший медиком в полевых госпиталях, оставил безрадостное описание того, что творилось: «У мужика отнимали под видом реквизиции последние съестные припасы, кукурузу,

---

[1] *Ciachir N.* Razboiul pentru independenta Romaniei in contextual european. Bucuresti, 1977. P. 195–211.

[2] *Игнатьев Н. П.* Походные письма. 1877 г. М., 1999. С. 216, 271, 249.

овощи, сено, ячмень и пр., тогда как в одном селе с ним паразитствовал помещик, арендатор или кулак, ведшие обширную торговлю этими припасами». У мужиков, «отправленных в путь (на военные перевозки. — *В. В.*) с рабочим скотом, их и без того расстроенные хозяйства еще более расстраивались». Зубку-Кодряну едко высмеивал «патриотический восторг», охвативший парламентариев[3].

После Плевны добрые отношения между двумя правительствами оборвались, и причиной послужили три южных уезда Бессарабии, переданных после Крымской войны Турции и вошедших в состав Молдавского княжества. Александр II считал делом чести для себя стереть с карты последние следы Парижского мира 1856 г. и вернуть России эту территорию. Демарши об этом производились начиная со свидания в Ливадии в октябре 1856 г., но все — конфиденциально, в глубокой тайне, что способствовало рождению и укоренению в историографии легенды о том, что вплоть до января 1878 г. русские конкретных требований на этот счет не выдвигали. В самой Румынии прочно утвердилась фантастическая версия: требование возврата грянуло лишь тогда, словно гром среди ясного неба. Свой вклад в ее создание внесла и крупнейшая балканистка Барбара Елавич: «С сентября 1876 г. до января 1878 г., когда румынам, наконец, прямо сказали, что им придется отказаться от территории, русские ходили вокруг да около вопроса с помощью намеков, двусмысленных замечаний, уверток, „академических высказываний", уклончивых предложений большой компенсации». В то же время она признавала, что Южная Бессарабия «не была преимущественно румынской»[4].

На самом деле в плане доверительном информацию о намерении вернуть Южную Бессарабию румыны получили еще до войны. Пресса, и не только местная, твердила об этом на разные голоса, молчание хранили лишь официальные лица. В марте 1877 г. с подобным сообщением выступило французское телеграфное агентство «Гавас». Российский генеральный консул в Бухаресте Д. Ф. Стюарт решил воспользоваться случаем, чтобы прояснить положение, внушавшее ему глубокую тревогу: «Опасаясь возможной утраты Бессарабии без какой-либо выгоды для себя, румыны пустились в горячие дискуссии о политике правительства». «Начались инсинуации на тему о том, что Россия скрывает свои намерения» и в дальнейшем собирается «проглотить» оставшуюся Румынию. Консул решил откровенно объясниться с главой правительства И. К. Брэтиану. Реакция первого министра, в депеше Стюарта на имя Горчакова от 2 (14) марта 1877 г. выглядела так: «Он признает, что поездка в Ливадию совершенно убедила его в том, что Бессарабия впредь потеряна для Румынии, и что Россия не упустит случая по возможности вернуть себе этот маленький участок земли, столь ей необходимый. Затем он заверил меня, что все здравомыслящие румыны хорошо понимают неминуемую необходимость ликвидации аномалий, созданных Парижским миром, но им трудно примириться с безвозмездной утратой территории, которую они считали принадлежащей им по праву»[5]. Где тут «намеки», «уклончивые предложения», «двусмысленные замечания», «увертки», о коих писала Б. Елавич?

---

[3] Община (Женева). 1878. №3—4. С. 47.

[4] *Jelavich B.* Russia and the Requisition of Southern Bessarabia // Sud-ost Forschunhungen. Munchen, 1969. S. 204, 200.

[5] Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. М., 1996. С. 146.

Очевидно, что Брэтиану еще со времени свидания в Ливадии, т. е. с октября 1876 г., знал о готовившейся Южной Бессарабии участи. Но протеста он Стюарту не выразил и даже возражений не высказал. Консул обратил внимание на подчеркнутое собеседником в разговоре упоминание о безвозмездности предстоявшей утраты, и заключал свою депешу пожеланием: «Я считаю своим долгом повергнуть на благосклонное рассмотрение Вашей светлости эту беседу, доказывающую, что правительство Румынии, будучи подготовлено к идее отказа от Бессарабии, втайне вынашивает надежду получить от великодушия России компенсацию, если будет вынуждено расстаться с частью своей территории в пользу своего могущественного соседа» [6].

В том же духе рассуждали и в высших эшелонах ведомства иностранных дел. Решение принималось в мучительных раздумьях, о чем свидетельствуют записки двух высокопоставленных чиновников, А. И. Нелидова и А. Г. Жомини. Первый писал: «Во время предварительных переговоров об участии Румынии в войне за Дунаем г-н Братиано испрашивал лишь обещание, что при заключении мира интересы Румынии и ее участие в общих действиях будут приняты во внимание. Строго говоря, мы могли бы ничего Румынии не обещать. Однако поскольку следует предоставить компенсацию за ту часть Бессарабии, что должна быть возвращена России, целесообразно выяснить нашу точку зрения». «В Ливадии прошлой осенью поднимался вопрос о передаче Румынии Добруджи и Дельты Дуная. Сегодня по стратегическим соображениям нам желательно сохранение прямого сообщения с Болгарией, чтоб не быть вынужденными в дальнейшем, в случае новой кампании за Дунаем, проходить по территории Румынии, которая станет независимой, и, возможно, мало расположенной к нам с момента, когда она станет ожидать меньше от наших благодеяний. На этом основании Добруджу не следует отделять от Болгарии». Но затем шли весомые контраргументы против подобного решения: «воспротивятся державы», «могут последовать политические неудобства». В итоге Нелидов все же склонялся в пользу благоприятного для Румынии решения. По тому же руслу шли размышления А. Г. Жомини: передача Дельты Дуная Румынии «успокоит Европу», и в конце концов Северная Добруджа, и по территории, и по населению, и по перспективам развития, обладавшая гаванями в Сулине и Кюстендже (Констанце), далеко превосходившая провинциальную Южную Бессарабию, досталась Румынии [7].

Но в контактах с ее представителями дело с места не двигалось. Брэтиану общался с Александром II во время сдачи Плевны, но вопроса о Бессарабии не поднимал, сказав Игнатьеву: «Когда я перед императором, я слишком робею». С самим Игнатьевым он держался иначе: «В противоположность прежнему он старался выявить мне все затруднения, невозможность и опасность для него и его партии подобной уступки» [8].

Уместно привести здесь выдержки из донесений Д. Стюарта о пребывании Игнатьева в Бухаресте в январе 1878 г. Будучи человеком самоуверенным, генерал-адъютант и с недавнего времени граф высоко оценивал результаты своих переговоров по южно-бессарабскому вопросу, несмотря на тревожные сигналы с румынской стороны. Он пришел к выводу, что его представления увенчались

[6] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1877. Д. 17. Л. 49—50; Ф. Гл. Архив V-А1. Д. 1. Л. 97—99.

[7] Там же. Л. 39.

[8] *Jelavich B.* Op.cit. P. 237.

успехом. Князь Карл, который сначала встретил его требования с явным недовольством и даже высказался в том смысле, что скорее отречется, нежели даст согласие на уступку, которая вызовет негодование всей страны, кончил тем, что поручил министерству подготовить общественность и представителей народа к жертве, неизбежность которой он понимает.

Два министра (Брэтиану и Когэлничану) тоже первоначально высказывали свои опасения: «Боясь ответственности перед страной, они не видели иного выхода из положения, как подать в отставку и предоставить другим сделать то, что они не осмеливаются». Однако, по мнению Игнатьева, его аргументы «убедили их в возможности чистосердечно поддержать нашу точку зрения» (помета Горчакова: он не усмотрел этого из общения с румынским дипломатическим агентом в Петербурге Э. Гикой). Министр иностранных дел М. Когэлничану, по словам Игнатьева, «взялся опубликовать брошюру, в которой на основании статистических данных, коими г-н Когэлничану располагает, говорится, что часть Добруджи, предложенная в обмен на Бессарабию, обладает несомненными преимуществами». Непрактично поэтому вставать в оппозицию к предложению могущественного соседа об обмене. У самого Стюарта, однако, возникли сомнения в искренности собеседников Игнатьева. Он обратил внимание на то, что князь Карл не нанес визита в гостиницу, в которой проживал генерал, и при отъезде никто из членов правительства, ни даже префект полиции не прибыл на вокзал, чтобы пожелать отъезжающему доброго пути. «Волнение в обществе и прессе достигло предела». 20 января (ст. ст.) сенат и палата депутатов на совместном заседании приняли решение «сохранять территориальную неприкосновенность и не допускать отчуждения какой-либо части румынской территории в обмен на территориальную компенсацию или возмещение». В ходе бурного заедания отдельные разгорячившиеся депутаты предлагали даже направить в Южную Бессарабию войска. Брэтиану буркнул в ответ: «Попробуйте!» [9].

26 января (7 февраля) от Стюарта поступила новая тревожная телеграмма: «В секретном заседании собрана комиссия для составления протеста иностранным державам, объявляющая неприкосновенность территории Румынии, гарантированной Парижским трактатом и конвенцией (российско-румынской от апреля 1876 г. — *В. В.*) и что она не согласна ни на какое вознаграждение за Бессарабию и не уступит ее ни под каким видом». И помета императора на полях: «Если это состоится, надобно будет объявить румынскому правительству, что мы не будем больше хлопотать об уступке ему Добруджи и Силистрии». Затем от Стюарта поступило сообщение совсем уж диковинного свойства. Когэлничану обратился к Порте с просьбой о признании независимости Румынии (и это после Плевны!). Князь Карл, видимо, сознавая, что Румыния своими протестами загнала себя в тупик, выдвинул фантастическую комбинацию решения спора: принц, писал Стюарт, «несколько раз повторил, сколь он огорчен создавшимся положением», и как бы желал, чтобы на смену ему «пришло сердечное согласие и тесная дружба между двумя странами», чего можно было бы достигнуть, и император Александр «воздвиг бы себе нетленный монумент в румынских сердцах», если, вернув Южную Бессарабию России и стерев тем самым последние следы Парижского мира, передал бы ее Румынии «как знак своего великодушия и чтобы вознаградить румын за жертвы, навязанные им войной» [10].

---

[9] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 15. Л. 7, 8, 9, 13, 14.

[10] Там же. Л. 32, 34, 132, 66—67.

Стюарт, судя по его словам, попытался вернуть размечтавшегося князя на грешную землю: «Я счел своим долгом разъяснить его светлости, что полнейшее безразличие, которое страна проявляла к Бессарабии» (в 1856—1878 гг. — *В. В.*), заставляет его усомниться в искренности выражаемых чувств. С другой стороны, Румыния в своих претензиях зашла далеко за общепринятые рамки, и ему представляется, что уступки с российской стороны в этом деле явятся для Румынии несчастьем, побуждая ее и «впредь прибегать к грубости» (слово «нахальство» в дипломатии не употребляется). По мнению консула, князь Карл признал справедливость его замечаний (что сомнительно) [11].

8 (20) февраля 1878 г. Стюарт в своей очередной депеше отмечал: «Ситуация, очень напряженная, во время посылки моих последних покорнейших докладов двору, ни в малейшей степени не изменилась в нашу пользу. Скорее наоборот, я могу лишь констатировать удвоенную ожесточенность в прессе, и особенно в той, которую вдохновляет консервативная партия». «Министерство находится сейчас в самом ложном положении. Попытавшись снять с себя ответственность перед страной, заверяя ее, что требование о возвращении Бессарабии возникло спонтанно и без всякой предварительной подготовки с нашей стороны, оно старается укрепить свои шаткие позиции, действуя в духе единства с консерваторами» [12].

В связи с румынскими протестами по поводу предполагаемого возвращения Южной Бессарабии в состав России официоз ведомства иностранных дел, «Журналь де Сан-Петерсбур», выступил с резкой редакционной статьей: эта область в 1856 г. «не была уступлена Румынии, которой не существовало, и даже не Соединенным княжествам, а Молдавии, и при том не по закону и не по праву, а просто потому, что она была самым незначительным и самым мирным соседом этой территории...» Договор 1856 г., по которому она вошла в Молдавию, «нарушался по очереди всеми заинтересованными в нем сторонами: Молдавией, присоединившейся к Валахии вопреки его условиям, Соединенными княжествами, призвавшими на престол иностранного принца, Турцией, пренебрегшей своими обязательствами по улучшению судьбы своего христианского населения...» В нарушении договора обвинялись также Франция и Великобритания. В статье содержался призыв: «Не отрицая помощи, оказанной румынской армией армии русской во время войны», «не впадать в патриотические преувеличения, и оценивать вещи так, как они есть»: в случае присоединения к Турции Румыния оказалась бы между двумя огнями и превратилась бы в поле битвы без всякой гарантии ее будущего. Румыния вступила в союз с Россией, что не являлось ни жертвой, ни актом преданности с ее стороны: «Это был расчет, и притом справедливый». Открылась перспектива «укрепления связей с Россией, крещения своей армии огнем в тени русской, избавления от турецких крепостей на Дунае, от соседства турок и тягостных и унизительных для нее вассальных связей. Все это чего-то да стоило, не говоря уже о дожде русского золота, затопившего страну». Конец статьи звучал решительно: «Румыния вольна пренебречь значительным возмещением, предназначаемым ей в обмен на клочок земли, который она требует и который она не сумела даже использовать, ибо с тех пор, как эта территория перешла в ее владение, она страдала от беспорядка и злоупотреблений румынской администрации. Богатые соляные копи, дававшие российскому

[11] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 15. Л. 68.
[12] Там же. Л. 21, 24.

правительству значительный доход, заброшены и затоплены, торговля Измаила парализована, болгарские колонисты разорены администрацией, проникнутой партийным духом и обычаем подношений». Дельта Дуная и Северная Добруджа «предоставят Румынии два важных порта на Черном море, Сулину и Кюстенджи» (Констанцу). Она приобретет земли, которые, в руках способной власти, далеко превзойдут по ценности уступаемую территорию, «но, повторяем, — это дело румынского правительства. Мы же ограничимся констатацией того, что Молдавия сегодня не имеет никакого права на обладание этой территорией» (Южной Бессарабией) [13].

Конфликтующие стороны смотрели и на Южную Бессарабию и на Северную Добруджу с совершенно разных позиций. Бухарест — как на исконно и вечно румынские области. На самом деле и та и другая еще в начале XV в. попали под непосредственное османское правление, повлекшее за собой смешение этносов. И. Брэтиану считал румын единственными творцами истории. Четыре с лишним века он вычеркивал из жизни и того и другого края. А жизнь продолжалась и приводила к образованию в них совершенно иной этнической конфигурации. В описываемое время население Северной Добруджи (всего — 111 859 душ) по национальному составу представляло следующую картину: 19 700 румын, 10 225 болгар, 3200 липован (русских староверов), 3600 казаков-некрасовцев, 3000 «черкесов» (так именовались все северокавказцы), 56 849 турок и татар. В Южной Бессарабии, наряду с коренным молдавским населением, проживали болгары, гагаузы, татары, украинцы, русские, евреи, даже немцы. Местные молдаване в происходившем в XIX столетии процессе образования румынской нации участия не принимали, но они составляли в населении меньшинство [14]. Российская сторона поэтому рассматривала и Северную Добруджу, и Южную Бессарабию как многонациональные области.

В румынских протестах постоянно фигурировала ссылка на признание неприкосновенности (интегритета) Румынии, содержавшееся в подписанной в апреле 1876 г. конвенции с Россией. Канцлер А. М. Горчаков уточнял понятие этого обязательства. Оно подразумевало защиту от экспансионистских поползновений со стороны Османской империи, но отнюдь не налагало запрета на обсуждение между союзниками, Россией и Румынией, интересующих их вопросов. Петербург не выдвигал аннексионистских претензий. Он предлагал Бухаресту территориальный обмен, по всеобщему мнению (за исключением официальных кругов и общественности княжества) весьма выгодный для румынской стороны.

Державы относились к румынской позиции настороженно. По словам Н. Чакира, некоторые правительства проявляли открытую вражду, другие холодность, третьи — сдержанность, и все — полнейшее равнодушие к стране. Как выразилась Б. Елавич, ни одно из них пальцем о палец не ударило, чтобы поддержать ее позицию. Британский премьер-министр Б. Дизраэли считал, что румынам предложили выгодную сделку, и именовал выдвигаемые ими претензии назойливым домогательством. Однако британскому консулу в Бухаресте предложили поощрять «отважное поведение Румынии» [15], подразумевалось — на свой страх и риск, чего, похоже, в Бухаресте не уловили и шли дальше напролом.

---

[13] Journal de St. Petersbourg. № 71. 16 (28). 03. 1878.

[14] *Ciachir N.* Op.cit. P. 288—289.

[15] Ibid. P. 230; *Jelavich B.* Op.cit. P. 227.

* * *

Стремясь войти в мирный переговорный процесс, румынская сторона назначила своего представителя для участия в нем. Ее выбор пал на полковника Е. Ариона. Н. Йорга отзывался о нем нелестно: к дипломатии никакого отношения не имел, интереса к ней не проявлял, как личность не значил ничего. Видимо, просто более подходящего кадра не оказалось. Бухарест заранее объявил, что будет считать несуществующими и направленными против него все акты, принятые без участия полковника. В Петербурге были уверены — Высокая Порта, ревниво оберегавшая свои сюзеренные права, подтвержденные в конституции 1876 г., на переговоры с вассалом не согласится. По всем канонам международного права Румыния до признания державами ее независимости на это претендовать не могла, о чем вежливо, но настойчиво твердили Брэтиану и князю Карлу. В министерстве иностранных дел и в ставке хорошо помнили процедуру сдачи крепости Плевна. Как писал Н. П. Игнатьев, мушир (маршал) Осман «выдержал характер до конца. Он не хотел вести переговоры с румынами и признавать их за союзников (России — *В. В.*) и тем более быть поставленным в необходимость им сдаться» [16].

Россия стояла перед задачей необычайной трудности. Предстояло навязать Высокой Порте условия, означавшие, по мнению ее вельмож, конец Османской империи в ее прежнем виде; заставить «Европу» смириться со статьями договора, которые та заранее признала неприемлемыми. Делать это, имея в делегации диссидента со своими требованиями, которые Порта считала для себя оскорбительными (безоговорочное признание суверенитета Румынии, оккупация ее войсками крепостей Рахово, Никополь, Лом и Видин до подписания окончательного мира, признание перехода к Румынии дельты Дуная и возмещение военных расходов в размере 100 млн франков). По словам Фр. Келлога, «Оттоманская империя тем самым должна была оплатить переход Румынии от вассалитета к независимости» [17]. Подключать Е. Ариона к переговорам значило пускать под откос весь процесс мирного урегулирования. Как это ни парадоксально звучит, но отсутствие на них этого персонажа отвечало интересам не только России, но и Румынии. Психологически Высокой Порте было легче сдать свои позиции, в том числе по ключевому вопросу о признании независимости Румынии, не сталкиваясь лоб в лоб с этим персонажем, вооруженным требованиями, которые она считала для себя оскорбительными.

Александр II и канцлер Горчаков заверили князя Карла и Брэтиану, что будут приложены все усилия для отстаивания интересов Румынии.

* * *

В напряженной до предела обстановке Н. П. Игнатьев добился 19 февраля (3 марта) 1878 г. подписания в Сан-Стефано, почти под стенами Стамбула, прелиминарного (предварительного) мирного договора с Турцией, отвечавшего всем российским пожеланиям [18]. В плане дел балканских Османская империя признала полную государственную независимость Румынии, Сербии и Черногории.

---

[16] *Игнатьев Н. П.* Походные письма... С. 293.

[17] *Kellog Fr.* The Road to Romanian Independence. W. Lafayette. 1995. P. 183, 186.

[18] Сборник договоров России с другими странами. 1856—1917. М., 1952. С. 150—170.

Предусматривалось их значительное территориальное расширение (Черногории — в три раза, Сербии — почти на 9 тыс. км^2). Румынии предоставлялась Северная Добруджа (при условии возвращения России Южной Бессарабии). В Боснии и Герцеговине Порта обязалась провести реформы по расширению прав их жителей. Но главное место в договоре отводилось Болгарии. Она возрождалась как «самоуправляющееся, платящее дань княжество с христианским правительством», обладающее широкой автономией и конституционным устройством. Даже размер дани Порта устанавливала не самостоятельно, а по согласованию с державами. Пределы нового государства были очерчены широко, с выходом к Черному и Эгейскому морям. В состав России входили земли в Закавказье с городами Ардаган, Карс, Батум и Баязет. Не удалось добиться согласия Порты на выплату контрибуции в 1,4 млрд рублей и передачу России шести броненосцев английской постройки [19].

Град протестов против подписанных в Сан-Стефано условий, обрушившийся на российскую дипломатию из Лондона и Вены, взбодрил приунывший было Бухарест. Вновь затеплились надежды на приобретение статуса нейтральной державы, и даже при поддержке из-за рубежа. Французский публицист Ф. Дамэ посвятил вопросу целую книгу, в которой излагал положения, очень приятные для румынских патриотов: «Западные державы заинтересованы сделать более прочным, чем когда-либо, барьер, который они хотели бы соорудить между Турцией и Россией на случай, если политика последней, ныне внушающая доверие, завтра вернется к прежним заблуждениям». «По Румынии пролегает единственная дорога, коей Россия может следовать, чтобы проникнуть в сердце Европейской Турции. Нейтрализацией ее территории достигается перекрытие всех путей для славянского вторжения на Балканский полуостров. Более того, румынская нация, латинская по языку, по нравам и по сердцу, доказала свою могучую жизненность и привязанность к национальности» [20].

Но, поскольку Россия никуда вторгаться не собиралась, прожекты нейтрализации Румынии пришлось отложить в долгий ящик.

* * *

По случаю подписания Сан-Стефанского договора, заключенного без румынского участия, князь Карл послал Александру II полагавшиеся поздравления, что не очень вязалось с принципиально непримиримой позицией официального Бухареста. Тот в своем ответе выразил досаду по поводу «аллюра» румынских министров, испортивших отношения между двумя странами. Создается впечатление, что у принца возникли сомнения по поводу уместности «аллюра». В письме к отцу он замечал: «Дружба целого народа (русских) значит гораздо больше, чем клочок земли» (Южная Бессарабия). Но дипломатическая колымага продолжала катиться по проторенной колее. Первый министр И. К. Брэтиану продолжал идти ва-банк, и хитроумная тактика Форин-офиса тому способствовала. В конце мая 1878 г. была достигнута англо-русская договоренность об условиях мира, в ней черным по белому фиксировалось возвращение Южной Бессарабии России. Казалось, пути к отступлению отрезаны. Ан нет! Ведомство Р. Солсбери ухитрилось все-таки возложить вину за сделанную уступку на других. Формулировка отличалась редким фарисейством: «Правительство Ее Британского

[19] Сборник договоров России с другими странами. 1856—1917. М., 1952. С. 150—170.

[20] *Dame Fr.* L'etat Roumaine et la paix d'Orient. Neutralisation de la Roumanie. Bucarest, 1877. P. 46.

Величества считало бы своим долгом выразить свое глубокое сожаление, если бы Россия решительно настаивала на возвращении Бессарабии. Поскольку, однако, достаточно выяснено, что прочие державы не намерены защищать при помощи оружия границы Румынии, Англия не считает себя столь непосредственно заинтересованной в этом вопросе, чтобы взять на себя одну ответственность воспротивиться предложенному изменению». Других охотников поддерживать румынскую позицию не обнаруживалось. Консул Британии в Бухаресте продолжал поощрять «отважное поведение» Румынии, и здесь не вполне понимали, что стране предлагали лезть на рожон в полном одиночестве. Многоопытный М. Когэлничану в марте 1878 г. еще витал в облаках и полагал, что версия-небылица насчет будто бы внезапно свалившегося на румын российского требования поможет сохранить Южную Бессарабию. Он инструктировал агента в Вене: «Наше решение об отказе от какого-либо соглашения по поводу уступки Бессарабии было принято в самый день, когда это требование было нам предъявлено. Чтобы заручиться поддержкой великих держав, мы к ним обратились. Правительство не понимает, почему после столь категорического демарша и после формальных и торжественных актов в некоторых умах остается сомнение в искренней и единой решимости министерства не вступать в сделку» [21].

Когэлничану скромничал, упоминая «некоторые умы». На самом деле все, за исключением официального Бухареста, считали предлагаемый российской дипломатией обмен многонациональной и глубоко провинциальной Южной Бессарабии на превосходящую ее по всем параметрам — по территории, по населению, по перспективам развития, обладающую портом в Кюстендже (Констанце) — многонациональную Северную Добруджу очень выгодным для Румынии и считали, что той нечего жаловаться на свою горькую судьбу.

Много позже известный историк Н. Йорга так отзывался о царившей в стране атмосфере: «Общественность, пресса, парламент немедленно вмешались в дискуссию, страстно, сильно и благородно. С точки зрения романтической, поэтической и моральной все, что происходило в 1878 г., вызывает восторг и представляет прекрасную страницу национальной истории». Далее следовало главное, начисто перечеркивавшее все сказанное выше: «Но совершали все это политические деятели, забывшие, что они являются политиками» [22]. Государственным мужам, если они таковые не только по имени, надлежит сохранять хладнокровие, здравый смысл и действовать по рассудку, а не вопреки ему, даже когда у окружающих кружится голова и чешутся кулаки, ни в коем случае не барахтаться в волнах человеческих страстей, чему с упоением предавались румынские министры. Из людей с именем один лишь экс-премьер Н. Крецулеску призывал к благоразумию. Он опубликовал брошюру «Размышления о возвращении трех уездов Бессарабии», в которой называл политику правительства «малосерьезной». Он писал: «Я не знаю, в какой степени маленькая страна, вроде нашей, может бросать вызов великим державам Европы», — и советовал своим пылким коллегам «принять решение в спокойной обстановке, не приводя в волнение всю страну и не нанося оскорблений могущественному соседу» [23]. Его не слушали.

---

[21] *Kellog Fr.* Op.cit. P. 190; *Stan Ap.* Ion C. Brătianu, un promoter al liberalismului în România. Bucureşti, 1993. P. 315; Independenţa României. IV. Bucureşti, 1976. P. 341.

[22] *Iorga N.* Op. cit. P. 270.

[23] *Kretulesco N.* Reflexion sur la retrocession de trois districts de la Bessarabie. Bucarrest. 1878. P. 11—12.

* * *

Румынские эмиссары разъехались по столицам — разведывать обстановку и вербоваться в союзники на случай войны Англии и Австрии против России. 12 марта (стиль в телеграмме не указан) Стюарт сообщал: Д. А. Стурдза (министр финансов) предлагал Австрии румынские войска, но получил уклончивый ответ. Австрийцы отказались подписать военную конвенцию с Румынией[24]. Предложение оказалось не ко времени, ни Лондон, ни Вена вопроса о войне еще не решили. О крайнем раздражении, в которое привела телеграмма Александра II, свидетельствует его помета: «Вот скоты!»

Сам Брэтиану в марте нанес визиты в Австрию и Германию. В Вене его встретили «предупредительно», в Берлине ему советовали «проявить добрую волю» в отношении российских предложений. Глава внешнеполитического ведомства Б. Бюлов отказался поддерживать непримиримую позицию Бухареста. Брэтиану сдержанный прием не охладил. Австро-Венгрия, рассуждал он, сконцентрировала на границе с Россией 60-тысячный ударный кулак войск, Великобритания согласилась продать 75 тыс. винтовок Пибоди, все это ободряло. Правда, никто и нигде не обещал твердой поддержки, но лезть на рожон самостоятельно Румынии разрешалось... В апреле ее армия заняла позиции по линии Питешти—Кымпулунг—Тырговиште[25].

Неожиданно возник новый очаг тревоги, Бухарест заявил протест против 8-й статьи Сан-Стефанского договора, предусматривавшей сообщение с квартировавшим в Болгарии российскими войсками по румынской территории, иного пути по суше не существовало. С румынской стороны последовала угроза преградить эту дорогу, возмутившая и царя, и обычно спокойного и хладнокровного Горчакова — не бросать же на произвол судьбы стоявшие в Болгарии гарнизоны! Реакция в Петербурге была решительной, император пригрозил «занять княжество своими войсками». Ответом явилась нервная реакция Бухареста. Стюарт сообщал: князь Карл считает обезоруживание своей армии «бесславным для себя, как главы и устроителя ее», и грозит оказать сопротивление. Постепенно стороны успокоились, благоразумие взяло верх, учинять кровавую разборку в связи со снабжением российских войск в Болгарии представлялось нелепостью. «Князь, очевидно, желает мирного исхода», — телеграфировал Стюарт. «И я тоже», — начертал Александр II на телеграмме[26].

Как только обрисовались контуры договоренности по основному болгарскому вопросу, о румынах их доброжелатели забыли. Похоже, первым это осознал князь Карл, и в его беседах с консулом Стюартом зазвучали примирительные нотки. 2 (14) апреля он сообщал в очередной депеше: принц «несколько раз повторил мне, сколь он удручен нынешним положением и сколь он желает, чтобы на смену ему пришло сердечное согласие и тесная дружба между двумя странами»[27].

Увы, дела расходились со словами.

Посетивший Стамбул брат премьера Думитру Брэтиану предлагал союзнические услуги Турции. Британский посол Г. Лейрд сообщал оттуда в Лондон:

---

[24] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 15. Л. 138.

[25] *Stan Ap.* Op.cit. P. 342, 348, 347.

[26] Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии Документы и материалы. М., 1996. С. 160–161.

[27] Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии Документы и материалы. М., 1996. С. 161–162.

Д. Брэтиану информировал его о желании румынского правительства «вступить в тесные дружеские отношения с Портой. Если разразится война между Англией и Россией, оно готово заключить наступательный и оборонительный союз с Турцией. В этом случае Румыния может сразу же выставить в поле 50 тыс. отборных, превосходно обученных людей и удвоить это число в течение 6 недель. Необходимо теперь же договориться с Австрией о поставках оружия и снаряжения для этих дополнительных сил» [28]. Предложение явно запоздало, шел уже июнь 1878 г., Порта его отклонила. Достигнутая 18 (30) мая договоренность между Англией и Россией об основных условиях мира сделала хлопоты Румынии беспредметными. «Европа» утратила к Бухаресту интерес. На конгрессе в Берлине И. К. Брэтиану и М. Когэлничану ожидал холодный душ.

[28] *Stan Ap.* Op.cit. P. 346; The Century of Romanian Independence // South-East Europe. 1978. V. 5. P. 8

Последняя русско-турецкая война 1877–1878 годов

Последняя русско-турецкая война стала событием общеевропейского масштаба. Кампания 1877 г. стартовала блистательно. 15 (27) июня первые части переправились через Дунай у Зимницы. Высадку на правый, обрывистый берег реки удалось осуществить по всем правилам военной науки, со сравнительно небольшими потерями. Передовой отряд генерала И. В. Гурко, в который входили и дружины болгарского ополчения, освободил город Велико Тырново, древнюю столицу страны, и захватил важнейший Шипкинский перевал через Балканскую гряду. Восточный отряд успешно продвигался вниз по течению Дуная. С Кавказа, от великого князя Михаила Николаевича поступали сообщения об успешном развитии операций. Легковерным казалось уже — близка победа.

А на международном горизонте сгущались мрачные тучи. Вмешательство в нее Великобритании и Австро-Венгрии удалось предотвратить лишь по причине их опасений, что схватка растянется на десятилетия без всяких признаков ее победоносного окончания в их пользу.

С апреля 1877 г. ход военных действий на Балканах и Кавказе определял политику британского кабинета. Английская дипломатия тенью следовала за российской армией. Дипломатическое и психологическое противостояние двух держав, балансирование на грани англо-русской войны зимой и весной 1878 г. составляло тогда мрачный и грозный фон событий.

Не успели высохнуть краски на королевской декларации о нейтралитете Великобритании, как глава Форин-офиса граф Э. Дерби приступил к жестким объяснениям с послом П. А. Шуваловым. Личность последнего заслуживает нескольких строк характеристики. В дипломатии он был новичком, ибо до 1874 г. возглавлял третье отделение собственной Его Величества канцелярии и командовал корпусом жандармов. Отсюда холодно-враждебное отношение к Шувалову в советской историографии. Степень его влияния в «верхах» была значительной, его даже прозвали Петром Четвертым. Однако и он на своем опыте ощутил, что положение даже первых сановников в самодержавном государстве зависит от милости и даже прихоти августейшего повелителя. Стоило Петру Андреевичу по долгу службы сообщить Александру II, что в обществе не вполне лестно отзываются о связи императора с Екатериной Михайловной Долгоруковой, как он оказался в местах весьма отдаленных, хотя и вполне комфортабельных, — послом в Лондоне. Здесь обнаружились и иные способности Шувалова, помимо умения добывать секретную информацию.

У дипломатов ценятся качества, не предусмотренные табелью о рангах, такие как обаяние, эрудиция, умение слушать противную сторону и беседовать не только на служебные темы, способность вжиться в обычаи страны пребывания. Всеми этими свойствами в высокой степени обладал Шувалов. Он освоил английский язык настолько, что, по свидетельству Б. Дизраэли, разбирался даже в жаргонах, стал частым гостем светских салонов и загородных домов министров. Неофициальное общение (особенно во время верховых прогулок в Гайд-

парке) он ценил не меньше, а может быть, и больше бесед в кабинетах, когда собеседник был застегнут на все пуговицы. В светских кругах его именовали фамильярно — графом Шу.

Петр Андреевич нравился женщинам, молва приписывала ему не одну победу. Но самым ценным для дел служебных являлась его дружба с леди Дерби, супругой секретаря по иностранным делам, которая, подобно своему мужу, полагала, что разногласия с Россией в любом случае должны улаживаться дипломатическим путем. Она не считала нужным скрывать от собеседника святая святых — сведения о заседаниях кабинета, которые происходили за закрытыми дверями и без ведения протокола. Посол свидетельствовал: «Она без устали трудится во имя доброго дела». Коллеги ее супруга придерживались иной точки зрения, один из министров записывал в дневнике: «Странные вещи говорят в связи с откровениями леди Дерби перед Шуваловым... Ясно, что она вела себя в высшей степени неосторожно вплоть до информации о дискуссиях в кабинете, о которых ей вообще знать не надлежит» [1]. Сравнение депеш Шувалова с опубликованными много позже материалами производит сильное впечатление, они порой совпадают почти текстуально.

Вскоре после начала войны граф Э. Дерби сообщил Шувалову, что готовит ноту с объяснением позиции кабинета. Мрачный юмор ситуации заключался в том, что посол знал об этой позиции со слов супруги министра. Он решил вмешаться в составление ноты и попытаться смягчить ее содержание, которое считал почти ультимативным. Разумеется, в беседе с главой Форин-офиса о том надлежало молчать. Ему удалось изменить кое-какие детали, но и в окончательном варианте нота от 6 мая 1877 г. звучала резко и враждебно к России: Англия не допустит никаких территориальных изменений в Османской империи без согласования с нею. Интересы Великобритании будут затронуты, и она не сможет сохранить нейтралитет, указывалось в ноте, если военные действия станут угрожать Суэцкому каналу, Египту, Персидскому заливу, Черноморским проливам и Стамбулу: «Правительство Ее Величества не может остаться безразличным к переходу в другие руки... столицы, занимающей столь особое, доминирующее положение». Тезис о недопустимости даже «приближения» к городу, фигурировавший в черновике ноты, Шувалову удалось исключить в ходе беседы с Дерби. «Опасения» насчет Египта, долины Евфрата и Персидского залива показались послу столь надуманными и бессмысленными, что он решил запросить у министра объяснений. Тот ответил, что лично он страхов не разделяет, но его коллеги тревожатся по поводу нахождения двух русских канонерок в Индийском океане и восьми судов в Сан-Франциско, которые можно перебросить в Средиземное море. «Угроза» выглядела явно надуманной. По большому счету у России после Крымской войны военного флота не появилось, на плаву был один (!) броненосец «Петр Великий» на Балтике, а у Великобритании — более десятка броненосцев в Средиземном море, не считая 14 турецких. Сам граф Дерби свидетельствовал в палате лордов: «Британский флот не только самый могущественный из всех существующих, но он почти равен флотам всех других держав, вместе взятых» [2]. Британская дипломатия с такой необузданной

[1] *Millman R.* Britain and the Eastern Question. Oxford, 1974. P. 272; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Посольство в Лондоне. 1876. Д. 427. Л. 112.

[2] Там же. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 712. Л. 344—348, 349—350. Нота Э. Дерби — Л. 341—342; Ф. Канцелярия. 1877. Д. 70. Л. 307—308; Parliamentary Debates (PD). 3-rd ser. V. 237. P. 780.

широтой очертила свои интересы с явной целью иметь под рукой достаточно предлогов для вмешательства в конфликт.

В самой Англии нота вызвала ряд вопросов и протестующих заявлений, как в парламенте, так и за его стенами. Люди, сведущие в международном праве, не могли понять, почему одна из воюющих сторон, Россия, не может угрожать неприятельской столице и многим другим территориям. Член парламента Е. Дженкинс выразил опасение, как бы «наглость британских претензий в связи с Суэцким каналом, Средиземным морем и восточным вопросом не вызвала общего протеста в Европе». Депутат Э. Чайлдерс счел ноту «плохо продуманным, злобным и провокационным посланием» [3].

Можно понять и оценить по достоинству негодование, охватившее некоторых при виде того, как британские интересы ассоциируются с черным делом подавления балканских народов. «Следует признать, что Россия, объявляя войну, действовала строго в рамках своего национального и публичного права, — говорил в палате общин П. Д. Смит. — Обрушить на нее меч, исключая необходимую защиту попранных прав, было бы одним из самых черных преступлений в истории... Это была бы война против национальности, свободы и справедливости и в поддержку деспотизма, рабства и злодеяний» [4].

Несколько раз брал слово в палате общин В. Ю. Гладстон. В разгар войны он нашел в себе мужество сказать: «Если Россия потерпит неудачу, ее поражение станет несчастьем для человечества. Жизнь страдающих народов, которым, предположительно, надлежит помогать, сделается еще хуже». Британский курс на противодействие давно назревшим преобразованиям в Турции он характеризовал самым нелестным образом: «Мы фактически требуем себе права налагать вето на все реформы во всех странах и омывающих их морях, расположенных на путях из Англии на Восток». Он предрекал: «Мы катим сизифов камень вверх по крутизне, но, как только мы уберем руку, он сорвется вниз» [5].

При всем при том либералы вызова данному курсу не бросали. Они хотели в известной степени пойти навстречу пожеланиям балканских народов и требованиям поддерживавшей их России, но так, чтобы дать отпор той же России в ее чрезмерных, на британский аршин, притязаниях, завоевать популярность и престиж в местной среде, укрепить свои позиции в регионе и заставить самодержавие пойти вспять [6].

Премьер Б. Дизраэли, располагая значительным большинством в Палате общин, всерьез протесты оппозиции не принимал. Вот его отзыв об одной из вылазок либералов: «Вчера вечером разведка вигов закончилась провалом для устроителей этой стряпни». В. Харкур «вытащил было груду бумаг, но опешил, когда все, за исключением традиционных любителей скуки, ринулись на обед». Позднее, весной 1878 г., он заметил: «В течение всей этой войны ни один из благородных лордов, сидящих напротив (т. е. либералов. — *В. В.*) не бросил вызова политике, которую мы проводим» [7].

---

[3] Parliamentary Debates (PD). 3-rd ser. V. 234. P. 1304, 510.

[4] Ibid. V. 237. P. 829.

[5] Ibid. V. 234. P. 414—416, 972.

[6] Ibid. P. 874, 983.

[7] *Monypenny W. F., Buckle G. E.* The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield. V. 6. L., 1920. P. 136; PD. V. 239. P. 760.

* * *

Шувалов взялся быть британским дипломатическим курьером и отвез в Петербург ноту от 6 мая 1877 г. Будучи убежденным сторонником «малой войны» с продвижением до линии Балканского хребта и умеренного мира, он защищал свою точку зрения в столице, будучи солидарен с канцлером А. М. Горчаковым. Кошмар повторения Крымской войны их преследовал. Ту же позицию занимал посол в Вене Е. П. Новиков. Военные круги воспротивились заранее производимому пересмотру их стратегических планов, считая, что победы можно добиться лишь с продвижением вглубь Турции. Общественность активно выступала в поддержку южных славян. Прекращать поход у перевалов Балканских гор — значило обрушивать холодный душ на ее ожидания и надежды, это было чревато нешуточными последствиями.

В Лондон Шувалов возвратился с тщательно продуманным ответом Горчакова на британский демарш, в котором каждое слово было взвешено. Канцлер давал успокоительные заверения насчет Суэцкого канала, Египта, зоны Персидского залива, Индии, российское правительство не собирается блокировать «навигацию по Суэцкому каналу, ни прерывать ее, ни угрожать ей» (непонятно, впрочем, как оно могло бы, при отсутствии флота, все это учинить).

Инструкция Горчакова содержала два важных положения. О Константинополе в ней говорилось: «Не имея возможности предрешить заранее развитие и ход войны, императорский кабинет все же повторяет, что захват этой столицы не входит в планы» России. Вопрос о Черноморских проливах «для сохранения мира и всеобщего спокойствия» подлежит урегулированию «с общего согласия на справедливых и действенно гарантированных началах» [8]. Две важные, имевшие общеевропейское значение проблемы царское правительство заранее отдавало на суд европейского ареопага (в котором пребывало в меньшинстве). Горчаков писал о глубоком сочувствии русского народа «несчастному положению христиан на Балканах, связанному с ним узами веры и расы». Он подчеркивал, что «прекращение нестерпимых злоупотреблений» османской администрации не противоречит ни одному из интересов Европы, которая со своей стороны страдает от шаткого положения на Востоке.

Инструкцию Шувалову канцлер сопроводил письмом с уточнением стоявших перед тем задач. В нем говорилось, что только отказ турецкой стороны подписать мирный договор даже под стенами Стамбула заставит российскую армию вступить в город. Посол в своих беседах в Форин-офисе должен был подчеркивать: от британских усилий будет в немалой степени зависеть, «чтобы мы были избавлены даже от необходимости приближаться к Константинополю. Для этого следовало советовать турецкой стороне идти на быстрейшее заключение мира» [9]. Тут же излагались возможные условия перемирия в случае его подписания до перехода российскими войсками Балканских гор. Они предусматривали образование автономной Болгарии к северу от хребта, введение «регулярной администрации» в районах к югу от гряды гор, расширение Сербии и Черногории, возвращение России отторгнутой у нее в 1856 г. Южной Бессарабии, переход к Румынии части Добруджи. Австро-Венгрии предо-

[8] Инструкция А. М. Горчакова от 18 мая 1877 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1964. С. 80—82.

[9] Там же. С. 83—92.

ставлялась «компенсация» в Боснии и отчасти в Герцеговине. Канцлер, можно сказать, шел по стопам императора, Александр II еще в октябре 1876 г. дал британскому послу О. Лофтусу «священное честное слово», что не намерен посягать на Константинополь, и в июне следующего года повторил это заверение [10].

30 мая и 1 июня (ст. ст.) Горчаков отправил в Лондон телеграммы, содержавшие важные изменения планов по ключевому болгарскому вопросу. Контакты с представителями болгарской общественности, формирование болгарского ополчения, невозможность оставления под османским игом той части страны, которая «больше всего пострадала от турецкой резни», где проживало «самое многочисленное, трудолюбивое и развитое население», и, главное, успешный ход военных операций — все это привело правительственные круги к выводу о недопустимости раздела Болгарии на две части — она «должна быть единой и автономной» [11].

* * *

Через реку Прут переправилась не прежняя, сформированная по рекрутскому набору, а современная российская армия. В стране была введена всесословная воинская повинность, но реформа, к которой приступили в 1874 г., далеко не была завершена. Ощущалась нехватка офицерского состава, в случае полной мобилизации недобор доходил до 17 тыс. человек. Отечественная промышленность оказалась не в состоянии оснастить войска современным оружием, на закупку его за рубежом денег недоставало. Лишь часть пехоты имела на вооружении винтовки системы Бердана, остальная использовала менее дальнобойные винтовки Крнка. Артиллерийский парк состоял в значительной степени из старых бронзовых пушек, уступавших по качеству стальным орудиям. Пост военного министра с 1862 г. занимал талантливый администратор и организатор, генерал Дмитрий Алексеевич Милютин, сторонник реформ в армии и стране. Его брат Николай был активным участником команды, осуществившей освобождение крестьян от крепостной неволи. Но в армии старое упорно сопротивлялось нововведениям. Немало генералов и старших офицеров преклонялось перед плац-парадной муштрой печальной памяти времен Николая I. Наступление они мыслили в прежних густых боевых порядках, а не цепями, и возлагали надежды не на пулю, а на штык. Ропот против наплыва в войска августейших особ дошел до военного министра: в войсках, писал он, «не скрывают негодования на то, что должности в армии розданы великим князьям и принцам, как будто вся кампания ведется для того, чтобы доставить случай членам царского дома украситься георгиевскими крестами». Разъедавшие администрацию страны язвы поразили и армию. Хромала интендантская служба. Не кто иной, как начальник Рушукского отряда, наследник-цесаревич Александр Александрович жаловался в письме к душке-Минни, великой княгине Марии Федоровне: «Опять хлеба и сухарей не присылают, и войска съедают свой 8-дневный запас, некоторые полки уже съели. Вообще, интендантская часть отвратительная, и казну обворовывают в страшных размерах». Еще резче о царивших беспорядках отзы-

[10] *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 2. М., 1996. С. 308–309.
[11] Дневник Д. А. Милютина. Т. 2. М., 1949. С. 224.

вался Н. П. Игнатьев: «Везде воровство, неумелость, грубость, необразованность и стремление выслужиться» [12].

Но стойкость и мужество солдат и офицеров помогали преодолевать все трудности. Выдвинулась когорта талантливых полководцев — И. В. Гурко, М. Д. Скобелев, М. И. Драгомиров, Н. Г. Столетов. Особым перевесом в сухопутных силах на Балканском фронте Россия не обладала — 185 тыс. штыков и сабель против 160 тыс. у турок, имевших на вооружении современные винтовки и стальные крупповские пушки. Что же касается соотношения военно-морских сил, то говорить об этом вообще беспредметно. У Османской империи на Черном море — 14 броненосцев, еще десяток британских кораблей подобного класса постоянно бродит по турецким и греческим водам. У России в Севастополе — 2 «поповки», тихоходные, круглые по форме бронированные баржи крайне неудачной конструкции — при интенсивной стрельбе они начинали поворачиваться вокруг собственной оси.

* * *

Одновременно с ходом военных действий происходила выработка условий мирного договора. А. М. Горчаков в дополнение к упомянутым выше принципиальным положениям сочинил четыре проекта трактата. Свой вклад в миротворчество внесли Д. А. Милютин и Н. П. Игнатьев и глава дипломатической канцелярии при главнокомандующем А. И. Нелидов. По мере роста успехов на поле боя требование автономии для восставших славян перерастало в требование независимости [13]. Позиция А. М. Горчакова представлялась группе Милютина—Игнатьева недопустимо умеренной. Обстановка, вежливо говоря, оставляла желать лучшего. Горячим головам казалось, что старец не успевает за событиями. Его осмотрительность и осторожность стали восприниматься как свойственная его возрасту нерешительность и трусость, его призывы к благоразумию отвергались, хотя восторженная встреча российских войск на болгарской земле, отвага в боях болгарских дружин убедили самого Горчакова, насколько было бы несправедливо резать живое тело Болгарии на части. Наступление на него велось грубо и резко. Больно и грустно читать страницы дневника Д. А. Милютина: «Князь Горчаков вместе с графом Шуваловым готовы наложить строгую узду на собственные наши действия» (запись от 16 мая); «бедный наш канцлер разыграл роль зайца, травимого несколькими борзыми, особенно по вопросу о будущей участи Болгарии» (30 мая); «дипломатия наша не перестает копошиться и противодействовать военным планам» (7 июня). И наконец, 6 ноября: «Этот выживший из ума эгоист продолжает артачиться». Милютину вторил Н. П. Игнатьев в своих походных письмах: «Канцлер снова бесился». Он и Шувалов «только играть могут против честных людей» [14].

На совещании у императора 30 мая Горчакова по сути дела отстранили от руля внешней политики. Он продолжал разрабатывать планы мирного урегулирова-

---

[12] *Кудрина Ю. В.* Из писем цесаревича Александра Александровича его августейшей супруге // Известия на музейто в Северо-Западна България. 1998. № 4. С. 175; *Игнатьев Н. П.* Походные письма 1877 г. М., 1999. С. 220.

[13] Подробно о разработке планов мирного урегулирования см.: *Чернов С. Л.* Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875—1878 г. М., 1987.

[14] Дневник Д. А. Милютина. Т. 2. С 169, 174, 178, 241; *Игнатьев Н. П.* Походные письма 1877 г. М., 1999. С. 31—32.

ния и хлопотать в Лондоне и Вене о смягчении позиции оппонентов. В несвойственной ему запальчивой манере он заявил Игнатьеву: «Нас теперь не хотят слушать, но пройдет некоторое время и положение изменится, когда тиф и лихорадка будут истреблять нашу храбрую армию, когда погибнет 40 или 50 тыс. человек... то скажут, что мы были правы, будут просить нас уладить дела» [15].

Годы брали свое, Горчаков одряхлел, утратил былую энергию, честолюбие переросло в старческое тщеславие, он ревниво относился к более молодым коллегам, усматривая в них своих соперников и преемников, хотя пора было подумать об уходе на покой. Но громадный опыт подсказывал ему: надо добиваться компромисса сейчас, а не дожидаться, пока в Черном море появятся британские броненосцы в помощь турецкому флоту. Медлить с заключением мира — значило играть с огнем.

* * *

Беда, как всегда, грянула нежданно-негаданно. Турки, несмотря на неудачи на фронтах, склонности к миру не обнаруживали. А российское командование в упоении от побед утратило бдительность, и расплачиваться армии пришлось большой кровью. Серьезная осечка в ходе боевых операций произошла под крепостью Плевна (Плевен). Кавказская казачья бригада вошла в город, разоружила жителей-мусульман, и отправилась дальше, не обратив внимания на то, что по дороге с юга, от Видина, к городу приближались в больших массах турки. Крепость занял самый способный из их полководцев Осман-паша с корпусом в 40 тыс. человек и сел в осаду [16]. Продвигаться далее, имея в тылу такую силищу, не представлялось возможным. Взять крепость с ходу не удалось, поспешный штурм 8 (20) июля турки отбили с большими потерями для атакующих. Вместо того, чтобы обложить город со всех сторон и подвергнуть его эффективной бомбардировке, командование решило отметить «царский день» новым приступом 18 (30) июля, снова отбитым. Урон на сей раз достиг 7 тыс. солдат и офицеров.

На совете в присутствии императора раздались панические голоса — снять осаду, отойти, подождать прибытия гвардии. Военный министр Д. А. Милютин и генерал В. К. Левицкий настояли на продолжении операций. Главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич направил Карлу Румынскому просьбу о помощи. Тот откликнулся немедленно, сознавая, что независимость страны недостаточно провозгласить, ее надо утвердить на поле боя: «Сражение с турками, будь оно на этом или другом берегу Дуная, — вопрос жизни или смерти для нашей армии, крещение кровью для нее необходимо» [17]. Имели значение и личные мотивы, принц мечтал о лаврах полководца. Молодая румынская армия численностью в 32 тыс. солдат и офицеров прибыла под Плевну и с честью прошла испытание огнем. Небылицы насчет каких-то измен, фигурирующие в фильме «Турецкий гамбит», придуманы в нем, видимо, для занимательности.

Третий штурм Плевны 30—31 августа (11—12 сентября) захлебнулся в крови. Дивизии М. Д. Скобелева удалось пробиться к стенам города, румыны и полки Вологодский и Архангелогородский овладели Гривицким редутом, но, ввиду общей неудачи, отошли. И тогда под Плевну вызвали героя обороны Севастополя,

---

[15] Дневник Д. А. Милютина. Т. 2. С 169, 174, 178, 241; *Игнатьев Н. П.* Походные письма 1877 г. М., 1999. С. 42.

[16] Там же. С. 121.

[17] *Iorga N.* Politica externa a regelui Carol I. Bucureşti, 1991. P. 235.

генерала Э. И. Тотлебена, который приступил к длительной и изматывающей врага осаде крепости.

Столь же бурно развивались события на дипломатическом фронте. Намечавшиеся условия мира англичане отвергли с порога. Проект превращения Болгарии в единую автономную провинцию, — информировал Дерби Горчакова, — «в такой степени увеличил наши опасения, что бесполезно обсуждать мир» [18]. Крайне воинственную позицию занимали премьер-министр Б. Дизраэли и поощрявшая его королева Виктория, неприязнь к России их одолевала. Старая дама бомбардировала правительство посланиями, нарушая конституционный догмат: монарх царствует, но не управляет. Отбросив свойственную дипломатам сдержанность в выражениях, посол П. А. Шувалов жаловался на существование «некоего заговора полусумасшедшей бабы с министром, не лишенным дарования, но выродившимся в политического клоуна» (намек на Дизраэли). Но королева не унималась: «Если Англия дойдет до того, что будет целовать ноги России, она в подобном унижении участвовать не станет и сложит с себя корону» [19].

Но единство в кабинете отсутствовало, не все его члены ассоциировали интересы Англии с сохранением в незыблемости прогнившей Османской империи и были готовы идти ради этого на риск войны. По свидетельству биографов Дизраэли В. Монипенни и Д. Бакля, половина министров проявляла нежелание делаться союзником «такого варварского и тупого государства», как султанат [20]. А премьер-министр вынашивал совсем уж поджигательскую мысль — добиться того, чтобы Порта сама пригласила британский флот войти в Проливы и в качестве «материальной гарантии» позволила бы оккупировать полуостров Галлиполи, контролирующий вход в Дарданеллы [21]. Согласия Стамбула на подобное полное подчинение Турции владычице морей не поступило.

С Феей, как Дизраэли именовал в личной переписке грузную шестидесятилетнюю королеву, он объяснялся откровенно: общественность настроена в пользу нейтралитета, Порта не согласится на оккупацию части ее территории без заключения с ней формального союза. «Все эти сложности были бы устранены, объяви мы войну России, но в кабинете нет и трех человек, готовых на подобный шаг» [22].

12 июля Дизраэли писал королеве, что готовится нота самого решительного свойства с требованием к русским не занимать Стамбула. Фраза «казуз белли» в ней отсутствует, ее решено зарезервировать для дальнейшего. Он, премьер-министр, вполне разделяет точку зрения монархини о целесообразности занятия британскими силами Стамбула и об ударе по русским на востоке, чтобы «очистить Среднюю Азию от московитов и загнать их в Каспий». Однако, жаловался он, «руководить находящимся в состоянии разногласия и упирающимся кабинетом — задача трудная и не очень приятная» [23].

Граф Дерби в официальных обращениях в Петербург смягчал полученные инструкции, о казусе белли в них нет упоминания, но, поскольку и он, и прочие «голуби» выступали за отпор российским притязаниям, крайне их преувеличи-

---

[18] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 70. Т. 2. Л. 384.

[19] Там же. 1877. Д. 71. Т. 2. Л. 383—364; *Monypenny W. F., Buckle G. E.* Op. cit. P. 132.

[20] *Monypenny W. F., Buckle G. E.* Op. cit. P. 138.

[21] Ibid. P. 142.

[22] Ibid. P. 149.

[23] Ibid. P. 150, 151, 155.

вая, то суть британской политики оставалась прежней. 7 июня часть средиземноморской эскадры получила приказ войти в Безикскую бухту недалеко от входа в Дарданеллы [24].

За смягчение формулировок Дерби получил выговор от королевы. В ответе Виктории он писал: «Военная партия в стране немногочисленна и шумлива», но «громадное большинство народа ничего так не желает, как сохранения мира». Он имел довольно резкое объяснение с Дизраэли. Тот твердил коллеге: «Через три месяца британские интересы будут втоптаны в грязь» [25], Россия станет «потенциальным господином Константинополя, решит вопрос о проходе через Проливы, как ей и Германии будет угодно, и наплюет на нас». Дерби в ответ советовал премьеру не поддаваться «упадочническим настроениям» и напоминал, что у Англии нет союзников. Это не производило отрезвляющего впечатления. Р. В. Сетон-Уотсон замечал по поводу скоропалительных планов премьер-министра: «трудно придумать что-либо более безрассудное» [26].

В отношении союзников дело обстояло плохо. Изучив гору Синих книг, представлявших позицию Великобритании в самом выгодном свете, лидер оппозиции у лордов граф Д. Грэнвилл пришел к неутешительному выводу: «Впечатление, которое я вынес из чтения этой массы бумаг, состоит в том, что нет ни одного европейского правительства, которое находилось бы в согласии с курсом правительства Ее Величества» [27]. Традиционный ноябрьский прием в резиденции лондонского лорд-мэра подтвердил этот вывод — дипломатический корпус его практически проигнорировал. Шувалов и германский посол граф Мюнстер отклонили приглашение на церемонию. Узнав, что от имени дипломатов с ответом на речь Дизраэли должен выступить их дуайен, турецкий посол (между прочим, грек и христианин) Константин Мусурус-паша, не явились представители Франции и Италии. В последний день австриец Ф. Бейст сообщил, что у него сломалась карета. Видимо, осторожности ради, на приглашение лорд-мэра не откликнулись посланники Бельгии, Голландии, Испании, Португалии, Швеции и Дании. «Англия и Турция в одиночестве», — констатировала газета «Морнинг пост» [28].

Форин-офис, можно сказать, днем с огнем искал сообщников, но их не обретал. От военной олигархии, управлявшей Германией, большего, чем нейтралитет, добиться не удавалось. О позиции Франции в парламенте говорили: «Не существует ни одного французского политика в любой партии, который воспримет идею новой Крымской войны». Италия по горло занята улаживанием финансовых и административных дел. Австро-Венгрию раздирают национальные противоречия, ее многочисленное славянское население с антипатией воспримет конфликт с Россией. Денег в ее казне едва ли хватит на проведение мобилизации. «Австро-Венгрия — страна, которая может развалиться в результате одной безуспешной кампании». На ее помощь рассчитывать нет оснований, полагал граф Дерби [29].

Серьезная осечка в военных операциях под Плевной, четырехмесячная осада крепости рассеяли опасения на Западе, что русские вот-вот очутятся в Стам-

---

[24] The Times. 7.07.1877: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 70. Т. 2. Л. 439.

[25] *Monypenny W. F., Buckle G. E.* Op. cit. P. 158.

[26] Ibid. P. 140, 141; *Seton-Watson R. W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. L., 1935. P. 218.

[27] P. D. 3-rd ser. V. 234. P. 781—782.

[28] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 77. Т. 2. Л. 481—483; P. D. 3-rd ser. V. 234. P. 21; The Morning Post. 12 ноября 1877 г.

[29] P. D. 3-rd ser. V. 234. P. 793—798.

буле. Шувалов приободрился, в его донесениях зазвучали оптимистические нотки. Создается впечатление, что он стал жертвой собственной осведомленности. Зная в деталях о спорах в кабинете, о неудачах в поиске союзников, он гиперболизировал степень растерянности и беспомощности Уайт-холла («Правительство, раздираемое разногласиями и не знающее, какому Богу молиться»[30]). Посол упускал из виду главное, — что раздоры разыгрывались вокруг тактических, а не принципиальных вопросов, что Дерби стремился к той же цели, что и премьер-министр, — обеспечению британского преобладания в Юго-Восточной Европе, на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, но надеялся достичь его более мягкими средствами, не прибегая к оружию и не сопровождая каждый шаг взрывоопасными декларациями. Никакой позитивной программой решения проблем Дерби не обзавелся.

Дизраэли, человек решительный и со склонностью к авантюризму, оружия не складывал. Он вместе с королевой учинил акцию, не вязавшуюся с парламентским строем и напоминавшую тайную дипломатию французского короля Людовика XV. В конце августа 1877 г. британский военный агент полковник Ф. Уэлсли, вернувшись из отпуска, сделал Александру II заявление от имени королевы и премьер-министра, о котором Форин-офис не знал: если боевые действия продлятся и последует вторая кампания, нейтралитет Англии не может быть сохранен и она станет воюющей стороной[31]. Демарш произвел эффект, обратный ожидавшемуся в Лондоне, и побудил российское командование продолжать боевые операции осенью и зимой с крайней энергией. Взятие Плевны в корне изменило ситуацию на фронте. 28 ноября (ст. ст.) Осман-паша повел своих измученных осадой и голодом аскеров на прорыв, бросив больных и раненых на произвол судьбы. Отчаянная затея провалилась. Потеряв 6 тыс. человек, Осман сдался. В плену очутились 43-тыс. солдат и офицеров. 100-тысячная масса российских и румынских войск освободилась для других военных операций. В битве при Шипке-Шейново М. Д. Скобелев разгромил корпус Весел-паши, «сидение на Шипке» кончилось.

В войну после долгих оттяжек и колебаний вступила Сербия. Восемь раз обращался Петербург к Белграду с предложением присоединиться к сражающимся. Ответы поступали уклончивые: надо оправиться от поражения 1876 г., восстановить силы, потребны большие деньги. Князь Милан Обренович и глава правительства Й. Ристич явно осторожничали, стремясь действовать наверняка и выжидая, пока победа обрисуется с полной очевидностью. В ответ на поздравление Милана по случаю взятия Плевны царь высказал пожелание, чтобы сербы последовали примеру румын и взялись за оружие. 2 декабря (ст. ст.) Милан выступил с манифестом с объявлением войны Высокой Порте. Сербские войска действовали успешно, но не там, где хотелось бы командованию Дунайской армии, не на направлении главного удара, а разбросали силы на широком фронте, стремясь занять возможно большую территорию. За полтора месяца операций они достигли немалых успехов, заняв, в частности, Ниш и Пирот[32].

Еще сложнее и труднее складывались отношения с греками. В стране происходила министерская чехарда, менялись кабинеты, из Лондона поступали

---

[30] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 71. Т. 2. Л. 367, 395.

[31] *Монуренну W. F., Buckle G. E.* Op. cit. P. 367, 395, 173—176.

[32] *Кузьмичева Л. В.* Русско-турецкая война 1877—1878 г. и Сербия // Славянский альманах 1996. М., 1997. С. 71—82.

грозные предупреждения — сидеть смирно, общественность требовала освобождения Эпира и Фессалии. Афинское правительство требовало у самодержавия гарантий будущих приобретений (а кто мог их дать?) и помощи в охране побережья, «одолжить» для этого Греции часть российского военного флота (который, по большому счету, отсутствовал). Лишь 21 января (3 февраля) 1878 г. греческие войска пересекли границу. Александр II не счел нужным скрывать свое раздражение подобной медлительностью, что видно из его телеграммы королю Георгу: «Я могу только сожалеть, что Ваше Величество, объявляя войну Турции, избрал тот момент, когда я заключаю с ней мир» [33].

* * *

Российские войска, усталые, обносившиеся, измотанные в боях, рвались вперед. Великий князь Николай Николаевич телеграфировал военному министру: гвардейцы, краса армии, «от стоянки и работы на высоких Балканах и при переходе через них остались... равно офицеры и нижние чины без сапог. Мундиры и шинели — одни лохмотья. У большинства белья нет» [34]. А сводки с фронта ободряли и вдохновляли. 5 (12) января 1878 г. В. И. Гурко разгромил под Пловдивом армию Сулеймана-паши. 8 (20) числа без боя сдался Адрианополь. Канцлер А. М. Горчаков не торопил командование с заключением перемирия, желая добиться возможно большего стратегического преимущества.

А турки не спешили сдаваться, надеясь, и не без оснований, на поддержку Лондона и Вены. Александр II не мог расстаться с иллюзией насчет особой солидарности монархов и пугал Франца Иосифа развалом союза трех императоров: «Малейшая трещина в согласии трех императорских дворов вернет Англии всю ее дерзость» [35]. «Ты понимаешь, надеюсь, что я не могу подчинить то, что для меня является необходимостью, твоим пожеланиям?». Франц Иосиф решительно не понимал, и в узком кругу называл письмо царя «указом».

«Сойтись» не удалось, предложение Лондона и Вены об их посредничестве в переговорах было отклонено, все понимали, на чьей стороне выступят ходатаи. Вырисовались замыслы Андраши — не участвуя в военных действиях, обеспечить австро-венгерскую гегемонию на Балканах.

Отношения с Лондоном достигли высшей степени напряженности. Кабинет Ее Величества обсуждал вопрос о введении части средиземноморской эскадры в Проливы. Задержку с заключением перемирия приписывали двойной игре России, войска которой неудержимо приближались к Стамбулу. Адмирал Хорнби получил приказ об отплытии, но дважды его отменяли. Идти ва-банк все еще не решались. Граф Э. Дерби подал в отставку, его уговорили взять ее обратно. Глава могущественного рода Стенли, по мнению многих, «олицетворял благоразумие и здравый смысл в политике» [36]. Из его родного Ланкашира пришли вести, что там отменили митинги в поддержку правительства.

Не все клеилось у Лондона и в отношениях с Веной. Андраши подал надежду на военное сотрудничество, намекнув на желательность ввода британских броненосцев в Черноморские проливы. Ободрившийся Дизраэли предложил

---

[33] Следует сказать, что война Турции объявлена не была. См.: Международные отношения на Балканах 1856—1878. М., 1986.

[34] *Газенкампф М. А.* Мой дневник. 1877—1878 гг. СПб., 1908. Приложение 2. С. 1.

[35] *Sumner B. H.* Russia and the Balkans. Oxford, 1937. P. 432.

[36] *Monypenny W. F., Buckle G. E.* Op. cit. P. 232.

предоставить Австро-Венгрии заем, если она мобилизует армию, сосредоточит ее на российской границе и согласится на идентичные с Великобританией шаги в Петербурге. Изворотливый мадьяр отказался подписать предложенную конвенцию, заявив, что он не просил, а только советовал ввести корабли в Дарданеллы[37]. По распространенным слухам, Андраши уподобил Россию и Англию волку и акуле, которые могут при случае удалиться каждая в свою стихию, чего Австрия сделать не в состоянии. Шувалов раздобыл информацию об англо-австрийских контактах и 12 (24) января 1878 г. телеграфировал в Петербург: Андраши не хочет принимать на себя обязательств, пока Великобритания не вступит в дело (царская помета на полях: «Совершенная гнусность!»). Посол предупредил — речь между сообщниками идет не только о посылке флота, но и о разрыве отношений с Россией[38].

В Петербурге были уже не рады, что не спешили с подписанием перемирия. Кольцо международной изоляции сомкнулось, ее звенья — враждебность Великобритании, интриги и шантажистская тактика Австро-Венгрии, холодная отчужденность Германии. Великий князь Николай Николаевич с некоторой растерянностью сообщал брату-императору: «Я употребляю все усилия, чтобы действовать по твоему указанию и предупредить разрушение Турецкой империи, и если мне это не удалось, то положительно виноваты оба паши, которые не имели достаточно мужества взять на себя ответственность и подписать наши условия». А из Лондона поступали предупреждения: российские войска не должны занимать Константинополь даже временно. Запрет распространялся и на берега Дарданелл[39]. Всякое изменение условий Парижского мира 1856 г., твердил кабинет ее величества, может происходить лишь с согласия его участников. Воевав один раз с Россией, Лондон хотел стать вечным победителем и поставить обсуждение мира под свой контроль.

17 (29) января, ввиду готовившегося вторжения британских кораблей в Проливы под предлогом защиты подданных короны, царь отправил в войска телеграмму о вступлении их в Стамбул для защиты всех христиан. Горчаков и Милютин сочли решение слишком рискованным и чреватым войной. На следующий день Александр II внес уточнения в свой приказ: ввод произойдет лишь в случае высадки англичан с судов на берег. Вторая телеграмма предоставила великому князю Николаю Николаевичу некоторую свободу маневра. 19 (31) января у султана удалось, наконец, вырвать согласие на подписание перемирия. Но успокоения на международной арене не наступило. Форин-офис прислал ноту протеста: мирное урегулирование может состояться лишь на условиях, санкционированных европейским концертом. Горчаков тщетно разъяснял, что обсуждать условия перемирия вшестером «абсолютно непрактично». Лондон настаивал на превращении ареопага держав в верховную инстанцию процесса умиротворения при максимально бережном отношении к Высокой Порте. Доводы Горчакова отвергались с порога.

Голоса умеренности и здравого смысла не умолкали. Об этом свидетельствовали выступления в обеих палатах парламента и поступавшие туда петиции. Однако проявлялась эта тенденция пассивно, в просительной и уговаривающей

---

[37] *Monypenny W. F., Buckle G. E.* Op. cit. P. 227.

[38] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. С. 414—415.

[39] Дневник Д. А. Милютина. Т. 3. С. 16; *Татищев С. С.* Указ. соч. С. 405; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 56. Л. 37.

форме. В прессе время от времени появлялись правдивые сообщения с театра военных действий. Так, корреспондент газеты «Дейли ньюс» Арчибальд Форбс дал восторженное описание человеческих и воинских достоинств русского солдата: «Это прекрасный товарищ, его добродушие неистощимо, он легко переносит трудности, он человечен, он никогда не попирает врага... Русского офицера отличает доблесть его нации, он не хвастун и сражается так, будто выполняет часть своей повседневной работы. Что касается русского рядового, я считаю его лучшим боевым материалом, который, насколько я знаю, страны, поставляющие солдат, способны предложить» [40]. Но не такие статьи определяли тон газет и журналов, преобладала злобная стряпня, для сочинения которой не было нужды отправляться на Балканы.

Вильям Гладстон продолжал отстаивать свою точку зрения, пытаясь утихомирить воинственные страсти, на что тогда решались немногие. Он регулярно публиковал статьи в журнале «Найнтинс сенчури». Материал, помещенный в мартовском номере за 1878 г., был озаглавлен «Дорога чести и дорога позора». После российского заявления, что вопрос о прохождении военных судов через Проливы должен решаться Европой, не осталось и тени оправдания для развязывания сепаратной войны или односторонних действий, к ней ведущих, утверждал Гладстон. От правительства требуется терпение, благоразумие и самообладание. Таково желание каждого доброго подданного и гражданина [41].

Но призывы к сдержанности звучали глухо и одиноко, а на поверхности бушевали эмоции и страсти. Волна военной истерии ползла по Британским островам. Пришел праздник на улицу Дизраэли. «Страна, — писал он, — наконец-то расшевелилась. Если бы только армейский корпус стоял в Галлиполи» [42]. Пресса во главе с негласным рупором правительства газетой «Дейли телеграф» рисовала фантастическую картину российских замыслов: «Они состоят, грубо говоря, в установлении господства над Константинополем и Проливами и превращении Оттоманской империи в петербургский удел... Коварство России не миновало Австрии, где она стремится распространить славянскую заразу». Заканчивалась статья на воинственной ноте: «Какой бы мир ни был подписан, он останется клочком бумаги, пока не будет представлен на общее обсуждение; если же этого не произойдет честно и открыто — лучшими британскими представителями являются наш флот и наша армия, будь то с союзниками или нет» [43]. Обыватель, гордящийся своей независимостью, на самом деле легко попадался в расставленные прессой сети, пугался угрозы, будто бы нависшей над британскими интересами, и тонул в волнах шовинизма. Появился даже особый термин «джингоизм» для определения особо яростной его разновидности, необыкновенную популярность приобрели стишки дотоле никому неведомого рифмоплета:

Нет, воевать мы не хотим,
Но коль придется в бой идти,
То прочь с пути! О, джинго,
Мы снарядим свои суда,

---

[40] *Forbes A.* The Russians, the Turks and the Bulgarians // The Nineteenth Century. Nov. 1877. P. 562—563.

[41] *Gladstone W. E.* The Path of Honour and the Path of Shame — The Nineteenth Century. March. 1878. P. 594—596, 598, 604.

[42] *Montpennye W. F., Buckle G. T.* Op. cit. P. 244.

[43] The Daily Telegraph. 11 марта 1878 г.

Людей отыщем без труда.
И денег соберем тогда,
О, джинго [44].

Дизраэли, по словам Милютина, «опять взбеленился». Сам он выражался иначе: оппоненты «пали на колени». А в Петербурге царила нервная атмосфера. Здесь уже спешили с мирным урегулированием, чтобы поставить Лондон и Вену хотя бы по некоторым вопросам перед свершившимся фактом. Бремя переговоров возложили на Н. П. Игнатьева, он же подготовил проект договора, столь секретный, что набело текст переписала его супруга. 12 (24) января состоялось решающее заседание у императора. Горчаков внес поправки (отказ от предоставления «Большой Болгарии» независимости, от присоединения к Греции острова Крит и части Эпира и Фессалии и некоторые другие). В инструкции Игнатьеву князь особо оговаривал: «Вопросы, представляющие европейский интерес, будут оставлены на коллективное рассмотрение и решение» [45]. Беда заключалась в том, что в Лондоне все вопросы считали предметом европейкой важности и забот.

В ставке главнокомандующего Игнатьев застал настроение, показавшееся ему чересчур миролюбивым. В его переписке с канцлером нарастала напряженность. Россия, считал посол, должна предстать перед неизбежным конгрессом не с пустыми руками и не с видом провинившегося школьника. Надо вырвать у Порты как можно больше обязательств, от которых она не сможет отказаться. Горчаков полагал, что подобный напор может привести к срыву переговоров. В отечественной историографии иногда встречались утверждения, будто бы Игнатьев продиктовал Высокой Порте условия мира. Это не соответствует действительности, султан имел на своей стороне Великобританию и Австрию, а Россия находилась в полнейшей международной изоляции. Турки поначалу предложили перенести переговоры в Петербург, явно стремясь их затянуть. Пришлось отучать их от этой мысли. Прибывший в Адрианополь Савфет-паша выглядел туча тучей. Ознакомившись с проектом договора, он заявил: «Это — смерть Османской империи в ее нынешней форме» [46]. А британский кабинет решил пустить в ход бронированный кулак. 13 февраля (н. ст.) эскадра адмирала Хорнби из 6 броненосцев (одним из которых командовал герцог Эдинбургский Альфред, зять Александра II, муж его единственной дочери Марии) и фрегат, в полном противоречии с Лондонской конвенцией 1841 г. о Проливах, вошли в Дарданеллы и бросили якорь в Мраморном море. Султан Абдул Хамид заявил протест, но дальше никаких мер не предпринимал. Как и подозревали в Петербурге, он ограничился декларацией на бумаге.

Новость была столь тревожной, что император срочно вызвал Горчакова в Царское село телеграммой: «Так важно, что я желал бы знать твое мнение, прежде чем отвечать». Ответ был дан, и самый решительный. Канцлер сообщил в Лондон послу П. А. Шувалову, что в создавшихся условиях придется временно ввести войска в османскую столицу — пока британский флот не покинет Дарданеллы: «История учит нас, что слабость континента подстегивает наглость Англии» [47].

---

[44] Цит. по: *Трухановский В. Г.* Бенджамин Дизраэли, или история одной необыкновенной карьеры. М., 1993. С. 326.

[45] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 444.

[46] Там же. С. 499.

[47] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 81. Л. 480.

В противоположность «штатским» в Петербурге командование Дунайской армии в бой не рвалось. Соотношение сил складывалось не в его пользу. По приказу Д. А. Милютина началась переброска войск на границу с Австро-Венгрией в предвидении нападения с ее стороны. Напротив, к туркам поступали все новые и новые силы, главным образом из гарнизонов крепостей, передаваемых русским по перемирию. Великий князь Николай Николаевич по-своему истолковал распоряжение брата-императора. С санкции противной стороны он занял местечко Сан-Стефано в 10 верстах от Стамбула. Интересны детали этой операции. Главнокомандующий обратился к туркам с ультиматумом — в течение 48 часов дать согласие на перенесение его главной квартиры в Сан-Стефано. 12 (24) февраля Николай Николаевич со своим штабом и 10-тысячным отрядом прибыл на место новой дислокации. Штабные до последнего момента сомневались — как их встретят, с цветами или пулями? Обошлось. Александр молчаливо согласился с решением своего брата, существовало серьезное опасение, что в противном случае султан Абдул Хамид переселился бы на Принцевы острова, под защиту пушек адмирала Хорнби [48]. Один мелкий эпизод говорит о царившей в ставке напряженности. Натолкнувшись во время переговоров на упорное сопротивление Савфета-паши его требованиям, Игнатьев решил прервать их, рассматривая это как средство давления на турка. Он отправился за санкцией к главнокомандующему. Дело было утром, Николай Николаевич еще нежился в постели в богатом доме купца Дадиани. Услышав о намерении дипломата, он вскочил на ноги и учинил тому разнос, обвинив его в стремлении развязать войну с Англией.

Игнатьев держался твердо и добился выгодных для России условий урегулирования. 19 февраля (3 марта) договор был подписан. Турция признала полную государственную независимость Румынии, Черногории и Сербии. Предусматривалось значительное территориальное расширение всех трех княжеств (Черногории — в три раза, Сербии — почти на 9 тыс. км^2.), Румынии предоставлялась Северная Добруджа (при этом предполагалось возвращение России Южной Бессарабии). В Боснии и Герцеговине Высокая Порта обязывалась провести реформы по расширению прав населения, но главное место в договоре отводилось Болгарии. Она возрождалась как «самоуправляющееся, платящее дань княжество с христианским правительством», с конституционным устройством и широкой политической автономией. Даже размеры ежегодной дани Турция определяла не самостоятельно, а по согласованию с державами. Пределы нового государства были очерчены с размахом, с выходом к Черному и Эгейскому морям. В состав России в Закавказье входили земли с городами Ардаган, Карс, Батум и Баязет.

Но как было добиться международного признания этих условий? Расхождения во взглядах существовали даже среди российских дипломатов, конкретно — между Игнатьевым и Горчаковым, и разногласия шли по нарастающей. Первый полагал, что следует заключить окончательный мир, дабы турки «почувствовали себя морально связанными, а потом и законно обязанными поддерживать и защищать, в случае необходимости, перед Европой смысл и формулировку условий, о которых мы договоримся» [49]. Горчаков не верил в превращение турок в защитников навязанного им договора. По его настоянию, подготавливаемый документ был признан прелиминарным, предварительным. К. Косев

[48] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 494.

[49] Там же. С. 524.

справедливо полагает, что для Горчакова Сан-Стефано — тактический ход, поле для маневра и более или менее безболезненного отступления от отдельных его положений без унижений, связанных с пересмотром на конгрессе окончательного трактата[50].

* * *

Весной 1878 г. роли переменились, уже не Лондон, а Петербург искал выхода из внешнеполитической изоляции, стремясь обеспечить себе хоть какую-то поддержку на неизбежном конгрессе. Груз унаследованных еще от Священного союза представлений о консервативно-монархической солидарности довлел над российской дипломатией, да и имелась же договоренность с Австро-Венгрией о ее нейтралитете, зафиксированная в Будапештской конвенции! Однако разведочный визит Игнатьева, недавно ставшего графом, в Вену завершился полным провалом: Д. Андраши настаивал на разделе «Сан-Стефанской Болгарии», оккупации Боснии и Герцеговины габсбургскими войсками, переходе под австрийскую власть острова Ада Кале на Дунае без обязательства срыть имевшиеся там укрепления, на сокращении ранее согласованных территориальных приращений к Черногории, праве построить через Сербию железную дорогу с австрийским тарифом. Андраши наотрез отказался воздействовать на англичан с целью удаления их флота из Мраморного моря. По оценке самого Игнатьева, Вена собиралась приобрести «без выстрела и без усилия все выгоды политические, военные и экономические, могущие сделаться ее достоянием лишь после победоносной войны не только с Турцией и с нашими единоверцами, но и с нами», «помешать самостоятельному развитию не только Сербии и Болгарии, но и Черногории», обратить «сербское племя» «в вассальное владение короны Св. Стефана»[51].

Позиция Лондона ужесточилась еще более. В меморандуме от 13 марта 1878 г. говорилось: каждая статья договора между Россией и Турцией должна быть «представлена конгрессу необязательно для принятия, но с целью рассмотрения, какие статьи требуют принятия или согласования с державами, а какие нет». Было ясно, что намечаемый европейский форум британская дипломатия собирается обратить в судилище над победителем. На заседании 27 февраля Дизраэли предложил призвать под ружье резервы и занять индийскими войскам остров Кипр и порт Искандерон (Александретту) на малоазиатском побережье. Солсбери выразил с этим согласие, заметив, что не стоит извещать Турцию заранее об оккупации принадлежащих ей территорий[52]. Это было слишком для Дерби. Прикрывать своим именем захват средь бела дня владений «дружественной державы» он не пожелал. Он стремился уладить разногласия с Россией если не полюбовно, то все же без крупной ссоры. Балансирование на грани войны, которым занимался глава правительства, ему представлялось безумием. Англия и Россия могут воевать долго, рассуждал граф, не нанося друг другу решающих ударов. Нетрудно довести небогатую российскую казну до банкротства; при этом разорятся и британские держатели ценных российских бумаг. Но как Россия ни бедна, у нее есть обширная территория, устойчивые продовольственные ресурсы и многомиллионное население. Лорд Дерби твердо помнил уроки

[50] *Косев К.* Бисмарк, источният въпрос и българското освобождение. София, 1978. С. 406.

[51] После Сан-Стефано. Записки гр. Н. П. Игнатьева. Петроград, 1916. С. 38—40.

[52] *Monypenny W. F., Bucklt G. E.* Op. cit., P. 264—267

истории и то, что иноземное вторжение вызывало в ней взрыв патриотизма, отчего худо приходилось захватчикам. Его вывод гласил: самая неудобная война — это та, которая длится долго, обходится дорого и не приносит результатов. И наконец, ради чего сражаться? Пытаться вдохнуть искру жизни в Османскую империю — занятие безнадежное.

Подписание Сан-Стефанского мира, означавшего сильный удар по османским позициям на Балканах и в Закавказье, раздуло еще больше огонь воинственных настроений в Великобритании. Антирусская истерия помогла «оголтелым» в правительстве во главе с премьер-министром обрести свободу рук, перспектива войны с Россией не являлась поэтому кошмаром, мерещившимся перепуганным петербургским дипломатам и генштабистам, во всяком случае, нет свидетельств того, что на Альбионе существовали общественные силы, способные остановить скатывание страны к вооруженному конфликту, если бы на него решился Уайт-холл.

«Разрыв с Англией почти неизбежен», — телеграфировал Александр II своему брату 18 (30) марта. Далее следовало указание: в предвидении столкновения с британским флотом просить санкции Порты на занятие российскими войсками укреплений по европейскому берегу Босфора с целью воспрепятствовать прорыву броненосцев адмирала Хорнби в Черное море. Царь оговаривал при этом: «Мы не должны вступать в сам Константинополь, но утвердиться только на берегах Босфора, заняв несколько пунктов, чтобы эшелонировать заграждения». Николай Николаевич в ответ прислал докладную записку со своими возражениями: «Если бы мы настаивали на занятии Босфора, нам, вероятно, пришлось бы брать его силой, — писал главнокомандующий. — Я не считал себя вправе добровольно вызывать столкновение с Великобританией, в то время как нашей дипломатией делались всевозможные попытки к улаживанию затруднений и к предотвращению пагубной для нас войны», — заключал великий князь. Царь повторил свое указание. В тот же день 20 марта Николай Николаевич карандашом, торопясь и нервничая, набросал ответ: «Крайне огорчен твоею телеграммою от 20 числа утра, уверен, что ты никогда не сомневался, что я свято всегда исполнял твои приказания. Но исполнение обезоружения 100-тысячной турецкой армии и флота считаю положительно вещью невозможною». Оно «возбудит их ненависть к нам и неминуемо заставит их перейти на сторону Англии, и вот почему я сказал, что буду приказание иметь в виду, потому что против совести нахожу сказать тебе что исполню вещь, которую по ходу нынешних дел вижу невозможною исполнить. Николай». Через 10 дней великий князь сочинил дополнительное объяснение. Турок следовало за 3 дня предупредить о разрыве перемирия. «Атака требовала сосредоточения значительных сил, которые еще не были собраны, и, во всяком случае, мне необходимо было положительное приказание В. И. В. для перехода с едва установленного мирного положения к новым военным действиям. К тому же, если бы я подошел к Босфору, английская эскадра явилась бы там прежде меня, столкновение было бы неминуемо и разрыв с Англией последовал бы немедленно». Между братьями пробежала черная кошка. Александр непослушания не терпел. Он поинтересовался у брата, позволяет ли ему состояние здоровья исполнять многотрудные обязанности главнокомандующего? Тому оставалось лишь подать в отставку. Ему на смену назначили генерала Э. И. Тотлебена, героя обороны Севастополя, человека, чья военная репутация не оспаривалась никем в мире. Однако и этот опытный

и осторожный полководец пришел к выводу, что в создавшихся условиях занимать побережье Босфора нецелесообразно, а практическое отсутствие в армии тяжелой артиллерии, единственно способной поразить броненосцы, не позволит помешать вторжению эскадры Хорнби в Черное море[53].

Не английских солдат опасались в военном министерстве России. Пугала экономическая, политическая и финансовая мощь Великобритании. Страшили неустойчивость международной обстановки, коварство Габсбургской монархии, перспектива нового варианта крымской кампании. Предстояла война неизвестно на скольких фронтах. Кроме уже существовавших Балканского и Кавказского, предвиделось столкновение с Великобританией в районе Проливов, с Австрией — на юго-западном порубежье империи. В случае прорыва флота владычицы морей в Понт Евксинский (чему никто и ничто не могло воспрепятствовать) можно было предвидеть развертывание операций на Кавказе. Не следовало пренебрегать возможностью высадки десантов на Балтике. Нельзя было сбрасывать со счетов попытку вторжения в Среднюю Азию и нападения на порты тихоокеанского побережья, для отражения которого были усилены гарнизоны Владивостока, Николаевска и Посьета.

Сразу после Сан-Стефано численность российских сил в районе Проливов стала сокращаться. 27 февраля (11 марта) военный министр Милютин, предвидя столкновение с Габсбургской монархией, распорядился о передислокации всех гвардейских частей, гренадерского корпуса и некоторых других соединений — в общей сложности пяти пехотных, трех кавалерийских дивизий, одной стрелковой и одной саперной бригады — из действующей армии на север, за Дунай. Угроза удара с австрийской стороны побудила главный штаб в дальнейшем перебросить туда же еще два корпуса. Из всей Дунайской армии в распоряжении Тотлебена осталось, по его подсчетам, всего 100 тыс. человек против 160 тыс. турок и, предположительно, до 70 тыс. британцев (правда, из двух намеченных к подтягиванию в район операций корпусов прибыл один). Неравенство сил, даже с учетом возможной помощи со стороны балканцев, было явным. Вместо наступательного вырисовывался оборонительный вариант операций летом 1878 г. и в дальнейшем. За него твердо высказался Тотлебен. Опытный политик Милютин призывал «не рисковать новой войной против половины Европы»; «она не могла бы доставить нам более чем теперь, выгодный мир и более поддержать „достоинство" России»[54]. Маячила перспектива — помимо уже 250 тыс. убитых, раненых, искалеченных, замерзших — бросить еще 50, 100, 150 тыс. людей в пасть кровожадного Молоха. Оставалось одно — добиваться мирного решения вопроса. Курс на политическое урегулирование, хотя и связанное с тяжелыми жертвами, возобладал.

В Лондоне уловили овладевшую российскими верхами тревогу и решили «смягчиться». Чем идти на риск войны, грозящей растянуться неизвестно на сколько лет с абсолютно непредсказуемым результатом, не лучше ли попытаться положить Россию на обе лопатки на дипломатическом ристалище? В Петербурге все больше задумывались над поступавшими из Лондона намеками

[53] АВПРИ. Ф. Гл. Архив V-А1. Л. 505, 526; *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб. 1911. С. 442; Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 г. на Балканском полуострове. СПб., 1900. С. 35.

[54] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. С. 29; Дневник Д. А. Милютина. Т. 3. С. 35.

на возможность прямой двусторонней договоренности. Сперва они делались в беседах с Шуваловым с глазу на глаз в частной обстановке.

Контакты между двумя странами были налажены и почва для политических переговоров подготовлена. Петербург в их ходе хотел заручиться хотя бы минимумом гарантий насчет условий окончательного мира. Что касается Великобритании, то на ее правящие круги оказывало влияние убеждение в бесперспективности «большой войны» с Россией, о чем открыто говорилось в парламенте. Пугали и возможные последствия в виде политических потрясений в Юго-Восточной Европе, в результате которых могли развалиться «самые плохо сколоченные государства — сперва Турция, а потом Австрия». Развитие событий показало, что расчеты на восстановление власти Высокой Порты на Балканах нереальны, политика статус-кво исчерпала себя. Шувалов узнал из надежного источника, что маркиз Роберт Солсбери, вырвавший, по его словам, портфель министра иностранных дел из рук графа Э. Дерби, озабочен сохранением Османской империи в Азии[55] и признает, что господство султана в Юго-Восточной Европе фактически кончилось.

Первые две деловые встречи Шувалова с Солсбери были, по его словам, «очень плохими», третья прошла в более примирительном духе. Затем посол отправился в Петербург. По пути он не поленился заехать в Карлсруэ, поместье Бисмарка. «Железный канцлер» заявил ему: «Вам необходимо пойти на компромисс. Вам нужно купить либо Англию, либо Австрию. Покупайте же эту последнюю, она продаст себя дешевле». Князь объяснил свой совет тем, что Великобритания готова на войну, а Габсбургская монархия — нет, а потому и заломит меньшую цену. Логика, однако, изменила ему. Шувалов не стал распространяться насчет полного провала миссии Игнатьева к кайзеру Францу Иосифу и Андраши и заявил в ответ, что «покупать» Вену и остаться после этого перед угрозой войны с Британией будет слишком накладно[56].

В Петербурге согласились с мнением о предпочтительности договоренности с Англией. Шувалов вернулся в Лондон, снабженный подробной инструкцией.

18—19 (30—31) мая англо-российский меморандум был подписан. В первом его протоколе предусматривался раздел Болгарии и сокращение ее территории, очерченной Сан-Стефанским договором, без точного определения границ. Болгарское княжество к северу от Балканского хребта должно было получить политическую автономию, земли к югу от него — лишь административную. Об эвакуации с этих земель (получивших название Восточная Румелия) турецких войск Шувалову и Солсбери договориться не удалось. Великобритания снимала свои возражения против перехода к России в Закавказье Батума и Карса с окрестностями. Солсбери оговаривал, что защита Османской империи легла на плечи Англии, но это можно осуществить, «не подвергая Европу бедствиям новой войны». Что же касается остальных условий Сан-Стефано (включая возвращение России Южной Бессарабии), то Лондон обязался не возражать против них, «если после полного обсуждения на конгрессе Россия сумеет настоять на их сохранении». Эта формулировка позволяла британской дипломатии бороться чужими руками даже против согласованных условий. Второй протокол фиксировал вопросы, в которых Солсбери сохранял «свободу рук»: участие держав

[55] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 80. Т. 2, Л. 708—709.

[56] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. С. 97—102.

в организации государственного устройства «двух Болгарий»; продолжительность пребывания российских войск на Балканах; навигация по Дунаю; режим Проливов. Третий содержал обязательство России не добиваться дальнейшего территориального расширения в Азиатской Турции[57]. После подписания меморандума Солсбери известил Бисмарка, что Великобритания согласна на участие в конгрессе. В самый день подписания документов газета «Глоб» поместила подробное их изложение. Информация страдала лишь одной неточностью: Англия будто бы согласилась на вывод турецких войск из Южной Болгарии. Солсбери солгал в палате лордов, объявив публикацию в газете «Глоб» «абсолютно неаутентичной и не заслуживающей доверия». Разобиженная газета опубликовала 24 июня два первых протокола целиком.

Источник утечки информации удалось обнаружить; им оказался некто Чарлз Марвин, подрабатывавший в Форин-офисе перепиской бумаг. В уголовном суде начался в высшей степени подозрительный процесс. Два чиновника секции документов ведомства, Марч и Ирвин, засвидетельствовали, что Марвин, не состоя в штате министерства, не приносил клятвы о сохранении государственных тайн и, стало быть, служебного проступка не совершил. Суд оправдал его за отсутствием состава преступления.

Весть об англо-российской договоренности повергла в смятение австрийских правителей; Андраши, стремившийся обмануть всех, сам оказался обойденным. Прежний его страх связать себя письменным документом о сотрудничестве с Великобританией был вытеснен еще большим опасением — как бы не оказаться у разбитого корыта несбывшихся надежд. Он поспешил заверить Лондон, что свободен в действиях, «позабыв» о Будапештской конвенции 1877 г. На Даунинг стрит австрийского посла приняли как раскаявшегося блудного сына; здесь не собирались сражаться в Берлине в одиночку, лучшего же партнера по антироссийскому фронту, нежели Андраши, не обнаруживалось. В жертву были принесены Босния и Герцеговина. В отношении урезания Болгарии и возможно большего отстранения России от балканских дел стороны находились в совершенной гармонии[58].

Оставалось вырвать у Порты согласие на приобретение морской базы. Кабинет в конце концов остановил свой выбор на острове Кипр, занимающем выгодную позицию на подступах к Проливам, Месопотамии, Сирии и Египту.

Послу Г. Лейрду направили указание: в своих представлениях он не должен давать султану Абдул Хамиду передышки, «ни промедления, ни сомнения» с его стороны не допускалось. Английские предложения надлежало принять в 48 часов — в противном случае Даунинг стрит грозила прекратить сопротивление требованиям России и покинуть Высокую Порту на произвол судьбы.

«Выкручивание рук» османскому владыке увенчалось полным успехом. Произошедшая тогда же неудачная попытка государственного переворота довела страх Абдул Хамида до пароксизма. Он потребовал, чтобы британский корабль дежурил под окнами дворца на случай бегства. 4 июня 1878 г. состоялось подписание «Конвенции об оборонительном союзе» с Турцией, в коей Великобритания представлялась ее покровительницей и защитницей: сохранность ее владений в Азии может быть обеспечена только «державой, достаточно сильной для того,

---

[57] *Sumner B. H.* Russia and the Balkans 1870—1880. Oxford, 1937. P. 646—649.

[58] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 79. Л. 709; *Cecil Gw.* Life of Robert Marquis of Salisbury. L., 1921. P. 261.

чтобы пресечь с помощью оружия поползновения России на турецкие территории» (то бишь Англией). Последней же совершенно необходима для осуществления сей миссии военно-морская база поблизости, понимай на острове Кипр[59].

Захват Кипра тщательно готовился и по военной, и по дипломатической линии. В плане временном его решено было приурочить к обсуждению на конгрессе в Берлине. Надо было задобрить Францию. Солсбери направил ее министру иностранных дел В. Г. Ваддингтону «дружеское» послание с объяснениями. Маркиз жаловался в нем на то, что Англия взвалила на свои плечи груз защиты османских владений в Азии. Сделать это, опираясь только на Мальту, никак невозможно. Со всех сторон кабинету советовали оккупировать Египет или, по крайней мере, берега Суэцкого канала. Однако, учитывая «замечательно сердечные отношения» с французским правительством, крайне настороженно относившимся к подобным призывам, кабинет ее величества остался к ним глух и ограничился решением занять Кипр[60].

Реакция в Париже на захватническую акцию Великобритании, оказалась, как и ожидали, весьма нервной, произошел «взрыв удивления и тревоги». Однако международное положение страны оставалось неустойчивым, и Ваддингтон не решился на протест против столь вопиющего нарушения баланса сил в Средиземном море в пользу соперницы.

А на российскую дипломатию удары продолжали сыпаться градом. Обозначились болевые точки, до недавнего времени в историографии не фигурировавшие. Упоминание о них появилось в «Очерках истории Министерства иностранных дел России»: «Сан-Стефано был прохладно встречен в Сербии, претендовавшей на большее расширение территории, и в Румынии»[61]. Сказано мягко. На самом деле Сан-Стефано встретили горячо — в смысле протестов — и не только в этих двух странах, но и в Греции. Посланник в Афинах П. А. Сабуров впоследствии вспоминал: «В течение нескольких недель это была демонстрация неистовой злобы», — общество находилось в состоянии «массового психоза»[62]. В ставке главнокомандующего бурную активность развил полковник Г. Катарджи, лицо в Сербии влиятельное, дядя княгини Натальи. Он имел резкие объяснения с Н. П. Игнатьевым, оспаривая намеченную линию сербско-болгарского разграничения, требуя присоединения к княжеству всего Косова, Ниша и Пирота, и жаловался штабным на допускаемую в отношении Сербии несправедливость. Черногорец Радонич настаивал на присоединении к его родине части Косова до реки Дрина, Западной Герцеговины до реки Наранта и албанского Шкодера (Скутари). Игнатьев отбивался, как мог, но оппонентов не переубедил. Он считал, что «обоим княжествам, судьба которых уже решена нами и Турцией, нужно только благодарить могущественную и щедрую руку, которой они обязаны своим существованием и, если Бог этого захочет, своим процветанием»[63]. Нечего и говорить, что ни в Белграде, ни в Цетинье подобных взглядов не разделяли.

---

[59] Turkey № 36 (1878). Correspondence Respecting the Convention between Gr. Britain and Turkey of June 4, 1878. L., P. 1—2.

[60] Turkey № 48. P. 1—3.

[61] Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 1. М., 2002. С. 386.

[62] В пороховом погребе Европы. М., 2003. С. 300; *Цехмистренко С. П.* Греция и македонский вопрос // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 196.

[63] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2, С. 524.

Подписание Сан-Стефанского договора вызвало взрыв страстей в Румынии, ее правительство не желало расставаться с Южной Бессарабией, отторгнутой от России по Парижскому миру 1856 г., и на первых порах отвергало предложение о компенсации за утрату в виде Северной Добруджи. Пресса всех направлений бушевала, обе палаты парламента еще в январе заявили о своей решимости «сохранить целостность территории и не допускать отчуждения какой-либо части румынских земель в обмен на территориальную компенсацию или возмещение убытков». Премьер И. К. Брэтиану витийствовал перед депутатами: «Нация никогда не согласится с территориальным обменом даже в случае заманчивых предложений». Ведавший иностранными делами М. Когэлничану в циркулярной ноте от 30 марта объявил, что Румыния считает Сан-Стефанский трактат, «заключенный без нас, против нас и к нашему ущербу», для нее не существующим. Плывя на общей протестной волне, Когэлничану загонял собственную дипломатию на мель. С российской стороны тщетно напоминали, что румыны для Высокой Порты — взбунтовавшиеся подданные, что она им войны не объявляла и мир подписывать не собирается.

А в отношении Сан-Стефанского мира встает вопрос: мог ли создать стабильную ситуацию в регионе, мог ли обеспечить длительный и прочный мир договор, который не признавали три самых крупных и самостоятельных государства на Балканах — Сербия, Румыния и Греция, считавшие его односторонне благоприятным для Болгарии, превращающим ее в решающую силу и ущемляющим их интересы? Вывод, на наш взгляд, очевиден: шансов на утверждение «Сан-Стефанской системы» прочно и надолго не существовало, даже если абстрагироваться от лютой вражды к ней Великобритании и Австро-Венгрии.

* * *

В России с формированием делегации на Берлинский конгресс возникли сложности. Естественный ее глава — первый вельможа империи, канцлер князь А. М. Горчаков. Но Александру Михайловичу 80 лет, он стар, дряхл, утратил прежнюю энергию и, по мнению многих, склонен к уступкам. Высоким авторитетом пользовался военный министр Д. А. Милютин, но сама его должность не внушала оппонентам доверие к его способностям миротворца. В придворных кругах раздавались голоса в пользу посла в Лондоне П. А. Шувалова. Но у него всего 4 года дипломатического стажа, да и специалистом в балканских делах он не являлся. Опытом в них обладал бывший посол в Стамбуле Н. П. Игнатьев. Но в активе у него Сан-Стефанский договор, отвергнутый державами. Назначать его — значило размахивать красной тряпкой перед оппонентами, да и сам Николай Павлович считал неприличным для себя разрушать в Берлине то, что он создал[64]. Наконец, назначать главой делегации просто посла было несолидно, у всех прочих участников на высокой должности фигурировали министры, у двух держав — Великобритании и Германии — даже главы правительств.

Царь остановил свой выбор на А. М. Горчакове, единственной фигуре, равной по значению и опыту партнерам и противникам.

В Берлин на конгресс, проходивший 1 (13) июня — 1 (13) июля 1878 г., последний российский канцлер отправился с тяжелым сердцем — доигрывать партию в заранее проигранном положении, сталкиваясь со злой волей почти

[64] *Игнатьев Н. П.* После Сан-Стефано. Пг., 1916. С. 66—67.

всей Европы[65]. Слово «почти» он мог бы опустить, российская делегация находилась в полном одиночестве, даже балканские представители, действовавшие в закулисье, опорой ей не служили. С Румынией продолжался конфликт вокруг Южной Бессарабии, глава сербского внешнеполитического ведомства, Йован Ристич, тесно, и не без результатов, сотрудничал с австрийцами. Греция не скупилась на территориальные претензии.

Ситуация на конгрессе для России сложилась хуже некуда. Председательствовавший О. Бисмарк поручал обсуждение конкретных вопросов заинтересованным сторонам. Горчаков недомогал и часто отсутствовал на заседаниях. Основная часть работы легла на плечи второго уполномоченного П. А. Шувалова. Третий член делегации, П. П. Убри, отличался разве что безликостью и попал в нее как посол в Германии. В советской историографии на Шувалове как на бывшем шефе жандармов лежала печать Каина, что сказывалось в суровости оценок. Зарубежная отзывалась о нем лестно: компетентен, упорен, способен. Б. Дизраэли считал, что Петр Андреевич вел трудную борьбу с тандемом Солсбери—Андраши с замечательным терпением и талантом. Сам Шувалов вспоминал часы, проведенные в жарких спорах, как самые тяжкие в своей жизни. Еще теплившиеся в душе Горчакова надежды на содействие Бисмарка разлетелись прахом. Немецкий канцлер на всех парах шел к военно-политическому союзу с Австро-Венгрией, заключенному в 1879 г. Россия представлялась ему ненадежным партнером, способным оказать серьезное сопротивление новой попытке разгромить Францию, как то произошло в 1875 г. Иное дело — Австрия, готовая идти пристяжной в упряжке с Германским рейхом, за что ее надлежало наградить.

Конгресс дал санкцию на оккупацию Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками. Многострадальное население этих провинций, поднявшее восстание, возжегшее Восточный кризис, поплатилось за это сменой одной чужеземной власти на другую. Жители встретили оккупантов с оружием в руках, тем пришлось силой устанавливать свое правление.

Главной жертвой конгресса стала Сан-Стефанская Болгария. Ее территория была сильно урезана, она лишилась выхода к Эгейскому морю, лишь ее северная (до Балканского хребта) часть обрела полноценную государственность в виде автономного княжества. Горчакову удалось добиться присоединения к нему округов Софийского и Варненского, располагавшихся к югу от гряды гор. Остальная Южная Болгария под именем Восточная Румелия получила лишь местное самоуправление во главе с губернатором-христианином. И все же считать Россию и балканские народы лишь жертвами учиненной над ними в Берлине расправы нет оснований, как и оценивать подписанный трактат как триумф Дизраэли, о чем тогда почти единодушно твердила британская пресса. В самой Великобритании появились отзывы о премьере не столь лестные, но зато куда более правдивые. В Форин-офисе возник переполох в связи с языковым вопросом. Дизраэли университета не кончал и французским языком в приличной степени не владел — так, нахватался кое-чего на бытовом уровне во время поездок в Париж. На английских дипломатических грандов угнетающе действовала мысль: что будет, если представитель могущественной Британии станет изъясняться на форуме на языке бакалейщика? К Дизраэли отправился лорд Одо Россел — убеждать премьера, что конгресс желает слушать выступления прославленного

[65] Канцлер А. М. Горчаков. М., 1998. С. 368.

оратора на его родном английском языке. Правда, возникает вопрос: а могли ли слушатели наслаждаться, слушая речь на неведомом языке? Но, видимо, тогда никто его не задал. Росселю удалось убедить премьер-министра, и в Берлине впервые английская речь стала языком дипломатического общения.

Следует сказать и о другом. Второе лицо в британской делегации, маркиз Р. Солсбери, оценивал роль своего шефа гораздо скромнее и реалистичнее, чем пресса. Он писал жене: «В дополнение к глухоте и незнанию французского языка, да еще при особенностях речи Бисмарка, лорд Биконсфилд имеет самое туманное представление о том, что же происходит, понимает все шиворот-навыворот, и ему повсюду мерещатся заговоры» [66]. Стоит сказать и об особенностях речи Бисмарка. «Железный канцлер», человек высокого роста и солидной комплекции, обладал тонким голосом. Он боялся зубных врачей, избегал прибегать к их услугам, к старости сохранил лишь остатки зубов и в разговоре отчаянно шепелявил.

Компетентность Дизраэли в обсуждаемых вопросах вызывала у второго делегата серьезные сомнения. Когда «два престарелых джентльмена», Горчаков и «Диззи», вздумали поднять проблему разграничения в Закавказье, встревоженный Солсбери молвил: «Лорд Биконсфилд не может вести переговоры, он в жизни своей не видел карты Малой Азии». Впрочем, эрудиция самого Солсбери не раз вызывала нарекания присутствовавших, а его менторская манера всех поучать влекла за собой их раздражение. Когда он вступил в защиту прав северокавказских народов, попираемых, по его словам, Россией, его попросили оные народы обозначить. Он завозился с бумажками на столе, но оказался не в состоянии назвать хотя бы один их них.

Итальянцы и французы держались на конгрессе скромно и малозаметно, с первыми еще мало считались, вторые еще не оправились от поражения в войне с пруссаками. Представлявший Австро-Венгрию Д. Андраши без труда заручился согласием на оккупацию Боснии и Герцеговины, что было обещано еще по Будапештской конвенции 1877 г. В остальном он ассистировал Солсбери в попытке лишить Россию плодов победы.

«Турецкая» делегация ничем себя не проявила. Беру само это слово в кавычки, потому что возглавлял ее грек Константин Каратеодори-паша; второй делегат — Мухаммед Али-бей, родом немец и дезертир из прусской армии Карл Детройт, за что Бисмарк открыто третировал бывшего соотечественника, а третий — Саадулах-бей — слыл горьким пьяницей. Б. Самнер уверял, что единственное, чем «турки» отличились на конгрессе, был прием в их посольстве. Некоторые сотрапезники запросили вторую порцию вкуснейшего плова [67]. В целом делегация держалась в тени британцев.

Балканские страны на конгрессе права голоса не получили, представителей Греции и Румынии выслушали, но к их доводам не прислушались. Державы, кроме России, констатировал Б. Самнер, «не проявили к ним сочувствия, им представлялось, что турки, хотя и побитые, все же способны в будущем сопротивляться русским. Бисмарк считал балканцев непричастными к европейской цивилизации. Дизраэли не находил слов, чтобы описать обстановку на значительной части Балканского полуострова, занятой Румынией, Сербией, Боснией Герцеговиной и другими провинциями». «Здесь царят политические интриги,

[66] *Seton-Watson R. W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. L., 1938. P. 437, 454.
[67] *Sumner B. H.* Op. cit. P. 610.

происходит непрекращающееся соперничество партий». Обнаружил он также «расовую ненависть, ограниченность враждующих религий и, главное, отсутствие верховной власти, которая могла бы держать эту немалую часть земного шара в состоянии, напоминающем порядок». Р. Солсбери излагал свои впечатления в письмах жене короче и вне связи с политикой: «Жара здесь стоит невероятная, место отвратительное, в Потсдаме — комары, здесь — малые страны. Не знаю, что хуже»[68]. Тем не менее представители всех этносов, за исключением болгар, явились в Берлин со своими претензиями. Румыны, И. К. Брэтиану и М. Когэлничану, выступили с меморандумом, в котором настаивали на сохранении Южной Бессарабии за своей страной, присоединении к княжеству Северной Добруджи и Дельты Дуная, выплате 100 млн франков возмещения за понесенные военные расходы. Притязания конгресс признал раздутыми, но лакомую Северную Добруджу страна получила. Глава греческого правительства Т. Делиянис хлопотал о присоединении к королевству острова Крит, Эпира, Фессалии и части македонских земель. Насчет Крита он получил отказ, но часть Эпира и Фессалию удалось приобщить к Греции (в 1881 г.). «Хотя на конгрессе в Берлине голос греческого правительства звучал шепотом, — писал Э. Кофос, — западная, и в первую очередь британская дипломатия использовала греческую карту для восстановления в Македонии и Фракии турецкого правления»[69]. Успешно действовал в закулисье конгресса Й. Ристич. Он вступил в переговоры с австрийцами. Князь Милан без ведома скупщины заключил с Веной торговое соглашение и фактически подчинил ее контролю внешнюю политику Сербии. Территориальные приобретения княжества по заключенному трактату выглядели солидно — 11 тыс. км^2 вместо 8 с лишним тыс., обещанных в Сан-Стефано. С крупным прибытком осталась Черногория, ее территория выросла вдвое, хотя и не в три раза, чего добился Игнатьев в Сан-Стефано. Зато берлинское решение предоставляло княжеству выход к Адриатическому морю с портом Бар на побережье.

Эти успехи вроде бы противоречат несомненному отсутствию у держав, за исключением России, всяких симпатий к «турецким христианам» и к укреплению их государственности. Но поставить крест на российских победах, пренебречь совершенно освободительным движением, выкинуть в корзину Сан-Стефанский договор конгресс не мог. Это означало бы подорвать позиции в регионе, а следовало их сохранить и, желательно, укрепиться в обретших права княжествах. Урезать отдельные положения Сан-Стефано — да, пустить его под нож целиком — нет. Россия на конгрессе похоронила все, что оставалось вредного и унизительного от Парижского мира 1856 г., вернула себе Южную Бессарабию, округлила свои владения в Закавказье за счет Карса, Ардагана и Батума. От Баязета пришлось отказаться, да и Батум достался с трудом — британцы, в нарушение майской 1878 г. договоренности с Шуваловым, решили оставить его Турции. В Берлине Шувалову не удалось отстоять эту позицию. Пришлось вмешаться А. М. Горчакову, который добился благоприятного решения вопроса в несколько смягченном варианте: Батум получил статус порто франко, открытого для торговли и не подлежавшего вооружению. Через несколько лет самодержавие об этих ограничениях забыло.

---

[68] *Sumner B. H.* Op. cit. P. 506, 533, 505, 554.

[69] *Jelavich B.* Op. cit. P. 54, 61.

Рухнула казавшаяся несокрушимой стена сопротивления держав обретению балканскими народами независимости. Сразу три страны — Сербия, Румыния и Черногория получили международное признание своего независимого статуса. В истории Балкан открылась новая эпоха.

Учиненная над Болгарией расправа, оккупация австрийцами Боснии и Герцеговины погрузили российскую общественность в скорбь. Канцлер А. М. Горчаков и его коллеги стали козлами отпущения за крушение несбывшихся надежд; троица — уверовали разочарованные соотечественники — променяла лавровый венок победителя на терновый венец мученичества. Глашатаем этих настроений выступил златоуст славянофилов И. С. Аксаков, выступивший с громовой речью перед московскими единомышленниками: «Западные дипломаты срывают с России победный венец» и водружают вместо него «шутовскую с гремушками шапку. Слово немеет, мысль останавливается перед этим колобродством дипломатических умов, перед этой грандиозностью раболепия». Похоже, хотя и не столь громогласно уничтожающе, писал М. Н. Катков в «Московских ведомостях»: «Россия находилась на подачу руки от Константинополя, она могла занять все господствующие позиции на Босфоре и Дарданеллах и обеспечить мир от враждебных покушений. Вместо этого по Берлинскому трактату сохранили на память о войне клочки заключенного ранее Сан-Стефанского договора» [70].

80-летний Горчаков тяжело переживал неудачу. Известен его обмен горькими репликами с Александром II: «Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере». «И в моей тоже», — гласила помета царя [71].

Эмоционально воспринимали вести из Берлина и в Англии, но не со скорбью, а с торжеством. Б. Дизраэли и Р. Солсбери провозгласили триумфаторами, королева удостоила их высокого ордена Подвязки, печать славословила их на уровне, по словам М. Н. Каткова, приличиями не допускаемом, прения в парламенте прошли под знаком восхваления. Диссонансом в них прозвучала речь лидера либеральной оппозиции у лордов графа Д. Грэнвилла. Он заметил: «Воистину, я понять не могу, неужели можно рассматривать Берлинский договор иначе, как предоставляющий России все то, что она хотела и желала получить» [72]. Грэнвилл спускал дискутантов на землю. Испокон веков принято было, подводя итоги войны, сравнивать то, что было до нее, с тем, что стало после. В 1878 г. традицию нарушили, стороны сравнивали (российская с печалью, британская с ликованием) Берлинский трактат со Сан-Стефанским договором, подписанным в обстановке упоения победами и враждебно встреченным не только на Западе, но и в Сербии, Румынии, Греции, т. е. в самых организованных государствах полуострова, и в Албанских землях. Сан-Стефанский акт не сплачивал, а разъединял Балканы. По этой причине он не мог обеспечить стабильности и прочного мира в регионе и имел мало шансов на длительное существование. Если же вернуться к году 1877, то следует сказать, что цели войны были сформулированы скромно и реалистично, образования большого государства на Балканах вообще не предусматривали. Никаких заоблачных мечтаний, возникших позже под

[70] *Аксаков И. С.* Речь, произнесенная в Московском славянском благотворительном комитете. Берлин, 1878. С. 6, 8, 20; *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». СПб., 1899. С. 123.

[71] *Чернов С. Л.* Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875—1878 г. М., 1984. С. 116.

[72] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 79. Л. 431.

опьяняющим воздействием торжества на поле боя. Если вернуться к традиции и обратиться к довоенной ситуации, то от уничижительной оценки итогов войны не останется и следа. Граф Д. Грэнвилл говорил истину, Россия получила все, что тогда хотела и желала. И еще одно замечание: минуло более 130 лет с той поры, но ни разу не промелькнуло даже проблеска надежды на сооружение конструкции, подобной Сан-Стефанской.

Что было до? Болгария в крови и развалинах. Сербия разгромлена войсками Османа-паши, будущего защитника Плевны. Босния и Герцеговина — восстание на грани агонии. Румыния — провал попыток добиться независимости, закамуфлированной под индивидуальность. Восстановление власти Порты на Балканах — лишь вопрос времени. И прозябание на полуострове.

Что стало после? Через 34 года произошло то, о чем предки не грезили даже в сладких мечтаниях. Сербы, болгары, черногорцы, греки самостоятельно разгромили армию Османской империи. И долгий путь к победе начался 13 июля 1878 г., в день подписания Берлинского трактата, принесшего трем княжествам независимость и позволившего болгарам восстановить порушенную почти за полтысячелетия до того государственность. Противоестественный раздел страны на две части рухнул через несколько лет.

Закончилась в пользу России «большая игра» европейской политики, как тогда именовалось противоборство Великобритании и России по периметру границ последней от Дуная до Афганистана.

Испустила дух доктрина статус-кво, предусматривавшая сохранение власти и влияния Османской империи в Юго-Восточной Европе, восторжествовал российский курс на восстановление здесь в полном объеме государственности христианских народов, в первую очередь славян. Форин-офис так увлекся сведением счетов с самодержавием, что прозевал появление грозного соперника в лице второго Германского рейха [73], начавшего «Дранг нах Зюд Остен» силами капитала и военщины. Влияние самой Великобритании в регионе покатилось вниз. Никаких надежд на инкарнацию в любом виде пресловутой доктрины не появлялось, это признавал даже Р. Солсбери. Лондон ограничил заботы о сохранении Османской державы ее азиатской частью, заключив для сего договор с султаном Абдул-Хамидом. Форпост защиты интересов Британской империи переместился из зоны Черноморских проливов к Суэцкому каналу.

Османская империя получила удар, от которого оправиться уже не смогла. Отмерло ее владычество на большей части Балканского полуострова. Американский историк турецкого происхождения Кемал Карпат подразделяет историю страны на два этапа — имперский и национальный, считая 1878 г. водоразделом между ними: «Оттоманско-русская война 1877—1878 гг. нанесла смертельный удар по традиционному Оттоманскому государству и открыла дорогу для развития турок как национальной группы со своим политическим лицом» [74]. В связи со стремительным ослаблением Турецкой державы резко снизилось значение Восточного вопроса в судьбах Европы, под ним стали понимать соперничество держав.

Что касается балканского государственного строительства, Россия добилась главного, чему державы противились всеми силами и доступными средствами, — международного признания государственной независимости Сербии, Румынии

---

[73] В пороховом погребе Европы. М., 2003. С. 70—75.

[74] *Karpat K.* South Eastern Europe (Arizona State University). 1978. V. 5. № 1. P. 2.

и Черногории. Их быстрое развитие ознаменовалось провозглашением королевства в Румынии в 1881 г., в Сербии в 1882 г. Черногория задержалась и получила этот статус в 1910 г. Противоестественному разделению Болгарии на две части уже современники прочили краткое существование. В 1885 г. Восточная Румелия влилась в княжество Болгария, порвавшее связи с Высокой Портой и ставшее царством в 1908 г. Так выглядел Берлинский трактат в исторической перспективе.

Современники происходивших изменений не оценили. Они сравнивали берлинские решения не с тем, что существовало до войны, а с тем, чему быть надлежало по их мнению. Всяк толковал запутанную балканскую историю к своей выгоде, планы национального объединения составлялись с налетом великодержавия.

После торжества на поле боя Россия ощутила весь драматизм международной изоляции. У нее, по словам Александра III, осталось два союзника: ее армия и ее флот. Самодержавию было впору воскликнуть: «Горе победителю!» Но даже в 1878 г. в России раздавались отдельные голоса, призывавшие не приходить в отчаяние, а трезво и без ориентации на недостижимые цели оценить положение. В августовской книжке журнала «Вестник Европы» появилась статья, автор которой доказывал, что на Берлинском конгрессе Россия не потерпела поражения, достигнуто многое, раздел Болгарии долго не продлится, некоторые статьи Сан-Стефанского договора следует отменить по причине их полной нереальности[75]. Продуманно и аргументировано ту же точку зрения выразил общественный деятель и публицист Б. Н. Чичерин, дядя будущего советского наркома по иностранным делам, в записке, найденной в бумагах императрицы Марии Александровны после ее смерти. Автор с порога отметал славянофильские внешнеполитические завихрения: ни один здравомыслящий русский не думает о завоевании и присоединении к себе Константинополя. Такое решение было бы не усилением, а ослаблением России. Центр тяжести переместился бы с севера на юг, в нерусские земли. Если Россия должна остаться Россией, она не может сойти со своего места и стать у Средиземноморья (здесь — помета Александра II: «Совершенно справедливо»). Разрушать Османскую империю, полагал Чичерин, еще несвоевременно, возникнут бесчисленные трудности от незрелых народов со сталкивающимся интересами, с чем соединилось бы неизбежное соперничество держав. И, действительно, в 1885 г. разразилась война Сербии и Болгарии, и европейскому ареопагу пришлось мирить драчунов, так что Чичерин предвидел превращение Балкан в пороховой погреб Европы. Учитывая это, полагал он, следует не дергаться и не спешить, а подождать, пока дряхлое тело Турции развалится само по себе. Нашел он слова утешения и поддержки для ставшей без вины виноватой дипломатической троицы: «Государственные люди, заключившие Берлинский трактат, несомненно, потеряли в России популярность, но они имеют право на благодарность всякого русского человека»[76].

Между берлинскими решениями и расчетами основного российского соперника, кабинета Ее Величества королевы Виктории — дистанция огромного размера. Даже примиритель, граф Э. Дерби, отвергал создание малой Болгарии, считая это предвестником гибели Османской империи. Маркиз Р. Солсбе-

[75] Цит. по: *Хевролина В. М.* Власть и общество 1878—1914. М., 1999. С. 214.

[76] Политика. Дипломатия в XVI—XX вв. М., 1964. С. 414, 418, 415.

ри в своем меморандуме от 1 апреля 1878 г. выступал против предоставления Болгарии выхода к Черному морю, возвращения России Южной Бессарабии, присоединения к ней Батума. Тогдашним VIP-персонам в Лондоне и Вене даже в кошмарных сновидениях не приходила в голову мысль о предоставлении независимости Сербии, Румынии и Черногории. Расчеты полетели кувырком. И уж делом дипломатического искусства было выдать достигнутый в Берлине компромисс за свою блистательную победу.

В России дурная слава трактата изживалась долго и мучительно трудно. Сейчас в исторических трудах утвердились взвешенные и здравые оценки. По словам академика А. Л. Нарочницкого, «западным державам удалось ослабить, но не зачеркнуть результаты русско-турецкой войны и освободительного движения балканских народов». К. Б. Виноградов свидетельствовал: «Британия и Австро-Венгрия не смогли существенно изменить условия Сан-Стефано, которые касались непосредственно России. Берлинский трактат, в сущности, явился гигантским компромиссом». Близка к ним в своих выводах Барбара Елавич: «Сравнивая его (результаты) с сумасбродными устремлениями панславистов, они, конечно, не являются дипломатической победой, но сомнительно, чтобы при сложившихся обстоятельствах можно было добиться большего» [77]. В суждениях нет противопоставления одного акта другому, Сан-Стефанский договор — звено в процессе мирного урегулирования, позволившее в ряде случаев поставить конгресс перед наличием договоренности с Турцией.

Отечественные средства массовой информации, похоже, за прошедшие 130 с лишним лет с места не сдвинулись и по-прежнему пребывают в упоении от творения Н. П. Игнатьева. Выходящий массовым тиражом журнал «Вокруг света» утверждает: «Финал. Сан-Стефанский триумф, Берлинский позор» [78].

Язык не поворачивается клеймить позором договор, перечеркнувший последние тяжелые для России итоги Крымской войны, вернувший ей Южную Бессарабию, позволивший ей присоединить некоторые территории в Закавказье, признавший государственную независимость Сербии, Румынии и Черногории, восстановивший после почти пятисотлетнего перерыва государственность болгарского народа, нанесший Османской империи удар, от которого она уже не оправилась, похоронивший доктрину статус-кво, с помощью которой она держалась на ногах под сенью своих покровителей во главе с Великобританией, перекроивший всю систему защиты британских интересов, перенесший ее центр из зоны Черноморских проливов к Суэцкому каналу. Наступила новая эпоха в истории полуострова, первую скрипку в ней стали играть сами балканские народы.

---

[77] *Нарочницкий А. Л.* Берлинский конгресс, Россия и южные славяне // Новая и новейшая история. 1979. № 2. С. 83; *Виноградов К. Б.* Мировая политика 60—80-х гг. XIX в. Л., 1991. С. 131; *Jelavich B.* A Century of Russian Foreign Policy 1814—1914. Philadelphia-N. Y. 1964. P. 185.

[78] Вокруг света. Апрель 2007. С. 109.

Заключение

Берлинский трактат 1878 г. был встречен российской общественностью со скорбью, его сочли крупным провалом отечественной дипломатии. И Александр II, и князь А. Н. Горчаков оценили конгресс как самое печальное событие в своей карьере. Несомненно, что учиненная в Берлине расправа над Сан-Стефанской Болгарией сыграла немалую роль в подобной оценке. Территориально произошло безжалостное сжатие, страна делилась на две части: на севере, до Балканского хребта плюс София и Варна к югу от него — княжества с широкой автономией, юг был переименован в Восточную Румелию и остался под турецкой властью.

Но значение каждого исторического события определяется не настроениями общественности, какими бы праведными они ни были. Судьей выступает история. Только она позволяет взвесить и оценить перспективы развития балканских народов после конгресса. Итоги впечатляют. За 30 с небольшим лет их государства настолько окрепли, что в Первой балканской войне 1912 г. вооруженные силы Болгарии, Сербии, Греции и Черногории за один месяц наголову разгромили турецкую армию. Конгресс склонился перед волей России и признал государственную независимость Сербии, Черногории и Румынии. До этого все державы отвергали саму мысль о подобном решении. Но бросить вызов победоносной России не решился никто. А сие означало полную перекройку баланса сил на полуострове. Отныне не Османская империя, а христианские государства задавали здесь тон. Турецкая империя покатилась далее к своему развалу, что и произошло после Первой мировой войны.

Не меньшее, а даже большее воздействие оказала война 1877—1878 гг. на развитие общеевропейских геостратегических процессов. Рухнула направленная против России вековая доктрина статус-кво — сохранения на Балканах власти и влияния Турецкой империи. Сохранять стало просто нечего. Британская дипломатия спохватилась, что, направив все силы против России, она проспала невиданные изменения в Германской державе. В 1897 г. рейхстаг Германии принял судьбоносное решение: предоставил кредит на строительство большого флота, способного бросить вызов владычице морей.

Режим Луи Наполеона во Франции отчаянно цеплялся за Парижский мирный договор 1856 г., его постылую для России статью о запрете держать флот на Черном море. Статья, по сути, была бессмысленной: Босфор и Дарданеллы — узкие протоки, по обеим берегам каждого дислоцированы сотни турецких орудий. Ни один флот, даже самый могучий, не был способен прорваться через них. Артиллеристы могли зажмурясь расстреливать в упор тяжелые броненосные суда. Лишать Россию флота в Севастополе не имело смысла. Расплатился Париж за свою политику страшной ценой: в 1870 г. в войне с Пруссией Франция потерпела поражение, равное национальной катастрофе, и лишилась провинций Эльзаса и Лотарингии. У Франции не оказалось ни союзников, ни друзей. Никто не подал ей руку помощи.

Избавить Францию от подобного бедствия могла одна Россия — но, разумеется, при другой политике Парижа. А там наступило мучительное пере-

осмысливание прошлого, был взят курс на сближение с Россией. Характерно, что в 1877—1878 гг. Франция не примкнула к антироссийской группировке Турция — Великобритания — Австро-Венгрия — Румыния. Президент республики заявил: Париж сохранит нейтралитет. В России Франция обрела сторонника в лице самого императора Александра III. От мысли об установлении в Европе гегемонии Пруссо-Германии ему было не по себе. После отставки и смерти «железного канцлера» высокий пост занял кавалерийский генерал Л. Каприви, легко расставшийся с наследием осторожного предшественника. Принятое втайне решение не останавливаться перед войной одновременно с Россией и Францией делало ситуацию особенно опасной. Александр III выступал продуманно и логично: все же надо поторопиться со сколачиванием коалиции двух стран, чтобы не позволить разбить их поодиночке. Высказывания царя становились все решительнее и решительнее: «Сговориться с французами и, в случае войны между Францией и Германией, тотчас же броситься на немцев, чтобы не дать им времени разбить сначала Францию, а потом броситься на нас». Стародумы от политики, сторонники ориентации на Союз трех императоров, были ошарашены. Министр иностранных дел Н. К. Гирс даже поворчал в узком кругу почти про себя: «Его императорское величество молол такой вздор, проявлял дикие инстинкты» [1]. Но тот же Гирс в своем официальном статусе воплотил дикие инстинкты в жизнь, проведя переговоры с французской стороной и заключив с ней пакт о военно-политическом союзе на основе полного равноправия.

Личность царя накладывала отпечаток на государственную деятельность. Его державной воле не мог перечить никто. Осуществляли ее министры-исполнители, Гирс в том числе. И не анекдот это, а правда: когда министр отправлялся на доклад к императору, его помощник шел в Божий храм, чтобы способствовать успеху аудиенции. На том гегемония австро-германского блока в Европе завершилась.

Пришло время сдвига и в англо-российских отношениях, в которых появилась амурная нить. Наследник — цесаревич Николай Александрович предложил руку и сердце Гессенской принцессе Алисе, приходившейся внучкой королеве Виктории и воспитывавшейся при британском дворе. Летом 1891 г. Кронштадт посетила французская эскадра. Встречали моряков торжественно и пышно, но в то же время тепло и дружески. Приемы и обеды следовали один за другим, группа моряков посетила и первопрестольную столицу. Все это выходило за рамки обычных представлений об обмене любезностями. Во французской печати появились упоминания о «кронштадтском годе». Никогда еще корабельный визит не объявлялся центральным событием мирового значения. Но пресса не впадала в преувеличения. Обмен салютами в Кронштадте являлся внешним проявлением стремления двух стран к тесному военно-политическому сотрудничеству.

Англичане зорко следили за сближением Парижа и Петербурга и делали из него далеко идущие выводы. В марте 1892 г. морские лорды составили записку на имя премьер-министра маркиза Солсбери, который на ее основе подготовил меморандум для кабинета. По содержанию своему он ставил крест на всей прежней британской политике на Ближнем Востоке. Врываться в Черноморские проливы становится отныне опасным, констатировал премьер-министр. Можно очутиться между возрождаемым российским Черноморским флотом

[1] *Ламсдорф В. Ф.* Дневник. 1891 г. М.; Л., 1996. С. 290.

и подтянутой к Дарданеллам французской эскадрой и оказаться в мешке. Формирующийся франко-российский союз уже влиял на британские политические умы. Сорок лет защита Константинополя являлась основой британской политики на Востоке. Продолжение ее стало невозможно, а потому и недопустимо. Уже публично стали раздаваться выступления, прежде совершенно немыслимые. Первый лорд адмиралтейства Л. Гошен заявил в парламенте под аплодисменты: «Мы свободны от каких-либо обязательств по ее (Турецкой империи. — *В. В.*) сохранению». Влиятельный министр колоний Дж. Чемберлен полагал, что следует вместе с Россией «прекратить состояние банкротства, в котором пребывает больной человек» [2]. Кайзер Вильгельм попытался было возродить в Петербурге подозрение в отношении Британии. Он сообщил о наличии у входа в Дарданеллы английской эскадры в 18 вымпелов, вполне способной проникнуть в Черное море. Но на сей раз запугивание не подействовало.

Настала пора разомкнуть уста и во внешних британских сношениях. Наиболее удобный случай представился во время встречи Николая II с маркизом Солсбери ранней осенью 1896 г. в Балморале, королевской резиденции в Шотландии. Возможно, Солсбери побудило вступить в разговор то обстоятельство, что в 1895 г. морские лорды повторили свой тревожный демарш перед кабинетом. Во время свидания маркиз сформулировал британскую позицию, обдумывая каждое слово и представляя ее как свою личную. России не следует прибегать к захватам, но, «если Франция, Австрия и Италия отнесутся благоприятно к установлению контроля России над Проливами, Англия не станет упорствовать в одиночку в своих возражениях, а займется поисками соответствующей договоренности» [3]. Однозначной оценки встреча в Балморале не получила ни в Великобритании, ни в России. Пессимисты не придавали ей большого значения: никаких документов не подписано, никаких обязательств не принято. Поговорили и разошлись. Оптимисты подчеркивали: можно, по крайней мере, сказать, что вето на переговоры о Проливах снято. Дальнейшие события подтверждают справедливость оптимистической оценки результатов свидания. Произошло изменение в трактовке важнейших геостратегических проблем. Никто раньше не мог даже предположить, что через 12 лет Великобритания станет союзником России. Крестным отцом Сердечного согласия — Антанты — станет английский король Эдуард VII. В молодости у него сложилась репутация плейбоя, гуляки, незадачливого студента, доставлявшего много хлопот своему заботливому отцу принцу Альберту. Но на престол он вступил пожилым человеком, обзаведясь обширными и полезными связями в дворцовых, аристократических и финансовых кругах Европы. Лютая ненависть к племяннику, кайзеру Вильгельму II, придавала ему энергию и силы для борьбы. Именно его свидания с французским президентом в 1904 г. и с Николаем II в 1907 г. предшествовали подписанию официальных актов о создании Антанты. Встречу в Балморале можно считать отправной точкой этих великих событий.

Что же касается Балкан, то историческим итогом войны 1877—1878 гг. здесь стали изменения европейского масштаба. Сербия по Берлинскому трактату 1878 г. увеличила свою территорию на 11 тыс. км^2, Черногория — вдвое, Греция приобрела провинцию Фессалия и часть Эпира, Румыния — Северную Добруджу, северная часть Болгарии получила широкую автономию. Впрочем,

---

[2] *Bourne K.* The Foreign Policy of Victorian England. Oxford, 1979. P. 430, 433.

[3] *Popadopoulos G. S.* England and the Near East 1896—1898. Thessaloniki, 1969. P. 91—97.

противоестественный раздел Болгарии на две части не выдержал испытания временем и рухнул уже через 10 лет. Показательно, что никаким международным кризисом объединение Болгарии не сопровождалось.

Однако, вопреки приобретениям, все балканские народы остались в итоге недовольны результатами раздела османского наследства. И тут, обращаясь к суровой действительности, мы должны признать, что даже чисто теоретически невозможно начертить демаркационную линию, которая удовлетворила бы всех.

История распорядилась так, что этносы на Балканах располагались чересполосно. Ситуация осложнялась их длительным проживанием на территории различных государственных образований. Кроме того, в балканской ментальности существовала традиция не скромничать в определении численности своего народа, а национальные программы обнаруживали склонность к приписыванию себе земель соседей. Последнее обстоятельство создавало дополнительные сложности при создании коалиций.

В 1913 г. великий союз балканских народов прекратил существование, его участники перессорились и передрались друг с другом. Вторая балканская война получила название Межсоюзнической, за Балканами укрепилось название порохового погреба Европы. Но тени не должны заслонять свет и умалять великие свершения на Балканах, ставшие итогом последней русско-турецкой войны.

URSS.ru URSS.ru URSS.ru URSS.ru

Представляем Вам следующие книги:

URSS

Археология

✓ *Щапова Ю. Л.* **Археологическая эпоха.**
✓ *Щапова Ю. Л.* **Византийское стекло. Очерки истории.**
✓ *Кокорина Ю. Г., Лихтер Ю. А.* **Морфология декора.**
✓ *Алексеева Е. М.* **Античный город Горгиппия.**
✓ *Мурашева В. В.* **Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.).**
✓ *Флерова В. Е.* **Граффити Хазарии.**
✓ *Исланова И. В.* **Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья.**
✓ *Рындина Н. В.* **Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы.**
✓ *Демиденко С. В.* **Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.).**
✓ *Ганевская Э. В., Дубровин А. Ф., Огнева Е. Д.* **Пять семей Будды. Металлическая скульптура северного буддизма IX–XIX вв. из собрания ГМВ.**
✓ *Муриан И. Ф.* **Китайская раннебуддийская скульптура IV–VIII вв.**
✓ *Даркевич В. П.* **Художественный металл Востока VIII–XIII вв.**
✓ *Даркевич В. П.* **Путями средневековых мастеров.**
✓ *Даркевич В. П.* **Путешествие в древнюю Рязань: Увлекательные очерки по археологии.**
✓ *Даркевич В. П.* **Народная культура Средневековья: Пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв.**
✓ *Даркевич В. П.* **Художественное ремесло средневекового Запада (X–XIV вв.).**
✓ *Чекалова А. А., Даркевич В. П.* **Культура Византии. IV–XII вв.**
✓ *Амосов А. А.* **Лицевой летописный свод Ивана Грозного.**
✓ *Гришин И. В., Клещинов В. Н.* **Каталоги русских средневековых монет.**
✓ *Пономарев А. Л.* **Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи.**
✓ *Фролова Н. А., Абрамзон М. Г.* **Римские монеты в собрании государственного исторического музея. Каталог.** Ч. I, II.
✓ *Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В.* **Клады античных монет на юге России.**

История России

✓ *Пушкин А. С.* **История Пугачева: Замечания о бунте.**
✓ *Даль В. И.* (*Казак Луганский*). **Об Уральском казачьем войске.**
✓ *Снегирев И. М.* **Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве.**
✓ *Снегирев И. М., Токмаков И. Ф.* **Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря.**
✓ *Снегирев И. М., Мартынов А. А.* **Путеводитель из Москвы в Троице-Сергиеву лавру.**
✓ *Снегирев И. М.* **Русские в своих пословицах.**
✓ *Иллюстров И. И.* **Юридические пословицы и поговорки русского народа.**
✓ *Плотников А. Ю.* **Русская дальневосточная граница в XVIII – первой половине XX в.**
✓ *Ельянов Е. М.* **Иван Грозный — созидатель или разрушитель?**
✓ *Кистерев С. Н.* (ред.) **Очерки феодальной России.** Вып. 1–8.
✓ *Есаков В. А.* **Очерки истории географии в России как науки. XVIII – начало XX века.**
✓ *Тимошина Л. А.* (ред.) **Архив гостей Панкратьевых XVII – начала XVIII в.**
✓ *Данилевский И. Н.* **Смысловые уровни повести временных лет.**
✓ *Сенчакова Л. Т.* (ред.) **Приговоры и наказы крестьян Центральной России. 1905–1907.**
✓ *Кульпин Э. С.* **Русь между Западом и Востоком: Билингва (польский—русский).**
✓ *Хорошкевич А. Л.* **Русь и Крым: От союза к противостоянию.**
✓ *Ковалевская С. В.* **Воспоминания детства. Нигилистка.**
✓ *Цимбаева Е. Н.* **Русский католицизм. Идея всеевропейского единства в России XIX в.**
✓ *Цимбаева Е. Н.* **Исторический анализ литературного текста.**
✓ *Юртаева Е. А.* **Государственный совет в России (1906–1917 гг.).**
✓ *Рудницкая Е. Л.* **Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года.**
✓ *Чехов А. П.* **Осколки московской жизни: Цикл фельетонов о Москве.**
✓ **Жизнь в свете, дома и при дворе.** Правила этикета для России конца XIX века.

URSS.ru URSS.ru URSS.ru URSS.ru

URSS.ru URSS.ru URSS.ru URSS.ru

Представляем Вам следующие книги:

URSS

История СССР

✓ *Лысков Д. Ю.* **Великая русская революция: 1905–1922.**
✓ *Никаноров Г. Л.* **Надрыв: Правда и ложь отечественной истории XX века.**
✓ *Робертс Дж.* **Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю.**
✓ *Михалева В. М. и др.* (ред.) **Реввоенсовет Республики. 1920–1923.**
✓ *Белик Ю. А.* **Десять причин краха СССР.**
✓ *Кирьянов Ю. И. и др.* (ред.) **Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг.**
✓ *Безнин М. А., Димони Т. М.* **Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов.**
✓ *Казьмин М. А.* **Земельные реформы в России (XIX–XX вв.): Уроки пройденного пути.**
✓ *Гришина Р. П.* (ред.) **Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции.**
✓ *Джохадзе Д. В., Косолапов Р. И.* (ред.) **Сталин и современность: Великой Победе Советского народа — великое продолжение.**

✓ *Кульпин Э. С.* **Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России.**
✓ *Кульпин Э. С.* **Восток: Природа—технологии—ментальность на Дальнем Востоке.**
✓ *Кульпин Э. С.* **Золотая Орда: Судьбы поколений.**
✓ *Кульпин Э. С.* **Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства.**
✓ *Кареев Н. И.* **Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох.**
✓ *Аландский П. И.* **История Греции.**
✓ *Бадмаев П. А.* **За кулисами царизма: Архив тибетского врача Бадмаева.**
✓ *Барский Л. А.* **Корни и лики террора.**
✓ *Барский Л. А.* **Сталин: Портрет без ретуши.**
✓ *Бестужев-Рюмин К. Н.* **О том, как росло Московское княжество и сделалось русским царством.**
✓ *Вегеле Ф.* **Данте Алигьери: Его жизнь, сочинения и политическая теория.**
✓ *Гавров С. Н.* **Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России.**
✓ *Гено А., Томич.* **Павел I: Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр.**
✓ *Добиаш-Рождественская О. А.* **Крестом и мечом: Приключения Ричарда I Львиное Сердце.**
✓ *Егоров В. Л.* **Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.**
✓ *Морган Ж. де.* **Доисторическое человечество: Общий очерк доисторического периода.**
✓ *Ингрэм Дж.* **История рабства от древнейших до новых времен.**
✓ *Каннингем У.* **Западная цивилизация с экономической точки зрения: Средние века и Новое время.**
✓ *Каргалов В. В.* **Народ-богатырь: История военных нашествий на Русь. IV–XIV вв.**
✓ *Каргалов В. В.* **Свержение монголо-татарского ига.**
✓ *Каргалов В. В.* **Конец ордынского ига.**
✓ *Карнович Е. П.* **Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими.**
✓ *Клейменов Г. Н.* **Ануннаки. Творцы жизни на Земле и учителя человечества: Исследование мифов, легенд и летописей.**
✓ *Леер Г. А.* (ред.) **Обзор войн России от Петра Великого до Наполеона.**

Тел./факс:
+7 (499) 724-25-45
(многоканальный)

E-mail:
URSS@URSS.ru
http://URSS.ru

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«НАУКУ — ВСЕМ!» (м. Профсоюзная, Кахимовский пр-т, 56. Тел. (499) 724-2545)
«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)
«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
«Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, (495) 780-3370)
«Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
«Дом книги на Ладожской» (м. Бауманская, ул. Ладожская, 8, стр. 1. Тел. (495) 267-0302)
«Санкт-Петербургский Дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)
«Книжный бум» (г. Киев, книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8 (павильон «АкадемКнига»). Тел. +38 (067) 273-5010)
Сеть магазинов «Дом книги» (г. Екатеринбург, ул. Антона Валека, 12. Тел. (343) 253-5010)

URSS.ru URSS.ru URSS.ru URSS.ru

URSS.ru URSS.ru URSS.ru URSS.ru

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

URSS

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

✓ *Макарова И. Ф.* **Болгарский народ в XV–XVIII вв. (этнокультурное исследование).**
✓ *Макарова И. Ф.* **Болгары и Танзимат.**

✓ *Капто А. С.* **Нацизм и «либеральный антисталинизм»: Отпор фальсификаторам истории.**
✓ *Капто А. С.* **Пакт Молотова—Риббентропа: мистификации или реальность?**
✓ *Труш М. И.* **От политики революционной борьбы к победам на дипломатическом фронте: Жизненный путь Александры Коллонтай.**
✓ *Шубин А. В.* **Великая испанская революция.**
✓ *Солано В.* **Против Франко, против Сталина: Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ) в испанской революции и гражданской войне (1936–1939).**
✓ *Бузгалин А. В.* (ред.) **СССР. Незавершенный проект.**
✓ *Вершинин А. А.* **Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): К истокам французского коммунистического движения.**
✓ *Красняк О. А.* **Всемирная история. Единое представление о закономерностях исторического развития стран Запада и Востока с древнейших времен до наших дней.**
✓ *Васильев Ю. А.* **Теория и методы в русской исторической школе.**
✓ *Репина Л. П.* **«Новая историческая наука» и социальная история.**
✓ *Гринин Л. Е., Коротаев А. В.* **Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы: Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.**
✓ *Гринин Л. Е.* **От Конфуция до Конта: Становление теории, методологии и философии истории.**
✓ *Ильичев А. Т.* **Справочник по русской истории: Киевская Русь. IX–XII вв.**
✓ *Ильичев А. Т., Ляшенко А. Г.* **Справочник по русской истории: Южнорусские княжества. Владимирская Русь.**
✓ *Крих С. Б.* **Образ древности в советской историографии.**
✓ *Герасимов Г. М.* **Новый взгляд на теоретическую историю: От мифа к реальной истории.**
✓ *Назаретян А. П.* **Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии.**
✓ **Беглецы: Исторические рассказы об известнейших бегствах из тюрем и других мест заключения.**
✓ *Кинк Х. А.* **Египет до фараонов: По памятникам материальной культуры.**
✓ *Кинк Х. А.* **Как строились египетские пирамиды.**
✓ *Батшев Д. А.* **Священная война в контексте Крестовых походов.**
✓ *Турчин П. В.* **Историческая динамика: На пути к теоретической истории.**
✓ *Велльгаузен Ю.* **Введение в историю Израиля.**
✓ *Виноградов В. Н.* (ред.) **История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны).**
✓ *Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю.* (ред.) **О причинах Русской революции.**
✓ *Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Божевольнов Ю. В.* **Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны.**

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел. **+7 (499) 724–25–45 (многоканальный)**
или *электронной почтой* URSS@URSS.ru
Полный каталог изданий представлен
в *интернет-магазине:* http://URSS.ru

Научная и учебная литература

URSS.ru URSS.ru URSS.ru URSS.ru

ТЕЛЕФОН/ФАКС (многоканальный)
+7 (499) 724–25–45

От м. Профсоюзная:

8 мин. пешком
или одна остановка
наземным транспортом:

автобусы № 67, 67к, 130;

троллейбус № 49

до остановки
«Ул. Ивана Бабушкина»

От м. Университет:

трамваи № 14, 39
до остановки
«Черемушкинский рынок»;

трамваи № 22, 26
до остановки
«Ул. Вавилова»;

автобусы № 67, 67г, 130;
троллейбус № 49
до остановки
«Ул. Ивана Бабушкина»

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
URSS

КНИЖНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ

НАУКУ — ВСЕМ!

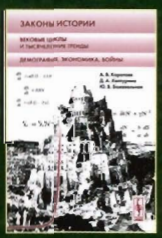
Москва, Нахимовский пр-т, 56

ТЕЛЕФОН/ФАКС
+7 (499) 724-25-45
(многоканальный)

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Приглашаем посетить наш выставочный зал, где в полном объеме представлены ВСЕ КНИГИ издательской группы URSS. Также у нас Вы найдете превосходный подбор книг других научных издательств по гуманитарным, естественным и точным наукам по ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫМ ЦЕНАМ. Здесь в спокойной обстановке Вы сможете ознакомиться с нашей продукцией и при желании приобрести заинтересовавшие Вас издания.

Наше издательство предлагает следующие книги:



11017 ID 167001

9 785396 004740 >

Издательская группа URSS

Каталог изданий в Интернете:
http://URSS.ru

E-mail: URSS@URSS.ru

117335, Москва, Нахимовский проспект, 56

Телефон / факс (многоканальный) +7 (499) 724 25 45

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги на сайте http://URSS.ru